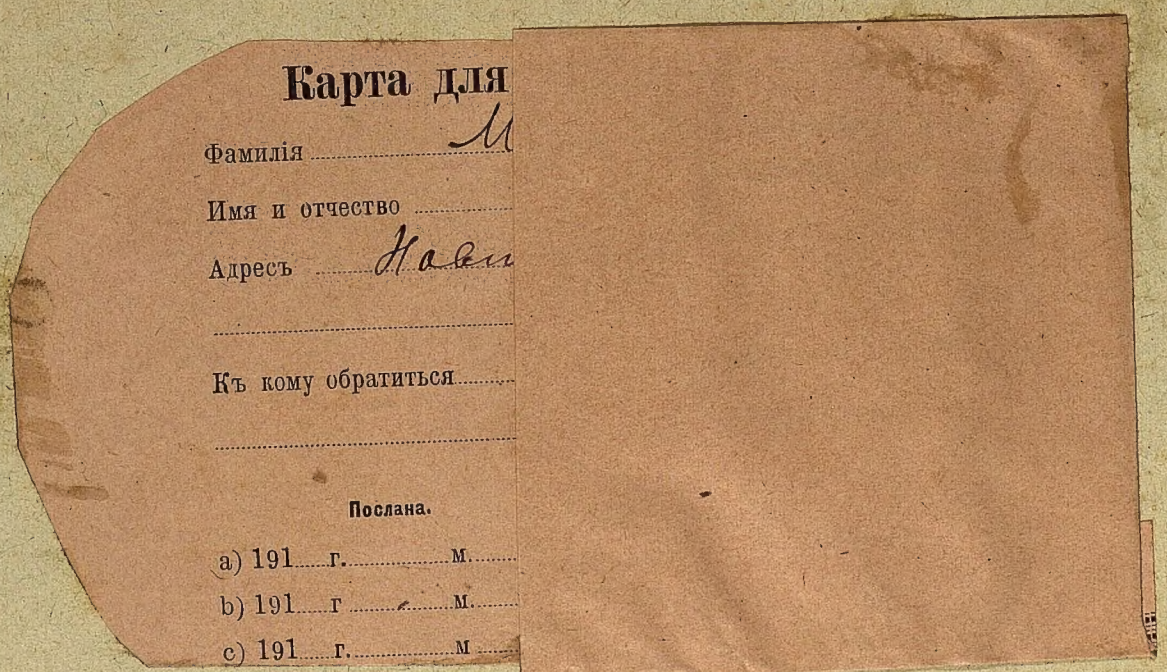

Карта для

Фамилія

Имя и отчество

Адресъ

Къ кому обратиться

Послана.

a) 191 г. м.

b) 191 г. м.

c) 191 г. м.

~~141 354~~
~~23 III 436~~
12 4 12 44

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 8.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

АВГУСТЪ, 1909.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1909.

СТР.

АНГЛІЙСКАЯ ГЕЛІОГРАВЮРА: Л. Н. ТОЛСТОЙ.

I.—ЦАРИЦА-ПРИСЛУЖНИЦА.—Новонайденная трагедія Еврипида.—VII-XI.—Окончаніе.—**Ѳ. Ф. Зѣлинскаго** 449

II.—ОБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПРЕСТУПНОСТИ.—**В. Бехтерева** 474

III.—ПОЭЗІЯ СВИНБЕРНА.—I-II.—**Н. Васильева** 507

IV.—ПЕРВАЯ СМѢНА.—V-X.—**С. А. Холщевникова** 524

V.—ИЗЪ Л. МАРСОЛЛО.—Стих. **Вл. Лихачова** 574

VI.—ВЛІЯНІЕ СОСТАВА ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ЗЕМСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.—I-VIII.—**П. Чижевскаго** 575

VII.—НЕНАЙДЕННОЕ.—I-XII.—**С. Караскевича** 595

VIII.—ИЗЪ СТЭФЕНА ФИЛЛИПСА.—Стих. **Л. Андрусона** 624

IX.—ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА КЪ ДОКТОРУ И. Ѳ. МИНЦКОМУ.—Сообщ. **И. А. Линниченко** 626

X.—ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ ВЪ ОДИНОЧНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ.—Изъ тюремныхъ замѣтокъ.—**Виктора Обнинскаго** 639

XI.—НОВОЕ ТЕЧЕНІЕ ВЪ АМЕРИКАНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ.—**П. А. Тверского** 671

XII.—Я УБИЛЪ!—Разсказъ Владислава Ст. Реймонта.—Съ польскаго **Л. П.** 679

XIII.—СЕБАЛЬДУСЪ РЮМПЕЛЬ.—Разсказъ Георга Гиршфельда.—Съ нѣмец. **Р. Л.** 714

XIV.—СПОРЫ О СУЩНОСТИ МАРКСИЗМА.—**Л. Слонимскаго** 731

XV.—ХРОНИКА.—ИТОГИ ССЫЛКИ.—Политическіе ссыльные въ Тобольской губерніи.—**Ан. Орловскаго** 746

XVI.—ДВА ВОПРОСА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.—I-II.—**Н. А. Крюкова** . . 754

XVII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. В. Жилкина** 760

XVIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Несбывшееся ожиданіе.—„Оппозиція Его Величества“ и оффиціозная печать.—Умѣренно-реакціонная программа.—Монашескій съѣздъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.—Съѣздъ издателей и книгопродавцевъ.—Пріостановка газеты „Слово“. 770

XIX.—ИТАЛІЯ ПОКАЗНАЯ И ИТАЛІЯ ПОДЛИННАЯ.—Письмо изъ Рима.—**Мих. Осоргина** 786

XX.—ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ.—**Н. В—е—ій** 800

XXI.—НОВЫЙ ФАЗИСЪ ЖЕНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.—I-II.—**Н. Мировичъ** 810

XXII.—КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова** 819

XXIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Перемѣна канцлера въ Германіи.—Дѣятельность князя Бюлова и личный режимъ.—Министерскій кризисъ во Франціи.—Клемансо и Делькассе.—Кабинетъ Бріана.—Франко-русскій союзъ и тосты въ Шербургѣ.—Англо-русское сближеніе и свиданіе монарховъ въ Коусѣ.—Событія въ Персіи 829

XXIV.—СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.—**Максима Ковалевскаго** 843

XXV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Г. Г. Шваттау, Профессіи и занятія населенія.—II. Прив.-доц. Ал. Билимовичъ, „Германское землеустроительное законодательство“. Т. I. Раздѣлъ общинныхъ земель.—**В. В.**—III. Выборы по г. Москвѣ въ Государственную Думу третьяго призыва. Приложеніе къ „Извѣстіямъ Московск. Гор. Думы“.—**Вас. Голубева.**—IV. В. Чарнолускій, Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи.—**Ю. Лавриновича.**—V. Студенчество въ цифрахъ. Подъ ред. и съ предисловіемъ проф. В. В. Святловскаго.—**Ю. Л.**—VI. Елена Ланге, Женскій вопросъ въ его современной обстановкѣ. Пер. подъ ред. и съ пред. Ю. И. Айхенвальда.—**С. К. Д.**—VII. Frauenbewegung und Sexualethik. Beiträge zur modernen Ehekritik, Grete Meisel-Hess, Die sexuelle Krise. Eine sozialpsychologische Untersuchung.—**S.**—Новыя книги и брошюры. 852

XXVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Одесскій студенческій процессъ.—Программное требованіе учредительнаго собранія, какъ признакъ преступности сообщества.—Эпизоды земскихъ выборовъ: забаллотированіе Д. Н. Шипова, избраніе В. Г. Гурко и высылка И. Я. Быкова.—Трагедія въ селѣ Медвѣдь.—Почему закрылась газета „Слово“ и могла ли она пріобрѣсти успѣхъ? 870

XXVII.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—**С. Дурылина** 883

XXVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I-II. 884

XXIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 889

XXX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

В-961
8

ЦАРИЦА-ПРИСЛУЖНИЦА

(Новонайденная трагедія Еврипида.)

1925 29512
49 г.
ПРОВЕРЕНО 1928 г.

Окончаніе *).

VII.

Дѣйствіе трагедіи начинается съ приходомъ того, кто былъ лучшимъ среди „семи вождей", выступившихъ въ нечестивый походъ противъ Амфіоновыхъ Ѳивъ.

Дѣйствительно, знаменитый походъ „семи вождей" служитъ фономъ для Ипсипилы-прислужницы, точно также какъ походъ аргонавтовъ — для Ипсипилы-царицы. Обѣ половины жизни героини принадлежатъ двумъ различнымъ миѳологическимъ цикламъ—лишнее доказательство ихъ первоначальной самобытности.

Напомнимъ главныя черты этого похода. Проклятіе, произнесенное Эдипомъ противъ его непочтительныхъ сыновей, исполнилось быстро по ихъ воцареніи въ Ѳивахъ. Этеоклъ изгналъ Полиника и сталъ править единолично. Полиникъ обратился за помощью къ Адрасту аргосскому; войдя ночью въ царскій станъ, онъ встрѣтилъ у входа другого изгнанника, Тидея Плевронскаго. По недоразумѣнію между ними завязался бой; прибѣжавшій на звукъ оружія Адрастъ рознялъ ихъ и при этомъ, увидѣвъ ихъ гербы на щитахъ—у одного вепря, у другого—льва, вспомнилъ о темномъ оракулѣ, приказывавшемъ ему выдать своихъ дочерей именно за этихъ чудовищъ. Исполнивъ волю бога, онъ рѣшилъ

*) См. іюль, стр. 78.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

прежде всего Полиника водворить обратно въ изгнавшей его родинѣ. Для этого онъ снарядилъ походъ, созвавъ лучшихъ вождей Эллады; особенно драгоцѣнна была помощь его вассала Амфіарая, мудраго правителя, храбраго воина и любимаго богами прорицателя.

У этого Амфіарая была давнишняя вражда съ Адрастомъ, прекращенная женитьбою на его сестрѣ Эрифилѣ и обоюднымъ обязательствомъ, въ случаѣ возникновенія новаго спора, повиноваться рѣшенію этой послѣдней. Именно теперь этотъ споръ возникъ. Амфіарай наотрѣзъ отказался принять участіе въ братоубійственномъ походѣ; такимъ образомъ, Эрифилѣ пришлось произнести рѣшающее слово. И тутъ опять — какъ въ походѣ аргонавтовъ—вступаетъ въ дѣйствіе мотивъ проклятаго золота. Такое золото находится среди драгоцѣнностей рода Кадмидовъ — роскошное ожерелье, полученное нѣкогда Кадмомъ за своей женой Гармоніей отъ ея матери Афродиты (а по исконной формѣ миѳа— добытая имъ отъ умерщвленнаго имъ Аресова змѣя, что̀ уже совершенно сближаетъ это ожерелье съ „кольцомъ Нибелунговъ“). Оно по наслѣдству досталось Эдипу; Полиникъ успѣлъ захватить его, прежде чѣмъ бѣжать изъ Ѳивъ; теперь онъ воспользовался имъ для того, чтобы подкупить Эрифилу. Призванная рѣшить споръ, Эрифила опредѣлила, чтобы ея мужъ повиновался ея брату; такъ-то Амфіарай сталъ однимъ изъ „семи вождей“ и отправился въ походъ, изъ котораго ему не суждено было вернуться.

Вожди двинулись изъ Аргоса черезъ Фліунтскую Немею на сѣверъ; предстоялъ переходъ въ сосѣднюю область. Для этого требовалось жертвоприношеніе, а для жертвоприношенія—ключевая вода, которая въ многожаждущемъ Аргосѣ была рѣдкостью. Этотъ мотивъ и приводитъ Амфіарая, естественнаго руководителя жертвоприношенія, во дворецъ царя Ликурга. Съ его появленіемъ начинается *первое дѣйствіе* нашей трагедіи.

Корифейка.

О, Зевсъ, Промыслитель Немеи святой!
Какихъ ты гостей посылаешь къ намъ въ домъ?
Дорическій плащъ украшаетъ ихъ станъ;
Какая нужда по пустыннымъ полямъ
Ихъ въ область чужую заводитъ?

Амфіарай (*про себя*).

Нѣтъ радости въ отлучкѣ человѣку.
Случится быть нуждѣ—кругомъ тебя
Пустынная, безлюдная равнина.

Нѣтъ друга, не съ кѣмъ словомъ обмѣняться,
Не знаешь, что и дѣлать. Былъ и я
Въ бѣдѣ такой—и съ облегченнымъ сердцемъ
Увидѣлъ здѣсь, въ святой Немейской рощѣ
Отца Зевеса—царственный дворецъ.
(*Замѣчаетъ Ипсипилу*)
Тебя прошу—невольницей ли ты
Дворъ охраняешь, или въ свободной долѣ,
Повѣдай мнѣ, кто изъ земли фліунтской
Владѣлецъ дома и богатствъ его?

Ипсипила.

Счастливый домъ Ликурга предъ тобою.
Онъ, ставленникъ страны приасопійской,
Святыню Зевса мѣстную блюдетъ.

Амфіарай.

Скажи-жъ ему, чтобъ далъ воды текущей
Намъ зачерпнуть и совершить обрядъ
Напутственный. Мутна вода въ запрудахъ,
Загрязнена безчисленною ратью.

Ипсипила.

А кто вы? Изъ какой земли пришли вы?

Амфіарай.

Аргосцы, изъ Микенъ мы собрались;
Переходя земли родной предѣлъ,
Должны за рать мы жертву принести.
А путь мы держимъ къ Кадмовымъ воротамъ—
Пусть только богъ походъ благословитъ.

Ипсипила.

Дозволь спросить: зачѣмъ вы рать созвали?

Амфіарай.

Чтобъ Полинику возвратить престолъ.

Ипсипила.

А самъ ты кто, чужихъ печальникъ бѣдствій?

Амфіарай.

Амфіарай, Оикловъ сынъ, вѣщатель.

Ипсипила.

О, славный мужъ! *Ты-ль здѣсь, передо мной?*

Амфіарай.

Да, славный. И въ безславномъ дѣлѣ гибну.

Ипсипила.

Кто-жъ гибели тебя обрекъ? Скажи!

Амфіарай.

Жена *вельла, миръ творя намъ въ спорѣ.*

Ипсипила.

Жена на мужа посягнуть дерзнула?

Амфіарай.

Принявъ *златое ожерелье въ даръ.*

Какъ видно изъ дальнѣйшаго отрывка, Амфіарай, отвѣчая на вопросы собесѣдницы, разсказываетъ ей всю исторію ожерелья въ связи съ родословной Кадмидовъ. Это такъ называемая „эпическая стихомиѳія“, своего рода драматургическій фокусъ (надлежало вести разсказъ въ формѣ діалога такъ, чтобы собесѣдники чередовались стихъ за стихомъ), одна изъ техническихъ условностей древней трагедіи, которая насъ оставляетъ холодными. Мы, поэтому, не очень ропщемъ на судьбу, которая сохранила намъ только начало стихомиѳіи. Изъ дальнѣйшихъ клочковъ видно, что и Амфіарай разспрашиваетъ свою собесѣдницу о ея участи, что она назвала ему свое имя. Объ этомъ можно догадаться. Но какъ дѣйствіе развивалось дальше?

При отрывочномъ состояніи новонайденной трагедіи вполнѣ естественно, что интересъ критика, судящаго о поэтическихъ достоинствахъ того или другого мѣста, стушевывается передъ любопытствомъ изслѣдователя, желающаго прежде всего возстановить подробности дѣйствія. Разговоръ Амфіарая и Ипсипилы особенныхъ красотъ не представляетъ: это—обычный спокойный приступъ къ завязкѣ. Теперь моментъ завязки приближается—и наши отрывки ничего намъ не даютъ. Что-жъ, попытаемся обойтись безъ нихъ.

Одно ясно: Амфіарай попроситъ Ипсипилу указать ему родникъ чистой воды для жертвоприношенія. Она исполнитъ его просьбу—и ея маленькій питомецъ Офельтъ погибнетъ жертвою стерегущаго родникъ змѣя. Это—магистраль преданія объ Ипсипилѣ-прислужницѣ; къ тому же отрывки изъ прочихъ дѣйствій трагедіи показываютъ намъ, что такъ дѣйствительно происходило дѣйствіе у Еврипида. Но частности?

Раньше при возстановленіи Еврипидовой фабулы пользовались самымъ широкимъ образомъ разсказомъ поздняго римскаго поэта, о которомъ предполагали, что онъ во всемъ вдохновлялся трагедіей Еврипида. Это—*Стацій*, авторъ нѣкогда знаменитой,

теперь забытой „Ѳиваиды“. Пользуясь всѣмъ аппаратомъ псевдоклассической бутафоріи, этотъ талантливый, но холодный эпикъ, виртуозъ языка и стиха, слѣдующимъ образомъ описываетъ эпизодъ съ Ипсипилой-прислужницей.

Когда войско Адраста вступаетъ въ предѣлы Немеи, Діонисъ, желая оградить отъ враговъ свою Ѳиванскую родину, убѣждаетъ всѣ немейскіе рѣки и ручьи скрыть подъ землей свое теченіе. Всѣ повинуются, кромѣ укромной Лангіи. Войско терпитъ страшную жажду; къ счастью, Адрастъ находитъ Ипсипилу и упрашиваетъ ее показать ему какую-нибудь струю воды. Она повинуется и, чтобы не быть стѣсненной въ своихъ движеніяхъ, оставляетъ ребенка на лугу среди цвѣтовъ. Она ведетъ войско къ Лангіи; пока всѣ утоляютъ свою жажду, она разсказываетъ царю про лемносскій грѣхъ и свое несчастіе. Затѣмъ она возвращается на прежнее мѣсто—и находитъ ребенка убитымъ.— Теперь намъ ясно, что Стацій, если и пользовался Еврипидомъ, то значительно измѣнилъ его фабулу. Никакой засухи нѣтъ, нѣтъ и жажды войска. Амфіараю нужна текущая вода для жертвоприношенія, торопиться, поэтому, нечего; оба собесѣдника разсказываютъ другъ другу свою исторію, поскольку это было нужно, еще передъ отправленіемъ на поиски воды; а такъ какъ торопиться нечего, то и для Ипсипилы отпадаетъ мотивъ оставленія ребенка: она беретъ его съ собой. Нѣтъ, повидимому, Стація придется оставить въ сторонѣ. Но чего же намъ собственно недостаетъ?

Недостаетъ того элемента, который превратилъ бы простое и случайное событіе въ драматическую завязку. Представимъ себѣ происходящее на сценѣ съ возможной наглядностью. Ипсипила—женщина подневольная, она приставлена беречь малолѣтняго царевича. И вотъ къ ней подходитъ чужой человѣкъ и проситъ ее пойти съ нимъ за водой; она беретъ ребенка и идетъ съ нимъ. Согласитесь, тутъ есть нѣкоторая неловкость... Не будемъ говорить о хорѣ. Конечно, становясь на почву реализма, можно бы сказать, что было бы естественнѣе послать за водой любую изъ этихъ пятнадцати свободныхъ бездѣльницъ, чѣмъ занятую своимъ дѣломъ прислужницу. Но именно этого реализма въ отношеніи хора не было: зрители свыклись съ условностью его роли, и идея отправить за водой хоревтку показалась бы имъ не менѣе дикой, чѣмъ еслибы Ипсипила обратилась съ этимъ предложеніемъ къ кому-нибудь изъ публики. Повторяю, оставимъ хоръ; неловкость и помимо его несомнѣнна, и сохраненный намъ, благодаря случайной цитатѣ, стихъ Ипсипилы:

Что-жъ, покажу аргивянамъ источникъ;
Но...

своей формулировкой свидѣтельствуетъ, что и она эту неловкость чувствовала. Къ ней мы, однако, еще вернемся; идемъ дальше.

Ипсипила съ Амфіараемъ уходятъ; на сценѣ одинъ хоръ. Его мысли естественно витаютъ около разсказанныхъ событій, у начала того похода „семи вождей“, который втянулъ въ свои круги и мирную Немею. Намъ сохранился искалѣченный лирическій отрывокъ стиховъ въ десять, въ которомъ явно говорится о ночной схваткѣ Тидея съ Полиникомъ и о судѣ Адраста; повидимому, онъ относится именно къ той хорической пѣснѣ, которая завершила собою покойное и мирное первое дѣйствіе. Затѣмъ звуки пѣсни умолкаютъ, наступаетъ *дѣйствіе второе.*

VIII.

Его открываетъ Ипсипила, въ крайнемъ испугѣ и отчаяніи примчавшаяся съ того мѣста, гдѣ она указала Амфіараю родникъ. Несчастіе совершилось: малютка Офельтъ сталъ жертвою змѣя. Нѣсколько искалѣченныхъ отрывковъ, описывавшихъ страшное появленіе чудовища и рисующихъ горе Ипсипилы, повидимому, относятся къ этому мѣсту трагедіи; къ сожалѣнію, они не разрѣшаютъ намъ нѣкоторыхъ серьезныхъ затрудненій. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ ребенокъ достаться змѣю? У Стація неблагоразумная няня оставляетъ своего питомца на лугу, чтобы тотъ ея не замедлялъ, а затѣмъ долго разговариваетъ съ Адрастомъ; у Еврипида, напротивъ, она беретъ дитя съ собой. Приходится придумывать такой моментъ, который могъ заставить ее разстаться съ нимъ. Затѣмъ: куда дѣвался Офельтъ? У Стація змѣй его убиваетъ, и онъ остается на лугу „весь превращенный въ рану“; но какъ изобразилъ дѣло Еврипидъ? Вопросъ опять остается открытымъ.

Во всякомъ случаѣ, ребенокъ погибъ, ему уже не помочь; Ипсипилѣ приходится подумать о себѣ. Во дворцѣ—царица Евридика, ничего еще не знающая о смерти своего единственнаго сына; Ипсипила—ея раба; что будетъ съ ней, когда все станетъ извѣстно? Не пожелаетъ ли Евридика выместить на ней свое материнское горе? Да, это слишкомъ даже понятно. Объ этомъ и идетъ рѣчь тамъ, гдѣ для насъ возобновляется связная часть трагедіи; мѣсто это небольшое, но интересное.

ИПСИПИЛА.

Подруги милыя, одно мгновеніе
Рѣшитъ судьбу мою. Конецъ позорный
Мнѣ угрожаетъ; о, какъ страшно мнѣ!

КОРИФЕЙКА.

Неужли нѣтъ надежды на спасенье?

ИПСИПИЛА.

Одно спасенье—бросить этотъ домъ.

КОРИФЕЙКА.

Что-жъ возмущаетъ такъ тебя, скажи?

ИПСИПИЛА.

Смерть мальчика и мнѣ готовитъ гибель.

КОРИФЕЙКА.

Ахъ, съ давнихъ поръ сроднилась съ горемъ ты.

ИПСИПИЛА.

Да, съ давнихъ—и бороться съ нимъ съумѣю.

КОРИФЕЙКА.

Но средства гдѣ? Куда направишь путь свой?

ИПСИПИЛА.

Куда душа и ноги понесутъ.

КОРИФЕЙКА.

Ты не уйдешь: кругомъ вездѣ заставы.

ИПСИПИЛА.

Ужель?—Ну, что-жъ; придумаемъ другое.

КОРИФЕЙКА.

О, не скрывай: мы всѣ тебѣ друзья.

ИПСИПИЛА.

Не попросить ли, чтобъ увелъ съ собою...

КОРИФЕЙКА.

Кто-жъ уводитъ чужихъ рабовъ согласенъ?

Здѣсь возвращенная намъ часть діалога обрывается; будемъ благодарны судьбѣ, что это не случилось двумя стихами раньше. Дѣйствительно, именно этими двумя стихами дальнѣйшій ходъ дѣйствія предначертанъ. Кто будетъ согласенъ увести рабыню Ипсипилу? Только одинъ человѣкъ въ мірѣ: тотъ, кому она оказала услугу, тотъ, изъ-за кого она навлекла на себя всю эту бѣду,—и кто знаетъ, быть-можетъ онъ даже обязался это сдѣ-

лать? Мы вѣдь видѣли: Ипсипила не сразу его послушалась, она колебалась, какъ бы чуя недоброе. Припомнимъ загадочный стихъ:

Что-жъ, покажу аргивянамъ источникъ,
Но...

Не продолжала ли она:

Но если гнѣвъ царицы заслужу я,
Не выдадутъ аргивяне меня?

Правда, ни онъ, ни она не могли предвидѣть такого несчастья; но не все ли равно? Обязательство есть, есть для Ипсипилы вѣрная опора. Въ свитѣ Амфіарая неудачница-няня покинетъ постылую Немею и...

...И оставитъ въ постылой Немеѣ убитую горемъ Евридику, оплакивающую смерть своего единственнаго ребенка. Это ли сдѣлаетъ Ипсипила? Забыла она, что сама когда-то была матерью, что и ее заставили въ Лемносѣ покинуть обоихъ малютокъ—Ясонидовъ?

Нѣтъ, Ипсипила этого не сдѣлаетъ. Правда, дальнѣйшій ходъ ея разсужденій, какъ мы видѣли, намъ не сохраненъ, но фактъ тѣмъ не менѣе ясенъ. Она не ищетъ заступничества у Амфіарая, она отдаетъ себя во власть царицы: въ третьемъ дѣйствіи мы находимъ ее въ рукахъ Евридики. А чтобы мы не думали, что внѣшняя сила помѣшаетъ осуществленію ея первоначальнаго плана, еще первоиздатели обратили вниманіе на ея трогательный возгласъ въ послѣдней сценѣ съ царицей: „Напрасно было мое благородство“! Да, очевидно, дѣло происходило именно такъ: все было готово къ спасенію, но въ послѣднюю минуту образъ убитой горемъ матери предсталъ передъ глазами Ипсипилы, и у нея не хватило духу искать заступничества противъ нея. Она добровольно пойдетъ къ ней, съ повинной головой, она бросится къ ея ногамъ, заклиная ее именемъ ея ребенка, котораго вѣдь и она, Ипсипила, любила больше всего на свѣтѣ.

Благо ей, что она не бѣжала къ Амфіараю. Бросая домъ Евридики, она этимъ самымъ бросила бы и его гостей—тѣхъ двухъ юношей, которыхъ она сама недавно въ него ввела, не признавъ въ нихъ своихъ сыновей—Ясонидовъ.

Не правда ли, какъ теперь выясняется замыселъ поэта, о чрезмѣрной простотѣ котораго мы говорили раньше, въ шестой главѣ? Да, конечно, Фортуна все приготовила наилучшимъ обра-

зомъ, „узнаніе“ не стоитъ болѣе никакого труда; и все-таки оно не состоится, если на помощь Фортунѣ не придетъ нравственная сила. И именно она, эта нравственная сила, и становится главнымъ предметомъ нашего вниманія, и рядомъ съ ней игра Фортуны стушевывается, низведенная до уровня внѣшней обстановки. Въ этомъ—достоинство „Ипсипилы“ въ сравненіи съ болѣе раннимъ „Іономъ“, въ которомъ этотъ „мотивъ узнанія“ господствуетъ при отсутствіи нравственныхъ силъ.

Остановимся здѣсь на минуту: намъ представляется случай покончить съ однимъ стариннымъ предразсудкомъ.

Еврипидъ написалъ „Ифигенію Таврическую“; написалъ таковую, слѣдуя его почину, и Гёте. Сравненіе обѣихъ трагедій—излюбленная тема нѣмецкихъ теоретиковъ и эстетиковъ и на каѳедрѣ, и на школьной скамьѣ—причемъ всѣ плюсы оказываются на сторонѣ новѣйшаго поэта. Онъ превратилъ греческую героиню въ „германскую дѣву“ главнымъ образомъ тѣмъ, что замѣнилъ мотивъ хитрости, посредствомъ которой Еврипидовская героиня торжествуетъ надъ царемъ Тавриды, мотивомъ нравственной побѣды надъ нимъ. Еврипидовская Ифигенія замышляетъ тайный побѣгъ изъ Тавриды, пользуясь для этого легковѣріемъ простака-варвара; Гетевская отдаетъ себя въ его руки и уходитъ, напутствуемая благословеніемъ тронутаго царя. Прогрессъ несомнѣненъ—поскольку онъ касается обѣихъ трагедій; но не слѣдуетъ Еврипидовскую трагедію, о которой идетъ рѣчь, отожествлять съ Еврипидомъ вообще. Дѣйствительно, когда Еврипидъ писалъ „Ифигенію Таврическую“, онъ увлекался еще элементомъ интриги, которую онъ довелъ до такого совершенства, что можетъ считаться ея представителемъ въ трагедіи; спеціально интрига побѣды была имъ развита съ такой виртуозностью, что его умнѣйшій противникъ, Аристофанъ, жестоко осмѣялъ его за нее въ поставленныхъ въ 412 г. „Θесмофоріазусахъ“. Слѣдуетъ ли допустить, что Еврипидъ послѣдовалъ мудрому греческому правилу: „учись у враговъ“? Не знаемъ; но фактъ тотъ, что въ поставленныхъ послѣ этого года трагедіяхъ у Еврипида наблюдается стремленіе, выражаясь кратко, побѣдить интригу. Такова его „Ифигенія Авлидская“. Ифигенія должна быть принесена въ жертву для благополучія похода: ея молодая жизнь возмущается противъ этого приговора; она находитъ заступника, она можетъ спастись—но вотъ въ рѣшающую минуту она отказывается отъ всякой помощи и добровольно жертвуетъ собой ради благополучія похода. Тогда суровость разгнѣванной богини смягчается, и она сама спасаетъ великодушную дѣву.

Такую же побѣду надъ интригой имѣемъ мы здѣсь, и вотъ причина, почему элементы самой интриги отступаютъ, какъ мы видѣли, на задній планъ. Имѣя всѣ средства спасенія въ рукахъ, Ипсипила отъ нихъ отказывается и отдаетъ повинную голову на судъ гнѣвной матери-царицы.

Этимъ, надобно полагать, кончалось второе дѣйствіе. Были ли въ немъ и другія сцены, кромѣ упомянутыхъ—мы не знаемъ. Не знаемъ также, каково было содержаніе хорической пѣсни, отдѣлявшей второе дѣйствіе отъ третьяго.

IX.

Въ чемъ состояла главная сцена *третьяго дѣйствія*—это всякій знатокъ трагической техники Еврипида можетъ предугадать заранѣе. Предстоятъ упреки доведенной до отчаянія Евридики, защита Ипсипилы, рѣчи, проникнутыя страстью и волненіемъ—для нихъ у древнихъ трагиковъ, и особенно у Еврипида, имѣлись особыя сцены со строго опредѣленной композиціей: такъ называемые *агоны*. Соображенія обоихъ противниковъ поэтъ сосредоточиваетъ въ двухъ связныхъ, направленныхъ другъ противъ друга рѣчахъ; за каждой слѣдовало обыкновенно двустишіе хора, которому въ этихъ агонахъ принадлежитъ роль не всегда безстрастнаго судьи. Можно быть какого угодно мнѣнія объ этой условности Еврипидовой трагедіи; нѣтъ спора, насъ эти почти судебныя рѣчи, съ ихъ логически выдержанной аргументаціей, подчасъ расхолаживаютъ. Но тогда люди увлекались искусствомъ слова и вѣской мысли; спеціально объ Еврипидѣ мы знаемъ, что всѣ молодыя Аѳины были въ восторгѣ отъ его „судебныхъ рѣчей“.

Итакъ, предстоитъ „агонъ“ Евридики и Ипсипилы. Что̀ скажетъ няня погибшаго Офельта? Что она любила это дитя; что она сама когда-то была матерью; что она безъ злого умысла положила его туда, гдѣ онъ сталъ жертвой змѣя; что не должно рѣшать важныя дѣла подъ вліяніемъ гнѣва.... Дѣйствительно, среди отрывковъ есть одинъ очевидно сюда подходящій; сохранены только начала строкъ, но съ ними—что̀ очень цѣнно—и имена дѣйствующихъ лицъ. Всматриваясь пристально въ уцѣлѣвшія слова, мы мало-по-малу получаемъ картину, позволяющую намъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ дополнить и недостающее. Повидимому Ипсипила кончаетъ свою рѣчь:

Не заглушай въ себѣ завѣта правды
И взвѣсь *значенье* слова моего.
Зачѣмъ порывамъ гнѣва *отдаваться*?
Пусть время умудритъ тебя—*и ты*
Хулы избѣгнешь женскаго *сужденья*.
Почтить ты сына *хочешь*? *Подожди*:
Рядъ *дней дитяти чести не убавитъ*.
А согрѣшишь—*ужъ нѣтъ тебѣ возврата*.

КОРИФЕЙКА.

Достойно твое слово, *Ипсипила*;
Одобрятъ всѣ разумные *его*.

ЕВРИДИКА.

Къ чему тутъ словъ красивыхъ *вереницы*?
. . . . . .

Нѣтъ, гнѣвъ матери не такъ легко умилостивить: тѣнь безвременно погибшаго Офельта требуетъ себѣ искупительной жертвы. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ исконнымъ, почти рефлекторнымъ чувствомъ, выразителемъ котораго явился Цицеронъ въ одной своей рѣчи (прот. Катил. IV, 12): „Въ самомъ дѣлѣ, позвольте васъ спросить: если бы отецъ семейства, видя, что какой-нибудь его рабъ умертвилъ его дѣтей, зарѣзалъ его жену, истребилъ огнемъ его домъ, не захотѣлъ бы предать этого раба жестокой смерти—сочли бы вы его кроткимъ и милосерднымъ или, наоборотъ, безчувственнымъ и безчеловѣчнымъ? По-моему—жестокое и каменное сердце у того, кто въ такомъ положеніи отказался бы смягчить собственное горе и страданіе—горемъ и страданіемъ преступника“. Конечно, здѣсь говорится о зломъ умыслѣ, о преступленіи—но Евридика увѣрена, что таковое имѣется и здѣсь. Почему? Какой разсчетъ могла она предполагать у Ипсипилы? Мы этого не знаемъ—отвѣтная рѣчь Евридики пропала—но что она дѣйствительно считала Ипсипилу убійцей своего дитяти, это доказываетъ ея послѣдняя сцена съ нею.

Евридика не намѣрена отказать себѣ въ единственномъ, мрачномъ утѣшеніи своего горя. Она—въ то же время и сторона, и судья. Ипсипила—ея раба; она присуждаетъ ее къ смерти.

И, къ нашему крайнему сожалѣнію, здѣсь начинается крупный пробѣлъ въ нашей трагедіи: ни о содержаніи хорической пѣсни, слѣдовавшей за третьимъ дѣйствіемъ, ни о развитіи фабулы во всемъ *четвертомъ дѣйствіи* мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Тщетно всматриваемся мы въ десятки папирусовыхъ клочковъ, въ эти разрозненныя частицы предложеній и словъ: они ничего намъ не даютъ. А между тѣмъ это дѣй-

ствіе должно было быть ареной интересныхъ и захватывающихъ событій. Мы вѣдь видѣли, что оба сына Ипсипилы еще въ прологѣ вошли въ домъ Евридики; между тѣмъ въ концѣ трагедіи они—съ Амфіараемъ, и онъ говоритъ о себѣ, что, въ благодарность за оказанную ему Ипсипилой услугу, онъ возвратилъ ей ея сыновей. Итакъ, въ этомъ четвертомъ дѣйствіи юноши уходятъ къ Амфіараю. Но зачѣмъ? Кто ихъ послалъ? Ипсипила? Но еслибы она съ ними еще разъ встрѣтилась, то узнаніе было бы неминуемо. А между тѣмъ оно теперь еще произойти не могло: въ своихъ предсмертныхъ воплях въ пятомъ дѣйствіи Ипсипила вспоминаетъ о своихъ двухъ сыновьяхъ какъ о видѣніи прошлаго, наравнѣ съ Аргò. Итакъ, ихъ послала Евридика? Это вполнѣ возможно. Она была ихъ хозяйкой и имѣла право разсчитывать на нѣкоторое вниманіе съ ихъ стороны. Но зачѣмъ могла она ихъ къ нему или за нимъ посылать?

Положеніе изслѣдователя въ случаяхъ, подобныхъ нашему, не лишено нѣкотораго трагикомизма. Хочется, мучительно хочется разобрать пружину дѣйствія; и вотъ всматриваешься въ этотъ мракъ, всматриваешься въ него до тѣхъ поръ, пока въ немъ не начинаютъ показываться смутные контуры фигуръ... которыя, быть можетъ, не что̀ иное какъ плодъ нашей собственной разстроенной фантазіи. Но вотъ, все-таки, нѣкоторая улика. Намъ сохранился довольно длинный, хоть искалѣченный съ правой стороны отрывокъ (№ 58); по его размѣру видно, что это—хорическая пѣснь, по содержанію—что она прославляла чудесное появленіе Діониса. Это бы еще ничего: мало ли въ этой трагедіи пропало хорическихъ пѣсенъ. Но вотъ что̀ любопытно: съ лѣвой стороны сохранилась цифра, обозначающая счетъ стиховъ, а именно 1100. Эта цифра опредѣляетъ мѣсто нашей хорической пѣсни въ трагедіи—она, очевидно, стояла послѣ четвертаго дѣйствія. Но если послѣ четвертаго дѣйствія прославляютъ Діониса, то, видно, онъ далъ къ этому поводъ... и онъ имѣлъ полное основаніе для этого: вѣдь его внучка была присуждена къ смерти. Не то, чтобъ онъ явился самъ — у Еврипида боги являются только къ концу трагедіи, какъ dei ex machina—но онъ могъ послать знаменіе, испугавшее Евридику; Амфіарай, какъ вѣщатель, былъ призваннымъ толкователемъ знаменія; не естественно ли было Евридикѣ за нимъ послать, а хору—воспѣть чудеса грознаго бога?

Перестанемъ, однако, всматриваться въ мракъ. Предложенная догадка указываетъ возможность, не болѣе. Мы стояли бы на гораздо болѣе прочной почвѣ, еслибы могли положиться на

Стація; но мы видѣли уже, что римскій поэтъ не слѣдовалъ Еврипиду въ изображеніи гибели ребенка—не слѣдуетъ онъ ему и въ изображеніи развязки. У него, прежде всего, не Евридика, а самъ свирѣпый Ликургъ угрожаетъ Ипсипилѣ. За нее, спасительницу войска, вступается Адрастъ и всѣ вожди. Ликургъ не можетъ отбить у нихъ своей невольницы; ему самому грозитъ гибель. Тогда онъ обращается къ своимъ гостямъ, обоимъ юношамъ. Они готовы вступить въ бой за своего хозяина; но въ замѣшательствѣ раздается имя Ипсипилы—они узнаютъ свою мать, и битва прекращается.—Еврипидъ ли это? Нѣтъ, конечно; но знатоки древней трагедіи охотно признаютъ, что это—до-еврипидовская форма преданія. Нашъ поэтъ не любилъ бряцанія оружія; какъ онъ въ „Вакханкахъ“ замѣнилъ битву вакханокъ съ ѳиванцами нравственной побѣдой Діониса надъ ихъ вождемъ, такъ и здѣсь имъ устранено дѣйствіе физической силы ради болѣе полнаго торжества нравственнаго начала. Какъ тамъ его предшественникомъ былъ воинственный Эсхилъ, такъ и здѣсь это предположеніе будетъ наиболѣе вѣроятнымъ... Къ счастью, намъ говорятъ, что Эсхилъ написалъ трагедію подъ заглавіемъ „Немея“, въ которой было описано учрежденіе немейскихъ игръ въ честь погибшаго сына Немеи Архемора—т.-е., какъ читатель увидитъ, именно нашего Офельта. И любопытно посмотрѣть, какъ систематически Еврипидъ устранялъ и замѣнялъ все, что обусловливало воинственный характеръ драмы его предшественника. Тамъ вступалъ въ дѣйствіе самъ грозный Ликургъ—здѣсь онъ отсутствуетъ, его замѣняетъ его жена Евридика, оскорбленная мать, противъ которой натискъ оружія былъ бы совсѣмъ неумѣстнымъ. Тамъ за спасительницу заступается полководецъ Адрастъ—здѣсь кроткій и благочестивый Амфіарай. И въ довершеніе всего, этотъ Амфіарай, какъ мы увидимъ, прямо и ясно говоритъ Ипсипилѣ:

. . . заступиться за тебя пришелъ я
Не съ силой, нѣтъ, а съ правдою въ рукахъ.

Таковъ былъ обычай у древнихъ поэтовъ—они не просто оставляли въ сторонѣ отвергнутые ими мотивы своихъ предшественниковъ, а любили нарочито ихъ отклонять.

Какъ бы то ни было, сравненіе со Стаціемъ ничѣмъ не обогатило трагедіи Еврипида, не заполнило зіяющаго пробѣла четвертаго дѣйствія. Нѣтъ; но зато оно дало намъ возможность не безъ вѣроятности возстановить ходъ дѣйствія у его предшественника (Эсхила?) и этимъ лишній разъ оттѣнить поэтиче-

скую технику нашего поэта. Итакъ, результатъ есть, хотя и не тотъ, который насъ ближайшимъ образомъ интересуетъ.

Хоромъ въ честь Діониса кончалось четвертое дѣйствіе; наступало пятое.

X.

Въ этомъ *пятомъ дѣйствіи* мы опять чувствуемъ твердую почву подъ ногами. Передъ нами жалостная картина. Ипсипилу, связанную, ведутъ на казнь; тутъ же та, по чьему приказанію она умираетъ, нѣмая въ своемъ горѣ и своемъ гнѣвѣ Евридика. Къ ней въ послѣдній разъ взмаливается осужденная (стр. 60):

. . . . . .
. . . . . Итакъ, рѣшила ты
Слѣпому гнѣву слѣпо подчиниться,
И даже знать не хочешь, что случилось?
(Евридика молчитъ)
Что-жъ ты молчишь, презрѣвъ мои слова?
Да, я виновна въ гибели ребенка,
Но не убила я его. Онъ былъ
Питомецъ мой; его я на рукахъ
Своихъ носпла; всѣмъ, кромѣ рожденья,
Былъ онъ обязанъ мнѣ—любимецъ мой,
Надежда жизни будущей моей.
(Евридика молчитъ)
О, бортъ Аргò! о, бѣлые разливы
Лазурныхъ волнъ! О, дѣти! Смерть настала.
О, ты, Оикловъ сынъ, пророкъ почтенный,
О, заступись, приди, спаси отъ смерти
Позорной — все изъ-за тебя терплю!
Приди, свидѣтель непреложный — слова
Царица не отвергнетъ твоего!
(Евридика молчитъ)
Ведите; нѣтъ мнѣ друга, нѣтъ спасенья.
Ошиблась въ благородствѣ я своемъ.

(Входитъ Амфіарай, сопутствуемый обоими Ясонидами. Эти послѣдніе останавливаются поодаль отъ женщинъ. Амфіарай быстро подходитъ къ Евридикѣ, которая, при его приближеніи, опускаетъ покрывало на лицо. Ипсипила бросается къ его ногамъ.)

АМФІАРАЙ *(Евридикѣ)*.

Остановись, не посылай на плаху
Ее, царица; красота твоя
Великодушья быть должна залогомъ.

Ипсипила.

Къ твоимъ колѣнямъ припадаю, вождь,
Святымъ искусствомъ бога заклинаю.
Ты во́-время пришелъ. Отъ лютыхъ бѣдъ
Освободи: изъ-за тебя я гибну.
Мнѣ смерть близка: ты видишь, я въ оковахъ
У ногъ твоихъ — я, проводница ваша.
О, мужъ святой, сверши святое дѣло.
Не допусти, чтобъ эллиновъ молва
Тебя въ измѣнѣ уличить дерзнула.
О, ты, чей взоръ въ пылающихъ скрижаляхъ
Читаетъ Аргоса судьбу — скажи ей,
Какъ сынъ ея погибъ: ты видѣлъ все.
Она же мнитъ, что съ умысломъ я злымъ
Дитя сгубила, чтобы домъ разрушить.

Амфіарай (*Ипсипилѣ, поднимая ее*).

Да, все я знаю; я предугадалъ
Твою судьбу, несчастная пѣстунья,
И заступиться за тебя пришелъ я
Не съ силой, нѣтъ, а съ правдою въ рукахъ.
Безбоженъ, кто, принявши благостыню,
За благостыню не съумѣлъ воздать.

(*Евридикѣ*)

Открой мнѣ смѣло лпкъ твой, чужестранка.
Мой строгій нравъ вездѣ молва Эллады
Прославила; природа мнѣ велитъ
Себя блюсти и почитать тѣ грани,
Что̀ межъ людьми воздвигъ обычай древній.

(*Евридика поднимаетъ покрывало*)

Спасибо. А теперь — спокойно слушай.
Во всемъ ошибку извинить мы можемъ,
Въ судѣ-жъ о жизни человѣка — нѣтъ.

Евридика.

Мой гость, аргосской родины сосѣдъ!
Что нѣтъ святѣй тебя — давно я знаю,
И очи предъ тобой не побоюсь
Открыть. Что скажешь, все готова слышать,
На все отвѣтить: ты всего достоинъ.

Амфіарай.

Послушай же. Желаю я смягчить
Твой гнѣвъ жестокій на бѣдняжку эту...
Ради нея? Нѣтъ, ради правды божьей.
Лжи не скажу; Фебъ видитъ, что̀ меня
Пророческой наукѣ вразумляетъ.
Я упросилъ ее воды текучей
Мнѣ указать струю; желалъ я жертву

Богамъ за войско принести, *предълъ*
Аргосскій преступая. *Неохотно*
Пошла она. И вотъ, вблизи ключа,
Ущелье путь намъ преградило. Няня,
Чтобы ловчій перескочить, ребенка
На мигъ одинъ довѣрила травѣ.
За ней мы всѣ *слѣдомъ пошли, желая*
Скорѣй воды въ кувшины зачерпнуть.
Вдругъ грива змѣя *мимо глазъ свернула—*
Онъ бросился *на мальчика. Тотъ* бѣгствомъ
Спасаться сталъ; *но змѣй его настигъ*
И кольцами *чудовищнаго тѣла*
Его обвилъ; мы *ринулись за нимъ*,
Я дротъ метнулъ — *свершилась гибель наша.*

Да, наша. Многихъ бѣдъ починомъ сталъ намъ
„Начатокъ рока“, Археморъ-*Офельтъ.*
Не ты одна *убита этимъ горемъ:*
Оно Аргосу предвѣщаетъ *смерть.*
Не для побѣдъ мы двинемся *подъ Ѳивы,*
Не намъ добычу города дѣлить.
Взойдетъ у многихъ *страстное желанье,*
Оставивъ Кадма *бранныя поля,*
На родину вернуться — *но вотще.*
Адрастъ *одинъ* увидитъ *отчій городъ,*
Семи вождей *послѣдыхъ одинокій.*

Теперь ты знаешь, какъ свершился рокъ твой;
Запомни-жъ наставленіе мое.

Счастливцевъ не видалъ я среди смертныхъ:
Дѣтей хоронимъ мы, рождаемъ новыхъ
И умираемъ сами. Неизбѣжно
Должны землѣ мы землю возвращать,
Жизнь пожинать, какъ колосъ плодоносный,
И съ мракомъ свѣтъ чередовать; не должно
Стенать о томъ, что требуетъ природа.
Твою-жъ утрату Аргосъ возмѣститъ;
Мы сына похоронимъ твоего
И не на день, иль два, а навсегда
Отрадой будетъ твое горе смертнымъ:
Его могилу слава осѣнитъ;
Онъ дань получитъ состязаній *шумныхъ*,
Вѣнчая *побѣдителя чело.*
Пѣвцы прославятъ *доблестнаго мужа*,
И не забудетъ *счастія во вѣкъ—*
Кто разъ на тризнѣ славной Архемора
Побѣды баловнемъ провозглашенъ
Въ Немейской рощѣ.

А ее отъ кары
Освободи: она невинна. *Горе*
Съумѣй сплести съ *нетлѣнной* правдой
И ей ты сына и себя *прославишь.*

Евридика.

Дитя мое, твоя *свершилась доля*,
И лучше мести *вѣчной славы блескъ*
Я вижу: нравъ даетъ печать дѣяньямъ,
Добра и зла вершаетъ онъ предѣлъ.
Довѣрься смѣло праведному мужу,
И не вступай въ общеніе со злымъ.

Здѣсь обрывается тотъ крупный отрывокъ папируса, которому мы обязаны почти полнымъ возстановленіемъ этой патетической сцены. Должно ли признать и сцену оконченной? Это было бы замѣчательнымъ совпаденіемъ. Правда, сентенціозный характеръ послѣднихъ словъ Евридики говоритъ въ пользу того предположенія, что она, произнесши ихъ, уходитъ: древніе трагики любили такія нравоучительныя заключенія рѣчи. Но съ другой стороны все-таки многаго недостаетъ. Участь Ипсипилы не рѣшена: разумѣется, она будетъ помилована—хотя и это еще не сказано,—но что же дальше? „Помиловать ее я согласна, но жить подъ одной кровлей съ виновницей смерти моего дитяти не могу. А потому...“—этой мысли мы ждемъ отъ дальнѣйшаго.

Равнымъ образомъ и о похоронахъ „Архемора“—какъ отнынѣ будетъ называться „начатокъ рока“, младенецъ-герой Офельтъ—ничего опредѣленнаго еще не сказано. Итакъ, есть еще матеріалъ для дальнѣйшаго обмѣна мыслей между Евридикой и Амфіараемъ; но затѣмъ она уходитъ. Вѣроятно, съ ея уходомъ кончалось и пятое дѣйствіе, и хоръ пѣлъ свою установленную пѣсню, неизвѣстнаго намъ содержанія.

Шестое и послѣднее дѣйствіе происходитъ между остальными героями трагедіи — Ипсипилой, Амфіараемъ и Ясонидами. Не подлежитъ сомнѣнію, что оно давало „узнаніе“ матерью сыновей и сыновьями матери. Такое узнаніе жило еще долго въ памяти эллиновъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одна сохранившаяся намъ эпиграмма („Антологія“ III, 10), стоявшая первоначально подъ картиной, изображающей нашу сцену:

О, обнаружь, мой Ѳоантъ, золотую лозу Діониса.
Мать Ипсипилу-рабу ей ты отъ смерти спасешь.
Гнѣвъ Евридики ее осудилъ, когда змѣй земнородный,
Рока являя починъ, въ адъ Архемора увлекъ.
Вскорѣ затѣмъ ты оставишь ограду Асоповой дщери
И уведешь свою мать снова на Лемносъ святой.

„Нашу сцену“, конечно; только изъ нашей ли трагедіи? Если да, то поэтъ эпиграммы выразился не совсѣмъ точно: Ясонидамъ

уже нечего спасать Ипсипилу отъ смерти — это сдѣлалъ еще раньше Амфіарай. Но какъ бы то ни было, сценой въ этомъ родѣ должно было начаться шестое дѣйствіе. Амфіарай остался съ Ипсипилой; нужно какъ-нибудь ее пристроить. Есть у нея родственники? О, да, есть: два сына, если только они живы (стр. 61). Можно допустить, что оба Ясонида обратили вниманіе на эти слова: совпаденіе именъ должно было ихъ убѣдить, что царица-прислужница и есть та ихъ мать, которую они отправились отыскивать. Но какъ имъ убѣдить Ипсипилу, испытанную горемъ и поэтому недовѣрчивую къ счастью? Золотой знакъ Діониса на плечѣ юношей рѣшаетъ дѣло. Послѣ двадцатилѣтней разлуки мать нашла своихъ дѣтей: тамъ, гдѣ вновь начинается связный текстъ—сохранившійся здѣсь счетъ стиховъ (1600) доказываетъ, что мы близки къ развязкѣ трагедіи — мы находимъ счастливую Ипсипилу въ объятіяхъ обоихъ Ясонидовъ, Амфіарая же стоящимъ тутъ же съ доброй улыбкой на устахъ (стр. 64).

Ипсипила.

. . . . . .

Свершило вращенье Судьбы колесо!
Свершило, и въ ласковомъ бѣгѣ
Мнѣ жизни надежду вернуло
И съ жизнью дѣтей ненаглядныхъ оно.
То ужасъ, то радость сулилъ его путь;
Но нынѣ онъ счастье упрочилъ намъ всѣмъ.

Амфіарай.

Итакъ, жена, я сдѣлалъ все, что̀ могъ,
За добрую услугу и усердье
Усердіемъ я равнымъ отплатилъ,
Тебѣ дѣтей нежданныхъ возвращая.
Храни же ихъ, храните мать, друзья,
И будьте счастливы. А мы въ походъ свой
Задуманный на Ѳивы двинемъ рать.

(Уходитъ.)

Ипсипила.

Будь счастливъ, гость! Ты счастія достоинъ.

Ясониды.

Да, счастливъ будь!

Евней.

Какой же богъ, родная,
Такъ страстно жаждалъ горя твоего?

Ипсипила.

Про жалкое бѣгство
Узнаешь, мой сынъ!
О, Лемносъ надводный,
За что на чужбину
Изгналъ ты меня?
За то-ль, что я нѣжно
Отца пощадила
Сѣдую главу?

Евней.

Они отца убить тебѣ велѣли?

Ипсипила.

Мнѣ страшно и вспомнить
Объ ужасѣ томъ.
О, дѣти родныя!
Не женщины—нѣтъ—
Лихія Горгоны
Товарищей ложа
Кинжаломъ сразили
Въ объятіяхъ сна.

Евней.

Но какъ же ты отъ смерти ускользнула?

Ипсипила.

Есть берегъ пустынный—
Раскатамъ онъ вторитъ
Бушующихъ волнъ:
Лишь птицы морскія
Гнѣздятся на немъ.

Евней.

Но кто-жъ сюда изгнанницу направилъ?

Ипсипила.

Повольники злые
По жалкимъ путямъ
Въ Навплійскую гавань
На рабскую службу
Меня отвезли
И сбыли данайцамъ
Несчастный товаръ.

Евней.

О, мать моя! Какъ много ты страдала!

Ипсипила.

Не сѣтуй—страданьямъ
Конецъ наступилъ.
Но самъ ты какъ выросъ
И чьею рукою
Былъ вскормленъ, о, сынъ мой?
Скажи своей матери,
Все разскажи.

Евней.

Въ Іолкъ обоихъ отвезла Аргó.

Ипсипила.

О, да, удаливъ васъ
Отъ груди моей!

Евней.

Когда же смерть похитила Ясона—

Ипсипила.

Онъ умеръ? О, сынъ мой!
Ахъ, новое горе
И новыя слезы
Приносишь ты мнѣ.

Евней.

Орфей обоихъ въ Ѳракію увелъ.

Ипсипила.

Какую утѣху
Отцу-горемыкѣ
Готовилъ онъ этимъ?
Скажи мнѣ, дитя.

Евней.

Меня киѳары научилъ ладамъ,
Его же къ бранной битвѣ приспособилъ.

Ипсипила.

Но какъ же вернулись
Вы, дѣти, чрезъ волны
Эгейскія снова
На Лемносъ родной?

Евней.

Ѳоантъ, отецъ твой, перевезъ внучатъ.

Ипсипила.

Ѳоантъ! Онъ живъ?

Евней.

Благословеньемъ Вакха.

Здѣсь связный текстъ прекращается; изъ сохранившихся въ дальнѣйшемъ группъ буквъ видно, однако, что названный въ послѣднемъ стихѣ богъ остается темой разговора еще нѣкоторое время—это подготовляетъ зрителей къ его личному появленію въ послѣдней сценѣ. Дѣйствительно, Еврипидъ любилъ такія богоявленія въ концѣ своихъ трагедій—знаменитаго deus ex machina; что онъ и въ нашей трагедіи остался вѣренъ своему обычаю, доказываетъ сохранившійся клочокъ папируса. Клочокъ жалкій — только начальныя буквы восьми строкъ — но съ именемъ Діониса передъ второй изъ нихъ. Итакъ, Діонисъ давалъ окончательную развязку трагедіи; что же говорилъ онъ своей внучкѣ и обоимъ правнукамъ? Первымъ дѣломъ, конечно, онъ приказывалъ братьямъ вернуться съ матерью на Лемносъ и— надо полагать—оставаться тамъ до кончины послѣдней. Затѣмъ онъ предсказалъ Евнею его—быть-можетъ вынужденный—уходъ изъ Лемноса и переходъ къ аѳинянамъ; имъ онъ передастъ свои права на островъ, которыя будутъ со временемъ осуществлены, и въ лицѣ своихъ потомковъ-Евнидовъ получитъ отъ нихъ въ награду наслѣдственный культъ своего родоначальника, Діониса-Мельпомена. Младшему же, Ѳоанту... мы тутъ слегка фантазируемъ, но его дальнѣйшая судьба не могла быть пропущена, и поэтъ, думается, не даромъ подчеркнулъ его воинственность— итакъ, Ѳоанту онъ предвѣщаетъ, что онъ тоже оставитъ Лемносъ, но въ другомъ направленіи и, перейдя въ Тавриду, станетъ царемъ воинственныхъ и винолюбивыхъ скиѳовъ и пріютитъ у себя дочь Агамемнона Ифигенію, перенесенную къ нему неисповѣдимой волею Артемиды. Дѣйствительно, того царя Тавриды тоже звали Ѳоантомъ, и позднѣйшіе поэты отожествляли его съ нашимъ... правда, съ дѣдомъ, а не съ внукомъ. Но съ дѣдомъ его невозможно отожествить по хронологическимъ соображеніямъ; отожествляя же его съ Ѳоантомъ-внукомъ, мы получаемъ въ лицѣ нашей Ипсипилы звено, соединяющее походъ Аргонавтовъ и съ походомъ Семи противъ Ѳивъ, и съ походомъ Агамемнона подъ Трою.

Такъ-то въ этой заключительной рѣчи Діониса страстность трагедіи постепенно переходитъ въ объективное спокойствіе

эпоса; когда его послѣднее слово прозвучало, всѣ участвующіе въ трагедіи со знаками нѣмого благоговѣнія расходятся.

XI.

Трагедія прошла передъ нами. Быть можетъ, остроумію ученыхъ удастся еще добыть новые факты изъ тѣхъ многочисленныхъ клочковъ, которые теперь лишь подзадориваютъ наше любопытство полуосмысленными группами своихъ письменъ; быть можетъ, продолжающаяся египетская сказка добровольно представитъ въ наше распоряженіе новые матеріалы. Пока же приходится довольствоваться тѣмъ, что въ предыдущемъ нами установлено.

Итакъ, что же мы скажемъ объ Ипсипилѣ-прислужницѣ?

Прежде всего — что поэтъ прекрасно поступилъ, удержавъ допущенное его предшественникомъ—будь то Эсхилъ или кто-нибудь другой—ея отожествленіе съ Ипсипилой-царицей.

Дѣйствительно, первоначально это были двѣ различныя и самобытныя героини саги. Что миѳъ объ Ипсипилѣ Лемносской не былъ разсчитанъ на это продолженіе въ рощѣ Немейскаго Зевса—это мы уже видѣли; точно также можно, однако, утверждать, что и миѳъ объ Ипсипилѣ-прислужницѣ не былъ разсчитанъ на то Лемносское начало. Весь смыслъ этой Ипсипилы исчерпывается тѣмъ, что она открыла своему питомцу, Архемору-Офельту, „высоковратную“ обитель смерти и этимъ символически предрѣшила несчастный конецъ похода Семи. Вообще, что это за прозрачныя, говорящія имена! Амфіарай— „отовсюду окруженный проклятіемъ“; Адрастъ — „не могущій избѣгнуть своей участи“; Археморъ — „начатокъ рока“; наконецъ, Ипсипила „высоковратая“ въ выясненномъ выше смыслѣ. Можно ли сомнѣваться, что они были созданы, такъ сказать, съ наклономъ другъ къ другу?..

Но это было когда-то; для аттической трагедіи Ипсипила-прислужница неразрывно связана съ Ипсипилой-царицей — уже начиная съ Эсхила. Все же для Эсхила эта женская фигура была вообще второстепеннымъ лицомъ; даже не зная содержанія его „Немеи“, даже независимо отъ того, правильно ли наше предположеніе о вліяніи ея на разсказъ Стація, мы можемъ утверждать, что для благочестиваго поэта главнымъ предметомъ интереса было учрежденіе немейскихъ игръ въ воздаяніе за преждевременную смерть Архемора и символически — за несчастный конецъ похода Семи. Понятно ли намъ это? Спо-

собны ли мы видѣть въ земнородномъ змѣѣ, погубившемъ младенца Евридики, того стариннаго Аресова змѣя, блюдущаго основанныя на мѣстѣ его логовища Ѳивы и губящаго въ зародышѣ враждебную имъ рать аргосскаго льва? Способны ли мы видѣть въ огромномъ несчастіи, постигшемъ народъ, огромное, болѣзненное напряженіе его жизненной энергіи, требующее себѣ разрѣшенія въ славѣ посмертныхъ игръ? Говоритъ ли что-либо нашему сердцу эта своеобразная нравственная энтропія?.. Если нѣтъ, то лучше оставимъ Эсхила; перейдемъ къ Еврипиду.

Эсхилъ назвалъ свою трагедію „Немеей“, Еврипидъ „Ипсипилой“; этимъ многое сказано. Тотъ мотивъ, который у Эсхила былъ второстепеннымъ, у Еврипида становится главнымъ — мотивъ страдалицы-женщины. Она была царицей и стала прислужницей; всѣ мечты, соединенныя съ ея давнишнимъ царскимъ величіемъ, сопровождаютъ ее въ ея рабскую долю, составляя трогательный, патетическій контрастъ съ ея безотрадной дѣйствительностью. Гдѣ имѣемъ мы еще этотъ контрастъ? Въ патетической VI-ой рапсодіи Иліады. Предвидя будущее, Гекторъ говоритъ своей женѣ Андромахѣ (VI, 454 и сл., перев. Гнѣдича):

...какъ тебя аргивянинъ мѣдью покрытый
Слезы лiющую въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу.
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкѣ,
Воду носить отъ ключей Месѣнды иль Гипереи
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ, но заставитъ жестокая нужда.
Льющую слезы тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
Всѣхъ конеборцевъ троянъ, какъ сражались вкругъ Иліона.
Скажетъ и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть.

Но это — мимолетное видѣніе будущаго; въ настоящее его превратилъ все тотъ же Еврипидъ, давшій въ своей „Андромахѣ“ именно трагедію Андромахи-прислужницы. То было лѣтъ пятнадцать назадъ; что же намъ даетъ „Ипсипила“? Повтореніе? Нѣтъ; Еврипидъ не повторяется.

Не о своемъ царствѣ мечтаетъ Ипсипила въ неволѣ — не свой дворецъ въ высокой Миринѣ видитъ она предъ собою, не своихъ богоотверженныхъ амазонокъ, запятнанныхъ „лемносскимъ грѣхомъ“ и вдобавокъ ее изгнавшихъ. При видѣ ея подруги заранѣе знаютъ, что она,

какъ прежде, неустанно
Стругъ чудесный воспѣваетъ
Стовесельную Арго.

И когда ее волочатъ на смерть, она съ отчаяніемъ взываетъ:

О, борть Аргò! О, бѣлые разливы
Лазурныхъ волнъ!

Да; все счастье ея прошлаго сосредоточено въ моментѣ, когда къ лемносскому берегу стала подплывать Аргò. Она величаво разсѣкаетъ волны съ устремленными впередъ гребнями, обливающими бѣлой, клокочущей пѣной морскую лазурь; высоко на борту стоитъ Пелей съ причаломъ въ рукахъ, готовящійся прыгнуть на берегъ, какъ только судно подойдетъ; а дальше, на среднемъ мосту, прислонившись къ мачтѣ, виднѣется Орфей, дающій своей игрой сигналы дружнымъ усиліямъ гребцовъ; еще дальше... Да, эта картина незабвенна. Аргò—это больше, чѣмъ царство; Аргò—это чудо.

Такой же униженной и въ атмосферѣ такого же чуда изобразилъ Рихардъ Вагнеръ свою Эльзу въ ея ясновидческой пѣсни перваго акта; другой параллели я не знаю.

Это—новый образъ, новая цѣнность; слава вѣчно подвижной, вѣчно изобрѣтательной музѣ Еврипида, что она могла его создать. Слава также египетскимъ пескамъ, что они намъ его возвратили. Но сколько несчастья въ счастьѣ! Какъ нестерпимо больно бываетъ читателю новонайденныхъ фрагментовъ, когда они то-и-дѣло обрываются именно тамъ, гдѣ развитіе дѣйствія возбуждаетъ самый живой его интересъ!

„Ужъ слишкомъ мечтательна тщеславная дѣва“ (Traumselig ist die eitle Magd)—говоритъ про Эльзу ея обвинитель. Слишкомъ мечтательна и наша Ипсипила. Вначалѣ, слыша о походѣ Семи, она остается къ нему вполнѣ равнодушна. Но вотъ этотъ походъ мало-по-малу втягиваетъ ее въ свои круги. Является Амфіарай, лучшій изъ Семи; онъ знаетъ и видитъ въ ней бывшую царицу, а не прислужницу, онъ проситъ ее о важномъ, богоугодномъ дѣлѣ. Такъ точно и Ясонъ нѣкогда во главѣ своихъ аргонавтовъ являлся къ ней—тамъ, на Лемносѣ. Долгъ прислужницы велитъ ей обратиться къ ея госпожѣ, чтобы она или ее отпустила, или другую послала. Она такъ и хочетъ сдѣлать, но—Аргò, Аргò! Нѣтъ, въ присутствіи этого человѣка она себя прислужницей не чувствуетъ. Долгъ нарушенъ; грѣхъ и кара налицо.

Да, красиво и ясно вырисовывается характеръ героини на туманномъ фонѣ разрушенной трагедіи. Къ сожалѣнію, онъ—единственный: Амфіарай, Евридика, Ясониды погибли въ развалинахъ. Тѣмъ сильнѣе запечатлѣвается онъ въ памяти, и чи-

татель охотно уноситъ съ собой это новое обогащеніе музея женскихъ типовъ Еврипида—образъ царицы-прислужницы, тѣшащей погремушкою ввѣренное ея заботамъ дитя въ то время, какъ чудесная Аргò стоитъ неподвижно передъ очами ея души.

Ѳ. Зѣлинскій.

ОБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ

ПРЕСТУПНОСТИ

Вопросы, связанные съ ростомъ преступности въ населеніи, не перестаютъ волновать современное общество, видящее въ немъ вполнѣ естественную угрозу нашей цивилизаціи, — угрозу, являющуюся въ то же время постояннымъ напоминаніемъ о ненормальныхъ условіяхъ жизни современнаго общества, изъ которыхъ долженъ быть найденъ соотвѣтствующій выходъ. Защитники нашей цивилизаціи, носящей на своемъ тѣлѣ тяжелую и смрадную болячку, называемую преступностью, ничуть не могутъ утѣшаться мыслью, что эта болячка постепенно подживаетъ и такъ или иначе залечится въ болѣе или менѣе близкомъ времени. Напротивъ того, всѣ статистическія данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что эта болячка растетъ и увеличивается и серьезно, настойчиво угрожаетъ нашему обществу, напоминая ему о ненормальности установившихся условій общежитія.

По новѣйшей германской Kriminalstatistik, изданной Reichsjustizamt за 1901-й г., оказывается, что при увеличеніи населенія на 15% число преступленій повысилось за десятилѣтіе 1881—1901 съ 37.544 до 50.538, иначе говоря—на 34,6%; число проступковъ увеличилось съ 306.538 до 416.500, или на 35,9%. Общее число судебныхъ дознаній въ среднемъ за періодъ времени съ 1881 по 1885 г. въ Германіи было 429.451 ежегодно, тогда какъ въ 1905 г. оно увеличилось до 754.735 [1]).

[1]) Тарновскій, „Движеніе преступности въ Германіи за 1882—1901 г.“ „Журналъ Мин. Юстиціи“ 1904 г., № 1.

При этомъ ростъ преступности не только не уменьшается въ послѣднее время, а напротивъ того, съ каждымъ годомъ увеличивается. Такъ, за два только года 1889—1891 число преступленій возросло на 11,5%, а число преступниковъ — на 6%.

По Scheil'ю [1]), за періодъ времени съ 1882 по 1899 г. общее число осужденныхъ въ Германіи поднялось съ 725 до 825 на каждыя 100 тыс. жителей, а если взять только одни болѣе тяжкія преступленія, то и здѣсь увеличеніе для взрослыхъ опредѣлится въ 44,7%, тогда какъ взрослое населеніе за тотъ же періодъ времени увеличилось лишь на 22%.

Равнымъ образомъ и преступность среди малолѣтнихъ прогрессируетъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Такъ, за тотъ же періодъ времени преступность возраста 12—18 л. возрасла на 54%, а принявъ во вниманіе ростъ населенія,—на 37%. Точно также и число рецидивовъ возвышается crescendo. Такъ, въ 1882 г. число рецидивовъ на 100.000 населенія было 190,5, а въ 1899 г.—249,7, т.-е. поднялось съ 26,2% до 34,9%. Среди малолѣтнихъ въ 1889 г. считалось въ Германіи 5.570 рецидивовъ, а въ 1886 уже 8,316, или, считая на 1.000 осужденныхъ, повысилось съ 158 до 188 [2]).

Это одичаніе нравовъ, по выраженію Oettingen'a (Moralstatistik, 3-е изд. 1882), не можетъ объясняться какими-либо случайными моментами, какъ полагалъ Starke [3]) — напр. усиленіемъ полицейскаго сыска, временнымъ поднятіемъ цѣнъ на продукты первой необходимости и т. п., такъ какъ ростъ преступности—явленіе всеобщее.

Возьмемъ другія страны.

Въ Австріи за 25 лѣтъ, по оффиціальной статистикѣ [4]), число преступленій, въ 1876—80 гг. составлявшее 39.651 ежегодно, въ 1899 поднялось до 46.768; число осужденныхъ за преступленія, проступки и нарушенія въ 1874 г. равнялось 308.605, въ 1899 г. поднялось до 386.833; иначе говоря, на 100.000 населенія оно поднялось съ 1.510 на 2.267. При этомъ и число рецидивистовъ-преступниковъ возвысилось съ 35,5 до 42,3 на 100 осужденныхъ.

Въ Италіи, по даннымъ Hall'я [5]), общее число преступни-

---

[1]) Scheil, „Die Ergebnisse d. deutsch. Kriminalstatistik 1882—1899". Jahrb. f. Nation. Oekonomie u. Statistik, 22 Bd.

[2]) Edgar Saening, „Jahrb. f. Nationaloekonomie und Statistik", Bd. 22.

[3]) Starke, „Verbrechen u. Verbrecher in Preussen 1854—1878".

[4]) „Oesterreich. Statistik für d. Jahr 1899" (1903).

[5]) Ar. Chev. Hall, „Crime in its relations to social progress", 1902.

ковъ, присужденныхъ къ лишенію свободы за періодъ времени съ 1881 по 1885 г., въ среднемъ равнялось 367.570, а за одинъ годъ 1896—1897 достигло 527.694. Въ 1881—85 гг. на 100.000 населенія было осужденныхъ 1.291, въ 1896—97 гг.—1.614.

Точно также большой ростъ преступности въ Италіи отмѣчается и данными, собранными Bosco: съ 1883 по 1899 г. число осужденій за преступленія и проступки возрасло съ 1142,6 до 1811,9 на 100.000 населенія. Правда, по оффиціальной статистикѣ (Statistica giudiziaria penale) общее число преступленій въ 1901 г. незначительно убавилось, но, по Bosco, это объясняется случайными причинами [1]).

Во Франціи, по словамъ H. Joly [2]), съ 1838 г. населеніе увеличилось на 51%, а „корысть"—на 69%, причемъ и число рецидивовъ съ 1866 до 1887 г. увеличилось по отношенію къ числу всѣхъ обвиняемыхъ съ 31% до 54%. По тому же автору [3]), несмотря на то, что съ 1860 до 1891 г. общее число дѣтей во Франціи вообще уменьшилось на 226.000, число обвиняемыхъ въ возрастѣ до 16 лѣтъ увеличилось съ 5.400 до 7.000, а въ возрастѣ съ 16 лѣтъ до 21 г.—съ 16.000 до 31.000.

Однако оффиціальныя статистическія данныя за послѣднее время не безъ нѣкоторой искусственности показываютъ уменьшеніе преступности во Франціи. Такъ, по „Compte général de l'administration de la justice criminelle" за 20 лѣтъ (1880—1900), вышедшемъ въ 1903 г., оказывается, что число лицъ, подлежавшихъ суду присяжныхъ, уменьшилось съ 1.668 до 1.330. При этомъ уменьшеніе будто бы касается и рецидивизма. Но еще H. Joly обращаетъ вниманіе на чрезвычайный ростъ дѣлъ, прекращенныхъ за необнаруженіемъ виновныхъ. Съ другой стороны, Tarde [4]) указалъ на то, что французская статистика вовсе не принимаетъ въ соображеніе релегацію, дающую ежегодный большой отливъ закоренѣлаго преступнаго населенія Франціи въ колоніальныя мѣста ссылки. Этимъ путемъ въ значительной мѣрѣ и достигается своеобразное „очищеніе" французской уголовной статистики [5]).

---

[1]) Гогель, „Роль общества въ борьбѣ съ преступностью", стр. 8. Въ этой книгѣ собранъ между прочимъ обильный матеріалъ, относящійся къ интересующему насъ предмету.

[2]) H. Joly, „La France criminelle", 1889.

[3]) H. Joly, „Les associations et l'état dans la lutte contre le crime", „Revue polit. et parlam." 1895, стр. 430.

[4]) Tarde, „Revue pénit.", 1893.

[5]) Д. А. Дриль, „Журн. Мин. Юстиціи". 1897.

Въ пользу того, что во Франціи общее число преступленій увеличивается подобно другимъ странамъ, говоритъ тотъ указанный Тардомъ фактъ, что число судебныхъ дѣлъ во Франціи не уменьшается, а увеличивается: за 20 лѣтъ оно поднялось съ 423.983 до 514.761. Вмѣстѣ съ тѣмъ число дѣлъ, прекращенныхъ за отсутствіемъ признаковъ преступленія, за неважностью самыхъ преступленій и за необнаруженіемъ виновныхъ возросло въ значительной мѣрѣ. Такимъ образомъ очевидно, что во Франціи однимъ изъ условій, очищающихъ статистику, является и ослабленіе обвинительной дѣятельности.

Если обратиться къ отдѣльнымъ видамъ преступленій, то число ихъ во Франціи несомнѣнно возрастаетъ; по крайней мѣрѣ возрастаютъ такія преступленія, какъ убійства съ корыстною цѣлью, преступленія противъ личности и простыя кражи.

Увеличивается также и дѣтская преступность. Такъ, Bosco указываетъ, что за періодъ съ 1881 по 99 г. число малолѣтнихъ преступниковъ до 16 лѣтъ съ 6.298 увеличилось до 6.938, а въ возрастѣ съ 16 до 21 г.—съ 32.100 до 34.328.

Возьмемъ теперь Англію. Въ этой странѣ, съ осуществленіемъ тюремной реформы въ 1877 г. и съ введеніемъ реформаторій и индустріальныхъ школъ, число преступленій, повидимому, сразу уменьшилось. По крайней мѣрѣ число арестантовъ въ это время несомнѣнно сократилось. Такъ, въ 1878 г. средній суточный составъ тюремнаго поселенія равнялся 30.833, въ 1879 г. онъ понизился уже до 19.818 челов., а черезъ 10 лѣтъ, въ 1889 г. до 14.758; наконецъ, въ 1892 г. общій составъ тюремнаго населенія достигъ 12.663. Можно было торжествовать побѣду надъ зломъ; но затѣмъ тюремное населеніе начало быстро возрастать, такъ что въ 1901 г. оно равнялось уже 14.739. Въ слѣдующіе затѣмъ годы количество заключенныхъ возрастаетъ еще болѣе быстро. Такъ, въ 1901 г. общее число осужденныхъ въ тюрьму равнялось 166.794, въ 1902—3 г. 196.144, въ 1903—4 г.—уже 210.482 [1]). Теперь ясно, что временное уменьшеніе числа заключенныхъ въ англійскихъ тюрьмахъ объясняется случайными причинами, а не представляетъ собою дѣйствительнаго уменьшенія преступности въ населеніи, что отмѣчаетъ и парламентская коммиссія, съ Гербертомъ Гладстономъ во главѣ, образованная въ 1895 г. На упомянутое сокращеніе тюремнаго населенія въ Англіи повліяли законъ о реформаціяхъ и индустріальныхъ школахъ, законъ о сокращенномъ судопроизводствѣ

[1]) „Revue pénit.“, 1909, стр. 278.

и расширеніе полномочій судей въ отношеніи срока каторжныхъ работъ, но въ дѣйствительности сама преступность ничуть не уменьшилась [1]). Изъ доклада Регльбранза брюссельскому тюремному конгрессу мы видимъ, что если въ 1877 г. рецидивистами являлись 39% тюремныхъ жителей, то въ 1898 г. число ихъ уже достигло 58%, а въ 1902 г. — 62% [2]). Равнымъ образомъ и дѣтская преступность, судя по огромному количеству дѣтей, отправляемыхъ въ реформаторіи и индустріальныя школы, въ Англіи сильно возрастаетъ. Число дѣтей, помѣщающихся въ индустріальныхъ школахъ, увеличилось съ 1.868 въ 1864 г. до 23.369 въ 1902 г.

Наконецъ, обратимся къ Россіи. Можно ли, однако, говорить здѣсь о преступности съ цифрами въ рукахъ, какъ по отношенію къ западнымъ государствамъ? Въ этомъ отношеніи мы, къ сожалѣнію, должны констатировать полную неудовлетворительность русской статистики. По Тарновскому [3]) число возникшихъ дѣлъ въ Россіи за 20 лѣтъ (1883 — 1903) увеличилось на 57%, тогда какъ населеніе за тотъ же періодъ увеличилось всего на 30%; но, къ удивленію, общее число осужденныхъ за тотъ же періодъ осталось безъ измѣненія. Этотъ странный фактъ, противорѣчащій всѣмъ даннымъ западно-европейскихъ статистикъ, проф. Гогель не безъ основанія относитъ къ совершенной неточности и хаотичности русской статистики.

Что касается послѣднихъ лѣтъ, то нужно ли даже обращаться къ статистикѣ, чтобы придти къ выводу объ увеличеніи преступности въ Россіи? Всякій, слѣдившій за событіями послѣдняго времени и близко знакомый съ внутреннимъ бытомъ Россіи, можетъ сказать безъ всякой статистики, какъ ощутительно увеличилась вездѣ и всюду въ Россіи необезпеченность жизни и имущества и въ какихъ ужасныхъ формахъ стала проявляться преступность въ Россіи, какъ по отношенію къ личности, такъ и по отношенію къ имуществу.

Само собою разумѣется, что преступленія, при количественномъ ихъ ростѣ, съ теченіемъ времени мѣняются въ своихъ формахъ, при чемъ число однихъ преступленій остается на прежней высотѣ или даже нѣсколько уменьшается, а число другихъ преступленій болѣе или менѣе значительно увеличивается. Иначе говоря, преступленіе эволюціонируетъ въ зависимости отъ измѣ-

---

[1]) Гогель, loco cit., стр. 18—20.

[2]) „Revue pénit.“, 1905, стр. 1047.

[3]) Тарновскій, „Журналъ Министерства Юстиціи“ за 1905 г.

няющихся общественныхъ и экономическихъ условій и въ связи съ измѣненіемъ нравовъ, чему свидѣтельствомъ служатъ тѣ же статистическія данныя; но мы не будемъ входить въ детали этого вопроса. Достаточно сказать, что въ этой эволюціи преступленія, въ смыслѣ его формы, статистика также не даетъ намъ утѣшительныхъ перспективъ. Статистическія данныя разныхъ странъ показываютъ, что тяжкія преступленія противъ личности убавились лишь тамъ, гдѣ число ихъ было и такъ чрезмѣрно велико, какъ въ Италіи; въ другихъ же странахъ они или не убавились, или даже увеличились въ той или другой пропорціи. Равнымъ образомъ, преступленія противъ собственности не только не убываютъ, въ общей суммѣ, въ разныхъ европейскихъ странахъ, но, эволюціонируя въ своей формѣ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, увеличиваются болѣе или менѣе значительно и постоянно.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ заимствовать изъ прекраснаго труда С. К. Гогеля слѣдующія строки: „Преступность хотя и видоизмѣнилась въ своихъ формахъ, выражаясь въ отдѣлѣ преступленій противъ личности больше въ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, чѣмъ въ убійствахъ, въ отдѣлѣ преступленій противъ имущества больше въ кражахъ и обманахъ, чѣмъ въ разбояхъ и грабежахъ, тѣмъ не менѣе неуклонно и постепенно увеличивается. Число преступныхъ дѣяній и число осужденныхъ не только увеличивается сообразно съ увеличеніемъ и ростомъ населенія, но значительно и быстро перегоняетъ его. Такъ какъ это явленіе наблюдается, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями вверхъ и внизъ, около столѣтія, то устраняется всякая возможность считать его временнымъ“ [1]).

Можно опредѣленно сказать, что наша цивилизація въ своемъ корнѣ подтачивается язвой преступности, и если мы не залечимъ эту все развивающуюся въ ширь и въ глубь язву, то современная намъ цивилизація уже не можетъ претендовать на прочность своего дальнѣйшаго существованія. Нѣтъ никакой возможности закрывать глаза предъ наступающей грозной опасностью. Мы должны заблаговременно приготовиться къ раціональной борьбѣ съ этой опасностью и для этой цѣли изучить постепенно надвигающееся бѣдствіе.

Всякому ясно, что для раціональной борьбы съ преступностью необходимо прежде всего выяснить размѣры и основныя причины преступности, такъ какъ только такимъ путемъ

[1]) Гогель, loco cit., стр. 22—23.

создается возможность раціональной борьбы съ этимъ печальнымъ явленіемъ нашей общественности.

Выяснить главные корни преступности — значитъ указать и пути ея искорененія. Для того именно, чтобы приступить къ столь важному и трудному дѣлу, какъ изученіе преступности и раціональныхъ мѣръ борьбы съ нею, Психо-Неврологическій институтъ выдѣлилъ изъ своей среды, по моему предложенію, криминалогическую секцію, подъ названіемъ криминалогическаго института.

На Западѣ уже возбуждался вопросъ объ устройствѣ международнаго Криминалогическаго Института (американцемъ Мас Donald'омъ), но до сихъ поръ эта мысль, сколько мнѣ извѣстно, еще не осуществилась. Маленькая Аргентина недавно разрѣшила этотъ вопросъ, устроивъ особый Криминалогическій Институтъ на правительственныя средства.

Мы полагаемъ, что медлить съ образованіемъ у насъ такого института нельзя. Теперь очередь за сочувствіемъ общества и правительства скромному начинанію, которое, при благопріятныхъ условіяхъ, окажетъ большія услуги и обществу, и государству.

Здѣсь нельзя не упомянуть о научномъ учрежденіи, близкомъ, по основнымъ своимъ началамъ, къ образуемой нами криминалогической секціи. Я говорю о международномъ союзѣ криминалистовъ, существующемъ уже 20 лѣтъ и имѣющемъ русскую группу, образованную въ 1899 г. По уставу этого союза, основателями котораго были берлинскій профессоръ Листъ, брюссельскій профессоръ Принсъ и амстердамскій профессоръ Ванъ-Гамель, „уголовная наука и уголовное законодательство должны считаться съ выводами ученій антропологическихъ и соціологическихъ".

Для правильной оцѣнки значенія этого положенія слѣдуетъ имѣть въ виду, что союзъ основанъ юристами-догматиками, а потому вышеприведенное указаніе его устава является лишь нѣкоторой уступкой, но отнюдь не отказомъ отъ взгляда, который главнымъ методомъ въ области уголовной науки признаетъ методъ юридико-догматическій и субъективный. До нѣкоторой степени международный союзъ криминалистовъ представляетъ собою попытку примиренія школъ антропологической, соціологической и юридической, почему онъ и получилъ въ наукѣ названіе школы эклектиковъ. Однако, это примиреніе или сліяніе, какъ легко понять, въ дѣйствительности не можетъ быть проведено во всей

полнотѣ [1]), чѣмъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что союзъ на своихъ съѣздахъ занимается не столько вопросами чистой науки, сколько вопросами, относящимися до уголовно-политическихъ мѣръ. При всемъ томъ нельзя не отдать полной справедливости этому учрежденію: оно является въ жизни культурныхъ народовъ элементомъ прогрессивнымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это доказалъ и послѣдній, недавно закончившійся въ Москвѣ съѣздъ русскихъ криминалистовъ, постановившій столько гуманныхъ и продуманныхъ резолюцій по наиболѣе важнымъ современнымъ вопросамъ русскаго уголовнаго и уголовно-процессуальнаго законодательства [2]).

Сдѣлавъ это вступленіе, мы постараемся выяснить, какой принципъ по нашему мнѣнію долженъ быть принятъ по отношенію къ изученію преступленія, причинъ преступности въ населеніи вообще и личности преступника.

Преступленіе само по себѣ есть понятіе юридическое, отличающееся извѣстной условностью, притомъ мѣняющееся съ теченіемъ времени, въ зависимости отъ условій общественной жизни и формы государственности. Въ однѣхъ странахъ жестоко карается то дѣяніе, которое въ другихъ странахъ не считается вовсе преступленіемъ. Напримѣръ, современная намъ Франція не признаетъ преступленій противъ вѣры, преслѣдуемыхъ въ другихъ странахъ, а Швейцарія и Англія не признаютъ такъ-называемыхъ политическихъ преступленій. Время также мѣняетъ понятіе преступности. Достаточно вспомнить жестокое преслѣдованіе старыми уголовными кодексами такъ-называемыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, которыхъ нынѣшнія законодательства совершенно не знаютъ.

Юридическое понятіе преступленія далеко не можетъ быть отождествляемо съ понятіемъ нарушеній нравственности вообще. Законъ преслѣдуетъ нарушенія условій общежитія, имѣя въ виду удобство ихъ для большинства или, по крайней мѣрѣ, для установившагося государственнаго строя. Понятіе же нравственности опредѣляется идеалами общественной жизни. Чтобы ярче оттѣнить несоотвѣтствіе юридическихъ нормъ съ нравственными нормами, достаточно сказать, что съ точки зрѣнія закона Іисусъ Христосъ, Сократъ, Іоаннъ Гуссъ и многіе великіе проповѣдники нравственныхъ началъ были въ свое время признаны преступ-

[1]) Доказательство этому можно почерпнуть даже въ столь талантливомъ трудѣ, какъ учебникъ Prince'a: „Science pénale et droit positif".

[2]) Сообщено Гогелемъ.

никами и осуждены. Въ силу отвлеченнаго принципа, вложеннаго въ понятіе о преступленіи, подъ него подводятся дѣйствія, имѣющія и по характеру, и по цѣли мало общаго между собою. Можетъ ли быть напр. что-либо общее между простымъ воромъ и политическимъ преступникомъ? Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ объ актѣ корыстолюбиваго характера, нарушающаго права собственности другого человѣка; во второмъ случаѣ дѣло идетъ объ актѣ альтруистическомъ, часто возвышающемъ человѣка надъ цѣлымъ рядомъ окружающихъ его лицъ.

Въ виду этого нѣкоторые авторы, какъ напр. Garofalo, пытались выдѣлить категорію такъ-называемыхъ естественныхъ преступленій въ отличіе отъ другихъ преступленій болѣе условнаго характера. Но и въ категоріи этихъ „естественныхъ“ преступленій, сводящихся къ тѣмъ случаямъ, когда нарушаются элементарныя требованія нравственности и преступается minimum морали современнаго общества, также немало условности: вѣдь мораль есть понятіе неодинаковое въ разныхъ странахъ и мѣняющееся съ теченіемъ времени. Даже взгляды на убійство неодинаковы въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Извѣстно, что въ Спартѣ признавалось законнымъ убійство хилыхъ дѣтей, а у нѣкоторыхъ дикарей и нынѣ допускается убійство стариковъ.

Итакъ, что же такое преступленіе и преступникъ?

По опредѣленію Joly, „преступникомъ должно признать человѣка, желающаго подчинить своимъ страстямъ отношенія, которыя у него возникаютъ съ другими лицами, но не обладающаго ни храбростью, ни терпѣніемъ для закономѣрной и честной борьбы“.

Проф. Дюркгеймъ [1]) опредѣляетъ преступленіе, какъ дѣяніе, которое порицается большинствомъ, народной совѣстью, національнымъ сознаніемъ и чувствомъ солидарности. Мнѣ казалось бы проще сказать, что преступнымъ слѣдуетъ признавать вообще все то, что̀ приводитъ къ нарушенію minimum'а установленныхъ нормъ общежитія, причемъ, однако, юридическое толкованіе преступленія требуетъ, чтобы упомянутое нарушеніе было предметомъ вѣдѣнія уложенія о наказаніяхъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ преступленіе, перейдемъ къ разсмотрѣнію факторовъ, содѣйствующихъ развитію преступности въ населеніи.

Люди всегда были склонны думать, что во власти человѣка распоряжаться своими дѣйствіями по своему желанію и соотвѣтствующимъ образомъ вліять на окружающія его условія. Эта

[1]) E. Durckheim, De la division du travail social. 1902.

субъективная точка зрѣнія предполагаетъ, что человѣкъ, съ его волей, является властелиномъ надъ собой и надъ совершаемыми имъ поступками. Руководясь этимъ, нѣкоторые и до сихъ поръ склонны видѣть въ поразительномъ ростѣ преступности за послѣднее время индивидуальныя условія, связанныя съ паденіемъ нравственности и съ такъ-называемымъ развращеніемъ умовъ. Еслибы, однако, и было основаніе говорить о пониженіи нравственности въ настоящее время по сравненію съ прошлымъ, то возникаетъ другой вопросъ: гдѣ причины этого паденія нравовъ— въ субъективномъ ли мірѣ отдѣльныхъ лицъ или во внѣшнихъ общественныхъ и ближайшихъ факторахъ, подрывающихъ въ корнѣ основныя условія нравственныхъ началъ.

Первый взглядъ, видѣвшій въ преступленіи отклоненіе отъ обязательной для всѣхъ добродѣтели или проявленіе т. наз. злой воли, взглядъ еще неисчезнувшій и понынѣ даже въ высоко образованныхъ умахъ, недавно началъ уступать мѣсто біологической точкѣ зрѣнія на преступника, какъ на атавистическій типъ, проводимой съ настойчивостью итальянскимъ профессоромъ Lombroso и его послѣдователями. Эта послѣдняя точка зрѣнія пріобрѣла большое распространеніе и на Западѣ, и у насъ, благодаря тому, что многіе на первыхъ порахъ усмотрѣли въ ней разгадку сущности самаго преступленія, создаваемую на основахъ точнаго естественно-научнаго метода. Если ранѣе преступленіе и объяснялось съ точки зрѣнія злой воли, то основная причина такого направленія воли человѣка все же оставалась для многихъ неясной. И вотъ, казалось, что біологическая точка зрѣнія объ атавистической природѣ преступника, которую развивалъ Ломброзо, давала ключъ къ уясненію сущности самой „злой воли“, или, что̀ одно и то же, природы самого преступленія.

Особая популярность ученія Ломброзо объясняется и тѣмъ, что оно являлось первой по времени серьезной попыткой примѣнить законъ причинности къ явленіямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ преступныхъ дѣйствій человѣка. Въ корнѣ подрывая и опровергая классическую или догматическую школу уголовнаго права, оно, естественно, не могло не возбудить къ себѣ особеннаго интереса. Но, разбивъ старое воззрѣніе догматической школы на преступника, какъ на представителя проявленій „злой воли“, новое криминально-антропологическое ученіе, пріобрѣвшее на первыхъ же порахъ много адептовъ какъ въ самой Италіи, такъ и внѣ ея предѣловъ [1]), само стало вскорѣ колебаться подъ ударами

[1]) Изъ русскихъ авторовъ, развивавшихъ ученіе Ломброзо, слѣдуетъ отмѣтить

критики [1]). Самъ Lombroso видоизмѣнилъ свою первоначальную теорію, признавъ въ преступномъ типѣ не только атавистическія черты дикаря, но и признаки скрытаго эпилептика. Однако и противъ этой криминально-психіатрической или, точнѣе, біолого-патологической теоріи были сдѣланы существенныя возраженія, изъ которыхъ главное заключается въ томъ, что среди преступниковъ сами приверженцы ученія Lombroso насчитываютъ не болѣе 5% эпилептиковъ. Много усилій было сдѣлано Ломброзо, чтобы защитить свою точку зрѣнія; много было потрачено труда его учениками и послѣдователями, чтобы дать торжество идеѣ своего учителя, чтобы подкрѣпить біологическую идею въ вопросѣ о преступленіи—и тѣмъ не менѣе самъ Ломброзо въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ долженъ былъ сдѣлать существенныя отступленія отъ своей основной сначала біологической, а затѣмъ біолого-патологической точки зрѣнія въ пользу вліянія соціальныхъ условій на развитіе преступности въ населеніи. Многіе авторы нынѣ уже и вовсе не считаются съ этимъ ученіемъ, выдвинувъ другой принципъ, по которому преступленіе есть соціально-экономическое зло и должно быть изучаемо преимущественно съ соціальной, а не съ біологической точки зрѣнія.

Попытка создать особый преступный атавистическій типъ наткнулась на тотъ неоспоримый фактъ, что въ этомъ типѣ не оказалось ни одной анатомической черты, значеніе которой не оспаривалось бы и относительно которой не было бы болѣе или менѣе существенныхъ разногласій между представителями науки [2]). Противъ особаго преступнаго типа говорятъ спорность и сомнительность указываемыхъ Ломброзо признаковъ для большинства преступниковъ и въ то же время существованіе ихъ у совершенно честныхъ лицъ. Да и отправная точка Ломброзо, что преступный типъ есть атавизмъ или возвратъ человѣка къ первобытному состоянію дикаря, не можетъ быть признана правильной по существу, такъ какъ дикарь и дитя не суть преступники по природѣ. Дикарь враждебенъ по отношенію къ членамъ другого племени, но своему племени онъ не врагъ и въ своей средѣ онъ

Д. А. Дриль („Преступность и преступники“, 1895) и Л. Е. Владимірова („Психологическое изслѣдованіе на уголовномъ судѣ“).

[1]) Очень цѣнные труды по криминальной антропологіи даны были у насъ П. Н. Тарновскою по изслѣдованію воровокъ и убійцъ. Критическія работы по ученію Ломброзо у насъ принадлежатъ Бѣлиловскому, Вульферту, Закревскому, Шейнису и другимъ.

[2]) Шейнисъ, „Біологическіе и соціологическіе факторы преступленія“ (Міръ Божій, апрѣль и май 1903 г.).

нимало не похожъ на нашего преступника. По мнѣнію Спенсера, дикарямъ, живущимъ въ своихъ лѣсахъ, даже болѣе свойственна человѣчность, нежели многимъ членамъ обширной семьи цивилизованныхъ народовъ. Съ другой стороны, мы можемъ говорить о дѣтскомъ эгоизмѣ, объ импульсивности ребенка, но сравнивать его съ преступными типами никоимъ образомъ невозможно.

Въ виду массы сдѣланныхъ противъ теоріи Ломброзо возраженій, удивительно то упорство, съ которымъ итальянская школа, въ лицѣ своихъ видныхъ представителей, до сихъ поръ отстаиваетъ ученіе Ломброзо о преступномъ типѣ, видоизмѣняя первоначальные взгляды Ломброзо то въ томъ, то въ иномъ направленіи.

Необходимо отмѣтить одну школу, которая возникла бокъ-о-бокъ съ криминально-антропологической школой и можетъ быть разсматриваема какъ ея развѣтвленіе, такъ какъ особенное свое развитіе она несомнѣнно получила вмѣстѣ съ первоначальнымъ побѣдоноснымъ шествіемъ ученія Ломброзо. Эта школа, которую можно назвать психіатрическою, видѣла и видитъ въ преступникѣ настоящаго выродка или дегенерата, но не атависта въ смыслѣ Ломброзо, а просто психопатическую личность, отклоняющуюся отъ нормальныхъ людей особенностями своей психофизической организаціи.

Нельзя, впрочемъ, отрицать и самостоятельность этой школы, уже потому, что еще много ранѣе Ломброзо установилось въ психіатріи понятіе о вырожденіи, разнообразныя проявленія котораго подробно были разработаны первоначально Morel'емъ (Traité des dégénérescence), а затѣмъ и цѣлымъ рядомъ другихъ психіатровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ психіатріи уже давно трактовались вопросы о соотношеніи преступности съ вырожденіемъ и душевными болѣзнями, а извѣстнымъ Причардомъ было создано ученіе о такъ-называемомъ нравственномъ помѣшательствѣ, которое имѣетъ извѣстное соотношеніе и съ ученіемъ Ломброзо о прирожденномъ преступникѣ.

Новѣйшіе психіатры вообще не склонны разсматривать нравственное помѣшательство въ видѣ самостоятельной формы душевной болѣзни, а признаютъ его большею частью однимъ изъ проявленій другихъ болѣзненныхъ формъ, напр., вырожденія и эпилепсіи. Такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ можно видѣть позднѣйшія заимствованія отъ школы Ломброзо.

Основнымъ принципомъ психіатрической школы является положеніе, что между преступностью, вырожденіемъ и душевною

болѣзнью имѣется близкое родство и что преступность есть лишь одинъ изъ видовъ вырожденія.

Такъ, по словамъ Д. А. Дриля, извѣстнаго автора книги о „Малолѣтнихъ преступникахъ“ и защитника вышеуказанной теоріи, вырожденіе въ своихъ тончайшихъ отпрыскахъ объединяетъ въ одну обширную группу душевныя разстройства, неврозы, устойчивую порочность и преступность, которыя являются всѣ вмѣстѣ выраженіемъ неустойчивости и различныхъ порочностей психо-физической организаціи.

Душевныя разстройства, душевныя отклоненія и преступность, по словамъ того же автора, хотя и нетождественныя другъ другу явленія, но весьма родственныя. Преступленія весьма часто врываются въ область душевнаго разстройства и, наоборотъ, душевное разстройство часто сопутствуетъ преступности. Преступность и душевное разстройство взаимно дополняютъ другъ друга [1]).

Достаточно прослѣдить за типами малолѣтнихъ преступниковъ, описываемыхъ Д. А. Дрилемъ, чтобы сказать, что это типы ненормальные, хотя и не больные въ настоящемъ смыслѣ слова. Это, согласно мѣткому выраженію проф. Déjérine'a, une façon d'être вырожденія. „Преступность разсматривается мною, говоритъ авторъ, какъ постепенно подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій вырабатывающаяся порочность психо-физической организаціи человѣка, предрасполагающая его къ преступленію, но предрасполагающая не безусловно, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій или предрасполагающихъ причинъ“.

На точкѣ зрѣнія извѣстнаго родства между преступностью и душевными и нервными болѣзнями стоитъ и проф. В. Ф. Чижъ [2]).

По Voisin'y наклонность къ пороку (resp. преступленію) представляетъ собою больше, чѣмъ какія-либо другія наклонности, проявленіе наслѣдственности. Это, по выраженію автора, есть какъ бы безсрочное наказаніе за грѣхи предковъ.

Лоранъ [3]) отмѣчаетъ огромное число представителей вырожденія среди преступниковъ и, устанавливая связь между помѣшательствомъ и преступностью, какъ обычное явленіе, замѣчаетъ, что вырождающіеся представляютъ собою главныхъ плательщи-

[1]) Д. А. Дриль, Малолѣтніе преступники, стр. 124.

[2]) В. Ф. Чижъ, „Преступный человѣкъ передъ судомъ врачебной науки“. Казань, 1894.

[3]) Лоранъ, Тюремный міръ.

ковъ того налога, который называется преступностью. Алкоголь и вырожденіе — главные этіологическіе моменты преступности.

Féré [1]) также стоитъ на точкѣ зрѣнія ближайшаго соотношенія между преступленіемъ и вырожденіемъ. По его мнѣнію, при настоящемъ состояніи науки даже невозможно провести границу между преступленіемъ и сумасшествіемъ. Какъ положительный фактъ, добытый изученіемъ преступника, является, съ точки зрѣнія Фере, родство между преступностью, душевнымъ разстройствомъ и вырожденіемъ вообще,—родство, которое выражается частымъ совпаденіемъ преступленія и вырожденія какъ у одного и того же лица, такъ и въ одной семьѣ. Преступность, какъ одинъ изъ видовъ вырожденія, характеризуется, по словамъ Фере, прямою наслѣдственностью. Съ другой стороны, такъ какъ при вырожденіи возможна талантливость, изъ преступныхъ же семей не выходило еще талантливыхъ людей, то преступность, по автору, является однимъ изъ низшихъ видовъ вырожденія. Въ общемъ невозможно отличить преступниковъ отъ дегенератовъ, даже принявъ во вниманіе всѣ особенности преступнаго типа, отмѣчаемыя криминально-антропологической школой.

Таковы положенія психіатрической школы на преступность и на преступника. Повторяю, они довольно близки къ положеніямъ школы Ломброзо, но не могутъ быть съ ними отождествляемы въ полной мѣрѣ. Противъ положеній психіатрической школы можно возразить, что наслѣдственное родство между преступностью, душевными болѣзнями и вырожденіемъ объясняется тѣми внѣшними условіями, въ которыхъ родится преступленіе. Пауперизмъ и алкоголизмъ—условія для развитія вырожденія и душевныхъ болѣзней; между тѣмъ они же являются и главными факторами преступности. Далѣе, если между заключенными преступниками часты душевныя болѣзни, то опять-таки этотъ фактъ можетъ быть поставленъ въ связь съ вышеуказаннымъ условіемъ. Съ другой стороны, все ли здѣсь должно быть отнесено на долю вырожденія и не вліяютъ ли въ извѣстной мѣрѣ на развитіе душевныхъ болѣзней, испытываемыхъ арестантами, угнетающіе аффекты и самая обстановка? Наконецъ, такъ ли уже часты на самомъ дѣлѣ патологическія черты личности преступниковъ, какъ признаютъ представители психіатрической школы?

Ненормальные типы, по понятнымъ причинамъ чаще встрѣчающіяся среди малолѣтнихъ, нежели взрослыхъ преступниковъ, были отмѣчены и прекрасно описаны Д. А. Дриллемъ; тѣмъ не

[1]) Feré. Dégénérescence et criminalité. Paris. 1888 г.

менѣе и здѣсь они, повидимому, составляютъ не правило, а скорѣе исключеніе. Такъ по крайней мѣрѣ смотрятъ на нихъ представители другого направленія [1]).

Въ послѣднее время теорія Ломброзо сдѣлала попытку воскреснуть въ другомъ видѣ. Въ лицѣ Nordau мы имѣемъ создателя новаго ученія о преступности, которое можетъ быть названо паразитическимъ и о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе, какъ о позднѣйшей теоріи изъ порядка біологическихъ или, точнѣе, біопатологическихъ.

Д-ръ Нордау также исходитъ изъ положенія, что закоренѣлый преступникъ есть типъ вырождающійся, неспособный развиваться нормально и подверженный остановкѣ въ своемъ развитіи. Но онъ не признаетъ ученія объ атавизмѣ и не признаетъ въ то же время преступника ближайшимъ сородичемъ душевнобольного. По Нордау, въ преступникѣ мы имѣемъ дѣло съ неполнымъ и уродливымъ развитіемъ организма. Преступленіе является не чѣмъ инымъ, какъ явленіемъ человѣческаго паразитизма. Нѣтъ надобности пояснять, что подъ паразитами въ біологическомъ смыслѣ понимаютъ животныхъ и растенія, которыя живутъ на тѣлѣ или внутри животныхъ и растеній другой породы, не принося послѣднимъ никакой пользы, а напротивъ того, живя на счетъ ихъ соковъ и тѣмъ самымъ принося имъ тотъ или иной вредъ. Нордау и самъ держится вышеуказаннаго опредѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ его до полной неопредѣленности. Онъ признаетъ, что всякая вообще дифференцированная жизнь высшаго порядка паразитарна. Исключеніе составляютъ, будто бы, только простѣйшіе одноклѣточные организмы, питающіеся неорганическими веществами окружающей ихъ природы. Всѣ остальные живутъ на счетъ другихъ организмовъ. Такъ, растенія питаются веществами, переработанными другими растеніями или животными; животныя также питаются растеніями или животными же. Вполнѣ условно называютъ паразитами, напр., ліаны, обвивающія тропическія растенія—и не причисляютъ къ паразитамъ, напр., шампиньоны, питающіеся только разложившимися растеніями и животными; точно такъ же называютъ паразитами червей, живущихъ внутри животнаго, тогда какъ не называютъ паразитами такихъ хищниковъ, какъ левъ, которые питаются умерщвленными ими же животными. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ готовъ уничтожить самое понятіе паразитизма, такъ какъ при томъ кругообороте

[1]) См. Гогель, loco cit., стр. 26.

живой и неорганической матеріи, который мы имѣемъ вездѣ и всюду, всѣ живыя существа являются паразитами другихъ, и въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и человѣкъ, притомъ не преступный только, но и самый честнѣйшій и благороднѣйшій изъ смертныхъ.

Въ концѣ концовъ, желая ближе опредѣлить паразитизмъ, Нордау слово „паразитъ“ примѣняетъ къ тѣмъ случаямъ, „когда эксплуатирующій организмъ меньше и слабѣе эксплуатируемаго“, и не считаетъ паразитизмомъ насильственный и грубый захватъ болѣе мелкихъ и слабыхъ организмовъ лучше вооруженными“. Не трудно видѣть, что авторъ даетъ здѣсь опредѣленіе паразитизма, совершенно несоотвѣтствующее біологическому смыслу этого явленія. Впрочемъ, онъ и самъ признаетъ, что, говоря о человѣческомъ паразитизмѣ, онъ не придаетъ этому термину „чисто біологическаго смысла, а лишь нѣсколько аналогичный“. Но въ такомъ случаѣ, что же остается отъ его теоріи? Если дѣло идетъ не о біологическомъ понятіи паразитизма, то есть ли тутъ вообще мѣсто теоріи? Вѣдь не требуется доказательствъ тому, что извѣстная категорія преступниковъ представляетъ собою паразитовъ въ общественномъ смыслѣ, да и къ паразитамъ въ этомъ смыслѣ могутъ быть причислены не одни только преступники.

Въ человѣческомъ обществѣ паразитизмъ, говоритъ Нордау, „начинается только съ тѣхъ поръ, когда появляются люди, берущіе безъ отдачи, отнимающіе отъ другихъ результаты ихъ трудовъ безъ ихъ согласія и безъ всякой отплаты, однимъ словомъ, обращающіеся съ людьми, какъ съ первичной матеріей, которой они удовлетворяютъ всѣ свои нужды и потребности. Впадающіе въ этотъ паразитизмъ и суть преступники“. По Нордау, преступный человѣкъ—преступникъ не по природѣ и не представляетъ собою явленіе атавизма; паразитизмъ, напротивъ того, является спутникомъ цивилизаціи и наблюдается лишь въ организованныхъ обществахъ. Такимъ образомъ преступленіе, не будучи проявленіемъ атавизма, есть новое явленіе и при томъ относительно позднее въ цивилизаціи народовъ, представляющее собою „симптомъ индивидуальной и общественной болѣзни, признакъ патологическаго состоянія дифференцировавшагося общества“. Самый паразитизмъ, по Нордау, есть явленіе вырожденія, какъ и общепринято думать. „Вырождающійся человѣкъ, являясь хилымъ и слабымъ, по закону наименьшей затраты энергіи старается эксплуатировать ближняго вмѣсто того, чтобы жить съ нимъ въ условіяхъ равноцѣннаго обмѣна“.

Однако для сравненія или для аналогіи между біологиче-

скимъ паразитизмомъ съ одной стороны и преступностью съ другой не имѣется достаточныхъ основаній. Паразитизмъ въ природѣ выражается атрофіей однихъ органовъ отъ неупотребленія и гипертрофіей другихъ; иначе говоря, здѣсь видимъ мы своего рода аморфизмъ, тогда какъ у преступниковъ, по Ломброзо, органы чувствъ развиты хорошо, подвижность мышцъ выше, чѣмъ у нормальныхъ лицъ, и кромѣ того у многихъ изъ нихъ обнаруживается неофилія, т.-е. особая любовь къ новизнѣ. Эта особенность, какъ и чрезмѣрная энергія, замѣченная у разбойниковъ, убійцъ и нѣкоторыхъ злостныхъ банкротовъ, является противорѣчіемъ между ихъ жизнью и апатичнымъ, малоподвижнымъ существованіемъ настоящихъ паразитовъ.

Стоя на вышеуказанной точкѣ зрѣнія, Нордау предполагаетъ въ преступникѣ извѣстное органическое несовершенство, въ особенности недостатокъ задерживающихъ импульсовъ и сравнительно быстрое истощеніе нервной дѣятельности. Хотя авторъ и утверждаетъ, что его теорія обнимаетъ всѣ виды преступности, но онъ самъ старается извѣстнымъ образомъ ограничить понятіе истинной преступности тѣми формами, при которыхъ преступленіе совершается ради личнаго разсчета или наживы. При этомъ онъ указываетъ на необходимость проводить различіе между актомъ аффекта и актомъ преступленія въ истинномъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ не извлекаетъ никакой выгоды изъ своего преступленія, тогда какъ преступникъ-паразитъ совершаетъ тотъ же актъ вполнѣ хладнокровно, въ цѣляхъ личной выгоды. Отсюда ясно, что Нордау подъ свою теорію подводитъ только преступниковъ-тунеядцевъ, выдѣляя другихъ также подходящихъ къ анти-соціальному типу преступника. Въ этомъ нельзя не видѣть ограниченность его теоріи, обнимающей лишь извѣстный разрядъ преступниковъ, но далеко не всѣхъ.

Съ другой стороны, паразитизмъ въ смыслѣ Нордау далеко уклоняется отъ біологическаго паразитизма. Здѣсь дѣло идетъ о паразитизмѣ соціальнаго характера, развивающемся на почвѣ вырожденія. Въ такомъ случаѣ слово „паразитъ“ отождествляется съ понятіемъ о человѣкѣ, живущемъ на чужой счетъ. Само собой разумѣется, что подъ эту категорію людей могутъ быть подведены не одни только преступники, но и цѣлый разрядъ тунеядцевъ, которые только воображаютъ или хотятъ увѣрить, что живутъ на свой счетъ, въ дѣйствительности же проживаютъ чужія богатства. Въ числѣ ихъ, конечно, есть немало и выродковъ—и тѣмъ не менѣе они не относятся къ категоріи преступниковъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что попытка М. Нордау вновь освѣтить вопросъ преступности съ біологической точки зрѣнія путемъ отождествленія преступника не съ выродкомъ-атавистомъ или выродкомъ-эпилептикомъ и душевно-больнымъ, а съ выродкомъ-паразитомъ, не можетъ быть признана удачной. Она справедливо встрѣтила осужденіе въ печати, между прочимъ и у насъ [1]).

Изъ всего вышеизложеннаго ясно, что если старое догматическое ученіе опиралось на отживающее уже нынѣ свой вѣкъ положеніе о существованіи въ человѣкѣ самоопредѣляющейся воли, которая, управляя человѣкомъ безконтрольно, дѣлаетъ его преступникомъ или честнымъ, и тѣмъ самымъ обособляла преступниковъ въ категорію лицъ, рѣшившихся, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, вести себя вопреки обычной морали, то всѣ позднѣйшія біо-патологическія теоріи, утверждая, что преступникъ есть особый атавистическій типъ, или типъ особаго выродка-психопата, или типъ біо-соціальнаго паразита въ смыслѣ Нордау, выходятъ изъ предположенія, что преступленіе коренится въ особой натурѣ человѣка, отражающейся и на особенностяхъ его психики.

Въ этомъ отношеніи позднѣйшія ученія хотя и кореннымъ образомъ измѣнили старое догматическое ученіе о преступленіи, какъ проявленіи пресловутой „злой воли“ человѣка, признавъ, что „злая воля“ является не отъ личности самого преступника, а отъ его природы,—иначе говоря, преступникъ въ этомъ случаѣ является жертвой своей собственной порочной или болѣзненной природы,—но и эти новыя теоріи, подобно воззрѣніямъ старой догматической школы, вполнѣ подходятъ къ обыкновенному міровоззрѣнію большинства, которое было такъ удачно формулировано Corne'омъ. По словамъ этого автора, большинство на преступника смотритъ подобно тому, какъ смотрѣли въ древней Греціи и древнемъ Римѣ на рабовъ, т.-е. какъ на людей другой породы, ничуть не той, какъ всѣ. Это воззрѣніе, очень удобное для практической ходячей морали, избавляетъ людей непреступныхъ отъ всякой отвѣтственности за преступныя дѣянія, совершаемыя другими, хотя и въ той же средѣ. Установивъ такой взглядъ на преступника, къ нему нельзя относиться иначе, какъ только отрицательно; его нужно подавлять, карать, и чѣмъ страшнѣе наказаніе, тѣмъ лучше. Тѣмъ не менѣе наказанія ничему не помогли, а лишь

[1]) См. д-ръ Шейнисъ. „Еще одна біологическая теорія преступности“, „Вѣстникъ Знанія“ № 6, 1908 г.

повредили, потому что боролись съ призракомъ, съ произведеніемъ воображенія, вмѣсто того, чтобы, скажемъ отъ себя, принимать дѣйствительныя мѣры противъ распространенія преступности въ населеніи.

Въ послѣднее время все болѣе и болѣе накопляется фактовъ, которые служатъ доказательствомъ того, что преступленіе стоитъ въ прямой зависимости отъ соціальныхъ условій, въ особенности отъ тяжелаго экономическаго положенія населенія.

Рядомъ статистическихъ данныхъ выясняется, что преступность есть сложное явленіе, стоящее въ зависимости отъ многихъ факторовъ соціально-экономическаго характера. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что крупные соціальные перевороты содѣйствуютъ развитію преступности въ населеніи. Примѣромъ служитъ повышеніе преступности вмѣстѣ съ развитіемъ въ населеніи серьезнаго революціоннаго движенія. При этомъ рѣчь идетъ о повышеніи числа не политическихъ преступленій, а преступленій уголовнаго характера.

Можно было бы думать, что въ этомъ случаѣ главную роль играетъ экономическій факторъ, такъ какъ, обыкновенно, революція слѣдуетъ за тяжелымъ экономическимъ гнетомъ. Нельзя, однако, не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о значительномъ поднятіи числа преступленій въ періодъ, непосредственно слѣдующій за главной вспышкой революціоннаго движенія и часто даже вслѣдъ за подавленіемъ революціи. Такъ было, между прочимъ, и съ русской революціей. Пока развивалась революція, о необычайномъ усиленіи преступности въ населеніи мы почти не слышали, но вслѣдъ за подавленіемъ революціи преступность въ Россіи достигла своего апогея. Здѣсь, надо думать, оказываетъ вліяніе тотъ общественный подъемъ, который не сразу затихаетъ вслѣдъ за подавленіемъ народнаго движенія и возбуждаетъ къ проявленію своихъ инстинктовъ многихъ представителей болѣе обездоленныхъ классовъ населенія, толкая ихъ на путь преступленія.

Въ то же время революціонный періодъ въ сильной степени обостряетъ классовыя и вообще соціальныя отношенія людей и создаетъ обширное поле для столкновенія людей не на почвѣ правовыхъ только отношеній, но и на почвѣ различныхъ соціальныхъ взглядовъ, вслѣдствіе чего въ періодъ революціи поднимается до необычайной степени число преступленій, вызванныхъ обостреніемъ классовой и политической розни.

Но роль особо важнаго фактора преступности, неуклонно

дѣйствующаго въ разныхъ странахъ и притомъ во всякое время, играетъ факторъ экономическій.

Въ настоящее время вообще имѣется столько данныхъ въ пользу мнѣнія, что преступленіе есть въ значительной мѣрѣ зло, зависящее отъ экономическаго состоянія извѣстныхъ классовъ населенія, что врядъ ли въ этомъ можетъ быть какое-либо сомнѣніе.

Доказано точными статистическими данными, что ряды преступнаго класса пополняются главнымъ образомъ изъ бѣднѣйшихъ, обездоленныхъ классовъ населенія. Этотъ фактъ не можетъ быть нынѣ оспариваемъ.

Листъ [1]) особенно настаиваетъ на томъ, что преступленіе представляетъ собою соціально-патологическое явленіе, зависящее отъ экономическихъ условій.

H. Denis [2]) показалъ, что въ Бельгіи преступность населенія въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ была обратно пропорціональна экономическому благосостоянію народа, насколько показателемъ этого благосостоянія являются рыночныя цѣны на продукты потребленія, причемъ во время годовъ съ экономическими кризисами преступность всегда возрастала соотвѣтственнымъ образомъ.

Изъ французской статистики мы узнаемъ, что на долю бродягъ и лицъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія, насчитывается 139 обвиняемыхъ, на долю бѣднѣйшаго класса прислуги—20 обвиняемыхъ, на долю либеральныхъ профессій—всего 12 обвиняемыхъ на 100 тысячъ населенія.

Чтобы видѣть, какое значеніе имѣютъ экономическія условія на развитіе преступленія въ населеніи, достаточно привести нѣкоторыя цифры. По Марро [3]), напр., изъ 100 обвиняемыхъ 79,6% относятся къ числу нуждающихся.

Прогрессивное увеличеніе за послѣднее время преступности въ Англіи стоитъ въ очевидномъ соотношеніи съ увеличеніемъ бѣднаго населенія: число принятыхъ въ дома бѣдныхъ за десятилѣтіе съ 1890 по 1900 г. увеличилось съ 187.221 до 213.377. Изъ французской статистики 1902 г. [4]) видно, что земледѣльческій классъ, составляющій 8.324,000, далъ всего 8% преступности, индустріальный классъ (les industriels), котораго всего

---

[1]) F. Liszt. Das Verbrechen als social-pathologische Erscheinnung. Дрезденъ, 1899.

[2]) См. сообщеніе на 3-мъ конгрессѣ по криминальной антропологіи въ 1892 г.

[3]) I. Caratteri dei delinquente, стр. 265.

[4]) Compte général de l'administration de la justice criminelle. Гогель, l. c.

6.334.000—24%, а 8% падаетъ на неизвѣстный родъ занятій. Въ Германіи рабочіе и поденщики дали на 100 тыс. населенія 10.408 осужденій за преступленія и проступки, земледѣльцы—1.202 осужденій, а лица, имѣющія доходъ, и представители интеллигенціи—всего 224 осужденія.

Съ другой стороны, статистика показываетъ, что городское населеніе даетъ почти вдвое болѣе осужденныхъ за преступленія, нежели сельское населеніе. А что на приростъ осужденныхъ въ городахъ вліяетъ главнымъ образомъ шествіе пауперизма, въ этомъ насъ убѣждаютъ, напр., цифры, приводимыя Joly, по которому на 1.000 обвиняемыхъ въ 1841—1851 гг. было всего 41 лицо безъ крова, а въ 1880 такихъ лицъ было уже 140. По французской статистикѣ за 1880 г. на 100 тыс. населенія бродяги въ общемъ даютъ 405 преступниковъ, въ то время какъ сельское населеніе даетъ всего 8 преступниковъ.

Извѣстенъ, затѣмъ, параллелизмъ между возвышеніемъ рыночныхъ цѣнъ на продукты первой необходимости, напр. на хлѣбъ, и возрастаніемъ преступленій противъ имущества (Stark, Lacassagne, A. Meyer и др.). Несомнѣнно также, что въ періодъ экономическихъ бѣдствій число преступленій возрастаетъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ самаго бѣдствія.

На развитіе преступности въ населеніи оказываетъ, далѣе, огромное вліяніе распространеніе опьяняющихъ средствъ. Возбуждая нервную систему, спиртные напитки являются однимъ изъ важныхъ факторовъ развитія преступности въ населеніи. Во всякомъ случаѣ многочисленный рядъ изслѣдованій приводитъ къ убѣжденію, что алкоголизмъ и преступленіе находятся въ самой тѣсной и неразрывной связи другъ съ другомъ.

О значеніи алкоголя, какъ ядовитаго напитка, поднимающаго возбудимость нервной системы нерѣдко до состоянія невмѣняемости, помрачающаго разсудокъ, въ извѣстныхъ случаяхъ вызывающаго даже иллюзіи и галлюцинаціи, а при хроническомъ его потребленіи развивающаго безсердечіе, эгоизмъ и аффективность, понижающаго интеллектъ, притупляющаго нравственность и дѣлающаго человѣка крайне импульсивнымъ и вспыльчивымъ, уже такъ много писалось, что было бы излишнимъ еще разъ говорить объ этомъ. Излишне говорить и о необычайномъ развитіи алкоголизма за послѣднее время. Для примѣра можно указать на Германію, гдѣ потребленіе алкоголя въ 1878 г. равнялось 87,4 литра на жителя въ годъ, а къ 1898 г. поднялось уже до 124,1 литра. Въ Англіи, гдѣ пьянство признается самостоятельнымъ нарушеніемъ закона, за

десятилѣтіе съ 1893 до 1902 г. число осужденій за пьянство поднялось съ 168.927 до 209.908 [1]).

Этихъ справокъ достаточно, чтобы видѣть въ какой ужасающей прогрессіи идетъ распространеніе спиртныхъ напитковъ за послѣднее время.

Уже давно извѣстно по статистическимъ даннымъ, что въ тѣхъ департаментахъ Франціи, въ которыхъ больше потребляется спиртныхъ напитковъ, и число преступленій представляется болѣе значительнымъ. Monin [2]) видитъ въ алкоголѣ одну изъ самыхъ важныхъ причинъ развитія преступности и самоубійствъ въ населеніи; на долю алкоголя онъ относитъ отъ 50% до 60% совершаемыхъ преступленій. Gallavardin [3]) высчитываетъ, что во Франціи около 72% всѣхъ преступленій производятся подъ вліяніемъ алкоголя. По Joffroy [4]), алкоголизмъ находится въ тѣсной связи съ преступленіями всякаго рода, особенно грабежомъ, убійствомъ, нанесеніемъ тяжкихъ увѣчій и т. п. По словамъ того же автора, алкоголь является въ Германіи факторомъ въ 46% убійствъ, въ 63% грабежей и 74% нанесенія ранъ и увѣчій. Baer [5]) считаетъ вообще острое опьяненіе и привычное пьянство главнѣйшими источниками преступности и въ пьянствѣ видитъ источникъ рецидивизма. По словамъ Krafft-Ebing'a [6]), въ Германіи около 50% всѣхъ преступленій совершается подъ вліяніемъ алкоголя. По Bunge, даже отъ 70% до 80% всѣхъ преступленій относятся къ послѣдствіямъ пьянства [7]). По словамъ д-ра Krohné, тюремнаго директора, изъ наблюденій въ Ольденбургѣ, Гессенѣ, Шлезвигѣ, Гольштеніи и Бранденбургѣ выясняется, что около 70% всѣхъ вообще проступковъ и преступленій находятся въ связи съ потребленіемъ вина. Въ Голландіи, по Legrain'у, почти $^{15}/_{16}$ всѣхъ преступленій происходитъ въ связи съ опьяненіемъ [8]). Почти то же установлено для Англіи и для Америки. Такъ, наприм., въ Канадѣ $^{9}/_{10}$ мужчинъ и $^{19}/_{20}$ женщинъ арестованныхъ совершили преступленія и проступки въ связи съ потребленіемъ алкоголя. По Wieselgreen'у въ Швеціи въ 1887 г. въ числѣ

---

[1]) Гогель, loco cit., стр. 52.

[2]) Monin, Alcoholisme, étude médico-sociale, стр. 121, 134.

[3]) Gallavardin, Alcoholisme et criminalité. Paris. 1880 г.

[4]) Цит. по Кролю: „Къ вопросу о вліяніи алкоголя на заболѣваемость, смертность и преступность". Спб. 1897, стр. 123.

[5]) Baer, Die Trunksucht und ihre Abwehr., стр. 39.

[6]) Krafft-Ebing. Суд. Психопатологія, стр. 233—237.

[7]) Bunge, Die Alcoholfrage. 1899, стр. 15.

[8]) Darin, стр. 21.

арестованныхъ содержались за проступки и преступленія, совершенные въ состояніи опьяненія, въ рабочихъ домахъ 69,8% изъ числа мужчинъ и 9,3% изъ числа женщинъ, а въ тюрьмахъ 73,3% мужчинъ и 33,3% женщинъ. Въ Англіи за 1890 г. изъ 783.061 судившихся за уголовныя преступленія 189.746 совершили ихъ въ состояніи опьяненія.

На Брюссельской международной выставкѣ, устроенной въ 1879 г. бельгійской лигою борьбы съ пьянствомъ, были выставлены M. Sleys'омъ діаграммы, изъ которыхъ видно, что 75% проступковъ было совершено въ пьяномъ видѣ, а изъ убійствъ—35% [1]).

Для Россіи нѣтъ болѣе или менѣе точной общей статистики преступленій, совершаемыхъ въ связи съ пьянствомъ. Но мы имѣемъ нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій, заслуживающихъ вниманія.

По Кролю, изъ 3.226 дѣлъ за десятилѣтіе 1885—1894 г., бывшихъ въ уголовномъ отдѣленіи Казанскаго Окружнаго Суда, оказалось, что въ 42,68% преступленія были совершены алкоголиками; за богохуленіе и святотатство осуждено 63,2% алкоголика, за поджоги 31,8%, за побои, раны, увѣчья и истязанія 44,7%, за неосторожное убійство, покушеніе на убійство и за нанесеніе смертельныхъ ранъ 53,7%, за разбои и грабежи 70,2%, за изнасилованіе 51,9%, за оскорбленіе 37,2% алкоголиковъ [2]).

Изъ диссертаціи д-ра И. И. Григорьева [3]), выполненной частью подъ моимъ руководствомъ и основанной на 10.000 дѣлъ, разсмотрѣнныхъ авторомъ въ архивѣ Петербургскаго Окружнаго Суда (изъ коихъ 7.658 дѣлъ приходится на г. Петербургъ и 2.342 на уѣзды Петербург. губ.), видно, что въ Петербургѣ за періодъ съ 1883 по 98 г. дѣлъ, гдѣ подсудимые были пьяницы или пьяные, было 40,5%, въ уѣздахъ—37,2%, а дѣлъ, гдѣ было замѣшано пьянство, въ С.-Петербургѣ было 44,5%, въ уѣздахъ—44,4%. Изъ всѣхъ подсудимыхъ обоего пола, судившихся въ С.-Петербургскомъ Окружномъ Судѣ, было 47% пьяницъ или пьяныхъ при совершеніи самаго преступленія.

Заслуживаетъ вниманія фактъ, что масса преступленій производится въ обстановкѣ питейныхъ заведеній. Такъ, по Quetelet, во Франціи изъ 1.129 убійствъ въ періодъ 1826—1829 г. 446

---

[1]) H. Nerzbach, La ligue c. l'alcoholisme etc., 1899, стр. 37—38.

[2]) Кроль, Диссертація, стр. 130.

[3]) Григорьевъ, Алкоголизмъ и преступленія въ С.-Петербургѣ. С.-Петербургъ. 1900.

явилось слѣдствіемъ ссоръ въ кабакахъ. Изъ 622 убійствъ въ періодъ 1874—1878 г. 65 относятся на счетъ ссоръ, происшедшихъ въ самыхъ питейныхъ заведеніяхъ. По словамъ директора Streng'a, изъ 222 арестованныхъ въ Нюрнбергѣ въ 1878 г. за нанесеніе тяжкихъ побоевъ 147 совершили преступленія въ самомъ питейномъ заведеніи или тотчасъ по выходѣ изъ него.

Можно ли удивляться, послѣ этого, что населеніе тюремъ и арестныхъ домовъ состоитъ въ значительной мѣрѣ изъ пьяницъ. По даннымъ бельгійскаго министерства юстиціи [1]) изъ 2.826 лицъ, содержавшихся въ тюрьмахъ по приговору суда, 1.157 человѣкъ оказались пьяницами. Изъ 235, сосланныхъ въ каторгу, 118 признаны пьяницами. Наконецъ, изъ 218 казненныхъ въ періодъ съ 1872 по 1898 г. 121 оказались привычными пьяницами, а относительно 16 свѣдѣній не получено. Въ Швейцаріи изъ 2.560 человѣкъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія, 40% оказались алкоголиками. Въ Германіи изъ статистическихъ данныхъ выяснилось, что значительная часть преступниковъ—пьяницы или совершили свои преступленія подъ вліяніемъ опьяненія. Изъ 32.837 заключенныхъ въ Германіи въ 1876 г. оказалось пьяницъ 13.706, т.-е. 41,7%. Въ Америкѣ въ штатѣ Массачузетсъ изъ 14.315 лицъ, содержавшихся въ заключеніи въ 1871 г., алкоголиковъ насчитывалось 12.396. По Baer'y [2]), въ Баваріи 34% преступниковъ—алкоголики. Въ Швейцаріи, по словамъ E. Fabre'a [3]), въ числѣ преступниковъ-убійцъ оказалось пьяницъ 50%, между осужденными за жестокое обращеніе и раны—90%. Въ Австріи на 2.742 обвиняемыхъ въ убійствѣ и покушеніи на убійство въ 1876-1880 г. оказалось пьяницъ 978 или 35,7%. По словамъ д-ра Harris, среди заключенныхъ Нью-Іорка 80% попали въ дома заключенія вслѣдствіе опьяненія. По свѣдѣніямъ, приведеннымъ И. П. Мержеевскимъ [3]), въ Германіи въ 120 тюрьмахъ на 32.837 заключенныхъ приходится пьяницъ 43,9% мужчинъ и 18% женщинъ. Въ Баденѣ среди 2.473 заключенныхъ оказалось преступниковъ алкоголиковъ 849 челов., слѣд. 34%. Во Франціи, по словамъ Morambot, начальника тюрьмы St.-Pelagie, изъ 2.932 обвиняемыхъ оказалось алкоголиковъ 2.109 или 72%, изъ 1.898 осужденныхъ за воровство, мошенничество, поддѣлку,

[1]) „Врачъ" № 30, 1896. Masoin, VI Congr. internat. c. l'abus de l'alcool. II, стр. 38.

[2]) Baer, Alcoholismus, стр. 269.

[3]) Мержеевскій. „Вѣстникъ клин. и суд. психіат.", 1883 г. № 4, стр. 12.

[4]) Intern. Monatschr. z. Bekämp. d. Trinkheit. 1897. № 4, стр. 121.

шантажъ и т. п.—1.346 или 70% изъ 415 осужденныхъ за грабежъ, побои или раны и сопротивленіе властямъ 366 или 88,2%; изъ 15 осужденныхъ за убійство — 8 или 55%; изъ 308 осужденныхъ за изнасилованіе, публичный развратъ и преступные выкидыши — 165 или 53%, изъ 14 осужденныхъ за поджоги — 8 или 57%, изъ 272 осужденныхъ за нищенство и бродяжничество—216 или 79,4%.—Въ Пенсильваніи въ 1872 г. изъ 40.807 заключенныхъ 32.775 оказалось пьяницами. Въ штатѣ Миссури среди заключенныхъ пьяницъ оказалось 58%. Въ штатѣ Иллинойсъ въ 1875—76 г. среди заключенныхъ было 58% пьяницъ. Въ Чикаго въ 1867 г. изъ 23.000 арестованныхъ болѣе 20.000 были алкоголиками [1]).

Для иллюстраціи того, въ какихъ преступленіяхъ алкоголь имѣетъ бо́льшую, въ какихъ—меньшую роль, служатъ цифры, приведенныя Spinola. По этому автору, въ Германіи 42% всѣхъ преступленій и преступниковъ совершается въ состояніи опьяненія, въ связи съ употребленіемъ алкоголя совершаются убійство въ 46%, смертельныя раненія въ 63%, тяжкія поврежденія въ 74%, сопротивленіе властямъ въ 76%, преступленія противъ нравственности въ 77% случаевъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, необходимо имѣть въ виду, что алкоголь, помимо своего парализующаго вліянія на нервную систему, является причиной ухудшенія и даже упадка экономическаго положенія населенія, особенно его низшихъ классовъ, и способствуетъ, такимъ образомъ, развитію пауперизма, а послѣдній, какъ мы знаемъ, даетъ огромный контингентъ преступниковъ. Особенное значеніе алкоголя въ развитіи преступленій выясняется и изъ статистическихъ данныхъ, показывающихъ возрастаніе количества потребляемаго алкоголя и параллельно идущее съ нимъ возрастаніе преступности въ населеніи. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ Ваег'омъ въ Бельгіи въ періодъ съ 1868 г. до 1882 г. вмѣстѣ съ увеличеніемъ потребленія алкоголя съ 7 до 9 литровъ на душу и количество преступленій увеличилось съ 1.900 до 2.877 на каждыя 100.000 населенія.

Во Франціи въ періодъ съ 1873 до 1878 г. приходилось въ среднемъ на душу 2,79 литра, въ 1878 — 1882 г. 3,53 литра, въ 1883—1887 г. 3,83 литра алкоголя; соотвѣтственно чему и число преступленій увеличилось съ 172.000 до 195.000 въ годъ. Точно такъ же и въ Италіи, вмѣстѣ съ увеличеніемъ

[1]) Кроль, l. cit., стр. 128.

количества потребляемаго алкоголя, въ періодъ времени съ 1879—1885 г. преступность увеличилась въ круглыхъ цифрахъ съ 1.400 до 1.500 на каждыя 100.000 населенія.

Аналогичныя данныя извѣстны по отношенію къ Австріи и другимъ цивилизованнымъ странамъ.

Опьяняющее вліяніе алкоголя особенно дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на дегенератовъ и наслѣдственно расположенныхъ лицъ, вслѣдствіе чего совмѣщеніе дегенераціи и алкоголизма составляетъ особенно важный факторъ преступности. Хроническое пьянство непосредственно приводитъ къ развитію дегенераціи и психозовъ, а такъ какъ дегенерація и психозы сами по себѣ нерѣдко обусловливаютъ преступныя дѣйствія, то и здѣсь мы можемъ говорить о косвенномъ вліяніи алкоголизма на развитіе преступности въ населеніи. Чтобы имѣть представленіе, о какихъ размѣрахъ косвеннаго вліянія алкоголизма можетъ идти рѣчь въ данномъ случаѣ, замѣтимъ, что изъ числа поступающихъ въ больницы душевно-больныхъ 28% обязаны своей болѣзнью пьянству (Krafft-Ebing).

Мы далеко не исчерпали крайне обширной литературы, относящейся къ разсматриваемому предмету [1]), но полагаемъ, что приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить значеніе алкоголя, какъ фактора, содѣйствующаго развитію преступности въ населеніи. Важность этого фактора вообще трудно переоцѣнить. На ряду съ алкоголизмомъ и распространеніе другихъ такъ-называемыхъ „интеллектуальныхъ“ ядовъ (эфиръ, морфій, опій, гашишъ и пр.) оказываетъ вліяніе на развитіе преступности въ населеніи. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса отвлекло бы насъ далеко отъ главной цѣли нашего труда.

Наконецъ, разсмотримъ имѣющіяся въ литературѣ указанія о вліяніи климата на развитіе преступности. Относительно большая масса убійствъ совершается въ южныхъ странахъ, какъ въ Италіи, Испаніи, Корсикѣ, и у насъ на Кавказѣ. Въ Италіи, напримѣръ, считается 6,6 убійствъ, въ Испаніи—4 убійства на 100 тыс. населенія, тогда какъ въ другихъ странахъ—около 1 убійства или еще менѣе.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что такъ-называемое вліяніе климата здѣсь въ значительной мѣрѣ можетъ быть сведено къ особенностямъ расы, а также къ особымъ условіямъ

[1]) Изъ позднѣйшихъ русскихъ источниковъ по занимающему насъ вопросу мы могли бы интересующимся лицамъ указать на труды алкогольной коммиссіи при обществѣ охраненія народнаго здравія, а изъ позднѣйшихъ иностранныхъ источниковъ—на небольшую книжку H. Hoppe: Alkohol und Kriminalität (1906).

общественной жизни въ южныхъ странахъ. Въ такомъ освѣщеніи этотъ вопросъ относится скорѣе собственно къ сравнительной психологіи народовъ, а не къ вліянію метеорологическихъ факторовъ на развитіе преступности.

Въ нашихъ климатахъ въ теченіе лѣтняго періода времени преступленія противъ личности замѣтно возрастаютъ, тогда какъ зимою увеличивается число преступленій противъ собственности. Однако и этотъ фактъ объясняется повидимому не метеорологическими вліяніями, какъ полагали нѣкоторые, а проще всего тѣмъ, что лѣтомъ люди чаще имѣютъ сближеніе другъ съ другомъ въ общественныхъ мѣстахъ, зимой же живутъ болѣе изолированно. Съ другой стороны, зимою недостатокъ средствъ чувствуется всегда сильнѣе, чѣмъ и можетъ быть объяснено увеличеніе зимою кражъ.

Вообще, если и нельзя отрицать значенія тѣхъ или иныхъ метеорологическихъ факторовъ на преступность въ населеніи, то значеніе ихъ во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе условно и въ большинствѣ случаевъ можетъ быть сведено на измѣненіе, въ связи съ метеорологическими условіями, общественныхъ и экономическихъ условій населенія.

Итакъ, соціальная или, точнѣе, соціально-экономическая школа выдвинула въ пользу своихъ положеній столько непреложныхъ фактовъ, что, казалось бы, о нихъ не можетъ быть возбуждаемо и вопросовъ. Необходимо, казалось бы, признать ее безусловное превосходство надъ другими ученіями и подписаться подъ всѣми ея выводами.

Тѣмъ не менѣе, вполнѣ преклоняясь предъ фактами статистики, столь поучительными и дѣйствительно неоспоримыми, нельзя не видѣть нѣкоторой неполноты и недоказательности въ положеніяхъ этой школы. Прежде всего возникаетъ вопросъ, гдѣ же скрывается за вышеуказанными рядами цифръ сама личность? Вѣдь преступленіе есть дѣло рукъ личности, и неужели личность сама по себѣ не должна быть принимаема въ разсчетъ за массой цифръ, выражающихъ значеніе того или иного фактора преступности?

Нѣкоторые авторы, стоя на почвѣ непреложной законности, отражающейся на дѣйствіяхъ человѣка, развивали детерминизмъ и строили пессимистическое воззрѣніе, отрицая въ человѣкѣ волю и разсматривая его, какъ автомата, въ общей закономѣрной смѣнѣ явленій. Еще Кетле, создатель статистики, какъ науки, впервые отмѣтилъ тотъ важный фактъ, что сложныя дѣйствія человѣка не исключаются изъ-подъ вліянія общихъ внѣшнихъ

условій. По его изслѣдованіямъ, даже такія повидимому случайныя и какъ бы капризныя явленія, какъ ошибки на конвертахъ писемъ, выражающіяся неправильными адресами или даже отсутствіемъ адресовъ и обусловленныя разсѣянностью ихъ авторовъ, подлежатъ опредѣленной законности и стоятъ въ соотношеніяхъ съ тѣми или иными неблагопріятными общественными условіями. Можно ли сомнѣваться, послѣ этого, что совершеніе преступленій должно стоять въ прямой зависимости отъ такихъ условій, какъ соціальные перевороты, экономическія бѣдствія, распространеніе алкоголя и т. п.?

Тѣмъ не менѣе, другіе авторы, допуская вліяніе внѣшнихъ факторовъ на развитіе преступленія, полагаютъ, что это вліяніе все же не устраняетъ въ корнѣ субъективной точки зрѣнія на преступленіе, какъ на произвольный актъ. Если на количество преступленій и оказываютъ вліяніе тѣ или другіе внѣшніе факторы, что, въ сущности, извѣстно очень давно, то все же, основываясь на этихъ фактахъ, нельзя, по мнѣнію этихъ авторовъ, отрицать въ человѣкѣ свободную волю. Сознаніе человѣка не мирится съ тѣмъ, что онъ лишь потому не преступникъ что не подходитъ подъ тѣ или другіе законы статистики и что, быть можетъ, завтра, съ наступленіемъ новыхъ соотношеній во внѣшнихъ условіяхъ, онъ подойдетъ подъ дѣйствіе неумолимыхъ цифръ статистики и сдѣлается убійцей или воромъ. Это предположеніе, съ точки зрѣнія субъективнаго анализа, до такой степени непріемлемо, что видные умы признавали одинаково непреложнымъ явленіемъ и подчиненіе воли человѣка внѣшнимъ факторамъ, и существованіе свободной воли, старались согласовать между собою эти два противоположныхъ явленія человѣческаго бытія. Начиная съ древнѣйшихъ временъ греческой философіи и до настоящаго времени дѣлались попытки выйти такъ или иначе изъ вышеуказаннаго противорѣчія и найти пути для согласованія нравственной свободы воли съ подчиненіемъ дѣйствій человѣка законамъ, управляющимъ вселенной.

Съ другой стороны, такіе люди, какъ Боссюэтъ и Кантъ, признавали совершенно невозможнымъ согласовать ученіе о нравственной свободѣ воли и ученіе о законности явленій во вселенной. Точно такъ же въ позднѣйшее время извѣстный физіологъ Du-Bois Reymond, признавая одинаково непреложнымъ для человѣка и понятіе свободной воли, и законъ сохраненія энергій во вселенной, высказался за полную невозможность согласованія этихъ двухъ понятій для человѣческаго ума.

Мы съ своей стороны должны признать, что здѣсь дѣло

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

идетъ о двухъ несоизмѣримыхъ явленіяхъ нашей природы, изъ которыхъ одно — субъективнаго порядка, другое — объективнаго характера, а потому о согласованіи ихъ между собою не можетъ быть и рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, отрѣшаясь отъ этихъ чисто философскихъ вопросовъ, нельзя не принять во вниманіе, что статистика вообще показываетъ суммарный результатъ вліянія того или другого фактора, а не даетъ указаній на то, какія въ частности лица и почему именно они, а не другія, попадаютъ подъ дѣйствіе даннаго фактора, пополняя собою извѣстные ряды цифръ. Другими словами, статистика намъ еще не говоритъ о всей совокупности ближайшихъ условій и индивидуальныхъ факторовъ, которые въ окончательномъ результатѣ опредѣляютъ преступленіе. Правда, изъ вышеуказанныхъ цифръ мы узнаемъ, что человѣкъ, по тѣмъ или инымъ обстоятельствамъ впавшій въ нищету и алкоголизмъ, особенно во время тяжкаго экономическаго кризиса и въ періодъ рѣзкаго обостренія общественныхъ отношеній, становится преступникомъ. Всякій, однако, знаетъ, что и нищета, и алкоголизмъ—не такія условія, чтобы неизбѣжно было подъ ихъ вліяніемъ сдѣлаться преступникомъ, хотя бы и при содѣйствіи къ тому экономическихъ общественныхъ факторовъ. Есть люди, которые предпочтутъ пользоваться въ крайнемъ случаѣ нищеты подаяніемъ, но не сдѣлаются преступниками; другіе предпочитаютъ голодную смерть или самоубійство преступленію. Равнымъ образомъ не обязательно, чтобы алкоголикъ непремѣнно сталъ преступникомъ. Доведенный до крайней нищеты алкоголикъ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ также нищенствовать или кончить самоубійствомъ, но не сдѣлаться преступникомъ.

Съ другой стороны, хотя и неоспоримо, что экономическія и соціальныя условія являются важнымъ факторомъ преступленія, но тѣмъ не менѣе они не объясняютъ намъ преступленій въ зажиточныхъ классахъ населенія,—преступленій, зависящихъ отъ легкаго отношенія или даже пренебреженія къ чужой собственности; они не объясняютъ намъ также преступленій, не вызываемыхъ корыстными цѣлями, а совершаемыхъ, напр., въ состояніи такъ-называемаго аффекта; они не объясняютъ намъ преступленій, какъ акта борьбы или протеста противъ явной несправедливости, какъ выраженія мести, а также преступленія, совершаемаго по внушенію или изъ подражанія. Наконецъ, общія соціально-экономическія условія не опредѣляютъ окончательно и характера преступленій. Почему именно экономическое бѣдствіе въ одномъ слу-

чаѣ приводитъ къ воровству, въ другомъ случаѣ — къ убійству, этого статистика намъ сказать не можетъ.

Отсюда ясно, что вышеуказанные общіе факторы могутъ быть признаны лишь предрасполагающими, а не опредѣляющими условіями. Только вся совокупность факторовъ, воздѣйствующихъ на данную личность, опредѣляетъ преступленіе и его характеръ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что экономическіе, а въ извѣстной мѣрѣ и соціальные факторы представляются далеко не такими, въ наступленіи которыхъ личность сама по себѣ оставалась бы ни при чемъ.

Статистика намъ говоритъ, наприм., что безнадежность пауперизма составляетъ одну изъ важныхъ общихъ причинъ преступности [1]). Но пауперизмъ не является ли въ извѣстной степени результатомъ ближайшихъ и даже индивидуальныхъ условій, сложившихся около тѣхъ лицъ, которыя наполняютъ его ряды? Не имѣемъ ли мы тысячи примѣровъ, когда человѣкъ, имѣвшій полную возможность жить безбѣдно, теряетъ, наприм., свою любимую жену, послѣ чего начинаетъ пить, прокучиваетъ все свое состояніе и, становясь алкоголикомъ, теряетъ обезпечивающее его мѣсто, лишается крова и постояннаго заработка и становится пауперомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Не будь одного событія, сложившагося около данной личности, именно потери любимаго человѣка,—событія, обусловленнаго сцѣпленіемъ разнаго рода побочныхъ условій, и не будь извѣстнаго индивидуальнаго условія, именно—нестойкости характера, данный человѣкъ не впалъ бы въ пауперизмъ.

Указаніе на то, что индивидуальныя условія не остаются безъ вліянія на развитіе пауперизма, мы находимъ и въ изслѣдованіяхъ Бутса, извѣстнаго основателя арміи спасенія. Бутсъ, изслѣдуя пауперизмъ лондонскихъ кварталовъ, нашелъ среди 4.000 бѣднѣйшихъ жителей 60 бродягъ. Большинство бѣдны отъ безработицы и не имѣютъ заработка по собственной винѣ или вслѣдствіе низкой заработной платы и непостоянства работы; такихъ 68%. Затѣмъ бѣдность 300 человѣкъ изъ 4.000 можно объяснить личными пороками, наприм. пьянствомъ, неразсчетливостью и т. п. Бѣдность 500 семействъ объясняется либо количествомъ дѣтей, либо слабостью здоровья главы семейства—слѣдовательно, индивидуальными условіями. Вообще личность сама по себѣ, какъ факторъ, создаетъ въ извѣстной мѣрѣ и свою обстановку, и ея дѣянія являются результатомъ того, какъ сложились вокругъ нея бли-

[1]) Oettingen, Moralstatistik, стр. 421

жайшія внѣшнія условія. Такимъ образомъ по отношенію къ преступленію нужно имѣть въ виду не общіе только предрасполагающіе моменты или факторы, но и всю совокупность ближайшихъ условій, опредѣляющихъ данное преступленіе и его характеръ.

Мы имѣемъ здѣсь полнѣйшую аналогію съ заболѣваемостью. Такъ наприм., голодъ есть общій предрасполагающій моментъ къ развитію инфекціонныхъ болѣзней, между прочимъ къ развитію тифа; однако самъ по себѣ голодъ еще не создаетъ инфекціи, и для того, чтобы заболѣть, голодающему человѣку нужны еще другіе ближайшіе моменты, обусловливающіе развитіе данной инфекціи, будь это питье сырой воды, простуда и т. п. Чтобы ближе пояснить значеніе ближайшихъ опредѣляющихъ условій, возьмемъ другой примѣръ: допустимъ, что извѣстную мѣстность постигло бѣдствіе града, который погубилъ много домашнихъ животныхъ. Здѣсь градъ есть общее условіе, но объясняетъ ли это общее условіе полностью причину бѣдствія? Нѣтъ, потому что оно не даетъ указанія, почему одни животныя погибли, а другія нѣтъ. Вотъ когда будетъ выяснено, что одни животныя погибли потому, что находились въ неблагопріятныхъ условіяхъ и не могли найти себѣ крова, другія же—потому, что хотя и имѣли по близости кровъ, но не могли по чисто индивидуальнымъ основаніямъ найти въ немъ свое спасеніе, тогда для насъ будетъ ясна полная картина бѣдствія со всѣми опредѣляющими его факторами.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что общіе соціальные, экономическіе и иные факторы суть не что иное, какъ предрасполагающіе факторы, которые опредѣляютъ лишь массовыя цифры преступности въ населеніи, не опредѣляя вовсе отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ эти цифры. Почему именно данная личность впадаетъ въ преступленіе—это опредѣляется всею совокупностью условій, которыя ее окружаютъ. Да и анализируя то или другое преступленіе, не трудно убѣдиться, что кромѣ общихъ соціально-экономическихъ факторовъ вездѣ имѣются и ближайшіе факторы, которые собственно и рѣшаютъ окончательно вопросъ о совершеніи того или иного преступленія даннымъ лицомъ. Допустимъ, что соціальныя и экономическія причины выбили данную личность изъ обычной колеи, лишили ее обычнаго заработка. Долго ища работы и израсходовавъ всѣ свои достатки, человѣкъ вынужденъ искать заработка на сторонѣ; здѣсь уже вводится въ дѣйствіе новый факторъ—оторванность отъ своего круга, отъ знакомыхъ, которые могли бы поддержать совѣтомъ, а въ случаѣ крайности

и денежною помощью. Затѣмъ дальнѣйшая неудача относительно заработка лишаетъ уже человѣка возможности существовать въ обстановкѣ, соотвѣтствующей минимальнымъ требованіямъ человѣческаго жилья. Наступаетъ пауперизмъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе вышеуказанныхъ условій. Но и этотъ пауперизмъ еще нѣкоторое время переносится, пока личность не падаетъ нравственно подъ вліяніемъ окружающихъ условій, пока не воздѣйствовалъ на нее алкоголь, пока не воздѣйствовалъ соблазнъ въ видѣ возможности легкой наживы, или пока, наконецъ, не наступилъ болѣе тяжкій моментъ крайней жизненной потребности, въ видѣ гнетущаго голода.

Въ концѣ концовъ преступленіе является роковымъ исходомъ изъ дѣйствія цѣлаго ряда общихъ предрасполагающихъ и непосредственно дѣйствующихъ или ближайшихъ факторовъ. Вотъ почему, сколько бы цифръ ни приводила статистика въ пользу тѣхъ или другихъ общихъ вліяній на развитіе преступности въ населеніи, но вліяніе ближайшихъ внѣшнихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ каждомъ данномъ случаѣ на личность, а равно и характеръ самой личности, на которой отразилось все прошлое ея жизни и условій ея развитія въ смыслѣ вліянія наслѣдственности не могутъ быть игнорируемы ни въ какомъ случаѣ.

Итакъ, на ряду съ общими предрасполагающими факторами преступности должно принять во вниманіе и ближайшіе внѣшніе и индивидуальные факторы, иначе говоря — факторы ближайшимъ образомъ опредѣляющіе преступленіе. Понятно, что никакой судья въ опредѣленіи преступности того или другого лица не удовлетворится простой ссылкой на тѣ или другія статистическія данныя, а потребуетъ выясненія всѣхъ обстоятельствъ, приведшихъ данную личность на путь преступленія, какъ внѣшнихъ, такъ и индивидуальныхъ. Вотъ почему, если изслѣдованіе общихъ условій, вліяющихъ на развитіе преступности въ населеніи, имѣетъ глубокое общественное значеніе, то ближайшія причины преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ никогда не утратятъ своего психологическаго интереса и не утратятъ въ то же время и своего практическаго значенія. Поэтому въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть производимо ближайшее изслѣдованіе обстановки и условій, при которыхъ совершается то или другое преступленіе, а равно и изслѣдованіе индивидуальныхъ особенностей самого лица, впавшаго въ преступленіе. Подобно тому, какъ въ общей совокупности условій, вліяющихъ на преступность, должна быть принимаема во вниманіе раса, такъ очевидно и сама личность съ ея индивидуаль-

ными условіями и привычками не можетъ быть игнорируема при разрѣшеніи вопроса о совершенномъ ею преступленіи.

Выдвигаемые нами въ вопросѣ о преступности ближайшіе факторы подлежатъ, безспорно, вполнѣ объективному изслѣдованію. Но возникаетъ вопросъ, въ изслѣдованіи самой личности преступника, особенностей его характера, его склонностей, дѣйствій и поступковъ, и наконецъ мотивовъ совершеннаго преступленія, должны ли мы держаться субъективнаго или объективнаго метода изслѣдованія? На этотъ вопросъ я, не колеблясь, долженъ отвѣтить въ смыслѣ необходимости держаться и при такомъ изслѣдованіи индивидуальныхъ особенностей строго объективнаго метода.

Уже то, что я говорилъ въ другомъ мѣстѣ [1]) объ изслѣдованіи нервно-психической дѣятельности человѣка вообще, свидѣтельствуетъ о необходимости примѣнить объективно-психологическій методъ и къ преступной дѣятельности человѣка. Необходимо совершенно отрѣшиться отъ тѣхъ пріемовъ чисто субъективнаго изслѣдованія, которые до сихъ поръ практикуются въ нашихъ судахъ.

В. Бехтеревъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

[1]) В. Бехтеревъ, „Объективная психологія“, вып. 1, 1907.

ПОЭЗІЯ СВИНБЕРНА

Англія только-что похоронила Олджернона Чарльза Свинберна, величайшаго изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ и одного изъ наиболѣе великихъ поэтовъ, которыхъ она когда-либо имѣла.

Того, кто изучаетъ англійскую культуру въ ея цѣломъ, долженъ поразить контрастъ между трезвой эмпирической и практической философіей англичанъ и ихъ мечтательной, фантастической поэзіей.

На протяженіи трехъ вѣковъ отъ Франциска Бэкона, поставившаго цѣлью знанія—дать человѣку власть надъ природой, до современныхъ философскихъ направленій англійской мысли, всегда одинъ и тотъ же характеръ сохраняла англійская философія. Она всегда старалась оперировать съ міромъ непосредственно даннаго опыта, избѣгать метафизики. Она чуждалась отвлеченныхъ умозрѣній, теоріи, всегда оказывала предпочтеніе всему конкретному, фактическому, практическому. И то новое направленіе англійской и американской мысли, которое извѣстно подъ именемъ прагматизма (Персъ, Джемсъ) или гуманизма (Шиллеръ) и которое всякую теорію подчиняетъ практикѣ и смотритъ на мысль, какъ на „сумму тѣхъ практическихъ ожиданій, которыя изъ нея вытекаютъ“, — только продолжаетъ исконныя традиціи философіи Беркли, Юма и обоихъ Миллей, великой философіи великаго практическаго народа. Но этотъ практическій народъ создалъ поэзію болѣе мечтательную, болѣе фантастическую, чѣмъ поэзія другихъ народовъ. На протяженіи трехъ вѣковъ, отъ Спенсера черезъ Мильтона, Байрона, Вордсворта, Шелли, Китса, Теннисона до Свинберна, англійская поэзія сохраняла всегда одинъ и тотъ же характеръ. Она всегда мечтательна, она витаетъ въ

мірѣ образовъ и грезъ поэтической души, въ фантастическомъ au delà; въ ней главное — *внутренній* міръ поэта, а не тотъ внѣшній, который его окружаетъ. Никогда континентальный поэтъ не бываетъ такъ мечтателенъ, какъ англичанинъ. Тонкіе французскіе наблюдатели—Тэнъ и Бутми—подмѣтили особенности англійскаго ума и англійскаго генія и даже пытались остроумно объяснить ихъ вліяніемъ климата. Вотъ какъ описываетъ и объясняетъ Бутми особенности англійскаго воображенія [1]): „Въ этой атмосферѣ, туманной и залитой дождями, стираются контуры и рельефы, тонкіе оттѣнки сливаются въ однообразный сѣрый цвѣтъ... Ощущеніе, обычно печальное, безъ живости и разнообразія, очень скоро теряетъ власть надъ человѣческой душой и позволяетъ ей обратиться къ болѣе плѣнительнымъ переживаніямъ. Внутренній міръ удерживаетъ душу, и она погружается въ него... Нигдѣ воспріимчивость не получаетъ такъ мало извнѣ, нигдѣ она не переработываетъ такъ живо и такъ оригинально то немногое, что она получаетъ. Нигдѣ не присоединяется такъ много къ непосредственному впечатлѣнію изъ воображенія, долго замкнутаго въ самомъ себѣ, погруженнаго въ душевную глубь человѣка. У Вордсворта есть стихи о восходѣ солнца, гдѣ всѣ образы относятся къ душевнымъ впечатлѣніямъ; ни одинъ не имѣетъ видимыхъ формъ и красокъ. Шелли видѣлъ въ природѣ только свои грезы".

Всей англійской поэзіи свойственны мечтательность, необыкновенная фантастичность, своеобразная власть поэтической личности и ея переживаній надъ внѣшнимъ міромъ, постоянная символизація внѣшняго черезъ внутреннее, сила чувства, музыкальность стиха.

Произведенія Свинберна вполнѣ выясняютъ этотъ исконный духъ англійской поэзіи.

Несмотря на свою почти 50-лѣтнюю литературную дѣятельность, Свинбернъ очень мало извѣстенъ русской публикѣ и врядъ ли когда будетъ извѣстенъ ей вполнѣ. Для перевода онъ представляетъ почти непреодолимыя трудности. Музыка его стиха, которая по всеобщему признанію является его отличительнымъ свойствомъ, едва ли можетъ быть передана въ совершенствѣ на другомъ языкѣ. Такъ же трудно дать исчерпывающую характеристику его творчества, полнаго поразительныхъ контрастовъ, слагавшагося подъ самыми разнообразными вліяніями. Онъ—классикъ, онъ далъ единственные и ни съ чѣмъ не сравнимые образцы воз-

[1]) Boutmy, „Essai d'une psychologie politique du peuple anglais au XIX siècle".

созданія античной трагедіи, но въ то же время онъ—модернистъ: въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ изобразилъ переживанія современной души, передалъ духъ и музыку модернистской поэзіи, богатство ея чувствъ и разнообразіе ея размѣровъ. Свинбернъ—пессимистъ и разочарованный, но въ то же время онъ полонъ вѣры въ человѣка; ему поетъ онъ мощные и бодрые гимны. Демократъ по убѣжденіямъ, онъ создаетъ утонченную, эпикурейскую, аристократическую поэзію. Врагъ религіи, онъ полонъ смутнаго, мистическаго обожествленія человѣка. Космополитъ и республиканецъ, пѣвецъ всѣхъ революціонныхъ движеній XIX вѣка, поэтъ, мечтающій о республикѣ міра, о братствѣ всѣхъ народовъ, онъ является пламеннымъ англійскимъ патріотомъ и часто задорнымъ націоналистомъ. Англійскіе критики справедливо отмѣчаютъ въ характерѣ его творчества какую-то капризность, истеричность. Очень трудно разобраться въ его противорѣчіяхъ, примирить постоянные контрасты его творчества.

I.

Свинбернъ родился въ Лондонѣ 5-го апрѣля 1837 года. Онъ былъ сыномъ адмирала Свинберна и лэди Дженъ Генріэтты, дочери графа Ашбернгэма. По матери онъ происходилъ изъ очень аристократическаго рода, и эта аристократичность оставила неизгладимый слѣдъ на его поэзіи. Дѣтство его прошло или въ Нортумберландѣ, съ его суровой, почти шотландской природой, или на островѣ Уайтѣ. Разнообразныя вліянія этихъ мѣстностей глубоко запали въ его душу и отразились потомъ на его поэзіи. Онъ умѣлъ воспринимать и передавать и жуткую печаль сѣвера, и блескъ улыбающагося юга. Въ Итонѣ, въ Оксфордѣ получилъ Свинбернъ блестящее классическое образованіе, пріобрѣлъ обширное знаніе античнаго міра. Тамъ сроднился онъ съ исчезнувшимъ міромъ эллиновъ настолько, что могъ воскресить его въ своей поэзіи. Онъ особенно не выдавался среди своихъ сверстниковъ; только за итальянскій и французскій языки онъ получилъ награды. Языки онъ зналъ въ совершенствѣ и писалъ стихи на греческомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ. Онъ путешествовалъ по Италіи и тамъ познакомился съ англійскимъ поэтомъ и критикомъ Лэндоромъ, однимъ изъ представителей эллинизма въ англійской поэзіи. Многіе критики приписываютъ Лэндору большое вліяніе на Свинберна.

Первыя драмы Свинберна: „Queen mother“ (изъ эпохи Ека-

терины Медичи) и „Rosamond“ (изъ исторіи лонгобардовъ) подражательны, но и онѣ отличаются совершенствомъ формы. Громкую славу создала Свинберну его античная трагедія „Аталанта въ Калидонѣ“. Ея сюжетъ заимствованъ изъ греческаго миѳа, переданнаго въ Метаморфозахъ Овидія (VIII, 267—547). Когда у Алтеи, царицы Калидона, родился сынъ Мелеагръ, къ ней явились три Судьбы и предсказали ей, что ея сынъ будетъ имѣть удачу и добьется славы, но что жить онъ будетъ только до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ головня въ очагѣ. Мать вытаскиваетъ головню и сохраняетъ ее. Мелеагръ выросъ и сталъ прославленнымъ воиномъ. Но вотъ на землю Калидона Артемида, разгнѣванная тѣмъ, что ей забыли принести жертву, насылаетъ страшнаго вепря, опустошающаго всю страну. Никто не можетъ съ нимъ справиться. Для борьбы съ нимъ съ разныхъ концовъ Греціи собираются герои, и съ ними Аталанта, тоже принимающая участіе въ охотѣ. Артемида очень любитъ Аталанту и ради нея позволяетъ убить вепря. Изъ-за шкуры вепря происходитъ ссора. Мелеагръ, влюбленный въ Аталанту, хочетъ отдать ей одной шкуру вепря. Его дяди, братья Алтеи, обижены этимъ; въ ссорѣ Мелеагръ ихъ убиваетъ. Когда Алтея узнаетъ о смерти своихъ братьевъ отъ руки сына, она, разгнѣванная, бросаетъ въ огонь головню — мѣру жизни Мелеагра. Когда головня сгорѣла, умеръ Мелеагръ, но и Алтея недолго пережила его и умерла отъ скорби.

Англійскіе критики вообще не особенно благосклонны къ Свинберну, но „Аталанта въ Калидонѣ“ они единогласно признаютъ первокласснымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ. По мнѣнію Стоддарда, „не было ничего подобнаго въ англійской поэзіи ни до, ни послѣ ея появленія. Это было первое и послѣднее пробужденіе трагической музы Греціи—мрачнаго, великолѣпнаго, страшнаго духа, говорящаго на богатомъ языкѣ боговъ и двигающагося къ своей цѣли, подобно Судьбѣ“ [1]). Но въ эту античную трагедію Свинбернъ вложилъ и современное содержаніе. Въ ней слышится гордый вызовъ личности, не желающей подчиниться судьбѣ, въ ней чувствуется отрицаніе божественнаго міропорядка. Въ хорахъ передаются не эллинскія, а современныя чувства.

„Когда еще не было Времени,
Пришли для созданья людей

[1]) Selections from the poetical Works of A. C. Swinburne“, edited by Stoddard. Indroduction.

Печальнаго полные бремени
Такъ много унылыхъ гостей.

Вотъ слезы приноситъ Мгновеніе,
И Хрупкость приноситъ печаль.
Окрасилось въ грусть Упоеніе,
И тѣхъ упоеній намъ жаль.

Намъ Память съ небесъ посылается,
Безуміемъ адъ наградитъ,
А Счастье всегда потеряется,
А Страсть, заласкавъ, улетитъ.

Тѣнь Свѣта есть Ночь непроглядная,
А Жизнь наша—Гибели тѣнь...
Она пролетитъ, безотрадная,
И скроется въ вѣчную Сѣнь.

У моря же взяли Волненіе,
А Пыль подарила имъ твердь;
И стали тѣлами Творенія,
Въ нихъ Жизнь поселилась и Смерть.

Имъ вѣчно стремиться къ отрадѣ,
И знать только смѣхъ и слезу;
И Жизнь впереди ихъ и сзади,
А Смерть—и вверху, и внизу.

И будутъ печали отъ вѣка
Ихъ нѣжное сердце ковать...
Священый огонь Человѣка
Въ немъ будетъ пылать.

Судьба же сказала: „Отмѣрьте
Имъ нѣсколько радостныхъ дней!“
Въ глазахъ ихъ предчувствіе Смерти,
А въ сердцѣ сверканье страстей.

И ткутъ себѣ горе одежды
И сѣютъ, но будутъ ли жать?
Судьба ихъ—раскрыть свои вѣжды
И снова дремать [1]).

Своеобразную прелесть представляетъ это сочетаніе классическаго и современныхъ элементовъ, мастерски претворенныхъ въ гармоническое цѣлое. Совершенство формы, богатство языка признается всѣми критиками.

---

[1]) Переводъ, какъ и всѣ слѣдующіе, сдѣланъ авторомъ настоящей статьи.

Черезъ годъ, въ 1866 г., Свинбернъ выпустилъ сборникъ лирическихъ стихотвореній: „Poems and Ballads". Этотъ сборникъ имѣлъ въ Англіи шумный, но скандальный успѣхъ. Всѣ признавали необыкновенное поэтическое дарованіе автора, но видѣли въ немъ пѣвца ничѣмъ не прикрытой чувственности. Русской публикѣ едва ли показались бы обоснованными такія обвиненія: наша современная русская поэзія пошла куда дальше Свинберна въ этомъ направленіи. Въ Англіи критика старалась раскрыть тайный смыслъ поэтическихъ образовъ, старалась поэтическіе символы перевести на языкъ прозы. Тогда дѣйствительно становилось неприличнымъ то, что первоначально имъ не было. Свинбернъ и его друзья отчаянно защищались. Но возмущеніе общества было настолько сильнымъ, что издатель изъялъ книгу изъ обращенія. Впослѣдствіи Свинбернъ перепечаталъ ее безъ всякихъ измѣненій. Нельзя отрицать, однако, что въ Poems and Ballads фантазія поэта принимаетъ иногда нездоровый, болѣзненный характеръ. Но совершенство формы и поэтическій тактъ, который никогда не позволяетъ Свинберну быть грубымъ и вульгарнымъ, претворяетъ и рискованные сюжеты въ граціозныя, поэтическія вещи.

Скандалъ съ Poems and Ballads не сломилъ энергіи Свинберна. Онъ пишетъ трилогію изъ жизни Маріи Стюартъ: Chastelard, Bothwell (1874), Mary Stuart (1881). Всѣ эти трагедіи основаны на серьезномъ изученіи исторіи, на кропотливой работѣ надъ источниками. Въ изображеніи характера Маріи Стюартъ Свинбернъ разошелся съ современными историками. Многіе новые изслѣдователи стараются представить въ выгодномъ свѣтѣ характеръ Маріи, снять съ нея тяжелое обвиненіе въ прикосновенности къ убійству ея мужа. Шкатулочныя письма (casket letters)—главный документъ для ея обвиненія—теперь признаются подложными. Одинъ изъ новыхъ историковъ Маріи, Филипсонъ, не только отвергаетъ традиціонное представленіе о ея распутствѣ, но считаетъ ее вполнѣ цѣломудренной женщиной. Свинбернъ, наоборотъ, изображаетъ Марію развратной, безхарактерной, коварной женщиной, которая губитъ одного за другимъ всѣхъ своихъ возлюбленныхъ. Эпиграфомъ къ трагедіи Chastelard Свинбернъ взялъ разсказъ о морскихъ сиренахъ, убивавшихъ мужчинъ однимъ своимъ взглядомъ. Крайней степенью лицемѣрія, безсердечія и себялюбія надѣляетъ Свинбернъ несчастную шотландскую королеву. Правъ французскій критикъ Quesnel, сказавшій, что Свинбернъ возвелъ Марію Стюартъ во второй разъ на эшафотъ. Но нужно прибавить, что,

какова бы ни была историческая Марія Стюартъ, характеръ поэтической Маріи изображенъ у Свинберна съ рѣдкимъ мастерствомъ, съ большимъ даромъ психологической живописи.

Во второй части трилогіи мы видимъ Марію совершенно подчинившеюся рѣшительной волѣ графа Ботвеля. Къ нему испытываетъ она непреодолимую страсть. Эта страсть заставляетъ ее быть сообщницей въ убійствѣ Дарнлея. Хитростью она заманиваетъ своего мужа въ ловушку, гдѣ онъ и погибаетъ. Ботвель устраиваетъ притворное похищеніе королевы и какъ бы силою заставляетъ ее выйти за него замужъ. Эта комедія продѣлывается, чтобы объяснить, какимъ образомъ Марія могла стать женой того, кого вся Шотландія называетъ убійцею ея мужа. Сильное впечатлѣніе производитъ сцена Маріи и Ботвеля надъ трупомъ убитаго Дарнлея.

Королева.

„О, дайте мнѣ взглянуть въ его лицо. Не сильно
Обезображено оно. Красивый мальчикъ
Былъ онъ при жизни.
. . . . . .
Не очень измѣнился онъ, лишь послѣ свадьбы
Блѣднѣе стали губы и сузились глаза
Отъ скверной жизни и болѣзней. Да, вчера,—
Мужчина или нѣтъ,—онъ былъ живой душою.
А чѣмъ онъ сталъ теперь? Языкъ вотъ этотъ
Все жаловался мнѣ. Вотъ эти губы прежде
Соединялися съ моими. Эти руки,
Обѣты лавъ, ихъ не держали никогда,
Безпомощно барахтались въ тряснѣ срама.
Языкъ всегда намъ лгалъ, глаза смотрѣли косо,
А губы были жадны до вина и женщинъ.
. . . . . .
Мнѣ жалко не того, что умеръ онъ: мнѣ жалко,
Что онъ родился. Жалость эта превосходитъ
Всю ненависть мою къ нему при жизни“.

И тутъ же надъ трупомъ мужа она требуетъ отъ Ботвеля поцѣлуевъ непремѣнно здѣсь, „передъ его лицомъ“. Эта сцена особенно характерна для того образа Маріи Стюартъ, который воплотила кисть Свинберна.

Изъ всѣхъ частей трилогіи англійскіе критики выше всего ставятъ „Ботвеля“.

Всеобщимъ признаніемъ пользовалась другая античная трагедія Свинберна—„Эрехтей“, также основанная на греческомъ миѳѣ. Сынъ Земли и царь Аѳинъ, Эрехтей ведетъ войну съ напавшимъ на Аѳины сыномъ Посейдона, Евмолпомъ. Оракулъ

предсказалъ, что для спасенія Аѳинъ нужно принести въ жертву богамъ дочь Эрехтея, Хтонію. Эрехтей осторожно сообщаетъ объ этомъ своей женѣ Пракситеѣ. Пракситея сначала думаетъ, что отъ нея самой требуется кровавая жертва, и рада пожертвовать собой для спасенія родного города. Когда она узнаетъ, что боги требуютъ закланія ея родной дочери, ей больно, но она подчиняется; она готова на все, лишь бы спасти Аѳины. Хтонію принесли въ жертву. Происходитъ рѣшительная битва съ Эвмолпомъ, въ которой Эрехтей убиваетъ Эвмолпа и этимъ спасаетъ Аѳины, но самъ погибаетъ, пораженный Зевсомъ. Пракситея потеряла мужа и дочь, но она мужественно переноситъ несчастіе: она рада тому, что спасенъ ея родной городъ.

— „Я за Аѳины несу хвалу богамъ".

„Эрехтей" является не только трагедіей судьбы, но и трагедіей патріотизма. Въ немъ отсутствуетъ та непокорность богамъ, которая такъ часто прорывается въ „Аталантѣ въ Калидонѣ".

Свинбернъ написалъ еще нѣсколько трагедій: „Marino Falieri" (1885), „Locrine" (1887), „The sisters". Въ 1908 г., незадолго до смерти, Свинбернъ выпустилъ свою послѣднюю трагедію: „The Duke of Gandia". Burdette [1]) находитъ, что она рѣзко отличается отъ другихъ трагедій Свинберна, всегда страдающихъ многословіемъ. „Величавость рѣдко принадлежитъ къ числу достоинствъ твореній Свинберна, но въ этомъ его произведеніи стихъ движется съ медлительностью, дѣйствительно присущею трагедіи. Ожиданіе поднимается до мрачныхъ высотъ на паузахъ, служащихъ основаніемъ ритму. Строки словно крадутся въ безконечную даль благодаря ухищренію, къ которому постоянно здѣсь прибѣгаетъ авторъ, перенося смыслъ строки на первое слово слѣдующей строки и рѣзко обрывая здѣсь фразу". Во всякомъ случаѣ эта трагедія доказываетъ, что творческая сила Свинберна не ослабѣла и на восьмомъ десяткѣ.

Все время продолжалъ Свинбернъ выпускать лирическія и эпическія произведенія. Имъ были написаны двѣ новыя серіи Poems and Ballads, Songs before Sunrise, Studies in Song, Astrophel и др., а въ области эпоса—Trystram of Lyonesse и The Tale of Balen, на сюжеты изъ цикла Артуровскихъ сказаній. Всего имъ написано 6 томовъ стихотвореній и 6 томовъ трагедій.

Не только какъ поэтъ проявилъ себя Свинбернъ, но и какъ

[1]) См. „Вѣсы" 1908 г., № 6, стр. 7.

блестящій критикъ. Когда его обвиняли въ созданіи „плотской школы“, онъ выпустилъ памфлетъ: „Under the microscope“. Онъ написалъ очень интересную книгу о Шекспирѣ, далъ рядъ блестящихъ литературныхъ характеристикъ Елизаветинской эпохи. Онъ писалъ также и о современныхъ поэтахъ. Важное значеніе имѣетъ его этюдъ о Блэкѣ, англійскомъ символистѣ и мистикѣ. Его критическіе этюды написаны необыкновенно блестящимъ языкомъ; субъективность и преувеличеніе являются ихъ главнымъ недостаткомъ. Свинбернъ всегда говоритъ въ превосходной степени. Когда онъ говоритъ о Викторѣ Гюго, онъ не знаетъ предѣла своимъ похваламъ; зато Байрона онъ ставитъ ниже какого-то Flatmann'а, никому неизвѣстнаго и ничѣмъ не замѣчательнаго.

II.

Самыя разнообразныя вліянія замѣтны въ творчествѣ Свинберна. Его поэзія—не выраженіе мощной индивидуальности, какимъ была поэзія Байрона. Его женственная, воспріимчивая муза прислушивалась къ чужимъ пѣснямъ, но переработывала ихъ на свой собственный ладъ. Греческая трагедія послужила однимъ изъ источниковъ его вдохновенія, но и въ нее онъ умѣлъ вложить современную душу. Китсъ и Лэндоръ, представители эллинизма въ англійской литературѣ, несомнѣнно повліяли на него, но не сдѣлали его подражателемъ. У Шекспира учился онъ мощной обрисовкѣ характеровъ, но въ свои трагедіи вложилъ онъ свой собственный и оригинальный лиризмъ. Своеобразно преломился въ его творчествѣ мечтательный и фантастическій геній Шелли. На него вліяли и французскіе поэты: Викторъ Гюго, передъ которымъ онъ прямо преклонялся, и Бодлэръ. Бодлэромъ навѣяны, напр., Faustine, Dolores, The Leper (баллада о знатной аристократкѣ, которая заразилась проказой и отъ которой отвернулись всѣ ея возлюбленные, и о бѣдномъ клеркѣ, который раньше безумно любилъ ее, а теперь пріютилъ и ухаживалъ за ней, покрывалъ поцѣлуями ея язвы, и вмѣстѣ съ нею погибъ, заразившись проказой). Отзвуки Бодлэра слышатся и въ такихъ вещахъ, какъ Before a crucifix или Hermaphroditus. Но натурализмъ Бодлэра навсегда остался чуждымъ Свинберну, и чисто бодлэровская тема въ The Leper передана цѣломудренно и нѣжно.

Несомнѣнно сказались на творчествѣ Свинберна и вліянія

прерафаэлитовъ, съ вождемъ которыхъ, Данте Габріэль Россетти, поэтомъ и живописцемъ, онъ былъ друженъ. Многія раннія вещи Свинберна написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Россетти.

Всѣ эти разнообразныя вліянія своеобразно претворялись въ стихахъ и трагедіяхъ Свинберна.

Первое, что въ его стихахъ поражаетъ одинаково и англичанина, и иностранца, это—удивительная, ни съ чѣмъ не сравнимая музыкальность.

Никакой переводъ не передастъ музыки Dolores.

Could you hurt me, sweet lips, though J hurt you?
Men touch them and change in a trice
The lilies and languors of virtue
For the raptures and roses of vice;
Those lie where thy foot on the floor is,
These crown and caress thee and chain
O splendid and sterile Dolores,
Our Lady of Pain.

Другое, что поражаетъ въ Свинбернѣ, это—его фантазія, блескъ и неожиданность его метафоръ. Онъ любитъ символизировать душевныя состоянія и отвлеченныя идеи конкретными чувственными образами. Это придаетъ нѣкоторый искусственный характеръ его поэзіи. „Пѣвчія птицы печали... Буревѣстники страсти, которые бьютъ дикими крыльями, подхваченные вѣтромъ желанія“.

„Weaving the web Desire
To snare the bird Delight“.
(И сѣть Желанья съ нами
Поймать Восторга птицъ).
„Throbs through the heart of pleasure
The purpler blood of pain“.
(Изъ сердца наслажденья
Струится кровь тоски).

Иногда метафоры становятся совершенно произвольными и дисгармоничными. „Любовь — это кровь въ жилахъ времени“. Но иногда онѣ бываютъ прелестны („День раскрываетъ очи и вьетъ по косамъ ночи сѣть золотистыхъ струй“).

Оригиналенъ лиризмъ Свинберна, своеобразно его чувство. Онъ въ такой же мѣрѣ является поэтомъ чувства, какъ и поэтомъ фантазіи. Самые разнообразные оттѣнки чувства передаетъ онъ намъ. Только крайностей горя и радости онъ не переживаетъ. У него горе имѣетъ радостный оттѣнокъ, а сквозь радость просвѣчиваетъ горе. Муза Свинберна, какъ гомеровская Андромаха, улыбается сквозь слезы.

„Изъ счастья скорбь, изъ утра ночь,
И краткій мигъ несется прочь".

Эти выраженія характерны для настроеній поэта. Очарованіе печали—вѣрный признакъ мечтателя—часто встрѣчается у Свинберна.

Что же воспѣваетъ этотъ мечтательный и музыкальный поэтъ? Главнымъ образомъ „Любовь и Смерть", „Человѣка и Свободу", „Море и Дѣтей".

И я дышу, дышу безъ мѣры
Всѣмъ ароматомъ прежнихъ дней,
И помню лишь прыжки пантеры
Я въ даляхъ гаснущихъ страстей.
(At a month's end).

О, горечь вещей слишкомъ сладкихъ!
О, разбитое пѣнье горлицъ!
Крылья любви все парятъ и парятъ,
И какъ когти, какъ когти пантеры,
Эти когти любви.
(Fragoletta).

Грустныя признанія срываются съ устъ поэта. Марія Стюартъ говоритъ:

Вы сладкой назвали любовь!.. Такъ что-жъ тогда
Вы назовете горькимъ?

Но эта любовь, — никогда ненасытимая, самой природой своей предназначенная быть несчастной, — чужда постоянства. Свинбернъ описываетъ поэзію случайныхъ встрѣчъ: „И что хуже, и что лучше всего, что никто изъ насъ не можетъ упрекнуть другъ друга: если вы забыли мои ласки, то я забылъ ваше имя"...

„Всего три дня біенья
И смолкли родники,
Изъ почки наслажденья
Растетъ цвѣтокъ тоски.
Любовь есть цѣпь измѣны,
Любовь есть рядъ измѣнъ".

Вслѣдъ за Байрономъ Свинбернъ смѣется надъ бракомъ. Байронъ сказалъ: „Всякая трагедія кончается смертью, а всякая комедія кончается бракомъ". Свинбернъ говоритъ о Времени, которое превращаетъ нашихъ возлюбленныхъ въ трупы или въ женъ, говоритъ, что бракъ, смерть или разлука дѣлаютъ нашу жизнь пустой.

Эротизмъ Свинберна часто носитъ нездоровый характеръ: вслѣдъ за Бодлэромъ онъ воспѣваетъ иногда грѣховныя, анормальныя страсти.

Его идеалъ:

O splendid and sterile Dolores,
Our Lady of Pain.

Она оказывается дочерью Либитины и Пріапа; „у нея тяжелые бѣлые члены и красный ротъ, подобный ядовитому цвѣтку". Поэтъ мечтаетъ „о грѣхахъ, которые должны быть открыты, о новыхъ страстяхъ, о новыхъ очарованіяхъ и мукахъ, о которыхъ никто еще не грезилъ, не писалъ, не слыхалъ, которыхъ еще никто не зналъ" (Dolores).

Но этотъ эротизмъ былъ навѣянъ Свинберну его французскими образцами, и въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ онъ отъ него освободился.

Почти съ нѣжностью относится Свинбернъ къ смерти. „Если бы не было смерти, не было бы роста, не было бы жизни добра и зла". Самымъ страшнымъ въ Смерти считаетъ Свинбернъ не самую смерть, а страхъ смерти. „Смерть, если ты существуешь, то твоя власть создана изъ нашего страха. Все твое могущество—только въ ужасѣ передъ тобой. Кто тебя не боится, тотъ сорвалъ съ твоей головы вѣнецъ изъ тучъ, которыя бросаютъ зловѣщую тѣнь на моря и землю" (A dialogue). Онъ воспѣваетъ Смерть, Прозерпину, владычицу царства тѣней: „Ты больше боговъ, которые считаютъ дни нашей бренной жизни, ибо они даютъ заботу и дремоту, а ты, Прозерпина—смерть. Нѣтъ бога сильнѣе, чѣмъ смерть, а смерть есть сонъ" (Hymn to Proserpine).

Поэтому мы должны не жаловаться на смерть, а восхвалять ее, какъ избавительницу,

За то, что Смерть навѣки
Закроетъ смертныхъ вѣки.
(Садъ Прозерпины).

Жизнь и міръ—сонъ, и самое цѣнное въ этомъ снѣ—покой. И не все ли равно, что̀ приноситъ этотъ покой, этотъ восторгъ покоя? Будетъ ли это мѣрное покачиваніе морскихъ волнъ, убаюкивающихъ и лелѣющихъ до тѣхъ поръ, пока не потеряется чувство реальности и все покажется фантазіей, сновидѣніемъ:

Все только сонъ: лучей улыбки,
Вода, и твердь, и небосклонъ;

Все сонъ божественной ошибки,
Чудесный сонъ, но только сонъ.
(A summer's dream).

Если въ жизни самое цѣнное—успокоеніе и покой, и если смерть есть успокоеніе и покой, то какая же разница между Жизнью и Смертью? Тѣсно и неразрывно сплетены Жизнь и Смерть. И въ жизни мы живемъ смертью, ибо тѣнь отъ смерти падаетъ и на жизнь. И, можетъ быть, Смерть является высшей правдой, высшимъ свѣтомъ.

„Тѣнь свѣта есть ночь непроглядная,
А жизнь наша—гибели тѣнь".
(Atalanta in Calidon).

Но пѣвецъ Любви и Смерти не заслоняетъ въ Свинбернѣ пѣвца Человѣка и Свободы. Въ поэзіи Свинберна всегда жилъ духъ мятежа. Въ Poems and Ballads онъ возставалъ противъ общепринятыхъ нормъ нравственности, стремился épater le bourgeois. Въ Songs before Sunrise, въ Song of two nations и др. его протестъ былъ направленъ въ область политики и религіи.

Воспѣвая свободу, „солнечнаго бога свободы", Свинбернъ былъ только вѣренъ старымъ традиціямъ англійской поэзіи, шелъ по пути Мильтона, Байрона и Шелли. Но и въ эту жажду свободы онъ вносилъ свой страстный темпераментъ, свои истерическія преувеличенія. Онъ живетъ судьбами Италіи и Франціи, какъ своими собственными. Въ A song in Time of order, написанномъ въ 1852 году, вскорѣ послѣ декабрьскаго переворота во Франціи, онъ мечтаетъ о томъ времени, когда „скамейка каторжной галеры будетъ скрипѣть отъ сидящаго на ней Папы, а ублюдокъ Бонапартъ, вися въ петлѣ, будетъ качать своими пятками". И на каждый успѣхъ освободительнаго движенія онъ непремѣнно отзывается какимъ-нибудь стихотвореніемъ. Онъ воспѣваетъ возстаніе въ Кандіи, освобожденіе Италіи, провозглашеніе французской республики въ 1870 г. Онъ воспѣваетъ Виктора Гюго, Кошута, Мадзини, Орсини, Луи Блана. Съ Викторомъ Гюго и Мадзини онъ былъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ постоянно называетъ себя республиканцемъ, хотя и отграничиваетъ себя очень рѣзко отъ анархистовъ и коммунистовъ. Онъ мечтаетъ о республикѣ всего міра, о братскомъ единеніи всѣхъ народовъ.

„О, ясная республика міра, ставшаго бѣлымъ!
О ты, свобода, откуда бьютъ ключи души!
Хвалите землю ради человѣка и ради земли хвалите человѣка!“
(The Eve of Revolution).

Но это не мѣшаетъ ему быть пламеннымъ англійскимъ патріотомъ, даже націоналистомъ, почитателемъ и защитникомъ королевы Викторіи. Въ поэмѣ „Армада“ онъ воспѣваетъ побѣду Англіи надъ Испаніей и выражаетъ всю свою любовь къ родинѣ.

„О, Британія, дочь моря, мать могучихъ моряковъ!
Дѣти чтутъ тебя и любятъ и забыли лязгъ оковъ;
И тебѣ навѣетъ вѣтеръ славу, сказки и мечты.
Всѣхъ краснѣй, всѣхъ пріятнѣй, всѣхъ сильнѣе—это ты!“

Республиканецъ, онъ воспѣваетъ 50-ти-лѣтній юбилей королевы Викторіи („The Commonweal“).

Въ высшей степени характеренъ слѣдующій эпизодъ. Въ одномъ англійскомъ журналѣ въ 1877 году появился переводъ русскаго стихотворенія, враждебнаго императрицѣ Викторіи (не было ли это извѣстное стихотвореніе И. С. Тургенева „Крокетъ въ Виндзорѣ?“). Свинбернъ отвѣчаетъ на него грознымъ стихотвореніемъ „Бѣлый царь“, полнымъ угрозъ по адресу императора Александра II и Россіи. Передъ этимъ стихотвореніемъ имѣется характерное вступленіе, гдѣ Свинбергъ разъясняетъ, что ему, какъ республиканцу, всего удобнѣе отвѣтить „на оскорбленіе Московита по адресу англійскаго монарха“.

Политической революціонности соотвѣтствовала въ Свинбернѣ революціонность религіозная. Эллинизмъ оставилъ въ немъ глубокіе слѣды: въ Hymn to Proserpine онъ скорбитъ о побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ. „Ты побѣдилъ, о блѣдный Галилеянинъ, міръ сталъ сѣрымъ отъ твоего дыханія“. Онъ воспѣваетъ Юліана, послѣдняго борца за древнихъ боговъ, за исчезающее міросозерцаніе (The last Oracle). И онъ поклоняется новому язычеству, обожествленію человѣка. Въ Hertha изображаетъ онъ пантеистическую сущность міра, какъ совпаденіе противоположностей. Это старое Гераклитовское ученіе, неоднократно потомъ повторяемое, встрѣчающееся у Николая Кузанскаго, у Джіордано Бруно и у мистиковъ, выражено здѣсь въ поэтической формѣ. „Я стрѣла, которая промахивается, и та цѣль, въ которую она не попадаетъ, я уста, которыя цѣлуются и я дыханіе поцѣлуя. Я исканіе и искомое и искатель, я духъ и тѣло. Я зерно, и борозда, и глыба земли, и

сошникъ, который ее разсѣкаетъ, я дѣло и дѣлатель, я посѣвъ и сѣятель"... Затѣмъ устанавливается тождество этой сущности съ сущностью человѣка. „Порожденіе моихъ нѣдръ, лучъ моихъ очей, самый высокій цвѣтокъ, который тянется къ небу—человѣкъ, онъ равенъ мнѣ, онъ одно со мной, человѣкъ, который сдѣланъ изъ меня, человѣкъ, который и есть я". Таково мистическое обожествленіе человѣка, новое антропоцентрическое міровоззрѣніе, которое такъ удачно англійскіе критики называютъ „панантропизмомъ". Въ основѣ панантропизма лежитъ пантеизмъ, но между ними есть и существенное различіе. Въ пантеизмѣ человѣкъ и его личность растворяются въ мірѣ, въ панантропизмѣ міръ растворяется въ человѣкѣ. Человѣкъ становится сущностью, центромъ, средоточіемъ вселенной. И въ поэзіи Свинберна часто встрѣчаются восторженные гимны человѣку, the holy spirit of man—священному духу человѣка.

Все исходитъ отъ человѣка. „Богъ—тѣнь, отбрасываемая душой человѣка" — говоритъ Свинбернъ (Genesis). Мы встрѣчаемся здѣсь съ философской теоріей Фейербаха, будто человѣкъ по образу и подобію своему создаетъ Бога. Такое объясненіе религіи какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу панантропизма.

Hymn of man особенно рельефно выражаетъ этотъ „панантропизмъ" Свинберна. Онъ полонъ страстными нападками на господствующую религію, декламаціями противъ Божества. Я не буду ихъ приводить, чтобы не оскорблять чувства вѣрующихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ очень грубы и бьютъ мимо цѣли. Только необыкновенная мелодичность стиха скрадываетъ рѣзкость выраженій и слабость мысли. Но въ этомъ стихотвореніи любопытно поэтическое возвеличеніе человѣка, „панантропизмъ". Свинбернъ выраженъ здѣсь наиболѣе рельефно.

„Богъ, если онъ есть, есть сущность людей — Человѣкъ. Наши жизни — біенія или поры его многообразнаго тѣла, удары волнъ его моря о берега, гдѣ рожденіе является глашатаемъ смерти. Мы, люди — только многообразныя черты Человѣка; кѣмъ бы мы ни были, мы возсоздаемъ только его, созданьями котораго мы являемся. Не каждый изъ насъ, людей, является Богомъ, но Богъ — плодъ всего. Онъ духъ, неотдѣлимый отъ Крови, тѣло, неразличимое отъ души. Не людямъ, а Человѣку принадлежитъ слово Божества, царство времени. Въ морѣ, волнами котораго являются столѣтія, плыветъ этотъ живой Богъ. Его постель—въ могилахъ людей, но черви не имѣютъ власти надъ его членами, ночь не смыкаетъ его очей, время не проливаетъ перемѣны на его голову. Его сердце полно огня небесныхъ

звѣздъ. Люди — мысли въ его головѣ, жилы, наполняющія его кровью, онѣ обновляютъ и освѣжаютъ его, какъ ключи, наполняющіе потокъ. Люди—біеніе сердца Человѣка, люди — перья въ его крыльяхъ. Люди погибаютъ, но Человѣкъ будетъ продолжаться; жизни умираютъ, но жизнь не умретъ... Слава Человѣку, ибо Человѣкъ—владыка вещей".

Таково это обожествленіе человѣка, таковъ этотъ мистицизмъ безъ Бога, религія безъ будущей жизни, вѣра безъ обѣтованій. Если въ своемъ объясненіи господствующей Религіи Свинбернъ сознательно или безсознательно слѣдовалъ Фейербаху, то въ своемъ культѣ Человѣка также сознательно или безсознательно онъ воспѣвалъ идеи Огюста Конта. Человѣкъ Свинберна—это то же самое, что Grand Être или Humanité Конта. И съ новыми теченіями англійской и американской мысли имѣетъ соприкосновеніе панантропизмъ Свинберна. Его паганизмъ, его гимны классическому многобожію, его ненависть къ монотеизму аналогичны той защитѣ политеизма или плюрализма въ религіи, которую въ недавнее время далъ Джемсъ. Его культъ Человѣка имѣетъ точки соприкосновенія съ гуманизмомъ (Humanism) оксфордскаго профессора Шиллера, который пытается построить строго утилитарное и антропоцентрическое міровоззрѣніе и проводить эти принципы и въ логикѣ, и въ этикѣ, и въ метафизикѣ.

„Нельзя сказать—замѣтили мы въ другомъ мѣстѣ [1]),—чтобы такое міровоззрѣніе было послѣдовательнымъ. Если все тщетно, то тщетенъ и человѣкъ, и человѣчество. Неужели можно серьезно утверждать, что люди умираютъ, а человѣкъ не умретъ? Человѣкъ, человѣчество не умретъ только при томъ условіи, если не умираютъ люди. Иначе безслѣдно умретъ человѣчество, человѣкъ; только жизнь человѣка, коллективнаго человѣка длиннѣе, чѣмъ жизнь отдѣльнаго человѣка; но вѣдь и жизнь отдѣльнаго человѣка длинна, очень длинна въ сравненіи съ жизнью бабочки-однодневки. Но кто станетъ доказывать смыслъ жизни человѣческаго индивидуума ея длиной въ сравненіи съ часами бабочки, мгновеніями мошки? Чуждыми другъ другу, не сливающимися въ одно міровоззрѣніе остаются у Свинберна его пессимизмъ и его панантропизмъ. Они даютъ не гармонію, а диссонансъ. Они остаются механически соединенными частями двухъ совершенно различныхъ и другъ друга исключающихъ міровоззрѣній. Но

---

[1]) Въ литературномъ сборникѣ „Творчество" (Казань, 1909).

развѣ одни поэты впадаютъ въ это противорѣчіе? Какъ много людей запутывается въ немъ, какъ много мыслителей! И отъ поэта мы требуемъ не міровоззрѣнія, а міроощущенія, не истины, а красоты. Ее творилъ, ей служилъ всю свою долгую жизнь Олджерноиъ Свинбернъ".

Н. Васильевъ.

ПЕРВАЯ СМѢНА

V *).

Черная, тусклая ночь своею шапкой-невидимкой скрыла рано заснувшую фабрику. Въ этой мрачной темнотѣ, казалось, не спалъ одинъ только хозяйскій домикъ, злобно и пристально глядѣвшій своими ярко-освѣщенными окнами въ черную глубину ночи. У „хозяина“ въ домѣ шла большая суетня: ждали пріѣзда изъ города губернатора. Еще днемъ на подмогу знаменитой хозяйской стряпухѣ Василисѣ взяли двухъ поваровъ изъ „Царьграда“. Вороватая старуха ключница Кондратьевна, почуя важность минуты, старалась во всю и проявляла на кухнѣ чудеса распорядительности. Нужно было не ударить въ грязь лицомъ: у хозяина только-что былъ околоточный съ радостною вѣстью, что „ихъ превосходительства сейчасъ прибудутъ“. Эти „превосходительства“ были губернаторъ, жандармскій полковникъ и начальникъ расположенной въ городѣ армейской дивизіи. Въ противоположность хлопотливому шуму, доносившемуся живою струею изъ кухни и людскихъ, въ комнатахъ было печально-тихо и безлюдно. Обстановка комнатъ была изысканно-роскошна. Гостиная—строгій empire; на стѣнахъ—тысячные гобелены, потолокъ—очаровательный плафонъ знаменитаго французскаго художника... Столовая была бѣлаго дуба, въ англійскомъ стилѣ, радостная и привѣтливая. Въ кабинетѣ Вакулова, спокойно-дѣловомъ и роскошномъ, каждая вещь, начиная съ фотографическихъ карточекъ писателей и общественныхъ дѣятелей, съ дружескими на нихъ надписями,

*) См. іюль, стр. 192.

и кончая аляповатою моделью трехэтажнаго дома, поднесенною Вакулову отъ „благодарныхъ учениковъ средняго химико-техническаго Н—скаго училища своему основателю и покровителю“ — краснорѣчиво говорила о своемъ владѣльцѣ. Наконецъ, портретъ красавицы-брюнетки давалъ понять, что Вакуловъ нерѣдко отрываетъ свой взоръ отъ всевозможныхъ англійскихъ техническихъ журналовъ, смѣтъ, директорскихъ отчетовъ, проектовъ и тому подобныхъ дѣловыхъ бумагъ, въ изобиліи лежащихъ на громадномъ письменномъ столѣ. Въ ярко залитыхъ электрическимъ свѣтомъ комнатахъ никого не было. Голоса доносились съ террасы сада... Кто-то говорилъ рѣзко, почти-что кричалъ, другой возражалъ ему робко-обиженно, а третій голосъ насмѣшливо-презрительно насвистывалъ модную шансонетку. Сердитый голосъ принадлежалъ Вакулову. Онъ—плотный, коренастый блондинъ, лѣтъ сорока, съ интеллигентнымъ, утомленнымъ лицомъ; одѣтъ въ просторный, неловко сшитый чесунчовый пиджакъ, небрежно, почти грязно. Вакуловъ крупными сердитыми шагами расхаживалъ по дорожкамъ, усыпаннымъ скрипучимъ гравіемъ. Въ саду было тихо; сладко пахло цвѣтами и ночною свѣжестью. Слабо освѣщенныя разноцвѣтныя стекла террасы бросали въ темноту ночи неясныя, крадущіяся пятна. Вакуловъ говорилъ взволнованно сердито.

— Я на васъ, Евгеній Михайловичъ, конечно, не въ претензіи. Я хозяинъ, слѣдовательно — мои барыши, мои и убытки... Но согласитесь со мной сами: вы директоръ и въ вашемъ распоряженіи цѣлый штатъ мастеровъ — людей вполнѣ спокойныхъ и au courant настроеній рабочихъ. И вдругъ телеграмма: „Фабрика забастовала. Присутствіе ваше необходимо“. Такой телеграммы не должно было быть... Недѣли двѣ, когда все это было у нихъ на умѣ и на языкѣ, вы должны были мнѣ телеграфировать: „тревожно—пріѣзжайте“. Тогда вы были бы Пилатомъ. А теперь... Ну, дайте совѣтъ. Я слушаю. Поучаюсь.

Сердитыя слова были обращены по адресу директора ткацкаго корпуса, худощаваго брюнета сильнаго кавказскаго типа, по фамиліи Ахтурьянцъ.

— Вы не правы, Георгій Степановичъ,—началъ Ахтурьянцъ и въ тонѣ его голоса, гортанно-мягкомъ, слышалась злобная досада.—Да, вы не правы,—продолжалъ онъ, повышая голосъ:— я не зналъ о готовящейся забастовкѣ, но я и не могъ о ней знать. Главный шансъ успѣха—внезапность удара—былъ вполнѣ соблюденъ. Спросите любого мастера — зналъ ли онъ, хотя за день, что фабрика станетъ. Если кто-либо вамъ отвѣтитъ утвер-

дительно, вы можете меня немедленно уволить, да я и самъ не сочту себя достойнымъ занимать директорскій постъ.

— Душа-а мой, не злись... Пожалуйста, не злись. Ты не виноватъ, я не виноватъ, а виновата Паулина, — уютно развалившись на longue-chaise'ѣ, картавилъ управляющій фабрикой Бусевичъ.

— Я могу васъ уволить и безъ свидѣтельскихъ показаній,— сухо замѣтилъ Вакуловъ. — Но мнѣ кажется, что въ тяжелыя минуты, передъ лицомъ опасности, нельзя складывать оружія и уходить на задній планъ.

— Да, это вѣрно,—порывисто сказалъ Ахтурьянцъ.—Теперь не время играть въ самолюбіе.

— А когда ненастье пройдетъ, мы, Богъ дастъ, на солнышкѣ пригрѣемся и помиримся, — уже дружелюбно сказалъ Вакуловъ.

— Такъ что же ты рѣшилъ дѣлать?—спросилъ Бусевичъ.— Не уступишь?

Другъ дѣтства и товарищъ по университету, Бусевичъ съ Вакуловымъ былъ на ты.

— Нѣтъ, не уступлю,—сказалъ твердо Вакуловъ.

— Тэкъ-съ,—протянулъ Бусевичъ.—Поживемъ, увидимъ.

Наступившее молчаніе было прервано гулкимъ шумомъ подкатившей къ дому коляски.

— Пойдемте, господа,—сказалъ Вакуловъ. — Идемъ именитыхъ гостей встрѣчать. Вотъ до чего дожили: изъ податного сословія, а сейчасъ губернаторскую, да еще княжескую руку пожимать буду... Тоже вѣдь всякому лестно! — уморительно гримасничая, сказалъ Бусевичъ. Вакуловъ разсмѣялся... Хмурая улыбка расползлась по бронзово-темному лицу Ахтурьянца.

Вотъ и прибывшіе гости. Впереди властной, начальнической походкой шелъ губернаторъ, князь Болховской, представительный господинъ среднихъ лѣтъ, съ холенымъ барскимъ лицомъ. Спутниками князя были толстый дивизіонный генералъ, съ длинными лакейскими баками, и начальникъ жандармскаго управленія, высокій и тонкій какъ жердь полковникъ, извѣстный въ городѣ подъ кличкой „Хватай-Катай". Полицеймейстеръ робко топтался на порогѣ комнаты, выказывая этимъ знаніе іерархическихъ порядковъ и распорядительность по службѣ.

— Глубокое, искреннее вамъ спасибо, ваше сіятельство, что навѣстили меня въ бѣдѣ. Большое спасибо!—съ восторженною горячностью благодарилъ Вакуловъ губернатора. Въ тонѣ его голоса слышались нотки подобострастной зависти... Универси-

тетское образованіе, три семестра въ Боннѣ и жизнь въ свободолюбивой Англіи не могли уничтожить въ сердцѣ Вакулова, прадѣдъ котораго былъ крѣпостной, инстинктивнаго уваженія къ барственной родовитости, къ этому потомку Владимірскихъ удѣльныхъ князей, такому спокойно-увѣренному, холеному и властному.

— Полноте, дорогой мой Георгій Степановичъ, до бѣды, Богъ дастъ, еще далеко, — снисходительно-успокоительнымъ голосомъ замѣтилъ князь.

Вакуловъ неловко-застѣнчиво представилъ гостямъ управляющаго и Ахтурьянца.

„Ну и штука же ты—капитана Кука“,—съ злобнымъ юморомъ подумалъ Бусевичъ, ощущая крѣпкое рукопожатіе князя.

Дѣйствительно, въ манерѣ князя здороваться было что-то неуловимо оскорбительное... Князь всѣмъ жалъ руку крѣпко, горячо, точно своему лучшему другу; но въ этой стереотипности рукопожатія, въ холодно-утомленной улыбкѣ равнодушно-жестокихъ глазъ читалось презрѣніе ко всѣмъ, кто не ведетъ подобно ему свою родословную уже слишкомъ 600 лѣтъ.

Всѣ расположились въ гостиной. Робкій полицеймейстеръ, поймавъ брезгливо-повелительный взглядъ губернатора, пересталъ топтаться у двери и осторожно присѣлъ на кончикъ кресла, словно готовясь каждую минуту бѣжать къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Взоръ губернатора лѣниво скользилъ по потолку.

„Живопись очень мила, жаль, общій тонъ не выдержанъ: empire не годится—Louis XV было бы удачнѣе. Но обстановка недурна“,—подумалъ князь.

Вакуловъ внимательно слѣдилъ за путешествіемъ губернаторскихъ глазъ и думалъ о томъ, что ему нечего завидовать этому холеному барину. „Я милліонеръ, общественный дѣятель, тремя языками владѣю. А князь? Одно только званіе. Лебези передъ министерствомъ, воздухъ нюхай откуда дуетъ; на рубль амбиціи, да на грошъ амуниціи“, — мелькали въ головѣ Вакулова утѣшительныя мысли.

Наконецъ князь остановилъ на Вакуловѣ свой равнодушный взоръ.

— Ну, Георгій Степановичъ, чѣмъ это вы насъ пугать собрались?— сказалъ губернаторъ.

Еще до пріѣзда князя Вакуловъ приготовилъ рѣчь, но тѣмъ не менѣе говорилъ онъ скверно, запинаясь чуть не на каждомъ словѣ.

— Старая, но вѣчно новая исторія, ваше сіятельство. Обык-

новенная исторія о томъ, какъ подъ прикрытіемъ громкихъ словъ о справедливости, о трудѣ и другихъ высокихъ матеріяхъ совершается грабежъ, беззастѣнчивое залѣзаніе въ чужой карманъ... Конечно, копить трудовую копѣйку, не пьянствовать, не тратить денегъ на сударокъ гораздо труднѣе, чѣмъ бастовать и требовать себѣ всевозможныхъ поблажекъ. Въ настоящее время положеніе на моей фабрикѣ таково: забастовалъ ткацкій корпусъ, выставивъ рядъ требованій; красильный корпусъ и мастерскія забастовали до полнаго удовлетворенія требованій своихъ товарищей.—Вакуловъ досталъ изъ бокового кармана пиджака литографированную четвертушку бумаги, вооружилъ породистый крупный носъ pince-nez и продолжалъ: вотъ эти требованія. Во-первыхъ, увольненіе директора.—При этихъ словахъ Вакуловъ сдѣлалъ легкое движеніе головой въ сторону Ахтурьянца. Желтое лицо директора побурѣло и нервно задергалось.—Во-вторыхъ,—продолжалъ читать Вакуловъ,—отмѣна штрафовъ за прогульные дни; въ-третьихъ, повышеніе на двадцать процентовъ сдѣльныхъ расцѣнокъ; въ-четвертыхъ, окончаніе работъ наканунѣ праздничныхъ дней часомъ раньше обычнаго срока, и, наконецъ, обычная присказка—восьмичасовой рабочій день. Я отказалъ съ полною увѣренностью въ своей правотѣ. Но, къ сожалѣнію, я представитель власти экономической, власти безсильной, если можно такъ выразиться. На моей сторонѣ справедливость и законъ, а на сторонѣ рабочихъ право кулака, право разгромить машины, амбары, склады, поджечь фабричныя зданія—однимъ словомъ, право насилія. Вотъ почему, ваше сіятельство, я обращаюсь къ вамъ съ покорной просьбой дѣломъ и добрымъ совѣтомъ поддержать мои законныя требованія.

При послѣднихъ словахъ Вакуловъ всталъ и театрально-низко поклонился князю. Вакуловъ глянулъ въ глаза губернатору и смутился: онъ прочелъ въ нихъ гадливую брезгливость барича, который сумѣлъ прожить милліонное состояніе, никого не обвиняя, нисколько о томъ не жалѣя и никогда не вспоминая о прошломъ. Голосъ князя былъ спокоенъ и внушителенъ.

— Вы напрасно думаете, что власть экономическая безсильна. Ваши права вполнѣ реальны и для рабочихъ послѣдствія забастовки могутъ оказаться очень и очень непріятны. Потомъ, вы говорили о возможности насилій. За рабочими вы предполагаете право силы: повѣрьте, у нихъ его нѣтъ... Не буду вступать съ вами въ отвлеченную полемику; скажу только, что я, какъ представитель верховной власти въ губерніи, всегда встану на защиту вашихъ законныхъ интересовъ. Я надѣюсь, что вы, ваше

превосходительство, не откажете намъ въ помощи для успокоенія разстроенныхъ нервовъ рабочихъ?—обратился князь къ дивизіонному генералу.

— Конечно, ваше сіятельство, конечно. При безпорядкахъ военная власть должна идти рука объ руку съ гражданской, какъ того требуетъ законъ. Въ нарядѣ я пошлю батальонъ саранцевъ. Вотъ, я вамъ признаюсь, молодцы: дисциплина изумительная, выучка, рыцарское благородство. Въ прошломъ году что за дьявольщина на вагонномъ заводѣ была, а хлопцы-молодцы однимъ своимъ молодецкимъ видомъ порядокъ возстановили. Ахъ, люблю ихъ, какъ родныхъ дѣтей люблю, — съ искреннимъ жаромъ въ голосѣ восторгался генералъ.

Когда генеральскіе восторги дисциплинированными солдатами стихли и воцарилось молчаніе, жандармскій полковникъ вкрадчивымъ, необычайно тонкимъ голосомъ замѣтилъ: — Къ сожалѣнію, очень много за послѣднее время на фабрикѣ мерзавцевъ развелось. Вотъ на дняхъ въ монастырской рощѣ одного фабричнаго негодяя поймали: молодчикъ разбрасывалъ прокламаціи, а въ слободѣ типографію держалъ. Еще на слѣдъ не напали, но можно думать, что составъ областного соціалъ-демократическаго комитета состоитъ почти цѣликомъ изъ вашихъ фабричныхъ.

— Да что вы говорите?—ужаснулся Вакуловъ.

Перспектива арестовъ и обысковъ на фабрикѣ его мало прельщала.

— Есть много основаній думать, что я правъ. Но покамѣстъ еще вопросъ выясняется, — успокоилъ Вакулова жандармъ.— А ужъ потомъ не прогнѣвайтесь, можетъ, придется намъ въ вашихъ владѣніяхъ похозяйничать. Ха-ха-ха!—залился жандармъ мелкимъ жиденькимъ смѣхомъ. — Много, очень много теперь вредныхъ элементовъ развелось,—съ грустью въ голосѣ продолжалъ полковникъ,—и откуда только эта пакость плодится, представить себѣ не могу. Прежде наша губернія всегда на хорошемъ счету была, а теперь самая безпокойная.—Полковникъ въ раздумьи покачалъ своей длинной, лошадиной головою.

Всѣ сосредоточенно молчали, точно опечаленные тѣмъ обстоятельствомъ, что губернія сильно неблагонадежна.

— Можетъ быть, вы, господа, поможете намъ отыскать ближайшій путь къ достиженію мира? Узнать ваши взгляды намъ прямо необходимо,—обратился губернаторъ въ сторону Ахтурьянца и Бусевича.

— Если моя просьба и совѣтъ что-нибудь значатъ, то я прошу не уступать рабочимъ. Первый пунктъ требованій выста-

влечетъ немедленное смѣщеніе меня съ директорскаго поста. Конечно, невольно напрашивается мысль, что во мнѣ говоритъ шкурное чувство, но я оставлю въ сторонѣ вопросы самолюбія и буду просить васъ, Георгій Степановичъ, отказать въ этомъ требованіи такъ же рѣшительно, какъ и въ остальныхъ. Меня ненавидитъ фабрика—это правда, но вся моя вина заключается въ томъ, что я уволилъ человѣкъ сорокъ рабочихъ абсолютно неспособныхъ и ввелъ систему прогрессивныхъ штрафовъ за прогульные дни и за повторную порчу матеріаловъ. Я подтянулъ ткачей—выработка пошла чище, брака стало меньше. Вотъ и всѣ мои прегрѣшенія передъ рабочими, но не передъ чувствомъ долга и совѣсти.—Ахтурьянцъ внимательно осмотрѣлъ слушателей влажнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ.

Жандармскій полковникъ одобрительно кивнулъ головой.

— Другія требованія—также требованія войны и враговъ, а не друзей; вотъ почему въ нихъ слѣдуетъ отказать. Но это теоретическое основаніе, а карманная логика говоритъ, что удовлетворить стачечниковъ будетъ слишкомъ накладно: увеличеніе расцѣнокъ на 20% и отмѣна штрафовъ обойдутся, по моему приблизительному подсчету, въ 250 тысячъ ежегодно.

— Ахъ, дьяволы!—мелькнула въ головѣ у Вакулова быстрая мысль:—теперь ярмарка, новые рисунки для Средней Азіи поставлять нужно, а тутъ стачка... Вотъ подлецы подвели!

Бусевичъ, все время загадочно молча улыбавшійся, вдругъ разсмѣялся. Вакуловъ изумленно-испуганно глянулъ на него.

— Надъ тѣмъ, что̀ кажется смѣшно, смѣяться вовсе не грѣшно,—сказалъ Бусевичъ, немного смущенный всеобщимъ неодобрительнымъ вниманіемъ.

— Я не понимаю васъ, Андрей Петровичъ; право же теперь не до смѣха. Положеніе безусловно серьезно, повѣрьте мнѣ,—сердито сдвинувъ широкія черныя брови, съ презрительной досадой замѣтилъ директоръ.

— А развѣ, дорогой вы мой, смѣючись нельзя дѣльное словечко обронить?—съ притворнымъ изумленіемъ спросилъ Бусевичъ.—Вотъ вы говорите, что на уступки идти нельзя: и невыгодно, молъ, будетъ, да и зазорно. А скажите, знаете ли во сколько теперь фабрикѣ забастовка вскочитъ? Вы о ярмаркѣ позабыли? А наше единоборство съ Лодзью за азіатскій рынокъ? Соколъ съ мѣста, воронъ на мѣсто. Вотъ оно что̀. Запасы уже запроданы, нужны новые рисунки, новая энергія и работа, работа, работа. Теперь каждый часъ, каждая минута дорога, а вы съ теоріями подходите. Ну ихъ къ чорту всякія соціалъ-демо-

кратическія и государственныя теоріи; теперь дѣло идетъ о промышленной побѣдѣ. Нужно завоевать и удержать новый рынокъ.

— Вѣрно! Вѣрно!—ныло у Вакулова сердце.—Убытки громадные,—думалъ онъ, мысленно прикидывая сколько не дополучитъ онъ съ ярмарки, плюсъ двѣсти тысячъ, пожертвованныя на клинику дѣтскихъ болѣзней, и заодно ужъ и тѣ тысячи, которыя за послѣднее время вытянула у него прелестная Ernestine.—Нѣтъ, нужно найти выходъ,—внезапно рѣшилъ Вакуловъ.

— Это идея! Можетъ быть, вамъ дѣйствительно слѣдуетъ пойти на компромиссъ?—спросилъ князь.

Вакуловъ вдругъ смутился: торжественнымъ заявленіемъ не идти на уступки онъ отрѣзалъ себѣ путь къ отступленію безъ ущерба для самолюбія.—Эхъ, сейчасъ тысячъ пятьдесятъ, кажется, выложилъ бы, попроси князь или жандармъ во имя всякихъ государственныхъ благъ сговориться съ рабочими,—съ досадой подумалъ Вакуловъ.

— Трудно, ваше сіятельство, трудно и оскорбительно,—отвѣтилъ онъ въ раздумьи князю.—Одно только соображеніе совѣтуетъ мнѣ быть уступчивѣе: вѣдь могутъ быть жертвы, могутъ пострадать невинные.

Губернаторъ мгновенно угадалъ скрытую мысль Вакулова. Князю сдѣлалось смѣшно и захотѣлось подразнить залѣзшаго въ безысходный кругъ фабриканта.

— Я вообще не признаю слова „жертвы“, извините меня; оно умѣстно въ пошломъ словарѣ газетнаго писаки, но не въ жизни. Жертвы, невинныя жертвы! Это прямо изъ мелодрамы. Вы не желаете уступать рабочимъ: это правильное, на мой взглядъ, рѣшеніе подсказало вамъ чувство законнаго самосохраненія, объ остальномъ же предоставьте позаботиться намъ.—Въ тонѣ этого холенаго барича зазвучали такія презрительно-насмѣшливыя нотки, что въ Вакуловѣ заговорила злость.

— А, чортъ возьми, что мнѣ изъ ихъ мнѣній шубу шить,—съ досадой подумалъ онъ, уже твердо рѣшивъ вступить въ переговоры съ рабочими.—Не буду спорить, ваше сіятельство, можетъ быть вы и правы съ высшихъ, государственныхъ точекъ зрѣнія, а только дѣйствительно придется съ молодцами поторговаться: и людей по Божески пожалѣть, да и пора теперь горячая, дѣло коммерческое, торговое, — вкрадчиво замѣтилъ Вакуловъ.

— Однако, вы быстро измѣнили рѣшеніе,—вызывающе-насмѣшливо сказалъ Ахтурьянцъ.

— Конечно, Евгеній Михайловичъ, честь моя въ томъ по-

рукою, что я лучше по міру пойду, но ужъ насчетъ оскорбительнаго для васъ пункта и слушать не стану, — спохватился Вакуловъ.

— Вы очень добры, благодарю васъ, но я неблагодарный, считаю себя свободнымъ и дезертирую,—спокойно холодно сказалъ директоръ.

Тишину молчанія нарушилъ Бусевичъ.

— Не за твои барыши радуюсь, дорогой мой Георгій Степановичъ, личной выгоды не имѣю, я что—„моя хата съ краю“, а пріятно мнѣ и весело стало отъ этихъ твоихъ словъ. Да, и то сказать правду-матку. Можно для рабочихъ и барышами поступиться. Вѣдь въ прошломъ году чистаго дохода фабрика дала милліонъ, а въ этомъ, Богъ дастъ, и того побольше. Я не соціалистъ, избави Боже, а все же скажу, что въ этомъ славномъ чистоганчикѣ много, охъ, какъ много рабочаго пота!—При послѣднихъ словахъ въ голосѣ Бусевича зазвучали нотки искренняго убѣжденія.

По происхожденію сынъ фабричнаго хожалаго, Бусевичъ любилъ фабрику и не утратилъ къ ней какой-то мечтательной привязанности. Правда, его любовь выражалась слишкомъ платонически, а за послѣднее время три тысячи жалованья и привычка откладывать про черный день сильно поумѣрили либерализмъ его взглядовъ; но теперь, подъ вліяніемъ крайней антипатіи къ этому гордому, самоувѣренному князю, въ немъ искренно заговорилъ былой либеральный студентъ. Въ голосѣ Бусевича звучала правда раздраженія, правда протеста противъ самодовольной сытости и жестокой власти. Слова Бусевича произвели эффектъ: жандармскій полковникъ подозрительно вперился въ него своими бѣлесыми глазами, точно хотѣлъ на глазомѣръ опредѣлить степень его политической неблагонадежности; генералъ сердито фыркнулъ; даже безсловесный полицеймейстеръ довольно рѣшительно повернулся на креслѣ. Глаза князя были опущены, на губахъ играла острая, презрительная усмѣшка. Лицо Ахтурьянца, который быстро понялъ, что Бусевичъ сплоховалъ и сыгралъ ему на руку, радостно освѣтилось и ожило.

— Что это? Соціализмъ! Стачка! Тутъ же! Въ лицѣ моего ближайшаго помощника и друга! Я этого не ожидалъ! Признаться, не ожидалъ!—почти-что кричалъ Вакуловъ. Лицо его побагровѣло, пухлыя щеки нервно затряслись. Онъ крупною, нервною походкою зашагалъ по комнатѣ; его душилъ порывъ ярости. Подъ вліяніемъ чувства рѣчь Вакулова зазвучала силой; въ ней не было и тѣни прежней застѣнчивой вымученности.

— Откуда эта вѣра въ непогрѣшимость рабочихъ и предопредѣленную грѣховность хозяевъ! Въ Бога, видите ли, вѣрить нельзя, а вѣрить въ пьянаго кашинскаго мужика — это можно, это вѣчная истина соціальной науки, это гуманно, это божественное откровеніе! Ложь, безсовѣстная ложь, что мои милліоны даны мнѣ трудовымъ потомъ рабочихъ. А вамъ, Андрей Петровичъ, прямо скажу: стыдно повторять глупыя сказки... Вы вѣдь знаете исторію фабрики!—Отъ волненія у Вакулова захватило дыханіе; онъ на минуту замолчалъ и затѣмъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ продолжалъ.—Надо вамъ сказать, ваше сіятельство, что развитіемъ своимъ фабрика обязана всецѣло коммерческому генію моего дѣда. Фабрика была основана въ концѣ 50-хъ годовъ; вся она состояла изъ маленькаго деревяннаго корпуса, дѣла дѣлала плохія, какъ дѣдъ ни распинался. Ну-съ, такъ продолжалось до 19-го февраля, когда фортуна вдругъ ему улыбнулась. Вотъ подлинныя слова изъ дневника дѣда. Я помню ихъ, какъ святую молитву, наизусть: „Великое совершилось событіе: благодареніе Господу Богу и великому государю. Всѣ теперь на Руси равны и всѣ господа, а слуги лишь царю и родинѣ. Надо думать, что и другіе народы, гдѣ крѣпостные существуютъ, нашему похвальному примѣру послѣдуютъ. А раньше другихъ американцы своихъ негровъ отпустятъ, тоже разсудятъ, что такіе же, какъ и мы, люди, хотя и черные. Хлопокъ вздорожаетъ, можетъ. Надо теперь же послать въ Нью-Орлеанъ механика Джонса закупить запасы, да дѣло провѣдать. Береженаго Богъ бережетъ“... Вотъ, ваше сіятельство, основа современнаго процвѣтанія фабрики. Джонсъ поѣхалъ въ южные штаты до междоусобной войны, выгодно сдѣлалъ громадные запасы хлопка. Изъ немногочисленныхъ тогда фабрикъ нашего района достаточная пища для станковъ была припасена только моимъ запасливымъ дѣдомъ. Нѣкоторыя фабрики закрылись, иныя сократили производство, а мой дѣдушка шесть милліоновъ на этой операціи взялъ и всѣ положилъ на дальнѣйшее техническое оборудованіе нашей фабрики. — Голосъ Вакулова звучалъ увѣренно и гордо.

— Въ этомъ купчикѣ есть сила; жаль только, что немного безтолковъ,—подумалъ князь, съ интересомъ глядя на оживленное воспоминаніями лицо Вакулова.

— Какъ хотите, господа, но я останусь при своемъ мнѣніи, что милліоны, создавшіе первую по величинѣ въ Россіи ткацкую фабрику, принадлежатъ свѣтлой мысли умнаго старика, но не тѣмъ дуракамъ, которые не въ состояніи усмотрѣть за ниткой,

а могутъ только горланить о томъ, что богатства всего міра несправедливо отняты у нихъ.

Изъ столовой слышался соблазнительный слабый звонъ хрусталя и фарфора. Этотъ тонкій звукъ погрузилъ дивизіоннаго генерала, большого любителя вкусно покушать, въ довольно сладкія ожиданія. Широкая, веселая улыбка расползлась на его добродушномъ лицѣ: ему вдругъ вспомнился званый ужинъ у одного милліонера-старообрядца: ужинъ состоялъ изъ двухъ-трехъ коробокъ съ консервами, ветчины съ горошкомъ и бутылки мадеры сомнительнаго достоинства. „Можетъ и этотъ хлѣбосолъ такой же“,—весело подумалъ генералъ...

— Я уже рѣшилъ-было уступить въ чемъ можно рабочимъ, но это было бы съ моей стороны милость и жертва. Слава Богу, Андрей Петровичъ открылъ мнѣ глаза. Теперь я мѣднымъ пятакомъ не поступлюсь; пускай берутъ силой.

— Неустойчивъ, но ничего—теперь не отопрется,—одобрительно подумалъ князь.

— Дорогіе гости, окажите честь отвѣдать хлѣба-соли. Не взыщите. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, — сказалъ Вакуловъ, распахнувъ широко двери столовой.

Ярко залитая свѣтомъ комната привѣтливо сверкала драгоцѣнной сервировкой изящно убраннаго стола.

Опасенія генерала не сбылись: ужинъ былъ на славу. Губернаторъ добродушно похваливалъ талантливаго повара; генералъ былъ въ восторгѣ; жандармскій полковникъ и полицеймейстеръ пили и ѣли молча, съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ. Выпито было порядочно; тонкое столовое вино сблизило всѣхъ. Подъ вліяніемъ лафита Бусевичъ каялся передъ Вакуловымъ въ своихъ недавнихъ словахъ.

— Ты прости меня, не подумай, пожалуйста, что я соціалистъ. Я изъ соображеній твоей же выгоды исходилъ. А что рабочіе все равно, что бочка Данаидъ, это вѣрно. Нынѣче удовлетворишь одни требованія, а завтра другія появятся.

— Ну, полно, не будемъ вспоминать стараго. Какой же ты соціалистъ. Поди, самъ богаче меня, — добродушно успокаивалъ Вакуловъ управляющаго.

Ужинъ затянулся долго. Говорили о забастовкахъ вообще и объ этой въ частности. Вакуловъ еще разъ сказалъ, что онъ не пойдетъ ни на какія уступки... Рѣшили для охраны фабрики отрядить двѣ роты и объявить въ случаѣ продолженія забастовки немедленный поголовный разсчетъ. Если бы вино не усыпило вниманія ужинающихъ, то можно было бы замѣтить

трп человѣческихъ фигуры, боязливо промелькнувшія передъ ярко освѣщенными окнами. Но темныя кулисы густыхъ спящихъ деревьевъ безслѣдно скрыли таинственныя тѣни.

VI.

Площадь передъ ткацкимъ корпусомъ полна народа. Толпа сильнымъ теченіемъ приливаетъ къ мощнымъ чугуннымъ дверямъ корпуса, на которыхъ еле видны бѣлыя четвертушки бумаги, жалкія по виду, страшныя и жестокія по неожиданности и силѣ удара. Содержаніе этихъ объявленій уже всѣмъ извѣстно, но толпа, какъ-будто загипнотизированная стойкимъ отпоромъ, смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ ей въ лицо, хочетъ видѣть жестокія строки, словно надѣясь сотворить чудо и взорами ненависти обратить слово „нѣтъ“ въ благосклонное согласіе. „Хозяинъ отказалъ“ — это было извѣстно фабрикѣ еще вчера вечеромъ, но надежда не погасла: вѣдь вчера ночью пріѣзжалъ губернаторъ, можетъ быть, иначе порѣшили, — думали до утра рабочіе. Но теперь теплые, радостные лучи надежды исчезли; насмѣшливо-хмуро глядѣла въ потревоженныя души жестокая сила. Вотъ что говорили фабрикѣ эти противные клочки бумаги, такіе страшные и смѣлые въ своей молчаливости. „Правленіе Н — ской Мануфактуры Г. С. Вакулова симъ извѣщаетъ, что не приступившіе до 12 часовъ дня сего 2 августа къ своимъ работамъ будутъ считаться уволенными и должны немедленно получить разсчетъ. Предъявленныя рабочими требованія безусловно отклоняются и ни въ какія объясненія Правленіе фабрики не вступаетъ. Умышленная поломка и порча машинъ, а равно и насилія надъ рабочими, желающими продолжать работы, будутъ преслѣдоваться законнымъ порядкомъ. Невозобновленіе работъ къ назначенному сроку должно повлечь за собой прекращеніе дѣятельности фабрики на неопредѣленное время“. Директоръ Правленія Г. Вакуловъ. Директоръ фабрики Ахтурьянцъ.

Роковой полдень быстро приближается. Хозяинъ не шутитъ, это теперь ясно, и тревога незамѣтно все сильнѣе и сильнѣе захватываетъ толпу своими гнетущими объятіями. Никто не вѣритъ ни себѣ, ни этой присмирѣвшей, задумавшейся толпѣ; всякій хочетъ прочитать въ глазахъ другого, въ его отрывистыхъ, мимолетныхъ словахъ тайну желанной измѣны: кто первый откликнется на смѣлое приказаніе. Особое подозрѣніе внушаютъ забастовщикамъ ткачихи. Вмѣсто того, чтобы сидѣть

по каморкамъ или идти гулять въ рощу, онѣ собрались на площадь, держатся особнякомъ и о чемъ-то оживленно, таинственно шушукаются, точно теперь дѣло бабьяго ума.

— Ей вы, голохвостки, что нюхать-то пришли? Безъ васъ, что-ль, народу мало?—слышится изъ толпы ткачей недовольное замѣчаніе.

Оно не остается безъ отвѣта.

— Обормоты! Дармоѣды! Вотъ разсчитаетъ хозяинъ, пойдете по міру!—кричитъ сердитый женскій голосъ.

— А это, братцы, не безъ причины бабы промежъ себя совѣтъ держатъ. Онѣ народъ трусливый, первыя съ перепуга пардона запросятъ, — говоритъ молодой ткачъ, съ задорнымъ, грубымъ лицомъ.

— Мы ихъ разутюжимъ, небось противъ всѣхъ не пойдутъ. Если что, отвинтимъ косы, благо длинныя.

Но вотъ и 12. Фабричный гудокъ начинаетъ свою пѣсню, сначала тихо и робко, но затѣмъ быстро переходитъ въ жесткій ревъ, отъ котораго въ ярости трясется мрачное, закопченное зданіе. Чугунныя двери корпуса грузно и плавно отворились. Въ этомъ молчаливомъ приглашеніи было что-то насмѣшливо-угрожающее. Въ дверяхъ виднѣлись сѣрые казакины городовыхъ. Въ толпѣ послышались замѣчанія:

— Вотъ они, наши спасители!

— Какіе, подумаешь, магниты пріятные!

— И гдѣ только хоронились!

Вдругъ ровный плавный гулъ толпы покрываетъ громкій, испуганный голосъ: „Товарищи, бѣда, солдаты идутъ“. Толпа нервно всколыхнулась. Тревожная новость оказалась правдой: показались бѣлыя рубахи низкорослыхъ, мѣрно шагающихъ солдатиковъ, внушительно поблескивающихъ сѣрою щетиною суровыхъ штыковъ. Живая волна людей боязливо отхлынула и дала дорогу этой маленькой кучкѣ представителей желѣзной силы. Послышалась команда... Солдаты стали передъ корпусными дверями. Угроза подѣйствовала; толпа испуганно-вдумчиво примолкла. Точно злая змѣя проползла страшная вѣсть, что „въ конторѣ разсчетъ объявили и пачпорта даютъ“. Взоры направились къ маленькому каменному домику съ синей вывѣской: „Контора“. Человѣкъ двадцать городовыхъ передъ зданіемъ служили дурнымъ знакомъ. Слухъ о разсчетѣ скоро подтвердился на дѣлѣ: изъ дверей конторы потянулся длинный хвостъ рабочихъ, съ однообразными синенькими книжечками въ рукахъ; это шли уже разсчитанные. Отчетливо громко послышался громкій,

всхлипывающій плачъ. Плакала толстая баба, съ круглымъ, блѣднымъ лицомъ.

— И за что это мы изъ-за васъ подлецовъ-дармоѣдовъ терпѣть должны! Вотъ доля наша проклятая! — сквозь слезы причитала она.—Ненасытныя ваши рожи!

— Сдохнемъ съ голода!—послышались женскіе голоса.

Бабья оппозиція быстро росла и крѣпла; она не встрѣчала отпора; изумленное боязливое молчаніе еще больше подливало масла въ огонь.

— Барышни-ткачихи!—злобно вопилъ женскій голосъ:—пойдемъ на работы, а потомъ повинимся передъ хозяиномъ: скажемъ, что это все мужчины промежъ собой такое озорство надумали. Пускай хозяинъ ихъ разсчитываетъ, а насъ не тронетъ.

— Хоть и баба, а правильно разсудила!

— А что, и то вѣдь правда!

— Противъ рожна не попрешь!

Такъ говорили изъ среды рабочихъ одинокіе, робкіе голоса.

—Господинъ квартальный, если охальники намъ работать не дадутъ, ужъ сдѣлайте милость — поберегите насъ, — кокетливо стрѣляя глазами, просила околоточнаго рябая дѣвка съ развратными, косыми глазами.

И вотъ плотная, большая толпа ткачихъ смѣло хлынула къ гостепріимно открытымъ дверямъ корпуса. Поднялась кутерьма, ихъ не пускали, щипали, били, слышался плачъ, визгъ и грязная, изступленная ругань. Городовые колотили подвернувшихся шашками въ ножнахъ.

Незамѣтно-быстро переломъ совершился. Толпа была побѣждена. Загипнотизированная малодушною измѣною и страхомъ передъ завтрашнимъ днемъ, она покорно шла съ повинною къ своему властелину. И голосомъ, полнымъ живого презрѣнія, торжествуя быструю побѣду надъ возставшими безсильными рабами, громко завопилъ фабричный гудокъ.

Фабрика стала на работу.

Лучи высокаго солнца врываются въ открытыя окна. Громадное зданіе, какъ живое существо, все дрожитъ отъ мощныхъ порывовъ упорнаго труда. По воздуху летятъ желѣзные звуки неутомимыхъ станковъ. Чуткому уху начинаетъ казаться, что какой-то титаническій оркестръ играетъ хаотическую симфонію, полную неукротимой силы и холоднаго безсердечія. На площадкѣ лѣстницы, куда шумъ станковъ ударялъ уже ослабѣвшею волною, стояла небольшая кучка рабочихъ.

— Какъ бараны пошли. Показали имъ кулакъ, они и стру-

сили, — раздраженно говорилъ молодой человѣкъ, одѣтый въ черную, блестящую рубаху. Почти лишенные рѣсницъ большіе сѣрые глаза его смотрѣли жестоко и презрительно. Въ немъ было что-то смѣшное—и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасомъ неумолимости вѣяло отъ всей его худенькой, невзрачной фигурки.

— Не думали, что хозяинъ на миръ пойдетъ. Да и то сказать, очень теперь много среди ткачей самаго поганаго народа развелось. Одно названіе только, что рабочій, а самъ, пожалуй, какъ и полицейскій, — замѣтилъ одинъ изъ бесѣдующихъ, коренастый, жгучій брюнетъ.

— Постановленіе комитета распространили?—спросилъ невзрачный рабочій.

— Распространили.

— Ну, что?

— Читаютъ, да въ этомъ толкъ не особливый: всегда вѣдь читаютъ.

— Стало-быть, нынѣче?—послышался тоскливый вопросъ.

— Нынѣче,—отрывисто буркнулъ рабочій съ жестокими сѣрыми глазами.

— А какъ подумаешь, что все изъ-за директора дѣло наше правое не выгорѣло, обида такъ и забираетъ всего.

— Отольются кошкѣ мышиныя слезки... Ничего, пусть потерпитъ: въ долгу не останемся,—съ внезапною веселостью замѣтила черная рубаха.

— А паровая какъ,—спросилъ кто-то.

— Ничего, попортятъ вдоволь. Тамъ теперь хорошо дѣло поставлено, надежные люди.

— Ахъ, боязно мнѣ, Мотиловъ, что смертоубійствъ много будетъ.

— Чего тамъ боязно, одно слово гнѣздники, хозяйскіе батраки, а не ткачи, Божьею милостью.

— Впредь не повадно зато будетъ.

— Другой разъ не пойдутъ противъ правды.

Разговоръ перешелъ въ быстрый, боязливый шопотъ; о чемъ-то сговаривались, чего-то ожидали неизбѣжнаго и страшнаго. Группа рабочихъ скоро разошлась... Въ длинномъ корридорѣ съ рядомъ сѣрыхъ дверей съ надписями: „Мужской ретирадъ“, „Женскій ретирадъ“, „Мужская умывальная“, „Женская умывальная“ слышались отрывки иныхъ рѣчей.

— И Колька Степановъ разсказывалъ, что нынѣче опять непорядки начнутся,—говорилъ молодой безусый ткачъ.

— Что Степановъ, въ самихъ прокламаціяхъ написано.

— Да, братцы, не вѣрится все какъ-то: ну, откуда чему взяться. Хозяинъ уѣхалъ, солдаты ушли, контора открылась... Съ чего бы, кажись...

— Ишь что вообразилъ: хозяина да солдатъ нѣтъ... такъ безъ нихъ еще привольнѣе,—возразилъ красноносый ткачъ.

— Правильно. У нихъ позволенія спрашивать не будутъ, сами распорядятся.

— А скажу я вамъ, братцы, боязно мнѣ; вдругъ и взаправду ткацкая опять станетъ.

— Ни въ жисть не станетъ, мало-ль что брешутъ.

— Не станешь ты. Подумаешь, какой склизкій нашелся.

— Пошелъ ты самъ.

— А ты больно храбрый нашелся.

— Говорилъ мнѣ, братцы, одинъ человѣчекъ изъ образованныхъ, что фабрика стать не станетъ, а совсѣмъ иное дѣло теперь начнется: нашей фабрика будетъ и порядки на ней наши, рабочіе, будутъ, а отъ хозяина мы откупимся, чтобы, значитъ, свое дѣло вести. Въ аренду, стало-быть, фабрику возьмемъ.

— Эхъ, Емеля.

— Право слово.

— Съ чего-жъ такіе порядки начнутся?

— По всей губерніи на фабрикахъ такъ заведется. Значитъ, управлять всѣмъ будемъ сами, а хозяинъ останется замѣсто старшаго директора, — убѣжденно говорилъ уже не молодой ткачъ, съ непріятнымъ, тупымъ лицомъ.

Корридоръ наполнялся быстрою, шумною волною рабочихъ. Было удушливо жарко. Чувствовалась смутная боязнь чего-то близкаго и неизбѣжнаго. Время, точно подгоняемое впередъ этими несвязными, полными тревоги разговорами, незамѣтно быстро шло впередъ. Въ открытыя окна корпуса жесткій, мѣрный гулъ станковъ вырывался на просторъ воздуха смѣлою шумною волною. Чу!.. Эту однообразную мелодію труда и желѣза вдругъ нарушаетъ дикій вой фабричнаго гудка... Теперь для него не время: до смѣны еще больше часа; не къ добру этотъ гудокъ, такой сердитый, громкій и печальный. И дѣйствительно, у послѣднихъ рядовъ трясущихся станковъ появилась небольшая кучка людей, страшная по своей неожиданности и быстротѣ. То, чего ждали съ боязливой надеждою, пришло. Тамъ, гдѣ проходили эти люди, страшные своей неожиданностью и смѣлостью, замирали трясущіеся станки, словно въ нѣмомъ ужасѣ, протягивая кверху застывшія объятія длинныхъ проводовъ. Наступало царство паники, господство скотскаго страха. Слово

„снимаютъ“ оцѣпенѣвшимъ ужасомъ повисло въ воздухѣ. Безотчетный страхъ мгновенно сдѣлалъ свое дѣло: вся эта тысячная толпа мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, трусливыхъ и храбрыхъ, бѣжала стадомъ барановъ, не отдавая себѣ отчета, не желая противиться чужой властолюбивой волѣ. Узкая витая чугунная лѣстница застонала подъ ногами бѣгущей толпы; наступила давка; слышались крики боли, проклятія ужаса и злобы. На верхней площадкѣ стояло нѣсколько человѣкъ. Это былъ „исполнительный комитетъ“ забастовки.

— Дмитріевъ, шугани катушкой публику,—повелительнымъ голосомъ сказалъ человѣкъ въ черной блузѣ.

— Да, кажись, къ чему и безъ того бѣгутъ, такъ что не догнать,—робко замѣтилъ низкорослый блондинъ.

— Вздоръ!.. Тащи скорѣй. А то ихъ не пугни, опять обратно словно тараканы во щи полѣзутъ.

— Гнѣздники!—сказалъ блузникъ и крѣпко выругался.

— О, Господи,—послышался глубокій вздохъ.

Бацъ! Что-то острое, тяжелое, какой-то свѣтлый трезубецъ промелькнулъ и исчезъ въ глубокомъ пролетѣ лѣстницы. Страшнымъ эхомъ послышался дикій, нечеловѣческій крикъ боли, можетъ быть крикъ ужаса послѣдней минуты.

— Еще нужно,—приказалъ блузникъ.

— Петръ Николаевичъ!—умоляющимъ голосомъ пролепеталъ блондинъ.—Грѣха-то сколько, своихъ все вѣдь рабочихъ бьемъ.

— Слыхалъ, что тебѣ сказали... Ахъ ты сопля этакая... Ну!..—Обаяніе злой силы преступленія чарующе звучало въ голосѣ говорившаго; блондинъ повиновался. Снова быстро промелькнулъ въ воздухѣ блестящій и страшный трезубецъ и снова крикъ полный ужаса боли сказалъ, что жестокій гонецъ исполнилъ свое порученіе.

— Теперь ладно. Больше не вернутся, — довольнымъ голосомъ сказалъ блузникъ, внимательно глядя внизъ. — Бараны, — проговорилъ онъ въ презрительномъ раздумьи,—трусу молебенъ правятъ, что хозяину, что намъ...

— А грѣха-то много. Поди на смерть угораздило. Живые люди такъ не кричатъ,—съ печальной задумчивостью въ голосѣ сказалъ рыжебородый, приземистый мужчина въ потертомъ люстриновомъ пиджакѣ.

— Мы не господа. Ни своей, ни чужой шкуры беречь не приходится.

— Что вѣрно, то вѣрно.

— Съ гнѣздниками что за совѣсть.

— Нечего здѣсь, однако, любоваться, пора и къ директору на блины,—веселымъ голосомъ сказалъ Петръ Николаевичъ.

— Поди—давно убѣгъ.

— Убѣгъ! — презрительно фыркнулъ Петръ Николаевичъ. Мы, небось, дураки, да не очень. Давно голубчика на ключъ приперли.

— А телефонъ.

— Вотъ, что вздумалось... Еще съ утра какъ слѣдуетъ починили.

Послышался веселый смѣхъ.

— Ну, товарищи, айда.

Звонко раздавались торопливые шаги въ этомъ внезапно заснувшемъ царствѣ труда... Вотъ машинное отдѣленіе, вотъ узенькая лѣстница, которая ведетъ въ „секретную“ или, иначе, въ рабочій кабинетъ директора.

— „Эй, Настасья, эй, Настасья, отворяй-ка ворота“! — притопывая на мѣстѣ, въ порывѣ злобнаго веселья шутливо приговаривалъ блузникъ.

Ключъ быстро отыскался и чугунная дверь грузно и плавно отворилась. Грозная кучка людей властно и смѣло вошла въ высокую комнату съ одинокимъ громаднымъ окномъ. Стѣны комнаты были завѣшаны планами фабрики и всевозможными таблицами. За широкимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ Ахтурьянцъ. Глаза его злобно смотрѣли на этихъ непрошенныхъ страшныхъ гостей. Вошедшіе вдругъ какъ-то неловко присмирѣли, точно имъ стало совѣстно этого запуганнаго человѣка, такого безпомощнаго въ своемъ одиночествѣ. Молчаніе прервалъ директоръ.

— Что вамъ здѣсь, господа, нужно?—спросилъ онъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ.

Проблески жалости быстро таяли въ сердцахъ этихъ жестокихъ, мстительныхъ людей.

— Господинъ директоръ, полно вамъ дурака изображать.

— Вотъ сейчасъ узнаешь, соколикъ, что намъ нужно.

— Небось, хозяину напѣть легче...

— Бросьте, товарищи, языки чесать,—строго замѣтилъ Петръ Николаевичъ.

Всѣ замолчали. Блузникъ выступилъ впередъ и началъ осторожно, тихо, сдерживаясь отъ приступа острой, кипящей злобы.

— Вотъ что долженъ я вамъ, господинъ директоръ, объявить: довольно вамъ рабочій народъ морочить, да съ голоду людей морить. Знаемъ мы всѣ прекрасно, что хозяина все вы мутите и ему противъ насъ навѣты дѣлаете. Вотъ теперь сила наша,

мы васъ на чистоту и выводимъ. Будетъ ткацкой прибавка или нѣтъ?

— Я не знаю. Это зависитъ отъ хозяина, — отвѣтилъ Ахтурьянцъ, пытаясь улыбнуться, отъ чего получилась жалкая гримаса.

— Врешь, стерва, отъ тебя.

— Отъ тебя, змѣя подколодная.

— Знаешь, подлая твоя душа, что въ Англіи ткачъ пять рублей въ день получаетъ, а мы и рубля въ день не накрутимъ.

— Слушай, директоръ, пойдемъ лучше на мировую: будетъ по-нашему? — съ вкрадчивой злобой въ голосѣ спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Я не знаю, я ничего не хочу знать. Уходите отсюда прочь. Уходите!—громкимъ голосомъ, полнымъ боязливаго вызова грозной опасности, крикнулъ Ахтурьянцъ.

Порохъ вспыхнулъ, неизбѣжное приблизилось. Порывъ звѣрской злобы мгновенно угасилъ тлѣвшую искру Божію. Тѣснымъ полукольцомъ толпа надвинулась на директора; въ тяжеломъ молчаніи рождались и гибли бѣгучія, ужасныя мысли, мысли волковъ трусливыхъ и безпощадныхъ. Ахтурьянцъ проворно вскочилъ съ кресла и прижался къ стѣнѣ. Глаза его, и безъ того большіе, теперь подъ вліяніемъ страха стали громадными и горѣли огнемъ безумной жажды жизни. Послышался тихій, грудной смѣхъ, полный, казалось, задушевныхъ нотокъ.

— Испугался, родимый?

— Мы тебѣ шубу нынче погладимъ.

— Бей его, ребята, нечего долго разговаривать.

— Холера кавказская!

— Бей, не канитель!.. Насъ, небось, не жалѣютъ.

Рыжебородый ткачъ съ удобствомъ, спокойно замахнулся. Отчаяніе придало Ахтурьянцу силу и ловкость. Онъ предупредилъ грозящую опасность, жестко и сильно ударивъ бородача въ лицо.

— Волки поганые! — дико простоналъ Ахтурьянцъ. Порывисто быстро онъ бросился къ письменному столу, стараясь танцующими въ нервной лихорадкѣ руками открыть ящикъ. Столъ не открывался; тогда въ бѣшенствѣ отчаянія Ахтурьянцъ схватилъ массивную бронзовую чернильницу и замахнулся ею въ ожиданіи нападенія.

— Подлецы! Подлецы!—сиплымъ стономъ вырвалось у него изъ груди.

— Не лайся, проклятый, не лайся!

— Вотъ твоя чернильница, получай.

Рабочій въ черной блузѣ сильнымъ выпадомъ ноги ударилъ Ахтурьянца въ животъ. Обезумѣвшіе отъ злобы люди покрыли Ахтурьянца; началось избіеніе, спокойно-злобное, безпощадное. Каждый старался ударить не хуже другого, били главнымъ образомъ въ лицо, били старательно, добросовѣстно, въ тупомъ, жестокомъ забытьи.

— Товарищи, брось бить... Обмеръ подлецъ. Не живъ, кажись, — опомнился вдругъ молодой бѣлобрысый парень. Тѣло Ахтурьянца безпомощно распласталось на полу. Страхъ, скверный шкурный страхъ проникъ въ сердца. Высокій парень, съ круглымъ, сѣроватымъ лицомъ, теперь искаженнымъ безотчетной злобой, нагнулся надъ тѣломъ и пристально глянулъ въ полуоткрытые застывшіе глаза поверженнаго врага.

— Братцы! Покойникъ глядитъ!—въ ужасѣ крикнулъ парень.

— Ой, бѣда, на каторгу всѣ пойдемъ.

— Чего померъ, ничего не померъ... просто притворяется!

— А что, братцы, и то вѣдь правда: отойдетъ, а потомъ всѣхъ насъ и обнаружитъ.

— И какіе мы братцы—каины проклятые, а не братцы,— послышался полный отчаянія возгласъ.

— Слушайте, товарищи, что я вамъ скажу, — выдвинулся вдругъ впередъ Петръ Николаевичъ.—Каяться теперь не мѣсто и не время. Одно я только вамъ скажу: лучше, чтобъ недругъ нашъ погибъ, чѣмъ намъ всѣмъ ни за грошъ пропадать. Вотъ и рѣшилъ я сплавить его туда... Петръ Николаевичъ кивнулъ головой по направленію къ окошку.

Всѣ въ оцѣпенѣніи ужаса молчали, безсильные и трусливые бороться противъ воли этого человѣка, такого преступнаго, спокойнаго и властнаго.

— А тогда комаръ носа не подточитъ... Одно слово, обезумѣлъ директоръ, да и выпрыгнулъ въ окошко... И кабинетъ изнутри запретъ кто изъ насъ, а самъ по пожарной лѣстницѣ спустится. Красивый фасонъ будетъ... Ну, что, сопли голландскія, носы повѣсили, бери его подъ жабры, — повелительно гнѣвно скомандовалъ Петръ Николаевичъ.

Никто не двинулся.

— Трусы поганые! А туда же!.. Ну, погоди, скажи кто...— голосомъ, полнымъ презрѣнія проскрипѣлъ блузникъ.

Онъ нагнулся и смѣло, грубою рукою насильника, подхватилъ распластанное тѣло Ахтурьянца.

— Василій, помоги,—кивнулъ Петръ Николаевичъ корена-

стому блондину съ добрымъ лицомъ и круглыми голубыми глазами. Тотъ повиновался безсознательно покорно. Рукою Василій почувствовалъ еще не угасшую жизнь тѣла, услышалъ слабое біеніе сердца. Въ порабощенномъ умѣ парня мелькали острыя какъ иглы мысли о томъ, какіе крупные булыжники тамъ внизу и какъ много желѣзнаго лома. По широкому плоскому лицу парня бѣжали крупныя жемчужины слезъ. Петръ Николаевичъ поволокъ Ахтурьянца къ окну.

— Живъ, живъ, не трошь, душегубъ проклятый. Все равно за тебя и за всѣхъ повинюсь... Живъ, тебѣ говорю, оставь,— дикимъ голосомъ завопилъ ткачъ съ сѣдоватою окладистой бородкой.

Тѣло Ахтурьянца издало слабый стонъ пробуждающейся жизни.

— Ну, подавай, гнида паршивая, слышишь, что тебѣ говорятъ.

Василій глянулъ на Петра Николаевича и встрѣтилъ взглядъ, полный дьявольскаго навожденія и непоколебимой воли. Грѣхъ побѣдилъ. Тѣло Ахтурьянца не успѣло еще пробудиться къ жизни, какъ съ пятиэтажной вышины полетѣло внизъ на крупные, мертвые камни. Вздохъ ужаса вырвался изъ груди присутствующихъ... Василій тупо смотрѣлъ, сѣдобородый ткачъ рыдалъ навзрыдъ.

— Повинюсь, истинный Господь, повинюсь... Всѣ на каторгу пойдемъ, а ты первый... повинюсь, — жалкимъ, обиженнымъ тономъ говорилъ онъ сквозь слезы.

— Слушайте, братцы, — началъ-было Петръ Николаевичъ.

Василій подошелъ къ нему вплотную. Лицо его съ широко раскрытыми, неподвижными отъ ужаса глазами, съ застывшими росинками слезъ было полно такого отчаянія, такого чувства заговорившей совѣсти, что блузникъ разомъ умолкъ.

— Молчи... убійца... двухъ погубилъ... всѣхъ погубилъ... молчи, — медленно, черезъ силу, давясь словами, проговорилъ Василій.

— Всѣ повинимся, всѣ повинимся, — повторялъ въ изступленіи рыдающій ткачъ.

— Уйдемъ отсюда, уйдемъ на люди, повинимся...—сказалъ кто-то, и всѣ торопливо бросились къ дверямъ, вонъ изъ этого царства смерти и злобы. Кабинетъ мигомъ опустѣлъ. Петръ Николаевичъ остался одинъ, словно проклятый Каинъ. Онъ спокойно заперъ дверь и подобралъ съ пола чернильницу, прессъ-папье, бюваръ, упавшіе съ письменнаго стола во время недолгой

борьбы. Приведя заботливо-спокойно кабинетъ въ порядокъ, Петръ Николаевичъ заперъ тяжелую дверь на ключъ и подошелъ къ окну... Вотъ за окномъ проходитъ наружная желѣзная лѣстница, добраться до нея легко и безопасно, но тамъ, на кровавыхъ камняхъ, лежитъ теперь его жертва. Онъ отскочилъ отъ окна... Губы его задрожали, поблѣднѣвшее лицо подергивала нервная судорога. Трясущіеся пальцы долго не могли найти ключемъ замочной скважины. Но вотъ онъ и на свободѣ... Но нѣтъ, гдѣ же на свободѣ... Все это — молчаливые враги, свидѣтели убійства; когда оцѣпенѣвшіе станки снова застучатъ, они насмѣшливо затараторятъ про него. Что за красныя, круглыя пятна на полу. Дьяволъ! Неужели кровь. Пустое. Это отблески заходящаго солнца... Чугунная лѣстница, по которой бараньимъ стадомъ недавно бѣжали снятые съ работъ ткачи, въ разстроенномъ мозгу убійцы загудѣла погребальнымъ звономъ... „Повинюсь—повинюсь“, твердитъ она однообразно. Вотъ послѣдняя площадка лѣстницы съ ея противнымъ, насмѣшливо-печальнымъ гудѣньемъ; вотъ сторожка и наружная дверь... сейчасъ онъ будетъ на свободѣ. „Климовъ, держи“,—слышитъ бѣглецъ неясно, словно во снѣ. Въ темнѣющемъ сознаніи убійцы ярко, отчетливо выростаютъ фигуры околоточнаго, городовыхъ и любопытныхъ... Затѣмъ все вертится передъ глазами въ болѣзненно-пестромъ калейдоскопѣ и мгновенно исчезаетъ въ чернотѣ обморока.

VII.

На небѣ тяжко застыли дымчатыя, низкія облака. Этотъ нависшій небосводъ, эта угрюмая тишина зноя, въ нѣдрахъ своихъ хранящая бѣшенство бури, тяжелымъ, кошмарнымъ гнетомъ давила мысль и сердце измучившагося, изстрадавшагося рабочаго городка.

На фабрикѣ тихо, жутко и тоскливо. Это не тишина отдыха, не тишина спокойная и бодрящая; въ ней ясно слышится ужасъ горя, животный страхъ побѣжденныхъ. Фабрика переживала тяжелыя минуты: во время паники брошенными гирями было убито трое, да раздавлена на смерть беременная ткачиха. А потомъ убійство директора... Вся фабрика, отъ мала до велика, полная братоубійственнаго ужаса Каина, ходила смотрѣть на трупъ Ахтурьянца, обезображенный острыми обломками ржаваго желѣза. Теперь фабрика напоминала какой-то военный постой: повсюду солдаты, казаки и чуть не со всего города полиція. Обыски

и аресты ни на минуту не прекращались. Vae victis, оскорбительное и жестокое, на каждомъ шагу чувствовалось всѣми. Два дня назадъ на глазахъ толпы казаки захлестали до безчувствія чѣмъ-то провинившагося слесаря. Но худшее для фабрики началось со вчерашняго дня: фабрика была закрыта, всѣ получили разсчетъ и нынѣче должны покинуть свои насиженныя гнѣзда, еще недавно такія шумныя, полныя жизни „спальни“ и „столовыя“. Еще вчера выдворили съ фабрики почти всѣхъ рабочихъ. Нынѣче чередъ семейныхъ спаленъ; грязныя, деревянныя, полныя клоповъ и ребятишекъ, онѣ внушали къ себѣ брезгливое сожалѣніе фабричной администраціи. Мысль о томъ, что нужно покинуть фабрику, выбраться изъ родныхъ, старыхъ спаленъ, плохо укладывалась въ сознаніи „гнѣздниковъ“; неясно радостно они ожидали пощады ради этой своры заморенныхъ ребятишекъ, ради ихъ женъ, худосочныхъ, беременныхъ, съ тупою покорностью на жалкихъ, восковыхъ лицахъ. Но когда околоточный Покровскій, пройдясь по длиннымъ, темнымъ корридорамъ спаленъ, громогласно объявилъ: „лучше честью уходите, пока нагаекъ не отвѣдали“, къ окнамъ стали подъѣзжать отвратительныя, какъ погребальныя дроги, громоздкія подводы, и быстро начали вянуть расцвѣтшія не во-время надежды. Истомленныя, блѣдныя бабы въ цвѣтныхъ повойникахъ, съ однообразными грудными ребятами на рукахъ, беззаботно прыгающая дѣтвора, нахмуренные, строгіе бородачи покорно-тоскливо ждутъ неизбѣжнаго. Отрядъ дюжихъ городовыхъ безпокойно топчется на мѣстѣ. Торопливо прошла рота солдатъ, тускло подмигнувъ холоднымъ блескомъ сѣрыхъ штыковъ.

— Я вамъ говорю или нѣтъ,—выскочивъ изъ темнаго, закоптѣлаго корридора, кипятился околоточный. — Честью не хотите... Отлично. Намъ это безразлично. Только я васъ, сукины коты, повиноваться научу, научу правдѣ христіанской.

— Господинъ квартальный,—выдвинулся изъ толпы благолѣпный старикъ, съ печальнымъ, покорнымъ взглядомъ, — куда вы насъ гоните. Сами изволите знать, что мы никакихъ непріятностей хозяину не причинили; народъ мы семейный, всѣ каморки ребятами полны, а вы вдругъ гнать насъ вздумали.

— Ахъ ты, халтура проклятая. Умничать тоже вздумалъ,— окончательно разсвирѣпѣлъ околоточный.—Что я, для умничанья съ вами присланъ!.. Сказано одно—убираться изъ спаленъ, вотъ вамъ и все...

— Куда же намъ ѣхать?

— Да мы никогда въ жизнь противъ хозяина не шли!

— Есть ли крестъ на васъ?

— Креста-то, видно, нѣтъ — а вотъ сударушка-милавушка есть.

Толпа стала нервничать. Все яснѣе она начинала понимать, что пощады не будетъ. Грѣхъ немногихъ пятномъ Каина легъ на всѣхъ: на этихъ малыхъ ребятъ, на беременныхъ апатичныхъ бабъ, на всѣхъ безъ разбора, на правыхъ и виноватыхъ. Околоточный, ухмыльнувшись недоброй усмѣшкой, кивнулъ городовымъ и рѣшительнымъ шагомъ направился въ спальню; городовые готово и весело ринулись за нимъ.

— Батюшки мои! Свѣты родные! Да вѣдь они у насъ самовольничать будутъ!—завопила старая, расплывшаяся баба.

— Я васъ научу правдѣ христіанской,—убѣжденно повторялъ Покровскій, красный и потный отъ злобнаго возбужденія. Въ мрачномъ корридорѣ спальни было тихо и уныло. Околоточный, властно рванувъ грязной дверью, вошелъ въ первую попавшуюся на глаза каморку. Въ ней было грязно и бѣдно. Стѣны, оклеенныя засиженной мухами газетной бумагой, были въ изобиліи увѣшаны лубочными картинами съ изображеніями бравыхъ генераловъ и фотографическими карточками однообразныхъ молодцовъ съ проборами на головѣ и старухъ въ платочкахъ. Почти-что всю комнату занимала громадная двухспальная кровать съ пологомъ; въ ногахъ кровати стояла люлька. Въ углу, передъ деревяннымъ столомъ стоялъ, исполняя обязанность дивана, длинный кованый сундукъ. Только любопытно смотрящая въ открытое окно зеленая вѣтка березы смягчала тяжелое впечатлѣніе отъ этой вонючей, низенькой комнаты.

— Я васъ научу правдѣ христіанской! — тупо повторялъ околоточный. — Ребята, выгружай мебель въ окно! Чего тутъ миндальничать! Начинай съ ларя.

Четверо дюжихъ городовыхъ съ трудомъ подняли сундукъ и подтащили къ окну. Точно въ безсильной злобѣ затряслась стройная березка, получивъ тяжелый ударъ. За сундукомъ быстро послѣдовали люлька, табуреты, одѣяло... Толпа тупо, молчаливо смотрѣла на происходившее.

— Я васъ выучу... погодите...—приговаривалъ Покровскій, любуясь чистотою работы и видимо понемногу умиротворяясь. Однообразный хриплый плачъ заставилъ его вздрогнуть и насторожиться. Молодая, растрепанная женщина съ ребенкомъ на рукахъ вихремъ ворвалась въ корридоръ.

— У-у-у!—протяжно вопила она. Ужасъ самки, на глазахъ которой разоряютъ теплое гнѣздышко, горѣлъ у нея въ глазахъ.

— Митрій Ивановичъ, смотри, жена какъ убивается. Заступись; небось, дѣльно плачетъ: твое, небось, благосостояніе портятъ,—наставительно замѣтилъ грустный старичокъ, обращаясь къ низенькому, съ окладистой курчавой бородкой рабочему.

— Все теперь единственно. Потому теперь хорошаго ничего быть не можетъ. Ваше благородіе, не сумлевайтесь и насъ не стѣсняйтесь, потому мы теперь въ родѣ какъ бы арестанты:

„Три пары портянокъ,
Двѣ пары сапогъ,
Кандалы надѣты,
Я въ Сибирь готовъ".

пьянымъ, безумнымъ голосомъ нараспѣвъ декламировалъ бородачъ.

— Молчи, дура, а то рванѣ дамъ!—грозно прикрикнулъ онъ на воющую бабу.

Недолгій столбнякъ, вызванный внезапнымъ натискомъ, сталъ проходить. Съ шумомъ и плачемъ безсильной злобы, подгоняемая собственническимъ чувствомъ, толпа бросилась по каморкамъ спасать отъ жестокой расправы свой убогій скарбъ. Порохъ отсырѣлъ, взрыва не послѣдовало; смѣлый вызовъ насилія побѣдилъ. Торопливо увязывали въ огромные узлы подушки, одѣяла, платье. Спѣшили лихорадочно, но дѣло не ладилось и подвигалось медленно. Мужчины были безнадежно хмуры, бабы тихонько хлюпали; ребятишки, точно понимая важность минуты, присмирѣли.

— Тять, а тять!—дергалъ за руку отца бѣлобрысый мальчуганъ,—куда мы ѣдемъ? Къ бабушкѣ въ деревню?

— Въ деревню, извѣстно,—сконфуженно буркнулъ отецъ.

— И всѣ къ бабушкѣ ѣдутъ въ деревню?—продолжалъ-было допытываться мальчуганъ, но ожесточенный подзатыльникъ положилъ предѣлъ его любознательности.

Уже вечерѣло, когда пятнадцать подводъ были нагружены до верху. Низкія, тяжелыя облака спустились еще ниже. Злая тоска мучила изгнанниковъ. Бѣдные гнѣздники знали, что имъ не разрѣшено оставаться въ фабричныхъ слободкахъ, ихъ выбросятъ въ лагерномъ полѣ, гдѣ кромѣ двухъ маленькихъ дощатыхъ бараковъ, да широкаго раздолья поля, нѣтъ ничего. Процессія двинулась. За повозками потянулись длинные ряды понурыхъ людей; позади шелъ отрядъ городовыхъ и весь кортежъ замыкала рота солдатъ.

— Экъ насъ хозяинъ съ почетомъ провожаетъ. Словно

генерала хоронятъ,—одиноко-хмуро вздумалъ-было кто-то пошутить.

Ворота слободки были открыты. За ними глазѣетъ тысячная толпа; иные снимаютъ шапки, крестятся, словно провожая покойника. Тихо и грустно... Никто не проронитъ слова. За желѣзнодорожнымъ высокимъ вiадукомъ въ сѣровато-зеленыхъ тонахъ ширится безлюдное поле. Когда печальный караванъ добрался до двухъ заброшенныхъ, съ выбитыми стеклами, покачнувшихся бараковъ, уже стемнѣло. Неясныя тѣни погасали; на небо всплыли, словно изъ нѣдръ ада, чудовищные звѣри, призрачно измѣнчивые и грозные. Изсине-черныя облака низко, упрямо ползли по небу и, казалось, задѣвали землю своими страшными фiолетоваго цвѣта краями. Промелькнулъ украдкой бѣлый зигзагъ молнiи. Внушительно серьезно проворчалъ издалека громъ. Гроза быстро надвигалась. Приближенiе грозы подсобило работѣ: почти мгновенно нагруженныя сверху до низу подводы были разгружены. Съ вещами не церемонились: все летѣло на землю быстро и грубо. Когда разгрузка кончилась, полицейскiе съ явнымъ удовольствiемъ взобрались на подводы и быстро покатились обратно на фабрику. Для острастки этихъ печальныхъ людей, испуганныхъ сознанiемъ чего-то безсмысленнаго и жестокаго, осталось четверо городовыхъ и рота солдатъ. Въ дощатыхъ баракахъ бродилъ тоскливый ужасъ. Въ зловѣщей темнотѣ копошились люди, охваченные тупымъ страхомъ. Дѣтскiй надрывающiйся плачъ остро билъ по напряженнымъ нервамъ; на земляномъ, накатаномъ полу съ пѣной на губахъ бился въ припадкѣ падучей молодой рабочiй. Составивъ ружья въ козлы, солдаты конфузливо жались въ сторонѣ...

Темнота ночи вдругъ смѣнилась ослѣпительно яркимъ свѣтомъ. Все сдѣлалось болѣзненно отчетливымъ и близкимъ; ясно видно было бѣлое ажурное кружево желѣзнодорожнаго моста, черный, далекiй лѣсъ, грозное, пристально глядящее небо. Виденъ былъ жалкiй страхъ въ обезумѣвшихъ глазахъ слабыхъ, безпомощныхъ людей. Легкiй шумъ, предвѣстникъ чего-то близкогрядущаго, вдругъ смѣнился хохочущими раскатами титаническаго удара грома. Въ баракахъ царило молчанiе, благоговѣйное молчанiе человѣка, увидавшаго чудовищно-прекрасный ликъ разгнѣваннаго Бога. Женскiй голосъ одиноко потревожилъ вдумчивую тишину безумнымъ хохотомъ истерiи.

Тишину оглушенной природы нарушили крупныя, рѣдкiя капли дождя, грузно шлепнувшiяся по дощатымъ крышамъ бараковъ. На мгновенiе все умолкло, затѣмъ хлынулъ торопливо-

шумящій ливень. Быстрые потоки дождя пронизали ненадежныя крыши бараковъ и мгновенно вымочили до нитки этихъ молчаливыхъ, печальныхъ людей. Разбросанный на землѣ передъ бараками домашній скарбъ разбухалъ отъ дождя и липъ въ мягкой черной грязи. Дождь прошелъ быстро. Молнія убѣжала въ темныя, безвѣстныя дали. Грозовыя тучи не успѣли еще безслѣдно скрыться, какъ надъ рѣкой засвѣтился радостный просвѣтъ, глубокій и лучистый. Изъ-за рѣки потянуло ровное и сильное дыханіе освѣженнаго лѣса. Въ баракахъ, на мокрой землѣ, выбирая посуше мѣсто, люди, смертельно утомленные кошмарнымъ чадомъ минувшаго дня, пристраивались на сонъ.

VIII.

Всенощная въ соборѣ только-что кончилась. Изъ городского сада доносились звуки драгунскаго оркестра, нескладно и рѣзко трубившаго вальсъ „Ожиданіе“. Длинныя печальныя тѣни протянуло по землѣ заходящее солнце. Было безлюдно и скучно. На Мало-Дворянской улицѣ, между жандармскимъ управленіемъ и уѣздной земской управой, стоялъ приземистый, облупившійся домъ, печальной казарменной архитектуры Николаевскихъ построекъ. На синей длинной вывѣскѣ, украшавшей зданіе, золотою вязью было написано: „Свято-Троицкое Братство“. На дверяхъ дома притаился маленькій гектографированный клочекъ бумаги. „Предсѣдатель Св.-Троицкаго христіанскаго Братства распространенія трезвости среди рабочихъ и служащихъ фабрики Г. С. Вакулова, на основаніи § 14 утвержденнаго устава Общества, приглашаетъ членовъ Общества на общее собраніе, имѣющее быть 24 сего августа. Входъ по именнымъ повѣсткамъ. Начало по окончаніи всенощнаго бдѣнія въ каѳедральномъ соборѣ“. Темная лѣстница двумя изворотами приводила въ маленькую прихожую, за которой виднѣлся длинный залъ. Передъ небольшимъ столомъ, заваленнымъ душеспасительными книженками: „Чудесное вразумленіе грѣховному сыну“, „Священное откровеніе Отцу Іоанну Кронштадтскому“, „Какъ мать прокляла четырехъ невѣрующихъ сыновей“ и т. п., сидѣла Редутова. Невольно чувствовалось, что всѣ эти брошюрки, это стереотипно-равнодушное предложеніе взять „хорошую книжечку“, съ которымъ Редутова обращалась къ каждому новоприбывшему, все было здѣсь лишь наивно-грубой декораціей для обмана недреманнаго ока. Въ залѣ стоялъ гулъ. Четыре стѣнныя кероси-

новыя лампы горѣли тускло и сильно коптили. За столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, сидѣло пятеро: молодой блондинъ, съ неинтеллигентнымъ, грубымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица, Пріютинъ, Плавцевъ, докторъ Бердягинъ и фабричный механикъ Раевскій, безразличный, чистенькій господинъ, съ задумчивыми, мечтательными глазами. Сбоку, передъ рядами длинныхъ не крашеныхъ скамеекъ, сидѣлъ околоточный и наставительно-строго посматривалъ на присутствующихъ. Блондинъ равнодушно перелистывалъ рукописную объемистую тетрадку и часто поглядывалъ на крупные серебряные часы.

— Ужъ пора, я думаю, начинать,—обратился онъ къ Пріютину.—А то, мнѣ кажется, ихъ благородіе сердиться и скучать начинаетъ,—понизивъ тонъ, добавилъ онъ.

Пріютинъ утвердительно кивнулъ головой. Блондинъ рѣзко позвонилъ.

— Господа, передъ началомъ засѣданія по обычаю помолимся Господу Богу.—Въ глубинѣ этихъ словъ, спокойныхъ и громкихъ, зазвучала быстрая, неуловимая насмѣшка.

Встали. Блондинъ отчетливымъ, громкимъ голосомъ трижды прочиталъ „Спаси Господи“. За спиной околоточнаго, который истово-часто крестился, вдыхая атмосферу молитвы и спокойствія, стояла молчаливая, насмѣшливая въ своей окаменѣлости толпа. Молитва кончилась. Всѣ грузно и шумно сѣли. Блондинъ вторично позвонилъ.

„Объявляю засѣданіе открытымъ. Порядокъ засѣданія: 1) прочтеніе отчета за минувшіе четыре мѣсяца и 2) предложеніе правленія Общества объ исключеніи изъ числа членовъ лицъ, нарушившихъ клятвенный обѣтъ трезвости.—Блондинъ развернулъ объемистую тетрадку и началъ читать убійственно монотоннымъ голосомъ. Потянулся утомительно скучный перечень числа лицъ, пожелавшихъ вновь вступить въ содружество, но не выдержавшихъ предварительнаго искуса, о старыхъ членахъ, нарушившихъ обѣтъ трезвости, о томъ, гдѣ, какъ, почему, кто сознался самъ, кого уличили другіе.

— За нарушеніе обѣта, даннаго передъ Святою Чудотворною иконою Одигитріи, правленіе предлагаетъ общему собранію исключить изъ числа членовъ Братства ткача Михаила Комарова, 49 лѣтъ. Въ возвращеніи къ пьянству сознался самъ. Ставлю предложеніе на голосованіе.—Этою стереотипною фразою блондинъ нѣсколько разъ прерывалъ свое чтеніе и молча вперялъ спокойный, насмѣшливый взглядъ на слушателей.

Всѣ неизмѣнно вставали.

— Предложеніе объ исключеніи бывшаго члена Братства такого-то принято собраніемъ единогласно,—объявлялъ громко блондинъ.

Въ заднемъ ряду скамеекъ слышался тихій, сдавленный шопотъ.

— А молодчина Васюткинъ. Всѣхъ сомнительныхъ людей исключилъ.

— Голова у него золотая, что и говорить.

— Полицейскій все сидитъ. Бѣда!..

— Что сидитъ. Небось, сдастся, уснетъ.

И дѣйствительно, черезъ полтора часа талантливаго по своей настойчивости и выдержанности чтенія околоточный сдался: въ дремотѣ онъ клюнулъ-было носомъ, громко засопѣлъ, затѣмъ строго повелъ глазами на окружающихъ и, тихонько скрипя бутылочными сапогами пошелъ къ выходу, рѣшивъ, вѣроятно, мысленно, что въ подобной архи-спокойной атмосферѣ его присутствіе, пожалуй, и не особенно необходимо. Монотонное чтеніе сдѣлалось еще заунывнѣе и скучнѣе. Звонкіе шаги околоточнаго гулко доносились съ чутко молчаливой лѣстницы; наконецъ они замолкли, сильно хлопнула внизу уличная дверь. Блондинъ на полусловѣ прервалъ чтеніе, широко, облегченно вздохнулъ и радостно сказалъ Пріютину.

— Насилу выкурилъ; я ужъ началъ думать, что наше дѣло будетъ табакъ.

Молчаливая скука мгновенно исчезла: слышались бодрые голоса, свободный смѣхъ, въ заднихъ рядахъ о чемъ-то уже оживленно спорили.

— Павловъ, всѣ ли свои? Посмотри-ка получше,—обратился предсѣдатель къ рабочему въ черной блестящей блузѣ.

Внимательно вглядываясь въ лица сидящихъ, рабочій обошелъ длинные ряды скамеекъ. Слышались недовольныя замѣчанія.

— Нечего время зря терять.

— Неужели бы сами чужого не примѣтили!

Блузникъ, внимательно осмотрѣвъ присутствующихъ, тихимъ, важнымъ тономъ отрапортовалъ предсѣдателю.

— Все свои люди, Николай Ивановичъ.

— Внизу стоять нужно... Не залетѣлъ бы кто невзначай. А то эта лѣстница такой телефонъ, что Боже ты мой.

Павловъ покорно пошелъ дежурить на лѣстницу.

— Товарищи, не шумите теперь. Время о дѣлѣ потолковать,—сильнымъ, живымъ голосомъ сказалъ Васюткинъ.

Шумный говоръ быстро и покорно смолкъ. Наступила вни-

мательная тишина. Блондинъ всталъ, оглянулся на сидящихъ за столомъ, словно искалъ въ нихъ поддержки и одобренія, тряхнулъ своими длинными льняными волосами и на минуту призадумался.

— Товарищи!—началъ онъ ровнымъ, бодрымъ голосомъ.— Вы, конечно, знали, когда получили приглашеніе на собраніе, что съ вами не о чепухѣ хотятъ говорить, а о дѣлѣ. Знали вы, товарищи, также, что вы не только рабочіе, но и старосты соціалъ-демократической партіи фабричнаго подрайона. Вотъ къ этимъ-то старостамъ я и обращаюсь теперь. Вы знаете, какія тяжелыя невзгоды постигли нашу фабрику: сначала надругались надъ нами, потомъ придрались къ убійству директора, закрыли фабрику, всѣхъ разсчитали, а старыхъ гнѣздниковъ, словно собакъ, въ поле выгнали. Еслибы сдохли гнѣздники тамъ, хорошо бы для фабрики было: ужъ больно стыда на хозяина навели бы. Этого, сами знаете, не было: пошли гнѣздники съ женами и ребятишками къ хозяину плакаться; поплакались, помолились, въ ногахъ повалялись, хозяинъ накривлялся вдоволь, а потомъ и на мировую пошелъ. Только, товарищи, ничего и никому нѣтъ хорошаго, что фабрика открылась. Штрафъ наложили, основу еще хуже прежней давать стали; рабочихъ, кто подъ горячую руку попался, да не остерегся, всѣхъ разсчитали. Вотъ и рѣшилъ нашъ центральный комитетъ что-нибудь придумать, нельзя ли дѣло поправить, честь рабочаго спасти. Рѣшили мирнымъ, но храбрымъ выступленіемъ показать нашу сплоченность. Получили мы голоса отъ заводскихъ и бергеровскихъ старостъ, благо тамъ безъ призора легче было столковаться, а теперь вашего согласія ждемъ... Товарищи, хотите общимъ выступленіемъ окружной соціалъ-демократіи показать наше братство и силу...

На скамьяхъ раздались шумные аплодисменты; ораторъ сильно задумался; по лицу его было видно, что онъ не можетъ рѣшиться на какой-то смѣлый шагъ. Наконецъ онъ упрямо мотнулъ головой и сказалъ: Товарищи, въ средѣ комитета былъ одинъ, кто противился нашему общему постановленію. Человѣкъ этотъ находится теперь среди насъ. Предоставляю ему возможность высказаться передъ вами и объяснить свои взгляды.

Блондинъ повернулся въ сторону Пріютина и поклонился ему насмѣшливо-низко.

— Потому противился, что баринъ,—раздался среди слушателей громкій голосъ.

— Зачѣмъ вы хотите, Васюткинъ, чтобы я говорилъ. Мое согласіе или несогласіе вѣдь дѣла измѣнить не можетъ. Коми-

тетъ одобрилъ манифестацію, и теперь рѣшеніе зависитъ отъ воли нашего собранія—спокойнымъ, медленнымъ голосомъ сказалъ Пріютинъ.

— Въ комитетѣ говорили противъ манифестаціи, а здѣсь соглашаетесь. И волки сыты, и овцы цѣлы... Очень хорошо.

— Что вы говорите. Одумайтесь,—брезгливо поморщился Пріютинъ.

Блондинъ начиналъ волноваться.

— Товарищи!—началъ онъ порывисто,—не хочетъ господинъ докторъ повторить своихъ словъ, такъ я за него вамъ передамъ. Говорилъ г. докторъ въ комитетѣ, что и не время теперь, и разрознены-то мы, и нѣтъ у насъ въ собственныхъ силахъ увѣренности, а сила хозяйская отъ побѣды возросла. Много чего говорилъ г. докторъ, а теперь почему-то повторять не хочетъ. Только вотъ что, братья-рабочіе: хорошо воевать съ врагомъ, хоть и силенъ онъ. Нечего намъ трусу праздновать раньше времени... Поборемся раньше, чѣмъ сдаваться.

— Правда, правда,—словно въ забытьи произнесла сидѣвшая рядомъ съ Пріютинымъ Редутова. Тотъ укоризненно глянулъ на нее быстрымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Вѣрно.

— Правильно.

— Вотъ наши такъ всѣ и говорятъ!—гудѣло на скамьяхъ.

— А вамъ, г. докторъ, позволю себѣ одно сказать: не забава это для господъ наше рабочее дѣло. — Голосъ Васюткина звучалъ звонко, словно удары сильныхъ пощечинъ.

У Пріютина отъ чувства острой обиды заколыхнуло сердце, въ глазахъ у него потемнѣло, замелькали быстрыя синія искры; броситься на этого глупаго, самодовольнаго человѣка, ударить, кинуть на полъ и топтать ногами злую собаку — было у Пріютина первымъ страстнымъ порывомъ, но мысль, чистая, холодная мысль быстро укротила сильно забившееся сердце.

— Когда мы, господа, изъ-за рабочаго дѣла сидимъ въ тюрьмахъ, идемъ въ Сибирь—это наше дѣло, а когда мы честно высказываемъ быть можетъ подчасъ непріятную для васъ правду, когда не хотимъ безмолвно плыть по теченію—тогда мы только господа, взявшіеся за чужое дѣло. Одно скажу: стыдно вамъ, Васюткинъ, стыдно, если только вы въ состояніи понять это слово,—горячимъ порывомъ вырвалось у Пріютина.

На минуту наступила тишина. Затѣмъ, словно желая совладать съ непріятнымъ чувствомъ смущенія, всѣ какъ-то быстро,

однообразно, шумно затараторили. Пріютинъ видѣлъ виноватое, сконфуженное лицо Васюткина.

— Простите меня, дурака, Михаилъ Андреевичъ. Горячая она, кровь-то наша рабочая,—сказалъ онъ тихимъ, просящимъ голосомъ.

Пріютинъ досадливо отмахнулся.

— Я пойду за ними, пойду... Нѣтъ, Пріютинъ, вы не правы: для побѣды нужно рисковать, иначе это не побѣда, а подлость... Я пойду, я имъ вѣрю,—слышалъ Пріютинъ голосъ Редутовой, нѣжный и смѣлый. Пріютинъ видѣлъ ея прекрасное, радостное лицо, оживленное сіяющими надеждой глазами, слышалъ ровный гулъ толпы—и ему болѣзненно-кошмарно начинало казаться, что онъ попалъ въ какой-то цѣпкій хороводъ неявившихся, печальныхъ тѣней его жизни. Холодная мысль больно сверлила его разгоряченный мозгъ. Пріютинъ видѣлъ, что эти взрослыя дѣти очарованы сказкой-надеждой и презираютъ сѣренькую дѣйствительность и скучную осторожность.

Васюткинъ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Товарищи!—началъ онъ, когда шумъ немного пріутихъ:—вотъ что мнѣ пишетъ отвѣтственный агитаторъ стекляннаго завода.—Васюткинъ досталъ изъ-за пазухи объемистый листъ бумаги и приступилъ къ чтенію: „Событія послѣднихъ дней на Вакуловской фабрикѣ горячо обсуждаются мыслящими рабочими нашего заводскаго подрайона. Самосознаніе многихъ, до сихъ поръ безразлично относившихся къ борьбѣ рабочаго пролетаріата, значительно подвинулось впередъ отъ дерзкаго насилія фабриканта Вакулова. Въ пятницу была неудачная попытка собраться въ Талицкой рощѣ для обсужденія наилучшей формы для выраженія сочувствія товарищамъ-рабочимъ Вакуловской мануфактуры. Предупрежденная неизвѣстнымъ измѣнникомъ полиція устроила засаду, къ счастію—во-время обнаруженную...“

Пріютина не интересовало письмо и онъ не слушалъ. Воображеніе невольно рисовало неясную, печальную картину: плачущія холодными неутѣшными слезами осеннія березы, маленькая деревянная церковь, знакомые покривившіеся кресты кладбища. Сердце больно замирало въ хмурыхъ объятіяхъ предчувствій. Чтеніе письма кончилось. Снова шумъ, раздраженный звонокъ Васюткина, онъ что-то говоритъ, затѣмъ говоритъ Плавцевъ хорошо и сердечно... Пріютинъ ловилъ лишь отдѣльныя слова; утомленное, больное вниманіе не могло идти за этимъ бурнымъ потокомъ радостныхъ, смѣлыхъ мыслей.

Бацъ, Бацъ—раздались вдругъ два громкихъ выстрѣла. Зо-

лотистыя струйки прорѣзали черное небо и разсыпались въ вышинѣ мелкимъ огненнымъ дождемъ. Невольное, боязливое замѣшательство быстро исчезло.

— Въ городскомъ саду фейерверкъ пускаютъ, конецъ гулянью. Пора и намъ по домамъ, а то примѣтятъ,—сказалъ Васюткинъ.—Ну, спасибо, товарищи, на чемъ порѣшили, то и будетъ. Спасибо вамъ отъ всего рабочаго имени.

Шумная гурьба двинулась къ выходу. На площадкѣ темной, глубокой лѣстницы Редутова раздавала тоненькія брошюрки съ чернымъ заголовкомъ: „Кто нашъ самый сильный врагъ“.

— Спасибо, барышня. Прощайте, барышня. Хорошая книга, сейчасъ видно; это о чемъ-то новомъ. Стоющая книга, — говорили на прощанье рабочіе.

Пріютинъ возвращался на фабрику одинъ. Онъ любилъ этотъ маленькій, вѣчно сонный городокъ, погруженный въ воспоминанія о безслѣдно минувшемъ. Кругомъ него какъ сказочные богатыри росли новые города, полные кипучей жизни и бодрой надежды, а этотъ Екатерининскій инвалидъ, отслуживъ всенощную въ соборѣ, безмятежно засыпаетъ, прислушиваясь къ ночнымъ трещоткамъ и тихимъ отзвукамъ музыки городского сада. Пріютинъ сознавалъ, что, потерявъ руль, онъ плыветъ по теченію. А между тѣмъ онъ еще недавно надѣялся быть кормчимъ и пророкомъ. Сердце порывисто и смѣло билось. „Для побѣды нужно рисковать, иначе это подлость“—повторилъ Пріютинъ вслухъ слова Редутовой, и ему вдругъ почему-то стало радостно... Теплый ночной вѣтерокъ нѣжнымъ порывомъ обнялъ его и шепнулъ на ухо трепещущую тайну великой и равнодушной жизни. Часы на колокольнѣ собора роняли въ безвѣстность минувшаго мелодичные удары...

IX.

Въ операціонной была хмурая тишина. Солнечные лучи, прорываясь сквозь густую ограду деревьевъ сада, полусвѣтлыми, движущимися пятнами бродили по комнатѣ, словно разглядывали бѣлые больничные халаты, озабоченныя, серьезныя лица, что-то безпомощно молчаливое, распростертое на операціонномъ столѣ. Былъ трудный случай—hernia incarcerata. Операція только-что кончилась и прошла благополучно.

— Николай Федоровичъ,—обратился Пріютинъ къ младшему доктору,—присмотрите здѣсь, а мы пойдемъ обходомъ по палатамъ.

Плавцевъ съ Пріютинымъ вышли изъ операціонной.

— Вы знаете подробности вчерашняго?—спросилъ на лѣстницѣ Пріютинъ.

— Не знаю. Знаю одно, что теперь всѣ мы на вулканѣ... Это ужасно,—съ тоской въ голосѣ сказалъ Плавцевъ.

— Добавьте для точности—на вулканѣ передъ его изверженіемъ. Да, спорить трудно, положеніе наше не изъ завидныхъ.— Будемъ утѣшаться мыслью, что всякій честный человѣкъ долженъ быть немножко стоикомъ,—замѣтилъ Пріютинъ.

Разговоръ касался вчерашняго ареста Коломина, который вчера ночью былъ арестованъ. Никто не зналъ подробностей обыска: обычно откровенная фабричная полиція на этотъ разъ хранила злое, загадочное молчаніе. Въ палатѣ, куда вошли Плавцевъ съ Пріютинымъ, господствовало большое оживленіе. Больные въ своихъ сѣрыхъ, мрачныхъ халатахъ, шлепая по полу туфлями, охваченные любопытствомъ тѣснились къ окнамъ, стараясь сквозь просвѣты деревьевъ разсмотрѣть что-то происходившее на улицѣ. На ихъ блѣдныхъ, истомленныхъ недугомъ лицахъ читалось сложное, непонятное чувство страдальческой злобы.

— Аксиньюшка,—шептала несчастная бѣлая мумія, въ порывѣ жаднаго любопытства протягивая изсохшія руки,—мнѣ бы хоть глазкомъ посмотрѣть. Подсоби, родная.

— Лежи, лежи. Что за представленія еще такія! — недовольно рявкнула краснощекая сидѣлка.

— Вотъ напасть-то, Господи Боже, никакихъ приказаній не слушаютъ. А иные еще хуже: на улицу глядѣть ушли,—въ волненіи обратилась къ Пріютину рябая, толстая сидѣлка.—А вы, г. докторъ, кажись, ничего и не знаете... Вѣдь опять наши обормоты безобразить вздумали, да еще и чужихъ съ собой прихватили,—затараторила сидѣлка,—ну, и попало же имъ, смутьянамъ... Теперь кого на конный дворъ для порядку загоняютъ, а то къ намъ въ больницу волокутъ. Говорятъ, ужасти, какъ иныхъ побили.

А на фабричныхъ улицахъ въ эту минуту уже кончался апоѳеозъ печальной пьесы. Тайна какъ будто бы была соблюдена. Товарищи съ „бельгійца“ въ одиночку прошли съ зарѣчной стороны на Бергеровскую. Рабочіе съ Вакуловской должны были присоединиться въ слободкѣ. Шли вразбродъ, молчаливо, дѣлая видъ, что идутъ каждый самъ по себѣ. Соединиться всѣмъ вмѣстѣ, распустить флаги, которые были припрятаны у надежныхъ людей въ слободкѣ, заранѣе рѣшено было у фабричныхъ воротъ. Въ

то же время другой дорогой, въ обходъ манифестантовъ, шагалъ внушительный взводъ городовыхъ. Синіе куполы монастырскихъ церквей нагнулись въ зеленую гущу садовъ. Начиналась праздничная, пьяная улица фабричной слободки; виднѣлись золотыя буквы фабричныхъ воротъ. Теперь отдѣльныя струйки идущихъ быстро сливаются въ общій, сильный потокъ. Появляются красные флаги. „Мы не чтимъ золотого кумира“—раздается громко и нестройно. Редутова идетъ впереди. Рядомъ съ ней крупно шагаетъ мускулистый рабочій съ краснымъ флагомъ въ рукахъ; лицо у него задумчиво и торжественно. Редутова вглядывается въ рабочаго и ей дѣлается весело... Процессія увѣренно плыветъ впередъ. Пѣсня разрастается и крѣпнетъ. Вотъ и ворота. Они гостепріимно открыты. За ними виднѣется тысячная толпа; густыми, ровными шпалерами она стоитъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Злымъ молчаніемъ встрѣчаетъ фабрика незваныхъ гостей. Пѣніе сконфуженно замираетъ. Изъ среды манифестантовъ выходитъ заводскій мастеръ Фремель, хорошенькій юноша, съ задорными, блестящими глазами. „Товарищи,—начинаетъ онъ бодрымъ голосомъ,—мы пришли сюда, чтобы выразить вашему эксплоататору-хозяину, этому кровожадному вампиру капитализма...“ Грубый, громкій крикъ изъ толпы фабричныхъ прерываетъ его рѣчь.

— Нечего тамъ выражать. Опять баламутить хотите.

Отъ этихъ словъ, искреннихъ и рѣзкихъ, загорается въ толпѣ пламя мстительной ненависти. Незажившая рана недавняго пораженія быстро открывается. Укрощенный силою звѣрь чуетъ близость слабаго врага и сладострастно готовитъ ударъ. Они сильнѣе, ихъ больше, они болѣзненно раздражены воскреснувшими воспоминаніями пережитаго.

— Ворота запереть,—слышится тихое приказаніе.

Ворота послушно закрываются колоссальнымъ засовомъ.

— Что за знамена такія!

— Гляди, полкъ какой пришелъ!

— Опять нашу жизнь пришли губить!

— Обормоты несчастные!

Шумъ растетъ, недобрый и ползучій. Кто-то изъ манифестантовъ хочетъ говорить, но, понявъ безполезность словъ, робко умолкаетъ. Оба лагеря раздѣляетъ слабая, психологическая граница: обаяніе человѣка и робость трусливаго, кровожаднаго звѣря. Но вотъ она перейдена. Въ калитку воротъ врываются городовые. „Въ первую очередь тѣхъ, что съ флагами“,—бросаетъ имъ околоточный. Городовые бросаются на манифестантовъ. Оше-

ломленная, испуганная толпа подается впередъ. Соединеніе произошло; страхъ исчезъ; началось гнусное, вдохновенно-злобное побоище. Раздается одинокій выстрѣлъ. Это стрѣляетъ техникъ Фремель и тутъ же, получивъ въ високъ смертельный ударъ свинцовой накладкой, безпомощно падаетъ. Редутову сжимаютъ крѣпкіе, безпощадные тиски. Она видитъ надъ собой клочекъ синяго неба; удивительно глупо подпрыгиваетъ около нея красное знамя, за минуту такое смѣлое и гордое. Оно исчезаетъ. „Пустите, пустите. Дышать не могу, пустите“ — стонетъ Редутова и вдругъ вскрикиваетъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Лѣвый глазъ вдругъ ослѣпляетъ яркая, короткая молнія; затѣмъ одинъ мигъ тоскливой боли и все потухаетъ. Чьи-то грубыя, сильныя руки подхватываютъ Редутову. „Экъ, пострѣленокъ, хватилъ. Глазъ въ акуратъ выхлестнулъ“—слышится одобрительное замѣчаніе. Угаръ проклятой злобы быстро проходилъ. Немного очеловѣчились звѣри, да и городовые, найдя, что особенно „своеволить“ такъ же не слѣдуетъ, какъ и красные флаги носить—начали умѣрять воинственный пылъ своихъ усердныхъ союзниковъ. Брезгливый, насмѣшливо-печальный стыдъ закрадывался въ сердце толпы. Побѣда фабричныхъ была полная. Печальные трофеи были налицо: у крыльца уютнаго, скрытаго кудрявыми березами домика лежали Фремель и дородный знаменосецъ, теперь ко всему навѣки безучастные. Изувѣченное лицо Редутовой, казалось, было видно всѣмъ и отовсюду. Вмѣсто одного глаза была кровь, слизь и несказанный ужасъ, другой, полный безумной тоски и упрека, безсмысленно жадно глядѣлъ на синее небо, на этихъ присмирѣвшихъ, проснувшихся людей. Толпа приходила въ себя. Говорили тихо и осторожно, какъ на похоронахъ; говорили, что гнѣздники виноваты, а драку затѣяли слободскіе и городовые. Громко и внятно слышался задушевный плачъ. Печальный кортежъ двинулся впередъ. Впереди шли избитые, измученные манифестанты. Слѣдомъ, правильными рядами, неся побѣдные трофеи, торжественно шагали городовые. Отдѣльная кучка несла трупы и вела автоматически шедшую Редутову. Процессію замыкалъ густой потокъ любопытныхъ и участниковъ драки, хмурыхъ, пристыженныхъ дьявольскимъ навожденіемъ. Толпа быстро двигалась къ больницѣ.

Печальная вереница людей уже видна изъ оконъ больницы. Фабричная дѣтвора, точно стая спугнутыхъ стрижей, беззаботно шумно бѣжитъ впереди.

— Страсти Господни, что̀ тамъ только дѣлалось, — тараторила надъ ухомъ Пріютина сидѣлка.

— Хоть и плохіе они люди, а все-жъ по христіанству словно и жалко. Наши какъ разсердились, да пошли ихъ гордыню укрощать, такъ ничего отъ нихъ, поди, и не осталось. Я на кирпичахъ за новымъ заборомъ стояла, все до капельки самолично видѣла... Ужасти, что̀ было. Убитые на смерть есть, а что искалѣченныхъ, да забитыхъ, такъ этихъ совсѣмъ много. А ужъ больно жалко нашу барышню учительницу. Первая раскравица была, а теперь лица человѣческаго не осталось.

— Учительница! Кто?—вырвалось у Пріютина боязливо тихимъ шопотомъ.

— Съ нѣмецкихъ двориковъ барышня, Вѣра Дмитріевна, ихъ сами знать изволите,—веселымъ голосомъ сказала сидѣлка.

Сѣрый туманъ поползъ на глаза Пріютину. Въ сознаніи остро сверкала мысль о приближеніи чего-то неизбѣжнаго и страшнаго. Совсѣмъ близко, у стекляннаго вестибюля больницы уже слышатся громкіе голоса. Пріютинъ хотѣлъ бѣжать, но слабость отчаянія набросила на него непреодолимыя оковы.

— Умершихъ для опознанія въ покойницкой поставить. Изъ побитыхъ, ходить кто не можетъ, подъ докторскую расписку оставь, а кто мало пострадалъ, веди потомъ на конный. Понимаешь, Стеценко, — командовалъ строгій, начальственный басъ.

Ужасомъ безнадежности вѣяло отъ лежащихъ на рогожахъ труповъ. Позади на рукахъ неловко и грубо несли бывшую въ глубокомъ обморокѣ Редутову; лицо ея было прикрыто грязнымъ кумачнымъ платкомъ.

— Жалко барышню, — гудѣлъ сиплый голосъ, — попортило окончательно. Ну, да и то сказать, какъ же иначе: лицо у нея нѣжное, господское, а кулаки у насъ луженые. А тутъ еще, прости Господи, въ линію привелось, ну и попортило серьезно. Ваше благородіе, господинъ докторъ, пожалуйте къ намъ. Тутъ и свои и чужіе, кому, значитъ, привелось!—Ну и насыпали мы имъ орѣховъ, — съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія заявлялъ другой голосъ.

— Экъ тебя, Петя другъ, подправило,—грустно вздохнулъ кто-то.

Корридоръ все больше и больше наполнялся народомъ. На верхней площадкѣ лѣстницы стоитъ Пріютинъ и неподвижно-тупо смотритъ на происходящее. Плотная толпа вдругъ раздается, красная тряпка исчезаетъ и Пріютинъ видитъ съ жестокой отчетливостью страдальческую маску, безконечно жалкую и про-

тивную въ то же время. Хаосъ быстрыхъ, назойливыхъ звуковъ, цѣлый потокъ болѣзненнаго шума врывается въ голову Пріютина. Все окружающее дѣлается мелкимъ, все незамѣтно линяетъ и разомъ исчезаетъ, скрытое рухнувшей, безпросвѣтной завѣсой. Раздается грузный, тревожный стукъ упавшаго тѣла.

— Эхма, думали докторъ подсобитъ, а онъ самъ въ безпамятство впалъ,—слышится недовольное замѣчаніе.

— Ишь ты, прыткій какой взялся! Твою бы Дуньку такъ разукрасили, зналъ бы тогда!

— И то вѣрно: небось, барышня доктору сударкой приходится, а теперь такой каленкоръ вышелъ,—слышалось въ толпѣ разсужденіе.

— Идите дальше, идите въ пріемную... Дарья, веди ихъ!— не своимъ голосомъ изступленно крикнулъ Плавцевъ, ненавидя этихъ людей всѣми фибрами своего сердца, гордаго и оскорбленнаго въ эту минуту.

Толпа послушно двинулась.

Увѣренно приблизилась въ Плавцеву тоска; хлопотливо забѣгали быстрыя мысли. Редутова искалѣчена, быть можетъ мертва. А Пріютинъ? Онъ любитъ ее, горе задушитъ его своими тисками. Какъ назойливо громко стучатъ сапогами. Какія у всѣхъ на подборъ скверныя, наглыя лица. Что же впереди, что?.. Плавцеву болѣзненно отчетливо стало казаться, что невидимое, но до проклятія реальное чудовище, злое и безпощадное, зорко сторожитъ его судьбу. „Страшно“!—точно оправдываясь передъ кѣмъ-то, произнесъ Плавцевъ, вздрагивая въ нервномъ ознобѣ.

X.

Около Андроньевскаго спуска чей-то негромкій голосъ окликнулъ Плавцева. Въ густѣющихъ сумеркахъ сентябрьскаго вечера онъ узналъ инженера Бердягина.

— Мы съ вами, навѣрное, попутчиками окажемся. Куда путь держите? Въ городской садъ?—спросилъ и, не дождавшись отвѣта, добавилъ Бердягинъ: я туда же.

На пріемѣ больныхъ Пріютинъ боязливо быстро шепнулъ Плавцеву: „приходите нынче вечеромъ въ Кукушку. Соберутся наши, потолкуемъ напослѣдокъ. Здѣсь дышать страшно: все сторожитъ, слушаетъ, доноситъ“.

На фабрикѣ, послѣ плачевнаго апоѳеоза рабочей манифестаціи, наступили тяжелыя времена: фабрика работала рабски

покорно и печально, а кругомъ не прекращалась иная работа — работа слова и дѣла. Обыски, аресты и „разсчеты“ шли усиленнымъ темпомъ; поговаривали, что губернаторъ хочетъ уволить всѣхъ „подозрительныхъ“, но хозяинъ почему-то „заступается“ и даже будто бы ѣздилъ въ Петербургъ въ министерство. Вчера арестовали красильнаго мастера Кнаббе и двухъ раклистовъ. У ткача Ширяева нашли при обыскѣ, какъ втихомолку болтали досужіе языки, много „политическаго“. Редутова лежала въ тюремной больницѣ, куда ее тотчасъ же перевезли послѣ обыска на квартирѣ. Говорили, что нашли списки всѣхъ „соціалистовъ“ и жандармскій полковникъ торжественно объявилъ, что „теперь у насъ въ губерніи будетъ спокойно“. Ни у Пріютина, ни у „докторскихъ товарищей“, какъ называли на фабрикѣ тѣсный кружокъ, группирующійся около Пріютина, не было обысковъ. Можно было думать, что гроза, въ тяжкомъ рокотѣ, прошла стороной, не задѣвъ ихъ своимъ гнѣвнымъ крыломъ. Не то было въ дѣйствительности: мрачныя тучи только-что начинали сбираться. Въ косыхъ, подозрительныхъ взглядахъ, боязливыхъ рукопожатіяхъ Пріютинъ чуялъ близкую бѣду. „Еще попадешься тутъ съ вами“,—читалось въ трусливыхъ взорахъ большинства фабричной интеллигенціи при встрѣчѣ съ Пріютинымъ и его друзьями.

Гнетущая тоска, полная мрачныхъ, неясныхъ предчувствій, властно захватила мысли Плавцева и его спутника. Они шли въ тишинѣ надвигавшейся ночи по безлюдной улицѣ; освѣщенныя окна низенькихъ домовъ подозрительно всматривались въ мрачную темноту; изъ-подъ калитокъ злобно брехали собаки.

Шли долго; разговоръ былъ тихій и тревожный. Вотъ, наконецъ, главная улица, веселая и живая отъ матоваго сіянія электричества и быстро снующихъ вагончиковъ трамвая. Городской садъ выпукло свѣтится разноцвѣтными лампочками иллюминаціи. Въ круглой бесѣдкѣ оркестръ играетъ попури изъ „Карменъ“. Бодрые, полные страстнаго призыва звуки придавали невзрачной мѣщанской толпѣ гуляющихъ что-то театральное, красивое и осмысленно жизненное. Плавцевъ съ Бердягинымъ прошли боковой темной аллеей. Ресторанъ — двухъэтажное деревянное зданіе, сѣрое и нескладное. На верху скрипучей лѣстницы пріятелей встрѣтилъ старикъ лакей, въ затасканномъ пиджакѣ и грязномъ фартукѣ. Онъ хмуро-вопросительно окинулъ пришельцевъ быстрымъ взглядомъ и спросилъ:

— Не съ Вакуловской ли изволите быть?

— Оттуда. А что?—отвѣтилъ немного изумленно Бердягинъ.

— Господинъ Пріютинъ въ кабинетѣ изволятъ быть. Приказали, что кто придетъ съ Вакуловской, къ нимъ вести,—замѣтилъ лакей.

Они прошли слабо освѣщеннымъ длиннымъ корридоромъ. Лакей стукнулъ въ дверь и, не дождавшись отвѣта, распахнулъ дверь. Въ комнатѣ было свѣтло и шумно. Живой говоръ быстро стихъ.

— Стоять вольно, оправиться!—дѣланно веселымъ голосомъ крикнулъ Бердягинъ.

— На Шипкѣ все спокойно... Здравствуйте!—сказалъ Пріютинъ.

Въ комнатѣ кромѣ Пріютина было еще четверо: братъ Бердягина, Бѣльцевъ—учитель исторіи въ фабричной школѣ, блѣдный, спокойный блондинъ, инженеръ Зацѣпинъ и граверъ Гермошинъ.

— Ну, разсказывайте, что у васъ есть сквернаго. Мы теперь свои горести перебираемъ,—слабо улыбнулся Пріютинъ.

Въ немъ трудно было узнать недавняго Пріютина, полнаго живой вѣры въ свои силы—такъ онъ перемѣнился нравственно и физически.

— Мы сами пришли за новостями. Впрочемъ, у Кнаббе нашли 5.000 экземпляровъ „Памятки русскаго рабочаго“,—сказалъ Бердягинъ.

— За нимъ, пожалуй, что другое похуже числится. Ну да, семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ,—махнулъ рукой Пріютинъ.

— Изъ тюрьмы отъ Редутовой вѣсти пришли... Здоровье лучше, проситъ не безпокоиться. Говоритъ, что ея арестъ на судьбѣ комитета не можетъ отразиться,—сказалъ Гермошинъ.

— Sancta simplicitas. Не можетъ отразиться, когда послѣ обыска у нея почти всѣ на казенные хлѣба переселились,—возбужденно засмѣялся Пріютинъ.

— Да, за нами слѣдятъ,—задумчиво спокойно сказалъ Бѣльцевъ.

— Нынѣче утромъ былъ я въ городѣ, зашелъ по дѣлу на купеческую пристань, вижу у конторки онъ вертится, рожа такая скверная, насмѣшливая; я все же подумалъ, что обознался, дай, думаю, провѣрю себя, пошелъ на пристань Общества—вижу другой... Мнѣ даже весело стало отъ такой заботливости—поѣхалъ на вокзалъ провѣдать третьяго... Ну, конечно, не ошибся: цѣлыхъ двое было.

— Чего медлятъ,—взволнованнымъ голосомъ замѣтилъ Зацѣпинъ.—Точно кошка съ мышью играютъ. Наконецъ, это просто глупо: за это время мы можемъ концы съ концами спрятать.

Пріютинъ страдальчески улыбнулся.

— Ничуть не глупо. У нихъ очевидно хорошіе козыри въ рукахъ—все равно не проиграютъ... А тутъ неравно кто-нибудь изъ насъ чепуху натворитъ—глядишь, они еще новаго карася подловятъ.

Пріютинъ обернулся въ сторону Бердягина и Плавцева.

— Господа!—кивнулъ Пріютинъ на большой, тѣсно заставленный винами и закусками столъ.—Пейте, мы ужъ пили, да, чортъ возьми, хмель въ голову не лѣзетъ. Мы хотимъ напиться, безобразно, грязно напиться, знаете, какъ русскій мужикъ съ горя. Товарищи, давайте пить, увѣруемте въ цѣлительную силу алкоголя!—Въ голосѣ Пріютина слышался ужасъ отчаянія.

Придвинулись къ столу. Молчаливо чокнулись и выпили, потомъ повторили разъ-другой. Пили неумѣло, ненавидя эту жгущую жидкость, но ожидая отъ нея забвенія горя и счастья надеждъ. Плавцевъ пилъ много и ничего не ѣлъ. Странное чувство начинало имъ овладѣвать: мысль отчетливо ярко работала и въ то же время все становилось какимъ-то чужимъ и загадочнымъ: комната словно раздвинулась, электрическая лампочка въ лучистомъ сіяніи хитро подмигивала, громкій голосъ Пріютина доносился точно изъ безконечнаго далека и казался незнакомымъ и противнымъ.

— Словно на поминальномъ обѣдѣ пьемъ... Нельзя такъ скучно пить. Вино должно веселить сердце и душу. Мы вѣдь не привычные пьяницы. Мы пьемъ для счастливыхъ минутъ, напивайтесь же скорѣй!—крикнулъ раздраженно Пріютинъ.

Хмель понемногу начиналъ забирать друзей въ свои трепещущія лапы. Голова у Плавцева шла кругомъ; онъ отворилъ дверь и вышелъ на балконъ. Черное небо внимательно глянуло на него своими влажными глазами, ясно мерцающими непостижимымъ сіяніемъ вѣчности. Балконъ выходилъ на набережную; зарѣчная сторона чуть теплилась длиннымъ рядомъ краснова-тыхъ огней. Пахло чистотою ночи; спящая, полная рѣка свѣжо и ровно дышала. На черномъ, неясномъ изгибѣ рѣки вдругъ выползло что-то ослѣпительно яркое и шумливое: это былъ низовой пароходъ. Вдумчивая тишина ночи успокоила Плавцева. Невеселой толпой окружили его думы. Низко нависли черныя крылья близкой бѣды... Когда, освѣженный равнодушно-нѣжнымъ прикосновеніемъ осенней ночи, Плавцевъ вернулся въ кабинетъ, тамъ уже было пьяно и неестественно оживленно.

— Ты говоришь, на фабрикѣ теперь покаяніе. Гнѣздники плачутъ, добрая половина участниковъ бойни отъ стыда сама по

себѣ взяла разсчетъ. Ерунда! Все ерунда! Это не важно. Важно то, что нѣтъ у насъ теперь вѣры. Все остальное, повторяю, ерунда. Говорю тебѣ—ерунда!—съ жаромъ, охрипшимъ голосомъ говорилъ доктору Бердягину Зацѣпинъ.

— А судебная палата съ сословными представителями развѣ ерунда?—спросилъ насмѣшливо-ласково Бѣльцевъ.

Зацѣпинъ поперхнулся водкой, багрово покраснѣлъ и яростно сталъ грозиться кулаками. Послышался пьяный, невеселый смѣхъ.

— Тебя, Миша, — обратился къ Пріютину Бѣльцевъ,—совсѣмъ въ бараній рогъ свернуло... И какъ не стыдно: не Редутову вѣдь въ сущности жалѣешь, а ея хорошенькое личико. Влюбленный эстетъ! Какъ не стыдно. Бѣды и работы полны руки, а онъ скоро элегію писать начнетъ.

Пріютинъ виновато молчалъ и какъ-то растерянно ежился...

— Вотъ смотрю я на нашу милую компанію и думаю: куда-то судьба-мачиха разнесетъ наши грѣшныя косточки?—совсѣмъ пьянымъ, коснѣющимъ языкомъ говорилъ Гермошинъ.

— Къ чорту водку и философію, отъ нихъ еще хуже!—сердито крикнулъ Зацѣпинъ.

— Тоска!—въ пьяномъ отчаяніи простоналъ инженеръ Бердягинъ.

— Пойдемъ въ заведеніе!.. Чѣмъ чортъ не шутитъ. Погубили душу, почему не погубить тѣло. Почему мы должны быть лучше фабричныхъ жениховъ,—волновался Гермошинъ.

— Къ чорту! Что за мерзость! — послышались негодующіе голоса.

— А я бы поѣхалъ. Честное слово, поѣхалъ бы. Нужно къ грязи начать привыкать,—спокойно и весело замѣтилъ Бѣльцевъ.

Въ дверь съ легкимъ, чуть слышнымъ стукомъ вошелъ старичокъ лакей; равнодушно безстрастное лицо его было холодно дѣловито.

— Сейчасъ электричество гасить будутъ. Прикажете свѣчи зажечь?—спросилъ онъ.

— Зажигай, зажигай,—сказалъ Пріютинъ.

— А я придумалъ. Честное слово—придумалъ! Будемъ пить еще! Много пить, до безчувствія. Потомъ закажемъ по телефону вагонъ трамвая и поѣдемъ махать-катать по городу, быстро, какъ вѣтеръ, мы пьяные бездомники,—въ порывѣ какой-то наивно-дѣтской радости бормоталъ инженеръ Бердягинъ.

— Была раньше барская тройка-птица, а теперь новая тройка: геніальной человѣческой мысли, рабочей силы и силы

невѣдомаго бога. Поѣдемъ на ней, на нашей новой тройкѣ, — подхватилъ предложеніе Бердягина Пріютинъ.

— Великолѣпно! Конечно! Поѣдемъ, поѣдемъ! — раздалось кругомъ.—Я пойду поговорю по телефону съ Билицкимъ,—сказалъ Бердягинъ, направляясь къ двери нетвердымъ шагомъ.

Электричество погасло; красновато-желтые языки свѣчей насмѣшливо покачивались. Темное покрывало ночи сдѣлалось ярче; звѣзды съ любопытствомъ разсматривали мрачную, большую комнату, тоскующихъ, одинокихъ людей. Бердягинъ возвратился не скоро.

— Едва упросилъ. Видно, знаетъ, что мы не особенно въ почетѣ.

Пріютинъ спросилъ еще вина. Пьянство разгоралось, пьянство отчаянія, тщетной надежды уловить хоть лучъ, хоть слабый проблескъ счастливаго забытья.

— Что за гадость, всего прожгло проклятое пойло. А мысли подлыя какъ навязались, такъ ничего съ ними не подѣлаешь, не уходятъ и баста,—наливая стаканъ перцовки, изумлялся Зацѣпинъ.

— Не уходятъ. Куда имъ уйти. Конечно, съ нами останутся, имъ у насъ хорошо, — буркнулъ окончательно пьяный Гермошинъ.

Пріютинъ обвелъ компанію отуманеннымъ, долгимъ взоромъ. Длинное пламя свѣчи дрожало въ застывшихъ глазахъ. Они словно видѣли иной міръ, прозрѣть который удостоился избранникъ. Первое слово, сказанное Пріютинымъ, интонація его голоса, тихаго и проникновеннаго, заставили всѣхъ насторожиться.

— Друзья мои. Я знаю почему намъ такъ тяжело, почему наши мысли такія холодныя и жестокія. Украдкой, тайкомъ отъ самихъ себя, мы всѣ трусливо думаемъ теперь: зачѣмъ мы вѣровали, зачѣмъ принесли въ жертву такъ много хорошаго, идейнаго, творческаго. Наконецъ, чортъ возьми, зачѣмъ каждый изъ насъ разбилъ свое личное счастье, такое мѣщанское, маленькое, но въ то же время такое теплое и уютное. Я правъ, не качайте, Плавцевъ, головой, я правъ. — Голосъ Пріютина крѣпчалъ, наливаясь силою вдохновенія. — Каюсь вамъ, товарищи, все время я хотѣлъ выше собственной головы прыгнуть: увѣрялъ, доказывалъ, умолялъ себя, что я въ состояніи не любить Редутову, но я ошибался, преступно и глупо ошибался. Но все же вы идолопоклонники, а я нѣтъ. Вы поклоняетесь удачѣ близкой, живой, почти осязаемой. Никогда я этому богу не поклонялся и всегда его презиралъ. Но я вѣрю и знаю одно:

слезы прекраснѣе тупого довольства и бодрое пораженіе желаннѣе хамской, боязливой побѣды. Мы работали смѣло и дружно, но поклонялись разнымъ богамъ.— Голосъ Пріютина оборвался.

— Ну, дружище, напустилъ же ты тумана... А ты лучше намъ скажи, по какой статьѣ насъ въ палатѣ пустятъ?—нарушилъ вдумчивое молчаніе насмѣшливый голосъ Бѣльцева.

— Честное слово, Бѣльцевъ, ужъ очень вы о нашихъ шкурахъ заботитесь,—недовольнымъ тономъ сказалъ Зацѣпинъ.

Робко и тихо началъ Плавцевъ. Его сильно мутило, голова шла кругомъ и стѣны комнаты противно мягко покачивались, вызывая слезы на глазахъ и острый стукъ въ головѣ.

— Мы не можемъ позабыть нашей вѣры; мы должны молиться нашему богу — заморенному человѣчку съ бодрою ненавистью во взорѣ. Но сейчасъ мы охвачены трусливой тоской... чего? Хорошенько мы и сами не знаемъ... Но мысль наша трезва — а тѣло пьяно. Это скверно. Я боюсь, что мы въ послѣдній разъ живемъ и дышимъ общею, живой мыслью... Я боюсь того, что̀ нензвѣстно, что̀ караулитъ насъ холодно-разсудочно, цинично и злобно. Я хочу сказать...—Плавцевъ запнулся, мысль внезапно улетѣла изъ его опьяненной, больной головы.—Я хочу сказать...—повторялъ онъ въ изумленіи,—подождите, я позабылъ... сейчасъ вспомню. Какъ это глупо, я, кажется, пьянъ...—Да, да, вспомнилъ. Нѣтъ не то. Страшно. О, какъ я боюсь, какъ я боюсь. Сильная спазма сдавила ему горло, хриплыя рыданія прорвались наружу.

Тоскливое волненіе передалось всѣмъ.

— Панихида! Ей-ей, ладаномъ запахло!—завопилъ дикимъ, пьянымъ голосомъ Гермошинъ.

— Я ненавижу мерехлюндію. Собрались обсудить наше незавидное положеніе, выяснить, что̀ и ка̀къ, а сами вмѣсто того въ дебри сентиментальной прозорливости полѣзли,—раздраженнымъ голосомъ замѣтилъ Бѣльцевъ.

— Правда твоя. Господа, поѣдемте въ заведеніе. Безобразный скандалъ, буйство, гадость невообразимую какую-нибудь учинимъ, глядишь—сразу свою политическую невинность обнаружимъ!—изступленно стуча по столу тяжелымъ кулакомъ, кричалъ Гермошинъ.

Пріютинъ налилъ стаканъ содовой и молча протянулъ ему. Онъ жадно выпилъ.

Изъ корридора послышались слабые звуки звонка. Дверь кабинета робко пріотворилась и въ ней показалась голова лакея.

— Проводникъ велѣлъ передать, что вагонъ поданъ. Ресто-

ранъ сейчасъ закрывается, — безучастнымъ голосомъ сказалъ старикъ.

Всѣмъ стало весело и свободно, что они сейчасъ уйдутъ изъ этой полутемной, непривѣтливой комнаты, съ оплывшими, мигающими свѣчами.

— Пожалуй были уши, — постукивая въ слабую, дощатую стѣнку кабинета, весело сказалъ Бѣльцевъ.

— Смотрите, я, кажется, пьянъ... Прямую линію не могу провести. Да развѣ это важно. Это глупая выдумка, что прямая наикратчайшее разстояніе между двухъ точекъ, глупая и хитрая, для добродушныхъ простаковъ, — стараясь пройти по краю широкаго ковра, пьянымъ голосомъ бормоталъ Плавцевъ.

Счетъ былъ поданъ; Пріютинъ остался расплатиться, а остальные, наполняя пьянымъ говоромъ уже заснувшій, темный ресторанъ, вывалились изъ кабинета. Холодъ поздней осенней ночи обнялъ Плавцева... Деревья плотно сдвинулись и вперили листья своихъ пристально глядящихъ верхушекъ въ бархатное небо, озаренное серебристо-туманнымъ трепетомъ далекихъ звѣздъ... Въ саду было темно и чутко-тихо. Издалека по спящему воздуху ночи приплывали звуки жизни, неясные и гармоничные. Сторожъ открылъ калитку сада; компанія вышла на соборную площадь, гдѣ ее уже поджидалъ маленькій, блещущій яркими внутренними огнями вагончикъ. Пріютинъ скоро подоспѣлъ. Всѣмъ хотѣлось кататься какъ можно дольше: поѣхать на вокзалъ, на пристань, къ водокачкѣ и уже потомъ на фабрику. Хотѣлось будить звономъ и шумомъ быстраго, юркаго вагончика черезчуръ степенную тишину города. Обиднымъ показалось, что токъ пущенъ только по фабричной линіи. Друзья стали на передней площадкѣ. Проводнику, бородатому мужчинѣ съ заспаннымъ, хмурымъ лицомъ, велѣли потушить электрическіе рожки и пустить во всю... Вагончикъ тихо вздрогнулъ и, словно подгоняемый страхомъ, ринулся въ черную пропасть ночи. Тихій, дремлющій дотолѣ вѣтерокъ вдругъ разсердился и выставилъ противъ бѣглеца свою сильную, упругую грудь. Потревоженные рельсы злобно взвизгивали и стонали въ безсильной досадѣ. Черные смутные силуэты домовъ, церквей и садовъ нестройной толпой стремительно бѣжали на встрѣчу, останавливались на секунду и затѣмъ, словно разочаровавшись, исчезали въ сонной тишинѣ ночи. Духъ захватывало отъ бѣшеной, изступленной ѣзды; становилось весело и бодро. Казалось, ничто въ мірѣ не можетъ остановить маленькой, стремительной точки, такой вольной и смѣлой.

„Мчатся юности мгновенья,
Жизнь пройдетъ какъ сладкій сонъ“—

пѣлъ Пріютинъ сочнымъ, красивымъ баритономъ, и звуки его голоса быстро подхватывалъ и уносилъ въ сторону сердитый вѣтеръ.

Гермошинъ что-то оживленно повѣствовалъ Бѣльцеву и Бердягинымъ. Зацѣпинъ, растянувшись на скамейкѣ, спалъ крѣпкимъ, безмятежнымъ сномъ. Плавцевъ смотрѣлъ на далекое, спокойное небо и ясно видѣлъ, какъ иныя добрыя звѣздочки хотятъ ему улыбнуться сквозь прозрачно-слезливое мерцанье. Испуганно вздрогнулъ пробѣжавшій мостикъ. Мракъ ночи вдругъ засвѣтился розоватою кисеею какого-то громаднаго, пылающаго костра: это была фабрика. Вотъ и слободка, такая тихая и грустная въ своемъ тяжеломъ, полномъ усталости снѣ... Вагонъ остановился, вздрагивая словно разгоряченная лошадь и снова началась бѣшено быстрая борьба съ утомленнымъ ночнымъ вѣтеркомъ. Уже на черномъ покрывалѣ ночи показалась блѣдно-голубая кайма, когда вагончикъ покинули пьяные, сумрачные люди. У воротъ фабрики слышался тихій говоръ... — „Что за люди“? — громко окликнулъ грубый голосъ. При красноватомъ свѣтѣ фонаря можно было разглядѣть лицо сторожа и двухъ маленькихъ солдатъ, съ непропорціонально большими для нихъ ружьями. Игрушечные солдатики серьезно нахмурились и только низкій поклонъ сторожа, который разсмотрѣлъ лица позднихъ гостей, усыпилъ ихъ бдительность.

— Чортъ возьми, противно возвращаться. Точно въ пекло къ чертямъ, — заплетающимся языкомъ бормоталъ Зацѣпинъ. Неожиданно быстро онъ приблизился къ солдатамъ.

— Ты думаешь, я презираю васъ?! Совсѣмъ нѣтъ, я уважаю, слышишь, я уважаю. Вы сила. Бацъ! И человѣка нѣтъ... Бацъ!— еще разъ. И нѣтъ человѣческаго порыва, мысли, мечты... О, когда мы будемъ силой...— говорилъ онъ пьянымъ, несчастнымъ голосомъ.

Солдаты изумленно пучили на него глаза.

— Коля, пойдемъ, перестань, — ласково уговаривалъ его Пріютинъ.

— Пойдемъ, миляга... Успокойся ты, ради Бога.

Пріютинъ и Бѣльцевъ подхватили Зацѣпина подъ руки и потащили. Зацѣпинъ упирался и кричалъ: „Не забудьте, что палка-то о двухъ концахъ. А теперь вы сила... я люблю силу. Это вещь, а все остальное кислосладкій вздоръ“.

— Вотъ еще бѣды недоставало,—шепнулъ Плавцеву Бѣль-

цевъ,—вѣдь все это намъ въ счетъ поставятъ... Чортъ бы побралъ горластаго дурака.

Уже въ калиткѣ воротъ до Плавцева донесся тихій діалогъ.

— Это что же—господа?

— Господа, наши доктора.

— Эхъ, господа! Туда же, господа!

— Одно слово, глаза всѣмъ отводятъ. А сѣрость обыкновенная... Господа! Туда же!—Въ голосѣ говорившаго слышалось величественное презрѣніе.

За воротами начиналась жизнь: живой шумъ плылъ по тихому, сонному воздуху, злобные, яркіе глаза ткацкаго корпуса бросали на нашихъ друзей подозрительные взгляды... До школы дошли вмѣстѣ и тамъ стали прощаться... Кто-то сказалъ: „до свиданья, завтра увидимся“,—и въ этихъ простыхъ словахъ почудилась наивная ложь, боязливый самообманъ. Пріютинъ съ Плавцевымъ остались одни.

— Мнѣ хочется поговорить немного съ вами,—сказалъ Пріютинъ, робѣя и волнуясь.—Видите ли, всѣ мы люди, и всѣ подъ Богомъ ходимъ. Мало ли что со мной можетъ сквернаго приключиться. Времена теперь настали тяжкія... Я вамъ завтра перешлю немного денегъ, кой-какія вещи—старуха Аксинья не выдастъ. Тамъ ужъ узнаете, какъ съ ними поступить.

Въ сѣрѣющемъ мракѣ предразсвѣтной ночи быстрый, пытливый взглядъ Плавцева сумѣлъ разсмотрѣть, что глаза Пріютина, глубокіе и неподвижные, ушли далеко и съ любопытствомъ всматриваются въ иной, непонятный и далекій міръ. Плавцевъ съ тревогой схватилъ Пріютина за руку.

— Я не хочу брать отъ васъ никакихъ порученій. Это страшно. Я все-жъ немного суевѣренъ, зачѣмъ накликать бѣду. Право, по вашему голосу можно думать, что завтра у васъ уже не будетъ свободы.

Пріютинъ разсмѣялся.

— Не забывайте, дорогой мой, отъ тюрьмы и сумы не отказываются. Я сильно замѣшанъ въ нашей исторіи, да и по другимъ векселямъ, я думаю, придется уплатить. Мнѣ угрожаетъ ссылка на поселеніе, это въ лучшемъ случаѣ.—Пріютинъ снялъ шляпу и провелъ рукою по лбу.—Я надорвалъ свои силы, вотъ что вѣрно, я теперь жалкая кляча, которой грошъ цѣна и лучшее мѣсто—живодерня.

— Вы клевещете на себя, Михаилъ Андреевичъ. Развѣ вы не можете любить трудъ ради труда, а не людей; развѣ не мо-

жете любить жизнь ради жизни, — голосомъ, полнымъ доброй правды заговорилъ Плавцевъ.

— Можетъ быть, вы правы, — равнодушно зѣвая, сказалъ Пріютинъ,—но мнѣ не до споровъ: спать хочу адски.

Они уже стояли у подъѣзда Пріютинскаго домика. Небо посвѣтлѣло и на немъ появились рваныя, сизыя облака. Чирикали бодрые воробьи, довольные, что имъ никто не мѣшаетъ... И вдругъ мозгъ Плавцева пронизала яркая, жгучая мысль, полная страшнаго предвидѣнья. Онъ уходитъ навѣки, равнодушно-усталый и печальный.

— Михаилъ Андреевичъ, неужели возможно...—спазма перехватила Плавцеву горло, онъ не могъ договорить и трусливо гналъ ужасную, противную мысль.

— Не ребячьтесь, дорогой мой, чего добраго мы еще плакать начнемъ. Это необходимо, поймите, — спокойно замѣтилъ Пріютинъ и вдругъ заговорилъ хорошимъ, ласковымъ голосомъ.— Да вы новый человѣкъ, вы не разочаруетесь никогда въ голубомъ небѣ и не найдете его мерзостью, вы не залетите въ облака, но зато и не шлепнетесь глупо и больно въ грязную лужу; вы человѣкъ влюбленный въ жизнь, человѣкъ еще не создавшій себѣ бога, словомъ, вы новый работникъ, новой смѣны. Ну, однако, прощайте... довольно. Такъ исполните же порученіе и не называйте его, чтобы не было страшно, завѣщаніемъ, а назовите хоть канитферштанъ.

Плавцеву хотѣлось плакать, бѣжать за Пріютинымъ, спасать человѣческую жизнь; но проклятая мысль, что никакая сила не вырветъ этого человѣка изъ цѣпкихъ лапъ довольной вѣдуньи, леденила сердце безнадежностью. Когда Плавцевъ пришелъ къ себѣ, сѣрые призраки разсвѣта печально бродили по комнатѣ. Въ глубинѣ его души неожиданно воскресало вдругъ какое-то старое, исчезнувшее чувство. Ему хотѣлось молиться и вспышкой вѣры сотворить великое чудо: спасти человѣка для жизни, такой прекрасной, свѣтлой и бодрой. Въ комнатѣ не было образа. Плавцевъ сталъ на колѣни передъ окномъ, гдѣ въ неясныхъ обликахъ чудился ликъ Бога-дня. Коснѣющимъ, пьянымъ языкомъ шепталъ Плавцевъ обрывки молитвъ, случайно сохраненные памятью отъ дѣтскихъ лѣтъ. И въ этомъ полубредовомъ лепетѣ была великая надежда на побѣду вѣчной правды. Плавцевъ легъ въ постель; она обожгла его усталое тѣло своей холодной чистотой. Онъ думалъ о томъ, какъ мертвецы печальны и одиноки. Сонъ убѣгалъ отъ его воспаленныхъ глазъ, голову кружила мощная волна, болѣзненно укачивавшая все его разбитое, усталое тѣло.

Плавцевъ хочетъ открыть глаза, но какая-то непонятная робость сковываетъ ему вѣки. Однако, сквозь красноватую темноту закрытыхъ глазъ онъ видитъ, что сѣрыя, холодныя стѣны комнаты ушли въ туманную даль, откуда надвигается какая-то страшная безформенная глыба; она приближается убійственно ровно и спокойно. Плавцевъ ясно видитъ, что эта глыба оказывается громадной пирамидой, живой и странно знакомой... Скованные глаза Плавцева видятъ непонятно знакомыя лица, безкровныя, блѣдныя, изсохшія тѣла, плотно и ровно прижавшіяся другъ къ другу, точно сардинки въ коробкѣ. Въ комнату кто-то входитъ. „Какъ обидно, что я позабылъ запереть дверь,—думаетъ Плавцевъ. — Да это Пріютинъ, но какой онъ странный — маленькій, юркій, молчаливо-насмѣшливый". Плавцевъ хочетъ бѣжать, но кошмаръ страшною тяжестью давитъ его безпомощное тѣло, оставляя на свободѣ весь ужасъ безумія мысли. Пріютинъ юрко бѣгаетъ кругомъ отвратительной пирамиды, онъ умоляетъ Плавцева слѣдовать за нимъ; лицо его противно и жалко улыбается... Юркій пришлецъ хочетъ что-то сдѣлать съ этой живой и чуткой, полной открытыхъ, изумленныхъ глазъ, пирамидой. А? Что это? Въ рукахъ у него что-то блестящее, острое... Онъ крошитъ эти сухія, плоскія тѣла; видны розовыя, одинокія капли крови; тѣла быстро обращаются въ труху, и черная бездна, мрачный, загадочный корридоръ образуется среди безстрастныхъ, искрошенныхъ тѣлъ. Теперь Плавцевъ понимаетъ все: тамъ внутри разгадка мучительной тайны, скорѣй ее всѣми силами наружу... О, проклятое безсиліе! Почему онъ не можетъ придти на помощь. Но что это? Пріютина уже нѣтъ, онъ исчезаетъ быстро-трусливо, словно мышь при звукахъ близкихъ шаговъ. Вырытая имъ черная бездна, точно могила, отвратительна и загадочна; оттуда идетъ страшное, невѣдомое чудовище. Сердце перестаетъ биться; это смерть, но мысль еще сторожитъ и хочетъ бороться. Чудовище рыдаетъ и хохочетъ, смѣхъ и слезы его полны жизни и крови. Крикъ наливается, крѣпнетъ и торжествуетъ. Кошмарный бредъ внезапно выпускаетъ изъ цѣпкихъ объятій свою жертву... Комната полна свѣтлыхъ, радостныхъ красокъ. Весь въ холодномъ поту, Плавцевъ однимъ порывомъ бросился къ окну и распахнулъ его. За окномъ голубое, высокое небо; румяные отблески неразгорѣвшагося солнца, дружное чириканье веселыхъ воробьевъ и вкрадчивая воркотня голубей. Свѣжесть ранняго утра омыла воспаленное лицо Плавцева. Онъ внимательно слушалъ, упиваясь звуками жизни, призывный голосъ мощнаго фабричнаго гудка, такого властнаго и

спокойнаго. Еще во власти неотлетѣвшихъ сновъ, длинными, торопливыми вереницами, молчаливая и хмурая, шла первая смѣна. Въ прозрачной кисеѣ сизаго тумана наливался свѣтлыми красками бодрый, радостный день.

С. Холщевниковъ.

ИЗЪ Л. МАРСОЛЛО

Обманываетъ мужъ, и лжетъ жена;
Ребенокъ передъ ними лицемѣритъ;
Владѣлецъ лютъ, рабу никто не вѣритъ;
Скотина въ вѣчный страхъ погружена.

Цвѣты бываютъ часто ядовиты;
Съ земли поднятый камень на смерть бьетъ;
Въ кровь раздираетъ коготь, зубъ грызетъ;
Въ прохладномъ вѣтеркѣ недуги скрыты.

Все на землѣ одно другого злѣй,
И злѣйшее грозитъ повсюду злому:
Но что до злобы утру золотому?
И вечеру багряному что въ ней?

Вл. Лихачовъ.

ВЛІЯНІЕ
СОСТАВА ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ
НА
РЕЗУЛЬТАТЫ ЗЕМСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

I.

При обсужденіи разныхъ сторонъ предстоящей земской реформы возникаютъ самые ожесточенные споры вокругъ вопроса о составѣ земскихъ собраній.

Одни говорятъ, что земство тогда только поднимется до уровня стоящихъ предъ нимъ задачъ, когда къ избранію его распорядительныхъ органовъ будетъ привлечено населеніе въ лицѣ всѣхъ правоспособныхъ его членовъ. Другіе соглашаются допустить къ избранію земскихъ гласныхъ только собственниковъ, отдавая предпочтеніе болѣе крупнымъ изъ нихъ. Третьи полагаютъ, что и среди послѣднихъ не всѣ одинаково цѣнны и желательны въ качествѣ земскихъ работниковъ и что земское дѣло должно оставаться въ рукахъ сословія „наиболѣе культурнаго и просвѣщеннаго, издавна привыкшаго заниматься общественной дѣятельностью“,—т.-е. въ рукахъ дворянъ.

И нужно сознаться, что сторонниками классоваго и сословнаго земства руководитъ въ данномъ случаѣ не одно только стремленіе приберечь для себя львиную долю вліянія на ходъ общественной жизни, вмѣстѣ съ вытекающими отсюда матеріальными выгодами. Многіе изъ нихъ совершенно искренно убѣждены въ томъ, что за привлеченіемъ къ земскимъ выборамъ

широкихъ народныхъ массъ неизбѣжно послѣдуетъ пониженіе образовательнаго уровня органовъ земства, а затѣмъ—и общее ухудшеніе его дѣятельности. Разныя теоретическія соображенія о вредѣ классовыхъ выборовъ и ссылки на примѣры демократическихъ общественныхъ учрежденій въ другихъ государствахъ—для нихъ не убѣдительны. Черпая свои доводы изъ исторіи русскаго земства, они находятъ здѣсь достаточно прочную, по ихъ мнѣнію, точку опоры. Они отмѣчаютъ, напримѣръ, что земство 1864-го года и даже узко-сословное земство 1890-го года всегда стремилось къ удовлетворенію насущнѣйшихъ нуждъ большинства населенія и что представители крупнаго землевладѣнія и дворянства, располагающіе въ земствѣ значительнымъ большинствомъ, умѣли жертвовать своими классовыми и сословными интересами ради общей пользы. Они могли бы прибавить, что реформа 1890-го года, сузившая контингентъ избирателей земскихъ гласныхъ и выдвинувшая на первый планъ дворянъ, не только не придавила земской дѣятельности, а, напротивъ, сопровождалась особенно широкимъ развитіемъ ея. Дворянское земство повысило земскій бюджетъ съ 35 милл. въ 1889-мъ году до 101 милл. въ 1902 г., расходуя изъ этой суммы около 24% на народное образованіе и около 34% на народную медицину, т.-е. дѣйствительно на важнѣйшія нужды большинства населенія. Съ 1877 г. по 1890 г. старое, безсословное земство повысило свой бюджетъ едва въ полтора раза, тогда какъ дворянское земство за такой же тринадцатилѣтній промежутокъ времени, съ 1890 по 1903 г., увеличило бюджетъ въ три раза! [1]).

Отсюда ясно, насколько важное общественное значеніе пріобрѣтаетъ рѣшеніе вопроса о вліяніи состава земскихъ собраній на результаты земской дѣятельности,—рѣшеніе, основанное не на единичныхъ примѣрахъ или случайно выхваченныхъ фактахъ, а на внимательномъ изслѣдованіи одной или нѣсколькихъ характерныхъ сторонъ дѣятельности *всѣхъ* земскихъ собраній земской Россіи.

Достиженіе этой цѣли было бы чрезвычайно трудно или даже невозможно, еслибы составъ земскихъ собраній былъ всюду однороденъ. Законъ 1890 года позаботился объ устраненіи этого препятствія: установленный имъ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній весьма разнообразенъ, что и позволяетъ намъ, соединяя

---

[1]) Взято изъ таблицы на стр. 26 у Б. Веселовскаго, „Исторія земства“, Спб. 1909 г.

близкія по составу земства въ особыя группы и изучая дѣятельность этихъ послѣднихъ, подойти къ рѣшенію поставленной выше задачи.

II.

По положенію 1890 г. (ст. 14 и слѣд.), уѣздныя земскія собранія избираются тремя куріями: *дворянами* (1-ое избирательное собраніе), *разночинцами* (2-ое избирательное собраніе) и *сельскими обществами* (черезъ посредство волостныхъ сходовъ). Изъ этого общаго правила выдѣляется нѣсколько исключеній. Въ семи уѣздахъ *Вологодской* губерніи и во всѣхъ уѣздахъ губерній *Вятской*, *Олонецкой* и *Пермской* дворянская курія отсутствуетъ, такъ что здѣсь уѣздныя земскія собранія составляются изъ гласныхъ только двухъ категорій—*всесословной и крестьянской*,—за исключеніемъ *Вельскаго* и *Яренскаго* уѣздовъ, земскія собранія которыхъ составлены изъ однихъ крестьянъ. А въ *Козьмодемьянскомъ* и *Ядринскомъ* уѣздахъ Казанской губерніи отсутствуетъ курія разночинцевъ.

Въ общемъ, во всѣхъ 359-ти уѣздныхъ собраніяхъ числится гласныхъ: *дворянъ* 4.777 или 52,8% всего числа, *крестьянъ* 2.832 или 31,3%, *разночинцевъ* 1.144 или 12,7% и *всесословныхъ* 288 или 3,2%.

Это—цифры среднія.

Если же мы станемъ разсматривать каждое уѣздное земское собраніе особо, то замѣтимъ большое разнообразіе въ соотношеніи между гласными упомянутыхъ выше курій. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, какъ мы уже видѣли, гласныхъ *дворянъ* нѣтъ вовсе; въ другихъ ихъ менѣе 50%; зато въ 102 уѣздахъ они занимаютъ 60% и большее число мѣстъ.

Крестьяне, имѣя численное превосходство въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—преимущественно въ тѣхъ, гдѣ отсутствуютъ дворяне,—составляютъ, въ большинствѣ случаевъ, менѣе трети всего числа гласныхъ, а иногда—только одну четверть.

Колебаніе числа гласныхъ *разночинцевъ* также значительно; однако ни въ одномъ уѣздѣ оно не превышаетъ 25% состава собранія.

Изъ немногихъ приведенныхъ выше данныхъ можно уже заключить, что составъ каждаго изъ уѣздныхъ земскихъ собраній довольно полно характеризуется одной только цифрой: процентомъ гласныхъ-дворянъ, число которыхъ увеличивается или уменьшается за счетъ суммы гласныхъ разночинцевъ и кре-

стьянъ — представляющихъ, во всякомъ случаѣ, болѣе широкіе, по сравненію съ дворянами, круги населенія.

Опредѣливъ процентъ гласныхъ дворянъ въ каждомъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній, распредѣливъ всѣ уѣзды въ одинъ рядъ въ порядкѣ возрастанія этого процента и раздѣливъ этотъ рядъ на четыре части, мы получимъ четыре группы земствъ, разница въ составѣ которыхъ должна отразиться и на равнодѣйствующей ихъ дѣятельности,—если, конечно, вообще существуетъ какая-либо связь между составомъ и дѣятельностью. Вотъ эти четыре группы [1]).

Первая группа съ % гласн. двор. . .	0,0—53,1	83	уѣзда.
Вторая „ „ „ „ „ . .	53,3—56,7	86	„
Третья „ „ „ „ „ . .	57,1—59,5	88	„
Четвертая „ „ „ „ „ . .	60,0—66,7	102	„

Какъ видимъ, разница между группами по величинѣ процента гласныхъ-дворянъ не особенно велика—всего два-три процента. Но, принимая во вниманіе, что абсолютная величина этого процента находится во всѣхъ нашихъ группахъ въ сосѣдствѣ съ пятьюдесятью, т.-е. недалеко отъ половины — и что вопросы въ собраніяхъ рѣшаются обыкновенно простымъ большинствомъ голосовъ, мы должны признать, что разница даже въ $1^0/_0$ имѣла бы существенное значеніе, потому что она могла бы создать большинство.

Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ нѣтъ курій. Губернскіе гласные избираются уѣздными земскими собраніями, причемъ эти послѣднія не стѣснены никакими ограничительными правилами. *Формально* составъ всѣхъ губернскихъ земскихъ собраній считается однороднымъ. Въ дѣйствительности же такой однородности нѣтъ, потому что составъ избираемыхъ всегда зависитъ отъ состава избирателей, т.-е. отъ состава уѣздныхъ земскихъ собраній. Поэтому, говоря о составѣ губернскаго земскаго собранія данной губерніи, мы будемъ имѣть въ виду процентъ гласныхъ дворянъ во *всѣхъ* уѣздахъ этой губерніи.

Сдѣлавъ необходимые подсчеты и распредѣливъ губерніи въ порядкѣ возрастанія числа гласныхъ дворянъ, подобно тому, какъ это мы дѣлали съ уѣздными земскими собраніями, увидимъ, что на одномъ концѣ стоятъ губерніи, гдѣ нѣтъ гласныхъ дворянъ—

[1]) Принятая группировка логически вытекаетъ изъ свойствъ ряда, въ которомъ расположены земства по составу. Недостатокъ мѣста не позволяетъ привести здѣсь этотъ рядъ.

Олонецкая, *Пермская*, *Вятская*, или гдѣ ихъ менѣе половины: *Вологодская*—24,9%, *Казанская*—45,2%; на другомъ концѣ наиболѣе обильныя дворянами губерніи: *Тульская*—59,6%, *Курская*—59,8%, *Харьковская*—60,2%.

Раздѣлимъ, наконецъ, расположенныя такимъ образомъ губерніи также на четыре группы. Въ *первую* группу войдутъ восемь губерній съ % гласныхъ дворянъ 0,0—54,0 (Олонецкая, Пермская, Вятская, Вологодская, Казанская, Новгородская, Костромская, Владимірская); во *вторую*—восемь губерній съ % гласныхъ дворянъ 54,1—56,1 (Таврическая, С.-Петербургская, Ярославская, Саратовская, Херсонская, Уфимская, Бессарабская, Московская); въ *третью*—девять губерній, съ % гласныхъ дворянъ 56,2—58,6 (Самарская, Екатеринославская, Смоленская, Калужская, Нижегородская, Тамбовская, Рязанская, Тверская, Псковская); въ *четвертую*—девять губерній съ % гласныхъ дворянъ 58,6—60,2 (Воронежская, Симбирская, Орловская, Черниговская, Пензенская, Полтавская, Тульская, Курская, Харьковская).

III.

Приступая къ изученію дѣятельности земствъ по принятымъ нами группамъ, мы остановимъ вниманіе преимущественно на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, потому что число ихъ (болѣе 80 въ группѣ) позволяетъ разсчитывать на полученіе болѣе или менѣе надежныхъ среднихъ данныхъ, и потому еще, что изучаемый нами сословный признакъ проявляется здѣсь *непосредственно*, въ видѣ извѣстнаго числа гласныхъ дворянъ, избираемыхъ дворянской куріей.

Изъ проявленій земской дѣятельности мы остановимся, главнымъ образомъ, на расходномъ земскомъ бюджетѣ, такъ какъ здѣсь особенности земствъ отражаются наиболѣе рельефно,—и, что особенно важно, измѣряя дѣятельность земства цифрами расходовъ, отнесенныхъ на *душу* населенія, мы имѣемъ дѣло съ точными единицами, одинаково приложимыми ко *всѣмъ* земскимъ собраніямъ.

Итакъ, вычислимъ сначала, сколько расходуетъ по разсчету на одного жителя, въ среднемъ, каждая изъ установленныхъ выше группъ уѣздныхъ земствъ. Абсолютныя цифры расходовъ беремъ изъ сводокъ земскихъ бюджетовъ статистическаго отдѣленія департамента окладныхъ сборовъ министерства финан-

совъ [1]), число жителей—изъ матеріаловъ переписи 1897-го года. Хотя опредѣленіе расходовъ и числа жителей отнесено къ разнымъ годамъ, но для нашей цѣли важно не столько точное выраженіе въ цифрахъ расходовъ на душу, сколько возможно близкое къ дѣйствительности соотношеніе между расходами. Населеніе гг. *Одессы*, *С.-Петербурга* и *Москвы* мы исключаемъ изъ соотвѣтственныхъ уѣздовъ, такъ какъ названные города выдѣлены въ самостоятельныя, независимыя отъ уѣздныхъ земствъ единицы.

Въ результатѣ сдѣланныхъ нами вычисленій получаемъ слѣдующія цифры:

Первая	гр.	83	уѣзда	съ	%	двор.	0—53,1	расх.	на	душу	132,3	коп.
Вторая	„	86	„	„	„	„	53,3—56,7	„	„	„	107,7	„
Третья	„	86	„	„	„	„	57,1—59,5	„	„	„	96,8	„
Четвертая	„	102	„	„	„	„	60,0—66,7	„	„	„	93,0	„

Найденныя четыре цифры вскрываютъ фактъ огромной важности: *вмѣстѣ съ ростомъ числа гласныхъ дворянъ расходы уѣздныхъ земствъ, по разсчету на душу, правильно, безъ скачковъ и довольно замѣтно понижаются.* Одного этого факта было бы достаточно для осужденія сословно-дворянскаго представительства, еслибы было доказано, что отмѣченное уменьшеніе расходовъ, а слѣдовательно и общее пониженіе земской дѣятельности, находится въ зависимости отъ роста дворянскаго элемента въ земствѣ, а не отъ другихъ какихъ-либо причинъ, измѣняющихся параллельно и одновременно съ измѣненіемъ числа гласныхъ-дворянъ.

Однакоже, это нужно еще доказать.

Всего естественнѣе, повидимому, искать объясненіе приведеннаго выше факта въ причинахъ экономическихъ. Можно предположить, что благосостояніе населенія падаетъ параллельно съ ростомъ числа гласныхъ дворянъ, и уменьшеніе земскихъ расходовъ обусловливается не измѣненіемъ въ составѣ земскихъ собраній, а суровой экономической необходимостью.

Замѣтимъ, однако, что большій или меньшій подъемъ экономическаго благосостоянія населенія, достаточно объясняя ростъ или паденіе земскихъ расходовъ, совершенно не годится для объясненія особенностей въ *конструкціи* расходнаго бюджета. Мы охотно могли бы допустить, что первая группа земствъ расходуетъ *больше* второй, потому что она *богаче*; но мы не въ силахъ были бы объяснить, при помощи этого факта, почему

[1]) Доходы и расходы земствъ 34 губ. по смѣтамъ на 1902 годъ. Спб., 1907 г.

она, въ то же время, *лучше*, цѣлесообразнѣе распредѣляетъ свой бюджетъ. Даже болѣе: мы имѣли бы право думать, что распредѣленіе расходовъ зависитъ преимущественно отъ особенностей личнаго состава земствъ, а не отъ размѣровъ благосостоянія населенія.

Вотъ почему, прежде чѣмъ приступить къ опредѣленію роли экономическаго фактора въ ростѣ или паденіи земскихъ бюджетовъ, займемся изученіемъ состава этихъ послѣднихъ.

IV.

Всѣ земскіе расходы распредѣляются по тринадцати параграфамъ смѣты, изъ которыхъ девять первыхъ обнимаютъ расходы по удовлетворенію опредѣленныхъ реальныхъ нуждъ (земское управленіе, почта, народное образованіе, медицина и проч.), а четыре послѣдніе—расходы главнымъ образомъ оборотнаго характера (уплата долговъ, отчисленіе на образованіе капиталовъ).

Разложивъ расходы каждой изъ четырехъ группъ по этимъ двумъ крупнымъ категоріямъ, констатируемъ, что первый родъ расходовъ правильно понижается вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа гласныхъ дворянъ:

120.1 коп.; 94,6 коп.; 83,4 коп.; 80,1 коп.

Второй родъ расходовъ, названныхъ нами *оборотными*, напротивъ, повышается:

12,2 коп.; 13,1 коп.; 13,4 коп.; 12,9 коп.

Исключеніемъ является здѣсь только четвертая группа, но это мало мѣняетъ общій характеръ и значеніе приведенныхъ цифръ. Правда, въ эти расходы, какъ только-что упоминалось, включены еще такъ называемые „разные“ расходы (2,6 коп., 1,9 коп., 1,9 коп., 2,4 коп.), которые могутъ быть полны реальнаго содержанія. Однакоже, еслибы ихъ и вычесть изъ ряда оборотныхъ расходовъ, то въ соотношеніи приведенныхъ выше цифръ ничто бы не измѣнилось.

Изображая тѣ же расходы въ процентныхъ отношеніяхъ, замѣчаемъ, что не только абсолютная, но и относительная величина первыхъ расходовъ понижается, а вторыхъ — повышается:

Расходы реальнаго значенія . . . 90,8%; 87,8%; 86,0%; 86,1%;
„ оборотные . . . . 9,2%; 12,2%; 14,0%; 13,9%.

Такимъ образомъ, съ увеличеніемъ числа гласныхъ-дворянъ не только понижается *абсолютная* величина общей суммы расходовъ, по разсчету на душу, но уменьшается также *относительная* величина той части ихъ, которая предусматриваетъ удовлетвореніе реальныхъ потребностей населенія.

Разлагая эти послѣдніе расходы на ихъ составныя части, убѣждаемся, что абсолютная величина каждой изъ нихъ, подобно всей совокупности расходовъ, также, за однимъ лишь исключеніемъ, понижается.

Пути сообщенія. . . .	7,9 коп.;	5,8 коп.;	5,3 коп.;	6,6 коп.
Земское управленіе . .	11,4 „	11,0 „	10,2 „	9,2 „
Народное образованіе .	36,7 „	25,2 „	21,8 „	20,0 „
Народная медицина . .	43,2 „	36,4 „	32,8 „	31,2 „

Здѣсь выдѣляются расходы по народному образованію, паденіе которыхъ особенно стремительно: съ 36,7 коп. на душу въ первой группѣ они спускаются до 20 коп. въ четвертой. Если выразить эти расходы въ процентахъ ко всему бюджету, то замѣтимъ, что и относительная величина ихъ также понижается, довольно рѣзко и совершенно правильно:

27,7%; 23,3%; 22,5%; 21,5%.

На этомъ фактѣ стоитъ остановиться. Говорятъ иногда, что экономія въ расходахъ по земскому управленію—черта хорошая, а слѣдовательно и желательная. Упрекаютъ иногда земцевъ въ увлеченіи дорогами. Указываютъ, что огромное большинство земствъ слишкомъ ужъ обременяетъ бюджетъ затратами на медицину, составляющими цѣлую треть всѣхъ расходовъ (32,7%; 33,8%; 33,9%; 33,5%), въ ущербъ прочимъ потребностямъ населенія. Но о первостепенной важности народнаго образованія не спорятъ. Теперь считается уже общепризнанной истиной, что всякая мѣра, направленная къ улучшенію матеріальнаго положенія населенія, къ облегченію его физическихъ и моральныхъ страданій, трудно достигаетъ цѣли, когда ее приходится проводить въ средѣ малограмотныхъ, невѣжественныхъ людей. Вотъ эту-то мысль полнѣе восприняли и лучше провели въ жизнь земства болѣе свободныя отъ опеки дворянъ. Первая, самая демократическая группа земствъ расходуетъ изъ своего сравнительно большого бюджета (132,3 коп. на душу) 27,7% на народное образованіе, т.-е. болѣе четверти всѣхъ средствъ. Послѣдняя же, наиболѣе дворянская группа, изъ своего маленькаго бюджета (93,0 коп.) расходуетъ для той же цѣли 21,5%, или около

одной пятой! Стремленіе къ борьбѣ съ невѣжествомъ замѣтно понижается среди земствъ одновременно съ увеличеніемъ числа гласныхъ дворянъ.

Укажемъ еще на двѣ-три характерныхъ черты изъ конструкціи земскихъ бюджетовъ.

Относительныя величины расходовъ на медицину во всѣхъ четырехъ группахъ весьма близки другъ къ другу, но все же онѣ составляютъ *повышающійся* рядъ:

32,7%; 33,8%; 33,9%; 33,5%.

Но если мы выдѣлимъ отсюда расходы по содержанію *сельскихъ* лечебницъ и амбулаторій, то замѣтимъ, что эти расходы складываются уже въ *понижающійся* рядъ:

4,6%; 4,9%; 4,8%; 3,8%;

Чѣмъ больше дворянъ въ земствѣ, тѣмъ хуже обезпечиваются сельскіе жители стаціонарной медицинской помощью.

Въ размѣрѣ расходовъ по земскому управленію замѣчается по группамъ нѣкоторое повышеніе, хотя и не вполнѣ правильное.

8,6%; 10,2%; 10,4%; 9,4%.

Выходитъ, что съ увеличеніемъ числа гласныхъ дворянъ земства удѣляютъ все бо́льшую часть своихъ средствъ на расходы по техникѣ управленія, т.-е. на нужды хотя и неизбѣжныя, но не относящіяся къ числу *непосредственно* важныхъ для населенія.

Впрочемъ, ни въ осужденіе, ни въ заслугу земствамъ одинъ голый фактъ увеличенія расходовъ по управленію поставить нельзя, потому что самый фактъ находится въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, могущихъ вліять на измѣненіе даннаго признака въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ составъ земскихъ собраній: величина уѣзда, его населенность, мѣстоположеніе уѣзднаго центра, индивидуальныя особенности земскаго хозяйства, абсолютная величина бюджета и т. п.—все это можетъ оказывать весьма сильное вліяніе на уменьшеніе или увеличеніе цифры расходовъ по управленію.

Попытаемся, однако, вскрыть нѣкоторые детали разсматриваемаго расхода. Онъ складывается изъ двухъ, различныхъ по значенію въ земскомъ хозяйствѣ частей: съ одной стороны—содержаніе предсѣдателя и членовъ земскихъ управъ, съ другой—содержаніе канцелярій, земскихъ статистиковъ, агрономовъ, школьныхъ бюро, словомъ—всѣхъ исполнительныхъ органовъ земства,

кромѣ вышеупомянутыхъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Разложимъ расходы на земское управленіе по этимъ двумъ категоріямъ:

Предсѣдат. и члены земск. упр. . .	2,8%;	3,4%;	3,7%;	3,7%
Канцеляріи и проч.	5,8%;	6,8%;	6,7%;	6,2%

Въ то время какъ второй рядъ, изображающій относительныя величины расходовъ на канцеляріи и проч., нельзя назвать ни повышающимся, ни понижающимся [1],—первый рядъ, т.-е. расходы по содержанію предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ, является уже замѣтно повышающимся. Слѣдовательно, по мѣрѣ увеличенія числа гласныхъ-дворянъ среди земствъ замѣчается все болѣе и болѣе выраженное стремленіе увеличивать содержаніе выборнымъ должностнымъ лицамъ, за счетъ другихъ расходовъ, несомнѣнно болѣе важныхъ.

Наконецъ—еще одна характерная черта.

Мы видѣли уже, что абсолютная величина земскихъ расходовъ, отнесенныхъ на душу, по четыремъ важнѣйшимъ отраслямъ земскаго хозяйства, понижается вмѣстѣ съ ростомъ числа гласныхъ дворянъ, относительныя же величины иногда понижаются (народное образованіе), иногда повышаются (медицина). Такое же явленіе мы могли бы констатировать и по отношенію *всѣхъ* остальныхъ отраслей земскаго хозяйства, за исключеніемъ, впрочемъ, одного только расхода—расхода по уплатѣ земскихъ долговъ, который рѣзко повышается отъ группы къ группѣ (за исключеніемъ только четвертой группы) и по абсолютной и по относительной своей величинѣ:

Упл. долг. въ коп. на душу.	3,0;	5,6;	6,3;	5,3
Упл. долг. въ % по всему бюдж. . . .	2,2;	5,2;	6,5;	5,7

По мѣрѣ увеличенія вліянія дворянъ на ходъ земскихъ дѣлъ, земства все съ меньшей охотой прибѣгаютъ къ самообложенію, предпочитая компенсировать недостатокъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ, заключеніемъ займовъ. Это—одно изъ самыхъ вѣроятныхъ объясненій приведенныхъ выше цифръ.

Такимъ образомъ, сдѣланный нами поверхностный обзоръ состава земскихъ бюджетовъ показалъ, что, по мѣрѣ увели-

---

[1]) Начиная со второй до четвертой группы включительно расходы правильно *понижаются*, но сумма расходовъ двухъ первыхъ группъ *меньше* суммы расходовъ двухъ послѣднихъ.

ченія числа гласныхъ дворянъ въ земскихъ собраніяхъ, не только понижается абсолютная величина земскихъ расходовъ, но и распредѣленіе ихъ становится все менѣе раціональнымъ.

V.

Приступая къ выясненію роли экономическихъ причинъ въ измѣненіи величины земскихъ бюджетовъ, условимся сначала, какой или какіе признаки могутъ служить мѣриломъ благосостоянія населенія. Въ этомъ отношеніи мы можемъ извлечь весьма полезныя указанія изъ цифръ *доходнаго* бюджета земствъ.

Вычисливъ, особо по каждой изъ группъ, слагаемыя доходнаго бюджета и выразивъ ихъ въ процентахъ, мы сразу же убѣждаемся, что главнымъ источникомъ земскихъ доходовъ во всѣхъ четырехъ группахъ является налогъ съ земли:

61,3%; 54,1%; 55,9%; 56,0%

Земля даетъ земству болѣе половины всѣхъ его доходовъ, при чемъ всѣ группы земствъ весьма сходны въ этомъ отношеніи другъ съ другомъ.

Всѣ остальные источники доходовъ имѣютъ для земства второстепенное значеніе. Такъ, налогъ съ фабрикъ и заводовъ приноситъ то нѣсколько болѣе, то нѣсколько менѣе 10 процентовъ:

14,0%; 13,1%; 10,6%; 8,0%

Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ—около 5% и меньше:

4,3%; 5,2%; 5,0%; 2,7%

Еще меньше приноситъ обложеніе документовъ на право торговли:

3,6%; 4,6%; 4,3%; 3,5%

Другіе источники доходовъ играютъ въ земскомъ бюджетѣ еще менѣе замѣтную роль.

Въ виду исключительнаго положенія, занимаемаго землей среди предметовъ обложенія, мы въ правѣ допустить, что именно земля можетъ служить мѣриломъ благосостоянія населенія. Степень обезпеченія землей является той причиной, отъ которой зависятъ колебанія въ размѣрѣ земскихъ бюджетовъ.

И дѣйствительно, вычисливъ среднее число десятинъ на душу

по каждой изъ четырехъ группъ земствъ, получимъ слѣдующія характерныя цифры:

На душу приходится. . .	9,6 дес.;	3,1 дес.;	2,6 дес.;	2,3 дес.

Съ увеличеніемъ числа дворянъ въ земствѣ земельное обезпеченіе населенія рѣзко понижается.

Такимъ образомъ, мы нашли признакъ, который, измѣняясь одновременно съ измѣненіемъ числа гласныхъ дворянъ, можетъ оказаться причиной отмѣченнаго раньше правильнаго пониженія, отъ группы къ группѣ, величины земскихъ расходовъ.

Изслѣдуемъ, однако, внимательнѣе значеніе этого признака.

До сихъ поръ мы все время оперировали съ группами земствъ, расположенныхъ по числу гласныхъ-дворянъ. Теперь же раздѣлимъ всѣ земства также на четыре группы, но уже по размѣру обезпеченія населенія землей:

Группы.	80 уѣзд.;	85 уѣзд.;	98 уѣзд.;	96 уѣзд.
Въ средн. земли на душу . . .	11,4 дес.;	3,0 дес.;	2,2 дес.;	1,6 дес.

Посмотримъ, какъ измѣняются по этимъ новымъ группамъ два характерные признака земскихъ бюджетовъ—размѣръ *всѣхъ* расходовъ, отнесенныхъ на душу, и размѣръ расходовъ по *народному образованію*, также по разсчету на душу:

Всѣ расходы.	134,1 коп.;	108,3 коп.;	92,4 коп.;	95,6 коп.
Расходы по народн. образ. . .	32,7 коп.	26,1 коп.	20,9 коп.	24,1 коп.

И тѣ и другіе расходы, какъ и въ группахъ *по составу*, рѣзко понижаются; но правильность и послѣдовательность въ пониженіи теперь уже отсутствуетъ,—что какъ будто бы указываетъ на бо́льшую силу вліянія *состава* по сравненію съ вліяніемъ *земли*. Однако разница невелика, и новыя цифры, не разъясняя вопроса, скорѣе подтверждаютъ ту мысль, что уменьшеніе расходовъ земства зависитъ не отъ состава земскихъ собраній, а отъ могучаго экономическаго фактора—размѣра обезпеченія землей, или, по крайней мѣрѣ, отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ причинъ.

Имѣя въ виду, что насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ вліяніе *состава* земскихъ собраній на измѣненія въ земскихъ бюджетахъ, попытаемся найти такую комбинацію условій, при которой разница въ *составѣ* выступила бы особенно ярко, а разница въ *земельномъ обезпеченіи* по возможности сгладилась. Съ этой цѣлью раздѣлимъ каждую изъ приведенныхъ выше че-

тырехъ группъ уѣздовъ *по землѣ* [1]) на двѣ подгруппы такъ, чтобы въ первую подгруппу вошли уѣзды съ меньшимъ % гласныхъ-дворянъ, а во вторую—съ бо́льшимъ. Вычислимъ сначала во всѣхъ образовавшихся посредствомъ такого пріема подгруппокъ *средній* % гласныхъ-дворянъ. Тогда получимъ слѣдующія четыре пары подгруппъ:

$$\%\text{ гласн. дворянъ} — \frac{15{,}0\%}{54{,}1\%};\ \frac{43{,}2\%}{58{,}7\%};\ \frac{53{,}6\%}{59{,}8\%};\ \frac{54{,}7\%}{60{,}3\%}.$$

Какъ видимъ, въ каждой изъ четырехъ паръ подгруппъ разница въ составѣ большая.

Теперь вычислимъ средній размѣръ обезпеченія землей въ тѣхъ же подгруппахъ:

$$\text{Число десятинъ на душу}\ \frac{15{,}4\text{ д.}}{6{,}5\text{ д.}};\ \frac{3{,}0\text{ д.}}{3{,}0\text{ д.}};\ \frac{2{,}2\text{ д.}}{2{,}2\text{ д.}};\ \frac{1{,}6\text{ д.}}{1{,}6\text{ д.}}.$$

Обезпеченіе землей, какъ показываютъ послѣднія четыре пары цифръ, только въ одной — первой — парѣ разпое (15,4—6,5), а въ остальныхъ трехъ парахъ совершенно одинаковое: 3,0—3,0; 2,2 д.—2,2 д.; 1,6 д.—1,6 д.

Искомая нами комбинація условій, слѣдовательно, найдена; мы имѣемъ четыре пары подгруппъ уѣздовъ съ *одинаковымъ* (кромѣ первой пары) земельнымъ обезпеченіемъ въ каждой парѣ и съ весьма *различнымъ* составомъ земскихъ собраній.

Вычислимъ, наконецъ, средній размѣръ всѣхъ расходовъ и размѣръ расходовъ по народному образованію, по разсчету на душу, въ каждой изъ подгруппъ:

$$\text{Всѣ расходы}\ \frac{150{,}2\text{ коп.}}{115{,}2\text{ коп.}};\ \frac{119{,}8\text{ коп.}}{96{,}0\text{ коп.}};\ \frac{101{,}8\text{ коп.}}{84{,}6\text{ коп.}};\ \frac{96{,}0\text{ коп.}}{96{,}8\text{ коп.}};$$

$$\text{Расх. по народн. образ.}\ \frac{38{,}8\text{ коп.}}{25{,}5\text{ коп.}};\ \frac{33{,}0\text{ коп.}}{19{,}3\text{ коп.}};\ \frac{24{,}1\text{ коп.}}{17{,}7\text{ коп.}};\ \frac{27{,}0\text{ коп.}}{21{,}1\text{ коп.}}.$$

Какъ видимъ, въ каждой изъ первыхъ трехъ паръ расходы верхней, менѣе дворянской, подгруппы больше, чѣмъ расходы нижней подгруппы, съ бо́льшимъ числомъ дворянъ (150,2—115,2; 119,8—96,0; 101,8—84,6); и только въ четвертой парѣ небольшое повышеніе на сторонѣ подгруппы съ бо́льшимъ числомъ гласныхъ дворянъ (96,0—96,8).

---

[1]) Послѣднюю нашу группировку уѣздовъ называемъ группировкой „по землѣ“, въ отличіе отъ сдѣланной въ главѣ II, которую называемъ группировкой „по составу“.

Болѣе чувствительный реактивъ на успѣхъ въ земской работѣ—размѣръ расходовъ по народному образованію—даетъ и болѣе отчетливую реакцію. Здѣсь уже нѣтъ исключенія; всюду расходъ болѣе демократическихъ подгруппъ выше, при чемъ минимальное превышеніе равно 22%, а максимальное 70%!

Сдѣланнымъ анализомъ цифровыхъ данныхъ возникшее сомнѣніе относительно роли обезпеченія землей въ измѣненіи величины земскихъ бюджетовъ устраняется. Изъ двухъ факторовъ, рядомъ стоящихъ и сопровождающихъ другъ друга—обезпеченія землей и состава земскихъ собраній—оба способны вліять на размѣры земскихъ бюджетовъ, но вліяніе послѣдняго изъ нихъ проявляется рельефно, самостоятельно и независимо отъ перваго: *съ увеличеніемъ числа гласныхъ-дворянъ въ земствѣ земскій бюджетъ уменьшается и ухудшается по своему составу.*

VI.

Изъ приведенныхъ въ началѣ предыдущей главы нѣкоторыхъ слагаемыхъ доходнаго бюджета земствъ, расположенныхъ въ группы по составу, можно заключить, что и помимо размѣра земельнаго обезпеченія существуютъ условія экономическаго характера, могущія вліять на размѣры земскихъ бюджетовъ.

Мы видѣли, напримѣръ, что вмѣстѣ съ ростомъ процента гласныхъ-дворянъ относительный размѣръ дохода отъ обложенія фабрикъ и заводовъ замѣтно понижается (14,0; 13,1; 10,6; 8,0). Очевидно, что одновременно понижается и развитіе фабричной промышленности—обстоятельство достаточно важное, повидимому, для объясненія многихъ отмѣченныхъ выше особенностей земскихъ бюджетовъ.

Это обстоятельство подкрѣпляется еще фактомъ одновременнаго пониженія дохода отъ обложенія городскихъ недвижимыхъ имуществъ и документовъ на право торговли. Мы имѣемъ, слѣдовательно, три условія, сопровождающія другъ друга и могущія вліять въ одинаковомъ направленіи на величину земскаго бюджета.

Кромѣ этихъ условій, на земскую дѣятельность могутъ оказывать вліяніе и многія другія условія: величина площади уѣзда, число жителей, абсолютная величина бюджета, процентъ городского населенія и проч.

Не имѣя возможности привести здѣсь цифровыя данныя, указывающія на значеніе каждаго изъ перечисленныхъ выше

признаковъ, считаемъ все же полезнымъ познакомить читателей съ добытыми нами результатами.

Наиболѣе рѣзкое вліяніе на продуктивность земской дѣятельности, кромѣ состава земскихъ собраній, оказываетъ размѣръ земельнаго обезпеченія: *чѣмъ больше земли на душу — тѣмъ лучше.*

За нимъ слѣдуетъ развитіе фабричной и заводской дѣятельности среди населенія: *чѣмъ оно больше — тѣмъ лучше удовлетворяются земскія нужды.* Еще меньшее, но все же замѣтное, вліяніе оказываетъ число жителей: *чѣмъ число жителей въ уѣздѣ меньше — тѣмъ лучше идетъ земское дѣло.* Можно думать, что съ уменьшеніемъ числа жителей увеличивается связь между органами земства и населеніемъ, чѣмъ и объяснялась бы роль разсматриваемаго фактора. Но возможно, и даже болѣе вѣроятно, какъ сейчасъ увидимъ, другое объясненіе.

Въ положительномъ смыслѣ дѣйствуетъ и увеличеніе размѣровъ площади уѣзда: *чѣмъ больше площадь — тѣмъ лучше.*

Между тѣмъ два послѣднія условія, дѣйствующія въ одномъ направленіи — уменьшеніе числа жителей и увеличеніе площади — представляютъ въ совокупности одно, подробно изученное раньше, условіе: увеличеніе числа десятинъ на душу, чѣмъ и можетъ объясняться роль каждаго изъ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ выше условій.

Относительная величина городского населенія въ уѣздахъ и размѣръ обложенія городскихъ недвижимыхъ имуществъ не оказываютъ замѣтнаго вліянія на величину расходныхъ бюджетовъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Но среди всѣхъ перечисленныхъ условій наиболѣе рельефнымъ и вполнѣ самостоятельнымъ вліяніемъ на величину и качества бюджета отличается *составъ земскихъ собраній.*

VII.

Чтобы покончить съ обзоромъ измѣненій въ земскомъ бюджетѣ въ зависимости отъ состава земскихъ собраній, намъ остается познакомиться еще съ особенностями бюджета въ погубернскихъ группировкахъ.

Опредѣлимъ по каждой группѣ средніе расходы, по разсчету на душу, всей суммы бюджетовъ уѣздныхъ земствъ и губернскаго земства:

расходы на душу.	166,0 коп.;	145,0 коп.;	127,7 коп.;	112,8 коп

Повышеніе числа гласныхъ-дворянъ сопровождается, какъ это имѣетъ мѣсто и въ поуѣздныхъ группировкахъ, пониженіемъ расходовъ.

Настолько же быстро понижаются и расходы по народному образованію:

расходы на душу . . . 35,2 коп.; 23,9 коп.; 22,4 коп.; 20,3 коп.

Но опредѣленной закономѣрности въ измѣненіи относительной величины этихъ послѣднихъ расходовъ уже не замѣчается:

расходы въ % . . . . . 21,2%; 16,5%; 17,5%; 18,3%.

И здѣсь относительные размѣры содержанія предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ увеличиваются по мѣрѣ роста числа гласныхъ дворянъ: 2,3%; 2,1%; 2,4%; 2,7%.

А расходы по содержанію канцелярій, статистическихъ, школьныхъ и медицинскихъ бюро понижаются:

9,2%; 8,4%; 8,2%; 8,3%.

Словомъ, и въ погубернской группировкѣ мы встрѣчаемся съ той же картиной: съ ростомъ числа гласныхъ-дворянъ уменьшается удовлетвореніе земскихъ нуждъ и становится хуже распредѣленіе земскихъ средствъ.

Намъ, однако, могутъ замѣтить, что правильная оцѣнка дѣятельности земскихъ учрежденій должна быть основана не на величинѣ расходовъ и не на ихъ распредѣленіи, а на достигнутыхъ результатахъ.

Хотя этотъ вопросъ и не входитъ въ программу нашего изслѣдованія и хотя многочисленныя наблюденія показали, что, въ среднемъ выводѣ, *результаты* зависятъ отъ размѣра бюджета и отъ распредѣленія его по разнымъ отраслямъ хозяйства,—но мы все же считаемъ полезнымъ остановиться на нѣкоторыхъ результатахъ, достигнутыхъ земствами въ важнѣйшей области земскаго хозяйства—въ области народнаго образованія.

Число жителей на одну земскую школу [1]), съ увеличеніемъ въ земствѣ дворянскаго элемента, *увеличивается*: 2764 д.; 2747 д.; 2941 д.; 3211 д., т.-е. населеніе становится все менѣе обезпеченнымъ земской школой.

Процентъ дѣтей, учащихся въ школахъ, по отношенію ко всему числу дѣтей школьнаго возраста, *понижается*: 49,4%; 53,4%; 53,2%; 47,4%.

[1]) Собственно—на одну школу вѣдомства м-ва народнаго просвѣщенія, но это почти все равно, потому что огромное большинство этого рода школъ—земскія.

Процентъ оканчивающихъ, по отношенію къ числу учащихся, *понижается:* 12,3%; 10,6%; 10,4%; 11,8%.

Число учениковъ, приходящееся на одного учителя, повышается: 42 д.; 45 д.; 50 д.; 51 д.

Процентъ учителей со спеціальной педагогической подготовкой понижается: 67,1%; 71,7%; 64,7%; 56,7% [1]).

Такимъ образомъ, въ губерніяхъ съ большимъ числомъ гласныхъ-дворянъ школъ меньше, учатъ хуже, образовательный уровень преподавателей ниже.

Но не только въ цифрахъ бюджетовъ или въ достигнутыхъ результатахъ проявляется сословный составъ земствъ.

Читатели несомнѣнно помнятъ извѣстный запросъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1902 г. объ измѣненіи цензовыхъ нормъ.

Посчитаемъ, сколько уѣздовъ въ каждой изъ нашихъ группъ высказалось за *всесословные* выборы и выразимъ эти числа въ процентахъ: 36,5%; 28,8%; 26,1%; 18,6%. Чѣмъ меньше въ земствахъ гласныхъ-дворянъ, тѣмъ большее число уѣздовъ ходатайствуетъ о всесословныхъ выборахъ.

Считали необходимымъ отмѣнить административное утвержденіе гласныхъ-крестьянъ: 33,3%; 32,9%; 31,9%; 24,3% уѣздовъ. Чѣмъ больше дворянъ, тѣмъ равнодушнѣе отнеслись земства къ одному изъ наиболѣе рѣзкихъ недостатковъ закона 1890-го года [2]), который и былъ уничтоженъ указомъ 5-го октября 1905 г.

Еще одинъ любопытный фактъ.

Многіе изъ земскихъ дѣятелей убѣждены въ томъ, что законъ 1890-го года не внесъ существенныхъ измѣненій въ составъ земскихъ собраній. Принципіально—да, говорятъ намъ, но на практикѣ, послѣ 1890-го года, руководителями въ земскомъ дѣлѣ остались тѣ же лица, что̀ стояли въ центрѣ земской дѣятельности и раньше.

Отчасти это такъ; составъ земскихъ дѣятелей измѣнился мало, но все же измѣнился: здѣсь—въ одну сторону, тамъ—въ другую. Эти земства сдѣлались чуть-чуть либеральнѣе, а тѣ—немного консервативнѣе. Однако, всѣ эти небольшія измѣненія подчинялись силѣ одного руководящаго закона, вытекающаго изъ новаго земскаго положенія, и слагались въ одну равно-

[1]) Всѣ цифры взяты изъ Статистич. Ежегодн. Полт. губ. земства за 1904 годъ. Прилож. № 1.

[2]) Цифры взяты изъ моей статьи: „Вопросъ объ измѣненіи цензовыхъ нормъ“, въ № 47 Вѣстника Екатеринослав. губ. земства 1904 г.

дѣйствующую, оказавшую извѣстное давленіе на дѣятельность земства.

Не будемъ и въ данномъ случаѣ голословны: посмотримъ, съ какой силой энергіи наши погубернскія группы земствъ стали увеличивать свои расходы со времени введенія положенія 1890 г. А для этого посчитаемъ, во сколько разъ каждая изъ группъ увеличила свой бюджетъ съ 1890 по 1903 годъ:

4,54; 4,36; 3,27; 2,95 [1]).

Краснорѣчивый языкъ приведенныхъ цифръ не требуетъ поясненій.

Но намъ могутъ указать, что причина отмѣченной разницы въ ростѣ бюджетовъ кроется не въ составѣ земскихъ собраній, а въ степени благосостоянія населенія или въ другихъ условіяхъ.

Возьмемъ, въ такомъ случаѣ, какъ разъ тѣ же группы губерній и посмотримъ, въ какой мѣрѣ онѣ увеличивали свой земскій бюджетъ въ дореформенный періодъ, съ 1877 по 1890 годъ:

0,45; 1,22; 2,2; 2,1 [2]).

Измѣнился составъ земствъ, остались безъ измѣненія всѣ прочія условія (обезпеченіе землей, развитіе промышленности и т. д.)—и дѣятельность земствъ существенно измѣнилась: ростъ бюджетовъ уже не повышается отъ группы къ группѣ, какъ въ періодъ дѣятельности до 1890 года, а понижается.

VIII.

Заканчивая статью, еще разъ отмѣтимъ, что попытка разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ путемъ объективнаго статистическаго изслѣдованія имѣетъ серьезное общественное значеніе, особенно теперь, когда вырабатывается правительствомъ проектъ закона о мѣстномъ самоуправленіи.

Оппозиціонная часть русскаго общества не нуждается въ доказательствѣ той истины, что общественныя учрежденія, построенныя на демократическихъ началахъ, имѣютъ преимущество передъ классовыми и сословными.

---

[1]) Исторія земства, Б. Веселовскаго. Цифры вычислены на основаніи таблицы къ стр. 26.

[2]) Тамъ же.

Нельзя того же сказать о другой, меньшей, но правящей или вліятельной части общества.

Полагаемъ, что приведенныя выше данныя, почерпнутыя изъ дѣятельности нашего земства, вырываютъ единственный важный аргументъ изъ рукъ принципіальныхъ сторонниковъ классоваго земства.

Для всякаго искренняго общественнаго дѣятеля должно быть совершенно ясно, что тѣ земства, которыя сумѣли удовлетворить кричащія нужды населенія въ полтора раза полнѣе, должны быть названы лучшими; что тѣ земства, которыя достигли болѣе совершенной распланировки бюджета, могутъ считаться болѣе опытными; что тѣ, наконецъ, земства, которыя видѣли въ народномъ просвѣщеніи вѣрный залогъ успѣховъ на всѣхъ поприщахъ дѣятельности и усиливали расходы на эту отрасль земскаго хозяйства, увеличивая оклады выборнымъ ставленникамъ своимъ, въ ущербъ содержанію наемныхъ спеціалистовъ, — что такія земства должны быть названы болѣе мудрыми и политически зрѣлыми.

И всѣ эти свойства, отразившіяся, какъ въ зеркалѣ, въ цифрахъ земскихъ бюджетовъ, составляютъ принадлежность земствъ съ болѣе слабымъ сословнымъ элементомъ.

Законодатель, установивъ столь пестрый составъ земскихъ собраній, какъ бы заложилъ фундаментъ грандіознаго опыта. Опытъ произведенъ, и результаты его оказались не въ пользу дворянскаго земства.

Не пора ли рѣшительно и безповоротно прервать теченіе опыта и перестроить мѣстное самоуправленіе на новыхъ началахъ, пріобщивъ къ активной земской дѣятельности все правоспособное населеніе?

П. Чижевскій.

НЕНАЙДЕННОЕ

I.

Вагонъ трамвая остановился на краю города. Въ немъ было только два человѣка: изящно одѣтый господинъ, въ сѣрой шляпѣ, и молодая дѣвушка съ синими, немного близорукими глазами и тяжелой прической бѣлокурыхъ косъ, которыя оттягивали ей голову. И, быть можетъ, отъ этого посадка ея красивой головы казалась чуть-чуть вызывающей, почти горделивой.

— Пріѣхали!—сказалъ кондукторъ.

Что̀ изъ того, что пріѣхали... Они могутъ видѣться только въ вагонахъ трамвая, гдѣ встрѣчу легко объяснить случайностью; и сегодня ужъ пришлось имъ побывать и у вокзала, и у новыхъ клиникъ...

Но эта окраина казалась такой мирной и безлюдной... Напротивъ возвышалась бѣлая ограда архіерейской дачи; за рѣкою, по которой разсыпались разноцвѣтныя, наглухо запертыя купальни, темнѣла стѣна бора, чуть тронутая красными отблесками по стволамъ, съ яркозелеными крестиками молодыхъ весеннихъ побѣговъ на верхушкахъ. За мостомъ, подъ деревьями, ровнымъ сѣрымъ настомъ лежала хвоя, и нога въ ней грѣлась застоявшимся теплом давно оттаявшей, прѣлой земли. А на полянкахъ уже зеленѣла молодая трава.

— Посмотри! Посмотри-ка!—Ослики!

— Да, странно... И откуда бы имъ здѣсь взяться!?

Маленькіе ишачки, о которыхъ шла рѣчь, дружно бродили голова въ голову, обмахивались хвостиками-метелками, опускали и настораживали длинныя уши.

— Пойдемъ къ нимъ!

Онъ шелъ за нею, какъ идутъ взрослые люди смотрѣть затѣю дѣтей. Но ясное настроеніе дѣвушки передалось и ему; и они гладили осликовъ до тѣхъ поръ, пока тѣ, испугавшись чего-то, не отбѣжали оба разомъ на другой конецъ поляны.

Кругомъ было все то же безлюдье и тишь. Ольга сѣла на пень у дороги и смотрѣла вверхъ, немного исподлобья. Глаза ея въ сіяніи золотистыхъ рѣсницъ казались прозрачными и глубокими безъ конца.

— Славная ты моя!

Онъ опустился на теплую, пахучую хвою и прижалъ голову къ колѣнямъ дѣвушки.

— Ты завтра скажешь?

— Нѣтъ, сегодня! Какъ только вернусь... Каждая лишняя минута теперь мнѣ тяжела...

— А ей оскорбительна,—тихо подсказала Ольга.

— Оскорбительна?.. Нѣтъ. Послѣ тѣхъ ужасовъ жертвъ и обидъ, которыя она вынесла ради меня, ничто ее не оскорбитъ. Больно ей будетъ... Она уже всѣмъ существомъ своимъ чуетъ надвигающееся несчастье и меня мучаетъ, и сама мучится несказанно.

— Витя! Подумай, еще разъ подумай! Можно ли намъ губить ея счастье?

— Счастье!.. Оно было и давно-давно ушло... Сама она его выжгла каленымъ желѣзомъ постоянныхъ сценъ, признаній, безсмысленной ревности. Я вѣдь, какъ волъ на привязи, — собака цѣпная!.. Утромъ она провожаетъ меня на службу и на крыльцѣ сторожитъ мое возвращеніе. Она всѣхъ задарила, всѣхъ подкупила, слугъ—деньгами, добрыхъ людей—слезами, чтобы стерегли мой каждый шагъ... Не могу я! Я такъ не могу!

Онъ рванулся изъ рукъ Ольги и далеко отбросилъ съ головы шляпу. И дѣвушка ласковымъ объятіемъ опять охватила его голову, и гладила его темные волосы, и любовно заглядывала въ его глаза.

— Но пойми ты, что безразличной она мнѣ никогда не будетъ.

— Я понимаю...

— Да, мнѣ сдается, что именно ты должна понять: вѣдь, ты выросла въ такомъ же большомъ, пустомъ, холодномъ купеческомъ домѣ, какъ я... Только въ твоемъ было тихо и скучно, а въ моемъ— страшно... Мать я больною помню. У нея росла какая-то опухоль и она молча бродила по дому и ждала смерти. А порой кричала дико и жалобно... Но еще болѣе дики, еще болѣе жалобны

были крики, которые иногда долетали изъ нижняго этажа... Тамъ между чулановъ и кладовыхъ съ товарами, въ темной коморкѣ безъ оконъ, жила сумасшедшая тетка. Ее никто не видѣлъ. Ѣсть ей носили ночью, тогда же чистили ея чуланъ и оттуда вмѣстѣ съ глухимъ, звѣринымъ рычаньемъ доносился удушливый смрадъ... Время отъ времени наверхъ подымалась старая спасёнка, Анфиса, смотрѣвшая за сумасшедшей, и говорила отцу рѣшительно и скорбно: „Опять *онъ* блазнитъ“. Гораздо позже я понялъ, что безумную мучили приступы богохульнаго бреда, внушавшаго всему дому суевѣрный ужасъ... Отецъ снималъ со стѣны арапникъ и шелъ внизъ...

— Не говори, не говори... Не надо..

— И въ эту тьму безъ просвѣта пришла она...

Въ тотъ день сіяло голубое небо. И на меня надѣли шелковую голубую рубаху, посадили въ карету и повезли на свадьбу братца... Брата до тѣхъ поръ я видѣлъ много разъ каждый день; но помню его только такимъ, какимъ онъ былъ тогда: расплывающееся къ подбородку лицо, тонкая сѣтка красныхъ жилокъ на скулахъ и двойная толстая цѣпь по жилету. Онъ досталъ увѣсистый кошелекъ, отсчиталъ шесть золотыхъ монетокъ и сказалъ: „Бери: невѣстѣ въ башмаки положить. Да, гляди, не оброни! Изъ голыхъ дворянокъ беру: можетъ, на эти деньги всю родню пріобуетъ“... И я помню эти крошечныя бѣлыя туфельки, и заплаканное лицо въ бѣломъ вѣнкѣ. И этотъ голосъ... „Крошка мой бѣдный! Мы будемъ любить другъ друга“.—И я любилъ... Я любилъ бы ее всегда, еслибы она сама день за днемъ не вытравляла эту любовь... Ради нея я отказался отъ людей, я убѣгалъ отъ женщинъ... Я только къ тебѣ пришелъ, Оля, потому что послѣ бурныхъ сценъ и постыдныхъ примиреній на душѣ было одиноко и пусто... И такъ ясно, такъ умиленно вспоминались дѣтскіе годы: Сидорычъ, котораго тетушка присылала въ пансіонъ за мною, и вкусный чай, и гостинцы, и ты, крошка-сестрица съ золотыми кудрями.

II.

Смерклось, когда Викторъ Матвѣевичъ добрался до улицы, гдѣ жилъ. Въ лѣсу теплота весенняго дня смѣнилась промозглою сыростью, какъ только зашло солнце. А здѣсь, въ городѣ опять почуялась весна: отъ нагрѣтаго камня и желѣза тянуло тепломъ, какъ отъ остывающей печи; кое-гдѣ окна были открыты и изъ

нихъ на улицу вырывались звуки рояля и дѣтскій щебетъ; притаившаяся за угломъ гармонія пиликала весело и задорно. Викторъ остановился у подъѣзда съ ярко вычищенной дверной дощечкой и чуть слышно, своимъ ключемъ отперъ дверь. Но всѣ дни и всѣ часы дня его прихода чутко ждали, и въ темной передней къ его рукѣ приникли горячія, влажныя губы.

— Ты простилъ... Ты рано пришелъ...

— Полно, Кленя! Ты знаешь, какъ я не люблю, когда ты цѣлуешь мои руки.

— Ну, не буду, не буду больше!

Они вошли въ маленькую, тѣсно заставленную столовую, гдѣ повсюду пестрѣли полотенца, коврики, салфеточки Клениной работы. На столѣ шумѣлъ только-что поданный самоваръ. Прислуги въ домѣ не было, кромѣ жившей на положеніи приживалки старухи, Васильевны, очень отдаленной родственницы, привезенной Кленей изъ родного городка. И, какъ всегда при его возвращеніи, Кленя сама хлопотала около стола.

— Не обѣдалъ? Будешь кушать?

— Нѣтъ... Да... Дай закусить чего-нибудь. Она ставила передъ нимъ раскупоренныя бутылки, тарелочки съ закуской, уходила и опять возвращалась, а онъ силился не глядѣть на нее и, повинуясь какой-то невѣдомой, жившей въ немъ чужой волѣ, не отрываясь, смотрѣлъ на ея вспухшіе отъ слезъ глаза, темные, отъ природы завитые волосы, въ которыхъ кое-гдѣ бѣлѣли сѣдинки, на бѣлыя, какъ молоко, тонкія и нѣжныя руки, дрожавшія отъ напряженнаго желанія ему угодить. И онъ зналъ, что такъ же напряженно замираетъ и трепещетъ все ея тѣло... И было ему жаль.

А она уже подмѣтила мягкій, растроганный блескъ его глазъ, и оживилась, и обрадовалась, и въ ея голосѣ зазвучали молодыя, пѣвучія ноты.

— Усталъ я. Лягу сейчасъ, — сказалъ онъ, торопясь уйти.

Онъ быстро раздѣлся и бросился въ постель.

Она не шла. Слышно было, какъ робко позваниваютъ въ ея рукахъ ложечки, какъ мѣрно постукиваютъ высокіе каблуки ея туфель. И этотъ мѣрный, издавна знакомый, издавна милый звукъ сливался съ свѣтлыми образами сладкаго сна: — яркое небо, и яркое солнце, и ясные чистые глаза дѣвушки...

— Я пришла! Милый, я пришла!

Горячей волной отхлынула кровь изъ сердца. Жалость къ покинутой и неизвѣданная страсть къ желанной слились въ

бурномъ порывѣ. И какъ огонь были его поцѣлуи. И мучительствомъ были его объятія.

— Убей меня! Милый! Убей своими руками...

Потомъ горѣлъ голубой фонарикъ, старый, давно знакомый, съ розовыми амурами, и Кленя, закутанная въ голубой, теплый халатикъ сидѣла на краю постели и говорила: — „Вотъ ты не вѣришь... Ты никогда мнѣ не вѣришь! Но Богомъ тебѣ клянусь, что я хочу только, чтобы ты былъ счастливъ. И если узнаю, что ты женишься,—первая тебя благословлю... Развѣ я не понимаю?.. Тебѣ жить надо, только бы жить! А я что? Старуха... Богу мнѣ пора молиться,—прòпасти на себя просить.

— Полно... Спать пора!

III.

Домъ Ольги, какъ всѣ старые купеческіе дома, былъ построенъ просторно и безтолково. Выходилъ онъ на двѣ улицы, а въ жилыхъ комнатахъ было темно и столовая освѣщалась прямо съ крыши стекляннымъ фонарикомъ. Въ тетушкиной комнатѣ были окна, но передъ ними росла дуплистая, трухлая липа, которую все собирались, но жалѣли срубить. И даже въ солнечные дни, когда яркіе, круглые зайчики разбѣгались по темнымъ, подъ дубъ, стѣнамъ, комната казалась угрюмой, — такъ она была заставлена шкафами, комодами, старинными шифоньерками, хранившими нажитое добро. И все-таки добру этому было тѣсно и для него приладили полки и выдвижные ящики въ толстыхъ, каменныхъ стѣнахъ. Были въ домѣ и парадныя комнаты съ штофною мебелью, съ хрустальными люстрами, изразцовыми печами и десяткомъ высокихъ зеркалъ. Тамъ бѣлѣли покрытые пылью чахлы и пауки по угламъ сновали паутину. Да изрѣдка, когда въ городъ наѣзжали важные гости—корпусный командиръ, знаменитый артистъ или ревизоръ-сенаторъ, — сдавала ихъ внаймы тетушка Лизавета Ивановна, строго помнившая правило, что каждый капиталъ долженъ приносить процентъ. Въ другое время только подъ великіе праздники заходила она посмотрѣть, не поточены ли ковры молью и собственными руками заправить лампадки передъ высокими образницами.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Викторъ и Ольга ходили по этимъ пустымъ, гулкимъ комнатамъ и дѣвушка отворачивалась

съ чувствомъ несознанной жути, когда рядомъ съ нею въ пыльномъ зеркалѣ двигалась блѣдная, смутная тѣнь.

— Вѣдь мнѣ,—такъ всего лучше,—говорилъ Викторъ.—Зощенко хорошій совѣтникъ: мало того, что онъ адвокатъ, — но въ его жизни была такая же невеселая исторія. По опыту говоритъ... Мнѣ удалось ее увѣрить, что докторъ посылаетъ меня въ Ессентуки. А за мѣсяцъ моего отсутствія Зощенко успѣетъ ее подготовить, уговорить. Поможетъ ей устроиться со всякими мелочами, съ квартирой...

— Ахъ, вотъ что я хотѣла сказать!—дѣловымъ тономъ заговорила дѣвушка:—ты ей векселя оставляешь. А не лучше ли деньгами: тетушка позволитъ...

— Не говори, пожалуйста, объ этомъ! Тебя это совсѣмъ не касается...

Онъ не любилъ, когда Оля заговаривала о деньгахъ: въ ея голосѣ тогда звучали сухія, деревянныя ноты, какъ у тетушки Лизаветы Ивановны, когда та провѣряла дневную выручку.

Въ заколоченную изъ жилыхъ комнатъ дверь послышался гулкій стукъ. Оба его ждали и все-таки вздрогнули.

— Какъ странно!—сказала дѣвушка съ грустной улыбкой:—ждемъ мы вечера цѣлый день, а придетъ вечеръ, останемся съ тобою на часочекъ вдвоемъ, — и говоримъ только о ней, точно насъ всегда трое...

— Что дѣлать, дорогая! У всякаго мужчины есть свой двойникъ: его прошлое. Ты берешь меня, каковъ я есть. И только стряхнувши, умиротворивши прошлое, мы будемъ съ тобою вдвоемъ, навсегда вдвоемъ!

Они стояли у образницы, и лучи лампадки дробились въ алмазныхъ вѣнчикахъ вокругъ строгихъ ликовъ святыхъ Флора и Лавра.

— Вдвоемъ! Посмотри,—кажется, что и теперь я одна.

Онъ заглянулъ въ глубину кіота, на отраженіе въ стеклѣ.

— Что же тутъ удивительнаго! Бѣлѣетъ твоя свѣтлая блузка, а вѣдь я въ черномъ... О! да какая это старина! — прибавилъ онъ, вглядѣвшись въ иконное письмо.

— А надъ ними Богородицы образъ Задонскія—еще старше: наша съ тобою общая прабабушка благословеніе Божіе принесла. И съ тѣхъ поръ старшихъ дочерей ею на бракъ благословляли.

— Что-жъ ты вздохнула? Словно тебѣ жаль, что тебя ею не благословятъ?

— А жаль, конечно! Подумай только: она шла впереди трехъ невѣстъ, вступавшихъ въ домъ мужа, и она провожала ихъ изъ этого дома въ могилу.

Онъ поднялъ глаза, но свѣтъ лампады не доходилъ до верхней иконы и дробился по краю ея жемчужной ризы.

Въ дверь опять постучали.

— Идемъ!—звонко крикнула Ольга.

Въ столовой, подъ бѣлой лампой, спускавшейся изъ середины фонарика, стоялъ круглый столъ, возлѣ котораго, кромѣ тетушки, одѣтой въ коричневый капотъ и сѣточку, было еще двое: черноволосый и яркоглазый Зощенко, съ щеголеватой адвокатской выправкой, и Филиппъ Сидоровичъ, старшій приказчикъ. Этого Сидоровича Викторъ зналъ уже лѣтъ двадцать. Въ ту пору отецъ Ольги звалъ его еще „мальченкой“. Высокій, неимовѣрно грузный, съ бородою по грудь „мальченка“ каждую субботу приходилъ за Викторомъ въ гимназическій пансіонъ и на вопросъ: кто пришелъ за Лагутинымъ? выкрикивалъ — „Я-съ!“ такимъ зычнымъ голосомъ, что желѣзныя перила тряслись. Гимназисты такъ и прозвали его Ясомъ. Теперь это былъ уже совсѣмъ старый человѣкъ, расплывшійся, обезсиленный затяжнымъ недугомъ, который все не могъ повалить богатыря.

— А! Ясъ Сидоровичъ! Здравствуйте, голубчикъ, — весело сказалъ Викторъ, пожимая его мягкую, нездорово пухлую руку.

— Здравствуйте, Викторъ Матвѣичъ! Дайте на васъ глянуть— помолодѣть! Помните, какъ мы, бывало, изъ гимназіи идемъ и вы мнѣ за дорогу и не вѣсть чего разскажете: и какіе народы на свѣтѣ живутъ, и по какому случаю война, и куда наша конопля требуется?.. Великаго ума вы юноша были!

— Поглупѣлъ съ тѣхъ поръ, должно быть?

— Что вы! — обидѣлся за него Филиппъ Сидоровичъ... — А конечно, что Господъ кому какой случай укажетъ, — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— А вотъ намъ Онъ такой случай указалъ, въ которомъ вы очень помочь можете.

— Я-съ?

Викторъ и Зощенко засмѣялись.

— Помогите намъ свадьбу-самокрутку окрутить.

— Кого напримѣръ? дозвольте знать.

— Да вотъ! здѣ предстоящихъ Виктора и Ольгу, рабовъ Божіихъ.

— Христосъ съ вами! Родныхъ?

— Какая тамъ родня—троюродные! Уже отъ архіерея разрѣшеніе получено. Но требуется все это совершить — таинообразующе.

— Это въ нашихъ рукахъ состоитъ. На „Дачкѣ“, изволите знать...

И началось долгое совѣщаніе, въ которомъ главныя заинтересованныя лица участія не принимали. Изъ Ольгиной комнаты они слышали то шопотъ, то споръ мужскихъ голосовъ и неизмѣнный вопросъ тетушки: „Сколько?“

IV.

У тетушки Лизаветы Ивановны было свое міросозерцаніе—не обширное, но непоколебимо твердое и ясное до прозрачности. Основнымъ двигателемъ людскихъ дѣяній является „капиталъ“. Неимущіе бьются для его пріобрѣтенія, имущіе—для его пріумноженія. Этими двумя моментами исчерпываются всѣ жизненныя цѣли и задачи мужской половины рода человѣческаго. На женщинѣ лежитъ забота о „соблюденіи“. Но „соблюденіе“ это въ нравственномъ укладѣ Лизаветы Ивановны охватывало всю женскую жизнь, отъ рожденія до могилы. Капиталъ и честное вдовство, супружеское послушаніе и непорочное дѣвство, домъ и сирыхъ-убогихъ, праздники и родительскія субботы—все должна женщина соблюсти, и только соблюдшая можетъ пріобщиться по праву къ великому дѣлу владѣнія и пріумноженія денежной силы.

Озабоченная, съ неподвижнымъ взглядомъ, который служилъ признакомъ сложныхъ умственныхъ вычисленій, Лизавета Ивановна вошла въ комнату Ольги въ тотъ вечеръ.

— Не спишь, Ольгушка?

— Нѣтъ, тетя,—думается все.

— То-то, думается! Нелегкое дѣло...

Она присѣла на край Ольгиной постели, и, маленькая, темненькая, долго сидѣла неподвижно, облитая трепетнымъ свѣтомъ красной лампадки. Тоска и страхъ залегли ей въ душу при мысли, что отдаетъ она въ нечистыя мужскія руки ребенка, принятаго ею отъ умирающей матери, взращеннаго и соблюденнаго со всею нѣжностью одинокаго сердца... Но заговорила она только о денежныхъ соображеніяхъ.

— А я все-таки свое думаю: отдать бы этой-то срамницѣ десять тысячъ, да и съ плечъ долой. Процентами сколько она переберетъ!

— Не наше это дѣло, тетя.

— Какъ не наше! Ты ему женою будешь, мужнинъ интересъ должна соблюдать во всѣхъ дѣлахъ.

— Да это—дѣло только его совѣсти.

— Ну, ужъ какая мужчинская совѣсть! Была она бабочка молоденькая — не глядѣлъ, что невѣстка, побаловалъ. А стара стала—со двора метлой. А что скандалу не хочетъ,—это правильно: гораздо благороднѣе деньгами откупиться... Онъ до свадьбы сколько капиталу-то хочетъ?

— Ахъ, тетя! Да ничего онъ не хочетъ!

— Ой, милая! Чтой-то мнѣ Викторушка въ этомъ сомнителенъ. Гляди, послѣ свадьбы всего бы въ руки не прибралъ?..

— Ну и приберетъ... Мужъ вѣдь...

— Нѣтъ, ужъ этой глупости ты не дѣлай... Помни, что въ однѣхъ деньгахъ твоя сила. Намъ, женщинамъ, безъ мужа трудно, потому одинъ отъ Бога даденъ, навѣкъ. А иная и одного не вымолитъ... А для нихъ добра этого, бабья, всюду довольно припасено...

Она говорила, а Ольга, положивъ сложенныя ладони подъ щеку, смотрѣла влажными отъ слезъ глазами на маленькое, сморщенное лицо тетки, на золотые вѣнчики иконъ, на свою дѣвичью горницу и думала, что ему, измученному жизнью, утомленному страстью, надломленному ранними бурями, надо много свѣта, много тишины, много нѣжной, незримой, затаенной ласки.

Вѣнчаніе рѣшено было устроить въ Архіерейской слободкѣ. Тамъ когда-то былъ свѣчной заводъ, принадлежавшій отцу Ольги. Потомъ производство упало и отъ завода осталась только полуразвалившаяся труба да флигель, который теперь называется „Дачкой“. Зощенко и Сидорычъ уѣхали въ слободку съ утра. Виктора на вокзалъ провожала Кленя, увѣренная, что онъ ѣдетъ лечиться на Кавказъ, а на полустанкѣ его поджидали лошади. Женщины собирались вечеромъ, сказавши дома, что ѣдутъ въ театръ. И когда Ольга въ гладкомъ, длинномъ платьѣ, вся бѣлая, съ вѣнцомъ бѣлокурыхъ косъ вокругъ головы, вышла въ столовую, Лизавета Ивановна не выдержала и зарыдала.

— Несчастная ты моя! Какъ воровка какая! Безъ благословенія!

Она схватила дѣвушку за руку, быстро повела въ свою комнату и зашептала:

— На колѣнки, на колѣнки стань!—И доставши изъ образницы маленькій перламутровый образокъ на ленточкѣ, надѣла его на шею невѣстѣ.—Хоть этихъ-то съ собою подъ вѣнецъ возьми:

на самой ракѣ вымѣнены, угодники казанскіе, Гурій, Самонъ и Авивъ: отъ супружеской напасти помогаютъ.

Полутемная церковь оказалась полна народу: все бабы въ темныхъ платкахъ и съ темными лицами. И, вглядываясь въ угрюмое лицо жениха, Ольга читала на немъ одну тревожную, упорную мысль: „Узнаетъ, помѣшаетъ!“

Но не узнали и не помѣшали... Радостно крикнулъ ночной поѣздъ, торопливо и бодро залопотали его проворныя колеса и два человѣка въ горячемъ объятіи понеслись къ новой, счастливой, свободной жизни.

V.

„Отравилась. Безнадежна. Пріѣзжай немедленно.

Зощенко“.

Такую телеграмму прочиталъ Викторъ въ Кисловодскѣ, вернувшись съ Ольгой съ далекой прогулки верхомъ. И оттого ли, что телеграмма по обыкновенію была переврана и въ ней стояло „оправилась“—или оттого, что мысли его были далеко отъ покинутаго, но понялъ онъ не сразу. Только все кругомъ точно шатнулось — и разступилось далеко во всѣ стороны: ушла къ горизонту зеленая Елизаветинская гора, палъ туманъ на угрюмыя складки Бургустона и паркъ провалился въ бездонную глубину. Только Ольховка лепетала все громче, все понятнѣе, и Викторъ, дрожа, вслушивался въ ея грозную рѣчь.

— Кленя! Кленя отравилась!—крикнулъ онъ не своимъ голосомъ...

...Зощенко ждалъ на вокзалѣ. Прилизанный, точно пришибленный, онъ смотрѣлъ виноватыми глазами, какъ смотрятъ всѣ, сообщая о смерти человѣка, которому при жизни они желали погибели.

— Жива, жива еще,—заговорилъ онъ, не ожидая вопроса.— Только вотъ... въ клиникѣ она. А профессоръ свиданій не разрѣшаетъ.

Викторъ поѣхалъ прямо къ профессору, на домъ, понадѣявшись на то, что раза два бывалъ у него въ качествѣ паціента. Но уже на лѣстницѣ покинула его рѣшимость и онъ стоялъ передъ профессоромъ, какъ передъ судьею, позабывъ всѣ доводы, которые за минуту казались ему убѣдительными.

Да профессоръ и похожъ былъ на судью: старый, грузный, сидѣлъ онъ въ глубокомъ креслѣ, положивши дряблые, большіе

локти на его ручки и смотрѣлъ на Виктора холоднымъ взглядомъ, въ которомъ тому чудилось глубочайшее презрѣніе.

— Васъ, послѣ того, что вы мнѣ сейчасъ изволили довѣрить, менѣе, чѣмъ кого бы то ни было... Надежда есть... слабая, но есть. Воспалительный процессъ, повидимому, заканчивается благополучно... Но есть опасность непроходимости пищевода... Во всякомъ случаѣ, какъ только положеніе больной окажется безнадежнымъ, къ ней пустятъ всѣхъ.

Викторъ поѣхалъ на квартиру. Отворившая на звонокъ Васильевна кинулась ему на шею и зарыдала:

— Голубчикъ вы нашъ! Родимый вы нашъ! И кто бы зналъ-думалъ! Всѣ дни, узнавши про женитьбу вашу, только и разговору было: „слава Тебѣ, Господи!“ А у самой лицо этакое важное... „Ну, говоритъ, Васильевна, вмѣстѣ мы согрѣшили,—вмѣстѣ замаливать будемъ“. И будто въ Московской губерніи монастырекъ она напытала; будто графиня одна кающая поставила:—милліонъ отдала. „И мы съ тобою не голыя въ обитель придемъ: Викторушка вкладомъ не обидѣлъ;—на двѣ кельи хватитъ“. И все за дѣлами: мебель орѣховую продали за триста-пятьдесятъ; Зощенко адвокатъ взялъ. Серебро-золото племянницѣ Зиночкѣ отправила... Это меня, окаянную, грѣхъ попуталъ: оставила банку съ нашатырнымъ спиртомъ,—ковры собиралась къ вашему пріѣзду чистить... И сижу я себѣ въ палисадникѣ,—шубы сушу. А она идетъ изъ комнаты. А сама вся бѣлая-бѣлая. И халатикъ на ней пуховый, любимый, что вы изъ Москвы привезли. А на рукахъ по туфелькѣ атласной свадебной несетъ. Идетъ и плачетъ: „Смотри, Васильевна! Малы стали, — не найдутъ: безъ нихъ положатъ“. А я спервоначалу понять ничего не могу. А она, съ крыльца сошедши, ухватилась обѣими руками вотъ за эту за самую сливу, а изо рту у ней—кровь, кровь, просто рѣзаная кровь... И упала она подъ дерево, подъ самый корень,—а сливы спѣлыя на нее—градомъ.

— Идите, Васильевна... Я одинъ...

Онъ слышалъ, какъ прошлепали туфли старухи по столовой, по „ихъ“ спальнѣ и притаились гдѣ-то въ углу опустѣлаго дома.

Подъ сливой, примятая, полегла желтѣющая трава. Тамъ и здѣсь въ ней виднѣлись темносинія, съ сизымъ налетомъ сливы. И онъ, какъ Кленя, ухватился обѣими руками за дерево и зарыдалъ.

На другой день всѣхъ допустили къ больной.

Маленькая она была, съ желтымъ, восковымъ личикомъ и

сѣрыми отъ сѣдинъ волосами. А глаза ея—огромные, черные, остеклившіеся, искрились нестерпимымъ свѣтомъ. Она требовала, чтобы онъ говорилъ ей о своемъ счастьѣ, о свадьбѣ, объ Ольгѣ, и плакала, когда онъ молчалъ. Онъ говорилъ... И тогда она начинала кричать тонкимъ и жалобнымъ голосомъ. Дежурныя фельдшерицы впрыскивали морфій; но Викторъ зналъ, что кричитъ она отъ неутолимой душевной боли.

А когда все кончилось и Кленя замолкла навѣки, онъ припалъ щекою къ ея подушкѣ и сталъ шептать тихія слова, не выпуская изъ рукъ маленькую, милую руку, которая тяжелѣла и стыла въ его рукѣ.

— Ты помнишь ночь, когда замолчала маменька, какъ ты теперь? Длинныя простыни бѣлѣли на зеркалахъ, читалъ дьячекъ... и былъ я одинъ. И ты пришла съ мягкой, пуховой косыночкой на плечахъ. Ты принесла мнѣ ѣсть, и я ѣлъ и пилъ, прижавшись къ твоимъ теплымъ колѣнямъ. И когда тебя не было въ комнатѣ, стало страшно и я тихонько плакалъ, пока ты не увела и не положила меня рядомъ съ братомъ на твою большую, пуховую постель... Сама ты ушла къ маменькѣ, и мнѣ не было ее жалко, потому что она перестала кричать, — какъ ты теперь... И помнишь,—когда больной, покинутый всѣми, проклятый отцомъ и ограбленный братомъ,—я умиралъ, ты пришла...

VI.

Властительно и незамѣтно новая жизнь стирала память о прошломъ. Сначала Викторъ сталъ замѣчать это новое въ тысячѣ мелкихъ черточекъ домашняго удобства и уюта. „Сибилла Кумская“ глянула на него изъ темной рамы на стѣнѣ его кабинета; нагрѣтыя, свѣжія простыни пахли фіалками; вмѣсто потертаго штофа на мебели въ гостиной была серебристая матерія, затканная темнолиловыми касатиками...

А ранней весной, когда переѣхали на „Дачку“, и первый разъ обѣдали въ березовой бесѣдкѣ, Викторъ Матвѣевичъ пристально посмотрѣлъ на испитое лицо и пополнѣвшій станъ жены.

— Оля! Ты, кажется, беременна!

Она не отвѣтила и тихонько заплакала.

Родилась дѣвочка, и пришлось въ городскомъ домѣ спальню Ольги устроить въ тетушкиной комнатѣ, потому что дѣвочка пищала по ночамъ, а мать вздумала сама ее кормить. Комната

почти не измѣнилась: только въ уголъ вмѣсто вынесенной тетушкиной образницы втиснули створчатое зеркало да къ узкой дѣвичьей кровати придвинули накрытую кисеей люлечку.

Виктору Матвѣичу приходилось теперь много работать. Вернувшись изъ отпуска, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что дѣла, сданныя на руки помощнику, остались въ прежнемъ видѣ. Къ нимъ даже прибавились вороха бумаги, исписанной разными почерками, по которымъ Викторъ привыкъ раскладывать „исходящія“ и „входящія“ въ стопки: чѣмъ хуже, неразборчивѣе и безграмотнѣе была бумага, тѣмъ отъ высшей инстанціи она исходила. И наконецъ имѣлись различныхъ видовъ неряшливые генеральскіе листки, на которые отвѣчать надо было немедленно. И по вечерамъ, возвратясь изъ управленія, Викторъ запирался въ кабинетѣ. Онъ чувствовалъ, какъ позади и вокругъ него шипитъ и ползаетъ чиновничья зависть и сплетня: завидовали выгодной женитьбѣ, сплетничали о смерти Клени, которую знали многіе, и теперь — кто изъ зависти, кто отъ доброты сердечной, — являлись мстителями, старались Клениной смерти придать значеніе и остроту служебнаго скандала. Викторъ Матвѣичъ думалъ объ этомъ, пробѣгая заготовленныя бумаги, и на губахъ его лежала недобрая улыбка человѣка, который не дастъ себя повалить... А въ домѣ стояла мертвая тишина. Онъ былъ одинъ въ своемъ темномъ, отдѣланномъ дубомъ кабинетѣ. Изрѣдка за окномъ дребезжали извозчичьи дрожки, свистѣлъ въ пальцы уличный мальчишка и вдругъ залетѣвшій невѣдомо откуда вѣтеръ съ сухимъ шорохомъ начиналъ вертѣть звѣздочку стѣннаго вентилятора. Мышь скреблась подъ поломъ опасливо и упрямо...

Работа не пропала даромъ: къ Новому году Викторъ получилъ мѣсто старшаго ревизора и крестъ на шею. Послѣднее обстоятельство особенно обрадовало тетушку. Она потребовала, чтобы былъ устроенъ парадный обѣдъ, на который были приглашены сослуживцы хозяина и многочисленная Ольгина родня, съ дядюшкою-опекуномъ во главѣ.

Года черезъ два умерла тетушка Лизавета Ивановна. Случилось это какъ-то невзначай. Давно она ставила себѣ горчишники на ночь и пила липовый цвѣтъ. И одинъ разъ Ольга сказала мужу: „Зайди куда-нибудь пообѣдать: сегодня тетушку соборуютъ, а ты такихъ торжествъ не любишь“. И онъ изъ управленія пошелъ прямо въ клубъ.

А когда ночью вернулся домой, отворившая горничная сказала: „Лизавета Ивановна померли!“

— А!—протянулъ Викторъ Матвѣичъ,—царство небесное!—вспомнилъ онъ, и хотѣлъ идти къ женѣ. Но тутъ же подумалъ о ладанѣ, завѣшанныхъ зеркалахъ, гнусавомъ дьячкѣ, и прошелъ къ себѣ. Въ гостиной передъ потухающимъ каминомъ, прислонившись головою къ ножкѣ кроватки, спала на коврѣ нянька.

— Ольга Васильевна приказали! — испуганно сказала она, вскакивая при видѣ барина:—сродственниковъ много нашёдши.

Викторъ Матвѣичъ наклонился надъ дѣвочкой, теплой и розовой со сна, и любовно провелъ кончиками пальцевъ по ея пушистому плечику и выгнутой, какъ у котенка, спинкѣ. Дѣвочка шевельнулась и съежилась въ комочекъ, прижавши къ грудкѣ два пухлыхъ кулачка. И отъ этого прикосновенія по всему существу молодого отца разлилось ласковое и умиленное чувство, къ которому примѣшивалось смутное чувство виновности.

Въ завѣщаніи тетушки Викторъ Матвѣичъ былъ назначенъ однимъ изъ трехъ душеприказчиковъ, и когда собрались ѣхать къ нотаріусу для чтенія духовной, онъ замѣтилъ, что трауръ необыкновенно краситъ Ольгу.

— Я на твоемъ мѣстѣ нарочно умаривалъ бы по родственничку каждый годъ, чтобы всегда носить это единственно изящное женское убранство, — сказалъ онъ, подсаживая жену въ экипажъ.

У нотаріуса ихъ уже ждали другіе душеприказчики: Сидорычъ, окончательно налившійся желтоватою гнойною лимфой, и дядюшка-опекунъ, сухенькій, сѣденькій старичокъ, котораго въ роднѣ звали Мильенъ Иванычемъ. При встрѣчѣ съ нимъ Викторъ всегда вспоминалъ о милліонѣ, предполагавшемся у старичка, и ловилъ себя на томъ, что особенно почтительно пожималъ его узловатую руку, похожую на пѣтушью лапку. Группами сходились наслѣдники, и сошлось ихъ нѣсколько десятковъ.

Началось чтеніе.

Лизавета Ивановна написала духовную собственноручно, на тринадцати листахъ, и видно было, что надъ этимъ трудомъ работала она много лѣтъ упорно и любовно, отдѣлывая до прозрачности смыслъ каждаго слова, какъ художникъ рисуетъ черты милой, поэтъ — повѣсть своей первой любви. Въ это завѣщаніе вылилось все творчество одинокой, смиренной души, служившей въ молчаніи непреложному закону соблюденія. Большія и малыя суммы были завѣщаны учрежденіямъ и лицамъ, служившимъ тому же дѣлу: монастырямъ и богадѣльнямъ, пріютамъ и бѣднымъ невѣстамъ, многодѣтнымъ вдовамъ и племянницамъ

до четвертаго колѣна. Не забыта была даже какая-то безымянная крестница; „Якимки гулящаго дочкѣ, который завѣялся. А имени не упомню“. Ей назначалось „триста рублей въ приданое и корольковыя сережки съ брошью, и образъ Ахтырской Божьяго Милосердія, коли она въ городѣ проявится и себя соблюдетъ“.

Викторъ слушалъ это утомительное монотонное чтеніе и смотрѣлъ на жену. Измѣнилась она за эти годы до неузнаваемости. Что-то простое и вмѣстѣ властное было въ ея опредѣлившихся, красивыхъ чертахъ, въ склонѣ покатыхъ плечъ подъ гладкимъ, туго натянутомъ платьемъ. И цвѣтъ кожи былъ того неуловимаго, голубоватаго, перламутроваго оттѣнка, который бываетъ только у бѣлокурыхъ, очень здоровыхъ и цѣломудренныхъ женщинъ... И ему захотѣлось чѣмъ-нибудь смутить ея спокойную грусть, которая ему показалась намѣренно подчеркнутой и несовсѣмъ искренней.

— Сегодня приди ко мнѣ, — шепнулъ онъ, наклонясь къ розовому уху жены.

При этихъ привычныхъ словахъ она чуть откачнулась въ сторону и посмотрѣла ему въ лицо широко открытыми глазами, въ которыхъ онъ прочиталъ такую безмѣрную муку, что на мгновеніе ему стало страшно.

— Тебѣ непріятно?

Должно быть, ему просто почудилось, потому что лицо у нея было, какъ всегда, и глаза уже свѣтились обычною сдержанной лаской, когда она отвѣтила, чуть шевельнувъ губами.

— Нѣтъ, отчего же...

VII.

Главною наслѣдницей Лизаветы Ивановны была Ольга: ей осталась теткина доля въ торговлѣ, съ обязательствомъ выплатить Виктору Матвѣичу десять тысячъ „за усердіе къ службѣ и некорыстолюбіе“, какъ значилось въ завѣщаніи.

До этого времени супруги никогда не говорили о деньгахъ. Какъ всѣ люди, женившіеся безъ разсчета на богатыхъ женщинахъ, Викторъ испытывалъ тягостную неловкость, когда рѣчь заходила о дѣлахъ. И теперь ему показалось страннымъ чувство радости отъ этого нежданаго наслѣдства.

Черезъ нѣсколько дней Ольга вошла вечеромъ въ кабинетъ съ маленькой папкой въ рукахъ, въ какихъ учительницы носятъ ученическія тетради.

— Я твои деньги принесла.

— Оставь пошлости!

— Какъ же мнѣ съ ними быть? Не мои онѣ...

— Дѣлай съ ними то, что дѣлаешь со всѣмъ нашимъ имуществомъ. Неужели будемъ дѣлиться? Пусть все идетъ, какъ было при тетушкѣ.

Но нелегко было Ольгѣ замѣнить Лизавету Ивановну. Теперь она по часамъ щелкала счетами, провѣряя дневную выручку и сидѣла въ магазинѣ, смѣняя все больше слабѣвшаго Сидорыча.

Магазинъ былъ оптовый и помѣщался въ узенькомъ, плохо мощеномъ переулкѣ въ торговомъ лабиринтѣ городской площади. Надъ его дверью была полинявшая вывѣска „Василій Балакинъ“, а внизу ярко синей краской позднѣйшая приписка — „бывше“. На двухъ неширокихъ окнахъ виднѣлись малые и большіе свертки чаю, съ ярко-красною надписью въ пропись: „Ольга Балакина и К⁰.“ И эта красная краска, и дѣвичье имя жены, и нелѣпое „бывше“ нагоняли на Виктора злость и тоску раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ переступить порогъ этого унылаго мѣста. Высокія бочки съ кофе и сахаромъ шли отъ порога двумя рядами въ глубину, гдѣ въ „развѣсочной“, отдѣленной отъ магазина переборкой изъ матовыхъ стеколъ, мелькали женскія головы и проворно-проворно двигавшіяся руки. Порой оттуда неслись звуки заунывной, приглушенной пѣсни вмѣстѣ съ удушливой пылью чайной крошенки. У порога, за такими же матовыми стеклами кассы, сидѣла Ольга и вертѣла ручку механическаго счетчика. И почему-то и „развѣсочная“, и касса напоминали Виктору темный чуланъ, гдѣ жила сумасшедшая тетка—и онъ торопился уйти изъ магазина.

Не одни коммерческіе разсчеты занимали теперь Ольгу. Она накидывалась на работу, какъ голодный на хлѣбъ. Шла перестройка и въ городѣ, и на „Дачкѣ“. Срубили засохшую совсѣмъ старую липу, разобрали развалившуюся заводскую трубу. Со двора снесли пристройки и корридоры, и яркое солнце хлынуло въ домъ, дробясь въ разноцвѣтныхъ стеклахъ окна въ столовой, занявшаго всю стѣну.

Во всѣхъ благотворительныхъ обществахъ города Ольга была либо секретаремъ, либо членомъ правленія и почти каждый вечеръ уѣзжала на спектакль или концертъ съ благотворительной цѣлью.

Викторъ Матвѣевичъ любилъ видѣть жену на этихъ вечерахъ. Съ порога игорной комнаты онъ смотрѣлъ на ея высокую,

статную фигуру, одѣтую въ плотныя и дорогія темныя ткани, украшенную старинными драгоцѣнностями. И ему было пріятно подслушать въ толпѣ губернскихъ дамъ, одѣтыхъ въ перекроенныя платья, завистливую похвалу красотѣ и брилліантамъ жены. И въ такіе вечера, возвращаясь домой, онъ ей шепталъ: „я тебя жду“.

VIII.

Послѣдній благотворительный вечеръ въ ту зиму назначенъ былъ въ $9^1/_2$ часовъ, потому что артисты, участвовавшіе въ концертѣ, были заняты въ театрѣ. Въ первомъ отдѣленіи любители уже на всѣхъ инструментахъ испытали терпѣніе человѣческое, и Викторъ Матвѣевичъ чувствовалъ тоску, близкую къ ощущенію физической боли: какая-то истома разлилась по его тѣлу и ломила глаза.

Вдругъ нѣжный, чарующій, бархатный голосъ разлился по залу давно знакомой, давно милой мелодіей:

Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря...
Оно къ землѣ воротится, любя!..
Не вѣрь, мой другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя.

Онъ дрогнулъ и выпрямился. На эстрадѣ, прямо противъ него, въ платьѣ, стилизующемъ водяную лилію, и сама похожая на лилію, стояла знаменитая, заѣзжая изъ столицы артистка. Но онъ ее едва видѣлъ. Передъ его воспаленнымъ, мучительно напряженнымъ взглядомъ вставало прошлое, воскресала погибшая, поруганная любовь, оживала пропавшая жизнь... Онъ поднялся, и весь блѣдный, ни на кого не глядя, пошелъ къ выходу. А за нимъ поплыли зовущіе, обѣщающіе звуки:

И ужъ бѣгутъ съ обратнымъ шумомъ волны
Издалека къ любимымъ берегамъ.

Онъ шелъ долго. Бѣлый туманъ лунной весенней ночи заклубился на краю города надъ болотомъ. Тихо закачались деревья городского кладбища.

Когда-то давно, гимназистомъ, онъ приходилъ сюда готовиться къ экзаменамъ и зналъ всѣ лазейки въ старой оградѣ. И могилу онъ нашелъ сразу... Не огороженная, съ осыпавшимся дерномъ на одной сторонѣ, прислонилась она къ самой оградѣ,

точно сознавая, что не ея мѣсто на этой освященной землѣ. И креста не было. Вмѣсто него къ каменной стѣнѣ была приставлена темная, скругленная плита съ образомъ Богородицы Скорбящихъ радости и надписью: Клеопатра. Житія ея было 40 лѣтъ.

Была и лампадка передъ иконой, которая при жизни тетушки Лизаветы Ивановны теплилась неугасимо за грѣшную душу. Но стекла въ фонарикѣ были разбиты и порывъ вѣтра кружилъ въ немъ залетѣвшія туда, запоздалыя снѣжинки.

— Кленя!—прошепталъ онъ.—Кленя!—сказалъ онъ громче... Того великаго горя, которое потрясло его тамъ, въ залѣ, уже не было. Онъ зналъ теперь, что жила Кленя, что умерла она по его винѣ. И онъ сожалѣлъ объ этомъ... И это сознаніе пустого и вялаго сожалѣнія стирало послѣднія краски съ его души.

Онъ сѣлъ на сосѣднюю могильную плиту, долго смотрѣлъ на памятникъ и вдругъ поймалъ себя на томъ, что считаетъ буквы имени „Клеопатра“—девять...

И двѣ мучительныя слезы выкатились изъ его глазъ: онѣ были о томъ, что въ эту ночь, съ его умершей любовью, Кленя умерла—совсѣмъ.

IX.

Два дня еще Викторъ Матвѣичъ ходилъ на службу, хотя снѣгъ казался ему зеленымъ, а папироса отвратительно прѣсной. На третій день онъ слегъ, и доктора долго не знали, что̀ у него: тифъ, тяжелая инфлуэнца или воспаленіе слѣпой кишки? Спорили они до тѣхъ поръ, пока больной однажды ночью въ одной простынѣ выбѣжалъ во дворъ. Пригласили тогда еще психіатра и порѣшили общимъ совѣтомъ—тифъ.

Больной лежалъ на своей широкой, мягкой постели и требовалъ, чтобы ему сейчасъ же купили другую, въ четыре аршина, потому что на этой ногамъ тѣсно. Принесли новую кровать, такой же длины, какъ прежняя, и больной на нѣсколько минутъ затихъ. Этимъ воспользовались, чтобы перенести его въ залу: тамъ было много воздуха и свѣта. Съ одной стороны постели поставили носилки, съ другой—широкое кресло для сидѣлки. И въ этомъ креслѣ много дней подъ-рядъ, ночью и днемъ онъ видѣлъ покорно опущенную голову жены, и эта покорность, это спокойствіе выводили его изъ себя.

— Ты, ты—деревянная,—говорилъ онъ,—пальмовая. Знаешь, ложечки такія монастырскія бываютъ: съ рыбой. И рыба ты тоже... рыба ты розовая: лососина разварная.

Быстрымъ, безшумнымъ движеніемъ снимала она пузырь со льдомъ и уносила. Потомъ опять сидѣла у кровати, а гдѣ-то, въ дальнемъ углу дома слышались глухіе, частые удары. Больной зналъ, что то—рубятъ ледъ для него. Но эти звуки приводили ему на память былыя потери.

— Ты слышишь? Гробъ забиваютъ... Это Кленю хоронятъ. Только не въ крышку гвоздями... не желѣзными, большими, а маленькими, золотенькими... Ты богатая вѣдь, у тебя все золотое.

И когда она вставала, чтобы влить въ его пересохшій ротъ глотокъ вина, онъ рвался и кричалъ жалобно:

— Пожалѣйте! спасите! Она отравить меня хочетъ! Ей генерала надо... Богатая она: у ней въ головѣ цыбикъ чаю... Нататырь! А! А! А! Спасите!

И разъ въ мучительномъ бреду онъ увидѣлъ тонкое, страдальческое личико Вали.

— Валя моя! Дочка моя... мой маленькій, милый ангелъ,— заговорилъ онъ жалобно, и отцовская забота пересилила спутанность горячечнаго бреда.

— Боленъ я... Уйди, моя крошка! Что же вы ее не уведете? Вѣдь, это опасно, заразительно... Не подходи! Не подходи!

Съ этого дня сознаніе возвращалось все чаще и чаще. Онъ лежалъ безсильный, затихшій, покорный. Гладилъ руку жены и хотѣлось ему цѣловать эту похудѣвшую, покрытую синеватыми жилками руку и тихонько плакать. Но она уходила при малѣйшемъ его волненіи и онъ оставался по часамъ одинъ, въ сладкомъ забытьи перваго, еще не ясно сознаннаго выздоровленія.

Часто вмѣсто матери у кровати сидѣла Валя. Ей шелъ одиннадцатый годъ и она только-что перемѣнила свой бѣлый дѣтскій передничекъ на черный, ученическій. Дѣвочка видимо подражала матери: сидѣла молча, почти не шевелясь и только время отъ времени взглядывала на черные часики, приколотые къ широкому наплечнику ея передника. И отецъ по часамъ глядѣлъ на нее и не могъ наглядѣться, и казалось ему, что никогда онъ не видѣлъ ничего прелестнѣе этого высокаго, чистаго лба, на которомъ, какъ у него, въ минуты задумчивости ложилась между темныхъ бровей складка, и синихъ, кроткихъ, не по-дѣтски печальныхъ глазъ, и всего этого, уже одухотвореннаго мыслью дѣтскаго облика.

X.

Когда Викторъ Матвѣевичъ первый разъ вышелъ въ столовую, на широко открытомъ окнѣ, въ тонкихъ хрустальныхъ кувшинахъ, благоухали первые касатики и нарциссы. Солнце играло на полу сквозь цвѣтныя стекла боковыхъ рамъ и голуби ворковали у фонарика, на крышѣ.

У стола сидѣла чужая дѣвушка въ черномъ платьѣ, перетянутая по узкой таліи чернымъ ремнемъ.

— Исидара Михайловна, кассирша наша, — сказала Ольга.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Просто Дара,—протестовала дѣвушка.

— Не справиться мнѣ было одной: бѣдный нашъ Сидорычъ крѣпко прихварываетъ, — объяснила Ольга, принимаясь разливать супъ.

Викторъ скользнулъ глазами по лицу и очень тонкой, съ чуть выдавшимися лопатками фигурѣ дѣвушки. И лицо у нея было тонкое, острое, незначительное, съ ввалившимися, окруженными синевою глазами. И когда въ первомъ пожатіи нервно задрожала ея маленькая, горячая рука, онъ подумалъ съ презрительной жалостью: „Труситъ, бѣдняжка!“ За обѣдомъ Дара протянула къ нему свой стаканъ: „За новое здоровье,—за новую жизнь“! И онъ въ первый разъ увидѣлъ ея глаза: странные, изсиня-сѣрые, точно покрытые дымчатымъ налетомъ, почти безъ блеска, съ затаившимися въ самой глубинѣ искоркамя тревожной, напряженной, испуганной мысли. И опять ему стало жаль.

— Ты гдѣ эту Сидару выкопала? — спросилъ онъ, оставшись наединѣ съ женой.

— Стипендіатка моя. Изъ нашихъ же, пріютскихъ. Гимназію окончила... Лѣтомъ будетъ съ Валей заниматься.

— Смотри... Странная она мнѣ показалась. А Валенька большая. Въ домъ не слѣдуетъ людей пускать безъ разбора.

— Можешь быть спокоенъ: Дара сама еще сущій ребенокъ.

И Викторъ Матвѣевичъ скоро съ этимъ согласился.

По совѣту врачей на дачу перебрались уже въ концѣ апрѣля. Только-что тронулся сокъ въ цвѣточныхъ метелкахъ ели, и березы стояли унизанныя свѣтлозелеными, прозрачными бусами.

Ольга часто уѣзжала въ городъ и оставалась подолгу. И оттого ли, что у Виктора Матвѣича было теперь много свободнаго времени, или за время болѣзни присутствіе и ласки жены ему стали нужны и милы, но ему казалось, что Ольга нарочно

его избѣгаетъ. Грустно смотрѣлъ онъ съ крыльца, какъ она, нарядно и строго одѣтая, красивая, легко вскакивала на подножку экипажа, на лету цѣловала Валю, ласково кивала Дарѣ и до другого дня уѣзжала въ городъ.

Дѣвушки, обнявшись, шли въ домъ.

Прозрачныя сумерки долго оставались въ комнатахъ подъ низенькими потолками. Излучистая, присмирѣвшая Нетеча спѣшно убирала въ берега свои воды и, прислушиваясь, Викторъ улавливалъ тихій говоръ и шорохъ ручьевъ. А за стѣною звучалъ голосъ Дары, разсказывавшей Валѣ длинную сказку. Читать она не любила, предпочитая передавать своими словами печальную повѣсть о „Маленькой Русалочкѣ“ или сгубленной Арысь-полѣ, приходившей по ночамъ кормить своего покинутаго ребенка. И столько свѣтлой грусти, столько глубокой тоски вкладывала дѣвушка въ свои слова, и такою скорбью звенѣлъ ея голосъ, что понемногу эти разсказы стали вплетаться въ ликующее чувство здоровья и обновленія, которое переживалъ Викторъ, какъ вплетались въ него журчаніе ручьевъ, вечернія зари и пѣніе малиновки въ кустахъ за окномъ.

По утрамъ Дара занималась съ Валей, и Викторъ Матвѣичъ вслушивался въ эти уроки, словно только теперь открывалась передъ нимъ душа его ребенка. И дѣвочка съ ея длинными косами, съ ея напряженно ищущимъ, не женски пытливымъ умомъ— наполняла его восхищеніемъ и гордостью.

— Не могу же я повѣрить,—говорила какъ-то Валя,—чтобы Богъ былъ до того злой, чтобы вѣчно мучить человѣка за грѣхи. Жизнь эта такая маленькая, и грѣшныхъ людей такъ много, что Онъ ихъ послѣ смерти воскреситъ и проститъ всѣхъ. Конечно?

— Конечно,—согласилась Дара.

— Боюсь я, что вы преподаете не совсѣмъ по батюшкиной программѣ,—сказалъ Викторъ Матвѣичъ въ тотъ вечеръ, когда Валя ушла спать. Я вѣдь утромъ слышалъ, какъ вы проповѣдывали ересь.

— И буду. Дѣлаю это по совѣту и указанію Ольги Васильевны: нельзя затемнять ликъ Божій въ чистой душѣ дитяти.

Другой разъ за стѣною раздалось рыданіе Вали:—„Дарочка, подумайте! только подумайте! Онъ на эту шинель откладывалъ съ каждаго рубля по грошику, по одному только грошику“...

И Викторъ слышалъ, какъ учительница обняла ученицу, и ласкала, и усаживала къ себѣ на колѣни. И сидѣли онѣ, должно быть, у самой двери, потому что ясно было слышно каждое сказанное слово.

— Съ такимъ сердцемъ, какъ у тебя, Валя, нельзя жить на свѣтѣ. Когда ты выростешь и откроются у тебя глаза, ты увидишь тысячи такихъ же обездоленныхъ, обдѣленныхъ, убогихъ... Нѣтъ, хуже, хуже!! Акакій Акакіевичъ узналъ минуту торжества, когда почувствовалъ на плечахъ новую шинель. А есть такіе убогіе, что всю жизнь собираютъ эти бѣдные грошики, и когда соберутъ ихъ полныя горсти, грошики становятся водяными капельками и утекаютъ сквозь пальцы, жалкіе, безсильные напоить даже послѣднюю сорную травку.

Въ тотъ вечеръ, когда все затихло и заснуло въ домѣ, Викторъ Матвѣевичъ долго и пристально смотрѣлъ на Дару. И дѣвушка почуяла этотъ взглядъ, потому что руки ея, перетиравшія стаканы, дрогнули и голосъ оборвался, когда она спросила:

— Еще, можетъ быть, налить?

— Чаю? Нѣтъ... А впрочемъ, налейте... Вотъ что, Дара Михайловна, я давно собираюсь поговорить съ вами.

— Что? О чемъ?

Она вскинула на него глаза, тревожные, испуганные и ея тонкое, покрытое румянцемъ ранняго загара лицо стало бѣлымъ, какъ мѣлъ.

— Отчего вы такъ испугались? Развѣ вы боитесь, что я буду нескроменъ и стану залѣзать къ вамъ въ душу непрошенный? Нѣтъ, нѣтъ... Я хочу только помочь вамъ разобраться въ нахлынувшемъ на васъ вихрѣ думъ, чувствъ и грезъ, которыя мучатъ васъ и порою не даютъ вамъ покоя. Когда я слышу старыя сказки въ вашей передачѣ, я чувствую какую-то тонкую, разлитую скорбь, вамъ присущую и придающую новую прелесть разсказу. И кажется мнѣ тогда, что вы—поэтъ.

Дара дрогнула всѣмъ тѣломъ и съ ея блѣдныхъ губъ сорвалось испуганное и радостное: „Ахъ!“ — И ея глаза, широко открытые, смотрѣвшіе прямо въ его глаза, были полны лучистаго свѣта.

— Что же? Я угадалъ? Вы пишете? Стихи пишете?

— Что же изъ того?

— Я хочу быть крестнымъ отцомъ вашего молодого таланта. Дара! Вѣдь я одинокъ, какъ вы. И, можетъ быть, мнѣ больше, чѣмъ кому-нибудь, будетъ понятна ваша одинокая скорбь.

Она вышла и вернулась съ синими, ученическими тетрадками въ рукахъ.

— Будемъ читать.

Дѣвушка покорно сѣла къ столу, прижавши обѣ руки къ груди, и было видно сквозь тонкую ткань батистовой клѣтчатой

кофточки, какъ порывисто дышетъ ея дѣтская, чуть округлившаяся грудь и какъ воздуху ей не хватаетъ.

Стихи мои... цвѣты мои ночные!
Въ полночный часъ тайкомъ цвѣтете вы,—
Никѣмъ незримые, никѣмъ не понятые,—
Какъ вѣщій цвѣтъ печальной сонъ-травы.

Она читала заглавіе за заглавіемъ, страницу за страницей... И оттого ли, что цвѣла весна и вѣтеръ приносилъ запахъ яблонь, и плескалась у зеленаго берега Нетеча — слова, слетавшія съ дрожащихъ губъ дѣвушки, казались ему прекрасными, какъ весна. И сама она словно преобразилась: исчезла неловкая угловатость движеній, лицо покрылось розовымъ оттѣнкомъ — отсвѣтомъ внутренняго счастья, и заиграли на немъ молодыя, милыя ямочки на щекахъ, въ углахъ губъ, у разрѣзовъ глазъ. И длинныя рѣсницы трепетали, и видно было, какъ подъ ними блестѣли и высыхали слезы.

Пѣсня счастья разбудитъ меня
Въ одинокой, забытой могилѣ...
Слава солнцу грядущаго дня!
Слава вѣчной, зиждительной Силѣ!

„Дара! Дитя мое милое! Вѣдь вы—поэтъ, настоящій поэтъ! Пусть еще маленькій, неграмотный, ощупью ищущій образы и слова...“

И отъ его окрика Дара словно проснулась... Опять сидѣла она передъ нимъ, угловато согнувшись, тусклая, погасшая и смотрѣла ему въ глаза виноватыми, испуганными глазами, въ которыхъ затаившейся искоркой горѣла упрямая мысль.

XI.

Въ концѣ іюля разъ ночью заболѣла Валя. Изъ своей комнаты Викторъ Матвѣевичъ слышалъ ея крики и стоны; а испуганная Ольга только махала на него руками, когда онъ хотѣлъ войти къ дѣвочкѣ.—„Не смѣй! Не смѣй! Поѣзжай лучше самъ за докторомъ“.

Доктора удалось привезти только къ свѣту и когда онъ ушелъ отъ больной и ея крики затихли, къ Виктору Матвѣичу пришла Ольга.

— Скорѣе!.. У меня времени мало: каждую минуту она можетъ проснуться.

— Что съ нею?

— Она видѣла, какъ ты обнималъ Дару.

— Ольга!.. Право же...

— Нѣтъ!.. Не надо... Я пришла сказать, чтобы вы оба сію же минуту уѣхали отсюда.

— Ты съ ума сошла... Между мною и Дарой до сихъ поръ...

— Ты, очевидно, меня не понимаешь... Меня совершенно не касается то, что̀ между тобою и Дарой. Но моя дочь видѣла, какъ ея отецъ обнималъ чужую женщину; и потому онъ долженъ уйти съ этой женщиной, а я должна остаться съ этого времени безраздѣльно съ нею.

— Я не понимаю...

— И не поймешь... Поэтому я и хотѣла, ничего тебѣ не говоря, увезти Валю. Но докторъ требуетъ совершеннаго спокойствія физическаго и нравственнаго. Ради нея прошу—уѣзжайте сію же минуту.

Въ спальнѣ послышался голосъ Вали—и Ольга выбѣжала...

Было въ словахъ и въ голосѣ жены что-то до того властное и безповоротное, что онъ не могъ сомнѣваться въ необходимости для дитяти его отъѣзда...

Но когда экипажъ уже былъ у крыльца и на горкѣ чемодановъ кучеръ примащивалъ бокомъ маленькую, обломанную корзинку Дары, страстное желаніе увидѣть дочь затушило въ Лагутинѣ даже мысль объ опасности. Онъ на цыпочкахъ подошелъ къ двери, прислушался и рѣшительно распахнулъ ее. Около больной никого не было и Валя лежала съ закрытыми глазами, во снѣ или забытьи. И когда отецъ наклонился къ ея блѣдному, похудѣвшему личику, она открыла глаза и сказала безъ гнѣва и волненія:

— Зачѣмъ ты приходишь? Я вѣдь видѣла. И по звуку ея тусклаго голоса, по неживому, притухшему взгляду онъ понялъ, что нѣтъ силы, которая могла бы изгладить изъ памяти дитяти то, что она видѣла.

Онъ молча вышелъ, и тогда изъ-за запертой имъ двери до него донесся рыдающій голосъ:

— А ей, ей скажи, что я любила ее... любила крѣпко! Почти, какъ маму!

...Въ Петербургѣ устроились кое-какъ. По службѣ обѣщали переводъ, а въ ожиданіи его прикомандировали къ управленію и назначили маленькое содержаніе изъ сверхсмѣтныхъ суммъ.

Дѣло ему дали тоже какое-то сверхсмѣтное: приходилось то скакать изъ склада въ складъ, изъ конца въ конецъ города, то слонялся онъ цѣлый день между столами, на которыхъ бѣгали перья, стучали машинки, щелкали штемпеля. И въ томленьи чиновничьей скуки ждалъ онъ минуты, когда прямая и сухая, какъ палка, пройдетъ изъ кабинета къ выходу фигура управляющаго, за которою раздадутся облегченные вздохи, зѣвки, торопливый шелестъ бумаги и проворный топотъ чиновничьихъ ногъ, спѣшащихъ къ трамваю. И Лагутинъ бѣжалъ, какъ школьникъ, толкался, какъ мальчишка изъ зеленной, чтобы не въ очередь попасть въ вагонъ, который увозилъ его въ конецъ Петербургской стороны, къ Спасу на Колтовской. Тамъ, въ новомъ, покрытомъ пятнами свѣжей сырости домѣ удалось найти квартиру за двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ. Квартира была плохенькая, съ плохими хозяйскими дровами; состояла всего изъ двухъ комнатъ съ кухней. И дворникъ сказалъ при наймѣ: „Дешевле дешеваго пускаетъ черезъ то именно, что лѣтось „дѣвочки“ были пущены постройку обживать. Ну, которые стоющіе господа, дѣйствительно, обѣгаютъ“.

Прислуга, изъ огородницъ-копорокъ, всегда была дома, потому что съ непривычки плутала въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ, и даже въ баню и на рынокъ ходила всегда съ дворничихой. Лагутина она неизмѣнно встрѣчала заявленіемъ: „Кушать тебѣ не ждамши приказали: сама ушодши“. Дара появлялась въ срединѣ обѣда, когда, съѣвши жиденькій супъ, онъ принимался за сухіе ошмётки пережаренаго мяса. Говорить она начинала еще за порогомъ:

— Голубчикъ, миленькій, прости! Но когда живешь у чорта на рогахъ, какъ мы, то жить по часамъ не приходится... Представь себѣ: я семь конокъ пропустила! Ты не сердишься? скажи, что не сердишься!

Онъ не могъ на нее сердиться: что-то въ голосѣ, въ порывистой манерѣ этого брошеннаго ребенка-женщины было такое, что приводило на память Валю и въ то же время воскрешало изъ давнишняго прошлаго первую любовь, съ ея лучезарнымъ началомъ и мучительнымъ концомъ.

Въ одинъ ненастный вечеръ, когда на дворѣ было мокро, въ комнатѣ сыро, а отъ суповой миски противно пахло кислой капустой и снятками, Дара ворвалась, какъ ураганъ.

— Милый, мой милый! Ненаглядный! Единственный! Она душила его поцѣлуями, кружилась, какъ изступленная и подносила къ самымъ его глазамъ номеръ иллюстрированнаго журнала.

— Смотри! хорошенько смотри! „Дара Л...“ Понимаешь, это я!

И началась странная жизнь.

Изо дня въ день Дара ходила по большимъ и малымъ редакціямъ, принося домой рубли, рѣдко десятки рублей, и всего чаще получая отказы, —молчаливые, презрительные, или дерзкіе, которые доводили ее до состоянія безсильнаго бѣшенства. Уже по лицу Дары онъ научился распознавать надвигающуюся грозу. Блѣдная, безъ кровинки въ лицѣ садилась она къ столу и послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженнаго и злого молчанія разражалась потокомъ жалобъ, упрековъ, угрозъ.

— Подлые, подлые! Еслибы я была жена какого-нибудь чинуши, обвѣшанная цѣпочками, или любовница милліонера, залитая брилліантами, — они меня въ геніи произвели бы за парочку пьяныхъ ужиновъ!! Жалкіе! ничтожные, лживые!.. „Извините: у насъ свой постоянный кругъ сотрудниковъ“. Кругъ! Совсѣмъ не кругъ, а корыто свиное, къ которому редакторъ-свинась не подпускаетъ... свиней чужого загона...

Не берете, не хотите? Ну и не надо! Такъ и лучше будетъ: не стану пороги обивать.

— Лучше, дѣтка, лучше! Ты и себя, и талантъ свой губишь... А я? Обо мнѣ подумай.

— Да! Я знаю, что ты ненавидишь мою работу. Ты хотѣлъ бы, чтобы я сидѣла дома, штопала твои чулки, пекла оладьи...

— Дара, вспомни! Вѣдь не ради тебя, — ты еще не женщина, ради твоего таланта я бросилъ...

— Что, что ты бросилъ? Ты ничего не бросалъ... Тебя выбросили, разсчитали, выгнали, какъ нашкодившаго лакея... На, на! Смотри, радуйся!

Какъ безумная, бросалась она рвать свои тетради и, захвативши ихъ въ охапку, тащила къ плитѣ. А онъ, молчаливый и злой, отнималъ ихъ, пряталъ, — раздѣвалъ и укладывалъ въ постель бившуюся въ истерическомъ припадкѣ дѣвушку...

А глубокою ночью сквозь тяжелый, свинцовый сонъ онъ слышалъ, какъ она ползала вокругъ его постели и не смѣла прикоснуться къ нему, и плакала... Потомъ неслышно уходила въ другую, плохо топленую комнату и припавши къ столу иззябшею, полудѣтскою грудью, писала до свѣта, смѣясь и плача, и шепча неслышныя, красивыя слова... И послѣ такихъ припадковъ наступали полосы яснаго затишья. Дара сама ходила на рынокъ, опрятно убирала квартиру и по вечерамъ, радостная и умиротворенная, повѣряла ему свои мечты! О! она добьется своего. Она видѣла столько горя, столько страданій и зла, что люди не

могутъ остаться равнодушными къ этому морю слезъ. Вѣдь тѣ, для кого существуетъ литература и театръ, сами сыты. И потому имъ новы и интересны картины страданія, какъ голодному — разсказы о царскихъ пирахъ. А она найдетъ слова, найдетъ форму... И съ загорѣвшимися глазами, съ румянцемъ на впалыхъ щекахъ она говорила о торжествѣ правды, которое будетъ и ея торжествомъ, о далекихъ, чудныхъ краяхъ, о счастливыхъ, свободныхъ людяхъ и о любви безъ конца. Райскія грезы и полубезумный бредъ сплетались въ порывистой рѣчи Дары и, обезсиленная, счастливая и уже вѣрящая, она засыпала дѣтскимъ сномъ, положивши, какъ ребенокъ, сложенныя ладони подъ разгорѣвшуюся щеку... Чтобы не спугнуть этого сна, Викторъ Матвѣичъ полуодѣтый выкрадывался утромъ въ холодную столовую. На полу, передъ топящейся печкой, Маланья пила кофейныя переварки съ свѣжимъ ситникомъ и крестила зѣвающій ротъ: „Согрѣшила, грѣшница!“

И разъ вечеромъ Дара пришла домой не похожая на себя: ясная, странно затихшая, съ лучистымъ сіяніемъ въ глазахъ, какъ въ тотъ вечеръ, когда впервые читала ему свои стихи. И когда Лагутинъ, не зная, ждать ему ласкъ или оскорбленій, спросилъ нерѣшительно:

— Ты въ редакціи была? — она отвѣтила растроганнымъ, мягкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я была у доктора. Онъ мнѣ сказалъ, что я беременна.

XII.

Не ждалъ онъ отъ Ольги такого отвѣта на свое просительное, почти униженное письмо о разводѣ. Она писала, что удивляется его долгой нерѣшительности; извѣщала, что у Зощенко заготовлены всѣ бумаги для его, Лагутина, подписи и консисторія „подогрѣта до горячаго состоянія“. На другой день былъ полученъ переводъ на довольно крупную сумму и коротенькое письмо съ именемъ гостинницы, въ которой Ольга просила остановиться.

Гостинница была глухая, стояла на краю города у самаго вокзала и останавливались въ ней купцы, пріѣзжавшіе на ярмарку, да деревенскіе батюшки. Онъ понялъ выборъ Ольги: она не хотѣла давать дѣлу лишней огласки, а въ большихъ центральныхъ гостинницахъ ихъ легко могли узнать. Комната для него уже была занята и половой въ несвѣжей бѣлой рубахѣ осклабился,

говоря: „Барыня уже два раза спрашивали. Ждать приказали". И онъ ждалъ долго въ грязноватомъ „номерѣ" съ желтыми обоями, съ несвѣжею постелью, съ остывающимъ на столѣ самоваромъ у оплывшей тусклой шестериковой свѣчки. Ждать ему было почти пріятно: тишина и сознаніе, что онъ ушелъ въ эту комнату отъ прошлой и теперешней своей жизни, наполняли его чувствомъ, почти ощущеніемъ глубокаго покоя, какъ человѣка, который сѣлъ и задумался на срединѣ долгаго и утомительнаго пути. Онъ не сразу отозвался на стукъ въ дверь и, отозвавшись, не сразу понялъ, что сейчасъ войдетъ Ольга. Ея фигура подъ низкимъ потолкомъ, въ невѣрномъ свѣтѣ свѣчи показалась ему непривычно большой. Странно было видѣть плотный шолкъ, и мягкія складки сукна, и дорогой мѣхъ ея наряда въ этой убогой комнатѣ. И фіалками запахло... И съ этимъ запахомъ въ сознаніи Лагутина вспыхнула яркая, никогда раньше не рождавшаяся мысль: Пышная такая! Молодая! У нея есть любовникъ... всегда былъ.

А она уже пожала его руку свѣжей съ мороза рукой и сидѣла у стола, развязывая тесемки папки, принесенной съ собой.

— О разводѣ переговоришь съ Зощенкомъ, а я, чтобы тебя не задержать, сегодня же сдамъ счета... Я хотѣла принести наличными, да по нынѣшнимъ временамъ страшно... Вотъ удостовѣреніе, вотъ росписка... Двѣнадцать тысячъ семьсотъ въ банкѣ на храненіи.

— Откуда? Вѣдь, десять было.

— Ты же самъ сказалъ вложить въ дѣло...

Въ первый годъ за вычетомъ ремонта...

И она быстро нанизывала цифры прихода и расхода, пока онъ, растерянный, ошеломленный, пытался остановить ее и навести рѣчь на что-то большое и единственно важное во вновь наступающей полосѣ жизни. И только когда ея уже не было въ комнатѣ, онъ вспомнилъ, что не спросилъ и она ни словомъ не обмолвилась о Валѣ.

Черезъ нѣсколько дней Лагутинъ уѣзжалъ въ Петербургъ. По просьбѣ Ольги онъ долженъ былъ сѣсть на поѣздъ въ Слободкѣ, куда она сама провожала его. Никого на пустой платформѣ не было и они одиноко сидѣли въ концѣ ея на забытомъ отъ лѣтнихъ дней садовомъ диванчикѣ.

— Оля! Еще одно: можно мнѣ хоть изрѣдка, хоть не скоро видѣть Валю?

— Нѣтъ, никогда!—рѣшительно сказала Ольга.

— Почему же?

— Видишь ли, — Господь посылаетъ крестъ по силѣ человѣка... И случилось такъ, что Валя своими глазами увидѣла то, что̀ я скрывала бы отъ нея всю жизнь, чтобы не разлучать дочери съ отцомъ.

И я уже видѣла, какъ день за днемъ и капля за каплей уходитъ отъ меня любовь моего дитяти. Дара со своимъ красивымъ бредомъ и ты съ непререкаемымъ авторитетомъ отца съ каждымъ днемъ становились ей ближе, чѣмъ я,—строгая, какъ мать, мелочная, какъ женщина, разсчетливая, какъ купчиха... Но она увидѣла... А ты нашу дѣвочку не знаешь: вся родилась въ бабушку Лизавету Ивановну. Не человѣкъ,—а правило.

Съ той минуты у нея нѣтъ отца, и вся она, вся принадлежитъ только мнѣ...

— И что же? Ты собираешься выростить ее, и безъ того болѣзненно чувствительную и чуткую въ стѣнахъ стараго дома, полныхъ старыхъ обидъ?

— О, нѣтъ! Я уже передала дѣло въ другія руки. Какая я руководительница! То, что я считала правдой жизни, привело меня къ полному банкротству. Я увезу мою дѣвочку далеко отсюда, въ большіе города и счастливыя, свободныя страны. Я буду ее воспитывать въ толпѣ дѣтей, дѣвочекъ и мальчиковъ. И вмѣстѣ съ ними она узнаетъ новыя мысли и новыя, сильныя слова. А когда въ толпѣ ихъ найдетъ себѣ пару, я приведу ее въ старый домъ и отдамъ ей все добро, накопленное слѣпымъ трудомъ четырехъ поколѣній. И скажу: все твое! Дѣлай съ нимъ, что хочешь, что знаешь: увѣшай себя безцѣнными уборами и будь, какъ царица, или горстями раскидай золото бѣднымъ и убогимъ, о которыхъ ты плакала ребенкомъ. Или отдай все великому дѣлу, которому служишь. И въ чемъ бы ты ни нашла свое счастье: въ трудѣ, любви и мученичествѣ,— пригрѣй, доня, и меня его лучами.

— А ты? ты сама? Передъ тобою половина жизни. Какъ, чѣмъ ты проживешь и наполнишь ее?

— Я? Какъ прежде: буду работать, а потомъ посмотрю, что̀ изъ этого выйдетъ.

Ольга помолчала и заговорила опять съ печальной улыбкой.

— Какъ странно, что ты теперь спрашиваешь объ этомъ! А какъ я жила двѣнадцать лѣтъ рядомъ съ тобою? Ты знаешь?.. Ты замѣтилъ, что я жду ребенка чуть не наканунѣ рожденія Вали. И въ самый день рожденія ты сказалъ: „больше дѣтей у насъ не будетъ“. И развѣ ты знаешь, какъ, возвращаясь отъ тебя, я падала передъ иконой, прося у Бога смерти, чтобы изба-

вилось мое тѣло отъ твоихъ холодныхъ и безплодныхъ ласкъ, въ которыхъ для меня не было ничего, кромѣ грѣха и позора? И развѣ ты знаешь, какъ я бѣжала въ родильные дома и пріюты, чтобы тамъ, на этихъ отъ рожденья недужныхъ, покинутыхъ матерями дѣтей излить неизбытую тоску и любовь материнскаго сердца? И все еще я вѣрила, что годы принесутъ забвеніе и миръ твоей душѣ, и ты станешь такимъ, какимъ я тебя полюбила, и создадимъ мы новую, сильную, большую, счастливую семью. Но ты заболѣлъ... А я твердо вѣрю старой пословицѣ: что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Бредъ—тотъ же хмель. И въ бреду твоемъ было столько враждебности, почти ненависти ко мнѣ, къ моей работѣ, къ богатству, въ которомъ я не виновата! Ты обвинилъ меня даже въ смерти сгубленной тобою женщины...

И вотъ я рѣшилась тогда на тяжелое испытаніе: привела Валю къ твоей кровати.

Еслибы ты прогналъ и обидѣлъ наше дитя, я, можетъ быть, возненавидѣла бы тебя. Можетъ быть, простила бы за все и навсегда... Но Валю ты пожалѣлъ. Только ко мнѣ у тебя не было жалости... И когда умерла тетя,—единственное существо, приходившее плакать со мною по ночамъ, ты...

Изъ лѣса донесся громкій, зовущій крикъ паровоза и нарастающій грохотъ скораго поѣзда...

— Скорѣй, скорѣй! Вѣдь одну минуту стоитъ!

Она побѣжала къ вокзалу и Лагутинъ едва успѣлъ вскочить на площадку вагона. И, обернувшись, онъ увидѣлъ на мгновеніе новое, небывалое, незнакомое лицо жены: жалкое, обезображенное судорогой рыданій, залитое слезами. И онъ видѣлъ, какъ ея рука крестила уходящій поѣздъ.

Ночью и днемъ съ властительнымъ крикомъ будетъ онъ мчаться по дремучимъ лѣсамъ, по спящимъ полянамъ, мимо убогихъ деревень и глухихъ полустанковъ. И съ каждымъ часомъ все дальше, все безповоротнѣе въ тьму и холодъ прошлаго будетъ уходить жизнь.

И съ каждымъ часомъ Лагутинъ понималъ яснѣе, что не создастъ счастья и мира семьи больной до рожденія, брошенный подъ ноги людямъ обломокъ человѣческаго существованія, который станетъ теперь его женою. И онъ зналъ, что чужая воля и могучій разумъ придетъ и дастъ новую силу и новое содержаніе красивому бреду этой мятущейся, дѣтской души. И не ему, Лагутину, суждено быть этимъ новымъ человѣкомъ въ жизни Дары.

И ему хотѣлось броситься назадъ, войти на правахъ хозяина, безъ разрѣшенія и зова, въ старый, милый домъ, къ двумъ покинутымъ женщинамъ, которыя во всемъ мірѣ и во всю жизнь были *его*, и припасть головою къ колѣнямъ ребенка, и закрыть глаза, и не двигаться, и молчать, и ждать чуда.

С. Караскевичъ.

ИЗЪ СТЭФЕНА ФИЛЛИПСА

LYRICS

Ты послѣ смерти, милая, живешь:
Кровь льется въ розахъ и цвѣтетъ въ веснѣ.
И все же...

Очей твоихъ сіянье въ небесахъ.
Твой звонкій смѣхъ въ журчаніи ручья.
И все же...

Въ закатѣ трепетъ золотыхъ волосъ.
Въ разсвѣтѣ—груди бѣлыя твои.
И все же...

Невинность—въ бѣломъ серебрѣ росы.
И нѣжность—въ бѣлоснѣжной пѣнѣ волнъ.
И все же...

Душа твоя—прозрачный лунный свѣтъ...
И вздохи моря вечеромъ: все—ты.
И все же!..

Л. Андрусонъ.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ ДОКТОРУ

И. Ѳ. МИНИЦКОМУ

Въ бумагахъ покойнаго профессора Новороссійскаго университета А. И. Маркевича сохранились приготовленныя имъ къ печати копіи писемъ И. С. Тургенева къ доктору И. Ѳ. Миницкому (нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшемуся). Подлинники писемъ хранятся у наслѣдниковъ И. Ѳ. Нѣкоторыя письма—характера довольно интимнаго, другія имѣютъ болѣе общій интересъ. Печатаемъ ихъ съ немногими пропусками, существеннаго значенія не имѣющими.

И. А. Линниченко.

Предисловіе проф. А. И. Маркевича.

Докторъ Алексѣй Ивановичъ Миницкій предоставилъ въ мое распоряженіе 15 писемъ И. С. Тургенева къ его отцу, Ивану Ѳедоровичу Миницкому; нѣкоторыя изъ этихъ писемъ имѣютъ большой интересъ; но и вообще опубликованіе писемъ такого выдающагося писателя, какъ И. С. Тургеневъ, не лишено значенія; почему я ихъ и печатаю.

Изъ этихъ писемъ 11 датировано и относятся къ 1851—1856 г., т.-е. къ такому времени, отъ котораго писемъ Турге-

нева сохранилось немного, что̀ дѣлаетъ письма его къ Миницкому тѣмъ болѣе интересными.

4 письма не имѣютъ хронологическихъ датъ; но и ихъ опредѣлить не особенно трудно. Одно письмо написано въ то время, когда И. Ѳ. Миницкій еще учился въ С.-Петербургскомъ университетѣ, который имъ оконченъ въ 1852 г.; слѣдовательно, это недатированное письмо должно слѣдовать за письмомъ отъ 31 октября 1851 г. Отнести это письмо къ болѣе раннему времени мѣшаетъ то обстоятельство, что имѣется еще одно недатированное письмо, по бумагѣ, почерку, подписи и обозначенію дня совершенно сходное съ первымъ недатированнымъ, но не сходное съ письмомъ отъ 31 октября 1851 г. Это второе письмо, видимо, относится къ тому времени, когда И. Ѳ. Миницкій былъ занятъ дѣлами Тургенева.

Время написанія третьяго недатированнаго письма тоже приблизительно опредѣляется бумагою, на которой оно написано: на ней есть знакъ I. Г.—и такой же есть на письмѣ отъ 28 іюня 1865 г., и бумага точно такая же. Изъ содержанія письма видно, что оно написано нѣсколько раньше письма отъ 28 іюня 1865 года: Тургеневъ извѣщаетъ о своемъ отъѣздѣ изъ Петербурга въ Москву, а письмо отъ 28 іюня послано изъ Спасскаго.

Для опредѣленія времени 4-го недатированнаго письма данныхъ нѣтъ; можно, пожалуй, сдѣлать предположеніе, что оно писано тоже въ то время, когда И. Ѳ. Миницкій принималъ участіе въ дѣлахъ Тургенева, т. е. въ 1852 г., и привезъ ему куда-то книгу изъ его библіотеки; на такомъ основаніи я помѣщаю это письмо послѣ второго недатированнаго письма.

Такимъ образомъ я печатаю письма Тургенева въ слѣдующемъ порядкѣ:

Письмо отъ 31 октября 1851 г. изъ Москвы; три письма недатированныя, повидимому, 1851 г. изъ С.-Петербурга; письмо отъ 5 октября 1852 г. изъ Спасскаго; письмо отъ 13 декабря 1852 г., тоже; письмо отъ 6 марта 1852 г., тоже; письмо отъ 12 мая 1852 г., тоже; письмо отъ 5 ноября 1853 г., тоже; письмо отъ 28 ноября 1853 г., тоже; письмо отъ 1 ноября 1854 г., тоже; письмо отъ 6 (18) марта 1857 г., изъ Парижа; письмо отъ 3 февраля 1860 г., изъ Москвы; письмо не датированное, лѣтомъ 1865 г., изъ С.-Петербурга; письмо отъ 28 іюня 1865 г., изъ Спасскаго.

Можно еще обратить вниманіе на особенность въ письмахъ Тургенева, совершенно правильныхъ какъ въ грамматическомъ (описки очень рѣдки), такъ и въ стилистическомъ отношеніяхъ:

на постоянное употребленіе тире (—). Съ другой стороны Тургеневъ зачастую не отдѣляетъ запятою главнаго предложенія отъ придаточнаго, начинающагося словами „что“ или „который“. Повидимому, Тургеневъ вообще придерживался французскихъ правилъ постановки знаковъ препинанія, но, сознавая, что это не совсѣмъ правильно въ русскомъ языкѣ, старался исправить этотъ дефектъ щедрымъ помѣщеніемъ въ немъ такого своеобразнаго знака, какъ „тире“, смыслъ помѣщенія котораго на письмѣ въ сущности сталъ теперь таковъ: обратите особенное вниманіе на слова за „тире“ слѣдующія.

Одесса.
25 іюня 1902 г.

Ал. Маркевичъ.

1.

Москва, 31-го октября 1851 г.

Я давно уже здѣсь (съ 20 октября), любезный Иванъ Ѳедоровичъ и давно собирался къ Вамъ писать — но все не собрался — теперь же увѣдомляю Васъ и всѣхъ добрыхъ друзей что выѣзжаю отсюда по желѣзной дорогѣ непремѣнно въ воскресенье 4-го ноября и если Богъ дастъ — 5-го въ понедѣльникъ буду въ Петербургѣ — и потому до скораго свиданія, жму Вамъ руку и остаюсь

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

2.

Мнѣ пришло въ голову, быть мож.—не нужно ли Вамъ денегъ? Посылаю Вамъ 15 руб. сер. на всякій случай.—Мое здоровье хорошо—но мнѣ очень скучно. Еще 12 дней остается—о ужасъ! Я радъ вашимъ пятеркамъ изъ Технологіи—дайте мнѣ знать, какъ прошелъ послѣдующій экзаменъ.—До свиданія передъ отъѣздомъ.

Вашъ И. Т.

3.

Суббота.

Извините меня пожалуйста, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, я не разобравши хорошенько надпись, распечаталъ Ваше письмо—

посылаю Вамъ его.—Надѣюсь, что Ваше здоровье поправляется—у меня горло сильно разболѣлось и я не могу выходить. Вмѣстѣ съ письмомъ пришла на мое имя повѣстка въ 1,200 р. сер.—Я сталъ расчитывать (?) сегодня—все уйдетъ.—Дайте мнѣ знать о Вашемъ здоровьи.

Вашъ (подпись вырѣзана).

4.

Середа.

Дѣти мои!

Я прошу Васъ обѣдать вмѣсто сегодняшнаго дня—завтра, а сегодня у меня обѣдаютъ скучные господа съ которыми и вамъ будетъ скучно. Да пришлите мнѣ привезенный томъ Вивліоѳ. Новикова.

Вашъ Тургеневъ.

5.

Спасское, 5 октября 1852 г.

Я долженъ начать письмо мое къ Вамъ любезный Миницкій, съ того, что я никакъ не ожидалъ что буду писать къ Вамъ 5-го октября — я думалъ Вы уже непремѣнно будете здѣсь къ этому времени. Но видно судьбѣ было угодно иначе — и мнѣ остается только просить васъ не замѣшкаться сильно въ Одессѣ—тѣмъ болѣе что Вы по Вашимъ словамъ, ни въ кого не влюблены — и ни на комъ не женились — то бишь — ни за кого замужъ не вышли. Что же касается до Вашего предположенія на счетъ печатанія моихъ комедій въ Одессѣ—то не находите ли вы что мои литературныя занятія и такъ причинили мнѣ въ послѣднее время довольно непріятностей? Я рѣшился долгое время ничего не печатать—но тѣмъ сильнѣе желаю работать—а для этого жду Васъ, которые были такъ добры и согласились быть моимъ секретаремъ и потому у меня только одна прозьба: пріѣзжайте поскорѣй—всѣ здѣшніе Вамъ кланяются и желаютъ увидѣться съ Вами—будьте здоровы—и до свиданія.

Искренно любящій васъ Ив. Тургеневъ.

(На томъ же листѣ).

Мнѣ позволилъ Т. на одномъ листѣ своего письма, но я боюсь можетъ быть Вы не останетесь довольны: что я осмѣли-

лась испортить знаменитой Афтографъ. Я прошу Васъ быть посурьезней въ Вашихъ поступкахъ т.-е. быть благоразумней и дельней другими словами пріѣзжать въ Спаское, а не затевать и не хлопотать о напечатаніи некоторыхъ вещей. Право—пора бы вамъ возвратиться и приняться работать вмѣстѣ съ Т. Тютчевы и тетенки и всѣ здоровы. Чего и вамъ желаемъ.

Дарья [1]).

6.

С. Спасское, 19 Дек. 52.

Ну Миницкій, не ожидали мы съ Дарьей Ивановной какую Вы надъ нами штуку выкинули!—Могли ли мы думать, что Вы не пріѣдете и не женитесь.—Это было бы единственнымъ Вашимъ извиненіемъ. Что Вы будете дѣлать зимою въ гнусной Одессѣ, въ которой и лѣтомъ порядочные люди не живутъ? Пожалуста бросьте Вы эти затѣи и пріѣзжайте къ намъ—а если Вамъ на это денегъ надо—то неужели же Вы будете со мной церемониться?—Это было бы изъ рукъ вонъ. Мы Васъ всѣ здѣсь ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, а Дарья сохнетъ по Васъ—ея воображеніе страдаетъ и вянетъ безъ Васъ.—Придите и оживите его и ее. Напишите сколько Вамъ нужно, чтобы расплатиться съ долгами и сюда пріѣхать—а весною можете, коли хотите, опять направить свой полетъ на югъ.—Или можетъ быть, Вы до ярости служить хотите? Это было бы тоже нѣсколько странно. Словомъ—въ ожиданіи скораго отъ Васъ письма, жму Вамъ крѣпко руку—и остаюсь

Вашъ Ив. Тургеневъ.

7.

С. Спасское, 6 марта 1853.

Милый Миницкій—наконецъ-то Вы отозвались—а то мы начинали было безпокоиться на Вашъ счетъ. Душевно мнѣ жаль, что Вы не можете вернуться къ намъ—Ваши доказательства и доводы довольно сильны и справедливы—но замѣчу Вамъ что трудно оставаться въ городѣ, къ которому Вы питаете такое непріязненное чувство, какъ къ Одессѣ. И поэтому я думаю, вотъ что-бы надобно Вамъ сдѣлать: дожить до весны въ Одессѣ—потомъ пріѣхать на лѣто и осень сюда—а къ Октябрю отправиться хотя бы въ Москву, гдѣ Вамъ можно найти либо мѣсто,

---

[1]) Дарья Ивановна Яздовская, вдова, жившая у Тютчевыхъ; скончалась въ 1883 г. См. Первое собр. пис. И. С. Тургенева, стр. 55 и примѣчаніе.

либо такія же занятія, какъ въ Одессѣ—за это ужъ я берусь—и надѣюсь исполнить это безъ труда съ помощью тамошнихъ моихъ знакомыхъ и пріятелей. Сверхъ того легко можетъ статься что къ тому времени мнѣ будетъ позволено выѣхать изъ деревни—и я тогда большую часть зимы проживу въ Москвѣ—а въ Петербургъ съѣзжу только на нѣсколько дней. Во всякомъ случаѣ прошу Васъ всегда разсчитывать на меня—и знать что въ моемъ домѣ Вы всегда найдете самый радушный пріемъ. Дарья Ивановна вѣроятно сообщитъ Вамъ всѣ Спасскія новости и потому я объ нихъ распространяться не стану—скажу Вамъ только что мы наконецъ дождались Сливицкихъ—и они оказываются очень милыми и благородными людьми. Я очень много работалъ эту зиму, написалъ одинъ большой разсказъ и первую часть моего романа—что такое будетъ—не знаю.—Я бы непремѣнно выслалъ бы Вамъ мои „Записки“ вмѣстѣ съ Вашими книгами (мы ихъ съ первой почтой къ Вамъ отправимъ)—но у меня самого только одинъ экземпляръ—а въ Москвѣ всѣ разошлись.—Впрочемъ Вы ихъ уже вторично прочли—и право больше ихъ уже Вамъ читать не стоитъ.—Я надѣюсь что уже пошелъ впередъ и еще пойду—и сдѣлаю что нибудь посолиднѣе.—Очень бы я желалъ сообщить вамъ мои теперешнія заботы—да что дѣлать!—Вотъ лѣтомъ бы можно—какъ вы думаете?

Кончаю мое письмо однимъ совѣтомъ: а именно—никто не можетъ сказать про себя—есть ли у него талантъ—и къ чему именно—это должно созрѣть въ человѣкѣ какъ плодъ на деревѣ—но всякому, даже лишенному творческаго дара—необходимо сосредоточиться и придать себѣ извѣстное направленіе, а то непремѣнно разсыпешься весь и не соберешь себя потомъ.—И потому совѣтую Вамъ—не браться то за тѣ, то за другія книги—а читать напр. одни историческія сочиненія.—Это Васъ укрѣпитъ и дастъ однозвучность Вашему внутреннему существу.—Это также лучшее и вѣрнѣйшее средство противъ скуки.—Человѣкъ вообще скучаетъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ—сколько отъ тайнаго ропота собственнаго бездѣйствія или безпорядка въ дѣятельности. Я это Вамъ говорю по опыту.

Извините меня за этотъ наставительный тонъ—вспомните что я уже сѣдъ какъ крыса—а Вы еще только начинаете жить—притомъ я увѣренъ что Вы увидите въ моемъ совѣтѣ самое искренное желаніе Вамъ добра и пользы.—Не хочется чтобы послѣдующее за нами поколѣніе ломало себѣ бока именно о тѣ же камни, объ которые и мы сокрушали свои.

Впрочемъ будьте здоровы и веселы—всѣ здѣсь Васъ помнятъ и любятъ—а я остаюсь навсегда

Душевно Вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

8.

С. Спасское, 12 Мая 1853 г.

Я оттого не тотчасъ отвѣтилъ на Ваше письмо, любезный Миницкій, что меня дома не было; я уѣхалъ на охоту верстъ отсюда за полъ торасто—и только третьяго дня вернулся [1]).

. . . . . .

Не знаю, долженъ ли я радоваться мѣсту, которое вы получили,—мнѣ какъ то очень трудно вообразить себѣ Васъ надзирателемъ—но если черезъ это мѣсто Вы можете достать себѣ порядочное количество уроковъ—то съ Богомъ! Потерпите годокъ, другой. Главное не пренебрегайте Вашимъ здоровьемъ—если мнѣ позволятъ со временемъ выѣхать изъ Спасскаго—то я непремѣнно пущусь на югъ—и побываю въ Одессѣ. Мнѣ бы хотѣлось увидѣть Васъ здоровымъ, веселымъ и по мѣрѣ возможности счастливымъ. Можетъ быть я въ нынѣшнюю зиму буду въ Одессѣ.

Очень меня тронулъ конецъ Вашего письма.—Да, Миницкій, лучшая пора въ жизни человѣка—его молодость—не только потому что тогда ему и спится и ѣстся лучше и силъ въ немъ больше—но потому что тогда въ немъ зажигается и горитъ то „священное пламя“, надъ которымъ смѣются только тѣ, въ чьихъ сердцахъ оно либо погасло, либо никогда не вспыхивало.—Поддержите въ себѣ эту благородную рѣшимость, которая дышетъ теперь въ Вашихъ словахъ—и знайте, что безъ вѣры, безъ глубокой и сильной вѣры не стоитъ жить—гадко жить; знайте что это говоритъ Вамъ человѣкъ, про котораго можетъ быть думаютъ что онъ весь насквозь проникнутъ ироніей и критикой—но безъ горячей любви и вѣры—иронія—дрянь и критика хуже всякой брани.—Если разобрать поэзію зла, воплощенную въ типѣ Сатаны—то и въ ней мы найдемъ основаніемъ — безконечную любовь—вспомните Consuelo.—Во всякомъ случаѣ—наше призваніе—не быть чертями—будемте людьми—постараемся быть ими какъ можно долѣе—„Съ Богомъ въ трудную дорогу“!

Вотъ что я Вамъ могу сказать о себѣ: здоровье мое, которое

---

[1]) Здѣсь пропущено нѣсколько строкъ, изображающихъ печальное финансовое положеніе Тургенева въ то время.

чуть было не расклеилось совсѣмъ весной—теперь поправилось. Работалъ я много, кончивъ первую часть моего романа — 12 главъ—страницъ около 300.—Можетъ быть, я Вамъ прочту все это въ Одессѣ—скорѣй чѣмъ мы думаемъ.

Авторъ прелестной повѣсти „Дѣтство“—нѣкто графъ Л. Н. Толстой—живетъ въ 10-ти верстахъ отъ Тургенева—но теперь онъ на Кавказѣ.

Съ будущей тяжелой почтой пошлю вамъ экземпляръ моихъ „Записокъ“—на память нашего житья вмѣстѣ. Мои „Записки“—мнѣ кажутся теперь произведеніемъ весьма незрѣлымъ — но я все-таки радъ ихъ успѣху. Уже три мѣсяца какъ всѣ экземпляры разошлись.

Прощайте добрый Ив. Θед. Всѣ здѣшніе Вамъ очень и очень кланяются [1])... Будьте здоровы и вѣрьте въ искреннюю преданность.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

9.

С. Спасское, 5-го ноября 1853.

Любезный Миницкій, я было хотѣлъ написать Вамъ вмѣстѣ съ Колбасинымъ—да не удалось—пишу теперь отдѣльно. Изъ письма Колбасина Вы вѣроятно уже знаете наше положеніе—онъ не остается здѣсь по той серьезной причинѣ, что когда я его приглашалъ, я думалъ что буду самъ въ состояніи заниматься хозяйствомъ, а онъ будетъ помогать мнѣ — но это оказалось совершенно невозможнымъ, особенно при окончательно разстроенномъ положеніи, въ которомъ Тютчевъ, при всей своей честности, по недостатку опытности оставилъ дѣла мои — и я рѣшился теперь же все передать дядѣ.—Мнѣ совѣстно, что я вытащилъ понапрасну бѣднаго Колбасина изъ Петербурга—но я его вознагражу за это—а главное надо жъ на его бѣду, чтобы онъ занемогъ—болѣзнью вовсе не опасной, но продолжительной—Дѣлать нечего! Надобно взять терпѣнье—post nubila sol—говоритъ латинская пословица. — Когда-то это солнышко проявится! Вы намѣрены жениться... Это дѣло такое о которомъ въ общихъ словахъ говорить трудно. — Желаю чтобы Вы нашли въ бракѣ счастье. Для Васъ это легче чѣмъ для многихъ другихъ — Вы человѣкъ любящій и привязчивый, созданный для тихаго довольства семейнаго кружка.—Изберите себѣ при этомъ какое-нибудь

[1]) Опять пропущено нѣсколько строкъ, относящихся къ тому же предмету.

постоянное занятіе. — Почему Вы ссылаетесь на меня, говоря, что больше писать не станете?—Это напрасно—Ваша статья о Фадеттѣ была молода—но горяча и умна.—Печатать ее не слѣдовало—но она же могла служить ручательствомъ тому что Вы со временемъ напишете вещь, которую можно и должно будетъ напечатать. — Вы меня знаете настолько, чтобы быть увѣреннымъ въ искренности моихъ словъ. Не могу теперь же не сказать Вамъ, что Ваши выраженія въ отношеніи ко мнѣ меня душевно трогаютъ.—Всегда пріятно заслужить привязанность—но отъ такого человѣка, какъ Вы—вдвойнѣ пріятно.—Повѣрьте—я умѣю цѣнить это—и съ удовольствіемъ думаю (о) возможности свидѣться съ Вами когда-нибудь въ Одессѣ. Возможность эта, правда, довольно отдаленная—но авось, когда-нибудь дѣла мои примутъ лучшій оборотъ.

Я переѣзжаю на зиму въ Орелъ и уже нанялъ квартиру.—Я Вамъ тогда дамъ знать объ этомъ и вышлю адресъ. Прощайте, милый Иванъ Ѳедоровичъ, желаю Вамъ всего лучшаго на свѣтѣ.—„Нахлѣбника“ для Васъ переписываютъ—а ноты я Вамъ вышлю изъ Орла. — Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

PS. Поклонитесь отъ меня Касаткину.

10.

С. Спасское 28 ноября 1853.

Вамъ вѣроятно Колбасинъ пишетъ о перемѣнѣ, происшедшей въ моихъ обстоятельствахъ, любезный И. Ѳ.—но я не отказываю себѣ въ удовольствіи написать Вамъ объ этомъ самъ, зная что Вы будете этому сочувствовать. Я радъ что попалъ опять въ общую колею. Теперь есть вѣроятность для меня свидѣться съ Вами — я, если буду живъ въ будущемъ году, непремѣнно съѣзжу на Югъ и въ Одессу. — Теперь отправляюсь въ Петербургъ.—Непремѣнно буду писать къ Вамъ оттуда—надѣюсь что и Вы будете отвѣчать мнѣ.

Желаю Вамъ удачъ во всѣхъ Вашихъ предпріятіяхъ, здоровья и пріятной дѣятельности. — Жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь

Искренно Васъ любящій Ив. Тургеневъ.

11.

С. Спасское, 1 ноября 1854.

Душевно благодарю Васъ за Ваше письмо, милый Миницкій, которое только на дняхъ дошло до меня въ Спасскомъ гдѣ я

нахожусь уже около 6-ти недѣль — и гдѣ я останусь еще недѣли двѣ или три. — За одно только позвольте попенять Вамъ: Вы какъ будто извиняетесь въ томъ, что пишете ко мнѣ, между тѣмъ какъ Вы должны знать мою искреннюю привязанность къ Вамъ—и что не моя будетъ вина, если наши письменныя сношенія когда-нибудь прервутся.—Я даже не отчаиваюсь увидѣть Васъ лично можетъ быть въ будущемъ году—и возобновить знакомство, которое оставило мнѣ пріятныя воспоминанія. Я дорожу Вашей дружбой и мнѣ было бы очень непріятно, еслибъ вы забыли меня—или подумали, что я Васъ позабылъ. Спасибо Вамъ за сообщенныя подробности о первомъ днѣ бомбардированія Севастополя. Мы здѣсь живемъ въ постоянной лихорадкѣ по поводу этой Крымской экспедиціи... Впрочемъ въ послѣднее время дѣло, кажется, принимаетъ болѣе благопріятный оборотъ.— Посмотримъ, чѣмъ это кончится!

Я очень радъ, что мои повѣсти Вамъ понравились... Сочувствіе такихъ людей какъ Вы служитъ ручательствомъ нашему брату писакѣ что онъ не совсѣмъ даромъ маратъ бумагу. Замѣчаніе ваше на счетъ „Затишья“ совершенно справедливо и совпадаетъ съ тѣмъ что мнѣ сказали Некрасовъ, Аксаковъ и др. Но къ несчастью, я не умѣю передѣлывать. Я по крайней мѣрѣ радъ, что джентельменъ мой хотя нѣсколько удался. — Но въ 10-мъ № „Современ.“ Вы найдете повѣсть Толстого, автора „Дѣтства“—передъ которою всѣ попытки кажутся вздоромъ.— Вотъ наконецъ преемникъ Гоголя — нисколько на него не похожій, какъ оно и слѣдовало. — Жаль что цензура многое выкинула!—Я здѣсь познакомился съ его семействомъ—т.-е. съ его сестрой, которая тоже за графомъ Толстымъ и живетъ въ 7-ми верстахъ отъ Тургенева. — Премилые люди! — И мнѣ досадно, что я раньше не сблизился съ ними.

Порфирій женился на прехорошенькой и преумненькой дѣвицѣ—дочери одного бывшаго управителя, и женился по любви— потому что за его женой не было приданаго. За то она художница — пишетъ портреты — надо надѣяться что другихъ художествъ за ней водиться не будетъ — до сихъ поръ онъ находится въ эмпиреяхъ.—Впрочемъ все въ Спасскомъ по старому.

Мое здоровье немного поправилось въ послѣднее время—и желудокъ не безумствуетъ попрежнему.—Охотился я въ нынѣшнемъ году плохо—дичи не было. Некрасовъ гостилъ у меня недѣли двѣ.—Я здѣсь не работаю, ѣмъ, сплю и кажется толстѣю. Въ Петербургѣ примусь за печатаніе Фетова перевода Горація въ Отечественныхъ Зап—хъ. Вы вѣроятно имѣли постоянныя

свѣдѣнія о Колбасиныхъ — и потому я о нихъ не пишу. Тютчевы благоденствуютъ—съ Констанціей я въ ладу, хотя и было немного сначала неловко.—Она старѣется ужасно и теперь немного отстала отъ Дарьи.

Засимъ прощайте милый И. Ѳ. Пожалуста пишите ко мнѣ какъ только Вамъ вздумается и знайте, что кромѣ истиннаго удовольствія Ваши письма мнѣ ничего причинить не могутъ. Желаю Вамъ и Вашей женѣ всего хорошаго — начиная съ здоровья и кончая деньгами и остаюсь

Душевно Васъ любящій Ив. Тургеневъ.

12.

Парижъ 6 (18)-го марта 1857 г.

Милый Миницкій,

Давно, давно собирался я отвѣчать на Ваше доброе и милое письмо — но я былъ въ слишкомъ дурномъ расположеніи духа, чтобы взяться за перо.—Отчего же оно было такъ дурно? спросите Вы. Увы, ко мнѣ вотъ уже около 5 мѣсяцевъ, какъ вернулась моя старая болѣзнь въ пузырѣ, съ которой мнѣ казалось что я окончательно раздѣлался; она вернулась съ удвоенной силой и мучитъ и грызетъ меня неотступно. Парижскій воздухъ мнѣ рѣшительно вреденъ. — Отчего же я не бросаю Парижа? спросите Вы опять?.. Были на то свои причины—но теперь, я надѣюсь черезъ три недѣли покинуть его навсегда.—Эта болѣзнь отравила мнѣ здѣшнее пребываніе, лишила меня всякой возможности работать... да что и говорить!

Ваше письмо, Вашъ привѣтъ издалёка порадовалъ меня старика. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ что возбудить къ себѣ сочувствіе—есть рѣдкость и счастье — и что должно этимъ счастьемъ дорожить. И потому меня трогаетъ то, что Вы помните обо мнѣ и любите меня и я говорю Вамъ искреннее спасибо. Для Васъ и въ сочиненіяхъ моихъ что нибудь есть; потому что Вы читаете ихъ съ радушіемъ и готовностью находить хорошее; а съ этакимъ расположеніемъ во всемъ что-нибудь найдёшь. Собственно я не обманываюсь на счетъ достоинства того что я написалъ; есть намёки, способные расшевелить людей расположенныхъ—и только; но ужъ и то хорошо. Желаю Вамъ отъ души спокойной и тихой дѣятельности, семейнаго счастья и долгаго сохраненія сердечной молодости. — Временная тоскливость, скука пусть не пугаетъ Васъ; знайте, что есть положенія гораздо худшія — когда не скука — а тоска и

страхъ пустаго и безцѣльнаго будущаго гложетъ человѣка; когда старость уже стучится въ дверь, а стоишь одинъ какъ перстъ и кругомъ всё мертво и голо. Но я не хочу печалить Васъ. Авось все перемелется и мука выйдетъ — авось я даже увижу Васъ въ Одессѣ. Вы знаете, что братья Колбасины идутъ въ гору; одинъ сталъ литераторомъ, другой всесвѣтнымъ издателемъ; я радуюсь за нихъ—они заслуживаютъ всякой удачи.

Лѣтомъ я надѣюсь быть въ деревнѣ, а зиму проведу въ Петербургѣ. Если не увидимся, будемъ по крайней мѣрѣ чаще слышать другъ о другѣ.

Еще разъ спасибо и прощайте. Жму Вамъ дружески руку и остаюсь

Искренно Васъ любящій Ив. Тургеневъ.

13.

Москва 3-го февраля 1860.

Милый Иванъ Ѳедоровичъ!

Я началъ письмо къ Вамъ тотчасъ послѣ полученія Вашего письма и присылки — но листъ куда-то затерялся и я до сихъ поръ, къ стыду своему, не начиналъ другого. Ваша присылка меня чрезвычайно удивила—но сообразивъ я порадовался за Васъ и подумалъ: честная душа! Одно меня только безпокоило тогда и теперь безпокоитъ: точно ли Вы находитесь въ такомъ положеніи, что выдача этихъ денегъ не составляетъ Вамъ ущерба и не стѣсняетъ Васъ? Буду думать, что не стѣсняетъ, а то мнѣ было бы больно.—Во всякомъ случаѣ жму Вамъ руку крѣпко и позволяю себѣ сказать Вамъ, что эти деньги пошли на дѣло, однородное съ тѣмъ, на которое онѣ уже были разъ употреблены: думаю, что эта мысль будетъ Вамъ не непріятна.

Я нахожусь въ Москвѣ, куда пріѣхалъ три недѣли тому назадъ съ тѣмъ, чтобы напечатать мою новую повѣсть, которую я отдалъ „Русскому Вѣстнику“: она уже напечатана, но я простудился и до сихъ поръ не могу вернуться въ Петербургъ: однако я надѣюсь оставить Москву дня черезъ два. Мнѣ очень досадно что болѣзнь помѣшала мнѣ посмотрѣть Москву, какъ бы мнѣ хотѣлось: я давно здѣсь не жилъ и совсѣмъ раззнакомился съ Москвичами. Изъ газетъ Вы вѣроятно знаете объ успѣхѣ чтенія, которое мы здѣсь устроили: вообще общество идетъ хорошо. Черезъ Колбасина я имѣлъ извѣстія о Васъ и знаю, что Вамъ, по мѣрѣ возможности, въ Одессѣ хорошо. Желаю Вамъ отъ души здоровья, счастья, дѣятельности: въ послѣднемъ словѣ почти заключаются условія первыхъ двухъ.

Я лѣто намѣренъ прожить въ деревнѣ—а на осень ѣду въ Парижъ, гдѣ проведу зиму: надо выдавать дочь замужъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ—ей скоро 18 лѣтъ! Чего добраго—пожалуй, въ будущемъ году уже я буду дѣдомъ! Весной вернусь опять въ Россію—но къ чему такъ далеко впередъ загадывать!

Увидимся ли мы когда нибудь съ Вами? Пріѣдете ли Вы въ Петербургъ—попаду ли я въ Одессу? Но какъ бы то ни было, знайте, что я всегда сохраню о Васъ самое дружеское и теплое воспоминаніе и надѣюсь, что и Вы помните обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, искренно Васъ любящемъ. Жму Вамъ руку крѣпко и желаю Вамъ всего хорошаго на землѣ.

Вашъ Ив. Тургеневъ.

14.

Середа.

Любезнѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ, я узналъ отъ Тютчева, что Вы здѣсь и очень былъ бы радъ Васъ видѣть — остановился я на Караванной на квартирѣ Боткина въ домѣ Ѳедорова № 14. Застать Вы меня можете сегодня вечеромъ часовъ въ 7—если я не буду дома, то я буду въ Англійскомъ клубѣ, отъ Караванной два шага — или завтра утромъ до 10 часовъ; я въ 12 уѣзжаю въ Москву. Жму Вамъ крѣпко руку и говорю: до свиданія.

Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ.

15.

С. Спасское. Понедѣльникъ, 28-го іюня 1863 (?)

Любезнѣйшій Иванъ Ѳедоровичъ,

Я получилъ Ваше письмецо и уѣзжая отсюда скорѣе чѣмъ я ожидалъ—а именно завтра—отвѣчаю Вамъ въ двухъ словахъ на Вашъ вопросъ: конецъ лѣта, осень и зиму до весны я проживу въ Баденъ-Баденѣ—Schillerstrasse, 227—и очень былъ бы радъ еслибъ Вы завернули туда и погостили у меня.—Ѣхавши въ Лозанну, Вы не минуете Бадена.

А потому говорю Вамъ до свиданія въ благословенныхъ нѣдрахъ Шварцвальда и жму Вамъ крѣпко накрѣпко руку.

Душевно Васъ любящій Ив. Тургеневъ.

ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ

ВЪ

ОДИНОЧНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ

Изъ тюремныхъ замѣтокъ

---

3 іюня 1908.

Недавно мой шестилѣтній сынишка, обиженный сестрой, которую мать собиралась за это посадить въ отдѣльную комнату, сказалъ:

— Мама, не запирай Муську! Лучше ударь ее, только не запирай. *Нѣтъ хуже, какъ лишить человѣка свободы.*

Тюрьма представляется ему страшной. Когда при немъ какой-то неосторожный „дядя“ заговорилъ о предстоявшемъ мнѣ заключеніи, мальчикъ сначала испугался и хотѣлъ заплакать, но, подумавъ, замѣтилъ, какъ бы отвѣчая на свои опасенія: „Впрочемъ, папа довольно сильный, онъ съ городовымъ справится“. Для этого русскаго малыша тюрьма является какъ бы результатомъ единоборства свободнаго гражданина съ полицейскимъ.

Какъ бы то ни было, сегодня въ шесть часовъ вечера захлопнулась за мной массивная дверь. Звяканье связки ключей у пояса надзирателя постепенно заглохло подъ высокими сводами корридоровъ, пересѣкающихъ всѣ четыре этажа обширной тюрьмы, извѣстной подъ названіемъ „Каменщиковъ“ и расположенной на одной изъ московскихъ окраинъ.

Сводчатая камера, длиной въ пять, шириной въ три аршина, заново выбѣлена. Асфальтовый полъ, большое окно подъ потолкомъ, съ толстой желѣзной рѣшеткой, въ рѣдкія звенья которой

смотрятся голубое небо, верхушки нѣсколькихъ тополей тюремнаго сада, да стаи голубей, купающихся въ жаркихъ лучахъ іюньскаго солнца. Стрижи съ веселымъ, взвизгивающимъ крикомъ носятся вокругъ зданія съ ритмичностью маятника; одинокій ястребъ недвижно стоитъ высоко въ воздухѣ, высматривая въ чьемъ-то дворикѣ добычу. Неумолчный грохотъ Москвы доносится сюда какъ мягкій шумъ морского прибоя, подчеркивая тишину этого дома печали, сверху до низу набитаго людьми. Изрѣдка только прерываетъ ее сухое лязганье кандаловъ на уголовныхъ, выходящихъ на прогулку, да звонки изъ камеръ. Но тюрьма живетъ, и ея жизнь тоже производитъ легкій, смѣшанный гулъ, къ которому ухо привыкаетъ такъ же быстро, какъ къ стрекотанью кузнечиковъ въ лѣтнюю пору, ночью, когда все спитъ кругомъ. Этотъ гулъ идетъ изъ сотенъ открытыхъ оконъ, бѣжитъ по каналамъ вентиляторовъ и трубамъ отопленія, отражается отъ скучныхъ оградъ и вновь возвращается къ тюрьмѣ, не слышный тамъ, на волѣ, въ городѣ.

Здѣсь мнѣ предстоитъ провести девяносто дней. Мнѣ хочется прежде всего сказать о томъ, какъ протекаютъ, съ внѣшней стороны, эти дни для меня и моихъ товарищей по первой Государственной Думѣ.

4 іюня.

Мы живемъ всѣ въ одномъ корридорѣ, въ нижнемъ этажѣ тюрьмы; подъ нами, въ подвалѣ, и наверху, еще въ трехъ этажахъ, живутъ многія сотни людей, также изъятыхъ изъ обращенія. Они, видимо, не чуждаются насъ, и во время прогулокъ мы не слышимъ укоризненныхъ замѣчаній изъ оконъ, усѣянныхъ человѣческими лицами, хотя всѣмъ извѣстно, что политическіе арестанты содержатся въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ уголовные; на насъ свое платье, мы легче получаемъ ванну вмѣсто бани, выписываемъ молоко и бѣлый хлѣбъ. Изъ бывшихъ депутатовъ здѣсь заключены: С. А. Муромцевъ, предсѣдатель перваго русскаго парламента; князь С. Д. Урусовъ, бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и земскій дѣятель; профессоръ московскаго университета Шершеневичъ; прив.-доцентъ того же университета Кокошкинъ; публицистъ В. Якушкинъ; А. Р. Ледницкій, одинъ изъ блестящихъ московскихъ адвокатовъ; князь Петръ Долгоруковъ, товарищъ предсѣдателя Государственной Думы; другіе работники въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, народномъ образованіи, медицинѣ, агрономіи и публицистикѣ—М. А. Лебедевъ, М. Г. Комиссаровъ, П. А. Садыринъ, В. С. Нечаевъ, Ф. И. Иваницкій и авторъ этого днев-

ника. Въ камерахъ, совершенно одинаковыхъ, находится по столу и табуреткѣ, не привинченныхъ къ полу, что̀ очень удобно; кровать, состоящая изъ толстой желѣзной рамы съ переплетомъ изъ негнущихся желѣзныхъ же полосъ, на которыхъ лежатъ тонкій матрацъ изъ небѣленаго холста, набитый травой, такая же подушка, кусокъ холста и кусокъ сѣраго солдатскаго сукна—вмѣсто простынь и одѣяла (кровать поднимается къ стѣнѣ въ семь часовъ утра и опускается днемъ на два часа послѣ обѣда). Извѣстная принадлежность камеры, такъ называемая „параша“, прикрыта деревяннымъ ящикомъ и имѣетъ вытяжную трубу въ стѣнѣ, такъ что главное зло тюрьмы—смрадный запахъ, отсутствуетъ. Насѣкомыхъ тоже нѣтъ, и захваченный мною порошокъ отъ нихъ оказался ненужнымъ. Мѣдный кувшинъ и тазъ дополняютъ убранство. Въ двери „глазокъ“,—на тюремномъ жаргонѣ „волчокъ“,—круглое отверстіе со стекломъ для надзора, и откидывающаяся въ корридоръ полочка, для подачи пищи.

День проходитъ такъ: въ половинѣ седьмого утра—повѣрка, обходъ дежурнаго офицера; черезъ четверть часа въ наши камеры приходятъ рабочіе, изъ уголовныхъ арестантовъ, со щетками и убираютъ ихъ,—вольность, которую мы позволяемъ себѣ скорѣй по инерціи, такъ какъ убрать и самому ничего не стоитъ; постели мы поднимаемъ сами. Въ семь часовъ отворяется окошечко въ двери и, всегда съ одной интонаціей, раздается:—„Вамъ кипяточку, баринъ, позвольте“...—Подставляемъ чайники и завариваемъ чай; черезъ нѣсколько минутъ подается въ бумажкѣ бѣлая булка, затѣмъ бутылка молока. Въ полдень обѣдъ изъ двухъ блюдъ, такъ называемый „дворянскій“; готовитъ его кто-нибудь изъ арестантовъ, и видно, что поваръ руководствуется больше вдохновеніемъ, нежели правилами кулинарнаго искусства. Во всякомъ случаѣ немного найдется „дворянскихъ“ желудковъ, способныхъ справляться съ этими произведеніями. Послѣ обѣда надзиратель отпираетъ кровать, и можно лежа читать или спать до двухъ часовъ. Въ два часа опять слышится „кипяточку“. Въ пять часовъ самый радостный моментъ — прогулка; веселой гурьбой высыпаемъ мы на небольшой внутренній дворикъ, посреди котораго растетъ чахлый кустъ сирени, теперь уже отцвѣтшій, и чинно гуляемъ вокругъ него подъ присмотромъ одного надзирателя и при сосредоточенномъ вниманіи верхнихъ этажей тюрьмы. Въ шесть часовъ третій кипятокъ, въ семь — вечерняя повѣрка, и кровать опускается вновь, уже на всю ночь. Подъ потолкомъ зажигается лампочка; спать въ темнотѣ не полагается. Не разрѣшается имѣть при себѣ ножницъ

для ногтей (ихъ приносятъ на время стрижки и опять уносятъ), ножей, зеркала, даже металлической суповой ложки; кто-то отточилъ такую ложку и зарѣзался ею,—съ тѣхъ поръ и запретили. Бѣлья можно имѣть въ камерѣ лишь одну смѣну; туалетныя принадлежности—съ исключеніемъ одеколона. Чернила и перо мнѣ дали въ первый же день; книгъ своихъ я еще не получилъ. Бумага въ тетрадяхъ вся перенумерована; она пригодится для упражненій въ англійскомъ языкѣ, который я собираюсь изучать здѣсь. Кокошкинъ изучаетъ шведскій языкъ, Шершеневичъ пишетъ ученое сочиненіе, Урусовъ занимается римскимъ правомъ; всѣ вообще торопятся использовать невольный досугъ для пополненія знаній. Правда, если тюремныя стѣны, рѣшетки и замки охраняютъ міръ отъ насъ, зловредныхъ общественныхъ элементовъ, то, въ свою очередь, они же охраняютъ и насъ самихъ отъ этого міра. И Богъ вѣсть, что̀ еще нужнѣе; я, по крайней мѣрѣ, за послѣдніе три года такъ укипѣлъ въ котлѣ, гдѣ варилась вся мыслящая Россія, что трехмѣсячный отдыхъ мнѣ казался недосягаемымъ блаженствомъ. Я пока не чувствую лишенія свободы; это ощущеніе появится, вѣроятно, вмѣстѣ съ отдыхомъ. Что желаніе освободиться господствуетъ надо всѣми тюремными впечатлѣніями, въ томъ я могъ убѣдиться даже не выходя изъ камеры; въ данной мнѣ пока книжкѣ разсказовъ Марка Твэна, просаленной до отвращенія прикасаться къ ней, но очевидно излюбленной арестантами, находится слѣдующее наполовину поэтическое, наполовину грубоватое изліяніе: „Хорошо, должно быть, теперь на волѣ,—солнышко свѣтитъ, вода капаетъ съ крышъ, снѣгъ таетъ, вороны каркаютъ, рубятъ дрова... Эхъ, мать честная, взорвать бы къ діаволу эту машину! Хорошо!“ Подписано: *уголовный*.

Въ другой книжкѣ, среди біографій реформаторовъ—Гусса, Лютера, Цвингли и Кальвина—кто-то сдѣлалъ слѣдующія помѣтки, указывающія, между прочимъ, на быструю измѣнчивость человѣческихъ настроеній. Выписываю ихъ безъ комментарій:

Послѣ біографіи Гусса: „Иванъ Коломійцевъ, онъ же Ковальскій, арестованъ 21 іюня 07 г., 19 іюля перевезенъ въ Петербургъ и черезъ шесть мѣсяцевъ обратно въ Москву. Обвиняется по 102 ст. (вскорѣ казненъ. В. О.).

Въ статьѣ о Мартинѣ Лютерѣ, послѣ имени папы Льва X-го, сноска и внизу куплетъ, выдающій, кажется, духовное происхожденіе автора, ибо нигдѣ такъ не развита подобная литература, какъ въ русскихъ духовныхъ семинаріяхъ:

„Папа Пій IX-й и X-й Левъ
Доппель-кюммель пили
И ласкали дѣвъ.
Даже передъ громомъ
Пьетъ Илья пророкъ
Гоголь-моголь съ ромомъ,
Иль чистѣйшій грогъ".

Кальвинъ навлекъ на себя особенный гнѣвъ читателя, предающаго его анаѳемѣ, не замѣчая, повидимому, что впадаетъ въ ту же нетерпимость, которой отличался и разстроившій его женевскій реформаторъ. Въ самомъ концѣ книги Ковальскій пишетъ: „Боролись люди и геройски умирали за свои убѣжденія, мы теперь говоримъ: да, вы герои, но гибли-то вы чортъ знаетъ за что. Не скажутъ ли и на насъ когда-нибудь то же самое. Весьма возможно. А на с.-д. и с.-р. уже и теперь говорятъ что-то въ родѣ этого".

Эта потребность закрѣпить чѣмъ-нибудь свое пребываніе въ тюрьмѣ живетъ даже въ осужденныхъ на казнь. Что касается до уголовныхъ арестантовъ, то они, не стѣсняясь, вырѣзываютъ свои имена и прозвища на столахъ и табуреткахъ, и мнѣ пріятно заявить гг. „Ушану" и „Ванькѣ Косолапому", которые „здесь сидели" до меня, что автографы ихъ цѣлы, не закрашены и отчетливо будутъ бросаться въ глаза еще не одному поколѣнію жильцовъ камеры № 84 московской губернской тюрьмы, а пожалуй доживутъ и до полнаго исчезновенія этой непріятной буквы „ѣ" изъ русской азбуки.

5 іюня.

Сегодня тюрьму обходилъ инспекторъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты и нашего начальства; спрашивалъ, всѣмъ ли довольны. Хотѣлось сказать ему, что чувствую себя чудно, великолѣпно, но побоялся быть непонятымъ и ограничился простымъ „да".

На насъ смотрятъ здѣсь съ нескрываемымъ изумленіемъ; ожидали крамольниковъ, сварливыхъ, неугомонныхъ обличителей непорядковъ въ управленіи страной, людей, наконецъ, избалованныхъ общественнымъ вниманіемъ, и что же? Веселые, спокойные, пожилые представители разныхъ профессій, всѣмъ довольные, благодарящіе за всякую услугу, подчиняющіеся всѣмъ тюремнымъ требованіямъ.

6 іюня.

Всѣ эти дни небо ясно, солнце печетъ и въ камерѣ дѣлается совсѣмъ сухо и хорошо. Становясь на табуретку, я могу

видѣть въ окно ближайшія крыши домовъ, чердакъ чьего-то сѣнного сарая; изъ его окна спускается въ сумерки женская фигура, за которой, минутъ черезъ пять, сконфуженно сползаетъ розовая рубаха, лохматая голова и сапоги бутылками, по которымъ въ Москвѣ всегда узнаешь кучера. Дальше тянутся до самаго горизонта силуэты фабричныхъ трубъ и церквей, большихъ и крохотныхъ, съ блестящими куполами. Сквозь зелень тюремнаго сада, въ которомъ гуляетъ лишь начальство, поблескиваетъ яркое золото Храма Спасителя. Еще дальше, за темными контурами кремлевской башни, выступаетъ половина фасада Румянцевскаго музея, красивѣйшей московской постройки. Характерно для Россіи, что имя творца этого архитектурнаго шедевра начисто было забыто, и его съ трудомъ откопалъ лишь недавно просвѣщенный и талантливый авторъ „Исторіи искусства въ Россіи", художникъ И. Э. Грабарь.

Каждый вечеръ, лишь только солнце спускается за отдаленныя окраины города, повисаетъ надъ нимъ розовая дымка; она густѣетъ, густѣетъ, скрадываетъ одна за другой перспективы домовъ, колоколенъ и фабрикъ и наконецъ скрываетъ отъ меня весь видъ въ то время, какъ надъ тюрьмой голубѣетъ еще вечернее небо и тона зари сохраняютъ чистую нѣжность. Утромъ плотный туманъ испареній милліоннаго муравейника съ трудомъ поддается солнечнымъ лучамъ, и только послѣ полудня горизонтъ проясняется окончательно.

Мнѣ всегда казалось, что нѣчто подобное происходитъ и въ политической, и въ соціальной атмосферѣ большихъ городовъ. Разнообразіе интересовъ, званій и состояній, обостренная борьба за существованіе, толкотня и уличный шумъ, торопливость въ мысляхъ, движеніяхъ и рѣшеніяхъ, масса всякихъ извѣстій, выбрасываемыхъ въ толпу ежедневной прессой, чудовищные слухи въ простонародьѣ, пустыя бредни праздныхъ головъ въ политиканствующихъ кружкахъ,—все это создаетъ вокругъ истинныхъ задачъ, подлежащихъ неотложному рѣшенію, вокругъ самыхъ судебъ народа, какъ бы туманъ, въ которомъ контуры вопросовъ теряютъ рѣзкость или вовсе стушевываются. Только грозы, подобныя той, что разразилась надъ нами недавно, очищаютъ этотъ застоявшійся воздухъ, только солнце свободы можетъ разсѣять окутывающій рабовъ туманъ—рабовъ правительства, рабовъ своихъ привычекъ, рабовъ своихъ вещей и земель, рабовъ приличій,—всѣхъ глубоко несчастныхъ, жалкихъ и мятущихся людей, составляющихъ огромное большинство городского, столичнаго населенія.

Сколько разъ чувствовалъ я себя такимъ рабомъ! Почти всю жизнь...

7 іюня.

Тюрьма кончаетъ день въ мрачномъ молчаніи: одного изъ ея жителей увели сейчасъ на казнь; онъ крикнулъ что-то, и со всѣхъ сторонъ раздались вопли сочувствія и безсильной ярости,—рычаніе тысячеголоваго звѣря, скованнаго накрѣпко въ клѣткѣ. Другіе двое освѣдомлены, что кассаціонныя жалобы ихъ оставлены безъ послѣдствій; они громко черезъ окна поздравляютъ другъ друга съ ожиданіемъ смерти. Тюрьма даетъ себя чувствовать беззаботнымъ, какъ мы: она не любитъ веселаго свиста, бодраго хожденія по камерѣ, легкаго чтенія, она заставляетъ „смотрѣть въ корень“.

8 іюня.

Здѣшнему священнику было бы, повидимому, пріятно, еслибъ мы пошли въ тюремную церковь; онъ даже заговаривалъ объ этомъ съ Муромцевымъ, но тотъ справедливо замѣтилъ, что если для насъ отведутъ особое мѣсто, то это будетъ непріятно уголовнымъ, а поставить съ ними вмѣстѣ — можетъ показаться опаснымъ, какъ бы мы не совратили ихъ съ пути. Съ другой стороны, индифферентизмъ въ дѣлахъ религіи настолько успѣшно привитъ въ интеллигентскихъ кругахъ, что едва ли что-либо могло влечь насъ въ тюремную церковь кромѣ любопытства, а идти съ такимъ чувствомъ во время службы было бы неуваженіемъ къ религіи.

12 іюня.

Только-что вызывали меня на свиданіе; совершенно неожиданно пріѣхала изъ деревни жена, и въ узенькую клѣтушку съ двумя рядами мелкой рѣшетки, полутемной, разгороженной на двадцать шесть отдѣленій тюремной пріемной ворвалась жизнь снаружи, торопливыми разсказами о дѣтяхъ и о политикѣ, о коровахъ и о серьезныхъ заботахъ, о прорвавшемся водопроводѣ и о необыкновенномъ отношеніи окружающихъ крестьянъ, наперерывъ предлагающихъ свои услуги, лошадей, даже деньги въ случаѣ нужды. Все это ошеломило, растрогало меня и я долго не могъ взяться за перо, чтобы кончить прерванную надзирателемъ фразу. Теперь мнѣ еще веселѣй, еще спокойнѣй будетъ сидѣть здѣсь и работать.

13 іюня.

Вчера, вскорѣ по возвращеніи со свиданія, только-что я принялся снова за дневникъ, вдругъ грянулъ подъ моимъ окномъ выстрѣлъ. Стая голубей шарахнулась отъ тюремныхъ

оконъ въ небо и долго потомъ безпокойно носилась съ мѣста на мѣсто, словно опасаясь повторенія. Тюрьма моментально замерла; затѣмъ, минуты черезъ двѣ, поднялся обычный демонстративный грохотъ; звонки звенѣли безпрерывно, удары табуретокъ въ двери и столами объ полъ раздавались, какъ залпы, человѣческіе голоса дико вопили ругательства и проклятія. Затѣмъ опять все затихло...

Я былъ увѣренъ, что кто-нибудь изъ арестантовъ затѣялъ перебранку съ часовымъ, который, въ силу новыхъ правилъ, имѣлъ право стрѣлять по безоружному человѣку. Конечно, арестантъ хорошо зналъ, что̀ его ожидаетъ. И меня снова поразило это легкомысленное отношеніе къ чужой и своей жизни, ставшее теперь у насъ обычнымъ. Вѣдь часовой могъ покойно запомнить окно и даже лицо кричавшаго заключеннаго, донести начальству— и въ рукахъ послѣдняго были способы возмездія, въ видѣ карцера или сокращенія пищи. Съ другой стороны, рисковать жизнью изъ-за сомнительнаго удовольствія бранить темнаго человѣка, исполняющаго только свою обязанность—тоже роскошь, казалось бы, непозволительная. Очевидно, что непрестанно проливаемая кровь, нерѣдкій уводъ отсюда людей для удавленія— что все это притупило человѣческіе нервы. Меня ужъ не развеселили сегодня на прогулкѣ толки о выпускѣ насъ къ пріѣзду президента Фальера, о новомъ провалѣ въ Государ. Думѣ министровъ, объ уходѣ изъ Гос. Совѣта Акимова.

Я радъ былъ, что наши жены не слыхали этого выстрѣла, по счастію не достигшаго цѣли, и что онѣ унесли изъ тюрьмы хорошія впечатлѣнія о насъ.

Были извѣстія и отъ товарищей изъ другихъ тюремъ: оказывается, что нѣкоторые сидятъ въ арестантскомъ платьѣ, въ томъ числѣ секретарь Думы, князь Д. И. Шаховской, для здоровья котораго это не можетъ быть полезно. Но всѣ бодры, всѣ легко переносятъ непривычный режимъ.

14 іюня.

За стѣной, но въ тюремномъ же кварталѣ, начинаютъ строить какое-то длинное зданіе; черезъ недѣлю передній фасадъ его закроетъ отъ меня видъ на Москву и отыметъ кусочекъ неба у обитателей нашего этажа. Мнѣ грустно за тѣхъ, кто долго живетъ здѣсь и для кого башни кремлевскія и колокольни были нѣкоторымъ развлеченіемъ, вѣхами, по которымъ мысль незамѣтно уходила изъ молчаливыхъ конурокъ на просторъ улицъ, и дальше, къ полямъ и перелѣскамъ, въ сѣрой дымкѣ виднѣющимся кое-гдѣ въ промежуткахъ далекихъ крышъ. И еще пе-

чальнѣе смотрѣть на каменщиковъ, таскающихъ по тридцать кирпичей, т.-е. по восьми пудовъ, на стѣны дома, гдѣ новые кадры ихъ братьевъ и друзей будутъ заключены, Богъ вѣсть на сколько времени. Словно сами для себя строятъ люди эти безобразные красные корпуса съ квадратными окошками, мигающими по ночамъ, какъ подслѣповатые глаза инвалида, съ высокими трубами центральнаго отопленія, похожими на фабричныя. Да и не вырабатываются ли здѣсь, на фабрикахъ человѣческаго отчаянія, ненависть и презрѣніе къ тѣмъ формамъ жизни, нарушеніе коихъ приводитъ сюда большинство заключаемыхъ? Не уходятъ ли они отсюда съ увеличеннымъ запасомъ тѣхъ эмоцій, что̀ заставили ихъ тамъ, на волѣ, преступить эти формы? И если прибавить сюда недовольство своимъ ремесломъ всѣхъ до одного служащихъ по тюремному дѣлу, то невольно задаешь себѣ вопросъ: да на вѣрномъ ли пути стоятъ правительства, продолжающія, словно по инерціи, создавать эти каменные гробы и хоронить въ нихъ живыхъ людей? Вѣдь это все равно, что строить въ очагахъ холеры или чумы великолѣпныя больницы, а не осушать болотъ, не улучшать санитарныхъ условій мѣстной жизни.

26 іюня.

Вчера каменщики вывели стѣну новаго зданія, назначеннаго, какъ я узналъ, для надзирателей, такъ высоко, что послѣдняя колокольня спряталась отъ моихъ глазъ, и отнынѣ тюремный пейзажъ не будетъ нарушаться видомъ жилищъ свободныхъ людей. Заходилъ библіотекарь: жаловался на наводненіе, слѣдствіе послѣднихъ дождей. Неба давно не видно, плотныя тучи нависли надъ землей, вѣтеръ гоняетъ ихъ взадъ и впередъ; кажется, что и природа русская приспособилась къ общему режиму, сѣрому, тоскливому.

29 іюня.

На дняхъ случилось то, чего я всего больше боялся въ тюрьмѣ. Въ общемъ, въ камерѣ все-таки очень грязно; нѣкоторыя вещи покрыты слоемъ многолѣтней, можно сказать, грязи и жира; про „туалетъ“ и говорить нечего, къ нему прикоснуться страшно, а приходится. Стѣны внизу окрашены дрянной клеевой краской, осыпающейся на подушку и постель; матрацъ безъ простыни, изъ парусины, не мѣняется вовсе; простыня, такой же кусокъ парусины съ толстымъ продольнымъ швомъ, мѣняется два раза въ мѣсяцъ; одѣяло—кусокъ солдатскаго сукна, осыпается, давая мельчайшіе волоски грязной шерсти. Книги изъ тюремной библіо-

теки до того просалены, что поневолѣ вспомнишь тутъ фамусовское: „Собрать бы книги всѣ, да сжечь“.

Все это ведетъ къ тому, что заразиться здѣсь, живя даже и въ лучшихъ, чѣмъ другіе арестанты, условіяхъ, ничего не стоитъ. Я и заразился. Въ носу сдѣлался нарывъ, обратившій все лицо въ гомерическую клоунскую гримасу; воспаленіе перешло дальше, вызвавъ скверный насморкъ, боль въ горлѣ, кашель, опухоль железъ. Жаръ не спадаетъ и до сихъ поръ, только надоѣло ужъ лежать, привыкъ къ дневнику, оттого и пишу сегодня. Боюсь рожи, этой обычной тюремной болѣзни; всего же больше боюсь, чтобъ не стащили въ тюремную больницу, хотя совсѣмъ ее не знаю—можетъ быть тамъ и чисто. Инстинктивное отвращеніе, какъ у крестьянъ вообще къ больницамъ. Вотъ когда тюрьма дала себя почувствовать. Лежать въ жару на твердой, какъ камень, постели, на грязной парусинѣ, кутаясь отъ озноба въ прозрачное суконное одѣяло, взаперти, очень тяжело. Звать некого, все нужно самому дѣлать, иначе отправятъ въ больницу. Безсонная ночь длится какъ вѣчность; воспаленное воображеніе невольно переноситъ мысль къ своему дому, къ семьѣ, къ чистой постели, къ дружескому лицу родственника-врача.

„А, попался, баринъ, „буржуа“, — скажетъ читатель соціалистъ, если таковой окажется. Да, конечно, попался. Въ сорокъ лѣтъ трудно отставать отъ привычекъ, частью врожденныхъ, частью созданныхъ воспитаніемъ. Это понятно, и, пожалуй, можно простить слабость, проявленную мной при высокой температурѣ, въ грязной клѣткѣ...

6 іюля.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, что я мѣряю шагами свою пятиаршинную камеру. Опасность рожистаго воспаленія миновала; новый домъ напротивъ отнимаетъ уже кусочекъ неба; тюфякъ давно обратился въ финскую сухую лепешку, стѣна обтерта моей спиной, а спина—стѣной; отъ жары провизія портится, масло течетъ, молоко киснетъ, яйца сохнутъ, ветчина зеленѣетъ; всѣ вещи начинаютъ пахнуть, „какъ цвѣты вечеромъ“, по выраженію Урусова. Тѣмъ не менѣе бодрость не убываетъ, всѣ оживлены и веселы; я все еще не ощущаю стѣсненія свободы, не стремлюсь отсюда мысленно, что̀ отравляло бы, удлиняло бы остающееся время, и за однообразіемъ не замѣчаю почти, какъ текутъ недѣли.

9 іюля.

Я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ, еслибъ не посвятилъ здѣсь нѣсколькихъ строкъ спеціально „Каменщикамъ“, госте-

пріимствомъ которыхъ пользуюсь. Въ общихъ камерахъ, въ другомъ корпусѣ, царитъ обычный адъ уголовныхъ русскихъ тюремъ: грязь, гнусный развратъ, нравы звѣрей, болѣзни. Населеніе этихъ камеръ періодически возвращается въ тюрьму, ибо она именно и творитъ рецидивистовъ на всѣхъ ступеняхъ нарушенія законовъ. Блѣдныя лица, лихорадочные глаза, юркія, порывистыя движенія, или наоборотъ, вялая неподвижность,—все переноситъ васъ въ психіатрическія палаты плохо содержимыхъ лечебницъ, и вы съ ужасомъ замѣчаете, что здѣсь повторяется ошибка старыхъ лѣтъ, когда умалишенныхъ сажали на цѣпь, обливали темя холодной водой и били *въ цѣляхъ леченія*. Большія рѣшетчатыя окна съ повисшими на нихъ арестантами, непристойные знаки, ругань дополняютъ сходство, и вы вспоминаете, *что* привело сюда большинство этихъ людей: или недостатки соціальнаго строя, создающаго рѣзкое неравенство правъ и состояній, или вырожденіе, алкоголизмъ предковъ и свой собственный, или, наконецъ, психическая неуравновѣшенность—послѣдствіе усложнившейся жизни, обострившейся донельзя борьбы за существованіе. Вотъ почему я не почувствовалъ себя въ тюрьмѣ въ обществѣ отверженныхъ, паріевъ; вотъ почему ни іоты брезгливаго чувства не шевелится во мнѣ при частыхъ встрѣчахъ, лицо къ лицу, съ этими несчастными людьми; вотъ почему, я думаю, чуткая славянская совѣсть подсказала народу слово „несчастненькій“ для обозначенія арестанта, создала атмосферу, которою широко могло бы воспользоваться разумное правительство при реорганизаціи тюремнаго дѣла и ссылки.

Въ нашемъ корпусѣ сравнительно тихо, чисто, порядокъ; нарушается тишина только кандальниками, да когда уводятъ приговоренныхъ къ удавленію; теперь давно что-то не слышно ихъ,—а можетъ быть стали переводить въ другую тюрьму. Газетъ нѣтъ, и мы не знаемъ, попрежнему ли много казнятъ въ Москвѣ.

Между нашей группой и другими политическими мало общенія. Какъ слышно, нѣкоторое недовольство замѣчается тѣмъ, что мы пользуемся ванной, а большинство политическихъ—простой баней; но если принять во вниманіе нашъ средній возрастъ, который выше 40 лѣтъ, болѣзненность многихъ изъ насъ, то, право, „ванная“ льгота не такъ ужъ велика, а кромѣ нея другихъ нѣтъ. Къ тому же большинство подслѣдственныхъ имѣютъ свое постельное бѣлье и подушки, чего мы лишены по закону. Есть, впрочемъ, способъ проникнуть въ интересную сферу нашихъ бывшихъ противниковъ, крайнихъ лѣвыхъ, теперь объединенныхъ съ нами общей тюремной крышей. Это—тюремная библіотека, и даже

не она сама, а помѣтки, оставляемыя арестантами на поляхъ книгъ. Устранить порчу книгъ совершенно немыслимо: чернила есть у всякаго, и услѣдить за авторами помѣтокъ трудно. Остается извлекать отсюда возможную пользу, и я полагаю, что даже здѣшняя небольшая библіотека могла бы дать интересный и поучительный матеріалъ для диссертаціи психіатра или соціолога. Случайныя выписки изъ книгъ, которыя я нарочно бралъ изъ разныхъ отдѣловъ библіотеки, даютъ нѣкоторую картину арестантскихъ настроеній и міровоззрѣнія, притомъ въ наименѣе намъ знакомой средѣ людей съ низшимъ образованіемъ и развитіемъ. Остальные не дѣлаютъ помѣтокъ, или дѣлаютъ ихъ въ заботѣ о менѣе развитыхъ читателяхъ, т.-е. поясняютъ иностранныя слова, техническіе термины, и изрѣдка лишь не удерживаются отъ замѣчаній по адресу авторовъ. Помѣтки заставляютъ иногда смѣяться, иногда наводятъ на размышленія общаго характера.

Прежде всего замѣчаешь, что грамотность авторовъ помѣтокъ невысока, орѳографія положительно хромаетъ; склонность къ воспріятію самаго новаго отражается въ пренебреженіи къ буквѣ „ѣ“ и полнѣйшему отрицанію твердаго знака на концѣ словъ; на ряду съ грубыми ошибками въ словахъ и даже въ построеніи фразы, эти новшества производятъ особенно курьезное впечатлѣніе. Затѣмъ всѣ вообще замѣчанія читателей можно раздѣлить на добродушныя, серьезныя, радикальныя (повторяющія, въ большинствѣ случаевъ, извѣстные принципы крайнихъ программъ), и порнографическія. Сюжетъ книги и имя автора сказываются на характерѣ помѣтокъ; такъ напримѣръ, въ „Воспоминаніяхъ“ Огаревой о Герценѣ совсѣмъ нѣтъ помѣтокъ, кромѣ одной — „хорошій человѣкъ“, по адресу Герцена. Самыя натуралистическія страницы „Воскресенія“ Толстого тоже остались чистыми, зато произведенія Горькаго и Андреева кишатъ невѣроятными сальностями, причемъ Горькаго честятъ еще и за его политическіе взгляды, и за то, что онъ не проводитъ ихъ въ личной жизни. Нерѣдко замѣчаніе вызываетъ еще чью-нибудь помѣтку по адресу перваго читателя, большей частью лаконическую: „глупо“, „ну, и дуракъ“, „пошло“ и т. под. Сѣтованіе на вырываніе листовъ и порнографическія надписи, на безобразное отношеніе къ книгамъ и товарищамъ выражается всегда сильно: „Товарищи, какито (я сохраняю всюду орѳографію авторовъ) дураки пишутъ разныя глупасти на книгах и рвуть книги“. — „Скотъ! кто вырвалъ листы? Паразитъ!“, и т. д. Читаютъ арестанты безъ выбора,

все подъ рядъ, что̀ попадется, такъ какъ одинъ почеркъ повторяется иногда въ самыхъ неподходящихъ другъ къ другу книгахъ; читаютъ добросовѣстно, вѣроятно увлекаясь самымъ процессомъ чтенія, и только въ концѣ книги не удерживаются иногда отъ замѣчанія, сводящаго весь трудъ къ нулю. Такъ напр., въ какомъ-то совершенно неусвояемомъ разсказѣ странника, написанномъ „по благословенію“ архіерея, — 300 страницъ невѣроятной окрошки церковно-славянскихъ оборотовъ и „благолѣпія“, — читатель написалъ на переплетѣ: „А автора этой книжки... снять бы съ него штанишки, да того... посѣчь бы немного. На 308-й страницѣ запоролъ такую чушь, что я *потомъ обливался*, читая“. Зато книжка Фридмана: „Наша финансовая система“ рекомендуется на оборотѣ: „Читай, книга хорошая“. Въ концѣ, той же рукой, къ удивленію моему, написано покаяніе: „Читалъ, читалъ и ничего не усвоилъ. Охъ, бѣда!“ Другой, болѣе развитой, или таковымъ притворявшійся, обозначилъ тутъ же: „Все? Мало!“ На „Исторіи одного крестьянина“, Эркмана-Шатріана, пользующейся вообще въ Россіи большимъ успѣхомъ, написано: „Хорошая книга“. Подъ этимъ какой-то педантъ приписалъ: „т.-е. *статья*“, хотя пересказъ и не имѣлъ характера статьи; а такъ какъ выведенный въ „Исторіи“ „дѣдушка“ кончаетъ свой разсказъ обѣщаніемъ продолженія, то добродушный читатель ободряетъ его словами: „Поскорей продолженіе выпускай Дѣдушка Ато помрешъ“. Юморъ Джерома К. Джерома не всѣмъ доступенъ; въ одной изъ его книгъ цѣлый рядъ надписей, въ родѣ слѣдующей: „Книга эта бретъ сумашедшова писателя“. Равнымъ образомъ и капризные образы героевъ Гамсуна раздражаютъ уравновѣшеннаго славянина; напр. романъ „Сумасбродъ“ весь испещренъ примѣчаніями, причемъ критики изощряются и въ остроуміи, очевидно раздосадованные странной смѣлостью героя, а главное, я думаю, видя въ его склонности къ алкоголю и гитарѣ нѣкоторыя родственныя черты. По адресу героя написано: „Ай да Роландсенъ, люблю такихъ ребятъ“! Нѣкій семинаристъ замѣчаетъ: „Обаче этотъ Роландсенъ большой юбочникъ“, на что другой читатель огрызается: „Ты же хулиганъ!“ Самъ авторъ удостаивается слѣдующихъ тяжеловѣсныхъ строкъ того же семинариста: „О, Гампсуне, Кнуте! Заѣлъ тебя, братъ, червь оригинальничанья, и въ погонѣ за нимъ растерялъ ты талантъ свой!“ Тутъ же приписано: „Глупо“. Другой говоритъ: „По прочтеніи сей музыки ходишь словно побитый кнутомъ, ужъ дѣйствительно *Кнутъ* Гампсунъ!“ Третій Кифа Мокіевичъ размышляетъ: „Этотъ ро-

манъ можетъ служить замѣчательнымъ для пищеваренія средствомъ, и какъ мнѣ кажется и является таковымъ лѣкарствомъ". На этомъ нѣкто четко и не безъ основанія отмѣтилъ: „Вотъ такъ попалъ!" Это медицинское размышленіе наводитъ новаго читателя на такое заключеніе: „Рѣдкая вещь, если кто-нибудь смыслитъ въ книгахъ. И товарищу я лучше посовѣтовалъ бы кушать селедки (навѣяно „Сумасбродомъ" же, гдѣ селедки неоднократно фигурируютъ), чѣмъ заниматься рецензіями, тѣ больше по желудку ему". Совѣтъ не понравился слѣдующему, и онъ вѣжливо началъ-было: „Но вамъ бы лучше скушать...", и дальше такое предложилъ, что я повторить не рѣшаюсь. Нѣкоторые авторы вызываютъ особенное негодованіе; такъ, П — въ, вѣроятно бывшій офицеръ пограничной стражи, потому что всѣ разсказы его происходятъ въ кругу контрабанды и ея уловленія, притомъ офицеръ, такъ сказать, заправскій, называющій евреевъ жидами, презирающій поляковъ такъ же, какъ и кавказскихъ горцевъ, и т. д., осыпается отборной руганью на каждой страницѣ: „Авторъ навѣрное самъ контрабандистъ", „А все-таки авторъ подлецъ" и т. п. Однако точное описаніе нѣкоторыхъ пунктовъ, удобныхъ для перехода черезъ границу, наводитъ и на практическія соображенія, въ родѣ того, что: „Я осужденъ на двадцать лѣтъ каторги, если убѣгу, можетъ придется тутъ быть", и т. д. Наибольшее число помѣтокъ все же попадается на сочиненіяхъ, имѣющихъ отношеніе къ освободительному движенію, къ революціи. Рядомъ съ краткими, но энергичными замѣчаніями (въ книгѣ г. Строева „Очерки Государства Московскаго"), въ родѣ такихъ: „Идіотское ханжество", „Эка дикость", „ну, и предшественники (царя)", встрѣчаются довольно длинныя, иногда вполнѣ литературно изложенныя разсужденія. Такъ, въ „Исторіи законодательства въ Россіи", Кизеветтера, между прочимъ, написано: „Худшій врагъ трудящихся массъ тотъ, кто старается внушить имъ, что представительное правленіе можетъ разрѣшить имъ тѣ соціальные вопросы, которые назрѣли въ Россіи". Это напоминаетъ постоянную тему нападеній на к.-д. ораторовъ въ предвыборное время. Другой пишетъ рѣшительнѣй: „Прочитавъ эту книгу, я нашелъ, что въ ней еще разъ, притомъ даже лишній, перетрясается гнилье россійскаго законодательства". Достается и общепризнаннымъ авторитетамъ; подъ ссылкой на слова проф. Ч—ва о необходимости любовнаго отношенія къ дѣлу развитія сельско-хозяйственной культуры, кто-то замѣчаетъ: „Вотъ дуракъ! „съ любовью къ дѣлу разъяснитъ"... а это говоритъ кто? Проф...

Ай, ай, ай, профессора-то и есть идіоты". Такія дикости, впрочемъ, рѣдки. Интересны помѣтки въ книгѣ Каутскаго: „Развитіе государственнаго строя на западѣ". „О, боже, какой фанатикъ: вездѣ экономическая необходимость!" Другой рукой: „О, Аллахъ, какой фанатикъ субъективизма!" Третій, подчеркивая противорѣчіе между взглядами Маркса на землю и заботой соц.-дем. о неприкосновенности территоріи, гдѣ сейчасъ работаютъ нѣмецкіе рабочіе, пишетъ: „А посему соц.-демократія грозитъ вооружить всю свою пролетарскую массу и бороться, если кто посмѣетъ урвать хоть клочекъ территоріи. А Марксъ сказалъ: У пролетаріевъ нѣтъ отечества". На это четвертый, скептикъ, замѣчаетъ: „Эхъ, товарищъ, то Марксъ, а то с.-д., это, батенька мой, двѣ вещи совершенно разныя". И чтобъ не подумали, что такъ заставляетъ его высказаться принадлежность къ другой партіи, подписывается: „Не с.-р". Наконецъ, пятый, прочтя эту книгу, менѣе всего располагающую къ поэтическимъ упражненіямъ, разразился такими, поистинѣ чугунными виршами:

„Тащи, братъ, цѣпь научнаго соціализма
На крылахъ „формъ производства",
Но знай: на пути твоемъ великая крутизна,
Имя ей „Субъективное господство".

Эти строки испугали кого-то такъ, что онъ написалъ: „Караулъ! Караулъ!" Наконецъ, послѣдній, раздраженный шумомъ, поднятымъ на этой страницѣ, обрываетъ всѣхъ крикомъ: „Прошу молчать"!

Революціонное прошлое тоже не даетъ покоя, ассоціируется даже съ созвучіями; напр., въ автобіографіи Милля, около строкъ, гдѣ говорится о Бентамѣ, читатель вспоминаетъ слово „браунингъ" и пишетъ не лишенную психологическаго значенія фразу: „Изъ браунинга я убилъ въ декабрьское возстаніе многихъ. А *затѣмъ проснулся*".

Попадаются и довольно-таки мрачныя шутки. Въ одномъ разсказѣ М. Твена, кончающемся словами „пока я не попаду на висѣлицу", дрожащимъ почеркомъ написано: „Это будетъ завтра". И какой-то безнадежный мизантропъ тутъ же внизу пририсовалъ довольно недурно висѣлицу съ повѣшеннымъ человѣкомъ и подписалъ: „Это всѣмъ желаю". Здѣшній докторъ сказалъ мнѣ, что эти надписи не могли быть сдѣланы приговоренными къ смерти, такъ какъ послѣднимъ не даютъ съ момента приговора никакихъ книгъ, и они остаются иногда надолго наединѣ со своими мыслями и воспоминаніями. Это, конечно, одно изъ са-

мыхъ ужасныхъ положеній, и немудрено, что многіе ждутъ случая покончить съ жизнью раньше, чѣмъ это исполнитъ палачъ.

Привожу еще безъ комментаріевъ рядъ тюремныхъ сценъ и разговоровъ, записанныхъ со стенографической точностью. Здѣсь стерты границы между смѣхомъ и слезами, между грубымъ и нѣжнымъ, между умомъ и примитивнымъ мышленіемъ дикаря, между больнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Это только крошечный уголокъ безконечной равнины тюремной повседневности, такой унылой, такой однообразной на взглядъ непосвященнаго— а на самомъ дѣлѣ такой богатой самобытными чертами, оставляющими иной разъ неизгладимые слѣды на вырывающихся на волю ея свидѣтеляхъ.

Всѣ разговаривающіе находятся въ одиночныхъ камерахъ. Говорятъ въ открытыя окна, прижимаясь плотно лицомъ къ рѣшеткамъ. Тутъ же поютъ пѣсни, причемъ чаще другихъ слышатся: „Жизнь холостецкая очень наскучила“, „На Волгѣ на рѣкѣ шайка пировала“, и „Эхъ, братцы, мы пойдемъ, всѣ богатства заберемъ“. Бродяга Андрей Ивановичъ поетъ довольно пріятнымъ голосомъ и пользуется, почему-то, у сосѣдей нѣкоторымъ почетомъ; иначе, какъ по имени и отчеству, его не называютъ, онъ же зоветъ всѣхъ сокращенно. Разговоры, записанные въ разные дни, обнимаютъ весь циклъ интересовъ нашего фасада, гдѣ, между прочимъ, находились и всѣ приговариваемые къ смерти. Вотъ эта запись.

„— Андрей Иванычъ, какъ здоровъ?

— Здоровъ, какъ быкъ, что мнѣ дѣлается. Для меня тюрьма— домъ родительскій. Эка благодать-то, Анисимовъ, не успѣлъ встать, еще не умылся, а ужъ хлѣбъ даютъ. Житье—лучше не надо. Нечего и Господа Бога гнѣвить. (Сочувственный хохотъ слушателей).

„— Андрей Иванычъ, скоро девятнадцатое, въ судъ мнѣ.

— Эхъ, братъ, это во вторникъ будетъ. Во вторникъ, значитъ, *вѣнчаться* будешь,—*подольютъ* тебѣ (оба выраженія означаютъ смертный приговоръ).—Общій смѣхъ.

(Утромъ).

„— Яшкинъ, ты съ *Марухой*, что ли? (Марухой называется постель).

— Нѣтъ, овдовѣлъ. (Знакъ, что казнь близка; постель отвинчивается и выносится изъ камеръ осужденныхъ, вмѣстѣ со всѣми предметами, которые могутъ служить орудіями защиты.

„— Анисимовъ, ходилъ на подтвержденіе? (выслушать въ судѣ окончательную форму приговора).

— Ходилъ, Андрей Иванычъ.

— Хорошо ты отдѣлался пустяками. Брось ты, братъ, эту каверзную, паршивую, мерзкую, подлую воровскую жизнь. И безъ тебя воровъ много. Черезчуръ ихъ много, воровать скоро нельзя будетъ. А ты проси начальника, чтобы одиночное далъ тебѣ заключеніе (обыкновенныхъ уголовныхъ послѣ приговора переводятъ въ общія камеры, за недостаткомъ мѣстъ въ одиночныхъ тюрьмахъ), въ рабочіе иди, треть тебѣ скинутъ, къ Рождеству дома будешь. Ты еще парень молодой, тебѣ на службу (въ солдаты) вонъ идти. Я и самъ бы бросилъ, да ужъ покопченный я человѣкъ. Я воровать-то смалолѣтства началъ. Ты знаешь Красныя Казармы?

— За Яузой?

— Вотъ, вотъ. Не знаю, въ какомъ году (очевидно въ 1877—1878 гг.), а турокъ плѣнныхъ привели. Я мальчишкой ходилъ смотрѣть. Сидѣли они на ящикахъ. Такъ вотъ тогда ужъ я воровалъ. И такъ это я привыкъ, что не могу безъ этого. Словно болѣзнь это у меня. Украсть—мое дѣло, ажъ задрожу весь. Вотъ ты на волю пойдешь, а я въ пересыльную (тюрьму), оттуда въ „роты“ (арестантскія). Работать не придется. Какъ бродягу, меня въ одиночкѣ будутъ держать. Авось кандалы-то снимутъ.

— А вы давно въ нихъ?

— Семь мѣсяцевъ.

— Вася, ты недавно съ воли-то, такъ пѣсню бы спѣлъ. Я заплачу. Хочешь деньгами, или еще чѣмъ.

— Я по-волчьи пою...

— Хоть по-медвѣжьи, да пой.

Въ это время раздается голосъ наружнаго надзирателя:

— Господа, господа, убирайся, убирайся, пора!

— Да праздникъ вѣдь...

— Вонъ солдатъ за стѣной дастъ тебѣ праздникъ! Поговорили и будетъ. По-человѣчески вѣдь говорю. Убирайся (съ оконъ), будетъ, довольно... довольно.

Разсужденіе Андрея Иваныча о смягченіи нравовъ и другихъ предметахъ.

— А что, гляжу я, законы лучше стали, или люди мягче. Вотъ сейчасъ Анисимову пять мѣсяцевъ дали (тюрьмы), а лѣтъ пятнадцать тому назадъ года три за это же вмазали бы... Поди, люди больше понимать стали... Вѣдь вотъ, одинъ у меня пріятель былъ. Безвинно попалъ, осудили, лишили правъ. Послѣ ротъ (арестантскихъ) пошелъ на родину, надзоръ отбывать (полицейскій), не приписали (къ деревенскому обществу): „Намъ, дескать, арестантовъ не надо“. Ну, онъ воръ. А кто не воръ? Начиная со старшины и кончая мірскимъ быкомъ—всѣ воруютъ. Быкъ и то по чужимъ дворамъ сѣно ѣстъ. Что дѣлать! Ушелъ. За переходъ границы (уѣзда или губерніи) дали шесть мѣсяцевъ (тюрьмы). Вышелъ изъ тюрьмы. Куда идти? Онъ укралъ—арестовали. Сказался бродягой, сослали въ Сибирь. Оттуда потянуло его въ Россію. Какъ же! Тутъ онъ родился, выросъ, тутъ у него родные, пріятели,—тянетъ! Ушелъ оттуда. Опять поймали, опять судъ. Дали сорокъ плетей и четыре года каторги. Опять сбѣжалъ. Дали восемь лѣтъ (каторги) и плетей. Снова ушелъ. Дали безсрочную. У человѣка руки *чистыя* (не убійца), а онъ въ безсрочныхъ!.. А теперь легче было бы ему наказаніе...

А все-таки, правду пишетъ Толстой! Въ жизни своей не любилъ я такъ отца, мать родную, какъ его люблю. Дѣйствительно, я *правду* люблю, этимъ я не пороченъ. И правду говоритъ Толстой, что понапрасну людей въ тюрьмахъ мучаютъ. Ну, я хоть человѣкъ покончепный, почти тридцать лѣтъ по тюрьмамъ живу. А сколько зря пропадаетъ!.. Да и я... развѣ я виноватъ, что отецъ меня ничему не училъ? Я и грамотѣ-то вотъ въ тюрьмѣ выучился. Тюрьма—мой университетъ. А все-таки и я могъ по другому жить. Началъ-то я съ дыни. Съ дѣвчонкой, сосѣдкой Машуткой, подкопъ подъ заборъ на бахчахъ устроили, да дыню-то и взяли. Дыня-то большая, мы бѣжимъ, а она у насъ вываливается изъ рукъ-то, не удержимъ. Я ее въ подолъ къ Машуткѣ, тащу ее и дыню вмѣстѣ. Прибѣжали домой, да подъ печку ее спрятали. Пришелъ садовникъ, жалуется отцу. Спрашиваетъ меня: „Бралъ дыню?“—Какую?—„Да вотъ садовникъ говоритъ“.—Я и на бахчѣ-то не былъ (подкопъ-то мы зарыли). Стали искать, нашли. „Зачѣмъ не сознался?“ Вздули меня. Потомъ китайскія яблоки сталъ таскать. Потомъ портмонэ на Нѣмецкомъ рынкѣ, кошельки изъ карамановъ,—дѣвчонка ужъ отстала тутъ отъ меня. А тамъ трактиръ „Амстердамъ“, представленія на Цвѣтномъ бульварѣ, Сухаревка, наконецъ „Мудрый рынокъ“ (Хитровка). Мудрый рынокъ всѣхъ

принимаетъ. Придешь въ семь часовъ, глядишь, около двѣнадцати—люди выпиваютъ водки и на дѣло собираются,—это магазины идутъ обрабатывать; другіе къ четыремъ часамъ (утра) выходятъ, пьяненькихъ обчищать; тамъ, попозже, „шнитщики“ выползаютъ, чтобъ черезъ кухонныя окна лазить,—кухарки-то на базаръ уходятъ. Все профессіи. А попался,—крышка! Сиди вотъ въ такомъ *тринденшкапѣ*. Отсидѣлъ, дали проходное (свидѣтельство): „въ деревню не ходи, а городъ мимо обходи“. Придешь къ какому-нибудь *тарлачею:*—Пусти переночевать.—(Подъ дождемъ-то вѣдь не наспишься, а въ ясную-то погоду, да теплую я и не пойду въ избу-то; то ли дѣло на травѣ, въ лѣсочкѣ, широкая постель!)

— Кто ты?

— *Гитаровъ, фортепьянный ребеночекъ!*

Смѣется.

— Паспортъ есть?

— Нѣтъ.

А то и *всыпешься* (попадешься), какъ бродяга. Слѣдствіе. Говоришь слѣдователю: „Такой-то, такой-то губерніи, уѣзда такого-то, волость, село,—все укажешь. „Кто личность здѣсь можетъ удостовѣрить“?—Никого здѣсь нѣтъ, родные всѣ въ деревнѣ.—Думаешь, пошлютъ туда на улйчку,—удеру. Да нѣтъ! Слѣдователи-то умные стали: не посылаютъ, а въ тюрьму сажаютъ. Вездѣ, вездѣ грубость! Городовой ведетъ; впередъ ушелъ—кулакомъ по шеѣ, зачѣмъ скоро пошелъ; тихо идешь—докладомъ (прикладомъ ружья) въ спину. Начальники съ надзирателями вперегонки руганью пушатъ,—ну и самъ грубѣешь, злишься, стервенѣешь... Ворона летитъ, а ты думаешь—полицейскій... Такъ они осточертѣли тебѣ, что всюду ихъ видѣть начинаешь... Да теперь и тюрьма-то не то, что раньше: другой народъ сидитъ, и сидѣть-то не такъ стыдно, и узнаешь-то многое, и научишься-то всему. Хорошій народъ пошелъ по тюрьмамъ. Правда говорится: всѣ порядочные-то теперь по тюрьмамъ сидятъ.

— За тридцать-то лѣтъ сколько вы манифестовъ видѣли, Андрей Иванычъ?

— Ни однимъ не воспользовался, *вотъ чтмъ честный человѣкъ*! Да и зачѣмъ они мнѣ? Еслибы еще освободили, да работу, дѣло бы дали, вотъ, молъ, тебѣ, живи, работай—это другое дѣло. А то что мнѣ, все равно, сюда же идти. А здѣсь я у Бога за пазухой живу. Вотъ только осудиться поскорѣй по второму дѣлу за побѣгъ, а тамъ—день прошелъ, къ сроку ближе.

Черезъ четыре года я на волѣ буду. А тамъ—опять до тюрьмы... А ты, Анисимовъ, молодой еще. Брось, братъ, эту тюрьму, ты еще можешь на *ступени человѣка стать*.

Андрей Ивановичъ на судѣ.

Прокуроръ.—А вы давно воруете?

А. И.—А это надо моего отца спросить, что ничему меня не училъ.

Предсѣдатель.—Вы честнымъ-то когда-нибудь были?

А. И.—Я и теперь честный, и теперь, когда *честное* слово дамъ, всегда его держу.

Заходитъ рѣчь о тюрьмахъ, гдѣ содержался А. И., причемъ послѣдній обращаетъ вниманіе на тюремные непорядки. „Вотъ гдѣ глядѣть-то надо".

Предсѣдатель.—Ну, чего вы разсказываете! Я самъ былъ прокуроромъ, ѣздилъ по тюрьмамъ.

А. И.—Больше двадцати пяти лѣтъ сижу, ваше пр-ство, а ни одного прокурора въ тюрьмѣ не видалъ.

Разсужденіе о погодѣ и волѣ.

— Эка благодать-то! Анисимовъ, ты что окна закрываешь? Смотри, братъ, день-то какой!.. Поѣлъ, чаю напился и наслаждайся. Чего еще надо! Книжки вотъ на окнѣ читаю, да изъ кружки чай попиваю... А на волѣ на *работу* (кражу) надо идти, голову подставлять. Хорошо удастся, а коли нѣтъ.

— А что, Андрей Иванычъ, все-таки тянетъ на волю?

— Тянетъ, э-э-х-ъ, и почему это такъ? Все у тебя есть, ни о чемъ не думаешь, сытъ, какъ будто ничего и не надо; думаешь, на волѣ бы такъ жилъ, вонъ въ ту калитку не пролѣзъ бы (растолстѣлъ бы); а тянетъ туда...

— Вѣдь не даромъ же вы зимой даже бѣжали.

— А арестанту что же дѣлать, когда тянетъ? Сидитъ, ну и думаетъ все о побѣгѣ. У него этихъ побѣговъ на умѣ, что у Бисмарка умныхъ вещей въ головѣ; онъ каждую дырочку въ отверстіе обращаетъ. Въ тюрьмѣ онъ и выросъ, у него и люлька на чердакѣ виситъ, опъ въ тюрьмѣ, какъ въ своемъ домѣ. Только для побѣга надо свою самостоятельность имѣть, фокусъ свой держать въ секретѣ. Надзиратель не узнаетъ, гдѣ ему! Развѣ можетъ надзиратель знать столько, сколько арестантъ! Все вѣдь бѣднота, только и живетъ отъ перваго до перваго (числа мѣсяца);

у него въ головѣ долга—булочнику, лавочнику, туды, сюды, всѣ двадцать (рублей жалованья) и уйдутъ. И жди опять перваго. А ты знаешь, и молчи. А то все болтаютъ: товарищу, другому; тотъ женѣ, жена кумѣ, глядишь, и сыскная, и администрація все и знаютъ, весь твой фокусъ. А я такъ думаю: нѣтъ той тюрьмы, откуда уйти было бы нельзя; а эта-то самая легкая для побѣга тюрьма, лучше ея и не найти.

— Вотъ я уговариваю Анисимова бросить эту жизнь, не попадать больше сюда. Вѣдь тюрьма даже и политическихъ, что съ лишеніемъ (правъ) осуждены, въ воровъ обратить можетъ; отъ нашего брата можно заразиться пакостью, вотъ какіе мы вредные люди; а насъ нигдѣ не миновать. Говорю Анисимову, проси одиночное, и скидка, и спасти себя можешь.

— Да я буду просить, Андрей Иванычъ.

— А я почему жалѣю—смѣется А. И—чъ: воровъ много прибавляется. Ихъ и такъ много, а еще прибавится,—бѣда совсѣмъ...

Въ это время наружный надзиратель замѣчаетъ, что кто-то сидитъ на окнѣ, и говоритъ:

— Такъ нельзя... нельзя сидѣть на окнѣ... это крайне недобросовѣстно. Убьетъ тебя солдатъ, а я *отвѣчай*.

— Эхъ, и ночка сегодня была,—благодать! Теперь весь сентябрь долженъ такимъ простоять.

— Картошку вѣдь копать надо,—какъ бы про себя добавляетъ наружный надзиратель,—чтобы сухо, значитъ, было.

— А какъ закроютъ окна, не такъ ужъ весело будетъ сидѣть. Зимой скверная сидка, скверная. Хотя мнѣ ничего. Харчишки идутъ получше, съ холодкомъ-то больше ѣшь. Я только и радуюсь, чтобъ покушать получше... т.-е. *побольше*,—чего тутъ получше!

— Андрей Иванычъ, собираетесь въ церковь?

— Какъ же, я никогда не пропускаю, завсегда хожу. Я на то и созданъ, чтобы Богу молиться.

— Ну ужъ и молельщикъ,—сомнѣвается надзиратель,—грѣшить идешь только.

— Если ужъ я за рѣшеткой, то такъ значитъ грѣшенъ, что и Богу мнѣ молиться нельзя?

— Молельщикъ... скажи, что разговаривать идешь, по крайности прямо будетъ.

— Нѣтъ, теперь нельзя. При *_* дѣйствительно посвободнѣй было. Эхъ, жаль его, хорошій былъ, самостоятельный, хоть и строгій... А теперь-то за болтовню—записка, и въ карцеръ! Раньше, правда, шу-шу-шу-шу было... Пойду, за упокой ребятъ просвирку закажу.

— А какъ вы деньги достаете?

— Деньги вещь обыкновенная. Когда вамъ нужно будетъ, вы мнѣ скажите, я вамъ спущу (обычное сообщеніе между камерами, на веревочкѣ съ крючкомъ на концѣ). Въ тюрьмѣ-то, да денегъ не найти! Арестанты все крысы, сребролюбцы. У меня вотъ недавно жена померла, *двоюродная*... Такъ я и свѣчи покупалъ, и панихиду заказывалъ.

— Инокъ, подумаешь, какой, замѣчаетъ Вася.

— А, Вася, дорогой мой, а то какъ же! Вотъ я какой! Двоюродную, и то помню. Хорошая была баба! Правда, дѣвочка она еще была, да я все по-арестантски бабой ее зову. Помянулъ я ее,—дожидайся, молъ, пока я къ тебѣ приду. Эхъ, Вася, Вася, дорогой мой! А ты свою родную жену забылъ. Отца забылъ. Онъ тебѣ маленькому ноженки расправлялъ, ручонки цѣловалъ, а ты бросилъ его, да въ Москву. На Хитровъ попалъ, кашеваромъ тамъ сталъ... Отца съ женой и дитемъ забылъ. А Хитровъ—что тюрьма, особенно домъ Кулакова. Тамъ и лѣстница, какъ въ тюрьмѣ, и одиночки. Эхъ, недаромъ онъ и Хитровымъ зовется. Хитросплетенная „шпандорія“ тамъ живетъ, и нахитришь тамъ на свою голову. И узнаешь все,—вотъ его еще и „мудрымъ“ зовутъ. Вотъ и ты, Вася, нахитрилъ на свою голову. Наглядѣлся вольной-то жизни, попалъ потомъ къ Якунчикову (на фабрику). А тамъ налетѣлъ на грубаго: „Что, какъ смѣешь“! схватилъ онъ тебя за горло, да душить сталъ. А ты схватилъ ножъ, что хлѣбъ рѣжутъ, который въ избѣ вечеромъ съ солью и водой ѣдятъ,—онъ на столѣ подъ рукой лежалъ,—да и всадилъ ему въ лѣвый бокъ. Такъ вѣдь было?

— Такъ...

— Это вотъ Господь тебя наказалъ за то, что отца съ женой забылъ. Отецъ-то работаетъ, наслѣдникомъ думалъ оставить тебя, а ты вотъ что выкинулъ! Нѣтъ, ты не правъ, что забылъ ихъ. Они любятъ, поди, тебя, а ты отъ нихъ, да въ тюрьму! Сидишь себѣ, въ усъ не дуешь, да папиросы покуриваешь, только „Ермака“, за пятакъ двадцать-пять штукъ... Правда, тутъ, оно, готовыя харчишки. А все-таки, ты неправъ, дорогой мой.

— Андрей Иванычъ, будетъ тебѣ проповѣди-то читать,— кричитъ Поповъ.

— Поповъ, да ты самъ посуди! Тому назадъ лѣтъ пятнадцать сколько воровъ было? Совсѣмъ мало. А теперь? Посмотри ты, воровъ-то сколько! Насмѣхъ, возьми, кинь пятакъ—въ вора попадешь. Я не говорю про тѣхъ воровъ, *съ кокардами,* а про своихъ, профессіональныхъ. Тюрьмы строятъ, всѣ онѣ полны; прибавляютъ еще, а сидѣть все тѣсно. Больно, чудакъ, какъ же не говорить тутъ! А тутъ казенки (винныя лавки) еще, будь онѣ прокляты! Раньше, когда кабаки были, выпьютъ двое бутылку, съ закуской-то оно и ничего. А тутъ вышли изъ казенки—подставляй глотку. Отравились, какъ селедки, безъ закуски-то, дальше пошли. Дошли до другой, выпили еще полбутылки, и свалились, какъ пни въ тайгѣ. Хозяинъ на другой день — разсчетъ; кому пьяница нуженъ! Куда мужику идти? Деньги пропиты, въ деревню стыдно, работы сразу не найдешь. Идетъ на Хитровъ. Тамъ сейчасъ: „Пойдемъ съ нами, тебѣ нечего дѣлать! Постой здѣсь, посмотри“. А послѣ дѣлежа: „На тебѣ за стрему“. Мужикъ и думаетъ: „Эхъ, какъ деньги-то добывать можно“! И пошелъ по всѣмъ ступенямъ воровской методы. Самъ сталъ воровать. Вотъ какъ *вора*-то прибавляются. Я того, кто казенки эти выдумалъ, повѣсилъ бы на томъ вонъ фонарѣ. Пьянства чтобъ меньше было. Теперь каждый домъ кабакъ, или б....ъ. Вина гдѣ хочешь достать можно. А то — по книжкамъ, по запискамъ, на свадьбы чтобъ покупали! Ахъ ты, собачья душа, выдумалъ тоже!

— Андрей Иванычъ, спокойной ночи!

— И вамъ того же... Я сегодня долго заниматься буду.

— Чѣмъ?

— А вотъ на память записываю, какъ непромокаемую обувь дѣлать.

— Скажите мнѣ, какъ.

— Тебѣ зачѣмъ, Анисимовъ, тебѣ по городу ходить, и своихъ штиблетъ не замочить, а я человѣкъ таежный, мнѣ, братъ, все надо помнить. Вотъ я и записываю. Ну, спи, не мѣшай...

Въ одиночномъ корпусѣ водворяется тишина. На послѣднихъ ступеняхъ лѣстницъ сидятъ дежурные надзиратели и тихонько разговариваютъ, обратясь на время въ обыкновенныхъ людей, съ ихъ заботами и мыслями. Съ пяти часовъ утра снова станутъ

они колесиками несложной тюремной машины, гдѣ всѣ вообще люди третируются какъ предметы неодушевленные.

Воспоминанія Андрея Ивановича о приговоренныхъ къ смерти, сидѣвшихъ при немъ въ „Каменщикахъ".

„При моей бытности здѣсь, въ тюрьмѣ, первымъ былъ взятъ (на казнь) воръ. Работалъ онъ до суда въ подвалѣ, ткачемъ. Когда его приговорили къ смерти, перевели сюда, на третій этажъ, въ 159 №. Имъ было написано письмо, такое письмо, что читать его безъ слезъ невозможно было; когда его читали въ подвалѣ, арестанты разбѣжались отъ чтеца, невозможно было слушать, горло давило отъ слезъ. Онъ, приговоренный, Морсянкинъ, просилъ дать ему жизнь. При мнѣ, когда его взяли изъ камеры въ первомъ часу ночи и повели въ контору наши надзиратели, онъ спросилъ: „А куда же мои деньги пойдутъ?" Ему отвѣчаютъ: „Деньги пойдутъ съ тобою, вотъ роспишись". Что было въ его головѣ, не знаю, но онъ долженъ былъ отравиться (уголовные арестанты часто употребляютъ слова не въ ихъ прямомъ значеніи; А. И. вѣроятно разумѣлъ подъ „отравой"—помѣшательство). Я знаю, какъ его, такъ и другихъ брали отсюда, изъ камеръ надзиратели и по приходѣ въ контору сдавали жандармамъ. Хотя и до Морсянкина много вѣшали, чуть не каждый день, но я не замѣчалъ ничего такого. И уходили изъ камеры тихо. И всегда въ часъ, или два ночи, такъ что тюрьма спитъ.

Припоминаю еще одинъ случай. Они были конопатчики, и шли пѣшкомъ по желѣзной дорогѣ. Ихъ жандармъ арестовалъ и заявилъ, что они хотѣли его убить своими конопатками. И ихъ повѣсили троихъ. Все были пожилые люди, рабочіе крестьяне. Еще приговорили тоже троихъ. Они пришли въ лавку къ знакомымъ и нарочно пошутили: „Руки вверхъ!" Лавочникъ заявилъ полиціи; ихъ повѣсили. Здѣсь были еще два полотера, которые натираютъ полы въ тюрьмѣ. Ихъ приговорили къ смерти. Они все время натирали полы. Но предъ тѣмъ, когда стали брать ихъ изъ камеръ, то они отъ надзирателей разбѣжались по тюрьмѣ. Одинъ изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ восемнадцати, залѣзъ подъ столъ, который въ корридорѣ, ну и спрятался: надзиратель, съ угрозой „застрѣлю!", вытащилъ изъ-подъ стола мальчика, держа наготовѣ револьверъ.

Въ одно время брали также Брюно (студента) и Бѣланова. Брюно сидѣлъ со мной рядомъ. И еще сидѣли, тоже дожидались смерти, рядомъ съ ними. Ждановъ, адвокатъ, си-

дѣлъ подъ ними, и можно было имъ разговаривать. Ждановъ утѣшалъ ихъ, что обязательно помилуютъ. Но ошиблись: послѣ студенческаго митинга скоро ихъ и повѣсили. Когда ихъ отсюда брали, они закричали: „Товарищи, прощайте! Ведутъ насъ давить!“ А имъ въ это время надзиратели зажимали рты, чтобъ не кричали. Но было уже поздно: зазвенѣли звонки, застучали двери, нѣсколько изъ товарищей вышибли форточки, а многіе побили свои рамы. Невозможно было терпѣть! Что тутъ было!.. Скажу одно: я черствый человѣкъ, прямо скотина, я не могъ стучать въ дверь, а стиснулъ зубами подушку съ травой и прокусилъ ее. Вотъ насколько трудно было терпѣть ужасъ этотъ.

18 іюля.

Вчера одинъ изъ насъ сдѣлался невольнымъ виновникомъ типичной тюремной драмы. Онъ отдалъ уголовному, убиравшему наши камеры, сломанный гребешокъ. Гребешокъ этотъ у рабочаго кто-то стащилъ. Подозрѣніе его пало почему-то на жившаго съ нимъ въ общей подвальной камерѣ арестанта, а потому недавно еще счастливый обладатель сокровища пригласилъ кого-то подержать предполагаемаго вора за руки и за шею, а самъ началъ перочиннымъ ножомъ рѣзать его, какъ овцу, но съ такимъ остервенѣніемъ, что сломалъ о ребра жертвы свой ножъ. Не смутясь этимъ, онъ остаткомъ ножа началъ пилить несчастному сонныя артеріи („становыя жилы“, какъ они называютъ), но въ это время вошли случайно въ камеру другіе арестанты и спасли истекавшаго кровью товарища, который можетъ быть и не бралъ злополучной гребенки. Теперь, кромѣ суда, ихъ ожидаетъ еще и товарищеская юстиція, изъ лапъ которой они могутъ выйти еще въ лучшемъ видѣ, чѣмъ изъ-подъ перочиннаго ножа.

Пока я не зналъ тюрьмы, я склоненъ былъ судить подобные случаи такъ, какъ ихъ и судятъ свободные люди, не допускающіе возможности убійства изъ-за куска гребня и приравнивающіе такихъ самоуправцевъ къ звѣрямъ, уничтоженіе которыхъ было бы для общества только полезно. Это не совсѣмъ такъ; арестантъ, покушавшійся на жизнь товарища, имѣлъ видъ обыкновеннаго, уравновѣшеннаго человѣка (я не знаю, за что онъ судился), былъ на хорошемъ даже счету, такъ какъ только такіе допускаются къ работѣ въ одиночномъ корпусѣ. Но тюремная психологія имѣетъ главное свойство—за отсутствіемъ слоновъ изъ всякой мухи обязательно слона дѣлать, и это лежитъ въ основѣ всѣхъ тюремныхъ отношеній. Ужъ если мы, просидѣвъ всего два мѣсяца, поддерживая сношенія съ внѣшнимъ міромъ,

имѣя весь центръ нашей жизни тамъ, внѣ тюремныхъ стѣнъ, способны по нѣскольку дней обсуждать вопросъ о скрипящемъ въ корридорѣ фонарѣ, то что̀ сказать о безграмотныхъ людяхъ, давно оторванныхъ отъ земли и семьи, сроднившихся съ тюрьмой, дрожащихъ за всякую копѣйку, щепотку табаку, булавку? Кусокъ гребня здѣсь, гдѣ его обычно замѣняютъ пальцы,—да вѣдь это цѣлое сокровище, способное вызвать общую драку, еслибъ дѣло происходило въ другомъ тюремномъ корпусѣ. Достаточно видѣть эти мертвенно блѣдныя лица, блестящіе отъ дурного сна глаза, порывистыя движенія, чтобы понять, какъ *повышается*, а не понижается нервная воспріимчивость въ этихъ тихихъ домахъ, съ точнымъ росписаніемъ дня, съ педантическимъ надзоромъ за всякимъ вашимъ движеніемъ. Я, напримѣръ, совершенно не скучаю, бодръ, не рвусь на волю и покойно жду своего срока; на свиданія пріѣзжаетъ изъ деревни жена, разсказываетъ самыя обыкновенныя новости о дѣтяхъ, о крестьянахъ—а приходя въ камеру, я чувствую до самаго вечера ту нервную дрожь, которая случается только въ самые сильные моменты жизни на свободѣ, при большихъ душевныхъ потрясеніяхъ. Нѣкоторые товарищи прекратили вовсе свиданія, по той же, повидимому, причинѣ. Правда, сегодня жена привезла довольно необыкновенную деревенскую исторію: почти рядомъ съ нашимъ домомъ, въ оврагѣ, поселилось семейство волковъ, которые и держатъ теперь въ осадѣ двѣ ближайшихъ деревни и нашъ домъ; выходя гулять, дѣти у воротъ встрѣчаютъ волка, присматривающаго, кого бы изъ нихъ взять на обѣдъ семьѣ—быть можетъ болѣе заботливаго отца, чѣмъ тотъ, что сидитъ въ тюрьмѣ. Россія дичаетъ. Въ девяноста верстахъ отъ Москвы, въ двухъ верстахъ отъ жел.-дор. станціи, волки осадили домъ европейскаго типа, и большая копія Венеры Милосской задумчиво смотритъ на сѣрыхъ гостей усадьбы, жители которой начинаютъ свыкаться съ этимъ тоже своего рода „исключительнымъ положеніемъ“. Взять выводокъ не такъ легко, и я написалъ сегодня знакомымъ охотникамъ, чтобы пріѣхали выручить моихъ изъ осады.

2 августа.

Въ тюрьмѣ опять завелись приговоренные къ повѣшенію; одинъ изъ нихъ говоритъ, что знаетъ, что какъ только его позовутъ на свиданіе съ матерью, то значитъ—завтра казнь. Это простой человѣкъ, но драматическая коллизія — мать, какъ невольный вѣстникъ смерти — удручаетъ его ужасно, и каждый новый день несетъ съ собой и радость свиданія, и ужасъ неотвратимой уже казни.

3 августа.

Наши уговорили меня пойти въ церковь къ обѣднѣ, чтобы видѣть и эту сторону арестантской жизни. Церковь просторная, богато украшена стараніями попечителей; арестанты (уголовные) стоятъ вмѣстѣ, но ихъ немного, человѣкъ двѣсти. Андрей Иванычъ уже объяснилъ, въ чемъ дѣло; какъ стали наказывать за разговоры въ церкви, такъ большинство перестало ходить туда. Поетъ арестантскій хоръ, очень недурно, но слишкомъ громко, безъ интонацій, къ которымъ охрипшіе отъ водки и разврата голоса становятся уже неспособными. По окончаніи обѣдни священникъ сказалъ проповѣдь на ту тему, что несчастія постигаютъ не однихъ бѣдныхъ и простыхъ людей, но богатыхъ и знатныхъ также, очевидно разумѣя насъ, но, повидимому, безъ успѣха. Вѣдь именно простой народъ сложилъ поговорку, для всѣхъ равную въ Россіи: „Отъ сумы и тюрьмы не зарекайся“.

4 августа.

Оказывается, что вчера, пока мы были у обѣдни, тюрьма была свидѣтельницей рѣдкой демонстраціи: выпускали на волю какого-то политическаго, причемъ поднялся неистовый шумъ, вой и грохотъ. „Шпіонъ! Негодяй! Шпикъ! Подлецъ!“—такъ и раскатывалось по корридорамъ. Въ чемъ дѣло, не узнали, но очевидно, что бывшій „товарищъ“ повыдавалъ своихъ, уже сидя въ тюрьмѣ. Отнынѣ жизнь его сдѣлается худшей каторгой, чѣмъ та, которой грозилъ ему, можетъ быть, судъ.

5 августа.

Окончательно выяснилось, что срокъ нашъ исчисляется въ девяносто дней, согласно новому уложенію. Такимъ образомъ, наши уходятъ 2-го, я—перваго сентября. Все-таки два дня выиграли: и то хорошо.

6 августа.

Накопилось четверо приговоренныхъ къ смерти. Выходя на прогулку, мы видаемъ одного изъ нихъ, бродящаго по кругу въ другомъ дворикѣ, съ застывшей на губахъ, дѣланной улыбкой. Считаетъ ли онъ нужнымъ бодриться подъ взорами изъ оконъ нашего корпуса, или это лишь внѣшнее выраженіе конвульсіи, въ которой должно находиться сознаніе приговореннаго къ смерти—не знаю, но тяжело смотрѣть на него, и, право, никто изъ насъ не ощущаетъ той инстинктивной радости бытія, какая бываетъ обычнымъ чувствомъ при потерѣ даже близкихъ людей, умирающихъ естественной смертью.

12 августа.

Впечатлѣнія тюрьмы постепенно пополняются. Сейчасъ повѣсился въ своей камерѣ уголовный арестантъ, 25 лѣтъ, осужденный за покушеніе на убійство директора фабрики на десять лѣтъ каторги. Въ теченіе недѣль онъ выдергивалъ изъ простынь (мѣняющихся разъ въ мѣсяцъ) нитки, изъ которыхъ свилъ веревку, настолько короткую, что ему пришлось привязать ее къ верхней желѣзкѣ кровати, стать на колѣни и тогда уже нагнуть голову. Оставилъ письмо своей женѣ. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ чуткой человѣческой душой, для которой обычная мѣра не годится, и снова приходимъ къ заключенію о непригодности военной юстиціи для разбора дѣлъ уголовнаго характера. Судъ присяжныхъ съумѣлъ бы извлечь изъ данныхъ слѣдствія тѣ черты характера подсудимаго, которыя спасли бы ему жизнь такъ же вѣрно, какъ вѣрно теперь привели его къ самоубійству.

14 августа.

Говорили, что одинъ изъ политическихъ арестантовъ сошелъ съ ума и есть еще одинъ кандидатъ на безуміе. Одиночное заключеніе сосредоточиваетъ вниманіе на самомъ себѣ; пусть мысли перебираютъ иныхъ людей, иныя явленія и отношенія—личность заключеннаго невольно связывается съ ними, и начинаетъ наконецъ доминировать; тогда выступаютъ новые факторы—повышенная нервность, малокровіе, безсонница, и незамѣтно нарушается психическое равновѣсіе, приводя обычно къ острымъ, излечимымъ формамъ психоза, но надолго разстраивая организмъ, при другихъ условіяхъ способный къ производительному труду. Тюрьма отнимаетъ у жизни много такихъ силъ, быть можетъ наиболѣе нужныхъ этой жизни, потому что если довольно рядовыхъ, здоровыхъ работниковъ, то всегда недостаетъ чуткихъ, тонко организованныхъ людей, отзывчивыхъ на общественныя нужды и бѣдствія сердецъ.

15 августа.

Темно, сыро, холодно. Надъ тюрьмой, какъ надъ застывшей трясиной, медленно всплываютъ тягучія, плотныя испаренія, виснутъ тяжелыя впечатлѣнія, не расходятся, накапливаются, отравляя и безъ того нерадостную атмосферу. Вчера, напримѣръ, въ урочный часъ свиданія пришла мать того самаго приговореннаго, объ ожиданіи котораго я говорилъ. Послѣ свиданія она заплакала у тюремныхъ воротъ, какъ только простыя женщины могутъ плакать, вкладывая въ крикъ ужаса и горя всѣ ласковыя слова, всѣ проклятія, всѣ стоны, на какіе только способна при-

мотивная натура, не связанная нашими навыками, сдержанностью, умѣньемъ сосредоточивать въ себѣ интимныя ощущенія. И долго стоялъ въ воздухѣ этотъ вой обездоленной матери; солдаты не рѣшались гнать ее отъ воротъ, и въ наши открытыя окна врывался онъ вмѣстѣ съ порывами осенняго вѣтра и каплями мелкаго, холоднаго дождя. А не такъ давно приходила другая мать.

— Зачѣмъ пришла?

— Къ сыну.

— Да его повѣсили.

— Знаю, батюшка, что повѣсили, да другой вѣдь тутъ у меня.

— И другого повѣсили.

Ея плача мы не слышали, это дѣло до насъ было...

Сегодня большой праздникъ: „Успенье Божіей Матери“. И мнится мнѣ, что обѣ эти женщины, и вчерашняя, и тогдашняя, стоятъ сейчасъ на колѣнахъ передъ тусклой иконой, окруженной мигающими свѣчами, и повторяютъ слова „Матушка Успленье, Матушка Успленье“, потому что никто не научилъ ихъ значенію слова „успеніе“ (смерть), и онѣ считаютъ его за имя, какъ и всѣ русскія крестьянки.

Поздно вечеромъ бряцаютъ мимо нашихъ камеръ кандалы: возвращаются изъ военнаго суда, тянущагося вотъ уже четвертый день, пять кандидатовъ на висѣлицу. Вся тюрьма ждетъ съ нетерпѣніемъ приговора. Сегодня, въ этотъ большой праздникъ, онъ и будетъ, вѣроятно, произнесенъ. У всѣхъ теплится надежда, что совершится чудо, вспомнятъ судьи страданія Маріи, видѣвшей казнь своего сына, и пять матерей останутся жить съ надеждой увидѣть когда-нибудь пятерыхъ сыновей своихъ.

Все темнѣетъ, облака чуть не задѣваютъ за высокія тюремныя трубы; трудно писать, трудно думать, трудно жить здѣсь...

16 августа.

Вчера въ 11 ч. вечера возвратились изъ суда всѣ пятеро. Ихъ поочередно вводили изъ конторы, боясь какой-нибудь демонстраціи; но въ этотъ позднiй для тюрьмы часъ никто почти не спалъ, и чуткое арестантское ухо немедленно услышало знакомую поступь. Первый что-то пробормоталъ, разобрать нельзя было. Другой отвѣтилъ на чей-то неслышный мнѣ вопросъ:

— Всѣхъ къ смерти.

— А мерзавца?—уже ясно прозвучалъ сверху новый вопросъ.

— И мерзавца къ смерти! — съ удовлетвореніемъ въ голосѣ отвѣтилъ на ходу приговоренный.

Оказалось, что одинъ изъ пятерыхъ, спасая шкуру, выдалъ на судѣ остальныхъ—и въ тюрьмѣ не замедлили окрестить его новымъ именемъ. Поразительно, до чего доходитъ иногда взаимное озлобленіе; этотъ предатель такъ горитъ ненавистью къ товарищамъ по преступленію, что на судѣ заявилъ: „Если палача не найдется, дозвольте мнѣ самому ихъ повѣсить, а тамъ ужъ и меня вѣшайте".

Послѣдняя партія приговоренныхъ отличается вообще звѣрствомъ и презрѣніемъ къ жизни. Она совершила рядъ дерзкихъ убійствъ и не останавливалась ни передъ чѣмъ. Когда мать одного изъ главарей, М—ча, дала на судѣ неблагопріятныя для остальныхъ показанія, ее убили ихъ товарищи, находившіеся еще на волѣ. Одинъ изъ разбойниковъ попался благодаря родному брату, по адресу котораго какіе-то другіе арестанты уже сообщили, что они его „израсходуютъ" (убьютъ). Всѣ эти переговоры мы слышимъ во время прогулокъ и въ окна, такъ какъ приговоренные помѣщаются надъ нами. М., переговариваясь съ пріятелемъ, извѣстнымъ уже читателю Андреемъ Иванычемъ, шутитъ часто, а еще чаще и безсознательно прорывается желаніе встрѣтить смерть въ угарѣ, отогнать заранѣе мысли, неотступно преслѣдующія человѣка въ этотъ страшный часъ разставанья съ жизнью здороваго тѣла и трезваго мозга.

Итого теперь девять человѣкъ здѣсь ждутъ смерти.

20 августа.

Сейчасъ, въ два часа дня, раздался нечеловѣческій вой, крики; ничего нельзя было разобрать, но обычный шумъ въ камерахъ и звонки показали, что это потащили кого-то изъ приговоренныхъ. Оказалось—троихъ изъ первой партіи. Они будутъ до ночи сидѣть подъ тюремной конторой, ожидая смерти, и эти двѣнадцать часовъ являются лишней пыткой, квалифицирующей самую смерть. Эти люди были увѣрены въ помилованіи. Они никого не убили, не ранили, даже не стрѣляли, и говорятъ, что вся пожива ихъ не превысила десяти рублей. Поневолѣ внѣдряется въ этихъ кругахъ, склонныхъ къ преступленіямъ, сознаніе, что разъ вѣшаютъ и за ограбленный рубль, и за вырѣзку половины деревни, то лучше ужъ рѣзать, жечь, стрѣлять, дать полный просторъ расходившейся разбойничьей душѣ. Несомнѣнно, казни увеличиваютъ жестокость; если отъ нихъ черствѣютъ сердца спокойныхъ, лойяльныхъ гражданъ, то тѣмъ больше и плотнѣе дѣлается осадокъ на днѣ общества, и оттуда поднимаются

наверхъ, для совершенія преступленій, новые и худшіе кадры преступниковъ.

21 августа.

Сегодня всѣ мы плохо спали. Сознаніе, что подъ поломъ ждутъ смерти нѣсколько человѣкъ, гнало сонъ, и мысль невольно преслѣдовала и послѣдній визгъ ключа въ двери, и долгій путь черезъ Москву въ каретѣ, и темную дыру въ Хамовническихъ казармахъ, гдѣ уже дожидались люди въ мундирахъ, притворяясь другъ передъ другомъ молодцами, и конечныя приготовленія, привычные жесты палача, и стукъ выдернутой изъ-подъ ногъ скамьи, и судороги тѣла въ мѣшкѣ, и дрожащія руки врача, констатирующаго удушеніе, и скрежетъ лопаты, закидывающей землей скрюченныя тѣла со страшными, искаженными лицами.

И гулять теперь тяжело. Рядомъ съ нашимъ садикомъ ходятъ приговоренные, переговариваясь съ тюрьмой. Нездоровое любопытство тянетъ смотрѣть на ихъ лица, и не вѣришь ихъ молодечеству, ихъ циничнымъ шуткамъ. Вчера, впрочемъ, и разбойники ходили молча, потупивъ головы. Ихъ водили по одному, подъ усиленнымъ надзоромъ.

Сейчасъ мы узнали, что взятые вчера на казнь такъ ослабѣли за десять часовъ ожиданія, что ихъ выводили подъ руки, ноги еле волочились; карета тихонько подъѣхала къ тюремнымъ воротамъ, и только при отъѣздѣ громыханье колесъ дало знать тюрьмѣ о концѣ драмы.

Утромъ слышенъ голосъ Я., повидимому, самаго смѣлаго изъ послѣдней партіи осужденныхъ:

— Я сплю здорово!—Другой отзывается:

— Скоро совсѣмъ заснешь.

И на это Я.—весь здоровье, дерзость, энергія,—мечтательнымъ тономъ произноситъ одно только слово:

„Хорошо-о-о“, покрывая имъ преступленія свои, невольно сознаваясь въ усталости отъ жизни, гдѣ не нашлось мѣста для приложенія кипучей дѣятельности способнаго, грамотнаго и, что рѣдко—зажиточнаго русскаго крестьянина.

31 августа.

Вотъ наконецъ и послѣдній день моего заключенія. Послѣднія двѣ недѣли были отравлены тяжкими думами о семьѣ, гдѣ кто-то боленъ, и отъ меня видимо скрываютъ, въ чемъ дѣло. Но еслибы знали, чего только ни рисуетъ воображеніе, особенно ночью, когда нѣтъ развлекающихъ дѣлъ и разговоровъ, то сказали бы правду. Съ стѣсненнымъ сердцемъ жилъ я эти дни, и такъ же

выйду завтра. Узнаю правду, и какъ бы страшна она ни была, ничто не сравнится съ мучительной неизвѣстностью запертаго на замокъ человѣка, здороваго, способнаго помочь — и безсильнаго. И поэтому, выходя отсюда, изъ этой каменной западни, навстрѣчу заботамъ и горю, я могу сказать, что заключеніе тяжело, покой тюрьмы обманчивъ, въ тиши разбиваются нервы скорѣй и хуже, чѣмъ въ сутолокѣ жизни. Здѣсь — сонъ, прерываемый кошмарами, призраками, воемъ удавленниковъ, лязгомъ цѣпей и грубыми словами, — долгій, ослабляющій сонъ. Пусть свободные, бодрствующіе цѣнятъ свою свободу, реальную жизнь, гдѣ до послѣдняго вздоха можно проявлять человѣческую волю, бороться, хоть кричать отъ боли, звать на помощь, дѣлиться думами съ другомъ. Пусть страшатся они тихихъ красныхъ домовъ на окраинахъ и знаютъ, что покоя здѣсь нѣтъ, и жуткая ночь такъ же чревата страхами, какъ и долгій тюремный день. Пусть радуются, что окликаютъ ихъ по имени, а не по номерамъ, что изъ самой темной лачуги можно уйти на солнце. Три мѣсяца не видалъ я ни разу ни солнца, ни луны, и объ нихъ соскучился, какъ о друзьяхъ, безмолвныхъ, безстрастныхъ свидѣтеляхъ совершающагося на землѣ круговорота правды и лжи, счастья и горя, рожденій и смертей, надежды и отчаянія? Иду навстрѣчу этой жизни съ тревогой, но оставляю за собой московскую губернскую тюрьму съ той радостью, съ которой стряхаетъ съ себя спрута неосторожный пловецъ въ морѣ. Лучше утомиться и утонуть, чѣмъ быть задавленнымъ осклизлыми щупальцами страшнаго, тихаго чудовища!

Викторъ Обнинскій.

НОВОЕ ТЕЧЕНІЕ

ВЪ

АМЕРИКАНСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКѢ

— David Graham Phillips. „Old wives for new". Нью-Іоркъ, 1908. (Дэвидъ Филлипсъ. „Новыя жены вмѣсто старыхъ". Романъ).
— Robert Herrick. „Together". Нью-Іоркъ, 1908. (Робертъ Херрикъ. „Вмѣстѣ". Романъ).

Какъ извѣстно, основаніе американскимъ нравамъ и обычаямъ было положено пуританами и другими свободолюбивыми, но и суровыми религіозными сектами. Гугеноты и другіе континентальные—голландскіе, скандинавскіе, нѣмецкіе—піэтисты и сепаратисты подъ разными именами мало чѣмъ отличались по существу своихъ вѣрованій и жизненной морали отъ островныхъ пуританъ. Ихъ семейные порядки были строги, и чистота нравовъ въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ сохранялась въ полной неприкосновенности гораздо дольше, чѣмъ въ большинствѣ крупныхъ европейскихъ государствъ. Суровая до косности пуританская закваска все еще дѣйствуетъ въ земледѣльческихъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ Новой Англіи и, отчасти, центра Союза. Сѣверо-Западъ и Тихоокеанское побережье, заселенные гораздо позже и преимущественно эмигрантами другой формаціи, уже не на религіозной, а сначала на политической, потомъ и на чисто экономической основѣ, всегда страдали и теперь страдаютъ отъ значительнаго перевѣса мужского населенія надъ женскимъ, и выработали, благодаря этому, исключительное, особенно благопріятное положеніе женщины и въ законодательномъ, и въ

соціальномъ смыслѣ, что̀ также способствовало поддержанію чистоты нравовъ. Осязательнымъ поворотнымъ пунктомъ въ такомъ положеніи вещей былъ конецъ междоусобной войны 1861—1865 гг. Если до нея въ женской половинѣ населенія и проявлялись по временамъ порывы къ эмансипаціи отъ библейскаго уклада семьи и преобладанія въ немъ мужчины, то порывы эти не привлекали вниманія и не давали результатовъ, такъ какъ передовая мысль страны была всецѣло занята вопросомъ объ освобожденіи негровъ. Съ освобожденіемъ негровъ очистилась дорога феминизму, который быстро пошелъ въ ходъ, подрывая прежній семейный строй, но не давая взамѣнъ никакихъ новыхъ опредѣленныхъ основъ—чѣмъ безсознательно, но неудержимо подрывалась чистота нравовъ. Женщина, idée fixe которой была личная и экономическая независимость отъ мужчины, не могла всецѣло отдавать своего времени ни семьѣ, ни домашней работѣ; появилось искусственное уклоненіе отъ материнства, вошла въ обиходъ жизнь въ гостинницахъ, началась погоня за мѣстами, до тѣхъ поръ занятыми мужчинами, участились разводы. Во всѣхъ этихъ направленіяхъ въ американской жизни за послѣднія сорокъ лѣтъ произошла настоящая революція. Серьезными изслѣдованіями доказано систематическое, сильное паденіе числа браковъ, значительное поднятіе возраста брачущихся, уменьшеніе числа дѣтей на семью, уменьшеніе числа самостоятельныхъ семейныхъ хозяйствъ, поразительное увеличеніе числа женщинъ въ разныхъ профессіяхъ и ремеслахъ, гигантскій ростъ числа разводовъ и въ отношеніи къ населенію, и сравнительно съ числомъ браковъ. Борясь противъ существующаго порядка и, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, вліяя все болѣе и болѣе чувствительно на жизнь мужчинъ, феминизмъ совсѣмъ не принималъ во вниманіе необходимость здоровой замѣны чѣмъ-нибудь въ мужской жизни всего того, что̀ у нея отнималось. Онъ былъ слишкомъ стремителенъ и эгоистиченъ; ломая старое и созидая новыя основы для жизни женщины, онъ игнорировалъ мужчину, его сложившіяся потребности и привычки. Въ Америкѣ женское движеніе запоздало сравнительно съ Европой, но, однажды начавшись, пошло впередъ гораздо быстрѣе, скорѣе революціоннымъ, чѣмъ эволюціоннымъ путемъ. Съ этимъ совпало поразительно быстрое развитіе національнаго богатства и роскоши въ образѣ жизни. За послѣднія сорокъ лѣтъ послѣдовало замѣчательное улучшеніе жилищъ, одежды, стола; потребности въ жизненныхъ удобствахъ разнаго рода возросли во много разъ, роскошь проникла повсюду, домашняя

жизнь американскаго народа совершенно утратила свою недавнюю суровость и бережливость. Страна изъ земледѣльческой стала обращаться въ промышленную; городское населеніе росло за счетъ деревенскаго почти цѣликомъ, высасывая изъ него болѣе или менѣе энергичную молодежь. Этотъ процессъ, въ связи съ распространеніемъ роскоши и поднятіемъ потребностей, расшатывалъ и дѣловую мораль, и чистоту нравовъ. За тотъ же періодъ развилось небывалое прежде скопленіе богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и завелся классъ праздныхъ людей; сынки многочисленныхъ милліонеровъ занялись не работой, а поисками пріятныхъ ощущеній, познакомились съ развращенной жизнью европейскихъ высшихъ классовъ, и перенесли, что̀ было возможно, и къ себѣ домой. Значеніе семьи, какъ основного института, пошатнулось. Несмотря на легкость развода, семейныя трагедіи, въ которыхъ супружеская измѣна является неизмѣнной основой, сдѣлались обычнымъ дѣломъ въ уголовныхъ судахъ, наполняя газетные столбцы сенсаціонными, обыкновенно крайне отвратительными деталями. На театральныхъ сценахъ появились пьесы, костюмы и танцы, которые десять лѣтъ тому назадъ были совершенно немыслимы. Постоянно встрѣчаешь извѣстія, что исполнительныя власти—то мэйоръ или членъ городского совѣта, то полиція — пріостановили тамъ или здѣсь представленіе той или другой пьесы „за неблагопристойностью“, и привлекли распорядителей къ судебной отвѣтственности. Наши суды обыкновенно очень либеральны, но было немало случаевъ, когда они безусловно запрещали дальнѣйшія представленія. Въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ не разъ становились предметомъ преслѣдованія безобразнѣйшія, отвратительнѣйшія оргіи, устроенныя золотой молодежью и накрытыя полиціей. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что за послѣднее время американскіе нравы существенно измѣнились къ худшему.

Всего дольше, и съ замѣчательнымъ успѣхомъ, боролась противъ новыхъ теченій американская художественная литература. Реализмъ, завладѣвшій въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія беллетристикой всѣхъ европейскихъ континентальныхъ странъ, успѣлъ съ теченіемъ времени дойти въ нѣкоторыхъ изъ нихъ до уродливыхъ крайностей, даже выродиться въ порнографію. Въ американской литературѣ эти крайности не встрѣтили никакихъ симпатій. Нѣкоторые романы Зола и Мопассана были переведены, съ существенными сокращеніями, но не привлекли вниманія и не пользовались популярностью. Какъ сильны были американскія предубѣжденія противъ реализма, блестящимъ тому

примѣромъ служитъ слѣдующій фактъ. Когда, ровно десять лѣтъ тому назадъ, вышелъ романъ Льва Толстого „Воскресеніе“, право на американское его изданіе было продано редактору ежемѣсячнаго журнала „Cosmopolitan“, Брисбэну Вокеру. И онъ, и его журналъ стояли тогда на крайнемъ радикальномъ флангѣ американскаго журнализма. Тѣмъ не менѣе, Вокеръ не нашелъ возможнымъ помѣстить переводъ цѣликомъ: нѣкоторыя сцены онъ выкинулъ совсѣмъ, и перестроилъ соотвѣтственно всю первую часть романа. Агенты Толстого протестовали; произошелъ литературный скандалъ, печатаніе романа было прервано и не окончено, Вокеръ потерпѣлъ большой финансовый убытокъ, но рѣшенія своего не перемѣнилъ. Американской публикѣ невозможно было преподнести во всей ихъ цѣлостности ни сцены обольщенія Катюши, ни ея дальнѣйшаго спуска по наклонной плоскости, ни даже того факта, что она была публичной женщиной. Несмотря на обиліе ежемѣсячныхъ литературныхъ журналовъ и издаваемыхъ ежегодно отдѣльными книгами романовъ и крупныхъ повѣстей, описаніе половыхъ отношеній не идетъ дальше самыхъ узкихъ предѣловъ. Я не знаю ни одного романа, ни одного разсказа, который можно бы было хоть сколько-нибудь упрекнуть въ этомъ направленіи даже съ самой строгой точки зрѣнія. Американская беллетристика была до сихъ поръ чиста до прѣсноты, до чопорности.

Я долженъ, однако, оговориться. Съ тѣхъ поръ, какъ соціализмъ появился по сю сторону океана, его апостолы, проводя свои идеи, прибѣгаютъ нерѣдко къ беллетристической формѣ, и въ послѣднее время вышло нѣсколько романовъ, рисующихъ мрачное, безвыходное положеніе рабочихъ, въ особенности женщинъ, подъ гнетомъ существующаго экономическаго строя. Книги эти не стѣсняются ничѣмъ въ своихъ описаніяхъ жизни публичныхъ домовъ и проституткъ, случаевъ обольщенія и разврата, вызываемыхъ отношеніями хозяевъ и приказчиковъ къ рабочимъ. Романъ Синклэра „The jungle“, повѣсти Джэка Лондона и нѣкоторыхъ другихъ писателей-соціалистовъ служатъ образчиками этого рода литературы. Но это—не художественныя произведенія, а тенденціозные памфлеты, преслѣдующіе опредѣленную цѣль и по своему существу не имѣющіе ничего общаго съ беллетристикой. Серьезная критика относится къ нимъ какъ къ спеціальному циклу, имѣющему чисто политическій характеръ и лишенному литературнаго значенія.

Тѣмъ знаменательнѣе первыя попытки измѣнить прочно установившійся строй и расширить рамки беллетристики въ сферѣ

семейныхъ и половыхъ отношеній. Насколько мнѣ извѣстно, названныя мною въ началѣ настоящей статьи книги составляютъ именно первыя такія попытки, и въ довольно рѣзкой, для здѣшнихъ жизненныхъ условій, формѣ. Оба автора, въ особенности, Филлипсъ, пользуются извѣстностью, какъ талантливые, чуткіе, вдумчивые писатели; оба уже написали по нѣскольку романовъ, достигшихъ значительнаго распространенія. Новыя ихъ произведенія также имѣютъ несомнѣнныя, серьезныя художественныя достоинства. Изданы они старыми, солидными, осторожными фирмами, давно стоящими во главѣ нашего издательскаго книжнаго дѣла—и этотъ фактъ самъ по себѣ имѣетъ существенное значеніе въ глазахъ зауряднаго американскаго читателя. Появленіе этихъ книгъ вызвало широкій интересъ и въ критикѣ, и въ публикѣ. По всѣмъ видимостямъ, пробита брешь въ вѣковыхъ традиціяхъ; обширная, запретная доселѣ область открыта для нашей беллетристики.

Въ романѣ Херрика героями и героинями являются нѣсколько супружескихъ паръ, жизненный путь которыхъ постоянно переплетается сложной фабулой отъ свадьбы до смерти. Всѣ онѣ болѣе или менѣе несчастны въ бракѣ и пытаются передѣлать свою жизнь на новый манеръ. Нельзя сказать, чтобы эти попытки были сколько-нибудь успѣшны—чтобы авторы дали какой-либо отвѣтъ на жгучій вопросъ. Но психологическій анализъ сомнѣній и страданій тонокъ и глубоко правдивъ; анормальность многихъ общественныхъ требованій, несовмѣстимыхъ съ счастливой семейной жизнью, подчеркнута авторомъ весьма рельефно и остроумно. Жизненныя условія измѣнились, идутъ другимъ темпомъ и вызываютъ новыя осложненія, тогда какъ необходимость семьи осталась та же, и требуетъ отъ супруговъ большей гибкости и, если можно такъ выразиться, приспособляемости. Херрикъ затрогиваетъ и другую сторону. Одна изъ его героинь, будучи невѣстой, искренно любитъ своего жениха, сильную, выдающуюся личность, но, какъ жена, оказывается неспособной отвѣчать его физической страсти: его ласки не только не будятъ въ ней женщины, но непріятны и тяжелы ей, и мысль о томъ, что она можетъ имѣть ребенка, при этихъ условіяхъ отравляетъ ея существованіе. Когда ребенокъ дѣйствительно появляется на свѣтъ, она переноситъ и на него свою неудовлетворенность, переживаетъ тяжелое отчужденіе отъ мужа и всей своей семейной обстановки. Вся ея жизнь разбита, такъ какъ чувство долга сдерживаетъ ея безсознательные порывы и охраняетъ ея супружескую вѣрность. Въ мастерскомъ описаніи пси-

хики этой женщины Херрикъ не пожалѣлъ красокъ, и его реализмъ далеко превзошелъ все, что̀ считалось до сихъ поръ допустимымъ въ американской беллетристикѣ.

Романъ Филлипса гораздо содержательнѣе и опредѣленнѣе. Начинается онъ прологомъ—прелестнымъ, поэтическимъ описаніемъ встрѣчи семнадцатилѣтняго мальчика, пріѣхавшаго въ деревню на вакацію, съ дѣвушкой-подросткомъ — оба симпатичные, красивые, полные бьющей черезъ край жизни. Внезапнымъ, неожиданнымъ для него самого поцѣлуемъ онъ будитъ въ ней женщину: оба подчиняются экстазу первой невинной любви; слѣдуютъ взаимныя признанія, и онъ уѣзжаетъ женихомъ. Авторъ пропускаетъ свадьбу и цѣлую четверть вѣка послѣдующей ихъ жизни—и вводитъ читателя сразу въ выросшую тѣмъ временемъ семью, съ дочерью невѣстой и сыномъ студентомъ. Герой успѣлъ сдѣлаться милліонеромъ, чрезвычайно успѣшнымъ дѣльцомъ, сохранивъ свою жизнерадостность, тогда какъ жена растолстѣла до неузнаваемости отъ роскошной и покойной жизни, опустилась и физически, и нравственно. Мужъ удачно продаетъ всѣ свои дѣловыя предпріятія и дѣлается свободнымъ человѣкомъ-капиталистомъ, съ огромными средствами, пуританскими привычками и стремленіемъ жить по-человѣчески—но безъ какихъ-либо опредѣленныхъ идеаловъ. Между нимъ и женой успѣлъ создаться тупой, повидимому безпричинный антагонизмъ, взаимное непониманіе: онъ росъ и развивался—она цѣликомъ ушла въ житейскую мелочность и жалобы на свою женскую судьбу. На порогѣ новой жизни, созданной его дѣловой талантливостью, она совершенно неспособна отвѣтить на его призывъ. И дѣти выросли внѣ родительскихъ вліяній: дочь всецѣло занята своей приближающейся свадьбой, сынъ преданъ праздности и обнаруживаетъ умственную и нравственную слабость. Между всѣми членами семьи нѣтъ ни малѣйшей внутренней связи, ничего, кромѣ взаимной денежной зависимости. Это не семья въ высокомъ значеніи крѣпкаго нравственнаго единства, а кучка связанныхъ чисто внѣшними причинами индивидуумовъ. Картина этого абсолютнаго развала и разлада чрезвычайно удалась автору. Тѣмъ не менѣе у героя, выросшаго на почвѣ почтенія къ семьѣ, на чувствѣ долга къ женѣ и дѣтямъ, и мысли нѣтъ о возможности устроить изъ своей жизни что-нибудь самостоятельное. Глаза его открыты, онъ вѣрно и зорко оцѣниваетъ положеніе, но пытается добросовѣстно примѣниться къ нему—и только сама жизнь разрушаетъ эту добровольную клѣтку, это существованіе на цѣпи. Дальнѣйшая фабула очень

сложна, изобилуетъ, какъ и большинство американскихъ романовъ, разными сенсаціонными эпизодами, и кончается законнымъ разводомъ: мужъ женится на энергичной, ему подъ пару, дѣловой дѣвушкѣ, а жена выходитъ замужъ за ловкаго авантюриста. Я не буду передавать этой фабулы, а остановлюсь на особенностяхъ романа.

У героя всю жизнь былъ дѣловой партнёръ, нѣкто Беркелей, тоже крупный милліонеръ, одновременно съ нимъ удалившійся отъ активной дѣятельности, чтобъ наслаждаться плодами долгой работы. Это удивительно удачно и вѣрно обрисованный типъ самодовольнаго, циничнаго сибарита, женившагося только потому, что представительная, красивая жена была нужна ему для его дѣлового престижа. Онъ откупается отъ нея огромными подачками, а она эксплуатируетъ его всячески, даже шантажемъ. Беркелей—примѣрный семьянинъ въ своемъ городѣ, гдѣ каждый шагъ такого крупнаго дѣльца извѣстенъ каждому,—часто ѣздитъ въ Нью-Іоркъ якобы по дѣламъ, но въ дѣйствительности, чтобы безопасно предаваться самому необузданному разврату, постоянно ищетъ новыхъ жертвъ своему сластолюбію, отлично знакомъ съ первоклассными притонами и съ ихъ выдающимися звѣздами. Онъ везетъ къ нимъ впавшаго въ отчаяніе героя романа, и нѣсколько главъ посвящены ихъ похожденіямъ и описанію нью-іоркскихъ кокотокъ высшаго сорта. Реализмъ этихъ главъ доходитъ до картиннаго описанія пьянаго чувственнаго экстаза; но и философія Беркелея, какъ въ его поученіяхъ совершенному новичку въ развратѣ—герою романа, такъ и въ его разговорахъ съ кокотками, еще отвратительнѣе, чѣмъ эти картины. Безсознательно это подчеркиваетъ и самъ авторъ—опытный, наблюдательный, талантливый писатель. Подъ конецъ одна изъ брошенныхъ Беркелеемъ любовницъ убиваетъ его на квартирѣ его новой содержанки, почти дѣвочки.

Замѣчательно отношеніе дѣтей къ постоянно усиливающемуся разладу между родителями и къ ихъ разводу. Сынъ, взбалмошный и безсердечный кутила, больше всего безпокоится о наслѣдствѣ; дочь, болѣе умная и чуткая, одобряетъ отца и въ то же время симпатизируетъ матери. Для нихъ семья и долгъ никогда не имѣли того значенія, что̀ для старшихъ: они принадлежатъ къ другому поколѣнію, совершенно иначе относящемуся и къ браку, и къ разводу. Авторъ немногими сильными штрихами оттѣнилъ и прекрасно обрисовалъ эту разницу.

Герой романа, на которомъ сосредоточены всѣ симпатіи автора, удался ему меньше всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ

лицъ; онъ нѣсколько деревяненъ, его характеръ недостаточно выдержанъ. Его вторая жена тоже нѣсколько искусственна, являясь то самоотверженной до полнаго самозабвенія, то безумно ревнивой, то безумно страстной женщиной. Въ описаніи первой жены краски немного и сгущены, но въ общемъ ея характеръ выдержанъ великолѣпно, и передъ читателемъ сами собой выплываютъ десятки знакомыхъ ему женщинъ этого широко распространеннаго типа. Беркелей и его жена, дочь и сынъ героя, карьеристъ второй мужъ жены и нѣсколько другихъ вводныхъ лицъ очерчены мастерски, съ глубокимъ знаніемъ человѣческой природы. Романъ заслуживалъ бы вниманія даже и помимо новизны его особенностей.

Почти одновременное появленіе этихъ книгъ застало заурядную американскую читающую публику врасплохъ. Она не была къ нимъ подготовлена, и онѣ произвели огромную, хотя и болѣе или менѣе затаенную сенсацію. Спросъ на книги былъ таковъ, что издатели долго не могли своевременно удовлетворять его. Само собой разумѣется, что особенно были взволнованы женщины. Книгамъ была быстро присвоена кличка „bad books“ (неприличныя книги), и хотя онѣ читались съ пожирающимъ интересомъ, но почти исключительно втихомолку, „чтобъ мужчины не знали“. Дамы шептались между собою, обсуждали ихъ подъ секретомъ. Чопорность американской жизни вообще проявилась очень рѣзко. Комичными представлялись сѣдыя матроны, только шопотомъ и съ постоянной оглядкой рѣшавшіяся говорить даже съ „сердечными друзьями“ своего пола о книгахъ, которыя въ сущности весьма невинны въ сравненіи съ тѣмъ, что постоянно печатается въ русскихъ журналахъ и открыто читается пятнадцатилѣтними гимназистками.

П. А. Тверской.

Лосъ Анжелесъ, Калифорнія.

Я УБИЛЪ!

Разсказъ Владислава Ст. Реймонта.

— Тихимъ манеромъ, ножемъ, стало-быть?

Въ отвѣтъ Ендрусь [1]) вынулъ длинный и узкій ножъ, съ широкой рукояткой, и сталь мигнула ѣдкимъ блескомъ, будто молнія.

— Этимъ и быку до сердца дойдешь,—шепнулъ Михалъ.—Довольно бы и половины.

Ендрусь странно улыбнулся, сунулъ ножъ въ карманъ на груди, изъ сундука досталъ гармонику и, присѣвъ на постели подъ стѣной, сталъ играть. Казалось, онъ былъ спокоенъ и совсѣмъ погрузился въ музыку. Наклонилъ голову надъ мѣхами и прислушивался.

Въ тѣсной подчердачной комнаткѣ разлился и закружился плясовымъ, колышущимся темпомъ вальсъ, такъ что сидѣвшія на полу дѣти зашевелились, забили въ ладоши и нараспѣвъ пищали дрозду въ клѣткѣ надъ окномъ:

— Кося, Кося [2]) въ ручки, всѣ поѣдемъ въ кучкѣ, кося, кося въ лапки, всѣ поѣдемъ къ бабкѣ...

И дроздъ засвисталъ.

Михалъ высунулъ голову изъ-подъ низкой занавѣси, отдѣлявшей ихъ лѣжи отъ остальной комнаты и съ любопытствомъ посматривалъ на пріятеля.

— Ишь ты, молокососъ. Съ паннами въ костелъ ходитъ, въ

---

[1]) Андрюша.

[2]) Кося—черный дроздъ.

трактирѣ не усидитъ, дружбы ни съ кѣмъ не ведетъ, а туда же, за ножъ берется. Ну, ну!—бормоталъ онъ.

Ендрусь его не слушалъ, и будто забывъ о всемъ на свѣтѣ, качался туловищемъ, поддакивалъ музыкѣ головой, прихлопывалъ въ тактъ ногой и жарилъ себѣ дальше. Дѣвочка стала кружиться на одномъ мѣстѣ, какъ веретено, а мальчуганъ подползъ къ Ендрусю и, хватаясь за его колѣни и за кровать, пытался встать на кривыя, рахитическія ножки, но все обрывался. А когда дроздъ разсвистался во всю, ребенокъ поползъ къ окну и радостно заболталъ:

— Титта... пю-пю... цаца титта...

Музыка уже надоѣла Михалу и онъ замѣтилъ вызывающимъ тономъ:

— Хвата изъ себя ломаешь, а сердце-то, поди, въ пятки заглядываетъ.

— И нисколько даже... Думаю только, какъ бы это сдѣлать начисто, безъ поправки! — Ендрусь поднялъ голову и голубые глаза его сверкнули холоднымъ блескомъ.

Михалъ подошелъ ближе и шепталъ ему:

— Зайди ему съ морды, припусти къ себѣ поближе, будто нечаянно натолкнись и тутъ хвати его въ потроха изо всей силы... лопнетъ у тебя подъ рукой, будто ты въ барабанъ пырнулъ...

— Ловкачъ будешь... — похвалилъ Ендрусь, слегка содрогнувшись.

— Спроси у Болька, онъ меня не разъ видѣлъ на работѣ.

И Михалъ выпрямился, метнувъ задорный взглядъ.

— Такъ ужъ вы помирились?

— Давно... Что же, онъ мнѣ посчиталъ ножемъ ребра, потомъ я ему немножко кишку выпустилъ, ну, и ладно, квитъ съ нимъ, опять живемъ въ согласіи.

— Эти три мѣсяца больницы, столько боли и опять въ дружбѣ?

— Дура, да вѣдь зато мы и въ дружбѣ... Вѣдь я бы собакой его почиталъ, кабы онъ не отплатилъ мнѣ. Случится—хватишь кого, случится—и самого пырнутъ... Вылижешь свою боль и кончено, совѣсть чиста. Не разбойникъ же я, въ самомъ дѣлѣ!..—произнесъ онъ гордо.

— Можешь на такого попасть, что...

— Что сразу въ гробъ положитъ? Невелика бѣда, коротка печаль, никто по мнѣ не заплачетъ... Но покамѣстъ живъ, никому не позволю барабанить себѣ на носу, да и къ соціали-

стамъ, въ угоду монтерамъ, не пристану, какъ Фелекъ. У меня свой умъ: по мнѣ, лучше тяжелая работа недѣлю, да веселая забава на фирцентагъ [1]), чѣмъ кутузка и нагайки...

— Что-жъ, его спрятали за то, что онъ послужилъ дѣлу...

— Потѣха! И безъ того-то ему вѣдь такъ перефасонили морду прикладами, что и мать родная не узнаетъ. Сейчасъ онъ самъ ругаетъ тѣхъ, кто его впуталъ.

Ендрусь отвернулъ голову и началъ что-то мастерить съ клавишами. Тогда Михалъ усмѣхнулся, какъ бы догадываясь, въ чемъ дѣло и тронувъ пріятеля по плечу, спросилъ:

— Вѣдь ты это за панну Юзю хочешь отплатить?

Ендрусь покраснѣлъ, но рѣшительно опровергъ догадку.

— А то, можетъ быть, это тому болвану въ цилиндрѣ, что за ея мамашей книжки носитъ въ костелъ?

— Такъ то—Манинъ кавалеръ.

— И рожа у него... такъ и просится, чтобы хватить! Не люблю я такихъ фасадовъ... Такъ, кого же ты это собираешься?.. Не говоришь, ладно, твое дѣло, потомъ узнаемъ. А когда думаешь?

— Случай когда подвернется.

— И смотри, не улепетывай сразу, какъ дуракъ... Это каждый новичокъ сейчасъ дай Богъ ноги... и прямо въ когти сосискамъ... Ударишь и отойди себѣ тихо, будто ничего, а ужъ когда шумъ сдѣлается, тогда драла... Гармонику-то ты мнѣ дай, я обѣщалъ угольщицѣ играть; у ней крестины. Приходи и ты. Будетъ что жрать.

— Приду. Подожду только Игнацовой, чтобы дѣтишекъ увела.

— Размазня! — разсмѣялся пренебрежительно Михалъ. Но, надѣвъ шляпу, самъ покачалъ мальченка кверху, дѣвочку пощекоталъ такъ, что она залилась смѣхомъ, что-то пропѣлъ въ поученіе дрозду, потомъ закрутилъ себѣ усики передъ зеркальцемъ и, взявъ подъ мышку музыкальный инструментъ Ендруся, вышелъ изъ комнаты, посвистывая.

— Михалъ! — крикнулъ Ендрусь вдогонку. — Пожалуйста поосторожнѣе съ гармоникой, особенно съ лѣвымъ крыломъ; тамъ уже протирается кожа и нижніе клапаны выскакиваютъ!

Въ комнаткѣ стало тихо. Дѣти забавлялись вылавливаніемъ таракановъ изъ-за дымовой трубы, а Ендрусь присѣлъ подъ окномъ и водилъ ничего не примѣчавшими глазами по фасадамъ флигелей вокругъ двора.

---

[1]) Двухнедѣльный разсчетъ.

День былъ сѣрый и какъ-то особенно грустный, день ноябрьскій. Надъ громоздившимися вверхъ крышами, надъ почернѣвшими пнями трубъ висѣло небо сѣрое, пустопорожнее, окна блестѣли тускло, будто глаза едва обсохшіе отъ слезъ, а на срединѣ двора дикій каштанъ покачивалъ искривленными, черными вѣтвями съ остаткомъ листьевъ, которые тряслись какъ прицѣпленные рыжіе лоскутья. Какія-то дѣти съ визгомъ гонялись другъ за дружкой по мокрой, грязной мостовой двора, въ воротахъ слышался лай, снаружи доносился стукъ возовыхъ колесъ, по временамъ ему вторилъ болтливый гулъ съ невидимыхъ улицъ—и скука воскреснаго дня волоклась по свѣту, воздымаясь и до чердаковъ своей сонной, зѣвающей тишью.

— Колёвка! — вдругъ прокричалъ мальчуганъ, шлепавшійся за убѣгавшимъ тараканомъ.

Ендрусь очнулся отъ раздумья и снисходительно прошепталъ:

— Простофиля, думаетъ, что моя забота — панна Юзя. И пусть себѣ думаетъ... безопаснѣе для меня, не знаетъ, такъ и не проврется.

Онъ опять застылъ въ неподвижности, припоминая недавнюю сцену тамъ, подъ берегомъ Вислы, на Сольцѣ... Шестеро ихъ было вынимавшихъ жребій, и жребій достался ему... Что-жъ, онъ и сдѣлаетъ добросовѣстно... убьетъ какъ собаку, не ослабнетъ... такого мерзавца... сколько онъ предалъ людей, гніютъ теперь по тюрьмамъ... Да хоть бы и Фелекъ, навѣрное черезъ него же угодилъ... Должна же быть кара на такихъ, должна быть... Задумался надолго: множество подробностей, лица переодѣтыхъ товарищей, тайныя сходки, сборища въ разныхъ норахъ, расклеиванье листковъ по ночамъ, рѣчи, совмѣстное чтеніе, побѣги передъ преслѣдованіемъ — все содержаніе послѣднихъ мѣсяцевъ пробѣгало въ его мозгу густымъ и шумливымъ потокомъ.

„Отплачу за всѣхъ!“ — Онъ привскочилъ въ огнѣ этой мысли и рукой снова ощупалъ ножъ, но внезапно присѣлъ опять, лицо его странно искривилось, глаза будто запали въ глубь, замерло сердце, и дикій, безумный ужасъ сжалъ ему горло... но только на одно мгновеніе... Стремительно выпрямился, стряхнулъ съ себя все это, лицо его заиграло увлеченіемъ, глаза заблистали и въ груди вспыхнуло яркое, боевое пламя.

— Ну, и попрыгаю подъ веревочкой... хотя бы! Больше меня стоющіе не убоялись... вѣдь это за наше дѣло... за свободу... за всѣхъ,—нашептывалъ онъ себѣ съ дрожью порыва. И снова имъ овладѣло замѣчательное спокойствіе, беззаботность, сила глубокой вѣры и неустрашимости.

— Убью его, меня повѣсятъ, и будемъ квиты! — Онъ разсмѣялся веселымъ, широкимъ смѣхомъ, такъ что дѣти закопошились.

— Хойти, хойти!—напрашивался мальчикъ, цѣпляясь за его сапогъ, а дѣвочка пригладила Ендрусю всклокоченные волосы.

Онъ не отстранилъ дѣтей и сталъ качать мальчика на колѣнѣ.

— Гоп-гоп-гоп, ѣдетъ хлопъ... А такъ—панъ, а такъ панъ!—напѣвалъ Ендрусь, подкидывая мальчика выше. Потомъ дѣвочка стянула брата на полъ и просила, чтобы ей причесать волосы, да еще вплесть голубую ленточку, какъ у Фрони гладильщицыной дочки. Онъ сдѣлалъ и это, но ему уже надоѣло.

— Тихо сидѣть, мелюзга, сейчасъ приду назадъ.

Страшно ему захотѣлось повидать знакомыхъ, махнуть на улицы, окунуться въ сутолоку и шумъ. Онъ поспѣшно одѣлся, но въ дверяхъ остановился въ недоумѣніи.

— Куда идти, къ кому? Не волочиться же по улицамъ, какъ собака.— Ему сдѣлалось непріятно... Третій часъ всего... далеко до восьми... Безсознательно онъ ощупалъ ножъ и мысль о предстоящемъ холодной молніей пронизала его сердце.

— А бей вплотную... лопнетъ какъ барабанъ... Припомнилось наставленіе Михала такъ звучно, что онъ даже оглянулся тревожно.

Но въ комнатѣ были только дѣти, игравшія подъ окномъ. Монотонно гудѣлъ городской шумъ, изрѣдка звенѣло стекло въ рамѣ, папиросный дымъ слоился голубоватой пряжей подъ низкимъ потолкомъ; а въ углу, передъ золотистымъ изображеніемъ, теплилась лампадка.

Снялъ пальто и опять сѣлъ. Дѣти тотчасъ пристали къ нему съ требованіями.

— Отстать... Манька, не влѣзать на кровать!—сердито сказалъ онъ, оттолкнувъ отъ себя книжку, которую только-что взялся читать. Скучно было. Въ немъ поднималась какая-то глухая, безпричинная тоска, и онъ грузно заходилъ по комнатѣ, не зная, за что приняться...

— А чтобъ тебя! — злился онъ самъ на себя и наконецъ пошелъ по сосѣдямъ. Но, какъ на зло, всѣ двери были заперты; только изъ послѣдняго мезонина слышались постукиванье молотка и дѣтскій шумъ. Ендрусь — туда: это былъ знакомый сапожникъ, еврей.

— Спѣшная, видно, работа?

— Отъ господина околоточнаго прислано... подметки сдѣлать,

какъ же ей не быть спѣшной... Ша-ша! — прикрикнулъ еврей на дѣтей, барабанившихъ ложками по пустой кастрюлѣ.

Чтобы сказать что-нибудь, Ендрусь спросилъ:—А что, сынъ пишетъ изъ Америки?

— Писалъ, какъ же! Вы знаете, онъ намъ пришлетъ шифкарты... и мы, пожалуй ужъ черезъ мѣсяцъ всѣ поѣдемъ къ нему. Поѣдемъ!—повторилъ онъ протяжно и съ наслажденіемъ.

— А что, хорошо ему?

— Хорошо?—еврей снисходительно улыбнулся.—Не то что хорошо, а ему тамъ, какъ въ раю! Прислалъ свою фотографію, вотъ только невѣстка взяла ее, чтобы показать знакомымъ... Вы увидите какъ онъ одѣтъ... На немъ сюртукъ цѣной, на взглядъ, рублей тридцать... совсѣмъ помѣщикъ, а не такой капцанъ, какъ мы всѣ.

Ендрусь улыбнулся иронически.

— Вы напрасно смѣетесь, г. Ковальскій! Я говорю правду, онъ въ недѣлю больше зарабатываетъ, чѣмъ мы въ цѣлый годъ! Это только у насъ такъ тяжело человѣку. Кому у насъ хорошо? Можетъ быть, вамъ хорошо съ вашимъ рублемъ въ день? Можетъ быть, мнѣ хорошо? Можетъ быть, пани Игнацовой хорошо? Пане Ковальскій, кому изъ насъ хорошо?—восклицалъ онъ, постукивая все сильнѣй молоткомъ по кожѣ.

— Хорошо богачамъ, они тучнѣютъ нашей кровью.

— Ну, пане Ковальскій, это такое слово, которое пускается на вѣтеръ. Имъ Господь Богъ далъ счастье и вотъ—они нажили. Я не о нихъ говорилъ.

— Нашей обидой они нажили — съ ненавистью возразилъ Ендрусь.

— Это очень красивое слово, но это неправда! Вѣдь каждый человѣкъ хотѣлъ бы быть богачомъ. Развѣ вы не хотѣли бы быть домовладѣльцемъ, имѣть здоровыхъ дѣтей и красивую жену, что?

Ендрусь промолчалъ. Ему вспомнились мечты о Юзѣ и о собственной мастерской.

— Всѣ, г. Ковальскій, желаютъ одного и того же.

Ендрусю не нравился разговоръ; онъ всталъ, чтобы уйти.—Кстати, — прибавилъ еврей, — жена нашла гдѣ-то вотъ тамъ листъ, а я читать по-вашему не умѣю. Не почитаете ли мнѣ, что̀ тамъ такое?

Это былъ нумеръ газеты „Robotnik“. Ендрусь началъ читать статью о программѣ партіи. Онъ читалъ нѣсколько отвернувъ голову и слегка покраснѣвъ, а еврей оперся на локоть и

слушалъ со вниманіемъ, но губы его сложились въ улыбку недовѣрія.

— И вы думаете, что такъ будетъ на свѣтѣ? — спросилъ онъ читавшаго, впиваясь въ него взоромъ, но глаза при этомъ онъ жмурилъ.

Тутъ Ендрусь, забывъ объ осторожности, пустился съ мѣста въ галопъ, горячо описывая по-своему блага будущаго строя. Онъ говорилъ съ увлеченіемъ, въ словахъ его прорывалась страсть и чувствовалось горячее, сердечное вѣрованіе, такъ что раза два сапожникъ даже чмокнулъ въ похвалу, однако прервалъ его ироническимъ замѣчаніемъ:

— Тѣмъ, кто этого дождется, пусть будетъ на здоровье. Но мнѣ обѣщали еще и получше этого, а когда на дѣтей моихъ пришла болѣзнь, то никто изъ тѣхъ же обѣщавшихъ не хотѣлъ ссудить мнѣ и одного рубля... Я вамъ что̀ скажу, г. Ковальскій...

Но Ендрусь вышелъ не простившись и, сплюнувъ, проворчалъ:

— Буржуй, ну его къ чорту.—Злился на себя, что высказался передъ евреемъ.

Въ квартирѣ онъ засталъ хозяйку, Игнацову, жену посыльнаго, и спросилъ:

— Какъ сегодня торговали?

— А пёсъ съ ней, съ такой торговлей. На полрубля продала, а тутъ какой-то мальчишка толкнулъ меня и всѣ цвѣты бухъ въ канаву!—Она указала на покрытыя грязью бумажныя розы, подобранныя въ корзинку.—Весь товаръ пропалъ, но ужъ и вздула я подлеца, попомнитъ. Случиться вамъ встрѣтить моего Игнаца, скажите, пусть придетъ за нами на Рыбаки, къ теткѣ. Она насъ позвала на вечеръ въ гости, а какъ она крестная Мани, то, пожалуй, дастъ ей какую одёжу. Богачиха вѣдь, у нихъ двѣ линейки. Моего-то искала я передъ отелемъ, гдѣ его постой, но товарищи сказали, что его погнали съ посылкой на Мокотовъ.

Слушалъ ее Ендрусь пятое черезъ десятое, одѣваясь къ выходу на улицу.

— А поздно вернетесь? Ключъ будетъ лежать гдѣ обыкновенно.

— Не знаю, можетъ быть...—проговорилъ онъ, торопясь, и вышелъ на лѣстницу.—Поздно? А можетъ никогда! Можетъ и совсѣмъ не вернусь! — думалъ онъ, сойдя внизъ, и ему вдругъ захотѣлось зайти опять на квартиру, взглянуть еще разъ во

всѣ углы, поцѣловать дѣтей, попрощаться съ Игнацовой и чуточку посидѣть тамъ съ ними... въ послѣдній, можетъ, разъ... Но онъ не поддался этой дурости, закурилъ папироску и шибко прошелъ черезъ дворъ.

Минуту постоялъ передъ домомъ, думая, куда пойти, такъ какъ его тянула все-таки мысль о Юзѣ. У каждаго же человѣка должно быть, куда пойти въ воскресенье... А тамъ, на Свентоянской улицѣ, было такъ пріятно, тихо, да и чувствительно... Иной разъ, бывало, принесетъ онъ карамелекъ, а панна Юзя взглянетъ такъ значительно, что чувствуешь точно кто-то сыпнулъ въ сердце горячихъ углей. А то, случалось, руку пожметъ такъ особенно... Ендрусь подолгу потомъ тѣшился этимъ счастьемъ. И дрозда вѣдь у Игнаца купилъ, чтобы подарить ей, и выучилъ его свистать вальсъ, въ ожиданіи ея именинъ... Только ея мать принимала его холодно и при всякомъ случаѣ чѣмъ-нибудь попрекала.

— Нанимаетъ уголъ у посыльнаго, а ухаживаетъ за порядочной дѣвушкой, сиволапый этакой,—такъ она разъ жаловалась на него Михалу.

Ендрусю это было извѣстно, но онъ все-таки ходилъ къ нимъ по воскресеньямъ, несмотря на шпильки.

Свататься за панну Юзю онъ еще и не думалъ, а только по временамъ мечталъ, но ужасно любилъ посидѣть у нихъ вечеромъ и поиграть дѣвушкамъ на гармоникѣ. Ендрусь былъ сиротой, родныхъ никого у него не было, и этотъ домъ казался ему раемъ послѣ дымной фабрики, цвѣтникомъ—послѣ каморки у Игнацовъ.

И теперь онъ оправдывался передъ собой.—Посижу у нихъ съ полчасика. Можетъ быть ужъ и не придется никогда... Какъ бы только ее застать.—...И онъ шелъ поспѣшно съ Бернарской улицы къ памятнику короля Сигизмунда, по нѣскольку разъ оглядывался, наконецъ остановился передъ бывшимъ бернардинскимъ монастыремъ и долго, наблюдательно смотрѣлъ на домъ, гдѣ проживалъ—тотъ, приговоренный.

Домъ стоялъ на другой сторонѣ Краковскаго предмѣстья, домъ огромный, гордый какъ богачъ, блестѣвшій рядомъ оконъ своихъ магазиновъ. Ендрусь не могъ отвести глазъ отъ оконъ третьяго этажа: ему казалось, что изъ-за занавѣсокъ выглядываетъ то ненавистное лицо.

Стоялъ долго. Городъ кипѣлъ праздничной суетой; тротуары были покрыты народомъ, извозчики спѣшили, съ трамвая безпрестанно раздавались звонки, а въ воздухѣ висѣлъ гулъ ѣзды,

криковъ и разговоровъ. Въ воротахъ уже собиралась сумеречная тѣнь и ползла голубоватой занавѣской по стѣнамъ домовъ; въ окнахъ нѣкоторыхъ магазиновъ вспыхивалъ свѣтъ.

Оторвавшись наконецъ отъ этого мѣста, Ендрусь чуть не бѣгомъ пустился на Свентоянскую. Онѣ жили напротивъ каѳедральнаго костела св. Яна, въ домѣ съ узенькимъ фасадомъ, очень высокомъ. Тамъ его приняли обычнымъ манеромъ: дочери—любезно, мать—съ кисловатой миной. Юзя оправлялась передъ небольшимъ зеркаломъ.

— Что слышно новаго?—задала вопросъ мать, ходя по комнатѣ со стаканомъ чаю.

Молодой человѣкъ что-то пробормоталъ; она усмѣхнулась и сказала насмѣшливо:

— Вѣдь вашъ хозяинъ день цѣлый бѣгаетъ по людямъ съ вывѣшеннымъ языкомъ, такъ могъ бы, кажется, принести вамъ цѣлый ворохъ новостей.

— Конечно, да я-то нелюбопытенъ.

— А принесли гармонику? — послышалось изъ-за зеленой ширмы, дѣлившей комнату пополамъ.

— Нѣтъ, на сегодня я ее далъ Михалу.

— А жаль. Вечеромъ у насъ будутъ гости, я думала вы поиграете.

— Обойдется жидовская свадьба и безъ марципана! —уязвила старая, оглядывая Юзю со всѣхъ сторонъ. — Маня, ты испортила ей лифъ, вонъ—мѣшки висятъ подъ пазухами. Посмотри, какъ это выглядитъ... И подъ поясомъ-то, вонъ, опухло, точно она на восьмомъ мѣсяцѣ ходитъ.

— Такъ что же, маменька, поправьте! Пане Ендрусь, извольте сѣсть къ окну и на комнату не оглядываться. Сами-то, маменька, одѣвайтесь же скорѣй! — распоряжалась Маня изъ-за ширмы.

Онъ сѣлъ къ окну и смотрѣлъ на стрѣльчатую башню собора, а за собой слышалъ шелестъ надѣваемыхъ платьевъ, шорохъ вытаскиваемыхъ изъ-подъ кровати ботинокъ, стуканье ящиками комода и быстрый топотъ Мани, которая бѣгала взадъ и впередъ, часто смѣялась и, подкрадываясь, проводила ему мокрымъ перомъ по лицу.

— А вотъ, поймаю! Панна Марія, сейчасъ поймаю—весело грозилъ онъ и, не оборачиваясь, закидывалъ руки назадъ.

— Сидите тихо, а то завяжу глаза или вонъ со двора!

— Ладно, сижу ужъ, а какіе это народы придутъ къ вамъ вечеромъ?

— Пусть Юзя скажетъ.

— Придетъ кавалеръ! Табачную лавочку имѣетъ на Желязной...—объясняла мать, поплескивая водой и фыркая за ширмой.

— А своего-то панна Марія, значитъ, ужъ пустила въ трубу?

— Это только сапожники такъ выражаются...—отозвалась старуха.—Привелъ его въ четвергъ панъ Янъ. Отличная партія и Юзѣ самой онъ понравился.

Юзя замѣтила:

— Шикарный нумеръ!

— Какже, въ цилиндрѣ ходитъ, карболкой немного подванниваетъ и браслетка у него на рукѣ,—тараторила Манька, не обращая вниманія на знаки матери.— Конфеты принесъ... Немножко селедкой пахли, но мы все-таки съѣли. Просидѣлъ весь вечеръ и съѣлъ разной разности на цѣлый злотый... Разсказывалъ, что его сватаютъ къ паннѣ, у которой на Волѣ свой домъ... что для будущаго хозяйства онъ купилъ два матраца на аукціонѣ, но уже вывѣтренные и что Юзя пришлась бы въ самый разъ за выручку къ его магазину...

— Полно вздоръ болтать!—прервала ее Юзя.

Помолчали. У Ендруся заныло сердце и что-то подступило къ глазамъ. Онъ наклонилъ голову, но въ эту минуту Юзя, будто желая выглянуть въ окно, прижалась грудью къ его плечамъ и, прикасаясь головой къ его лицу, шепнула:

— Не вѣрьте... Вотъ ужъ сколько народу передъ костеломъ!—замѣтила она вслухъ.

Онъ выпрямился, хотѣлъ что-то сказать, но ея уже не было.

— Скорѣй, мамуся, а то придемъ свѣчи гасить, вѣдь ужъ звонятъ.

Колокола въ самомъ дѣлѣ ударили и такъ внезапно, громко, широко всколыхнули воздухъ, что цѣлое стадо голубей взлетѣло выше башни и кружилось надъ ней высоко, точно горсть бѣлыхъ перьевъ, подхваченныхъ вихремъ. А вотъ и у Августіановъ отозвались дрожащимъ, горячимъ басомъ; затѣмъ, понеслись мѣдные звуки отъ Піаровъ, огненной рѣкой, стремящейся въ высь; потомъ, уже издали, отъ Паулиновъ тихо поплыли широкіе, колеблющіеся, призывные звоны; и наконецъ, совсѣмъ уже издалека, едва слышно, какъ подоблачный кликъ журавлиный, пронеслось колокольное пѣніе съ Краковскаго предмѣстья.

Стекла въ окнахъ тихо позвякивали, комната вся какъ бы наполнилась гуломъ мѣди; онъ медленно качался и самъ себѣ вторилъ, въ душу проникало болѣзненно-сладкое чувство.

Дѣвицы были уже готовы, только мать замѣшкалась и онѣ суетились около нея.

Освободившись отъ запрета глядѣть, Ендрусь впился теперь глазами въ панну Юзю, которая казалась ему сегодня особенно привлекательной; тонкая и гибкая, она вертѣла бедрами, лифъ вздымался ея грудями, яркія губы играли на нѣжно-бѣломъ лицѣ, кое-гдѣ помѣченномъ легкими веснушками, золотистая тѣнь рѣсницъ окаймляла ярко-голубые глаза... И такъ онъ и водилъ за ней влюбленнымъ взоромъ. Маня засмѣялась:

— Вытаращилъ панъ глаза, какъ котъ на пескѣ... Юзя это, Юзя, развѣ вы не узнаете ее? И собираемся мы только къ вечернѣ, а не подъ вѣнецъ... Нечего лѣзть на стѣну...

На поддразниванье Ендрусь усмѣхнулся, но когда стали выходить, онъ тѣмъ же влюбленнымъ взглядомъ обнялъ комнату и всю мебель въ ней и вздохнулъ на прощанье...

Въ костелѣ было просторно, они прошли къ скамьямъ; женщины сѣли, а онъ всталъ сбоку за Юзей.

Вечерня уже началась; мракъ заливалъ высокіе пролеты храма между двумя рядами столповъ и колоннъ; въ каплицахъ по продольнымъ стѣнамъ горѣли свѣчи; надъ главнымъ алтаремъ проглядывали сонные призраки витражей; органъ звучалъ молитвенно, по временамъ взлеталъ подъ своды хоръ голосовъ и то тутъ, то тамъ пробѣгалъ шопотъ, какъ каплетъ дождь по листьямъ. Но ничего этого не слышалъ Ендрусь. Онъ только смотрѣлъ на склоненную надъ книжкой голову Юзи, а мысли его кружились гдѣ-то далеко, залетали въ дѣтскіе годы, на забытыя могилы отца и матери, къ разнымъ днямъ минувшимъ... такъ что онъ наконецъ забылъ, гдѣ находится и весь какъ бы замеръ.

Органъ звучалъ такъ тихо и монотонно, что его сталъ морить сонъ. Онъ то украдкой позѣвывалъ, то вдругъ протиралъ глаза, когда въ глубинѣ костела ему чудился тотъ огромный бѣлый домъ... а изъ окна третьяго этажа смотрѣло лицо съ зловѣщей улыбкой и невольно рука притягивалась къ скрытому на груди ножу. Онъ вздрогнулъ.

Умолкла музыка, кончилась вечерня. Ендрусь пришелъ въ себя и поддался толпѣ, которая увлекла его изъ костела. Здѣсь на ступеняхъ ихъ уже ожидали позванные на вечеръ гости. Здороваясь съ тѣмъ балбесомъ, Юзя покраснѣла. Манька болтала безъ устали и заливалась смѣхомъ, такъ что люди оглядывались, а старуха церемоніально приглашала на кофе. Ендрусь шелъ за ними одиноко, никто не обращался къ нему и съ но-

вымъ гостемъ его не познакомили. Шелъ недовольный, мрачно посматривая на своего соперника.

Такъ онъ дошелъ за ними до сѣней дома, но на лѣстницу не вступалъ, такъ какъ его не просили. Подождать: можетъ быть позовутъ, можетъ не догадались... Но съ лѣстницы раздавались выше и выше веселые дѣвичьи голоса... смѣхъ Мани и скрипъ деревянныхъ ступеней, сохранившихся въ Старомъ Городѣ... Они, пожалуй, и не замѣтили, что онъ куда-то дѣвался... Наконецъ, наверху отворились двери...

Онъ усиленно прислушался, духъ замиралъ въ ожиданіи... двери захлопнулись. Стало тихо вокругъ и душу точно придавила плита.

О немъ забыли!

Съ улицы онъ еще взглянулъ на окна, увидѣлъ блеснувшій въ нихъ свѣтъ. Онъ тяжко вздохнулъ, пересилилъ себя, оторвался, но чувствовалъ, что его глубоко оскорбили, что подступаютъ слезы обиды и безсильнаго бѣшенства.

— Пусть же съ вами пёсъ танцуетъ, морды этакія!..

Часы пробили всего шесть, но было уже совсѣмъ темно, зажженные фонари разбѣгались во всѣ стороны змѣиными изгибами огней. Вечеръ былъ тихій и еще теплый; на тротуары, покрытые людьми, слетали остальные листья.

Молодой человѣкъ шелъ по срединѣ тротуара, грубо проталкиваясь сквозь кучки разодѣтыхъ праздношатающихся, такъ что не разъ слышалъ за собой обидное слово. Раза два онъ пріостанавливался, высовывая кулакъ.

— Осердился? А хошь вотъ этого?

Отступали отъ него, примѣтивъ огонь въ его глазахъ и блѣдное лицо. Порой онъ останавливался, такъ, просто... но медленно, неудержимо все-таки приближался къ тому бѣлому, высокому дому.

Когда онъ стоялъ передъ окномъ магазина, кто-то шепнулъ ему сзади:

— Не отворачивайся... посматривай... сейчасъ можетъ выйти.

Онъ наклонился къ окну: голосъ этотъ былъ знакомый и слова эти понятны. Онъ успокоился совершенно, какъ бы окаменѣлъ, имъ овладѣлъ приближавшійся моментъ.

Онъ нѣсколько сгорбился, всунулъ руки глубоко въ карманы и двигался впередъ лѣниво, какъ человѣкъ, который никуда не спѣшитъ, но, проходя мимо того дома, окинулъ его моментальнымъ, все схватившимъ, какъ фотографическій снимокъ, взглядомъ. У воротъ дремалъ дворникъ, входъ на лѣстницу былъ освѣщенъ, а въ глубинѣ двора виднѣлись какія-то деревья.

— Больно свѣтло, уходя наткнешься на кого,—рѣшилъ онъ.

Черезъ два-три дома былъ галантерейный магазинъ; за большимъ стекломъ разложены и вывѣшены были связки воротничковъ, рубашки и галстухи. Все это онъ осмотрѣлъ подробно и, не примѣтивъ по сторонамъ ничего особеннаго, повернулъ назадъ.

Зорко наблюдая, онъ шелъ спокойно до перваго угла, взглянулъ на полицейскаго и снова повернулъ въ другую сторону. Такъ онъ довольно долго прохаживался почти автоматически, не теряя изъ вида свѣтлыя сѣни подъ воротами на другой сторонѣ улицы. Проползалъ вдоль стѣнъ, какъ голодный волкъ, ищущій добычи, готовый въ любое мгновеніе скакнуть впередъ, безъ всякой тревоги. Онъ высматривалъ съ напряженнымъ до болѣзненности вниманіемъ, а самъ думалъ о приставаньяхъ дѣтей Игнацовой и о дроздѣ, такъ что наконецъ сталъ потихоньку насвистывать тотъ вальсъ, которому его училъ.

По случаю праздника магазины были большею частью заперты; широкій тротуаръ покрывала темнота, прерываемая кое-гдѣ пучками свѣта изъ оконъ съ выставленнымъ напоказъ товаромъ. Онъ проходилъ мимо, даже не замѣчая ихъ, но испыталъ непріятное ощущеніе, когда изъ окна аптеки его обнялъ красный цвѣтъ, выходившій изъ стекляннаго шара, наполненнаго жидкостью кровяного цвѣта. Послѣ онъ сталъ даже отдаляться отъ этого окна.

Надъ городомъ уже повисла ночь; небо, изсѣра желтѣвшее заревомъ отъ уличнаго освѣщенія, тяготѣло надъ высокими, мрачными домами, но улица оставалась все-таки полной народа. Толпы гулявшихъ шумно скрещались и текли въ разныя стороны съ громкимъ разговоромъ и смѣхомъ, среди котораго выдавался порой взрывъ тонкаго дѣвичьяго хихиканья; раздавались и призывы, а иногда жалобный дѣтскій плачъ. Уличныя женщины въ яркихъ нарядахъ заглядывали въ глаза мужчинамъ и шныряли какъ разноцвѣтныя бабочки среди темныхъ муравейниковъ воскресной публики. По деревянной мостовой глухо стучали подковы, ворчали колеса, звонили вагоны трамвая. Собирательный звукъ многихъ тысячъ людскихъ шаговъ и разговоровъ гудѣлъ, какъ издали море, и онъ-то, казалось, колебалъ свѣтъ въ фонаряхъ, безустанно стоявшихъ какъ бы на стражѣ.

Тутъ, подъ воротами, дворникъ слегка посвистывалъ на флейтѣ, а тамъ въ пустыхъ сѣняхъ стояла парочка, держась за руки. Мѣстами неожиданно бросались въ глаза своимъ отблескомъ позолоченныя литеры на нѣкоторыхъ вывѣскахъ. То вдругъ на тротуарѣ прошумѣло послѣдними листьями дерево, а

то прошелъ человѣкъ съ висящимъ подъ грудью коробомъ и монотонно проговаривалъ:

— Сигары, папиросы, спички!

Все это Ендрусь видѣлъ, слышалъ — и тотчасъ окончательно забывалъ. Болѣе всего его занималъ городовой, такъ какъ разъ, поворотясь на углу, онъ какъ будто за собой услыхалъ тяжелые, мѣрные шаги. Онъ нервно вздрогнулъ, но не взглянулъ назадъ, а спокойно остановился передъ магазиномъ бѣлья. Въ электрическомъ свѣтѣ ему бросился въ глаза великолѣпный красный галстухъ съ зелеными полосками... Ендрусь долго въ него вглядывался.

— Пойдемте со мной!

На него нервно подѣйствовалъ звукъ, но голосъ былъ женскій. Передъ нимъ стояла дѣвушка съ манящей улыбкой на удивительно красныхъ губахъ. Онъ молча отодвинулся отъ нея и пошелъ своей дорогой, а чрезъ нѣсколько минутъ увидалъ ее, идущею съ какимъ-то старикомъ. Не сознавая самъ почему, такъ какъ не она первая къ нему сегодня приставала, онъ одну ее тотчасъ узналъ и пошелъ за ней до перваго угла.

Но тамъ именно и стоялъ городовой, приглядываясь къ чему-то подъ фонаремъ. Ендрусь пошелъ назадъ.

Пробило семь.

Страшно тихо тянулось время.

Вотъ, ждетъ онъ цѣлый уже часъ, а тотъ все не показывался. Развѣ не проскользнулъ ли какъ-нибудь мимо... Правда, въ окнахъ на третьемъ этажѣ былъ еще свѣтъ, но все-таки, вдругъ онъ улизнулъ...

— Прожду всю ночь и дождусь! — рѣшилъ Ендрусь, хотя чувствовалъ уже усталость. Лихорадка его пробирала и онъ не могъ одолѣть внутренней дрожи, но ни на моментъ не нашли на него ни сомнѣніе, ни боязнь передъ страшнымъ намѣреніемъ. Въ голову ему даже не приходило размышлять объ этомъ; онъ только искалъ, ждалъ въ каждую минуту... мгновенія удара. Раза два онъ примѣтилъ наблюдавшаго издали товарища; они обмѣнивались взглядомъ взаимнаго пониманія и расходились... Минуты начинали казаться безконечными.

Остановясь лишній разъ передъ магазиномъ бѣлья, онъ подумалъ: сейчасъ послѣ фирцентага куплю себѣ этотъ галстухъ.

— Пойдемте ко мнѣ! — тихо просила та самая дѣвушка, очевидно не узнавая его. На этотъ разъ онъ примѣтилъ, что она была еще довольно молода и недурна, только много веснушекъ на лицѣ, блондинка.

— Далеко живешь?—а самъ косился на тѣ ворота.

— На Пивной, отсюда два шага. Она подошла ближе.

Вдругъ онъ встряхнулся, примѣтивъ, какъ дворникъ тамъ всталъ.

— Такъ идемъ же, миленькій господинъ... Она взяла его за руку, а кто-то прошелъ мимо, насвистывая.

— Отстань!—онъ сильно оттолкнулъ дѣвушку, такъ что та заругалась, и перебѣжалъ на ту сторону улицы, остановясь на моментъ передъ воротами... Подъ ними выходили изъ сѣней высокій, плотный мужчина и женщина съ двумя дѣтьми.

— Наконецъ! — едва не крикнулъ онъ, обрадовавшись, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ овладѣло такое полное безсиліе, что онъ ухватился рукой за фонарный столбъ; руки безвольно двигались, а самого охватила дрожь. Онъ сохранилъ, однако, полное присутствіе духа и присматривался, какъ тѣ люди выходили изъ воротъ... мужчина что-то говорилъ съ дворникомъ, потомъ закурилъ сигару и взялъ жену подъ руку... дѣти шли впереди.

Какъ тѣнь, Ендрусь слѣдовалъ за ними, не спуская съ нихъ глазъ—вдругъ быстро двинулся впередъ, растолкалъ прохожихъ и, шмыгая между извозчиками, обѣжалъ полукругомъ по мостовой за нѣсколько домовъ впередъ. Тамъ прохожихъ на тротуарѣ было меньше; онъ встрѣтилъ ту самую дѣвушку, только ея уже не примѣтилъ.

Медленно пошелъ онъ назадъ, будто вглядываясь въ прохожихъ, присматриваясь къ женщинамъ; но глаза его все время видѣли только тѣхъ, идущихъ по срединѣ тротуара... видѣли ихъ между другими встрѣчными, можетъ быть и сквозь нихъ... Онъ покуривалъ сигару... женщина грузно налегала ему на руку, выставляя вздернутый животъ... передъ ними шли двѣ дѣвочки... меньшая прижимала къ груди бѣлую игрушечную собачку.

Ендрусь откинулся, глубоко вдохнулъ воздухъ и пошелъ еще тише... вотъ, они уже въ десяти съ небольшимъ шагахъ... красное лицо того человѣка промелькнуло подъ фонаремъ... Ендрусь слегка наклонился, какъ бы собираясь скакнуть, а руку держалъ на рукояткѣ... они уже почти передъ нимъ... слышенъ тотъ голосъ... У Ендруся забилось сердце, но весь онъ ушелъ въ неумолимую волю, ничего болѣе не чувствовалъ, ни о чемъ не помнилъ...

Они были еще шагахъ въ пяти... дѣвочки щебетали между собой, проходя мимо него... Онъ затаилъ дыханіе.

Всего два шага... онъ чуть-чуть пошатнулся.

Тотъ шагнулъ еще разъ и они столкнулись... Ендрусь вы-

прямился и, будто отодвигаясь въ сторону, со страшной силой всадилъ ему ножъ въ лѣвый бокъ...

Сдѣлалось это такъ моментально, что пораженный даже не вскрикнулъ, а только покачнулся, разметнулся руками и повалился назадъ.

А Ендрусь пошелъ дальше тѣмъ же медленнымъ шагомъ. За собой услышалъ крики, но не обернулся и не побѣжалъ, да и ноги у него одеревенѣли.

Изъ прохожихъ одни разбѣжались по сторонамъ, другіе бѣжали къ лежавшему на тротуарѣ; женщины, не понимая что случилось, старались поднять его; испуганныя дѣвочки стояли.

Черезъ нѣсколько минутъ его внесли въ аптеку, близъ которой это случилось.

Отойдя нѣсколько впередъ, Ендрусь остановился и, взглянувъ назадъ, самъ пошелъ къ мѣсту происшествія. Онъ былъ блѣденъ, но такъ спокоенъ, съ такимъ присутствіемъ духа, что поднялъ оброненную дѣвочкой игрушку и подалъ ей, входя за ними въ аптеку.

Тотъ уже кончался; лежалъ на диванѣ съ блѣднымъ и искривленнымъ лицомъ; широко раскрытые глаза закатились, ротъ зіялъ нѣмымъ крикомъ ужаса; на обнаженной груди струилась и запекалась кровь; по временамъ онъ всхрипывалъ, подтягивая ноги, потомъ выпрямлялся и застывалъ. Спасенія для него не было.

Люди толпились вокругъ, не зная, что дѣлать; жена поддерживала ему голову и навзрыдъ выла; дѣвочки заливались плачемъ.

Стоя въ этой кучкѣ людей, Ендрусь присматривался къ умирающему спокойнымъ, даже нелишеннымъ состраданія взглядомъ, какъ обыкновенно смотрятъ на нѣчто чуждое и непріятное. Онъ въ ту минуту какъ бы забывалъ, что самъ же убилъ его, самъ пробилъ ножемъ тотъ бокъ, изъ котораго струилась черная кровь. Съ равнодушнымъ любопытствомъ глядѣлъ онъ въ лицо умиравшаго и ни на мгновеніе сердце его не содрогнулось возмущеніемъ или страхомъ. Одинаково съ другими онъ тѣснился ближе, будто къ любопытному зрѣлищу. Онъ еще не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета.

Часы выжиданія, ударъ, всѣ только-что прожитыя впечатлѣнія точно вдругъ провалились въ какую-то глубину забвенія, какъ бы ихъ вовсе и не было. Дѣйствовалъ на него одинъ плачъ дѣтей; была минута, когда ему хотѣлось взять ихъ на руки и отереть слезы съ этихъ свѣтлыхъ личекъ, сморщенныхъ теперь болью, какъ онъ то дѣлалъ не разъ съ дѣтьми Игнацовой.

Пріѣхала карета скорой помощи, явилась и полиція, а онъ все стоялъ, какъ бы вросши въ землю, пока его кто-то не вывелъ на улицу.

— Съ ума ты спятилъ... самъ имъ въ лапы лѣзешь. Удирай теперь!

— Правда, кончено... и на чистоту вѣдь, а?

Никто ему не отвѣтилъ; онъ съ удивленіемъ обернулся, но товарища уже не было. Ему сдѣлалось какъ-то странно, онъ поднялъ воротникъ и старательно застегнулся, ощупавъ машинально, что ножъ былъ на мѣстѣ.

На тротуарѣ теперь было почти пусто, только кое-гдѣ виднѣлись кучки прохожихъ; магазины запирались; въ тѣни подъ стѣной ссорились какія-то дѣвушки, подъ воротами раздавались смѣшки горничныхъ; стояло нѣсколько извощичьихъ кабріолетовъ, проходилъ слѣпой уличный музыкантъ, нащупывая палкой край тротуара; гонялись собаки, свѣтилось какъ-будто больше прежняго оконъ въ домахъ, а самые дома, казалось, наклонялись и смотрѣли на пустую улицу; часы съ разныхъ сторонъ пробили, одни за другими, какое-то время.

Онъ пріостановился на углу одной изъ поперечныхъ улицъ и безсмысленно глядѣлъ на городового. Когда его кто-то ухватилъ подъ руку, сердце его замерло, но онъ не сдѣлалъ движенія.

— Пойдемте, миленькій господинъ!

Ендрусь разсмѣялся. Дѣвушка, прижавшись къ нему, повела его съ собой, что-то болтая, но подъ фонарями взглядывая на него украдкой и какъ-то странно.

— Видѣли, какъ только что кого-то зарѣзали? — Онъ внезапно точно проснулся.

— Гдѣ? Кого?

— Ужъ увезли, только живого не довезутъ.

— Видалъ... какъ же; лежалъ въ аптекѣ, дѣти ревѣли.— Онъ нервно содрогнулся.

— Говорятъ, шпіонъ—она оглянулась. — Дворникъ сказывалъ, они поджидали его вчетверомъ подъ воротами.

Ендрусь крикнулъ на нее въ сердцахъ.—Полно тебѣ вздоръ молоть!

— Чего-жъ вы злитесь... Никто васъ насильно не тащитъ, идите своей дорогой...—обидѣлась дѣвушка.

Онъ ее обнялъ за талію и прижалъ.—Пойдемъ скорѣй, мнѣ некогда.

И пошли уже въ согласіи; только она безпрестанно оглядывалась пугливо назадъ.

— Пятки потерять боишься?

— Нѣтъ, только, казалось мнѣ, кто-то идетъ за нами—и она оглянулась опять.

— Должно быть какой-нибудь кавалеръ обѣщалъ тебѣ встрепку, что ты такъ вертишься.

— Нѣтъ у меня своего, живу одна, сирота бѣдная. — Она чувствительно заглянула ему въ глаза. Онъ нравился ей.—А вотъ, еслибы вы захотѣли, мы могли бы полюбиться и на долгое время, что?

Страстно прижалась она къ нему, но онъ въ отвѣтъ такъ на нее взглянулъ, что дѣвушка наклонила голову и замолкла.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже были на Пивной улицѣ, въ комнатѣ нижняго этажа, подъ сводами. Она помѣщалась тамъ вдвоемъ съ подругой и вводила его тихо, такъ какъ у той былъ гость, и на ширмахъ, раздѣлявшихъ комнату, висѣли части мужского платья.

Ендрусь сѣлъ къ столику, закурилъ папироску и оглядывалъ комнату, тускло освѣщенную свѣчей. Въ воздухѣ пахло сыростью. Онъ улыбнулся, когда изъ-за ширмы послышались шопотъ и сдержанные поцѣлуи.

— Этотъ домъ—проходной?—вдругъ спросилъ онъ.

— Да, на Свентоянскую, напротивъ костела.—Она завѣсила окно платкомъ и стала раздвигать свою ширму передъ кроватью.

— Я тебя ужъ гдѣ-то видалъ?—Онъ присматривался.

— А вы развѣ не помните? — Тамъ, передъ магазиномъ я заговорила съ вами...—И она присѣла къ нему на колѣни.—А потомъ я еще встрѣтилась съ вами, даже раза два, на улицѣ... На лицѣ у васъ было, какъ-будто вы выжидали пріятеля...— Она догадливо разсмѣялась.

— Я и ожидалъ одну вострухy, да не пришла, чортъ съ ней!—быстро отвѣтилъ онъ и сталъ тихо смѣяться, но какъ-то особенно и страшно. Она отодвинулась.

— Отъ того-то, значитъ, вы и были такой злой?

— Еще бы! Прождалъ ее часъ цѣлый и не пришла, подлая... Онъ выругался еще нѣсколько разъ и такъ неудачно представлялся взбѣшеннымъ, что дѣвушка посмотрѣла на него подозрительно, да и онъ въ эту минуту пытливо взглянулъ на нее, глаза ихъ повстрѣчались и моментально уклонились въ сторону, какъ спугнутыя птицы. Она громко закашляла и принялась сбивать подушки, а онъ съ минуту посидѣлъ въ нерѣшимости, какъ бы собираясь бѣжать, но прежде, чѣмъ успѣлъ встать, она страстно бросилась ему на шею.

— Останьтесь у меня до утра... миленькій... у меня тутъ такъ тихо... золотой мой!

Опасеніе у него прошло. Онъ началъ отдавать ей поцѣлуи, крѣпко ее обнялъ и ощутилъ внезапный взрывъ кипучей крови, поднялъ ее какъ перышко и бросилъ на кровать.

— Раздѣньтесь же,—прошептала она, выскользнувъ изъ его рукъ.

Онъ порывисто стянулъ съ себя пальто и бросилъ на кровать съ такой силой, что изъ кармана выскочилъ ножъ и упалъ на полъ.

— Ага, съ ножичкомъ молодчикъ гуляетъ...—шепнула она полушутя.

Ендрусь поднялъ пальто.

— Какой тамъ ножъ... щепки стругать...

— Дайте деньгу какую, такъ я принесу что-нибудь въ ротъ вложить... Нездорово любиться натощакъ... да дай, панъ, и на монополькy...

— Ладно, мнѣ и самому захотѣлось ѣсть.—Онъ уже успокоился, спряталъ ножъ и далъ ей денегъ, а она тотчасъ вышла.

Его окружила тишина, только изъ-за ширмъ слышалось мѣрное всхрапыванье. Онъ лѣниво протянулся, почувствовалъ боль въ костяхъ и страшную усталость, а правую руку не могъ даже согнуть безъ боли.

— Вотъ-те и разъ! Эдакъ завтра и напилка въ рукѣ не удержать.—Онъ тяжело опустился на стулъ; лицо его горѣло, въ глазахъ чувствовался песокъ. Онъ протиралъ ихъ и устало зѣвалъ, впадая въ какое-то особенное состояніе... Не спалъ, однако, но какъ только закрывалъ глаза, ему тотчасъ казалось будто онъ тамъ, на улицѣ, снова ждетъ и ходитъ и въ глазахъ у него смѣнялись виды, какъ передъ волшебнымъ фонаремъ: шли люди... горѣли фонари... ему даже слышались голоса.

Извозчикъ проѣхалъ по мостовой съ такимъ гуломъ, что мебель въ комнатѣ задрожала, а ему показалось, что онъ проснулся. Но онъ почувствовалъ такую усталость и охоту спать, что повалился на кровать и моментально заснулъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла дѣвушка и разбудила его, а ему показалось, будто онъ проспалъ нѣсколько часовъ, такъ онъ чувствовалъ себя отдохнувшимъ и освѣжившимся: жадно сталъ ѣсть, не жалѣлъ и стклянки.

Вскорѣ подруга со своимъ гостемъ вышли и они остались одни. Были оба веселы и возбуждены, когда кончили ѣсть. У Ендруся шумѣло въ головѣ, точно онъ опьянѣлъ отъ трехъ-

четырехъ рюмокъ; онъ смѣялся безъ повода, напѣвалъ что-то и шутилъ, только повидимому невполнѣ сознавалъ, что̀ съ нимъ дѣлается, такъ какъ вдругъ, среди смѣха, выпрямлялся какъ пень и водилъ вокругъ себя тупымъ, глуповатымъ взглядомъ.

— Идите же скорѣе!—позвала она нетерпѣливо, переворачиваясь съ боку на бокъ на постели. Онъ сталъ поспѣшно раздѣваться, но руки его ходили безсознательно, онъ не могъ найти пуговки на воротникѣ и пробовалъ сразу освободиться отъ рубахи.

Она смѣялась.—Только клюнулъ, миленькій, а ужъ и нализался!.. Поднялась и помогала ему разстегнуть жилетку... но вдругъ отбросилась назадъ... на груди рубашки было продолговатое пятно крови. Дѣвушка торопливо отодвинулась, подобрала ногами одѣяло, свернулась подъ нимъ клубкомъ и съ неописуемымъ выраженіемъ удивленія и ужаса смотрѣла ему въ глаза... Онъ замѣтилъ пятно одновременно съ нею и понялъ; кровь съ ножа просочилась до рубашки. Лицо его побѣлѣло, онъ бросился на кровать и, медленно приближая безумные глаза къ лицу дѣвушки, неподвижной отъ страха, спрашивалъ зловѣщимъ голосомъ:

— Видѣла, а? Ты видѣла?

Она едва дышала: крикъ замеръ въ ея гортани, она жалась въ постели передъ этимъ страшнымъ лицомъ и съ отчаяньемъ ловила его взгляды, пронзавшіе ее какъ ножи.

Рукой онъ чего-то искалъ на груди, а лѣвая его рука хищно подвигалась къ ея горлу... Она была уже близка къ обмороку, но вдругъ пересилила себя и, заикаясь, выговорила:

— Что съ тобой, что?

Это его привело въ себя и внезапно онъ началъ торопливо одѣваться.

— Мнѣ надо идти, времени у меня нѣтъ... я другой разъ приду...—бормоталъ онъ, избѣгая ея глазъ, а она не посмѣла ничего сказать, даже сдѣлать какое-либо движеніе, когда онъ уходилъ.

Въ темныхъ, пустыхъ сѣняхъ онъ немного постоялъ, тяжко подумывая.

— Поняла... знаетъ обо всемъ... и выдастъ... можетъ и выходила-то чтобъ донести.—Онъ сжалъ рукоятку ножа и вернулся къ двери, но она была заложена; онъ съ нетерпѣніемъ застучалъ.

— Отвори, Рыся! Открой дверь, я деньги забылъ тебѣ дать—просилъ онъ вкрадчиво и услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ; но дверь не отворилась, а замкнулась ключемъ. Она не повѣрила обѣщанію, она почуяла смерть...

Ждать было нѣчего. Черезъ малый дворикъ и сквозь корридоръ Ендрусь вышелъ на Свентоянскую, гдѣ тутъ же вблизи жила панна Юзя, взглянулъ по привычкѣ вверхъ; окна четвертаго этажа свѣтились ярко, блескъ ихъ даже отражался на башнѣ костёла. Съ досадой и завистью онъ плюнулъ и быстрыми шагами пошелъ къ себѣ домой, на Броварную.

Здѣсь не было въ квартирѣ никого, но на сосѣднихъ фасадахъ виднѣлся еще свѣтъ въ окнахъ. Было всего нѣсколько минутъ одиннадцатаго, ворота еще стояли отворенныя. Въ помѣщеніяхъ нижняго этажа всѣ окна были освѣщены, оттуда слышалась музыка и доносился шумъ смѣшанныхъ голосовъ; тамъ еще шло веселье.

Онъ наскоро раздѣлся, развелъ подъ плитой огонь и сжёгъ рубашку, а ножъ спряталъ на днѣ сундучка съ вещами и сталъ размышлять, что̀ теперь дѣлать... Развѣ пойти на музыку? Нѣтъ, ему рѣшительно не захотѣлось. Онъ вскипятилъ воду на бензиновой машинкѣ и заварилъ себѣ чаю. Попивая изъ стакана, онъ глядѣлъ на дворъ, на ряды освѣщенныхъ оконъ и невольно заглядывалъ внутрь разныхъ квартиръ. У домовладѣльца подъ висѣвшей надъ столомъ лампой писалъ что-то мальчикъ въ мундирѣ, а худощавая дама раскладывала пасьянсъ. Рядомъ, у лавочницы дѣти бѣгали по комнатѣ, собака лаяла; дальше кто-то читалъ газету, а спиной къ окну сидѣла старуха съ котомъ на колѣняхъ. Ендрусь поднялъ усталые глаза къ мезонинамъ и въ послѣднемъ изъ нихъ замѣтилъ наклоненную надъ работой голову еврея-сапожника и часто повторявшійся взмахъ его рукъ.

Въ квартирѣ угольщицы все громче и громче раздавалась музыка.

— Мѣхи не выдержатъ—сейчасъ подумалось ему о гармоникѣ, которая такъ и заливалась бойкими звуками. Вотъ онъ, Михалъ, заигралъ бѣшеный обэрекъ и даже стѣны задрожали отъ пристукиваній каблуками и припаданій на колѣна. Раздался взрывъ хохота, а когда стихло, молодой и громкій голосъ запѣлъ въ тактъ обэрка:

„Широка вода во Вислѣ,
„Скажи, панна, свои мысли!“

И пѣсенка звучала и звучала... Онъ потерялъ терпѣніе.

— А чтобъ васъ покорчило, испортятъ мнѣ инструментъ, да и спать не дадутъ.—Онъ всунулся за занавѣску на свою лёжу и сейчасъ же уснулъ.

. . . . . .

На слѣдующій день, утромъ въ понедѣльникъ, Ендрусь, хотя еще чувствовалъ боль въ рукѣ, пошелъ по обыкновенію на фабрику и принялся за тяжелый, повседневный трудъ.

Все вчерашнее какъ бы погрузилось у него въ бездну забвенія. Убилъ человѣка, а вѣдь не чувствовалъ теперь ни страха, ни угрызеній совѣсти. Убилъ человѣка и даже не думалъ объ этомъ, какъ не думаешь о какомъ-нибудь минувшемъ днѣ: былъ день и прошелъ безъ слѣда.

А когда посвященные въ тайну товарищи похваливали его, онъ сказалъ вполнѣ искренно.

— Случится опять какая работа, такъ я готовъ... обязательно. Для нашего дѣла сколько угодно. А впрочемъ—не штука, каждый это съумѣетъ.

Михалъ пытался еще разъ узнать, про кого онъ вчера припасалъ ножъ. Но Ендрусь отвѣтилъ осторожно.

— А я ужъ съ нимъ помирился... Онъ—малый ничего себѣ...

Однако Михалъ глядѣлъ на него подозрительно, зная его завзятость въ ссорѣ.

Вечеромъ того же дня появились въ газетахъ подробныя описанія убійства. Однѣ скорбѣли надъ одичаніемъ нѣкоторыхъ слоевъ городского населенія, другія—о погибшемъ и его семьѣ.

Полиція усиленно доискивалась убійцы. Весь городъ два говорилъ объ этомъ преступленіи. И на фабрикѣ толковали о происшествіи при тискахъ и токарныхъ станкахъ. Ендрусь выслушивалъ эти разсказы, разумѣется—разукрашенные, и многое въ нихъ потѣшало его. Иногда онъ самъ начиналъ говорить объ этомъ и выдумывалъ разныя догадки.

Разъ, возвращаясь домой, онъ услышалъ въ сѣняхъ какъ гладильщица сожалѣла о покойномъ:

— Убили тѣ, кто въ Бога не вѣруетъ! Боже мой, такой хорошій человѣкъ, состоялъ на службѣ и принадлежалъ къ братству св. Розарія у Бернардиновъ, я знаю это навѣрное...

Ендрусь прошелъ молча, хотя лучше ея зналъ, къ какому тотъ принадлежалъ братству.

А дома Игнацова сейчасъ начала трещать ему о томъ же. Но онъ и ей ничего не сказалъ, а послѣ ужина забралъ къ себѣ ея дѣтей и сталъ выстругивать вертушки, а Манькѣ, которая что-то поплакивала, обѣщалъ купить игрушечную собачку, которая сама скачетъ. Это онъ вспомнилъ объ игрушкѣ той дѣвочки.

Игнацова, рядомъ, все тараторила о томъ же, но когда онъ не отзывался, обидѣлась.

— Что же вы, пане Андрей... оглохли сегодня, когда вамъ говорятъ?

— Да слышу я, слышу... А только скажите лучше что-нибудь новенькое.

— Ну ужъ и жильцы, пёсъ ихъ знаетъ, то все шляются, то дрыхнутъ, не съ кѣмъ и слова сказать. Тутъ Ендрусь осердился, взялъ гармонику и, уходя, сказалъ въ дверяхъ:

— Что-жъ, я съ перваго числа могу и выѣхать, за свои два рубля вездѣ найду уголъ, да еще, пожалуй, безъ таракановъ и безъ криковъ.

— Скажите пожалуста, графъ какой... ему ужъ и тараканы мѣшаютъ! Да хошь, такъ по мнѣ хоть провались — досказала она ему вдогонку.

Онъ пошелъ къ еврею и игралъ у него почти весь остальной вечеръ, окруженный дѣтьми. Старикъ усердно работалъ, иногда чмокалъ въ знакъ удовольствія и пускалъ молотокъ въ тактъ музыкѣ, а когда Ендрусь уходилъ, сказалъ ему:

— Я знаю кого это убили въ воскресенье... И чтобы всѣмъ такимъ досталось тоже... чтобы ихъ...

— Можетъ и всѣмъ попадетъ...—Онъ улыбнулся и, возвратясь къ себѣ, тотчасъ легъ спать, но не заснулъ сразу, какъ бывало обыкновенно; въ головѣ отзывались слова гладильщицы, а потомъ онъ задумался о паннѣ Юзѣ и тоска такъ стиснула ему сердце, что онъ рѣшился, несмотря ни на что, опять пойти къ нимъ, конечно въ воскресенье.

Но до воскресенья было еще далеко, столько долгихъ дней и ночей!

И дни потянулись одинъ за другимъ такъ медленно, печальные дни поздней осени, сиротливые дни безъ солнца, сѣрые и хмурые. Они восходили окутанные удушливымъ туманомъ, поднимались изъ гнили и грязи, а укладывались дрожа отъ холода, подъ безнадежнымъ капаньемъ дождя.

Ночью вѣтры стучали по крышамъ и свистали по пустымъ улицамъ, безлистныя деревья кряхтѣли подъ ними, стоки вдоль тротуаровъ бурлили, дома стояли обмокшіе, почернѣвшіе; тяжкая тоска пронизывала душу.

День за днемъ пересчитывалъ Ендрусь и самъ поддавался жуткой тоскѣ, которая какъ-то нарастала и тяготила его все сильнѣе. Однажды вечеромъ онъ даже не выдержалъ и помчался на Свентоянскую, но войти къ нимъ все-таки не посмѣлъ, только взглянулъ на свѣтъ въ окнахъ, вздохнулъ и поплёлся домой.

Въ этомъ страстномъ выжиданіи воскресенья онъ каждое

утро вскакивалъ съ постели на первый, далекій свистъ, схватывалъ жестянку съ кофеемъ и, еще полусонный, пускался темною, длинной улицей къ фабрикѣ, изъ которой уже шли столбъ дыма и блескъ электрическихъ солнцъ. Подъ второй свистокъ онъ уже входилъ въ свое отдѣленіе и становился на свое мѣсто — и каждый разъ съ одинаковой, непонятной тревогой выжидалъ тревожнаго сигнала, послѣ котораго, сперва сонливо, начинали вертѣться колеса, содрогались желѣзные великаны и пускались въ ходъ подхваченные маховымъ колесомъ гудящіе ремни.

Потомъ, когда машины уже работали во всю, когда вся фабрика тряслась отъ усилія и по заламъ ея разливался грохотъ, будто ревъ волнующагося моря, онъ успокаивался и весь уходилъ въ работу, забывъ о всемъ на свѣтѣ.

Такъ прошло для Ендруся время до субботняго полудня. Какъ всегда, онъ пришелъ на обѣдъ къ Игнацовой, торопливо поѣлъ и тотчасъ взялся за фуражку, но хозяйка обратилась къ нему плаксиво:

— Не придете ли сегодня пораньше и не будете ли такъ добры присмотрѣть за дѣтьми, я должна уйти на весь вечеръ къ теткѣ, знаете, той, которая держитъ линейки, которая Манькина крёстная. Больна она, пожалуй и на ночь тамъ придется остаться, а когда мужъ вернется, кто его знаетъ...

Онъ обѣщалъ и пошелъ на фабрику, но взялъ дальнюю дорогу, захватилъ Краковское предмѣстье, такъ какъ ему хотѣлось взглянуть еще разъ на тотъ красный галстухъ. Галстухъ оказался еще на своемъ мѣстѣ, въ окнѣ, и былъ даже красивѣе, чѣмъ ему помнилось.

— Забѣгу за нимъ вечеромъ послѣ разсчета—рѣшилъ онъ, намѣреваясь прифрантиться завтра, идя къ паннѣ Юзѣ.

Проходя мимо того дома, онъ невольно взглянулъ на окна третьяго этажа; они были растворены; заглянулъ затѣмъ и внутрь аптеки, на стоявшій напротивъ двери диванъ—и спокойно пошелъ дальше. Припомнилъ ту сцену, въ воскресенье, такъ хладнокровно, даже равнодушно, какъ какой-нибудь пустой, разсѣявшійся сонъ.

— Одной дрянью стало меньше...—подумалъ онъ и, весело посвистывая, спѣшилъ, чтобы попасть на фабрику еще передъ третьимъ свисткомъ. Дорогу ему загородили чьи-то похороны, передъ костёломъ св. Креста, гдѣ стояла толпа на тротуарѣ и посреди улицы.

Ендрусь смотрѣлъ равнодушно на лица и на бѣлыя накидныя рубашки ксендзовъ. Гробъ уже выносили изъ склепа и онъ тя-

жело покачивался поверхъ открытыхъ головъ. Раздался чей-то крикъ и послышалось вблизи жалобное всхлипыванье. Гробъ уставили на дрогахъ, покрыли вѣнками; раздалось пѣніе ксендзовъ и процессія двинулась. Ендрусь пошелъ въ свою сторону, но на углу Обозной внезапно остановился.

— А, можетъ быть, это онъ? — проблеснула у него мысль. Онъ поблѣднѣлъ, обернулся и робко взглянулъ; гробъ, какъ куча цвѣтовъ и листьевъ, возносился надъ черной массой людей, а траурное пѣніе звучало тише, заглушаемое уличнымъ шумомъ.

— А что, если это онъ...—послышалась зловѣщая догадка. И, не подумавъ, Ендрусь вдругъ пустился за погребальнымъ шествіемъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться: вызолоченная дощечка съ именемъ покойника, прибитая ко гробу, издали блестѣла, но толпа была слишкомъ густа и прочесть издалека было невозможно. Онъ вступилъ на тротуаръ, чтобы взглянуть сбоку, но въ послѣднюю минуту поколебался: по немъ прошла ледяная дрожь, въ глазахъ нѣсколько потемнѣло, а въ ноги точно что-то впуталось. Захваченный врасплохъ такимъ своимъ состояніемъ, онъ отсталъ отъ шествія и болѣзненно боролся съ этими впечатлѣніями, отставая все больше, но, не уступая страху, все-таки плелся за похоронами.

Этотъ гробъ стихійно притягивалъ его взглядъ и плылъ передъ нимъ, какъ разукрашенная цвѣтами черная лодка, надъ толпой головъ, впередъ, по сѣрому, печальному воздуху.

Ендрусь снова догналъ толпу провожавшихъ и обводя ихъ боязливымъ взглядомъ, замѣтилъ впереди всѣхъ женщину въ траурѣ съ двумя дѣтьми. Его какъ бы пригвоздило къ мѣсту.

— Пожалуй, его и есть.

Онъ простоялъ нѣсколько передъ какимъ-то домомъ. Шествіе подвинулось уже довольно далеко, а онъ стоялъ, пораженный вихремъ мыслей, который дико завывалъ, леденя его страхомъ. Онъ не понималъ, что̀ съ нимъ происходитъ, и напрасно силился отдать себѣ въ этомъ отчетъ. Самыя эти усилія пробуждали въ немъ чувство безнадежности, какъ будто онъ морганьемъ вѣкъ старался отогнать глухой грохотъ грома. Въ глазахъ его темнѣло, все вокругъ хаотически сливалось и неудержимо кружилось, а сердце замирало отъ страха. Онъ двинулся опять и пошелъ въ ту же сторону, увлекаемый той силой, которая самый страхъ превращаетъ въ желаніе.

Громче и еще жалобнѣе раздалось отходное пѣніе; звуки его летѣли и сыпались на провожавшихъ пепельной пылью. Ендрусь

на мгновеніе приходилъ въ себя, пытался связать свои мысли— гдѣ это, что это за люди?

Но пѣніе стихло и толпа понесла его съ собой, глаза его опять пристали къ гробу и сознаніе погрузилось въ мучительный сонъ на яву.

День былъ зеленовато-сѣрый; посвистывалъ вѣтеръ, низко свѣшивалось небо, помутнѣвшее какъ глаза отъ плача; угрюмые дома глядѣли запотѣлыми стеклами, башни костёловъ устремлялись въ высь, какъ окаменѣлый крикъ о помилованіи прикованныхъ навсегда къ землѣ; деревья гнулись въ одну сторону, будто передавали что-то другъ другу обнаженными вѣтвями. А сбоку, мимо похоронъ, проѣзжали извозчики, тянулись нагруженные возы, пробѣгали вагоны конки, двигались по тротуарамъ кучки прохожихъ. Кругомъ кипѣла жизнь, бойкая, разливающаяся какъ пѣнистое вино изъ чаши, могучая, повседневная жизнь, столь далекая для этого человѣческаго праха, этого комка земли, который скатился съ жизненнаго поля и полетѣлъ въ пропасть смерти.

Уходила жизнь все дальше и для души Ендруся, которая болѣзненно вырывалась изъ путъ и, страдая, сознавала нѣчто неясное, но уже страшное...

Онъ еще боролся съ этимъ, но оно вонзалось въ него, обматывая его сердце змѣиными кольцами и отдавалось у него подъ черепомъ будто постукиваньемъ костяного пальца...

Но онъ все-таки не переставалъ бороться, по инстинкту самосохраненія. Бывали моменты, когда остатками воли, всей силой отчаянія ему удавалось-таки воспрянуть на поверхность жизни, вырываясь изъ круга безумія.

Въ такіе промежутки къ нему возвращалось полное сознаніе своего я: онъ отгонялъ видѣнія, преодолѣвалъ страхъ и презрительно торжествовалъ.

— А чтобъ васъ холера!.. Чего я раскисъ? Можетъ, это совсѣмъ и не онъ? А впрочемъ, что-жъ... велика бѣда, вѣдь не человѣка я убилъ, а шпіона! — бахвалился онъ передъ собой, цѣпляясь за самолюбіе и стараясь возстановить прежнее самообладаніе. Онъ отворачивался отъ похоронъ и думалъ пойти назадъ. Но раньше, чѣмъ отдалялось заупокойное пѣніе, прежде, чѣмъ ему удалось бы ухватиться за жизнь, непонятное чувство овладѣвало имъ снова и влекло его за дрогами, и онъ еще болѣе покорялся этой тайной силѣ и шагалъ впередъ. Еще не придя къ сознанію ужаса самаго своего дѣла, онъ поддавался необъяснимому, роковому страху.

Теперь онъ ступалъ уже какъ бы мертвымъ, автоматиче-

скимъ шагомъ, устремляясь взоромъ въ какую-то неразгаданную даль.

Онъ не замѣтилъ, какъ вслѣдъ за ними перешелъ мостъ, какъ по бокамъ отстали послѣдніе дома и какъ впереди открылась широкая, пустая дорога.

Сумерки опускались пепельной, тяжелой пылью; сильнѣе дулъ вѣтеръ, придорожныя деревья сгибались и порой скрипѣли, пѣніе раздавалось порывисто и глухо, какъ взмахъ крыльевъ; съ онѣмѣвшихъ полей вѣяло смертной скорбью, изъ невидимыхъ уже жилищъ проблескивали желтые огни, какъ рядъ зажигаемыхъ восковыхъ свѣчъ; всѣ формы и очертанія уже распустились и изъ мрака выглядывали только чудовищные, неразгаданные призраки.

А Ендрусь шелъ, ступая все тяжелѣй, и точно ниспадалъ въ безконечность, какъ свороченное вихремъ дерево. Когда похороны остановились передъ кладбищемъ, онъ невольно укрылся за деревомъ и глядѣлъ, забывая обо всемъ...

Гробъ понесли на рукахъ, шествіе съузилось и подвигалось по темной, длинной аллеѣ, за смолистыми факелами, которые зажглись какъ огненные кусты и метались по вѣтру; вновь громко раздалось погребальное пѣніе, послышались крики и плачъ. Колокола зазвучали стонущимъ, прерывающимся гимномъ; все кладбище будто наполнилось рыданіемъ.

Ендрусю стало еще страшнѣе; въ сердце кольнула боль, потекли жгучія слезы, странныя слезы непонятнаго ему самому сокрушенія и тоски.

Онъ тащился за всѣми.

Мутный, осенній вечеръ окутывалъ землю какъ бы потертымъ, прогнившимъ тряпьемъ; среди темноты выдавались лысинами площадки песку; деревья печально шумѣли, а нѣсколько бѣлыхъ березокъ на пути тряслись такъ отчаянно, точно готовясь тотчасъ повалиться на могилы. Мѣстами Ендрусю заграждали дорогу кресты, зловѣще чернѣвшіе разставленными руками. Съ обѣихъ сторонъ передъ нимъ выростали, одна за другой, безчисленныя могилы; какіе-то кусты хватали его за платье; плиты, деревья, какіе-то мавзолеи вродѣ каплицъ становились передъ нимъ неожиданной, непроходимой преградой, а колокола все гудѣли жалобно, отчаянно, точно каждая могила взывала о помилованіи...

Шествіе повернуло въ сторону и куда-то скрылось, какъ будто распустилось въ мракѣ.

Ендрусь не зналъ что дѣлать. Вдали онъ замѣтилъ огни,

донеслось оттуда пѣніе, но онъ уже не могъ понять, гдѣ это, и пошелъ машинально за какими-то другими похоронами.

Потомъ похоронъ оказалось уже много... Они шли одни за другими, нескончаемымъ рядомъ гробовъ, плачей, пѣній и огней.

Ендрусь сопровождалъ каждыя изъ нихъ—и передъ каждой новой могилой, когда воздухъ раздирался плачемъ, а крики вырывались какъ укоры, когда раздавался отвратительный стукъ земляныхъ комковъ, падавшихъ на гробъ—онъ страдалъ вмѣстѣ съ другими и горько плакалъ.

И ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что это онъ потерялъ кого-то дорогого и вотъ теперь отдаетъ его во власть ночи. Онъ и молился вмѣстѣ съ другими, и вздыхалъ, и чувствовалъ всю тягость утраты, горечь оставшейся пустоты и муку разставанья навѣки.

Душа его уже заблудилась, какъ ослѣпленная птица теряется въ пространствѣ. Онъ уже не отдавалъ себѣ отчета, что̀ дѣлаетъ и куда идетъ, такъ что даже забрелъ за какой-то кучкой въ трактиръ, наполненный людьми въ траурѣ, съ печальными лицами.

Служащіе разносили пиво, горячія сосиски и ломтики сыра; изъ кухни слышалось иногда стуканье въ ступку, а въ просторномъ залѣ порой раздавалось, то тутъ, то тамъ, всхлипыванье, смѣшиваясь съ чоканьемъ рюмками и жалобнымъ шопотомъ воспоминаній.

Нѣсколько участниковъ похоронъ, попивая передъ буфетомъ, весело шутили съ толстой хозяйкой, а въ углу, на кучахъ сброшеннаго верхняго платья спали какія-то дѣти, изможенныя плачемъ.

Передъ нетронутой кружкой пива сидѣлъ Ендрусь и тщетно старался припомнить, кого это онъ хоронитъ?

А порой входили гости и послѣ новаго еще погребальнаго обряда толпились вокругъ близкихъ покойника и оттуда раздавался спазмодическій плачъ. И на это Ендрусь отзывался иногда жалостливымъ рыданьемъ; и его давила къ землѣ тяжкая боль, какъ будто всѣ эти гробы, и мертвецы, и могилы валились на него.

Ему казалось, что онъ виноватъ во всѣхъ этихъ жалобахъ и стонахъ; каждая изъ этихъ слезъ скатывалась на него камнемъ и ударяла его проклятьемъ.

И онъ все ниже сгибался подъ страшнымъ гнетомъ своей вины.

Случалось, кто-нибудь замѣчалъ глубокую скорбь, которая выражалась на его лицѣ, и старался его подбодрить.

— Послушайте, нельзя такъ отчаяваться. Богъ милосердный умилостивится надъ нами, оставшимися... И я сегодня схоронила мужа... такъ мнѣ не легче, чѣмъ вамъ и я васъ понимаю.—И такъ утѣшая его, она вдругъ разразилась неудержимымъ плачемъ. Съ другой стороны какой-то мужчина привѣтливо прикоснулся своей кружкой къ его, стоявшей нетронутою.

— Выдохнется, пане дорогой! Плакать—дѣло бабье, вы вѣдь еще человѣкъ молодой... Ну-ка...

А онъ даже не разбиралъ, что такое ему говорили.

— Вѣрно, жену потерялъ... Боже мой, такой молодой и милый изъ себя... А мой-то, бѣдняга...

— Не слѣдуетъ такъ поддаваться. Воспряньте, пане любезный!—Вотъ и я, пане, лишился уже второй жены, а какъ ни на есть, все-таки живу... Что подѣлаешь, Божья воля... А вѣдь каково покойницѣ-то было... Затанцовалась, выпила холодный воды и гутморгенъ, пане любезный,—разсказывалъ онъ, выжимая пальцами съ усовъ пиво.

Ендрусь не понималъ и этого, глядѣлъ на нихъ изъ какой-то пропасти, куда уже голоса людей едва доходили.

Въ ресторанъ заходили все новые гости... Въ залѣ все время слышались жалобы и стоны; то здѣсь, то тамъ вырывался вопль людской скорби, а прислуга все разносила пиво и водку, тарелки постукивали и повсюду потянулись вялые противные запахи остывшихъ сосисекъ и выдохшагося пива.

— Должно быть вы это по матери такъ плачете?—спросилъ опять чей-то привѣтливый голосъ.

На этотъ разъ Ендрусь услышалъ, продолжительно вглянулся въ добродушное, обращенное къ нему лицо и сказалъ:

— Я убилъ человѣка.

Онъ точно сталъ приходить въ себя послѣ этого признанія и почувствовалъ удивительное облегченіе; взглянулъ вокругъ себя просто, хотя печально.

А его окружили взгляды сожалѣнія, кто-то покачалъ головой, иной приложилъ палецъ ко лбу, кое-кто отошелъ въ сторону.

Наконецъ Ендрусь поднялся и медленно вышелъ.

Совсѣмъ уже стемнѣло. Слѣдуя за какими-то людьми, Ендрусь выбрался изъ кладбища. Надъ городомъ висѣло зарево отъ уличнаго освѣщенія. Среди ночной тьмы блистали тысячи огней, какъ безчисленные, устремленные со всѣхъ сторонъ глаза, и еще издали звучалъ непрерывный гулъ городской суеты.

Придя къ мосту, Ендрусь остановился.

Онъ оперся на перила и смотрѣлъ въ таинственный, коле-

бавшійся мракъ, въ медленное теченіе рѣки; сырое дуновеніе вѣтра охлаждало его разгорѣвшееся лицо, а внизу усыпительно поплескивала вода, тихонько, такъ сладостно, что онъ насилу оторвался отъ перилъ.

— Виновенъ я!—сказалось въ его душѣ.

Вдругъ онъ остановился, передъ нимъ мелькнулъ трупъ убитаго и легъ, точно загораживая ему дорогу... изъ проткнутой груди лилась кровь... лицо искажалось мукой кончины.

Но Ендруся это нисколько не поразило: онъ протеръ глаза и пошелъ, только не смѣлъ взглянуть впередъ, чувствуя, что передъ нимъ долженъ быть тотъ, а потомъ уже сталъ видѣть его и сквозь сомкнутыя вѣки, видѣлъ такъ ясно, какъ онъ лежалъ тогда, въ аптекѣ... весь въ крови... испуская послѣдніе вздохи, а дѣти плакали.

Этого онъ не могъ выдержать и, дойдя до большого съѣзда передъ замкомъ, безумно бросился впередъ и бѣжалъ, расталкивая всѣхъ по дорогѣ.

Въ квартирѣ не было ни Игнаца, ни его жены; дѣти спали нераздѣтыя, но когда онъ вошелъ, проснулись и мальчикъ заплакалъ, жалуясь, что голоденъ. Ендрусь успокоилъ ихъ, накормилъ, даже сказалъ съ ними обычную молитву, уложилъ ихъ на постели, старательно накрылъ и сѣлъ на краю кровати.

Виновенъ—повторялъ онъ про себя нѣсколько разъ, безсознательно корчась, потому что звукомъ этимъ его било какъ камнемъ по головѣ и давило жалостью.

— Я иначе не могъ... Вѣдь онъ же былъ...—оправдывался онъ предъ своимъ самосудомъ; но теперь всѣ поводы и оправданія показались его почему-то до такой степени ничтожными въ сравненіи съ глубиной вины, что онъ въ ужасѣ схватился за голову.

— Я убилъ! Убилъ, убилъ! — повторялъ онъ, склоняясь все ниже, точно подъ ударами ножа, и при каждомъ повтореніи ужасъ все глубже пронизывалъ все его существо.

Онъ уже боялся двинуться, боялся взглянуть, даже вздохнуть громко, такъ какъ ему снова чудилось, что тутъ же, рядомъ кто-то наклоняется надъ нимъ, и кровь стекаетъ ему на лицо, проникаетъ сквозь одежду, обливаетъ ему тѣло липкой, раздражающей струей.

Онъ уткнулся головой въ подушку и изъ груди его неудержимо вырвалось рыданіе. Дѣти проснулись и, шепча боязливо между собою, стали пищать, обнимая его.

— Ендрусь, что ты?.. Мама, можетъ, тебя побила... Ендрусь...—потихоньку спрашивала дѣвочка.

— Мама, мнѣ ѣсть хочется...—жаловался мальчикъ.

А дѣвочка стала утѣшать Ендруся.

— Ну, полно плакать,—жалобно приговаривала она,—ложись спать, Ендрусь...—А когда онъ не пошевелился, прижалась къ нему, обняла его за шею, нѣжно погладила по головѣ и поцѣловала.

А онъ все сидѣлъ, плакалъ и вздыхалъ такъ тяжело, что и дѣти наконецъ запищали, какъ покинутые птенцы. Онъ только придвинулъ ихъ къ себѣ, несознательнымъ, но жалостливымъ движеніемъ. И такъ скорбѣли вмѣстѣ эти души подъ бременемъ неравнаго горя.

Наконецъ утихло попискиванье дѣтей, смолкли вырывавшіеся вздохи Ендруся. Ихъ сморилъ и поглотилъ сонъ.

Но Ендрусь скоро проснулся и сѣлъ.

Въ комнатѣ было темно, дѣти спали спокойно, въ окно изрѣдка похлестывалъ дождь и сквозь рамы пробивался унылый свистъ вѣтра.

Забывъ о своемъ страхѣ и обо всемъ остальномъ, Ендрусь сталъ вслушиваться съ постепенно возраставшимъ вниманіемъ въ какой-то голосъ, повелительный голосъ, и безсознательно глядѣлъ въ окружавшую его мутную темь.

Онъ забылъ даже о себѣ самомъ и какъ будто качался на краю чего-то невѣдомаго, склонялся въ призрачныя глубины, погружался въ безпросвѣтную тьму.

Внезапнымъ усиліемъ онъ вскочилъ и вышелъ на улицу.

Гдѣ-то часы глухимъ дребезжащимъ звукомъ пробили полночь. Сырой, холодный туманъ окутывалъ обмокшіе дома. Городъ уже спалъ и только кое-гдѣ повисшія въ воздухѣ, какъ будто забытыя окна еще свѣтились лѣниво, какъ засыпающіе глаза.

Мелкій, холодный дождь стегалъ его въ лицо. Онъ нѣсколько согнулся и пошелъ безсознательно къ своей фабрикѣ, но, остановясь передъ запертыми воротами, не могъ припомнить куда и зачѣмъ пришелъ.

И напрасно старался онъ что-нибудь понять: сознаніе его схватывало только обрывки туманныхъ впечатлѣній и слабые призраки очертаній. Эти мысленные клочки проносились въ его мозгу такой быстрой, клубящейся струей, что прежде, чѣмъ ему удавалось понять ихъ, они терялись неразгаданные, дробились и исчезали какъ брызги пѣны. Онъ чувствовалъ себя точно одеревенѣвшимъ во снѣ и сонный бродилъ по улицамъ, уже ни о чемъ не думая и ничего болѣе не зная...

А дождь кропилъ не переставая, вѣтеръ шумно прокатывался по крышамъ и подергивалъ вывѣски. Вдоль тротуаровъ, по которымъ только изрѣдка проскальзывалъ прохожій, текли темные ручьи.

Шагъ за шагомъ тащился Ендрусь, попалъ на Краковское предмѣстье и, двигаясь подобный нѣмому столбу, глядѣлъ впередъ безсознательнымъ взглядомъ. Доходилъ до колонны Сигизмунда и автоматически поворачивалъ назадъ, какъ тогда... И какъ тогда, все ходилъ и ходилъ, скользилъ какъ призрачная тѣнь, но теперь уже безъ цѣли и безъ мысли, такъ что даже не примѣтилъ того дома... и вообще тѣхъ мѣстъ... ничего не припоминалъ. Иногда случайно пріостанавливался и внимательно присматривался къ ногамъ извозчичьихъ лошадей, потомъ прижимался къ стѣнѣ и долго стоялъ безсмысленно, не замѣчая дождя, не чувствуя холода.

Подошла къ нему какая-то женщина, никѣмъ не взятая до той поздней поры, и несмѣло что-то ему шептала...

Но ея шопотъ точно разбудилъ Ендруся: онъ сильно содрогнулся, схватилъ ее за руку и подвелъ къ фонарю.

Они тотчасъ другъ друга узнали.

— А, молодецъ съ ножичкомъ! А я-то какъ тебя искала... Ужъ рѣшила, что тебя упрятали подъ замокъ... Ну, пойдемъ скорѣй, замерзла я какъ собака,—и, обрадовавшись, она прижалась къ нему.

Но онъ все стоялъ, только лихорадочно затрясся, мозгъ его озарился кровавымъ воспоминаніемъ и вблизи его вдругъ снова оказался трупъ.

Ендрусь указалъ ей рукой въ пространство.

— Знаешь, вѣдь это я его убилъ—сперва шепнулъ онъ, а потомъ повторилъ громко: Убилъ! — и вперилъ въ нее дикіе, безумные глаза.

Женщина отшатнулась и отбѣжала въ страхѣ.

Но и Ендруся охватилъ тревожный ознобъ: онъ оглянулся, женщины уже не было—а въ двухъ шагахъ позади него стоялъ трупъ.

Онъ пустился скорыми шагами... А тотъ за нимъ.

Ендрусь несся вихремъ впередъ, стукаясь о фонарные столбы, летѣлъ гонимый ужасомъ, а вослѣдъ, точно на цѣпи, за нимъ бѣжалъ и мертвецъ... Когда не хватило силъ, Ендрусь поплелся медленно, уже не оглядываясь назадъ.

Но въ умѣ его все-таки проблескивали искры сознанія: онъ взглядывалъ боязливо на городовыхъ по угламъ улицъ, ускорялъ шагъ въ мѣстахъ, гдѣ былъ свѣтъ, а все время сознавалъ и

чувствовалъ, что позади его идетъ тотъ... слышалъ стукъ его тяжелыхъ, мертвыхъ ступней, катившійся ровно, какъ продолжительный грохотъ земли, сваливающейся на гробъ.

По временамъ онъ останавливался на нѣсколько мгновеній и тотчасъ убѣждался, что остановился и тотъ. Онъ даже слышалъ запахъ, шедшій отъ трупа.

Бѣглецъ тотчасъ же опрометью пускался дальше.

Улицы, площади, люди, огни, дома—все представлялось ему какой-то невѣдомой, необъятной и непроходимой пустыней, въ которой онъ бродилъ, имѣя за собой мертвеца...

Наконецъ, уставъ до смерти, Ендрусь упалъ подъ деревомъ въ паркѣ, въ Лазенкахъ. Сжалилась надъ нимъ и укрыла его осенняя страшная ночь.

Въ безпредѣльной темнотѣ вылъ вѣтеръ, паркъ зловѣще шумѣлъ, деревья тяжело качались надъ головой, а тихій плачъ дождя, неутолимый плачъ осенней ночи шелъ надъ нимъ ровно, какъ будто навсегда.

Прижавшись спиной къ дереву, Ендрусь съёживался и уходилъ въ себя, смыкая усиленно вѣки, такъ какъ тотъ выжидалъ минуты, чтобы ухватиться за его взглядъ и вползти въ его душу... Приходилось сидѣть часъ за часомъ неподвижно, только оберегая свое мѣсто, свой бытъ на землѣ, подобно тѣмъ деревьямъ, что безжалобно стояли, замирая... И какъ они, по временамъ будто порывался онъ куда-то, а затѣмъ погружался еще глубже въ самозабвеніе... Можетъ быть и засыпалъ подобно имъ, но одинаково съ ними не зналъ объ этомъ... А надъ паркомъ простирались иногда долгіе періоды полной тиши, и деревья уныло вслушивались въ нее... только дождь накрапывалъ ровно и настойчиво, не прерываясь ни на минуту.

Иногда, казалось, все на свѣтѣ содрогалось отъ холода... и паркъ снова бился, бился, шумѣлъ, но скоро леденѣлъ въ тяжкомъ безсиліи сна.

Какая-то безпріютная собака приползла къ Ендрусю, тихо, жалобно провыла и жалась къ его груди.

Ночь ступала медленно, тяжелыми шагами безконечной дождевой вьюги.

Ендрусь порою просыпался, къ чему-то прислушивался и снова погружался въ мертвенное забвеніе, какъ мимоходомъ затронутая и качнувшаяся вѣтвь.

Изъ мрака уже начиналъ просачиваться зеленоватый разсвѣтъ, когда какіе-то прохожіе замѣтили подъ деревомъ человѣческую фигуру.

Одинъ изъ нихъ толкнулъ спавшаго въ бокъ ногой.

— Эй, панъ!

Онъ не дослышалъ: его подняли на ноги, но онъ перевернулся и хлопнулся въ грязь какъ колода.

— Кто ты такой, а?—спрашивали его по-русски.

Лицо у него синѣло какъ подмерзшая грязь, глаза лихорадочно горѣли. Не понимая, чего отъ него хотятъ, онъ внимательно осматривался кругомъ; а мертвецъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, немного сбоку...

— Я убилъ его...—безсознательно пробормоталъ Ендрусь.—Убилъ...—повторилъ онъ шопотомъ съ тупой, но радостной, будто дѣтской улыбкой.

Его потащили въ циркулъ; онъ хотѣлъ вырваться, но это ему не удалось, кулаки подбили ему глаза, окровянили лицо, такъ что онъ пошелъ уже не сопротивляясь, только оглядывался иногда... а тотъ неотступно слѣдовалъ сзади. Но Ендрусь впалъ уже въ такое состояніе, что глядѣлъ на него безъ страха, равнодушно, а вскорѣ забылъ обо всемъ, только чувствовалъ себя совсѣмъ больнымъ, страшно утомленнымъ и часто схватывался за разболѣвшуюся голову.

Его впихнули въ какую-то арестантскую нору, гдѣ онъ бился въ мукахъ безумія, долго просиживалъ сгорбившись подъ стѣной и глядѣлъ пустыми глазами въ порожнее пространство, а по временамъ, охваченный горячечнымъ кошмаромъ, по цѣлымъ часамъ отскакивалъ отъ „того“, стукаясь о стѣны и безсознательно крича.

Когда онъ, наконецъ, стихъ, его вывели къ допросу.

Ни на что онъ не отвѣчалъ, ничего не понималъ... Но, замѣтивъ, что тутъ же стоялъ трупъ, указалъ на него:

— Это я его убилъ. — При этомъ тихо засмѣялся и такъ идіотски и страшно, что сторожа невольно отодвинулись, а допрашивавшій крикнулъ:

— Сумасшедшій! Въ шею его и за двери!

Кто-то сжалился и отправилъ его въ больницу.

А когда прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Ендрусь снова очутился на улицѣ.

Но онъ уже погибъ въ безуміи совсѣмъ и навсегда.

Бродилъ по городу, тихій и мертвенный, какъ „тотъ“.

Кое-гдѣ подавали идіоту корку хлѣба или иной съѣстной остатокъ, гдѣ копѣйки, а въ иномъ мѣстѣ толкали его прочь или грозили палкой. Онъ принималъ все равнодушно, безсмысленно улыбаясь, звалъ за собой того, съ которымъ уже сжился

неразлучно и они пускались въ безконечную ходьбу по улицамъ.

А когда наступали въ городѣ дни бурные, когда по улицамъ раздавались пѣсни мести, грохотъ залповъ и конское топанье атакъ, когда слышались стоны падавшихъ борцовъ, Ендрусь попадалъ всюду, вездѣ сновался, какъ неотступная, негибнущая тѣнь каждаго убійства, каждаго преступленія и каждой смерти, останавливался надъ трупами и какъ будто съ пробуждающимся сознаніемъ вскрикивалъ:

— Это я его убилъ!

Но тотчасъ же смѣялся тихимъ идіотскимъ смѣхомъ, отъ котораго становилось жутко, и бѣжалъ прочь, гонимый фуріями ужаса и безумія.

Съ польскаго Л. П.

СЕБАЛЬДУСЪ РЮМПЕЛЬ

Разсказъ Георга Гиршфельда.

Онъ ежедневно ходилъ по улицамъ Берлина, ходилъ медленно, легко, осторожно, точно это была не твердая берлинская мостовая, а зеленѣющій лугъ, усѣянный цвѣтами, залитый солнцемъ.

У него была сухая фигура аскета; опредѣлить его возрастъ было очень трудно. „Ему, пожалуй, уже сорокъ восемь стукнуло“, говорила про него фрау Лизингъ, его хозяйка.

Изможденная голова анахорета, горящіе внутреннимъ огнемъ глаза, узкое лѣтнее пальтишко, которое онъ носилъ во всякую погоду, заплатанные сапоги — все это оставалось неизмѣннымъ изъ года въ годъ. Уличные мальчишки знали „длиннаго Рюмпеля съ локонами“ и уважали его: онъ не давалъ повода для насмѣшекъ и преслѣдованій, потому что никогда не бывалъ пьянъ, любилъ дѣтей и былъ вообще необыкновенный, удивительный человѣкъ. Онъ былъ похожъ на нищаго — и все же на его тощей фигурѣ лежалъ точно отблескъ богатства: никто не смѣлъ его затронуть, оскорбить насмѣшкой или милостыней.

Каково было его призваніе? Какое ремесло было у Себальдуса Рюмпеля, неутомимаго ходока? Все и ничего. Онъ былъ одновременно крупной птицей съ большимъ полетомъ и маленькимъ, жалкимъ, ползающимъ червякомъ. Гордость націи и уличный оборвышъ.

Друзья называли его поэтомъ, но онъ не любилъ этого прозвища. Когда же восторженные поклонники называли его жрецомъ, пророкомъ или мудрецомъ, онъ отворачивался съ неудовольствіемъ.

Онъ писалъ охотно и много, и уже исписалъ цѣлыя кипы бу-

маги. Началъ онъ съ двадцати пяти лѣтъ. Десятая часть написаннаго появилась въ печати. Остальное лежало у фрау Лизингъ въ нижнемъ ящикѣ комода, рядомъ съ мыломъ для стирки бѣлья, или путешествовало изъ одной редакціи въ другую. Тамъ уже знали посланія сумасшедшаго Рюмпеля: ихъ узнавали сейчасъ же. Самое ужасное было то, что ихъ совершенно невозможно было прочесть. Почеркъ Себальдуса Рюмпеля смѣло можно было бы считать за вновь найденные іероглифы. Продумывалъ онъ предложенія ясно и основательно, но никогда не писалъ ихъ до конца. Иногда быстрая черта замѣняла множество буквъ. А то вдругъ какое-нибудь красивое слово ему особенно нравилось, онъ медленно выводилъ каждую букву и украшалъ разными завитушками, пока слово не становилось неудобочитаемымъ. Зналъ ли онъ объ ужасномъ видѣ своихъ рукописей? Конечно, зналъ. Множество писемъ изъ редакцій сообщало ему объ этомъ. Но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, продолжалъ посылать и получать обратно свои произведенія, и такъ изъ года въ годъ. Друзья не могли ему помочь, потому что и самый горячій поклонникъ ничего бы не понялъ въ его каракуляхъ.

Но у Себальдуса Рюмпеля была большая тайна—и онъ испытывалъ настоящую глубокую радость, сознавая, что владѣетъ ею. Ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не зналъ, что мертвое не имѣетъ власти надъ нимъ. А развѣ эти холодные, исписанные клочки бумаги не были чѣмъ-то мертвымъ, тусклымъ отблескомъ его дѣйствительной жизни, его высоты, силы его любви? Писать было для него необходимостью, а вѣдь никто не знаетъ, что̀ необходимо для другого. Написанное было для него опавшей листвой, чѣмъ-то мертвымъ, отжившимъ, незначущимъ для идущаго впередъ человѣчества. И онъ равнодушно смотрѣлъ, какъ его рукописи летали, точно осенніе листья въ пѣнящемся ручьѣ. И ему весело было видѣть, что этихъ мертвецовъ принимаютъ за его жизнь, что друзья страдаютъ за него, видя, какъ люди пренебрегаютъ его произведеніями. Да развѣ онъ что-нибудь требовалъ отъ людей? Онъ владѣлъ ими, ихъ прекрасной, красочной жизнью. Онъ не просилъ милостыни; у него были хлѣбъ и вода.

Нѣтъ, поэтомъ его не должны были называть. Ему казалось безнравственнымъ жить только радостью и страданіемъ, за радость и страданіе быть презираемымъ или хвалимымъ.

Да, въ молодые годы онъ неправильно оцѣнивалъ жизнь, онъ къ чему-то „стремился“ и написалъ даже двѣ книги: драму „Аріадна“, собраніе стиховъ „Изъ старой папки“. Книги эти

лежали у его друзей; больше никто не зналъ объ ихъ существованіи. Фрау Лизингъ ихъ, конечно, имѣла, даже въ переплетѣ; онѣ лежали въ ея комнатѣ на дѣдовскомъ письменномъ столѣ, и Трудѣ запрещено было играть ими. На первой страницѣ драмы была надпись: „Предназначается для постановки исключительно театру на Марсѣ“. Поэтому нѣмецкіе театральные директора мало интересовались ею. Въ собраніи стиховъ было много сіяющихъ алмазовъ, какъ говорили друзья. Особенно одно стихотвореніе: „Крестный ходъ въ Вормсъ“ было такъ прелестно и полно граціи, что ни одного изъ современныхъ поэтовъ нельзя было поставить рядомъ съ Себальдусомъ Рюмпелемъ. Но кто зналъ объ этомъ? Только свои люди, литературная братія.

Когда Себальдусъ случайно бралъ свои книги въ руки, онъ съ задумчивой печалью смотрѣлъ на имя издателя, Эгона Шнабельзанга изъ Дессау, молодого человѣка, погибшаго изъ-за ряда неудачъ. Причиной одной изъ этихъ неудачъ Рюмпель считалъ себя.

День у Себальдуса былъ длинный: спать онъ не любилъ и постоянно боялся что-нибудь пропустить. Да и спальня у него была не комфортабельная: онъ спалъ въ кухнѣ у фрау Лизингъ, гдѣ всегда пахло мыломъ. Въ шесть часовъ утра его хозяйка уже вставала, потому что торопилась въ прачешную. Дѣломъ чести для Себальдуса было, чтобы до ея появленія кухня была провѣтрена и убрана. Когда Грета Лизингъ входила, ея жилецъ, уже одѣтый, въ граціозной позѣ сидѣлъ на подоконникѣ и привѣтствовалъ ее изящной итальянской пѣсенкой, съ аккомпанементомъ лютни. У Себальдуса была лютня; въ юные годы онъ побывалъ въ Тосканѣ и привезъ оттуда старый инструментъ. Фрау Лизингъ привѣтливо кивала ему головой и садилась вмѣстѣ съ нимъ „попить кофейку“. Она была красивая, полная женщина съ пепельными волосами. Себальдусъ жилъ у нея безплатно, потому что спасъ Труду, ея глухонѣмую дочку, отъ электрическаго трамвая. Это было какъ разъ два года тому назадъ—въ душный іюньскій вечеръ, когда красная луна такъ угрожающе стояла на сѣромъ небѣ. Фрау Лизингъ возвращалась съ работы съ томительнымъ страхомъ въ душѣ. Она вдругъ увидѣла на улицѣ толпу, городового; три вагона трамвая стояли одинъ за другимъ, какой-то чужой человѣкъ подошелъ и передалъ ей въ руки Труду, ея дѣвочку; она была цѣла и невредима, но лежала въ глубокомъ обморокѣ. Чужой человѣкъ былъ похожъ на святого, она это сейчасъ же почувствовала. Да, это былъ странный вечеръ. Она ужинала со спасителемъ своей дочери, узнала, кто

онъ, и поняла его не понимая собственно значенія словъ, которыя онъ говорилъ — можетъ быть, только потому, что познакомилась съ нимъ въ такой необычайный вечеръ.

Себальдусъ нашелъ себѣ пріютъ. Гретѣ Лизингъ было безразлично, пускай перешептываются сосѣди во дворѣ, пускай показываютъ на нее пальцами и говорятъ, что у нея „связь“ съ Рюмпелемъ. Все равно: она, какъ разведенная жена, привыкла къ сплетнямъ. Ея мужъ, пьяница-угольщикъ, наконецъ исчезъ; онъ пересталъ появляться у дверей и угрожающе стучать кулаками, исчезъ совершенно, навсегда; она могла, не боясь за своего ребенка, идти на работу. Себальдусъ оказался превосходной нянькой: маленькая Труда и онъ были неразлучны. Когда ему хотѣлось побродить по городу, она послушно отпускала его, все же остальное время была съ нимъ.

Да, фрау Лизингъ была довольна своимъ жильцомъ. А то, что люди думали, оглядывая насмѣшливыми взглядами ее и бѣднаго поэта, было такъ безгранично глупо и нелѣпо, до смѣшного. Она его полюбила отъ души, но никогда не въ силахъ была бы подарить ему даже самый легкій, маленькій поцѣлуй. Когда-нибудь, когда придетъ счастье, вопросу любви будетъ удѣлено время, а теперь надо работать, только работать. Еще одно обстоятельство увеличивало преграду между ней и Себальдусомъ. Съ перваго взгляда онъ произвелъ на нее впечатлѣніе святого, да и послѣ она относилась къ нему почти благоговѣйно и считала себя избранной передъ другими женщинами. Благородный стоическій путь Рюмпеля, который она постигла, излечивалъ рану въ ея сердцѣ, нанесенную мужемъ-звѣремъ.

По утрамъ они недолго сидѣли вмѣстѣ: фрау Лизингъ смотрѣла на кухонные часы, быстро вставала, накидывала платокъ на плечи и съ корзиной въ рукахъ направлялась къ двери. Затѣмъ она спрашивала:

— Не нужно ли вамъ купить чего-нибудь, господинъ Рюмпель?

Себальдусъ робко отвѣчалъ:

— Немножко писчей бумаги.

— Какъ, опять?

Себальдусъ пожималъ плечами. Да, я пишу шестую „Жалобу съ сѣвернаго полюса“.

— Господи Боже мой, сколько же такихъ жалобъ еще будетъ?

— Это—послѣдняя.

— Слава Богу!—фрау Лизингъ облегченно вздохнула.

— Знаете что! я вырву нѣсколько листковъ изъ нашей счетной книги, что въ прачешной—иначе не могу—покупать слишкомъ дорого. Пока—до свиданія! Смотрите, чтобы Труда не выбѣжала на улицу, когда вы будете писать!

— Труда всегда можетъ со мной сидѣть—вы это знаете.

— До свиданія! Въ часъ буду дома!

Случалось, что фрау Лизингъ цѣлый день была внѣ дома, и тогда Себальдусъ варилъ обѣдъ для себя и для дѣвочки. Вообще, онъ изо всѣхъ силъ старался быть полезнымъ, обучалъ ребенка, который былъ лишенъ языка и слуха, и могъ остаться въ полной духовной нищетѣ. При этомъ Себальдусъ примѣнялъ нѣкоторые педагогическіе пріемы, съ которыми былъ знакомъ. Въ молодые годы этотъ оборванный человѣкъ, сынъ рейнскаго пастора, окончилъ гимназію и былъ учителемъ въ графской семьѣ. Тамъ его обуяла страсть, которую онъ впослѣдствіи превозмогъ съ ненавистью и силой, но прежняго вернуть уже не могъ. Ему ударило въ голову сладкое опьяняющее вино. Графиня видѣла его пьянымъ во рву замковаго сада—и все было кончено. Отецъ отрекся отъ него; злыя чары вина овладѣли имъ и пошли годы бродяжничества.

Впослѣдствіи онъ превозмогъ себя; вино перестало имѣть власть надъ нимъ, какъ всякая красота, которая ему не принадлежала. Нетронутый и чистый, онъ стоялъ выше этого и съ отвращеніемъ отворачивался отъ прошлаго.

Труда сидѣла возлѣ него, когда онъ писалъ. Часто она даже склонялась надъ его плечомъ, и ея голубые глаза слѣдили за его писаніемъ, точно онъ разсказывалъ ей сказку или игралъ въ какую-нибудь занимательную игру. Льняные волосы ребенка падали на бумагу, онъ ощущалъ нѣжное дыханіе, и писалъ дальше безконечную исторію принцессы Свангильды. А та жила въ ледяномъ дворцѣ на сѣверномъ полюсѣ, въ блескѣ холоднаго сѣвернаго солнца, недосягаемая, манящая и холодная. Холодно было и блѣдное личико дѣвочки, сидѣвшей возлѣ него; безсильнымъ солнечнымъ лучомъ казались ея волосы, ужасало ея вынужденное молчаніе. Но въ ея глазахъ Рюмпель читалъ загадку человѣчества: она была глуха и все же слышала, была нѣма и все же вѣчно пѣла жизненную пѣснь.

Дѣвочка спокойно выдерживала долгій взглядъ Рюмпеля. Дядя Себальдусъ былъ добрый, онъ никогда ее не билъ и не смѣялся надъ ней, какъ уличные мальчишки, даже часто покупалъ ей конфекты. Какое ей было дѣло до его странностей? Видно, настоящій человѣкъ долженъ былъ быть такимъ, какъ онъ. Труда

горячо привязалась къ нему и презирала всѣхъ тѣхъ людей, что̀ ходили по улицамъ.

Обѣдалъ Себальдусъ съ фрау Лизингъ и Трудой въ ихъ комнатѣ, ѣлъ вмѣстѣ съ ними пять разъ въ недѣлю картофельный супъ и два раза жаркое изъ свинины.

Послѣ обѣда онъ радостно пускался въ путь и странствовалъ по берлинскимъ улицамъ вплоть до ночи. Онъ мало спалъ, мало ѣлъ. Важнѣе, чѣмъ ѣда и сонъ, было для него движеніе. Если иногда въ пути онъ ощущалъ слабость—а это не было рѣдкимъ явленіемъ въ послѣднее время, потому что тѣло его было хилое и онъ приближался уже къ пятидесятилѣтнему возрасту—то онъ нисколько не пугался, твердо вѣря, что нашелъ прекрасный способъ леченія: онъ принимался еще быстрѣе бѣжать, чтобы усилить кровообращеніе. Иногда онъ внезапно останавливался и стоялъ неподвижно, какъ статуя, среди суетливаго уличнаго движенія. Онъ могъ стоять часами, опустивъ свою выразительную голову, украшенную рыжеватыми кудрями, мечтательно устремивъ глаза въ одну точку и заложивъ худыя руки въ карманы неизмѣннаго лѣтняго пальто. Часто вѣтеръ трепалъ его длинные волосы, дождь попадалъ въ разорванные сапоги: Рюмпель не обращалъ на это никакого вниманія. Чѣмъ же былъ такъ занятъ его умъ? Безконечными грезами, мечтами о принцессѣ Свангильдѣ? Нѣтъ, такое предположеніе было бы несправедливостью по отношенію къ нему: онъ наблюдалъ жизнь. Тотъ нищій, молодой калѣка, что продавалъ розы у Потсдамскаго моста, былъ для него хорошо знакомой фигурой. Проститутка становилась въ его глазахъ королевой, благодаря какому-нибудь ласковому слову, движенью, благодаря милостынѣ, которую она иногда давала бѣдняку. Наоборотъ, сытая мѣщанка превращалась для него въ уличную женщину, если съ грубымъ высокомѣріемъ отгоняла несчастнаго продавца цвѣтовъ.

Себальдусъ становился рядомъ съ нищимъ и бесѣдовалъ съ нимъ о далекихъ предметахъ, простыми, понятными словами. Они были друзьями, и присутствіе поэта служило на пользу бѣдняку.

Когда наступалъ вечеръ, Себальдусъ отправлялся въ маленькую пивную на краю города, гдѣ за однимъ столомъ собирались преступники, а рядомъ, за другимъ—представители искусства. Тамъ сидѣли друзья и ждали его. Дорога вела мимо большого, ярко-освѣщеннаго театра. Себальдусъ мимоходомъ бросалъ ласковый взглядъ на оживленную публику; изящная женская ножка, выглянувшая изъ экипажа, красноватый свѣтъ въ наряд-

номъ вестибюлѣ—все это интересовало его, и онъ медленно и задумчиво шелъ дальше.

Въ кабачкѣ „Красный фонарь“ сегодня собрались всѣ члены дружескаго кружка, въ томъ числѣ Рихардъ Ганзеловскій, единственная знаменитость среди нихъ. Былъ еще Ѳедоръ Данцегеръ, лирическій поэтъ, написавшій „Голоса съ высотъ“; Августъ Кольбе, толстый художникъ, который никогда не появлялся безъ своей подруги, красивой и наглой натурщицы; Генрихъ Гютцельбергеръ, опустившійся актеръ; Петеръ Шютце, маленькій человѣчекъ, изучающій философію, не говорящій ни слова и пожирающій глазами подругу художника; наконецъ, баронъ Бланкъ фонъ Шоттендорфъ, играющій роль общаго кошелька всей компаніи. Этой цѣной онъ купилъ признаніе своихъ стиховъ, которые самъ издалъ. Только Ганзеловскій, имѣвшій довольно сносное мѣсто критика въ большой газетѣ, и Себальдусъ Рюмпель не были ему должны. Существованіе Себальдуса было загадкой для его друзей. Они знали, что онъ живетъ у фрау Лизингъ и уважали ихъ чистыя отношенія, но совершенно не понимали, какъ этотъ одинокій человѣкъ можетъ удовлетвориться однимъ хлѣбомъ насущнымъ, какъ онъ не испытываетъ никакихъ потребностей, никакихъ искушеній. У нихъ дѣло обстояло иначе, совершенно иначе! Это было вполнѣ понятно; вѣдь ихъ всѣхъ ждало великое будущее, они должны были жить полной жизнью и не могли удовлетвориться нищенскимъ прозябаніемъ. Себальдусъ занималъ странное положеніе въ этомъ кругу. Когда онъ появлялся вечеромъ, обыкновенно — послѣднимъ, друзьямъ казалось, что къ ихъ столу присѣлъ чуждый и тихій пустынникъ, какой-то лѣсной духъ, такъ кротко и ласково глядѣлъ онъ поверхъ всѣхъ земныхъ желаній. Казалось, онъ приноситъ съ собой свѣжій лѣсной воздухъ въ закопченый кабачокъ, вѣяніе свободы, указаніе истиннаго житья художника. Они тихо сдвигали стулья и уступали ему предсѣдательское мѣсто. Даже Лотта, подруга художника, замолкала при появленіи Рюмпеля. Она всегда съ удовольствіемъ разглядывала это скорбное лицо, окаймленное кудрями.

Въ этотъ день онъ пришелъ нѣсколько раньше, ласково всѣмъ поклонился и сѣлъ. Кельнеръ по обыкновенію напрасно ждалъ, что онъ что-нибудь себѣ закажетъ. Ганзеловскаго еще не было. Онъ писалъ театральныя рецензіи и являлся позже. Присутствующіе чувствовали себя польщенными, что извѣстный, занятой критикъ находитъ время для нихъ, людей безъ имени. Когда онъ, наконецъ, вошелъ, широкоплечій и подвижной, въ

пальто поверхъ чернаго сюртука, послышались всеобщія радостныя восклицанія. Онъ сѣлъ рядомъ съ Себальдусомъ, дружелюбно похлопалъ его по плечу, нѣсколько разъ повторилъ:— Ну, что новаго, дѣти мои?—и пристально сталъ разглядывать карточку блюдъ. Если его кто-нибудь спрашивалъ о сегодняшней пьесѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ саркастической улыбкой, и всѣ не безъ удовольствія понимали, что это—провалъ автора пьесы. Но они всѣ были твердо увѣрены, что если бы передъ удивленной публикой предсталъ поэтъ изъ ихъ кружка, Ганзеловскій не былъ бы такъ строгъ. Имъ казалось, что близкое общеніе съ нимъ вполнѣ гарантируетъ имъ доброжелательный критическій отзывъ. Вѣдь Ганзеловскій искалъ встрѣчъ съ ними, онъ былъ имъ близокъ, жилъ ихъ жизнью и успѣхами.

На самомъ дѣлѣ Ганзеловскій былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ считалъ себя значительнымъ поэтомъ и на всѣхъ присутствующихъ смотрѣлъ свысока. Только въ Себальдусѣ онъ ощущалъ что-то такое, что̀ заставляло его склониться передъ этимъ бѣднякомъ. Суровая, безпощадная критика Ганзеловскаго объяснялась именно тѣмъ, что онъ былъ непризнаннымъ поэтомъ. И если онъ старался смягчить свою суровость, то только для того, чтобы не обнаружить свое оскорбленное самолюбіе. Онъ презиралъ своихъ застольныхъ товарищей и скрывалъ это, напуская на себя необычайную веселость.

Въ этотъ вечеръ онъ цѣликомъ былъ поглощенъ одной мыслью, которая наполняла его горделивымъ восторгомъ и заставила раньше обыкновеннаго явиться въ „Красный фонарь“. Вѣдь онъ одновременно убивалъ двухъ зайцевъ, если... Да, да, конечно! Онъ рѣшилъ сейчасъ же заговорить о дѣлѣ.

— Послушайте, дѣти мои, — началъ онъ, заказавъ предварительно пиво и бутерброды, — я хочу вамъ сдѣлать сегодня одно предложеніе, которое вы, я надѣюсь, охотно примете.

Всѣ стали прислушиваться; даже Петеръ Шютце перевелъ горящіе глаза съ Лотты на Ганзеловскаго. Себальдусъ съ улыбкой смотрѣлъ на пламя спички, которую онъ зажегъ.

— Дѣти мои, — снова началъ Ганзеловскій, — я уже много разъ повторялъ вамъ это: вы сами закрываете себѣ путь къ славѣ. Да, да! — продолжалъ онъ съ искусственнымъ одушевленіемъ, ударяя кулакомъ по столу. — Вы цвѣтете въ тѣни! Вы старѣете и угасаете въ этомъ отвратительномъ кабакѣ! Ты, Данцигеръ, ты, Кольбе, и ты, мой Себальдусъ,—не обижайтесь, если я вамъ правду скажу! У васъ большія, сіяющія и чистыя дѣтскія души; вамъ нуженъ другъ, который указалъ бы вамъ

истинный путь! Вы ждете чего-то, что никогда къ вамъ не придетъ,—надо, чортъ возьми, пойти ему навстрѣчу!

— Нѣтъ, мы будемъ ждать, — гробовымъ голосомъ заявилъ Данцигеръ.

Ганзеловскій заломилъ руки.

— Ахъ, еслибы вы были благоразумнѣе! Вѣдь никто не знаетъ, какіе свѣточи собираются въ этой дырѣ! Да, здѣсь сидятъ апостолы, которыхъ никто не знаетъ, голоса будущаго! Моя сила невелика; если она вамъ не нужна, то я не стану навязываться. Но я вамъ предлагаю не газетную протекцію: я знаю, вы презираете ее. Я вамъ дамъ блестящую мысль, вы должны ее воплотить въ жизнь!

— Въ чемъ же дѣло, наконецъ! Вѣдь этакъ животъ можетъ заболѣть отъ ожиданія,—заявилъ толстый Кольбе.

— Ну, слушайте!

Всѣ застыли отъ любопытства.

— Я предлагаю вамъ устроить кабарэ! По парижскому образцу! Участвующіе — единственно и исключительно члены „Краснаго фонаря“. Настроеніе монмартрское, понимаете? Устроимъ мы это, разумѣется, не здѣсь, а въ центрѣ города; я тамъ уже намѣтилъ одинъ ресторанъ. Мы будемъ называться кабарэ „Красный фонарь“. Я думалъ сначала, что избалованная публика изъ любопытства заглядывала бы сюда, но нѣтъ: два-три вечера было бы полно, а затѣмъ—ни души. Мы должны переѣхать, приноровиться къ новой обстановкѣ. Первоначальные расходы—за помѣщеніе, рекламу—я беру на себя и считаю это за честь!

Всѣ были ошеломлены, поражены этой тирадой, мало-помалу поняли въ чемъ дѣло, пришли въ восторгъ и обступили Ганзеловскаго. Сейчасъ же стали вырабатывать программу. Данцигеръ рѣшилъ выбрать лучшее изъ „Голосовъ съ высотъ“, Гютцельбергеръ хотѣлъ сочинить для этого случая нѣчто необычайно дикое, Кольбе былъ объявленъ каррикатуристомъ, маленькій Петеръ Шютце долженъ былъ аккомпанировать. Очень значительнымъ показалось то обстоятельство, что „Кабарэ“ пріобрѣтало и женскую исполнительницу: Лотта, подруга Кольбе, заявила, что она опытная пѣвица. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она даже выступала на открытой сценѣ и пѣла шансонетки. Великолѣпному барону тоже было разрѣшено прочесть два-три стихотворенія. Недоставало только Себальдуса Рюмпеля, который по силѣ и оригинальности долженъ былъ быть самымъ интереснымъ номеромъ.

— Ты долженъ что-нибудь прочесть, Себальдусъ, непре-

мѣнно, — сказалъ Ганзеловскій, видя, что Рюмпель сидитъ съ опущенными глазами и молчитъ. Напримѣръ, „Крестный ходъ въ Вормсъ“.

— Конечно, — прошепталъ Себальдусъ.

— Это будетъ лучшимъ номеромъ. Увѣряю васъ, дѣти мои, нашъ добрый Себальдусъ станетъ гвоздемъ всей затѣи!

Всѣ захохотали: эта мысль была слишкомъ комична.

— Ты шутишь, Ганзеловскій, — съ достоинствомъ сказалъ Себальдусъ и хотѣлъ подняться.

— Да нѣтъ же! Увѣряю тебя, я говорилъ совершенно серьезно. Знаешь ли, мои знакомыя дамы жаждутъ познакомиться съ тобой. Ты будешь самой сильной личностью среди насъ — этого у тебя никто отнять не сможетъ.

Точно ища помощи у остальныхъ своихъ друзей, повернулся къ нимъ Себальдусъ. Слова Ганзеловскаго были для него сладкимъ ядомъ. Но онъ ошибся, разсчитывая на ихъ помощь: всѣ были заодно.

— Ты долженъ согласиться! — раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Да и кто выступитъ вмѣсто тебя? — пискнулъ баронъ, который всегда острилъ, когда хотѣлъ быть очень серьезнымъ. — Кромѣ тебя никто твоихъ рукописей не прочтетъ.

— Обдумаемъ лучше, что̀ Себальдусъ будетъ читать въ нашемъ кабарэ! — повелительно закричалъ Ганзеловскій. — Раньше всего „Крестный ходъ въ Вормсъ“; ты это прочтешь въ первый же вечеръ. Затѣмъ у тебя еще есть „Принцесса съ сѣвернаго полюса“. Нѣтъ, дѣти мои, не смѣйтесь, это очень оригинальная вещь.

— Она называется Свангильда, — прошепталъ Себальдусъ, и его глаза загорѣлись. — Но я не могу отдать ее на осмѣяніе.

— Не понимаю, что̀ съ тобой? — обиженно возразилъ Ганзеловскій. — Изъ чувства дружбы я хочу проложить тебѣ путь къ славѣ, потому что я одинъ понимаю величину твоего таланта. И что̀ же? Ты отвѣчаешь мнѣ оскорбительными увертками.

Старикъ испуганно посмотрѣлъ на него: послѣднія слова подѣйствовали на его дѣтски-мягкое сердце. Обидѣть друга, оказаться неблагодарнымъ: нѣтъ, этого онъ не хотѣлъ. Но вся затѣя была ему такъ не по душѣ. Что̀ было дѣлать? Онъ чуть не плакалъ, и его большіе голубые глаза съ мольбой глядѣли на возбужденныхъ друзей.

— Рюмпель, — многозначительно сказалъ толстый Кольбе, — ты не долженъ отказываться, разъ мы всѣ принимаемъ участіе; это было бы не по-товарищески.

— Конечно!—запищалъ баронъ.—Позорное бѣгство!

— Кто не съ нами, тотъ противъ насъ,—заявилъ Данцигеръ.

— Но, дорогіе друзья мои,—проговорилъ Рюмпель, у котораго глаза были полны слезъ. Давно уже онъ не испыталъ такого сильнаго потрясенія. Разойтись съ людьми, въ которыхъ онъ вѣрилъ—это было бы ужасно!

— Дорогіе друзья, какъ вы можете думать... предложеніе Ганзеловскаго мнѣ не по душѣ... но... мое мнѣніе ничего не стоитъ... если я исполню то, о чемъ онъ говоритъ, то, конечно, исключительно для васъ...

— Послушай, Себальдусъ,—снова заговорилъ Ганзеловскій, но уже нѣсколько презрительнымъ, снисходительнымъ тономъ,—ты скоро увидишь, что дѣлаешь это и для себя. Подожди—вотъ какъ привалятъ къ намъ денежки! Правда, дѣти мои?

Всѣ засмѣялись и согласились съ Ганзеловскимъ. На чудака Рюмпеля перестали обращать вниманіе. Пока они съ жаромъ и увлеченіемъ обсуждали подробности дѣла, Себальдусъ не то улыбаясь, не то испуганно оглядывался вокругъ, точно боясь измѣнить какой-нибудь святынѣ. И все же мысль о предстоящемъ удивительно согрѣвала его бѣдное сердце. Онъ видѣлъ передъ собой человѣческую толпу, которую приводилъ въ восторгъ—онъ, презираемый всѣми! Онъ рисовалъ себѣ великолѣпный залъ, гдѣ будетъ происходить торжество, и женщины будутъ его слушать, изящныя, восхитительныя женщины, которыя обыкновенно такъ же равнодушно проходили мимо него, какъ и мимо его друга—нищаго на Потсдамскомъ мосту.

Все обсудили, записали; Ганзеловскій былъ въ своей стихіи. Затѣмъ жили только тѣмъ, что ждали перваго представленія. Когда фрау Лизингъ, наконецъ, добилась отъ Себальдуса, который былъ страшно растерянъ послѣдніе дни, въ чемъ дѣло, она разсердилась и стала ворчать на него. Въ первый разъ за все время онъ услышалъ отъ нея порицаніе. Это было яснымъ отвѣтомъ на вопросъ, который его мучилъ:—Не роняю ли я свое достоинство?

Да,—онъ ронялъ его. Фрау Лизингъ сказала какъ-то, когда онъ умоляюще взглянулъ на нее:

— Мнѣ кажется, это не для васъ.

Труда, повидимому, тоже была противъ этого; она больше не садилась возлѣ него и не смотрѣла черезъ его плечо, когда онъ держалъ рукопись передъ собой.

Онъ вѣдь только читалъ и училъ наизусть; стиховъ онъ въ эти дни не писалъ.

Первый вечеръ имѣлъ успѣхъ. Непонятное, удивительное, полу-серьезное, полу-безумное этихъ произведеній ошеломило пресыщенную публику; часто не знали, смѣяться ли или плакать. Да, это былъ несомнѣнный успѣхъ. Ганзеловскій былъ тонкій знатокъ людей; онъ попалъ въ точку. Его затѣя могла стать модой.

Вскорѣ онъ съ гордостью услышалъ, что кабарэ „Красный фонарь“ стало темой разговора въ обществѣ. Нравились карикатуры Кольбе—оригинальная сатира на современность, написанная на скорую руку; нравились и глуповатый баронъ, съ его серьезными романсами, и Лотта, высоко подбрасывающая ноги—но больше всего имѣлъ успѣха Себальдусъ Рюмпель, рапсодъ, необычайный человѣкъ, съ наружностью нищаго и душой короля. „Гвоздемъ“ сталъ Рюмпель, какъ и предвидѣлъ Ганзеловскій. О немъ появились хвалебныя рецензіи въ газетахъ, затѣмъ его портретъ. Въ фельетонѣ, исключительно посвященномъ Себальдусу Рюмпелю, его называли толстовцемъ, аскетомъ, странствующимъ пѣвцомъ и т. д. Ганзеловскій не самъ писалъ эти строки, но многое внушилъ писавшему. Себальдусъ читалъ это—и конфузливо качалъ головой. Онъ сознавалъ, что тутъ много нелѣпаго—и все же сладкій ядъ проникалъ въ его душу: это вѣдь была слава, извѣстность! И онъ начиналъ вѣрить тому, что̀ читалъ. Слава, слава! Онъ затыкалъ себѣ уши, закрывалъ глаза, чтобы не прислушиваться къ здоровымъ, реальнымъ требованіямъ дѣйствительности. Только вечеръ имѣлъ теперь цѣну для него, только тогда онъ начиналъ жить. Когда онъ выходилъ, блѣдный, въ черномъ сюртукѣ, на полу-темную эстраду и видѣлъ передъ собой толпу, напряженно ожидающую его слова—онъ чувствовалъ себя пророкомъ. Его первый взглядъ принадлежалъ дамѣ, которая каждый вечеръ сидѣла въ первомъ ряду; она приходила, прежде чѣмъ онъ появлялся, уходила, какъ только онъ исчезалъ. Она не пропустила ни одного представленія, и никто не зналъ, кто она.

Ганзеловскій напрасно старался узнать ея имя. Заговорить съ ней даже онъ не рѣшался: властно умѣла она отстранять тѣхъ, кого къ себѣ не призывала. Это была высокая, изящная фигура, въ зеленомъ бархатномъ платьѣ, съ тонкимъ, благороднымъ лицомъ и серебристосѣрыми большими глазами русалки. Она приходила ради Себальдуса, но никто его этимъ не дразнилъ. Всѣ они видѣли, что это—тоскующая душа, несчастная, которая искала утѣшенія у бѣдняка-аскета, не владѣющаго ничѣмъ, но умѣющаго по-царски одарять другихъ.

Однажды вечеромъ Ганзеловскій въ волненіи вбѣжалъ къ друзьямъ, хотя представленіе уже началось.

— Дѣти мои,—торжествующе закричалъ онъ:—гдѣ Себальдусъ?

Старикъ подошелъ.

— Слушай, Себальдусъ, теперь я ее знаю!

— Кого?

— Ты спрашиваешь? Ее, твою богиню, въ зеленомъ. Ее зовутъ Рыдвина, Альма Рыдвина. Она русская! Страшно богата, путешествуетъ. Больше ничего не знаю. Она была сегодня въ нашей редакціи и предложила переводъ.

— Ты говоришь, что она страшно богата?—спросилъ Данцигеръ.—Странно. Скажи, она вдова?

— Не знаю, все это мы узнаемъ сегодня вечеромъ! Дѣло въ томъ, что сегодня вечеромъ — слушайте и удивляйтесь — мы всѣ—ея гости! Она насъ пригласила въ „Бристоль“, гдѣ сама живетъ. Она хочетъ познакомиться съ Себальдусомъ!

Онъ испуганно отскочилъ.

— Ради Бога,—прошепталъ онъ,—фрау Лизингъ будетъ меня ждать съ ужиномъ. Я пойду домой.

— Ты не пойдешь!

— Нельзя, нельзя. Это порветъ что-то между ней и мной.

Послѣ этого страннаго, невольно вырвавшагося признанія, Себальдусъ убѣжалъ. Друзья удивленно переглянулись, затѣмъ засмѣялись во все горло. Ихъ радовала мысль о сегодняшнемъ вечерѣ—ужинъ въ „Бристолѣ“, съ красивой, молодой женщиной: да вѣдь это было точно въ сказкѣ?

Себальдусъ вышелъ на эстраду и старался смотрѣть поверхъ дамы, которая опять сидѣла въ первомъ ряду. Его голосъ звучалъ такъ угрожающе и глухо, что публика осталась недовольна и зѣвая слушала его. Необычайная серьезность чувствовалась сегодня въ тонѣ Себальдуса, но этого избалованной публикѣ вовсе не надо было. Только дама въ первомъ ряду сидѣла, какъ очарованная.

А затѣмъ, позже, они стояли другъ противъ друга. Онъ съ опущенными глазами, неловкій, старый ребенокъ, совсѣмъ будничный и простой внѣ подмостковъ и мистическаго освѣщенія. Альма была меньше, чѣмъ онъ думалъ. Она мило улыбалась ему. Они собрались въ отдѣльномъ кабинетѣ отеля. Альма была граціозной и привѣтливой хозяйкой. Она посадила Себальдуса возлѣ себя и держала себя очень непринужденно и просто, хотя была

единственной дамой за столомъ. Лотта заболѣла и прислала сказать, что не придетъ.

Подавали устрицъ (чудныхъ англійскихъ устрицъ!), икру, шампанское. Кто изъ присутствующихъ пилъ такое шампанское? Навѣрное немногіе, а ужъ Себальдусъ Рюмпель—навѣрное никогда. Онъ сидѣлъ совершенно неподвижно и не спускалъ глазъ съ хрустальнаго бокала, наполненнаго золотистымъ, искрящимся виномъ. Бѣдняку все это казалось сномъ, чуднымъ, радостнымъ сномъ, и онъ боялся проснуться.

Дама разговаривала со всѣми, только не съ нимъ. Но ухаживала за нимъ усердно. Случайно, когда она передавала ему икру, онъ коснулся ея бѣлой руки и вздрогнулъ. Въ первый разъ онъ увидѣлъ ее всю — красивую голову, грудь, изящную ножку—и сильнѣе шампанскаго и ѣды опьянило его ея дивное существо, въ которомъ было сочетаніе русской тоски и французскаго веселья. Вдругъ вилка со звономъ выпала у него изъ рукъ: онъ вспомнилъ, какъ мало вниманія обращалъ на свою наружность, какъ часто случалось, что его сюртукъ былъ грязенъ. Онъ проклиналъ этотъ старый, потертый сюртукъ. Онъ сидѣлъ слишкомъ близко къ ней; она могла почувствовать запахъ кухни фрау Лизингъ. А передъ ней стояли красныя розы. Онъ невольно, совершенно невольно отодвинулся подальше.

— Что съ вами?—спросила его Альма.—Пейте же, господинъ Рюмпель.

— Я не могу больше.

— Вы не переносите много шампанскаго?

— Я еще никогда его не пилъ.

Она покраснѣла, погладила его руку и просто сказала:

— Пейте лучше коньякъ.

Онъ не отказывался и молчалъ.

— Я такъ рада, что вы пришли.

Онъ посмотрѣлъ на нее: да, она, дѣйствительно, сказала это.

— Вы — богиня,—тихо проговорилъ онъ.

Она склонилась къ нему и прошептала:

— Я? Ахъ, нѣтъ. Еслибы я была богиней, то не нашла бы словъ для васъ.

Розы горѣли—онъ смотрѣлъ только на розы. Онъ чувствовалъ, какъ горѣли и его худыя руки, лежавшія на холодной скатерти.

— Вы мнѣ разъяснили мою жизнь,—благодарю васъ за это. А теперь довольно. Я только это хотѣла вамъ сказать. Теперь будемъ веселы.

Да, и это она сказала. Его сердце пѣло въ груди отъ радости. Онъ поднялъ голову, взглянулъ на нее — да, онъ зналъ ее уже тысячу лѣтъ.

Послышалось рѣзкое постукиваніе по столу: Ганзеловскій хотѣлъ говорить рѣчь и своимъ проницательнымъ взглядомъ знатока людей разорвать нѣжную ткань. Себальдусъ уже зналъ это. Въ первый разъ его взоръ съ ненавистью остановился на Ганзеловскомъ. Что онъ говорилъ? Ненужные намеки на чудесную тайну, грязное любопытство, берлинскія газетныя остроты! Онъ хотѣлъ знать, кто такое Альма Рыдвина, почему она такъ гостепріимно встрѣтила художниковъ. Эта рѣчь была самовосхваленіемъ для Ганзеловскаго, униженіемъ для остальныхъ — и это почувствовалъ только Себальдусъ.

Альма встала и отвѣтила съ восхитительной находчивостью:

— Мнѣ хотѣлось принести вамъ немного небеснаго огня, потому что мнѣ, бѣдной богинѣ, нужна земля; ахъ, отчего вы называете меня богиней, господа! Я полна радости, если могу порадовать васъ. Зовите меня лучше сестрой. Вы, художники, зовите меня художницей!

Всѣ стали чокаться съ ней. Себальдусъ отошелъ отъ стола; всѣ взоры были направлены на него. Онъ не походилъ больше на обыкновеннаго человѣка. Необычайно возбужденный, онъ имѣлъ видъ пророка. Онъ сложилъ руки и медленно опустился на колѣни.

— Онъ совсѣмъ готовъ,—сказалъ баронъ.

— О, Поммери! — воскликнулъ Ганзеловскій,— что оно сдѣлало изъ Себальдуса!

Альма оставалась серьезной; чуть-чуть испуганно, съ восхищеніемъ и любопытствомъ смотрѣли ея загадочные глаза на поэта.

— Оставайся съ нами!—воскликнулъ Себальдусъ.—Ты, давшая намъ небесный огонь! Дай намъ покой и миръ! Но если ты должна уйти, я тебя видѣлъ, я тебя знаю, ты можешь избрать меня своимъ жрецомъ!

Никто не смѣялся: потрясеніе этого старика, у котораго несомнѣнно въ послѣдній разъ вспыхнулъ огонь любви, было слишкомъ сильно. Всѣ смотрѣли на него молча и ждали.

— Позволь мнѣ поцѣловать твою ногу! — тихо сказалъ Себальдусъ съ жгучей тоской въ голосѣ.

Альма сначала колебалась, но затѣмъ быстро подошла къ нему и протянула маленькую ножку въ зеленой атласной туфлѣ.

— Венера!—прошепталъ Себальдусъ и десять, двадцать разъ поцѣловалъ ея ногу, пока Альма не отошла; тогда онъ поцѣ-

ловалъ мѣсто, на которомъ она стояла. Альма плакала. Друзья серьезно разсердились на Себальдуса.

— Онъ пьянъ, надо отправить его домой,—сказалъ кто-то. Его подняли. Онъ еще видѣлъ, какъ Альма вытерла глаза, накинула шарфъ на голову и, шепнувъ что-то лакею, безъ прощанія выскользнула изъ залы. Ганзеловскій съ отчаяніемъ покачалъ головой; затѣмъ и онъ ушелъ.

Себальдусъ вышелъ на улицу; его вели Данцигеръ и Шютце. Ночь была холодная.

— Куда, куда?—шепталъ Себальдусъ.

— Домой, конечно! Тебѣ надо выспаться, дружище! Идемъ—не плачь—это тебѣ повредитъ.

Онъ шелъ по пустыннымъ улицамъ, которыя казались ему совершенно незнакомыми и чувствовалъ себя подавленнымъ горестью и униженіемъ.

— Не огорчайся, дружище, не стоитъ,—услышалъ онъ голосъ Данцигера. — Женщины! Женщины! Онѣ все дѣлаютъ съ намѣреніемъ!

— Что?

— Ну, конечно, она хотѣла тебя очаровать и возмутительно кокетничала.

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Ты—глупецъ; не сердись на меня за эти слова. Альма Рыдвина! Швейцаръ въ гостинницѣ сказалъ мнѣ, кто она. Русская актриса, осѣдлавшая страшно богатаго старика. Говорятъ, онъ необычайный уродъ! Да, да. Она добилась того, чтобы онъ ей разрѣшилъ поѣхать на восемь дней раньше въ Берлинъ и тамъ повеселиться. А пріѣдетъ господинъ супругъ, придется сократиться. Ты молодецъ, хоть ногу ей поцѣловалъ! Красивая женщина! Но дама полусвѣта, старина, безъ сомнѣнія это такъ! Ты этого не понимаешь.

Они очутились у воротъ дома, гдѣ жила фрау Лизингъ. Себальдусъ, казалось, пришелъ въ себя на воздухѣ. Друзья попрощались съ нимъ. Онъ остался одинъ, медленно поднялся на четвертый этажъ и сталъ прислушиваться къ тому, что дѣлалось въ квартирѣ. Слышно было ровное дыханіе хозяйки и ребенка. Безгрѣшныя, чистыя!

Онъ снова сошелъ внизъ. Гулкими шагами шелъ онъ по мертвымъ улицамъ, черезъ темный Тиргартенъ, до канала Шпрее. На мосту онъ остановился. Звѣзды стояли надъ нимъ и подъ нимъ. Онъ не замѣчалъ, что это онѣ просто отражаются въ водѣ. Его тянуло внизъ въ глубину, гдѣ виднѣлось сіяніе. Онъ

посмотрѣлъ внизъ, сталъ склоняться ниже и ниже; оттуда на него глядѣло улыбающееся лицо и бѣлыя руки русалки, тянувшія его внизъ. Послышалось глухое паденіе, плескъ воды—и все затихло. Никто объ этомъ не зналъ. Никого не было вблизи. Звѣзды внизу вдругъ задвигались и исчезли: небо заволоклось тучами.

Это былъ мостъ, на которомъ днемъ стоялъ другъ Себальдуса, калѣка—продавецъ цвѣтовъ.

Кабарэ „Красный фонарь“ былъ нанесенъ тяжелый ударъ. „Гвоздь“ исчезъ и главное обаяніе пропало. Стали обдумывать свое положеніе и даже хотѣли покончить все дѣло; но и на этотъ разъ Ганзеловскій умѣлъ найти выходъ. Онъ использовалъ трагическую судьбу друга для рекламы, написалъ о немъ длинную статью, полную грусти и печали. Съ каждымъ днемъ росла слава Себальдуса. Онъ сталъ популярной личностью, поэтомъ улицы, странствующимъ пѣвцомъ, столь рѣдкимъ въ нашъ эгоистическій, сухой вѣкъ.

Казалось, его таинственная смерть разрушила преграду, которую жизнь воздвигла между нимъ и счастьемъ. Кабарэ переполнялось публикой каждый вечеръ. Въ художественныхъ магазинахъ висѣлъ его портретъ. Крупное книгоиздательство публиковало въ газетѣ Ганзеловскаго:

„Рѣдкость! Сочиненія Себальдуса Рюмпеля. Печатаются: Стихотворенія, читанныя недавно умершимъ авторомъ въ кабарэ „Красный фонарь“. Далѣе: „Аріадна“, драма, принятая мѣстнымъ обществомъ любителей театра. Далѣе: „Изъ старой папки“, стихи. Почти распродано. Только для любителей и знатоковъ! Рѣдкость!!

Фрау Лизингъ и Труда цѣлый годъ носили трауръ.

Съ нѣмецкаго Р. Л.

СПОРЫ
О
СУЩНОСТИ МАРКСИЗМА

За послѣднее десятилѣтіе образовалась цѣлая литература по вопросу о кризисѣ марксизма, но результаты этого кризиса остаются еще для многихъ неясными и неопредѣленными.

Уменьшилось ли научное значеніе доктрины Маркса? Опровергнуты ли его главные теоретическіе выводы? Подорванъ ли авторитетъ его идей въ глазахъ представителей рабочаго класса? На эти вопросы получаются съ разныхъ сторонъ совершенно различные и отчасти противоположные отвѣты. Одни полагаютъ, что марксизмъ побѣдоносно выдержалъ натискъ критики и остается твердымъ и незыблемымъ въ своей силѣ, какъ rocher de bronze. Другіе думаютъ, что величественное зданіе, воздвигнутое Марксомъ, окончательно развалилось и что только немногіе обломки его, приведенные кое-какъ въ систему, сохраняютъ еще, по традиціи, престижъ марксизма.

Безпристрастные наблюдатели должны признать, что и противники, и сторонники марксистскаго ученія одинаково неправы: существенныя части доктрины поколеблены или опровергнуты— и тѣмъ не менѣе марксизмъ, какъ цѣлое, держится крѣпче и сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Критика, успѣшно разбивающая отдѣльныя теоретическія положенія и гипотезы Маркса, оказывается безсильною предъ марксизмомъ вообще, т.-е. предъ чѣмъ-то общимъ и цѣльнымъ, чему присвоено названіе марксизма. Другими словами, сила и значеніе марксизма не зависятъ отъ

достоинствъ и недостатковъ тѣхъ научныхъ положеній и выводовъ, которые обыкновенно считаются необходимыми составными элементами доктрины Маркса. Въ чемъ же заключается особая сущность марксизма, обезпечивающая его долговѣчность и силу въ современномъ обществѣ?

„Марксизмъ — говоритъ Г. В. Плехановъ—это цѣлое міросозерцаніе. Выражаясь кратко, это—современный матеріализмъ, представляющій собою высшую въ настоящее время ступень развитія того взгляда на міръ, основы котораго были заложены еще въ древней Греціи Демокритомъ, а отчасти и предшествовавшими Демокриту іонійскими мыслителями... Историческая и экономическая стороны этого міросозерцанія, т.-е. такъ называемый историческій матеріализмъ и тѣсно связанная съ нимъ совокупность взглядовъ на задачи, методъ и категоріи политической экономіи и на экономическое развитіе общества, въ особенности же капиталистическаго, являются въ своихъ основаніяхъ почти исключительно дѣломъ Маркса и Энгельса". И г. Плехановъ вдается въ подробный разборъ философско-историческаго значенія идей Маркса-Энгельса, въ связи съ идеями Гегеля и Фейербаха, для доказательства того, что марксизмъ, какъ законченное самостоятельное міровоззрѣніе и въ то же время какъ единственно вѣрный методъ соціальныхъ изслѣдованій, не нуждается въ дальнѣйшемъ философскомъ обоснованіи или дополненіи, и что критики, предлагающіе искать поддержки у Канта или у какого-либо другого философа, популярнаго между „идеологами буржуазіи", обнаруживаютъ лишь свое собственное непониманіе и близорукость [1]).

Разумѣется само собою, что философское міросозерцаніе, о которомъ говоритъ Г. В. Плехановъ и основы котораго заложены еще въ древней Греціи Демокритомъ и предшествовавшими ему іонійскими мыслителями, не можетъ составлять существенную, характеристическую особенность марксизма. Ни современный матеріализмъ вообще, ни историческій матеріализмъ въ частности, ни связанная съ ними философія, не опредѣляютъ собою содержанія и характера доктрины, вдохновляющей руководителей рабочаго класса и внушающей имъ бодрую вѣру въ лучшее будущее. Прежде всего — матеріалистическій взглядъ на міръ и на исторію человѣчества не находится ни въ какой внутренней связи съ соціализмомъ и можетъ быть свойственъ всякому общественному классу, даже самому консервативному, при извѣстныхъ усло-

[1]) Г. В. Плехановъ. Основные вопросы марксизма. Спб., 908.

віяхъ его умственнаго и нравственнаго развитія. Грубый матеріализмъ, отрицаніе или извращеніе этики всегда лежали въ основѣ институтовъ, обезпечивавшихъ владычество организованной физической силы надъ неорганизованной, высшихъ сословій—надъ мирнымъ трудящимся народомъ, богатыхъ—надъ бѣдными. Если марксизмъ проникнутъ духомъ матеріализма и построенъ всецѣло на матеріалистическомъ фундаментѣ, то это еще не значитъ, что онъ тождественъ съ матеріализмомъ, совпадаетъ съ нимъ или поглощается имъ безъ остатка. Наконецъ, „міросозерцаніе", каково бы оно ни было—понятіе слишкомъ неопредѣленное и широкое для характеристики такого рѣзко очерченнаго явленія, какъ марксизмъ. Нельзя было бы понять притягательной силы марксизма и необыкновеннаго успѣха его среди рабочихъ массъ, еслибы сущность его въ самомъ дѣлѣ заключалась въ тѣхъ философскихъ тонкостяхъ, на которыя указываетъ Г. В. Плехановъ.

Съ совершенно другой точки зрѣнія подходитъ къ тому же вопросу о значеніи и смыслѣ марксизма М. И. Туганъ-Барановскій. По его мнѣнію, марксизмъ близится къ упадку и начинаетъ уступать мѣсто разработкѣ новыхъ будущихъ формъ соціализма. Ссылаясь на слова Каутскаго объ упадкѣ интереса къ вопросамъ теоріи среди марксистовъ, М. И. Туганъ-Барановскій усматриваетъ въ этомъ обстоятельствѣ явный признакъ того, что „данное умственное теченіе исчерпало себя и уже перестало будить и волновать умы". Если среди марксистовъ — говоритъ онъ—дѣйствительно замѣчается, по компетентному свидѣтельству Каутскаго, исчезновеніе интереса къ теоріи, то это совершенно невѣрно относительно соціалистовъ вообще. „Напротивъ, именно въ послѣднее время теорія соціализма разрабатывается въ различныхъ направленіяхъ особенно энергично, но уже, увы,—не подъ флагомъ марксизма. Мы переживаемъ теперь переходное время, когда старая теорія перестала удовлетворять болѣе живые умы и совершается энергичное творчество новой теоріи, имѣющей замѣнить марксизмъ стараго типа".

Гдѣ же и въ чемъ видитъ г. Туганъ-Барановскій новую теорію соціализма, идущую на смѣну марксизму? Къ удивленію, онъ видитъ ее въ попыткахъ сближенія соціалистическихъ идей съ старой философіей Канта. Ему представляется вполнѣ доказаннымъ, что единственно возможнымъ этическимъ обоснованіемъ соціализма является Кантовская идея о самоцѣнности человѣческой личности, о томъ, что человѣкъ есть самъ для себя цѣль и не долженъ служить средствомъ для другихъ. Весь этическій

паѳосъ соціализма,—по его словамъ,—„вытекаетъ изъ этой идеи, которая сознательно или безсознательно предполагается каждымъ соціалистомъ. Съ другой стороны, логическое развитіе ея неизбѣжно приводитъ къ соціализму. А такъ какъ соціализмъ не есть чисто теоретическое построеніе, но относится къ практикѣ общественной жизни и слѣдовательно лежитъ въ сферѣ этики, то названная идея должна быть признана центральной идеей соціализма". Почтенный авторъ этихъ строкъ возвращается, такимъ образомъ, въ область логическаго построенія и философскаго обоснованія соціализма, какъ отвлеченнаго, искусственно придуманнаго ученія, предназначеннаго для „практики общественной жизни", т.-е. онъ становится на почву того утопическаго соціализма, который справедливо отвергается марксистами. Полемизируя съ профессоромъ Карломъ Форлендеромъ, проповѣдникомъ обновленія и дополненія марксизма принципами Кантовской этики, М. И. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, что марксизмъ принципіально отрицаетъ этику и долженъ быть признанъ по существу несовмѣстимымъ съ кантіанствомъ; поэтому „ни о какомъ дополненіи Маркса Кантомъ не можетъ быть и рѣчи", а такъ какъ внѣ этики нѣтъ соціализма, то предстоитъ „коренное преобразованіе, точнѣе — разрушеніе" марксизма. „Но,—продолжаетъ авторъ, — разрушивши марксизмъ, необходимо использовать драгоцѣнный матеріалъ, который содержится въ немъ. Новая теорія соціализма должна быть построена въ огромной части изъ элементовъ марксизма, и лишь общая связь ихъ и общее освѣщеніе должны стать совершенно иными". По вопросу объ этикѣ новая теорія „должна рѣшительно отвергнуть Маркса и пойти съ Кантомъ"; но и историческое кантіанство не годится для соціализма, ибо оно признаетъ принципъ частной собственности. И потому было бы неправильно стремиться „назадъ къ Канту", или призывать идти „впередъ съ Марксомъ и Кантомъ", какъ предлагаетъ проф. Форлендеръ. „Нашимъ лозунгомъ—говоритъ въ заключеніе М. И. Туганъ-Барановскій,—должно стать: „впередъ, къ созданію новой теоріи соціализма!"—а Кантъ и Марксъ должны остаться позади, какъ превзойденные этапы общественной мысли" [1]).

Приведенный лозунгъ звучитъ очень гордо, но онъ нисколько не вытекаетъ изъ разсужденій самого М. И. Туганъ-Барановскаго. Если мы возьмемъ у Маркса весь его драгоцѣнный на-

[1]) См. предисловіе къ русскому переводу книги проф. Карла Форлендера: Кантъ и Марксъ, Спб., 1909, стр. IV—VIII.

учный матеріалъ и приложимъ къ нему этическія начала Канта, то мы все-таки получимъ въ результатѣ только дополненный и освѣщенный въ духѣ кантіанства марксизмъ, и трудно понять, почему такое дополненіе Маркса Кантомъ давало бы намъ право смотрѣть на нихъ обоихъ, какъ на „превзойденные этапы общественной мысли“. Новая теорія не создается путемъ простого присоединенія одного ученія къ другому—тѣмъ болѣе путемъ присоединенія одного этическаго принципа къ сложной и цѣльной, тщательно разработанной экономической доктринѣ. Нельзя говорить серьезно о „разрушеніи“ марксизма, если дѣло идетъ о внесеніи въ него такой точки зрѣнія, которая является единственно возможнымъ этическимъ обоснованіемъ соціализма и слѣдовательно также марксизма,—ибо марксизмъ есть только научно обоснованный соціализмъ. Если согласиться съ Форлендеромъ и г. Туганъ-Барановскимъ, что внѣ этики нѣтъ соціализма, то необходимо признать, что внѣ этики нѣтъ и марксизма. И дѣйствительно, этическая точка зрѣнія вовсе не чужда марксизму и вполнѣ уживается съ его основными тезисами, вопреки ошибочному утвержденію г. Туганъ-Барановскаго. Всѣ разсужденія и выводы Маркса о прибавочной цѣнности, создаваемой рабочими и присвоиваемой капиталистами, о неоплаченной части рабочаго дня, объ образованіи и накопленіи капиталовъ, о различныхъ формахъ эксплуатаціи труда, предполагаютъ весьма опредѣленную систему нравственныхъ понятій и проникнуты глубокимъ сознаніемъ вопіющей несправедливости существующаго экономическаго строя. Этика не можетъ отсутствовать тамъ, гдѣ въ каждомъ словѣ чувствуется возмущеніе или негодованіе. Еслибы даже категорическій императивъ Канта могъ прибавить что-нибудь къ внутренней силѣ марксизма, то во всякомъ случаѣ это заимствованіе изъ философіи восемнадцатаго вѣка не послужило бы къ обновленію марксистской доктрины и не давало бы матеріала для созданія новой теоріи соціализма. Это было бы только возрожденіе старыхъ идей, не имѣющее ничего общаго съ самостоятельнымъ энергическимъ творчествомъ, и вмѣсто того, чтобы остаться позади, въ качествѣ превзойденныхъ этаповъ общественной мысли, философскія положенія Канта превратились бы въ руководящіе принципы современности.

Правда, выводы марксизма построены не на требованіяхъ этики, а на анализѣ реальныхъ условій экономическаго развитія. Марксизмъ выясняетъ и устанавливаетъ то, что̀ есть и что̀ вырабатывается для будущаго въ нѣдрахъ существующаго общества, а мораль говоритъ о томъ, что̀ должно быть съ точки зрѣнія

высшей справедливости. Очевидно, марксизмъ и этика дѣйствуютъ въ разныхъ плоскостяхъ человѣческаго пониманія и потому не могутъ находиться между собою въ непримиримомъ противорѣчіи. Для марксиста ходъ исторіи опредѣляется борьбою классовъ, опирающихся на извѣстный строй производственныхъ отношеній, и въ этомъ смыслѣ никакая система морали не играетъ самостоятельной роли въ процессѣ исторической эволюціи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что марксизмъ не признаетъ вообще существованія этики. Отдѣльные общественные классы могутъ имѣть и имѣютъ свои нравственныя правила, соотвѣтствующія ихъ особымъ интересамъ, понятіямъ и привычкамъ; существуетъ несомнѣнно и внѣклассовая мораль, напр. христіанская, которую всѣ понимаютъ и примѣняютъ по-своему; но движущая сила исторіи на взглядъ марксизма дѣйствуетъ независимо отъ внушеній и предписаній этики. Выиграетъ ли научный соціализмъ отъ того, что въ данномъ пунктѣ онъ рѣшительно отречется отъ Маркса и пойдетъ за Кантомъ? Какъ бы высоко ни ставить Кантовскія идеи, но вѣрить въ ихъ спасительную творческую силу по отношенію къ соціализму было бы болѣе чѣмъ странно. Съ одной стороны, если самъ Кантъ выводилъ изъ своей теоріи морали необходимость частной собственности, то съ этимъ едва ли возможно совмѣстить утвержденіе, что логическое развитіе той же теоріи морали неизбѣжно будто бы приводитъ къ соціализму. Изъ общихъ философскихъ постулатовъ Канта, какъ и изъ всякихъ абстрактныхъ логическихъ построеній, нетрудно выводить какія угодно практическія умозаключенія, и всѣ они будутъ одинаково безсильны предъ лицомъ реальной дѣйствительности. Съ другой стороны, никто, кажется, не думаетъ, что христіанскій или этическій соціализмъ имѣетъ какія-либо преимущества предъ марксизмомъ; и если „разрушить“ марксизмъ и взамѣнъ классовыхъ интересовъ и классовой борьбы выдвинуть на первый планъ Кантовскую этику, какъ предполагаетъ г. Туганъ-Барановскій, то это значило бы идти не впередъ, а назадъ, къ наивнымъ представленіямъ и надеждамъ прошлаго въ области соціальнаго вопроса.

Профессоръ Форлендеръ, конечно, правъ, когда доказываетъ возможность и пользу сближенія скрытой этики марксизма съ основами Кантовской морали, ибо твердые нравственные принципы, выходящіе за предѣлы классовыхъ интересовъ, необходимы для руководителей рабочаго класса, имѣющихъ въ виду достигнуть уничтоженія антагонизма между классами и возстановленія всеобщей солидарности послѣ торжества пролетаріата. Принципы

Канта совершенно ясны и общедоступны сами по себѣ. „Поступай такъ, чтобы правило твоего личнаго поведенія могло сдѣлаться обязательнымъ правиломъ всеобщаго поведенія". „Поступай такъ, чтобы въ твоемъ лицѣ, какъ и въ лицѣ всякаго другого, человѣчество всегда и постоянно разсматривалось какъ цѣль, и никогда какъ средство". Каждое разумное существо, хотя бы это былъ бѣднѣйшій поденщикъ или пролетарій, „существуетъ какъ цѣль въ себѣ и не можетъ быть разсматриваемо какъ машина, какъ средство приложенія чужой воли; такое существо есть не вещь, а личность, въ которой для насъ должна быть священна человѣческая природа. „Принципъ человѣчества, какъ самоцѣли, долженъ быть высшимъ условіемъ, ограничивающимъ свободу дѣйствій каждаго отдѣльнаго человѣка". Форлендеръ настаиваетъ на томъ, что въ приведенныхъ словахъ весьма отчетливо формулирована основная идея соціализма—идея солидарности—и что изъ этой формулировки сами собою вытекаютъ всѣ соціалистическія требованія. „Путь отъ либерализма въ истинномъ его смыслѣ—говоритъ онъ—ведетъ не только исторически, но и логически къ соціализму. Свобода личности продолжаетъ оставаться мнимою, покуда гнетущее господство частнаго капитала на дѣлѣ превращаетъ эту личность въ средство труда, находящееся въ распоряженіи собственника. Личная свобода будетъ обезпечена лишь при такомъ положеніи вещей, при которомъ не будетъ мѣста хозяйственной зависимости однихъ отъ другихъ и когда каждый, согласно волѣ цѣлаго, будетъ служить интересамъ всѣхъ другихъ, пользуясь услугами и съ ихъ стороны. Только тогда, когда всѣмъ—не только на словахъ, но и путемъ созданія на дѣлѣ соотвѣтственныхъ институтовъ—будетъ предоставлена возможность свободнаго развитія ихъ способностей,—только тогда будетъ достигнуто возвѣщенное Кантомъ царство цѣлей, въ которомъ человѣкъ никогда не будетъ средствомъ, но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и самоцѣлью,—только тогда наступитъ то состояніе, которое, если даже не суждено ему быть осуществленнымъ въ полной мѣрѣ, должно все же освѣщать намъ путь въ качествѣ его конечной цѣли. Только тогда будетъ достигнуто то, что̀ Марксъ характеризуетъ какъ союзъ свободныхъ людей или какъ такого рода ассоціацію, въ которой свободное развитіе отдѣльной личности обусловливаетъ собою свободное развитіе всѣхъ".

Можно бы тѣ же тезисы Канта развивать и въ другомъ направленіи. Такъ какъ никто не долженъ служить средствомъ или орудіемъ чужой воли, то нарушеніемъ этики является вся система

обязательныхъ повинностей, принудительной службы и подчиненности въ современномъ государствѣ. Если каждый долженъ поступать такъ, чтобы правило его личнаго поведенія могло быть общимъ правиломъ для всѣхъ, то начало всеобщаго равенства и равноправія становится обязательною основою человѣческаго общежитія. Отсюда гораздо легче и скорѣе извлечь доводы въ пользу отрицанія всякой вообще государственности и внѣшней принудительной силы, чѣмъ въ пользу соціализма. Господство капитала надъ трудомъ все-таки прикрывается фикціей добровольныхъ взаимныхъ соглашеній, по которымъ рабочіе сознательно отдаютъ свой трудъ въ обмѣнъ за извѣстную плату,— тогда какъ ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ власти и подчиненія въ государствѣ. При нѣкоторомъ желаніи нетрудно убѣдиться, что отъ Канта найдется путь и къ теоріи анархизма. Между прочимъ, Кантъ стоитъ и за республику: для обезпеченія прочнаго и долговѣчнаго мира необходимо, по его мнѣнію, республиканское устройство государствъ. Однако, ни республиканская идея, ни соціализмъ, ни анархизмъ не пріобрѣтутъ значенія новыхъ теорій и не увеличатъ своего практическаго вліянія и авторитета, отыскавъ для себя точку опоры въ тѣхъ или другихъ положеніяхъ и словахъ Канта.

Поиски новыхъ философскихъ обоснованій марксизма, какъ и разсужденія объ особомъ марксистскомъ міросозерцаніи, не выясняютъ, а отчасти еще болѣе затемняютъ вопросъ о вѣроятной судьбѣ марксистской доктрины. Чисто-теоретическая часть ученія не признается уже большинствомъ экономистовъ, склонныхъ къ соціализму; теорія прибавочной цѣнности, долго считавшаяся важнѣйшимъ центральнымъ пунктомъ марксизма, окончательно отошла на задній планъ и даже, можно сказать, сдана въ архивъ послѣ того какъ самъ Марксъ, въ третьемъ томѣ „Капитала“, превратилъ ее въ побочный привѣсокъ къ старой буржуазной теоріи издержекъ производства. Въ популярной книгѣ профессора Вернера Зомбарта о соціализмѣ и соціальномъ движеніи, при оцѣнкѣ доктрины Маркса уже почти не упоминается объ его теоріи цѣнности, а главное значеніе придается идеямъ объ историческомъ развитіи капитализма, объ общественной организаціи производства и о борьбѣ классовъ. Выводы о постепенномъ сосредоточеніи капиталовъ въ немногихъ рукахъ, о неизбѣжномъ упадкѣ и обнищаніи рабочихъ массъ подъ гнетомъ капитализма, о періодическихъ промышленныхъ кризисахъ съ ихъ губительными послѣдствіями и наконецъ о заключительной катастрофѣ—крушеніи буржуазнаго капиталисти-

ческаго строя, съ послѣдующею затѣмъ диктатурою пролетаріата, — зачисляются уже въ разрядъ устарѣлыхъ и ошибочныхъ положеній, и если поддерживаются еще правовѣрными марксистами, то не столько по убѣжденію, сколько по чувству дисциплины и уваженія къ авторитету Маркса. Стремленіе къ критическому пересмотру научныхъ основаній и тезисовъ марксизма привело къ извѣстному расколу въ марксистскомъ лагерѣ, въ концѣ девяностыхъ годовъ. „Ревизіонизмъ", главнымъ дѣятелемъ котораго былъ видный представитель германской соціалъ-демократіи, Эдуардъ Бернштейнъ, все болѣе принималъ характеръ движенія, направленнаго къ фактическому отпаденію отъ Маркса („Los von Marx-Bewegung", какъ выражается Зомбартъ [1]). Независимо отъ экономическихъ теорій, связанныхъ съ ученіемъ о цѣнности, вся революціонная сторона доктрины постепенно теряетъ почву, и грозный сокрушительный напоръ, который долженъ былъ „облегчить роды" новаго строя, переходитъ въ область невинныхъ мечтаній. Марксистскій соціализмъ замѣтно уходитъ отъ революціонной традиціи и проникается духомъ „реформизма"; надежда на страшные кризисы и перевороты уступаетъ мѣсто усиліямъ легальной борьбы для защиты интересовъ пролетаріата. И все-таки марксизмъ, въ качествѣ вдохновляющей и направляющей силы рабочаго движенія, сохраняетъ свои прежнія боевыя позиціи, и подъ его знаменемъ дѣйствуетъ соціалъ-демократія въ разныхъ странахъ культурнаго міра. Уже этотъ безспорный фактъ показываетъ намъ, что сущность и сила марксизма заключаются не въ томъ, въ чемъ обыкновенно видятъ ихъ ученые теоретики.

„Сознаніе, что многія изъ марксистскихъ ученій не находятся уже въ согласіи съ наукою или оказались ложными, — говоритъ Вернеръ Зомбартъ въ упомянутой выше книгѣ, — должно было вызвать тяжелые конфликты въ умахъ вѣрующихъ соціалистовъ, которые въ то же время были марксистами. Сначала дѣлались попытки привести къ молчанію голосъ критики, посредствомъ всевозможныхъ перетолкованій чистаго ученія и путемъ

[1]) Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, еще до появленія ревизіонистской книги Бернштейна (1899), мы помѣстили въ „Вѣстникѣ Европы" рядъ статей, посвященныхъ критическому разбору экономическаго ученія Маркса, и высказанные въ нихъ взгляды подверглись тогда рѣзкому осужденію со стороны нашихъ марксистовъ; но теперь тѣ же взгляды раздѣляются многими въ марксистской литературѣ, и прежніе защитники научнаго авторитета Маркса, какъ напримѣръ М. И. Туганъ-Барановскій, съ тѣхъ поръ очень далеко ушли отъ насъ въ критикѣ и отрицаніи марксизма. См. нашу книгу: Экономическое ученіе Карла Маркса. Спб., 1898.

искусственной интерпретаціи сомнительныхъ мѣстъ. Но это помогало не долго: въ концѣ концовъ нельзя было скрыть, что въ существенныхъ пунктахъ Марксъ ошибался. Вѣрующій марксистъ очутился въ такомъ же положеніи, какъ вѣрующій христіанинъ, когда естественныя науки подорвали у него фундаментъ, на которомъ построено священное писаніе. Марксистъ понялъ тогда, что всякая вѣра, какъ божественная, такъ и политическая, должна искать и находить свое оправданіе не въ какой-либо научной истинѣ и что опроверженіе научной теоріи не можетъ проникнуть до глубинъ, гдѣ коренится вѣра, — до глубинъ сердца, гдѣ хранятся идеалы. Онъ понялъ, что сила соціализма можетъ имѣть свой источникъ никакъ не въ научныхъ теоріяхъ отдѣльныхъ лицъ, хотя бы такихъ, какъ Марксъ и Энгельсъ, а единственно лишь въ полнотѣ страсти, въ рѣшимости къ дѣйствію, въ стремленіяхъ, которыя вѣчно рождаются вновь при видѣ несовершенствъ этого міра, сравнительно съ идеальными требованіями и ожиданіями". Вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся сомнѣнію самый методъ марксизма. Мысль о созданіи особой системы научнаго соціализма, въ отличіе отъ утопическаго, принесла свои плоды. Вѣра въ появленіе соціалистическаго строя, какъ неизбѣжнаго продукта естественнаго развитія,— вѣра въ то, что проповѣдники соціализма возвѣщаютъ истину,— придавала движенію такую энергію, на какую нельзя было разсчитывать при другихъ условіяхъ. Авторитетъ науки укрѣплялъ увѣренность въ побѣдѣ, сообщалъ спокойную твердость поведенію соціалистическихъ партій и способствовалъ прочному единству современнаго рабочаго пролетаріата. Но вскорѣ—какъ справедливо замѣчаетъ Зомбартъ,—выяснилась и оборотная сторона медали. Научность соціализма ослабила идеальные элементы соціальнаго движенія; привычка доказывать научными аргументами необходимость соціализма уничтожала порывы къ идеалистическому творчеству. Рабочему классу внушали, что „ему не предстоитъ осуществлять какіе-либо идеалы; онъ долженъ только доставить свободу элементамъ новаго общества, которые выросли и развились въ лонѣ разлагающагося буржуазнаго строя". Тутъ нѣтъ почвы для живого воодушевленія, для увлеченій, для паѳоса. Эти недостатки дѣлаются особенно чувствительными, когда возникаетъ сознаніе ошибочности провозглашенныхъ и проповѣдуемыхъ теорій.

Такимъ образомъ образуется ядро оппозиціи противъ Маркса въ средѣ самихъ марксистовъ, — направленіе, имѣющее уже многочисленныхъ сторонниковъ между соціалъ-демократами раз-

личныхъ государствъ. Зомбартъ приводитъ любопытное разсужденіе одного изъ американскихъ соціалистовъ, принадлежащихъ къ этому направленію: „Соціальная революція не наступитъ отъ того, что мы будемъ постоянно повторять ученія Маркса. Рабочій классъ существуетъ не для опредѣленной соціалистической теоріи, а напротивъ, эта теорія существуетъ для рабочаго класса. Никто такъ старательно не доказывалъ на дѣлѣ необходимость приспособлять соціалистическую фразеологію къ обстоятельствамъ, какъ Энгельсъ; и этому искусству приспособленія мы должны научиться. Соціализмъ является на землѣ не какъ ортодоксія, не какъ секта, а долженъ прорваться впередъ какъ свѣжій потокъ жизни“. Тѣмъ не менѣе и оппозиція противъ Маркса ведется безъ ущерба для марксизма; отрицается педантизмъ догмы, но остается еще что-то такое, что не позволяетъ соціалисту вполнѣ отречься отъ марксистской доктрины. Этотъ прочный остатокъ марксизма и есть его истинная сущность.

Величайшее и незамѣнимое пріобрѣтеніе, которымъ соціализмъ обязанъ Марксу, заключается въ основномъ взглядѣ на капиталистическій строй, какъ на преходящую историческую форму народнаго хозяйства, имѣющую свое начало и свой неизбѣжный конецъ. Всѣ отдѣльныя теоріи и выводы Маркса, его общее философское міросозерцаніе, его матеріалистическое пониманіе исторіи, его идеи о классовомъ сознаніи и классовой борьбѣ могутъ быть обсуждаемы вкривь и вкось, но нѣтъ уже споровъ между соціалистами относительно исторической природы и недолговѣчности капитализма. Именно это представленіе о временномъ, преходящемъ характерѣ капиталистической системы хозяйства утвердилось въ умахъ подъ именемъ и знаменемъ марксизма. Соціалисты стараго типа доказывали, что существующій порядокъ народно-хозяйственной жизни никуда не годится, что онъ полонъ внутреннихъ противорѣчій и несправедливостей, что необходимо замѣнить его другимъ, болѣе совершеннымъ и благотворнымъ. Многіе соглашались съ этими доводами, но невольно останавливались предъ мыслью, что данный общественный строй выработался и держится съ давнихъ временъ, что онъ соотвѣтствуетъ, вѣроятно, природѣ вещей и во всякомъ случаѣ имѣетъ преимущество прочности предъ всякимъ искусственнымъ построеніемъ, какъ бы заманчиво оно ни было. Что плохой существующій порядокъ самъ носитъ въ себѣ элементы своего разложенія, что онъ составляетъ только переходный фазисъ хозяйственнаго развитія и неминуемо долженъ переродиться въ нѣчто другое, лучшее и высшее, и что надо только содѣйство-

вать этому перерожденію по мѣрѣ возможности, — это драгоцѣнное для соціализма сознаніе впервые внесено и ясно формулировано Марксомъ, и оно уже неотдѣлимо отъ марксизма.

Лучшій и наиболѣе объективный изъ ученыхъ истолкователей марксизма, профессоръ Зомбартъ, съ наибольшею отчетливостью опредѣлилъ его значеніе въ вышедшей недавно брошюрѣ по поводу двадцатипятилѣтія со времени смерти Маркса. Въ 1883-мъ году, когда умеръ Марксъ, буржуазные нѣмецкіе экономисты считали его уже давно и основательно опровергнутымъ; а между тѣмъ только съ того времени начинаетъ имъ заниматься научная литература. До 1883-го года насчитывалось всего около 20 сочиненій о Марксѣ; съ тѣхъ поръ до 1904 го года ихъ появилось 280, изъ которыхъ 58 приходится на 1884—1894 гг., 214 на 1895—1904 гг. Изъ этого видно, что интересъ къ ученію Маркса въ литературѣ особенно усилился послѣ 1894 го года, т.-е. послѣ выхода третьяго тома „Капитала“. Въ послѣдній годъ жизни Маркса, въ 1882-мъ году, число голосовъ, поданныхъ за соціалистическихъ депутатовъ во всѣхъ странахъ земного шара, было менѣе полумилліона — 428.004; изъ нихъ третья доля упадала на Германію. Теперь въ одной Германіи соціалъ-демократія имѣетъ за собою болѣе трехъ милліоновъ избирателей, а во всѣхъ государствахъ считается не менѣе пяти милліоновъ соціалистическихъ голосовъ, за которыми стоятъ отъ 20 до 25 милліоновъ соціалистовъ. И эта исполинская армія труда находится подъ преобладающимъ вліяніемъ и руководствомъ марксистскихъ идей. Каковы бы ни были литературные и партійные кризисы марксизма, нельзя сомнѣваться въ томъ, что духъ Маркса господствуетъ въ умахъ и сердцахъ соціалистическихъ рабочихъ массъ. Господство это проявляется не въ церковно-догматическомъ смыслѣ, не въ повтореніи словъ и изреченій учителя, а гораздо глубже: соціалисты всѣхъ странъ молчаливо усвоили существенныя основы міросозерцанія Маркса и почитаютъ его какъ своего спасителя и вождя. „Сколько бы шуму ни дѣлали въ соціалистической церкви ревизіонисты, реформисты, революціонисты, всѣ они хотятъ лишь возстановить чистоту ученія, всѣ выдаютъ себя за истинныхъ марксистовъ, подобно тому какъ всѣ христіанскіе сектанты считаютъ себя наилучшими христіанами“. Марксъ не соблазняетъ рабочихъ изображеніемъ будущаго рая на землѣ при наступленіи царства труда. „Пролетаріямъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей,—говорилъ онъ, — пріобрѣсть они могутъ весь міръ“. Но нужна упорная неустанная борьба классовъ, чтобы очистить путь про-

летаріату и облегчить его завоеванія, и перспектива этой борьбы не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. О будущемъ устройствѣ общества Марксъ не даетъ никакихъ указаній и ни малѣйшихъ намековъ; эту область онъ всецѣло предоставляетъ мечтателямъ. Зомбартъ перечисляетъ его заслуги, какъ изслѣдователя элементовъ соціальной жизни въ ихъ взаимной связи и историческомъ развитіи, ярко разъяснившаго значеніе общественныхъ классовъ и указавшаго истинныя основы эманципаціи пролетаріата путемъ обобществленія орудій производства; но пока дѣло идетъ объ этихъ теоретическихъ работахъ Маркса, причина его великой популярности остается загадочной. Любопытно видѣть, какъ ученый хвалитель и поклонникъ Маркса тщетно старается объяснить исключительную власть его идей надъ массами простыхъ рабочихъ, весьма далекихъ отъ книжной науки. „Теорія Маркса такъ широко задумана, что она могла принять въ себя самыя различныя теченія. Именно потому, что Марксъ не выставлялъ никакой опредѣленной программы, что онъ не давалъ ясной картины желательнаго будущаго, что выполненіе частностей плана классовой борьбы онъ предоставлялъ усмотрѣнію каждаго, — именно потому онъ могъ сдѣлаться теоретикомъ соціальнаго движенія вообще, дать всему пролетаріату нѣчто, но нѣчто чрезвычайно важное — сознаніе своего значенія, вѣру въ свои силы, вѣру въ себя и въ свое будущее“. Вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ понятій о „народѣ“, „бѣдныхъ людяхъ“, о трудящихся массахъ, выдвинута точная и ясная идея пролетаріата, объединеннаго единствомъ классовыхъ интересовъ, единствомъ цѣли и средствъ. На этой почвѣ могло явиться и сознаніе единства международнаго. Въ активѣ Маркса были и фиктивныя цѣнности, которыя, однако, долго признавались реальными и цѣнились очень высоко, какъ напр. его знаменитая теорія цѣнности; всѣ знали, что Марксъ въ необыкновенно ученомъ трактатѣ доказалъ и выяснилъ эксплуатацію труда капиталистами, и „въ сознаніи простого человѣка наука, переплетаясь съ этикою, сообщала великій авторитетъ данному ученію: въ этомъ кроется одна изъ тайнъ, раскрытіе которыхъ помогаетъ понять побѣдоносную силу марксизма“. Въ настоящее время сверхъестественный ореолъ, окружавшій ученія Маркса, значительно потускнѣлъ и сократился; „не осталось почти ни одной составной части его теоріи, которая выдержала бы критику“. Но если какая-либо часть доктрины оказывается невѣрною, то вся она теряетъ значеніе, ибо разрушается вѣра въ нее, какъ въ откровеніе и

научную истину. Научный соціализмъ перестаетъ существовать, по мѣрѣ того какъ опровергаются его теоретическія основы. Между тѣмъ, „какъ разъ въ послѣдніе годы, одновременно съ крушеніемъ научнаго зданія Маркса, марксизмъ съ наибольшею горячностью провозглашается, по крайней мѣрѣ частью соціалистовъ, какъ истинное спасительное ученіе, — но уже въ новомъ смыслѣ, какъ теорія соціальной революціи". Правда, ученіе Маркса объ органическомъ, постепенномъ преобразованіи общества исключаетъ мысль о насильственныхъ, внезапныхъ переворотахъ; но Марксъ такъ многостороненъ и даетъ столько матеріала для самыхъ различныхъ умозаключеній, что всякій можетъ найти у него удобное для себя оружіе.

Такъ объясняется величіе того, что̀ сдѣлано и достигнуто Марксомъ въ практической сферѣ соціальнаго движенія. Еще труднѣе формулировать его роль и значеніе для науки. Нѣтъ такихъ научныхъ законовъ, которые бы открылъ или впервые установилъ Марксъ, — и вообще никакихъ непреложныхъ законовъ не существуетъ въ соціальной наукѣ. Марксъ не внесъ ничего новаго и прочнаго въ область экономической теоріи; но, изучая человѣка и человѣчество, онъ въ этой обширной области обнаруживаетъ удивительное богатство новыхъ и плодотворныхъ идей. Своимъ творческимъ духомъ онъ оживилъ соціальную науку, вывелъ политическую экономію изъ сѣтей туманнаго доктринерства и поставилъ ее на почву историческаго изученія и анализа хозяйственныхъ явленій. Онъ „создалъ понятіе хозяйственной системы и сдѣлалъ его предметомъ экономической науки, чѣмъ возвысилъ послѣднюю на степень науки соціальной; мало того, — онъ первый опредѣлилъ господствующую въ наше время хозяйственную систему въ ея специфическомъ своеобразіи, и такимъ образомъ ему принадлежитъ честь открытія капитализма". Типы предпринимателей и ихъ отношенія къ рабочимъ отражаются въ его книгахъ столь же ярко, какъ въ соціальныхъ романахъ Зола̀; въ отдѣльныхъ главахъ „Капитала" „кипитъ и бушуетъ жизнь", и какъ будто „пламя вырывается изъ вулкана". Никто другой изъ ученыхъ не дѣйствуетъ такъ на умы и не разбрасываетъ такой массы свѣта и знаній соціальныхъ, какъ Марксъ. И характеристика научныхъ заслугъ его заканчивается восторженнымъ диѳирамбомъ: „Въ одиночествѣ царитъ на высотѣ Карлъ Марксъ. Пусть изъ его твореній ни одно положеніе не останется въ силѣ: онъ на всѣ времена будетъ стоять предъ нашими глазами въ

своемъ величіи и предлагать намъ свои красоты для наслажденія“ [1]).

Корень вопроса о значеніи и силѣ марксизма затронутъ Зомбартомъ какъ бы мимоходомъ, въ словахъ объ „открытіи капитализма“. Марксъ дѣйствительно открылъ капитализмъ, но не для науки, а для рабочаго класса: онъ разоблачилъ предъ всѣми внутреннюю природу и безобразныя черты той капиталистической системы, которая по прежнимъ общепринятымъ представленіямъ воплощала собою культуру и прогрессъ, и этотъ разоблаченный, безпощадно-хищническій, облитый потомъ и кровью рабочихъ капитализмъ онъ бросилъ къ ногамъ пролетаріата, какъ будущую его добычу. Быть можетъ, въ наукѣ и не удержится теорія капитализма, какъ особой хозяйственной системы, свойственной лишь современной эпохѣ, и самое понятіе капитализма, пущенное въ ходъ впервые Луи Бланомъ, можетъ получить болѣе широкій и общій смыслъ. Еще менѣе относится къ области науки предсказаніе будущей судьбы капитализма и пролетаріата; но для рабочаго класса было въ высшей степени важно узнать—и узнать разъ навсегда,—что этотъ враждебный ему господствующій нынѣ, всесильный капитализмъ есть только преходящая хозяйственная форма, и что наступитъ день ея паденія, въ силу неотвратимыхъ законовъ историческаго развитія. Эта твердо укоренившаяся въ умахъ идея о будущей судьбѣ капитализма и пролетаріата, въ связи съ теоріею классовыхъ интересовъ и классовой борьбы, составляетъ всю сущность и все обаяніе марксизма въ глазахъ трудящихся массъ. Это и есть тотъ живой марксизмъ, которымъ воодушевляется рабочій классъ, а отдѣльныя теоріи Маркса, его спорные тезисы, разнообразныя изреченія и обобщенія служатъ обильнымъ матеріаломъ для безконечныхъ споровъ въ литературѣ. Теоретическій марксизмъ ученыхъ комментаторовъ и спорщиковъ можетъ выйти изъ моды и потерять значеніе, но отъ этого нисколько не проиграетъ здоровый жизненный марксизмъ пролетаріата.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Werner Sombart. Das Lebenswerk von Karl Marx. Iena, 1909.

ИТОГИ ССЫЛКИ

(Политическіе ссыльные въ Тобольской губерніи).

Массовая административная ссылка, захватившая, въ дни ликвидаціи освободительнаго движенія, въ свои широкія сѣти самые разнообразные элементы населенія, пережила уже, если можно такъ выразиться, первый срокъ. Для большинства она назначалась (въ 1905—1906 гг.) на три или на четыре года. Изъ числа временныхъ обитателей Сибири многіе возвращаются на старое пепелище съ запасомъ новыхъ впечатлѣній.

Для громаднаго большинства ссыльныхъ крестьянинъ-сибирякъ былъ таинственнымъ незнакомцемъ. Мы знали, что Сибирь не испытала крѣпостного права; ея крестьяне представлялись намъ гордыми, независимыми, передовыми по взглядамъ. Дѣйствительность нарисовала предъ нами нѣсколько иную фигуру сибиряка. Правда, въ немъ чувствовалось больше, чѣмъ въ россійскомъ мужикѣ, увѣренности въ себѣ, независимости, и не замѣчалось особаго почтенія къ начальству, къ „барину“. Но зато и другія черты открылись намъ при близкомъ знакомствѣ съ крестьяниномъ той мѣстности, гдѣ намъ пришлось поселиться.

При довольно низкомъ, въ общемъ, уровнѣ развитія и слабо распространенной грамотности, этотъ крестьянинъ обычно равнодушенъ ко всему, что̀ выходитъ за предѣлы его хозяйства. Онъ часто обнаруживаетъ необычайную практичность, прижимистость, страсть къ наживѣ. Богатыя, по сравненію съ россійскими, земельныя угодья, большіе участки луговъ и цѣннаго общественнаго лѣса дѣлаютъ здѣсь деревню далеко не похожей на то, что̀ мы привыкли видѣть въ Россіи. Крѣпкіе двухъэтажные дома съ „чистой половиной“ (для пріема гостей), устроенные по городскому (съ мебелью, картинами и неизбѣжными въ Сибири цвѣтами), крѣпкія, рослыя лошади, прочно-

налаженныя „коробки“ (таратайки для выѣзда)—все это говоритъ о болѣе спокойной, сытой, обезпеченной жизни. Средній крестьянинъ враждебно относится къ непрерывно льющейся въ Сибирь волнѣ переселенцевъ. Недоброжелательство это приводило не разъ къ жестокимъ, чуть не кровопролитнымъ конфликтамъ между суровыми „старожителями“ и переселенцами. Припоминаю, какъ разочарованы были нѣкоторые изъ ссыльныхъ, познакомившись съ такимъ, далекимъ отъ всякаго братства отношеніемъ сибиряка къ изголодавшемуся переселенцу. Вспоминали наказы сибирскихъ крестьянъ въ первую Государственную Думу, составленные въ духѣ трудовиковъ—и недоумѣвали. Удивительнаго здѣсь ничего нѣтъ,—успокаивали мѣстные люди.—Если наши крестьяне и писали приговоры и наказы „за отчужденіе“, то изъ чисто практическихъ соображеній: дадутъ мужикамъ земли въ Россіи, такъ они къ намъ не пойдутъ и переселенія уменьшатся.

Сибирякъ-дѣлецъ, на все взирающій съ точки зрѣнія „пользы“ и „выгоды“, сибирякъ, наивно-невѣжественный въ вопросахъ политической жизни, весьма скептически отнесся къ невиданному раньше массовому „нашествію иноплеменниковъ“ въ видѣ политической ссылки девятисотыхъ годовъ. И это становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнить составъ ссылки Николаевской эпохи, 70-хъ и послѣдующихъ годовъ—и сравнить съ необычайно-пестрымъ составомъ ссылки нашихъ дней.

Въ прежнія времена политическіе ссыльные представляли собою, въ большинствѣ, цвѣтъ общества. Вѣрные девизу „неоплаченнаго долга народу“, они приносили съ собой въ Сибирь свѣтъ знанія, практическія свѣдѣнія и высшую культуру; еще со временъ декабристовъ учили они грамотѣ, открывали школы, обучали ремесламъ, руководили постройками и т. п. Сибирякъ-практикъ отмѣтилъ эту положительную сторону политической ссылки прежнихъ лѣтъ. И тѣмъ сильнѣе было его разочарованіе при видѣ новой ссылки—дѣтища поспѣшной, безпорядочной массовой „ликвидаціи смуты“. Съ каждой новой, отливающей изъ Россіи волной „политическихъ“ составъ партій все болѣе и болѣе понижался въ качественномъ отношеніи. Въ концѣ концовъ пестрота ссылки, усердно пополняемой уголовными элементами, дошла до того, что населеніе переставало понимать, чѣмъ отличается уголовный отъ политическаго, и теряло уваженіе къ политическому ссыльному.

На ряду съ людьми партійными, людьми строго-опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, въ ссылку попалъ теперь большой контингентъ людей неокрѣпшихъ еще душой и мыслью, „случайныхъ революціонеровъ“, подхваченныхъ стремительнымъ потокомъ. И это было

вполнѣ естественно; но уголовные типы попали въ кругъ политическихъ ссыльныхъ со стороны, и сами политическіе ссыльные въ этомъ сюрпризѣ ничѣмъ не повинны.

Этотъ новый элементъ, какъ болѣзненный наростъ, жестоко отравившій весь организмъ ссылки и создавшій ей печальную репутацію среди сибирскихъ крестьянъ и горожанъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ особой тактикѣ мѣстныхъ властей, неустанно пополнявшихъ ряды политическихъ ссыльныхъ людьми съ несомнѣнно уголовнымъ прошлымъ. Чѣмъ дальше отъ первой Государственной Думы, тѣмъ пестрѣе дѣлался составъ ссылки: въ этапахъ, въ тюрьмахъ и „на мѣстахъ назначенія“ стали обнаруживаться и воры, и конокрады, и просто „темныя личности“, „искатели приключеній“. Что мѣстныя власти охотно приправляли политическую ссылку уголовщиной—это подтвердило не такъ давно такое компетентное и свободное отъ подозрѣній въ тенденціозности лицо, какъ бывшій тобольскій (въ настоящее время томскій) губернаторъ Н. Л. Гондати. Въ бесѣдѣ своей съ представителемъ газеты „Уральскій Край“ г. Гондати сказалъ, между прочимъ, что практика научила его строго различать дѣйствительно политическихъ ссыльныхъ отъ лже-политиковъ. Послѣдніе своимъ поведеніемъ дискредитируютъ имя политическаго ссыльнаго. На вопросъ сотрудника газеты, чѣмъ объясняетъ г. Гондати появленіе этого рода людей среди политическихъ, губернаторъ отвѣтилъ, что, во-первыхъ, и сами „уголовные типы“ старались причислиться „къ политикѣ“ и подъ этимъ флагомъ пройти въ ссылку: это обѣщало нѣкоторыя выгоды. Вѣдь не секретъ, что первое время ссыльнымъ помогали не только партіи, но и общество. А во-вторыхъ (и это важнѣе), мѣстныя власти подъ видомъ политическихъ высылали людей, изобличенныхъ въ проступкахъ уголовнаго характера; изъ деревень ссылались по общественнымъ приговорамъ, также подъ кличкой „политическихъ“, люди порочнаго поведенія. Отмѣтивъ, затѣмъ, ту почтенную роль, которую удалось выполнить въ Тобольской губ. политическимъ ссыльнымъ съ профессіональнымъ образованіемъ (врачамъ, фельдшерамъ, акушеркамъ, ветеринарамъ, адвокатамъ), которымъ въ селахъ и городахъ разрѣшена была практика, губернаторъ подчеркнулъ, что эта культурная, весьма добросовѣстно выполняемая работа заслужила признательность населенія. Но вотъ, „порочные элементы“ отравили существованіе даже самихъ ссыльныхъ! Въ видѣ иллюстраціи губернаторъ привелъ случай, когда группа политическихъ ссыльныхъ изъ с. Демьянскаго слезно просила его перевести ихъ куда-нибудь подальше отъ своеобразныхъ „товарищей“, ведущихъ себя въ деревнѣ отъявленными хулиганами.

Легко себѣ представить, каковы при этихъ условіяхъ стали отношенія

населенія къ политической ссылкѣ вообще. Цѣлый рядъ причинъ обострилъ ихъ. Между носящими званіе политическихъ находились такіе, которые тащили у крестьянъ что̀ попало. Одного этого было уже достаточно, чтобы озлобить населеніе противъ ссыльныхъ, вообще на волостныя правленія посыпался рядъ предписаній, обязывающихъ, подъ страхомъ штрафа или мѣсяцевъ тюрьмы, не давать ссыльнымъ ни лодокъ, ни подводъ, не переправлять ихъ на перевозахъ и т. д. И вотъ, налаживавшіяся было простыя, человѣческія отношенія стали портиться: лица нахмурились, въ воздухѣ запахло сыскомъ, подозрительностью, кой-гдѣ глухой непріязнью къ чужаку. „Отвѣчать вѣдь придется!..“

Отчетливо помню, какъ отразился „циркуляръ“ (объявленный подъ росписку всѣмъ домохозяевамъ) на обиходѣ моей жизни въ крошечной деревушкѣ на берегу Иртыша, гдѣ кромѣ меня былъ еще только одинъ „чужестранецъ“: крестьянинъ-аграрникъ М—ко. До циркуляра никто не препятствовалъ намъ кататься по рѣкѣ; охотно довѣряли лодку, давали и весла. Прогулки эти сильно скрашивали жизнь. Но вотъ пришла „бумага...“ и картина быстро измѣнилась. Лодки стали приковываться цѣпями къ столбамъ, весла прятали, и даже сами владѣльцы отказывались перевезти насъ на другой берегъ, гдѣ заманчиво синѣлъ могучій кедровый лѣсъ.

Сдѣлали мы съ М—ко попытку добыть лодку въ сосѣднемъ селѣ; но и туда, видно, дошла бумага. Едва мы приблизились къ избѣ рыбака, работавшаго въ огородѣ, намѣреваясь попросить лодку, какъ распахнулось окно и злобный, рѣзкій женскій голосъ прокричалъ: „Ты смотри, Степанъ, лодки-то не давай!..“—Хозяинъ смутился; а мы, молча полюбовавшись Иртышемъ, съ тяжелымъ, обиднымъ чувствомъ разошлись по своимъ угламъ.

Тутъ же вспоминается, какой переполохъ произвелъ въ нашемъ углу неожиданный визитъ ко мнѣ двухъ ссыльныхъ, явившихся провѣдать меня изъ сосѣдняго села. Въ исполненіе циркуляра, на перевозѣ ихъ „арестовали“ крестьяне и привели въ волость. Поздно вечеромъ вызвали меня туда же для выясненія личностей. Волостной писарь (важное лицо въ Сибири!) хлопоталъ уже надъ протоколомъ „о самовольной отлучкѣ“, настаивая на водвореніи моихъ гостей въ каталажкѣ. При возникшемъ оживленномъ обмѣнѣ мыслей писарь нашелъ себя оскорбленнымъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей“, приготовился составлять второй протоколъ; волостное правленіе наполнилось любопытствующимъ народомъ, и я не знаю, чѣмъ бы окончилась эта исторія, если бы старшина не разрѣшилъ моимъ гостямъ, „подъ мою личную отвѣтственность“, переночевать у меня. На всякій случай, однако, крестьяне рѣшили учредить охрану, и я былъ

немало удивленъ, узнавъ, что на половинѣ моего хозяина, въ тѣсной избѣ, ночевало трое понятыхъ, бодрствовавшихъ ночью по очереди. Утромъ прискакалъ оповѣщенный урядникъ и путешественниковъ увезли на парѣ, съ колокольцами, на мѣсто жительства. А мужики долго роптали на безпокойство изъ-за политиковъ.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда сами ссыльные не давали никакого повода къ осложненіямъ и „безпокойствамъ", и тогда складывалось полу-враждебное, недовѣрчивое отношеніе къ пришельцамъ. Практичный сибирякъ видѣлъ людей иной разъ „по барски" одѣтыхъ, не имѣющихъ занятій, не знающихъ ремесла — и, равнодушный къ тому, что̀ привело этихъ людей въ далекій сибирскій уголъ, смотрѣлъ на нихъ только съ точки зрѣнія „дохода". Тяжелая получалась картина, когда въ деревнѣ съ ссыльнаго, рѣдко получающаго изъ Россіи матеріальную помощь, крестьяне старались взять за все, что̀ только можно расцѣнить копѣйками, — вплоть до луковки или негодной рогожки. Цѣны на квартиры, на всѣ продукты съ поселеніемъ ссыльныхъ повышались, и очень значительно. Наблюдался часто такой курьезъ: въ подгородной деревнѣ молоко, яйца, зелень стоили дороже, чѣмъ въ городѣ, хотя туда нужно было еще проѣхать 20—30 верстъ и издержаться. Молчаливымъ соглашеніемъ деревня устанавливала на все „строгую" цѣну, ниже которой нельзя было нанять подводу въ городъ, купить хлѣба, яицъ, огурцовъ. Казалось, порой, что вы попали въ плѣнъ къ этимъ жаднымъ до рубля людямъ. Если, бывало, во дворъ къ моимъ хозяевамъ приходила съ чужого двора баба или дѣвочка-подростокъ съ курицей, ягодами, творогомъ и т. п., оберегающая свою монополію хозяйка набрасывалась на чужихъ и съ крикомъ, съ перебранкой выгоняла ихъ за ворота. При наймѣ помѣщенія въ деревнѣ заключенныя условія сплошь и рядомъ не выполнялись, а за каждый лишній шагъ, за каждый ржавый гвоздь, вбитый въ стѣну, требовались деньги и деньги.

Характерная запомнилась сценка при отъѣздѣ изъ деревни въ городъ. Въ комнату вошла „присмотрѣть" домовитая, елейно бесѣдующая хозяйка. Зоркимъ взглядомъ окинула она стѣны и окна и... попросила гривенникъ за надтреснутое въ оконной рамѣ стекло, хотя этотъ изъянъ былъ и до моего водворенія... Одинъ разъ при мнѣ на ссыльнаго, отказавшагося уплатить домохозяину деньги за работу, условленную при наймѣ дачи, обозлившійся сибирякъ бросился съ кулаками... Пришлось баррикадироваться... Подобныя сцены оставляли въ душѣ тяжелый, горькій осадокъ.

Кромѣ жадности, пришлось встрѣтиться еще и съ другимъ врагомъ: съ рѣдкою умственной темнотой. Только ею можно объяснить нелѣпую легенду о политическихъ, какъ о колдунахъ, заговариваю-

щихъ тучи. Знакомый мнѣ политическій ссыльный Г. поселился съ семьей въ подгородней деревушкѣ, въ лѣто, отличавшееся бездождіемъ и засухой. Не менѣе другихъ страдая отъ нестерпимаго зноя, Г. уходилъ иногда съ книгой въ чащу лѣса или шелъ купаться въ деревенскомъ пруду. И вотъ, неизвѣстно кѣмъ пущенный вздорный слухъ о „заговорѣ“ породилъ, какъ камень, брошенный въ воду, круги, все шире и шире расходившіеся по селу. Изъ устъ въ уста передавалась легенда, гласившая, что „политическій“ отводитъ тучи. По книгѣ, вишь, въ лѣсу вычитываетъ заговоръ. А то какъ купаться идетъ, беретъ простыню—возьметъ, развернетъ ее противъ солнца и заклинанія читаетъ. Сначала казалось смѣшнымъ придавать какое-либо значеніе нелѣпымъ розсказнямъ. Но въ нахмурившейся деревнѣ чувствовалась уже какая-то скрытая, затаенная вражда. Разрѣшилось это напряженное состояніе совершенно неожиданнымъ нападеніемъ на Г., возвращавшагося съ купанья. На встрѣчу ему попался немного подвыпившій мелкій подрядчикъ, почетный гость деревни, строившій часовню. Наэлектризованный „слухами“, онъ бросился на Г. и, осыпая его ругательствами за „порчу воды“ купаньемъ и за „отводъ тучъ“, сталъ вырывать у него простыню, схватилъ его за воротъ, требовалъ къ старостѣ.—„Кто позволилъ воду поганить?.. Давай бумаги сюда!.. Знаемъ мы васъ, политиковъ!“—кричалъ крестьянинъ. Выбѣжавшей на шумъ политической ссыльной разошедшійся во всю хулиганъ нанесъ два удара по лицу. Горько было видѣть, что изъ числа тутъ же на улицѣ работавшихъ крестьянъ-плотниковъ ни одинъ не двинулся съ мѣста.

Ближайшимъ послѣдствіемъ дикаго нападенія было то, что подрядчикъ, сообразивъ, видимо, что онъ нѣсколько переусердствовалъ, и желая вмѣшать въ дѣло политику, поскакалъ въ городъ съ доносомъ на Г., якобы распространявшаго среди населенія нелегальныя брошюры. На другой же день явился приставъ для обыска и допроса. Доносъ, конечно, не подтвердился, но все же... приходилось думать о томъ, чтобы благополучно выбраться изъ „неблагополучнаго мѣста“.

Тяжело было въ деревнѣ, но не легче бывало и въ городѣ, гдѣ прежнее, въ общемъ хорошее отношеніе къ ссыльнымъ, подъ вліяніемъ надвигавшейся реакціи и пестроты ссылки быстро пошло на убыль. Тѣ, кто попалъ въ ссылку въ лучшіе дни, дни первой Думы, могли наблюдать за послѣдующіе три года поучительную „эволюцію“ въ отношеніяхъ городского общества къ ссыльнымъ. Какъ странный сонъ вспоминается, напримѣръ, выступленіе перваго большого (въ 200 человѣкъ) этапа, отправленнаго водой въ сѣверные уѣзды Тобольской губерніи, на приспособленной для путешествія баржѣ. Остававшіеся расположились въ верхнемъ этажѣ тюрьмы, у оконъ, выходящихъ на улицу,

организовали хоръ, выкинули импровизированное красное знамя—и дружное хоровое пѣніе, съ словами, нынѣ нигдѣ не произносимыми, бодро неслось изъ-за рѣшетокъ все время, пока партію собирали. А отъ тюрьмы, по всему пути до пристани, стояла публика, съ преобладаніемъ молодежи; на пристани встрѣтили уходившихъ марсельезой и напутствовали ихъ горячими пожеланіями и пѣніемъ. Въ отвѣтъ гремѣла пѣсня и на отплывавшей баржѣ... Болѣе реально чувствовалось за стѣнами тюрьмы сочувствіе общества — въ помощи различныхъ видовъ. При участіи представителей мѣстной интеллигенціи и свободомыслящей буржуазіи организовался „Кружокъ помощи политическимъ ссыльнымъ“. И — незабвенныя времена! — даже въ маленькомъ, тихомъ сибирскомъ городкѣ бюджетъ „кружка“ доходилъ въ то время до 2 — 3 тыс. рублей; бывали случаи присылки по 500 рублей. Помнится еще, какъ, пріѣхавъ въ Т. на „артельную квартиру“ ссыльныхъ, я былъ пріятно пораженъ. Ссыльнымъ были предоставлены нижній этажъ большого барскаго дома, флигель во дворѣ и прекрасный, тѣнистый садъ. И хозяинъ дома, мѣстный помѣщикъ, наѣзжая иногда изъ деревни, встрѣчалъ каждое новое лицо „артели“ такъ просто, привѣтливо, внимательно. Радушный пріемъ ожидалъ первые этапы ссыльныхъ и „въ губерніи“ — въ Тобольскѣ, резиденціи генералъ-губернатора. Баржу съ ссыльными встрѣчала многочисленная публика; ссыльныхъ снабжали деньгами, одеждой, провизіей, газетами. Нѣсколько позже, когда мнѣ пришлось пройти черезъ Тобольскъ, я испыталъ на себѣ пріязненное, заботливое отношеніе людей мѣстнаго общества, и, что особенно любопытно—людей изъ бюрократическихъ сферъ.

Съ какой рѣдкой готовностью шла тогда сибирская интеллигенція на встрѣчу политическимъ ссыльнымъ, это покажетъ маленькій, но характерный эпизодъ (1906-го года). Въ Челябинскѣ, гдѣ нашъ этапъ съ недѣлю ждалъ очереди, мнѣ понадобилось посовѣтоваться съ врачемъ-спеціалистомъ по нервнымъ болѣзнямъ. Тюремное начальство разрѣшило пригласить его изъ города „за свой счетъ“, и вотъ въ одинъ прекрасный день меня вызвали въ контору „къ доктору!“ Я предсталъ передъ врачемъ, встрѣтившимъ меня участливо; подробно и внимательно разспросилъ онъ меня о болѣзни, прописалъ рецептъ. Когда я, прощаясь съ докторомъ, приготовился вручить ему гонораръ, онъ, деликатно отклонивъ это, тутъ же, къ моему удивленію, всунулъ мнѣ въ руку, „волнуясь и спѣша“, кредитный билетъ, пробормотавъ:

— Вѣдь вы издалека... Долгій путь предстоитъ!.. Нуждаетесь.— Я протестовалъ, говоря, что настолько я пока не нуждаюсь.

— Но товарищи-то нуждающіеся есть, вѣроятно? — настаивалъ врачъ.

Съ этимъ пришлось согласиться; я наскоро попрощался съ рѣдкимъ врачемъ, уплачивающимъ гонораръ паціентамъ, и черезъ нѣсколько минутъ разсказывалъ уже въ общей камерѣ исторію десятирублевки. При общемъ ликованіи она была записана на приходъ въ товарищескую кассу взаимопомощи.

Такъ было въ то время. И совсѣмъ не то стало теперь. Упала волна сочувствія, опустѣли товарищескія кассы. И ко всему этому прибавилось еще огульное, рѣзкое порицаніе *всей* политической ссылки, награждаемой общей презрительной кличкой „шпана“. Разочарованный и напуганный обыватель накрѣпко захлопнулъ передъ нею дверь.

Тяжела стала жизнь въ обывательскомъ мірѣ. Квартирохозяева совсѣмъ не пускали къ себѣ ссыльныхъ; любители устраивали „слѣжку“, пробовали бѣгать въ полицію съ доносами. И этому подражала иной разъ и прислуга.

Правда, были и свѣтлыя пятна на этомъ мрачномъ фонѣ: трудовой культурный слой сибирскаго городка—развитые рабочіе, приказчики, выгодно отличающіеся отъ обывателей стремленіемъ къ знанію и объединенію для защиты профессіональныхъ интересовъ, конторщики, фармацевты, наконецъ учащаяся молодежь старшихъ классовъ. Изъ этой среды политическіе ссыльные слышали даже въ годы реакціоннаго поворота не огульное обвиненіе въ „хулиганствѣ“, не презрительную бранную кличку, а привѣтливые, дружескіе голоса. И въ то время, когда состоятельный буржуазный слой общества, охладѣвъ къ политикѣ вообще, оставался спокойно-равнодушнымъ къ вопросу о помощи ссыльнымъ и заключеннымъ, предоставляя ихъ своей судьбѣ, изъ грошей трудящихся людей главнымъ образомъ создавалась посильная матеріальная поддержка въ все возрастающей нуждѣ. Но общеніе съ ними, хотя бы и чуждое всякой политики (дѣлались попытки устройства литературныхъ бесѣдъ, вечеровъ и т. п.), встрѣчало препятствія и давалось не легко. Примѣромъ этого можетъ служить заботами властей созданное вытѣсненіе политическихъ ссыльныхъ изъ числа членовъ скромнаго Т—скаго потребительскаго общества. Вошедшіе въ нарождавшійся кооперативъ ссыльные были встрѣчены въ немъ какъ желанные гости и приняли дѣятельное участіе въ организаціонной работѣ. Но вмѣшались власти; начались гоненія на кооперативъ, обыски и наконецъ—распоряженіе объ исключеніи изъ него всѣхъ политическихъ ссыльныхъ (внесшихъ уже членскіе взносы). Ссыльные протестовали, ссылаясь на извѣстный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, разрѣшающій ссыльнымъ участвовать въ научныхъ экспедиціяхъ и въ частныхъ обществахъ; но практическаго значенія протестъ не имѣлъ.

Въ итогѣ среда трудовой интеллигенціи оказалась для ссыльныхъ если не совсѣмъ закрытой, то сильно забронированной.

А „своя среда“, эта когда-то цѣльная и за рѣдкими исключеніями чистая семья, стала выдвигать такихъ, никогда прежде не виданныхъ уродовъ, что приходилось бѣжать отъ нихъ, закрывъ глаза и уши, въ свой уголъ. Страшно стало не то, куда сошлютъ, а то, съ кѣмъ сошлютъ. Жестокое разложеніе произвела новая административная тактика внутри современной ссылки...

Ан. Орловскій.

ДВА ВОПРОСА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА

I.

Одна изъ причинъ обѣднѣнія Россіи заключается въ томъ, что сельско-хозяйственное населеніе, составляющее $^9/_{10}$ всего населенія имперіи, работаетъ не регулярно цѣлый годъ, а какъ бы запоемъ, 3—4 мѣсяца. Крестьянинъ, поэтому, не только не можетъ отложить сбереженій, но часто не въ состояніи прокормить себя лѣтней работой.

Многіе, сознавая великое зло избыточнаго зимняго досуга, старались парализовать это зло поощреніемъ кустарныхъ производствъ. Но всѣ попытки распространенія кустарной промышленности и различные способы покровительства ей не могли, да и не могутъ оказать замѣтнаго вліянія на народное благосостояніе. Нѣкоторые кустарные промыслы до такой степени противорѣчатъ прогрессу техники, что силою обстоятельствъ обречены на исчезновеніе.

Громадный зимній досугъ сельскаго населенія—явленіе ненормальное; онъ явился вслѣдствіе того, что все хозяйство обосновывается у насъ на зерновой культурѣ. Въ другихъ странахъ — Даніи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ,—зимою идетъ повсюду усиленная работа по уходу за животными и кормленію ихъ. Россія нуждается въ настоящее время въ салѣ, шерсти, кожахъ, мясѣ; и вотъ, къ стыду нашему, мы начали всѣ эти продукты привозить изъ-за границы. Недавно, напримѣръ, появилась въ продажѣ американская солонина, которая въ Петербургѣ продается дешевле русской. Такого рода явленія не имѣли бы мѣста, еслибы русскіе хозяева обратили вниманіе на животноводство и на воздѣлываніе кормовъ.

Если животноводство въ Россіи сравнить съ двумя конкуррентами нашими на международномъ рынкѣ, Австраліей и Соединенными Штатами, то, опредѣляя количество сельско-хозяйственныхъ животныхъ на 100 жителей, по даннымъ за 1901-ый годъ, получимъ слѣдующія сопоставленія:

	На 100 жителей приходится штукъ.		
	Россія.	Соед. Штаты.	Австралія.
Рогатый скотъ . . .	39	89	225
Лошади	24	28	46
Овцы.	65	81	1912
Свиньи	12	82	25
Итого.	140	280	2208

Такимъ образомъ оказывается, что общее количество животныхъ, приходящееся на 100 жителей, въ Соединенныхъ Штатахъ вдвое больше, а въ Австраліи—почти въ 16 разъ больше, чѣмъ въ Россіи. При этомъ, кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что качество животныхъ въ обѣихъ приведенныхъ странахъ выше, чѣмъ у насъ.

Малое количество сельско-хозяйственныхъ животныхъ въ Россіи повело къ тому, что мы вынуждены покупать у иностранцевъ такіе продукты, которые могли бы сами производить въ избыткѣ, напр. сало, шерсть, кожи, воскъ. Если мы заглянемъ въ отчеты таможеннаго департамента, то увидимъ, что, напр., въ 1907-мъ году въ Россію было ввезено сала на $7^1/_2$, кожъ — на $10^1/_4$, шерсти — на $30^1/_4$, бараньихъ шкуръ—на $2^1/_4$, воска—на 4,8, шелка сырца—на $17^1/_2$ милл. рублей. Такимъ образомъ игнорированіе животноводства въ Россіи имѣло послѣдствіемъ, что наше отечество, при своихъ возрастающихъ потребностяхъ, попадаетъ въ зависимость отъ другихъ странъ даже по отношенію къ такимъ продуктамъ, которые оно могло бы производить само. Направить дѣятельность сельскаго населенія на производство животныхъ продуктовъ было бы задачей, вытекающей изъ экономическихъ потребностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ это вопросъ великой государственной важности. Животноводство можетъ дать работу сельскому населенію въ теченіе долгой зимы, увеличить въ значительной степени благосостояніе деревни, уничтожить избыточный досугъ и парализовать бездѣйствіе, въ которомъ обрѣтается деревенскій людъ большую часть зимняго сезона.

Само собой разумѣется, что въ разныхъ мѣстностяхъ имѣютъ значеніе различныя отрасли животноводства. Въ большинствѣ мѣстностей такою отраслью является скотоводство съ молочнымъ хозяйствомъ, въ другихъ—коневодство, мѣстами—овцеводство, свиноводство; птицеводство, козоводство, кролиководство, пчеловодство, шелководство также могутъ дать постоянный и серьезный заработокъ населенію.

Всѣ перечисленныя отрасли животноводства теперь развиваются, совершенствуются, требуютъ отъ хозяина спеціальныхъ познаній и столько работы, что объ избыткѣ досуга, а тѣмъ болѣе о кустарныхъ промыслахъ, и думать будетъ некогда.

Но достигнуть развитія животноводства нелегко; справиться съ этой задачей можно лишь путемъ общихъ и дружныхъ усилій образованныхъ людей. Только посредствомъ коллективной работы дѣятелей, которымъ дорого развитіе нашего отечества, можно разрѣшить указанную проблему и тѣмъ самымъ оказать существенное содѣйствіе поднятію благосостоянія многомилліоннаго деревенскаго населенія.

II.

Во время путешествія по степямъ юго-восточной Россіи, напр. въ Воронежской губ., Донской области и сосѣднихъ съ ними губерніяхъ, невольно обращаешь вниманіе на разрушительное дѣйствіе вѣтра. Хотя черноземъ степей и заключаетъ въ себѣ огромный запасъ плодородія, но у этого чернозема есть врагъ—вѣтеръ. Пока степь тверда или покрыта деревьями, вѣтеръ ничего не можетъ съ ней сдѣлать; но какъ только почва обнажена, взрыхлена и осталась безъ защиты, такъ и начинается разрушительная работа вѣтра.

Если ѣхать изъ Москвы по направленію къ Воронежу, то степи начинаются около Ряжска; мѣстность здѣсь ровная, балокъ и оврагов не видать. Къ Козлову появляются овраги, а дальше къ Воронежу число ихъ увеличивается; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ лѣса, древесная растительность встрѣчается лишь по балкамъ, около селеній. За станціей Лиски на Дону степь становится совершенно безлѣсной и безлюдной; появляются возвышенности съ мѣловыми обнаженіями.

Въ такихъ мѣстностяхъ вѣтры, не встрѣчая никакихъ преградъ, разгуливаютъ по всѣмъ направленіямъ. Дождей здѣсь мало; почва, подъ вліяніемъ постоянныхъ вѣтровъ, быстро изсушается. Высушенный верхній слой почвы дѣлается добычей вѣтра: мелкія частицы то-и-дѣло подхватываются съ поверхности земли и уносятся вѣтромъ вдаль. Въ сухіе дни надъ степью стоитъ точно мгла: все необозримое пространство, отъ одного края горизонта до другого, наполнено тонкой пылью; пыль эта плаваетъ въ воздухѣ, затрудняетъ дыханіе, забиваетъ глаза и всѣ поры тѣла. Если пойти по полямъ и гдѣ-нибудь остановиться, то сейчасъ же можно замѣтить, какъ вокругъ ногъ и далѣе кругомъ катятся песчинки, гонимыя вѣтромъ, а мелкія частицы, точно кто ихъ хватаетъ невидимыми щипцами, под-

нимаются надъ поверхностью, кружатся и затѣмъ исчезаютъ. Съ этими частицами улетаетъ плодородіе: почва лишается самыхъ цѣнныхъ для питанія растеній матеріаловъ.

Не такъ давно еще, лѣтъ 30—40 назадъ, воронежскія степи были покрыты ковылемъ и другими прочными травами; онѣ образовали покровъ, который защищалъ почву отъ выдува. Теперь не то. Все хозяйство степняковъ состояло въ распашкѣ новыхъ и новыхъ площадей; и вотъ, черезъ 30—40 лѣтъ такого неразумнаго хозяйничанья получились громадныя распаханныя пространства, ковыли отошли въ область преданій и обнаженная, ничѣмъ незащищенная почва сдѣлалась добычею вѣтровъ.

Разрушительная работа вѣтра не можетъ продолжаться вѣчно; скоро скажутся ея результаты, мѣстами они видны и теперь. На многихъ пригоркахъ поля заброшены; тамъ не только ничего не родится, но и сорная растительность появляется съ трудомъ, ибо весь растительный слой сдутъ, а осталась твердая бѣловатая подпочва, которая уже ничего не родитъ. И такихъ мѣстъ становится все больше и больше.

И давно ли, подумаешь, началось хозяйство русскихъ людей въ южныхъ степяхъ. Вотъ ужъ именно, какъ говорится—„безъ году недѣля“. А между тѣмъ результаты хозяйства таковы, что невольно задумываешься надъ будущимъ этого громаднаго района. Какая-то злая судьба тяготѣетъ надъ русскимъ племенемъ: гдѣ ни появятся русскіе люди, начинается не созидательная работа, не творческій трудъ вносится въ мать сыру-землю, а воцаряется какое-то разрушеніе и безжалостное истребленіе вѣковыхъ богатствъ природы. Посмотрите на Сибирь, въ особенности на Приамурскій край. До прихода русскихъ тамъ были непроходимые лѣса, безконечная тайга; но какъ только появились первые переселенцы, лѣса подверглись энергичному уничтоженію, и притомъ не топоромъ, а огнемъ. Было бы еще понятно, если бы населеніе вырубало лѣсъ для продажи, для заведенія пашенъ. Нѣтъ, лѣса просто жгли, пуская постоянно такъ называемые „палы“; тайга выгорала на десятки и сотни верстъ, придавая странѣ какой-то мертвенный, зловѣщій видъ. Неразумное истребленіе лѣсовъ повело къ тому, что въ такихъ городахъ, какъ Хабаровскъ и Благовѣщенскъ, за дрова жителямъ приходится платить такія же цѣны, какъ и въ Петербургѣ. Подобное же расхищеніе природныхъ запасовъ наблюдается и въ южныхъ степяхъ. Сколько времени природа накопляла этотъ тучный, удивительный черноземъ; прошли вѣка—нѣтъ, не вѣка, а тысячелѣтія, прежде чѣмъ образовались эти черные полуторааршинные пласты богатѣйшей почвы. Но вотъ, появились русскіе—и богатству природы пришелъ конецъ: нѣ-

сколько десятковъ лѣтъ хозяйничанья—и вмѣсто богатѣйшаго чернозема образуются безплодные пустыри. И не столько земля выпахана, сколько она выдута. Никто не думалъ, что вѣтеръ, бывающій во многихъ случаяхъ другомъ человѣка, здѣсь оказался врагомъ его. Точно месть какая-то за неумѣлое хозяйничанье.

Описанное мною явленіе имѣетъ крупное государственное значеніе и должно привлечь къ себѣ вниманіе правительства, земства и общества. Оно не только затрогиваетъ судьбы сельскаго хозяйства, но касается будущности громаднаго степного района. Люди практики и люди науки должны соединиться на борьбу съ надвигающимся бѣдствіемъ.

Однимъ изъ главныхъ средствъ борьбы должно быть признано *облѣсеніе* степей. Древесная растительность окажетъ полезное вліяніе въ трехъ направленіяхъ: она создастъ преграду вѣтрамъ и значительно ослабитъ ихъ порывистость, закрѣпитъ и улучшитъ почву, увеличитъ количество лѣсныхъ матеріаловъ, которые такъ дороги въ степяхъ. Конечно, создать преграду вѣтрамъ нельзя въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ. Чтобы достигнуть цѣли, необходимо образовать лѣсныя полосы, группы, куртины, боры и изгороди, обративъ подъ древесныя посадки всѣ свободныя площади. Надо сажать деревья вездѣ, гдѣ только представится малѣйшая къ тому возможность, обсадить всѣ дороги и всѣ мѣста общаго пользованія; во многихъ случаяхъ придется намѣтить особые вѣтроупорные участки, расположенные перпендикулярно къ господствующимъ вѣтрамъ и повторяющіеся параллельно черезъ извѣстные промежутки. Для такихъ полосъ, можетъ быть, придется землю принудительно отчуждать, но и передъ этимъ не слѣдуетъ останавливаться.

Въ то же время слѣдуетъ принять самыя энергичныя мѣры къ сохраненію отъ сплошныхъ вырубокъ тѣхъ лѣсныхъ пространствъ, которыя еще уцѣлѣли. Всѣ такіе лѣса и боры необходимо объявить защитными и заповѣдными, допуская въ нихъ только выборочную рубку. Это необходимо сдѣлать теперь же, чтобы остановить истребленіе остатковъ лѣсной растительности, происходящее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ юго-восточной половинѣ Бирючскаго уѣзда раскинулись, напр., владѣнія графа Шереметева, площадью больше 100.000 десятинъ. Недавно это имѣніе перешло къ Крестьянскому Банку, но лѣса почему-то проданы на срубъ; такимъ образомъ исчезаютъ послѣднія куртинки древесной растительности, разбросанныя въ той части Бирючскаго уѣзда, и громадная площадь бывшихъ шереметевскихъ земель дѣлается достояніемъ вѣтра. Недавно мнѣ случилось быть въ этой мѣстности и я видѣлъ громадныя тучи пыли, поднимавшіяся надъ землей и гонимыя буйнымъ вѣтромъ къ Азовскому морю. Съ

этими тучами пыли уносятся остатки плодородія обездоленнаго уѣзда. Не надолго хватитъ вѣтрамъ работы: скоро обнажится твердая каменистая подпочва, съ которой даже ураганъ ничего не возьметъ.

Въ виду огромной важности разсматриваемаго вопроса и общегосударственнаго его значенія правительство должно проявить наибольшее участіе и иниціативу. Лѣсному вѣдомству необходимо создать цѣлую сѣть степныхъ питомниковъ и сформировать армію лѣсныхъ инструкторовъ, которые бы всюду руководили посадками и уходомъ за лѣсной растительностью. Затѣмъ придется пересмотрѣть и дополнить лѣсное законодательство, въ смыслѣ поощренія лѣсоразведенія въ степяхъ и усиленія наказанія за истребленіе деревьевъ.

Само собою разумѣется, что къ этому дѣлу должны быть привлечены земскія учрежденія, сельско-хозяйственныя общества и частные владѣльцы. Необходимо организовать во всѣхъ степныхъ районахъ ежегодные съѣзды лѣсничихъ, лѣсовладѣльцевъ и другихъ лицъ, заинтересованныхъ въ лѣсоразведеніи, для обсужденія мѣръ борьбы съ грознымъ врагомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ надо предпринять и нѣкоторыя воспитательныя мѣры. Надо внѣдрять въ населеніе любовь къ деревьямъ, бережливое отношеніе къ лѣсной растительности. Этому намъ слѣдовало бы поучиться у нашихъ бывшихъ враговъ — японцевъ. Въ Японіи берегутъ каждое дерево, каждый кустъ, окружая ихъ заботливымъ уходомъ. Когда въ окрестностяхъ г. Нагасаки строили каменную стѣну вокругъ казенныхъ складовъ, проектированная стѣна направлялась какъ разъ на одну живописную сосну. И что же! при утвержденіи проекта постройки было приказано обойти сосну, сдѣлать по линіи стѣны два уступа.

На свѣтѣ нѣтъ ничего непреодолимаго. Изъ бывшихъ когда-то варваровъ образовались передовые культурные народы; такъ точно и изъ *лѣсоистребителей* можно создать *лѣсохранителей*. Лучшее огражденіе деревьевъ отъ истребленія любовь къ этимъ деревьямъ со стороны мѣстнаго населенія. Надо внѣдрять это чувство въ населеніи, путемъ устройства праздниковъ древонасажденія, путемъ заведенія школьныхъ, церковныхъ, кладбищенскихъ и другихъ садовъ общественнаго характера; желательно также устройство бесѣдъ и публичныхъ лекцій, снабженіе популярными книжками.

Объединившись общей думой и общей работой, мы справимся съ опаснымъ зломъ и не только перестанемъ расхищать природное достояніе, но и оставимъ землю нашимъ потомкамъ не въ разоренномъ, а благоустроенномъ видѣ, чтобы дѣти наши вспоминали отцовъ своихъ не какъ хищниковъ истребителей, а какъ работниковъ-созидателей.

Н. Крюковъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ странѣ вновь установилось полное политическое безмолвіе. Пространство громадное, тишина настороженная. Естественно, что всякій громкій, смѣлый крикъ долженъ раздаваться гулко и раскатисто. Политическія восклицанія и нѣкоторыя выступленія (или, по крайней мѣрѣ, открытыя подготовленія къ нимъ) возможны сейчасъ въ Россіи только для одной политической группы: для „союза русскаго народа“. Руководители союзниковъ прекрасно понимаютъ свое привилегированное, исключительное положеніе и въ своихъ прокламаціяхъ настойчиво подчеркивали—до самаго послѣдняго времени—именно эту сторону, соблазняя вербуемыхъ ими членовъ высокимъ покровительствомъ. Въ газетахъ была недавно приведена прокламація, распространявшаяся среди населенія Полтавской губерніи по поводу полтавскихъ торжествъ. Въ этомъ воззваніи очень выпукло выдѣляются основныя ноты союзнической психологіи. Призывая населеніе къ объединенію подъ знаменами „союза русскаго народа“, прокламація напоминаетъ о благодарности, которую Государь, 16 февраля 1906 года, выразилъ всѣмъ русскимъ людямъ, примкнувшимъ къ союзу, и о телеграммѣ на имя А. И. Дубровина, въ которой союзъ русскаго народа названъ надежной опорой престола. „Пора—восклицаетъ прокламація—пора намъ услышать эти Царскіе призывы!“

Съ такимъ же или меньшимъ искусствомъ, а во многихъ случаяхъ и совсѣмъ безъ искусства, но во всѣхъ мѣстахъ Россіи вдохновители союза стараются словами и дѣйствіями подчеркнуть, что задача, возложенная на союзниковъ—особенная, исключительная, и поэтому результаты ихъ дѣятельности будутъ и для нихъ самихъ благодатны и не безвыгодны.

А такъ какъ политическая арена повсюду пустынна и безмолвна, то рѣзкіе, самоувѣренные голоса союзниковъ звучатъ громко. Многіе, наблюдая выпады союзниковъ, только смѣются. Но не мало найдется въ провинціи обывателей, которые въ значительной степени напуганы союзомъ и готовы во всякую минуту преклонить предъ нимъ голову. Въ концѣ концовъ, мнѣнія о союзѣ русскаго народа спутанны и разнорѣчивы. Однимъ онъ кажется большой политической силой, другимъ — вздутымъ, смѣхотворнымъ паясничествомъ. Одни думаютъ,

что роль союза во всякомъ случаѣ кончается („мавръ сдѣлалъ свое дѣло"), другіе полагаютъ, что она только еще начинается.

Провинціальныя газеты и провинціальные корреспонденты столичныхъ газетъ приводятъ разнорѣчивые факты о дѣятельности и ростѣ союза. „Отдѣлы союза русскаго народа—пишутъ, напримѣръ, изъ Тамбовской губерніи,—при усиленномъ содѣйствіи администраціи; по нѣкоторымъ уѣздамъ растутъ какъ грибы. Обыкновенно мѣстный исправникъ является учредителемъ отдѣловъ, а становые пристава, урядники, волостные старшины и священники—предсѣдателями отдѣловъ въ деревняхъ. По нѣкоторымъ уѣздамъ число отдѣловъ достигаетъ 15 и даже 20". Въ такомъ же смыслѣ и даже, по странному совпаденію, въ одинаковыхъ выраженіяхъ пишетъ корреспондентъ изъ Казанской губерніи: „Монархистамъ—нашимъ доморощеннымъ „спасателямъ отечества" стало въ городѣ тѣсно и они перенесли свою дѣятельность въ деревню. Отдѣлы монархическихъ организацій въ деревнѣ растутъ какъ грибы послѣ хорошаго дождя".

Въ этихъ корреспонденіяхъ чувствуется нѣкоторая тревога предъ растущей силой союзныхъ организацій. Но нравственный, такъ сказать, вѣсъ этой политической силы обрисовывается въ обычныхъ краскахъ. „Все, что есть въ деревнѣ наглаго, буйнаго,—говоритъ казанскій корреспондентъ,—идетъ въ отдѣлы союза". Далѣе разсказывается о поборахъ съ населенія, вымогательствахъ, доносахъ. Всего чаще доносы имѣютъ неосмысленный, каррикатурный характеръ. Результаты, однако, вытекаютъ изъ нихъ для населенія довольно тяжкіе. Корреспонденція разсказываетъ о двѣнадцати крестьянахъ, арестованныхъ и заключенныхъ въ чистопольскую тюрьму. Доносъ гласилъ о нихъ, что они „рѣшили уничтожить существующее государственное управленіе и избрать еврейскаго царя". Арестованнымъ предъявили обвиненіе по 102 ст. уг. ул. Крестьянамъ уже мерещилась каторга. Къ счастью, слѣдователь обнаружилъ вздорность и ложность доноса, и крестьянъ, послѣ полуторамѣсячнаго заключенія, освободили. „И хорошо отдѣлались: попали слѣдователю,—справедливо заключаетъ корреспондентъ,—а не пошло дѣло въ административномъ порядкѣ. Тогда пришлось бы имъ познакомиться съ олонецкими болотами или сибирскими тундрами".

Тамбовскій корреспондентъ подробно разсказываетъ о подвигахъ секретаря изосимовскаго отдѣла союза русскаго народа въ Козловскомъ уѣздѣ. Кажется, должность помощника волостного писаря небольшая, а Соколовъ—сила, и наводитъ страхъ на окружныя деревни. Соколовъ—союзническое начальство и оберъ-сыщикъ. Соколова всѣ боятся, такъ какъ онъ занимается доносами и по одному его слову людей сажаютъ въ тюрьму или высылаютъ изъ предѣловъ губерніи. За одну зиму изъ д. Александровки было выслано пять человѣкъ, а ше-

стой посаженъ въ тюрьму, И среди нихъ—одинъ слѣпой 70-лѣтній старикъ, другой—глухой 62-хъ лѣтъ, третій—61 г. А Соколовъ ходитъ по деревнѣ и хвастается: вотъ онъ каковъ, посадилъ людей въ тюрьму. Подъ угрозой тюрьмы и высылки онъ проситъ у крестьянъ на водку, и всѣ даютъ. „Наша деревня маленькая,—жалуются крестьяне д. Александровки,—всего 50 дворовъ, а у насъ уже посажено въ тюрьму и выслано 13 человѣкъ, и всѣ благодаря Соколову. Кромѣ тюрьмы Соколовъ стращаетъ крестьянъ и поркой. Въ прошломъ году онъ вызвалъ стражниковъ, и они выпороли 5 человѣкъ, причемъ для приведенія въ сознаніе выпоротыхъ отливали водой". Въ концѣ концовъ крестьяне рѣшились обратиться съ жалобой къ судебному слѣдователю. Но послѣдовалъ новый доносъ—и самъ слѣдователь попалъ подъ судъ, изъ котораго послѣ долгой волокиты еле выбрался оправданнымъ.

Таковы заурядные факты современной русской жизни. Было бы утомительно приводить ихъ къ ряду одинъ за другимъ. Но если ихъ дѣйствительно много, если они дѣйствительно заурядны и повсемѣстны, то вѣдь намѣчается такая мрачная картина общерусской жизни, предъ которой замутнится отчаяніемъ душа самаго жизнерадостнаго оптимиста. Въ тлетворной дѣятельности союза русскаго народа худшій видъ политики тѣсно переплетается съ бытомъ и создаются новыя, отталкивающія его формы. Доносъ, вымогательство, разгулъ, хулиганство вошли въ деревенскую и уѣздную жизнь подъ новой, самоувѣренной, торжествующей личиной. Союзники увѣрили себя и, очевидно, успѣшно доказываютъ другимъ, что за ними имѣется покровительство и одобреніе. Такое положеніе вещей грозило бы чрезвычайнымъ общественнымъ разложеніемъ. Вопросъ лишь въ томъ, велика ли въ дѣйствительности численность союза и, съ другой стороны, встрѣчаетъ ли дѣятельность союзниковъ въ населеніи естественный, здоровый отпоръ.

Насколько мнѣ пришлось убѣдиться при поѣздкѣ нынѣшней зимой по Россіи и какъ объ этомъ можно судить по отрывочнымъ свѣдѣніямъ провинціальныхъ газетъ, союзники, къ счастью, почти нигдѣ не могутъ похвастаться большою численностью (единственное, кажется, исключеніе представляетъ Одесса, гдѣ для союза подготовлена необычайно благопріятная административная почва). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи отдѣлы союза поистинѣ жалки и смѣхотворны по малому, убогому составу членовъ и по отсутствію вліянія на мѣстную жизнь (что̀ не мѣшаетъ имъ и здѣсь кичливо говорить о своей силѣ и мощномъ „патріотическомъ" значеніи).

Можетъ быть, въ немногихъ мѣстахъ дѣйствительно наблюдается нѣкоторый внѣшній ростъ союза, и напуганность корреспондентовъ, наблюдающихъ это явленіе, вполнѣ естественна. Но свѣдѣнія изъ

другихъ мѣстъ Россіи больше говорятъ о надломѣ, о намѣчающемся распаденіи союза. Довольно краснорѣчивую иллюстрацію въ этомъ смыслѣ дали полтавскія торжества. Союзники очень разсчитывали на нихъ. Началась довольно горячая подготовка во многихъ городахъ Россіи. Намѣчались депутаціи, изготовлялись знамена, „стяги“. Выпадалъ такой прекрасный случай сказать всенародно громкія патріотическія слова, а главное—развернуть въ наглядной демонстраціи „великую истинно-русскую силу“. И можетъ быть, нѣкоторые изъ руководителей союза искренно вѣрили, что имъ удастся сформировать къ полтавскимъ днямъ своего рода народные полки.

Разочарованіе пришло очень скоро, во время фактическихъ приготовленій къ празднествамъ. Первое и самое главное разочарованіе постигло центральнаго вождя союза г. Дубровина, когда онъ пріѣхалъ въ Полтаву дѣлать смотръ мѣстнымъ союзнымъ силамъ. Печальный оказался смотръ — сообщаютъ газеты. „Что̀ мы сдѣлали, господа?— спросилъ Дубровинъ своихъ товарищей. — Прибывъ въ Полтаву три года тому назадъ, я видѣлъ большое собраніе, собраніе русскихъ людей, а теперь, взглянувъ на настоящее собраніе, я въ ужасъ прихожу при мысли, какъ мало остается здѣсь людей, сочувствующихъ идеѣ русской народности“. Съ большой горечью описываетъ это собраніе сотрудникъ союзнической газеты „Полтавскій Вѣстникъ“: „Я шелъ на смотръ, на парадъ, но ни того, ни другого не было. Я шелъ увидѣть стройные ряды подтянувшихся къ пріѣзду начальства солдатъ, но не только рядовъ, а даже приличной группы не нашелъ: по крайней мѣрѣ, инспектирующій генералъ опредѣлилъ весь составъ встрѣтившаго его гарнизона всего... въ полтора человѣка. Я шелъ посмотрѣть, какъ испытанный трудами бури боевой командиръ будетъ проходить церемоніальнымъ маршемъ со своимъ полкомъ, но оказалось, что въ полку полтора человѣка, а командира и совсѣмъ нѣтъ... Еслибы это были, читатель, остатки арміи, геройски павшей въ неравномъ бою, то мы и передъ этими остатками преклонили бы колѣна, но — увы! — это остатки арміи, растерянной еще до боя жалкимъ командиромъ“.

Подготовительныя собранія въ другихъ городахъ также, по большей части, обнаружили малолюдіе и безсиліе союза. „На послѣднемъ собраніи,—пишутъ, напримѣръ, изъ Саратова,—выяснилось, что отъ громкаго былого осталась одна союзная пыль. Не съ чѣмъ было даже выступить на защиту своего верховнаго вождя, А. И. Дубровина, привлекаемаго къ отвѣтственности финляндскимъ судомъ. Хотѣли выразить ему хотя сочувствіе по телеграфу, но въ кассѣ денегъ на телеграмму не оказалось, а сборъ на этотъ предметъ далъ всего одинъ полтинникъ“.

О такомъ же оскудѣніи говоритъ корреспонденція изъ Твери: „Наши союзники обѣднѣли и терпятъ неудачи. Ликвидировавъ, „по недостатку средствъ, союзную чайную, отдѣлъ пытался пристроиться въ чайной общества трезвости и перенести туда свою штабъ-квартиру съ канцеляріей и общими собраніями, но въ отвѣтъ на обращеніе по этому поводу общество отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ".

Явное слабосиліе, проявленное въ союзныхъ рядахъ, вызвало два знаменательныхъ результата. Во-первыхъ, чуть ли не въ первый разъ со дня возникновенія союза повѣялъ съ верховъ правительственной власти неожиданный для союзниковъ холодокъ. Во-вторыхъ, главные руководители союза и сами, очевидно, поколебались въ своихъ надеждахъ развернуть на полтавскихъ торжествахъ грандіозныя силы. Главный совѣтъ союза (въ лицѣ А. И. Дубровина) отказался отъ демонстративнаго участія въ полтавскихъ празднествахъ. И это черное предчувствіе оказалось вполнѣ правильнымъ. Союзники, выступившіе въ Полтавѣ подъ предводительствомъ одесскаго графа Коновницына, потерпѣли значительное разочарованіе. Провинціальныя и столичныя газеты единодушно отмѣчаютъ неудачу союза и даютъ такое описаніе союзнической дѣятельности на полтавскихъ празднествахъ: „Мечтавшіе быть героями дня союзники въ дѣйствительности были очень мало замѣтны во время торжествъ. Всѣ грандіозные замыслы союза рушились, и попытки устроить въ Полтавѣ союзническую демонстрацію не удались. Напрасно видные дѣятели союза негодовали, шумѣли и чуть ли не угрожали прорваться на торжества съ тысячами своихъ вѣрныхъ друзей. Число прибывшихъ союзниковъ было гораздо меньше, и въ концѣ концовъ они уже смиренно просили дать имъ билеты. Словомъ, картина измѣнилась. Не имѣли союзники и моральнаго успѣха. Даже присутствіе такихъ союзническихъ силъ, какъ епископъ Макарій, Коновницынъ, Марковъ 2-й, Вязигинъ и Шмаковъ, не возбудило интереса, не привлекло вниманія. Союзниковъ на торжествахъ замѣтно игнорировали, съ ними не считались. Въ массахъ, въ толпѣ, во время процессій, всюду наблюдалось только ироническое отношеніе къ союзу и его горделивымъ знаменосцамъ. Подшучиваніе надъ значками союза, надъ его стремленіемъ разыграть всюду роль хозяина, роль распорядителя... У памятника Келлину, напримѣръ, когда союзники пытались составить цѣпь и образовать какую-то охрану, полтавцы съ удивленіемъ посмотрѣли на этихъ непрошенныхъ охранителей, и толпа не обратила на нихъ никакого вниманія, а только смѣялась и вышучивала. Свое незавидное положеніе поняли, кажется, и сами союзники. Нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, еще до окончанія торжествъ покинули Полтаву. Другіе оставались, но смотрѣли угрюмо и только бранились.

Не удалось и торжественное засѣданіе мѣстнаго отдѣла союза 28 іюня. Пораженіе союза на полтавскихъ торжествахъ—одинъ изъ интереснѣйшихъ итоговъ празднества. Это пораженіе особенно чувствительно въ виду тѣхъ грандіозныхъ замысловъ и надеждъ, которые были у руководителей союза".

Такое же, если не большее, пораженіе понесли союзники подъ Петербургомъ, на глазахъ своего главнаго совѣта. „Торжество, устроенное союзомъ русскаго народа 28 іюня въ ознаменованіе полтавскихъ событій,—сообщаютъ газеты,—явилось яркимъ показателемъ полнаго безсилія этого союза. Проектированное главнымъ совѣтомъ союза демонстративное шествіе со знаменами не состоялось, хотя и было разрѣшено градоначальникомъ. Рабочіе путиловскаго завода, узнавъ, что союзъ намѣревается внести свои знамена въ заводскую церковь, заволновались. Въ рядѣ групповыхъ собраній по мастерскимъ и въ частныхъ разговорахъ они единодушно заявляли, что не потерпятъ знаменъ союзниковъ въ церкви, выстроенной на ихъ средства (у рабочихъ въ теченіе 10 лѣтъ производился вычетъ въ размѣрѣ одного процента заработка на постройку этой церкви). Заводская администрація не сочла возможнымъ игнорировать заявленій рабочихъ и не разрѣшила союзу внести знамена въ церковь, мотивировавъ свой отказъ „нежелательностью политической демонстраціи". Тогда главный совѣтъ союза совсѣмъ отказался отъ шествія, такъ какъ недопущеніе знаменъ въ церковь, по его мнѣнію, должно вызвать въ членахъ союза сознаніе новаго пораженія и тѣмъ внести разладъ въ ихъ ряды. 27 іюня, по словамъ представителя петергофскаго отдѣла, уѣздными отдѣлами было получено по телеграфу распоряженіе оставить на мѣстѣ заготовленныя знамена. Все же союзники надѣялись на нѣкоторый успѣхъ своего празднества: ожидалось прибытіе нѣкоторыхъ сановниковъ и большое число участниковъ. Но надежды союзниковъ не оправдались. Ни одного виднаго бюрократа ни на молебнѣ, ни на собраніи не было. Участниковъ торжества было не болѣе 200—250 человѣкъ. Растерянность союзниковъ сказалась въ рѣчахъ ихъ ораторовъ. Всѣ они безъ исключенія жаловались на притѣсненія, которыя чинятся союзу со стороны администраціи, указывали на критическій моментъ, переживаемый союзомъ, и т. д.".

Полтава и Петербургъ — два главнѣйшихъ пункта, намѣченныхъ союзниками передъ полтавскимъ юбилеемъ для побѣдоноснаго выступленія. И пораженіе въ этихъ двухъ пунктахъ можно въ извѣстной степени считать всероссійскимъ пораженіемъ союза. Весьма возможно, что полтавскія празднества окажутся своего рода поворотнымъ пунктомъ какъ для внутренней жизни союза, такъ въ особенности и для отношенія къ союзу правительственной власти, а также и разныхъ слоевъ

общества. Полтавскія празднества какъ бы сдернули одно изъ темныхъ покрывалъ союза, и обнаружившійся подъ нимъ ликъ оказался далеко не могучимъ, не страшнымъ, а скорѣе жалкимъ и каррикатурнымъ. Начиная съ полтавскихъ празднествъ, союзники съ раздраженіемъ и удивленіемъ видятъ со стороны правительственной власти нѣкоторыя одергиванья и окорачиванья. И еще любопытнѣе: союзу уже начинаютъ подносить сверху совѣты и вразумленія. „Послѣ полтавскихъ торжествъ,—разсказываютъ газеты,—на ночномъ совѣщаніи союзническихъ вождей присутствовалъ шталмейстеръ Родзянко. Онъ сказалъ имъ большую рѣчь, въ которой выяснилъ, что, насколько ему извѣстно, союзомъ довольны, но только нѣкоторые изъ его вождей некультурны и грубы, что̀ приноситъ русскимъ людямъ только вредъ. Въ настоящее время нужно бороться—говоритъ Родзянко,—культурными и гуманными средствами, а не криками „долой“ и т. п. Точно также и въ печати союзникамъ слѣдуетъ выражать свои мысли гораздо вѣжливѣе и тактичнѣе, иначе о союзѣ получается впечатлѣніе, какъ о какой-то буйной организаціи. „За границей,—продолжалъ Родзянко,—высоко цѣнятъ патріотизмъ членовъ союза русскаго народа. Въ настоящее время нѣмцы всѣ представляютъ не что иное, какъ „союзъ нѣмецкаго народа“, только они гораздо культурнѣе насъ и не кричатъ на всѣхъ перекресткахъ о своей силѣ. Такъ слѣдуетъ поступать и русскимъ людямъ“,—закончилъ шталмейстеръ“.

Эта рѣчь знаменательна, конечно, не сама по себѣ, а потому, что она является откликомъ какихъ-то новыхъ вѣяній около вершинъ власти. Пока былъ большой испугъ и пока вѣрилось въ большую патріотическую силу союза, на темное лицо „мавра“ глядѣли съ нѣжностью и благодарнымъ ожиданіемъ. Почти милыми казались и его грубые жесты, ядреныя слова. Теперь является брезгливая гримаса и „мавру“ намекаютъ: „умойся, воздержись, сдѣлайся поприличнѣй“. „Мавръ“, впрочемъ, сейчасъ же доказалъ, что отмыть природную темноту своего лица ему далеко не легко. „У союзниковъ,—сообщаетъ „Кіевская Мысль“, — утромъ 28 іюня, передъ оффиціальнымъ засѣданіемъ, въ саду монастырскаго подворья состоялось совѣщаніе. Въ рѣзкихъ рѣчахъ поносили П. А. Столыпина и Н. А. Хомякова, указывая на „необходимость давно ихъ повѣсить“. Свою неудачу на торжествахъ они приписываютъ имъ. Обсуждался также на совѣщаніи вопросъ о посылкѣ по телеграфу челобитной съ просьбой уничтоженія лѣвыхъ газетъ и введенія диктатуры. Послѣ жаркихъ дебатовъ посылка челобитной признана была несвоевременной, рѣшили ограничиться вѣрноподданнической телеграммой“.

Требуя „повѣсить“ предсѣдателя совѣта министровъ, союзники, очевидно, все еще вдохновляются надеждой или вѣрой въ какое-то болѣе

высокое покровительство. И пока держится эта вѣра, союзники, несомнѣнно, будутъ продолжать горячить себя и терроризировать населеніе воинственными криками. Всякое новое охлажденіе съ верховъ власти будетъ дѣйствовать успокоительно на взвинченные нервы союзниковъ. Полтава дала имъ еще одно такое успокоительное охлажденіе. „Союзниковъ постигло новое горе,—сообщаютъ газеты:—имъ воспрещено устраивать совѣщанія въ Полтавѣ. Уполномоченнымъ союзническихъ организацій предложено немедленно покинуть Полтаву. Объ этомъ предсѣдателю совѣщанія Ознобишину сообщено было 29 іюня полицейскимъ приставомъ. Среди союзниковъ произошелъ переполохъ. Присутствовавшій на вчерашнемъ совѣщаніи офицеръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній ораторамъ, а въ концѣ совѣщанія потребовалъ, чтобы ораторы не касались въ своихъ рѣчахъ правительственныхъ агентовъ. Эти охладительные души подѣйствовали даже на такого горячаго союзника, какъ г. Марковъ 2-й. Членъ Думы Марковъ взялъ очень минорную ноту и умолялъ своихъ соратниковъ не требовать уничтоженія Государственной Думы, ибо это мятежъ, ибо это ослушаніе Государевой воли. Союзники съ нимъ не согласились и свистали Маркову".

На отношенія къ союзу бюрократической власти, впрочемъ, нельзя возлагать никакихъ опредѣленныхъ надеждъ. Сегодня она чувствуетъ себя самоувѣренно сильной и склонна охладить холодными душами опасный пылъ зарвавшагося чумазаго союзника. Завтра она почувствуетъ новую слабость въ ногахъ, новое колебаніе почвы—и снова, быть можетъ, съ нѣжностью обопрется на ближайшее плечо союзника, забывъ его грубую манеру и неумытое лицо.

Союзъ русскаго народа — это внутренняя общественная болѣзнь. И преодолѣть, ослабить или изгнать эту болѣзнь можетъ и долженъ самъ общественный организмъ, если онъ сохранилъ въ себѣ здоровую жизнеспособность. Поэтому въ газетныхъ извѣстіяхъ о подвигахъ черной сотни въ разныхъ мѣстахъ провинціи всего тяжелѣе читать, когда говорится, что разгулъ и дебоширство союзниковъ нагоняютъ полную панику на населеніе, не вызывая ни здороваго отпора, ни протеста. Въ этихъ случаяхъ опасность дѣйствительно велика. Значитъ, общественный организмъ ослабѣлъ, общественная жизнь клонится къ упадку и разложенію.

Однако, и въ этомъ отношеніи какъ будто замѣчаются новыя, свѣжія и бодрыя вѣянія жизни. Какъ ни отрывочны и ни случайны свѣдѣнія газетъ о дѣятельности союзниковъ въ провинціи, все чаще встрѣчаются факты отпора со стороны населенія нахрапу и налету союзниковъ.

Выше мы упоминали, какой солидный отпоръ дали союзу рабочіе

путиловскаго союза. Вотъ еще нѣсколько подобныхъ фактовъ. „Въ Ярославлѣ группа городскихъ гласныхъ, — сообщаетъ мѣстный „Голосъ“, — вошла съ протестомъ въ думу по поводу избранія бывшаго губернатора Римскаго-Корсакова почетнымъ гражданиномъ города. Протестанты указываютъ на неправильности, допущенныя городскимъ головой при разрѣшеніи этого вопроса въ экстренномъ засѣданіи, и настаиваютъ на пересмотрѣ его въ очередномъ засѣданіи, съ соблюденіемъ 65 ст. городового положенія“.

Губернаторъ Римскій-Корсаковъ самъ называлъ себя „самымъ чернымъ черносотенцемъ“ и съ большой энергіей старался организовать и развить въ Ярославлѣ союзъ русскаго народа. Когда я проѣзжалъ нынѣшней зимой черезъ Ярославль, городъ представился мнѣ подъ административнымъ давленіемъ совершенно закоченѣвшимъ отъ испуга. И какъ разъ при мнѣ въ засѣданіи городской думы обсуждалось заявленіе союзниковъ, которые требовали ревизіи и тщательной очистки мѣстной публичной библіотеки, „распространяющей въ населеніи крайнелѣвыя революціонныя изданія, какъ-то: „Биржевыя Вѣдомости“, „Русское Слово“, „Русскія Вѣдомости“, „Русскую Мысль“ и тому подобное“. Городская дума съ серьезной поспѣшностью почти единогласно приняла къ свѣдѣнію и исполненію это заявленіе. Таково было настроеніе тогдашней думы. Теперь дума (нѣсколько обновленная послѣдними выборами) уже находитъ въ своей средѣ гласныхъ, которые протестуютъ противъ главнаго насадителя мѣстнаго черносотенства— бывшаго губернатора Римскаго-Корсакова. Для Ярославля это фактъ значительный.

Въ г. Петровскѣ, Саратовской губерніи, союзники получили крупный отпоръ отъ всего населенія, и главное—отъ мѣстнаго духовенства. „На первомъ же собраніи отдѣла,—сообщаетъ мѣстный корреспондентъ,—душа отдѣла, діаконъ Бочкаревъ, вполнѣ опредѣленно заявилъ: „Наша цѣль—искорененіе жидовщины!“ На священника Палимпсестова былъ посланъ ложный доносъ. Къ священнику Бакурскому явились извѣстные руководители союза и, требуя служенія молебна по случаю открытія отдѣла союза, говорили: мы теперь все можемъ. И вообще съ первыхъ же шаговъ союзъ повелъ дѣло такъ, что возбудилъ противъ себя всеобщее негодованіе. Дѣло доходило до того, что толпа крестьянъ избила-было предсѣдателя отдѣла, и лишь вмѣшательство священника, заперевшаго этого человѣка въ церковь, избавила его отъ расправы. И, наконецъ, противъ союза возстало все мѣстное духовенство, во главѣ съ священникомъ Майорановымъ, по иниціативѣ котораго было созвано благочинническое собраніе духовенства для обсужденія дѣятельности союза. Изъ заявленія священника Майоранова выясняется, что средства для пропаганды союзническихъ идей

до того неразумны и насильственны, что однихъ они могутъ оттолкнуть отъ союза и поселить вражду и ненависть, а другихъ прямо побудить къ кулачной расправѣ, а пожалуй и болѣе... Такъ, одинъ изъ главарей союза, убѣждая крестьянина Павлова, прямо говорилъ ему: Если ты не подпишешься къ союзу, то твой домъ разорятъ, и некому будетъ защитить тебя. Предсѣдатель же запугивалъ другого крестьянина поркой, грозя послать казаковъ изъ города. Нахальство и запугиванье ихъ,—говорится въ заявленіи отца Майоранова,—воздѣйствовало на нашего псаломщика, учителя Логашова, такъ сильно, что онъ поспѣшилъ записать въ союзъ не только себя, свою жену, своего пятимѣсячнаго ребенка, но и свою тещу, и даже всѣхъ учениковъ училища". Послѣ обсужденія этого вопроса собраніе духовенства вынесло слѣдующее постановленіе: „Въ виду пагубныхъ послѣдствій для православія вновь открытаго отдѣла союза, просить епископа Гермогена прикрыть отдѣлъ и отобрать полномочныя грамоты отъ его руководителей".

Если принять во вниманіе нынѣшнее подчиненное состояніе низшаго духовенства, а съ другой стороны—всероссійски извѣстную фанатично-черносотенную дѣятельность саратовскаго епископа Гермогена, то въ протестѣ петровскихъ священниковъ нельзя не видѣть значительнаго гражданскаго мужества.

Нельзя, конечно, совѣтовать населенію слѣдовать примѣру петровскихъ крестьянъ, которые, обозлившись на дерзость и наглость союзниковъ, чуть было не примѣнили къ нимъ кулачную расправу. Но всякій иной видъ естественнаго и закономѣрнаго отпора союзнической дѣятельности скорѣе всего приведетъ страну къ выздоровленію отъ этой всероссійской общественной болѣзни, привитой притомъ къ русскому національному организму не безъ значительныхъ стараній администраціи.

И, кажется, признаки этого выздоровленія намѣчаются во многихъ мѣстахъ ослабѣвшей и запуганной провинціи.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1909.

Несбывшееся ожиданіе. — „Оппозиція Его Величества“ и оффиціозная печать.— Умѣренно-реакціонная программа.—Монашескій съѣздъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.— Съѣздъ издателей и книгопродавцевъ.—Пріостановка газеты „Слово“.

Характеристичной чертой переживаемаго нами момента служитъ оставленіе въ силѣ чрезвычайной охраны, уже три года тяготѣющей надъ Петербургомъ. Все заставляло думать, что 9-го іюля пробьетъ ея послѣдній часъ: прекращеніе чрезвычайной охраны въ Москвѣ, почти повсемѣстная отмѣна военнаго положенія, значительное уменьшеніе числа посягательствъ, угрожающихъ государственному порядку, отношеніе правительства и его дипломатическихъ агентовъ къ заграничной поѣздкѣ членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Вопреки ожиданію, желанная перемѣна не состоялась. Что ей помѣшало—покажетъ время: теперь по этому вопросу затруднительны даже догадки. Для обнаруженія преступныхъ замысловъ, для преслѣдованія преступленій чрезвычайная, да и усиленная охрана вовсе не нужна: общій законъ даетъ правительству всѣ необходимыя для того средства. Суровыми, даже жестокими карами ничего предотвратить нельзя; слишкомъ часто, наоборотъ, онѣ создаютъ почву для новыхъ правонарушеній. Безсильными оказываются, сплошь и рядомъ, обязательныя постановленія, какою бы безграничною предусмотрительностью они ни отличались и какой бы ни открывали просторъ для административнаго произвола. Правда, только при чрезвычайной охранѣ возможны наиболѣе рѣзкія мѣры воздѣйствія на періодическую печать; но вѣдь не такъ же грозна, даже съ ультра-реакціонной точки зрѣнія, представляемая ею опасность, чтобы служить оправданіемъ превышеній государственной обороны. Чрезвычайная охрана, продолжающая дѣйствовать послѣ того какъ государственная жизнь вошла въ берега и течетъ обычнымъ темпомъ—это явное, вопіющее противорѣчіе, это политическій абсурдъ, съ которымъ не можетъ мириться общественное сознаніе.

А между тѣмъ, совершенно несоотвѣтствующей настоящему положенію вещей является не только чрезвычайная, но и усиленная охрана. Исключительныхъ условій нѣтъ у насъ теперь нигдѣ; нигдѣ, слѣдова-

тельно, не должно быть мѣста для исключительнаго положенія, въ чемъ бы оно ни заключалось и какое бы имя ни носило. Знаменовать собою вступленіе на новый путь могла бы только рѣшимость правительства возстановить силу общихъ законовъ. Давно уже сказано, что всуе законы писать, коли ихъ не исполнять. Плодотворной преобразовательная дѣятельность можетъ быть только при условіи уваженія къ закону, одинаково обязательнаго для власти и для подвластныхъ; а что Россія вступила въ періодъ коренныхъ преобразованій—это признаютъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, даже апологеты нынѣшняго министерства. Положить конецъ исключительному положенію—значило бы, прежде всего, отказаться отъ примѣненія смертной казни. Если рѣже, чѣмъ прежде, раздаются громкіе протесты противъ безконечно повторяющихся смертныхъ приговоровъ, то это еще не значитъ, что къ нимъ привыкли, что ими перестали возмущаться; это значитъ только, что все уже сказано, что потеряна вѣра въ дѣйствительность самыхъ неотразимыхъ аргументовъ. За вынужденнымъ молчаніемъ скрывается углубившееся и обострившееся чувство. До какой степени оно распространено—объ этомъ можно судить уже потому, что большинствомъ третьей Государственной Думы, столь робкимъ, столь нерѣшительнымъ въ своихъ отступленіяхъ отъ правительственныхъ указаній, принята (въ засѣданіи 19-го марта) резолюція, требующая „сокращенія военной подсудности и введенія ея въ нормальные предѣлы“ [1]), т.-е. осуждающая широкое примѣненіе той формы суда и тѣхъ судебныхъ порядковъ, которые ведутъ къ массовымъ смертнымъ казнямъ. Эта резолюція прошла безслѣдно. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Государственной Думы (1-го іюня) о ней напомнилъ деп. Бабянскій. Подчеркнувъ, что цифра смертныхъ приговоровъ, нѣсколько понизившаяся въ апрѣлѣ, въ маѣ опять дошла до прежнихъ высокихъ размѣровъ, онъ закончилъ словами: „пока не будетъ исполнено категорически выраженное пожеланіе Думы, мы не пойдемъ дальше ни въ нашей законодательной дѣятельности, ни въ правительственной“. Это совершенно вѣрно. Смертные приговоры — наиболѣе яркій показатель ужаснаго зла, приносимаго нескончаемымъ господствомъ исключительныхъ положеній. Вмѣстѣ съ ними должны исчезнуть ссылка безъ суда, чудовищное переполненіе тюремъ, невыносимый тюремный режимъ — должно исчезнуть все то, что̀, подъ предлогомъ „успокоенія“, устраняетъ возможность истиннаго спокой-

[1]) Припомнимъ, что эта резолюція была предложена октябристами, въ то время далекими еще отъ какого бы то ни было поворота влѣво—и что съ первою ея частью соглашались даже умѣренно-правые, находя, что слишкомъ уже широка сфера военной подсудности, т.-е. слишкомъ велико число дѣлъ, оканчивающихся смертнымъ приговоромъ.

ствія. И чѣмъ дольше это спокойствіе не наступаетъ, тѣмъ труднѣе становится мирный переходъ къ новой жизни, которой такъ жаждетъ Россія. Все больше и больше чувствуется тяжесть прошлаго, облегчить которую могла бы только возможно широкая амнистія.

Ни въ чемъ, быть можетъ, ненормальность современныхъ условій не выражается такъ ярко, какъ въ положеніи оппозиціонныхъ партій. Право на существованіе признается за ними только въ стѣнахъ Государственной Думы. Слово, безпрепятственно и безнаказанно произносимое съ думской каѳедры, является преступленіемъ, разъ что оно сказано за стѣнами Таврическаго дворца. Соціалъ-демократы образуютъ парламентскую фракцію, говорятъ отъ ея имени, и говорятъ во всеуслышаніе, такъ какъ ихъ рѣчи разносятся печатью во всѣ концы Россіи—но внѣ Думы каждое открытое выраженіе ихъ взглядовъ можетъ повлечь за собою тяжкую уголовную кару. Не въ правѣ выступать внѣ Думы, какъ члены организованнаго цѣлаго, ни трудовики, ни конституціоналисты-демократы. Съ самымъ словомъ: *оппозиція* соединяется, сплошь и рядомъ, представленіе о чемъ-то противозаконномъ, воспрещенномъ, въ лучшемъ случаѣ—только терпимомъ, и терпимомъ только до поры до времени. *Оппозиція правительству* — эти два слова до сихъ поръ дѣйствуютъ на многихъ, какъ красный цвѣтъ на разъяреннаго быка. Вѣрные преданіямъ того времени, когда, по выраженію И. С. Аксакова, недвижно стояла „твердыня сплошного зла“, неограниченно господствовала „безсмысленная ложь“, запоздалые поклонники ученія объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“, о всепоглощающей обязанности „неразсуждающаго повиновенія“, не хотятъ или не могутъ понять законность и неизбѣжность критическаго отношенія къ власти. Ихъ умственному взору доступна только „оппозиція въ кавычкахъ“; они умѣютъ говорить только о „господахъ изъ оппозиціи“, какъ о дѣтяхъ, вообразившихъ себя взрослыми людьми—или какъ о предателяхъ и мятежникахъ, достойныхъ народнаго гнѣва.

Одно время можно было думать, что въ эту темную среду проникъ лучъ свѣта. Когда стали извѣстны крылатыя слова, произнесенныя П. Н. Милюковымъ въ Англіи, во время пріема членовъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта („пока въ Россіи существуетъ законодательная палата, контролирующая бюджетъ, русская оппозиція останется оппозиціей *Его Величества*, а не *Его Величеству*“), оффиціозная газета [1]) обмолвилась нѣсколькими непривычными ей словами. Она поспѣшила заявить, что „г. Милюковъ взялъ на себя въ Англіи извѣстное обязательство за русскую оппозицію“ (на этотъ разъ—безъ кавычекъ) и „если онъ выполнитъ это обязательство, то

[1]) См. передовую статью въ № 1099 „Россіи“.

окажетъ такую услугу родинѣ, за которую ему простится немало прежнихъ прегрѣшеній". Какъ бы много спорнаго или прямо невѣрнаго ни было въ опредѣленіи „оппозиціи Его Величества", съ которымъ, вслѣдъ затѣмъ, выступила „Россія", не лишено значенія было, во всякомъ случаѣ, ея признаніе, что оппозиція можетъ сослужить службу родинѣ. Логическій выводъ отсюда былъ только одинъ: слѣдуетъ признать оппозицію необходимымъ элементомъ новаго государственнаго строя, предоставить ей полную свободу дѣйствій, не препятствовать организаціи составляющихъ ее группъ, не пріурочивать ее, искусственно и односторонне, къ народному представительству и къ періоду дѣятельности законодательныхъ собраній. Возможность или, лучше сказать, неизбѣжность такого вывода, очевидно испугала „Россію": она быстро возвратилась къ прежнему курсу и принесла плоды, достойные покаянія. Три обширныя статьи, озаглавленныя: „Оппозиція Его Величества" (№№ 1104, 1105 и 1109), посвящены ею сведенію старыхъ счетовъ съ партіей народной свободы. Нѣтъ уже больше рѣчи о „прощеніи", великодушно обѣщанномъ П. Н. Милюкову и его товарищамъ; опять поднимаются вопросы о дѣятельности первой Государственной Думы, о выборгскомъ воззваніи, опять говорится о кадетахъ, „злоупотребившихъ довѣріемъ избирателей, обманувшихъ всѣхъ, кого только возможно, слѣва и справа". Апологеты безправія и произвола почувствовали опасность, которою грозитъ излюбленной ими системѣ оффиціально, если можно такъ выразиться, узаконенная „оппозиція Его Величества". Чтобы искупить свою тактическую ошибку, они пустили въ ходъ свои обычныя орудія: извращеніе прошлаго, заподозриваніе настоящаго, запугиванье будущимъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми фазисами этой кампаніи; отмѣтимъ только нѣкоторыя отдѣльныя ея черты, особенно характерныя для цѣлаго.

Что непримиримые враги „оппозиціи Его Величества" вспомнили объ адресѣ, которымъ первая Государственная Дума отвѣчала на тронную рѣчь — это понятно: въ адресѣ изложена съ наибольшею опредѣленностью оппозиціонная программа, и въ составленіи его участвовали, главнымъ образомъ, ненавистные „кадеты". Все дѣло въ томъ, какъ оффиціозный публицистъ пользуется этимъ документомъ. „Кадеты"—говоритъ „Россія"—заявили, что, идя навстрѣчу желанію Государя свято блюсти начало народнаго представительства, первая Дума не замедлитъ замѣнить избирательный законъ новымъ, построеннымъ на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Такъ звучало заявленіе кадетовъ Государю, высокая мудрость котораго установила избирательныя права гражданъ". Не говоря о допущенномъ здѣсь

искаженіи текста адреса [1]), ограничимся указаніемъ, что высказанная Думой надежда на скорое введеніе всеобщей подачи голосовъ имѣла твердую основу въ словахъ манифеста 17-го октября, которымъ „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права предоставлялось вновь установленному законодательному порядку". Совершенно ясно, что „избирательныя права гражданъ" считались въ то время установленными не окончательно, а только временно, до расширенія ихъ новымъ закономъ, о которомъ и шла рѣчь въ адресѣ Думы.

Первая Государственная Дума высказалась въ своемъ адресѣ за отвѣтственность министровъ передъ народнымъ представительствомъ, за министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы. Подъ перомъ усердствующаго публициста эти слова обращаются въ совѣтъ „замѣнить хотя бы и наиболѣе трудоспособное министерство, назначаемое Монархомъ, министерствомъ думскаго большинства, т.-е. кадетскимъ, временнымъ, случайнымъ и смѣняющимся въ зависимости отъ партійныхъ побѣдъ и пораженій". Въ какой степени работоспособнымъ было министерство И. Л. Горемыкина, стоявшее лицомъ къ лицу съ первой Государственной Думой — это слишкомъ хорошо извѣстно, какъ извѣстна и работоспособность его преемниковъ. Довѣріе Думы могло быть пріобрѣтено и не-кадетскимъ министерствомъ; въ адресѣ вовсе даже не говорится о назначеніи министровъ непремѣнно изъ среды Думы. Временною—т.-е. кратковременною—можетъ быть, какъ показываетъ опытъ, и дѣятельность министровъ, не отвѣтственныхъ передъ Думой. Сколько, за три года, перебывало министровъ въ кабинетѣ П. А. Столыпина?

Въ адресѣ первой Думы выражено убѣжденіе въ несовмѣстимости „творческаго дѣла обновленія жизни" съ существованіемъ Государственнаго Совѣта, „составленнаго изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ народа". На языкѣ „Россіи" это означаетъ, что кадеты заявили Государю объ очевидныхъ недостаткахъ двухпалатной системы и воскликнули: „да здравствуетъ единственный органъ русскаго законодательства — первая Государственная Дума". Нужно ли доказывать, что типы верхней палаты весьма разнообразны и что отрицательное отношеніе къ одному изъ нихъ отнюдь не равносильно отрицанію двухпалатной *системы?* Да и ошиблась ли первая Государственная Дума въ своей оцѣнкѣ нашего Государственнаго Совѣта?... Стоитъ только бѣгло просмотрѣть пренія объ адресѣ, происходившія въ засѣданіяхъ 3-го и 4-го мая 1906-го года, чтобы убѣдиться

[1]) „Государственная Дума приложитъ съ своей стороны усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и *внесетъ на утвержденіе* Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права".

въ томъ, что весьма немногіе изъ говорившихъ возражали принципіально противъ верхней палаты. Никто не вносилъ поправки, которою требовалась бы однопалатная система, а нѣкоторые изъ ораторовъ поддерживавшихъ адресъ (напр. М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, И. А. Корсаковъ, отчасти кн. П. Д. Долгоруковъ), прямо заявили себя приверженцами двухпалатной системы.

Передъ баллотировкой адреса деп. Петражицкій обратился къ Думѣ съ призывомъ къ единогласію, убѣждая тѣхъ, чьи поправки къ адресу не были приняты большинствомъ, не отказывать изъ-за этого въ одобреніи адреса, какъ цѣлаго. Въ этомъ простомъ и ясномъ призывѣ „Россія“ усматриваетъ „извиненіе кадетовъ передъ лѣвыми ихъ друзьями“—извиненіе въ томъ, что „въ обращеніе къ Государю не включенъ совѣтъ отказаться отъ престола и передать управленіе Россіей въ руки учредительнаго собранія, состоящаго изъ нѣсколькихъ недоучившихся студентовъ и всякихъ самозванныхъ спасателей отечества изъ революціонныхъ подонковъ“. Таковы — смѣло прибавляетъ газета,—„таковы были требованія кадетовъ и такими же, судя по отчету фракціи народной свободы, они остались донынѣ“. Ничего подобнаго въ указываемомъ „Россіей“ отчетѣ, конечно, нѣтъ; ничего подобнаго не было и въ поправкахъ, предложенныхъ къ адресу первой Думы—а только объ этихъ поправкахъ и говорилъ Л. І. Петражицкій. Не слишкомъ ли ужъ „свободно“ „частное изданіе“ обращается съ фактами?

Приписавъ „оппозиціи Его Величества“ небывалыя прегрѣшенія въ прошломъ, оффиціозная газета считаетъ свою задачу исполненною— и на настоящемъ останавливается недолго. Она удивляется тому, что кадетамъ не нравится „забронированность“ бюджета, вызванная, въ эпоху „революціоннаго азарта“, опасеніемъ за участь всего народнаго хозяйства. Но вѣдь эпоха „революціоннаго азарта“ прошла — а бюджетъ, въ бо̀льшей своей части, остается „забронированнымъ“ попрежнему? Можетъ ли такой порядокъ „нравиться“ кому бы то ни было, кромѣ приверженцевъ бюрократическаго всевластія? Можетъ ли онъ быть терпимъ послѣдовательными сторонниками конституціоннаго строя? Если „временныя“ правила, ограничивающія свободу дѣйствій Государственной Думы при обсужденіи бюджета, до сихъ поръ сохраняютъ свою силу, если бюджетная коммиссія въ теченіе полутора года не нашла возможнымъ приступить къ ихъ пересмотру, то отвѣтственность за это упадаетъ всецѣло на думское большинство, и въ особенности—на „руководящихъ“ имъ октябристовъ.

„Желаніе правительства“ — читаемъ мы дальше въ той же статьѣ, — „замѣнить исключительныя положенія новымъ, изданнымъ въ нормальномъ законодательномъ порядкѣ закономъ, встрѣтило со

стороны кадетовъ вопли, что правительство хочетъ узаконить произволъ и что если законопроектъ объ исключительныхъ положеніяхъ станетъ закономъ, Россіи суждены будутъ новыя испытанія, предъ которыми поблѣднѣютъ тяжелыя испытанія, уже ею перенесенныя". Главныя черты законопроекта, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, извѣстны читателямъ нашего журнала [1]); они знаютъ, что иначе, какъ узаконеніемъ произвола—и притомъ одной изъ худшихъ формъ произвола,—его назвать нельзя. Дискреціонная власть, въ рукахъ администраторовъ современнаго типа, не станетъ менѣе вредной только потому, что основой ея будетъ служить не такъ называемое „временное" положеніе, а изданный съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей законъ. Скажемъ болѣе: при равенствѣ прочихъ условій временное положеніе имѣетъ преимущество передъ закономъ именно потому, что оно меньше претендуетъ на прочность, на долгое существованіе. Болѣе чѣмъ наивно было бы ожидать, что этикетка: *законъ* заставитъ примириться съ содержаніемъ, направленнымъ именно къ освобожденію власти отъ обязанности дѣйствовать по закону. Сомнительнымъ кажется намъ, впрочемъ, самое желаніе правительства ускорить переходъ отъ временнаго порядка къ постоянному. При томъ вліяніи, какимъ пользуется министерство въ Государственной Думѣ, отъ него въ значительной степени зависитъ движеніе законопроектовъ. Если для законопроекта объ исключительномъ положеніи до сихъ поръ, въ теченіе двухъ думскихъ сессій, не дошла очередь, то не объясняется ли это, между прочимъ, тѣсною его связью съ законопроектомъ о неприкосновенности личности? Какъ ни мало удовлетворителенъ послѣдній, онъ все-таки вноситъ нѣкоторую закономѣрность въ ту область, гдѣ администрація меньше всего считалась — и считается — съ закономъ и правомъ.

Ничтожныя сами по себѣ, разсужденія оффиціозной газеты не лишены интереса, какъ показатель настроеній, господствующихъ въ правительственныхъ сферахъ. Пока „оппозиція Его Величества" разсматривается здѣсь какъ преступное или, по меньшей мѣрѣ, предосудительное противодѣйствіе власти, до тѣхъ поръ нельзя и думать о нормальномъ теченіи государственной жизни. Страстная ненависть къ „кадетамъ", исповѣдуемая публицистами „частнаго изданія", характерна именно потому, что въ ея основѣ лежитъ упорное непониманіе простѣйшихъ фактовъ. Не видятъ и не хотятъ видѣть, что въ государствѣ, сошедшемъ съ традиціонной дороги абсолютизма, не можетъ не происходить борьба между старымъ и новымъ, между бюрократіей и обществомъ, между привилегированнымъ меньшинствомъ и

[1]) Ему была посвящена особая статья въ № 2-мъ „Вѣстника Европы" за 1908 г.

обездоленной массой. Однимъ изъ типичныхъ—и необходимыхъ—выраженій этой борьбы служитъ дѣятельность партіи народной свободы. Можно соглашаться или не соглашаться съ программой этой партіи, можно одобрять или не одобрять тѣ или другія проявленія ея тактики, но нельзя отрицать, что она съумѣла объединить значительную часть тѣхъ элементовъ, среди которыхъ, задолго до освободительнаго движенія, зародилась и теплилась политическая жизнь. Если эту жизнь не заглушилъ желѣзный гнетъ прежняго режима, то гдѣ же основаніе думать, что ей положитъ конецъ система полу-запретовъ и полуразрѣшеній, система оффиціальныхъ стѣсненій и оффиціозной травли? До какихъ бы геркулесовыхъ столбовъ ни доходило стремленіе очернить первую Государственную Думу, оно не заставитъ забыть, что въ отвѣтномъ адресѣ ея на тронную рѣчь намѣчены вѣхи того пути, по которому неизбѣжно должна пойти обновленная Россія. Если на долю кадетовъ достается больше обвиненій, чѣмъ на долю болѣе крайнихъ лѣвыхъ партій, это объясняется именно тѣмъ, что больше опасеній возбуждаетъ возможность поворота въ ихъ сторону — поворота, который былъ бы, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ начавшагося, но слишкомъ скоро прерваннаго движенія.

Въ настоящую минуту болѣе вѣроятенъ, впрочемъ, поворотъ въ прямо противоположномъ направленіи. На этотъ счетъ насъ пытается успокоить „Россія“, увѣряя, именно по поводу словъ П. Н. Милюкова, что „никакая опасность законодательнымъ палатамъ не угрожаетъ“. Авторитетъ успокоителя, однако, не такъ великъ, чтобы положить конецъ тревогѣ. По нынѣшнимъ временамъ трудно сказать, кто больше и лучше знакомъ съ закулисными теченіями—оффиціозъ или его правые противники. Между послѣдними есть такіе, въ крикѣ которыхъ, беззастѣнчиво громкомъ и грубомъ, чувствуется только злобное безсиліе—но есть и болѣе сдержанные, болѣе спокойные, менѣе склонные къ смѣшенію желаемаго съ дѣйствительнымъ. Таковъ, напримѣръ, органъ г. Льва Тихомирова, только-что повѣдавшій своимъ читателямъ, что „передъ властью очень скоро — вѣроятно въ ближайшій же дѣловой сезонъ,—станетъ рядъ серьезнѣйшихъ запросовъ по установкѣ обязательныхъ государственныхъ нормъ“. Какіе же это запросы? „Никакая страна“ — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 160),—„неспособна жить безъ крѣпкой власти, а Россія менѣе чѣмъ какая-либо другая. У насъ нѣтъ иного источника крѣпкой власти, кромѣ царскаго самодержавія. Невозможно ожидать прочнаго спокойствія страны, пока будутъ существовать малѣйшіе слѣды *борьбы за власть*, порожденной временами такъ называемой революціи. Точно такъ же немыслимо ждать въ имперіи прочнаго довѣрія къ существующему строю, пока имѣются малѣйшія сомнѣнія въ *гегемоніи*

русскаго народа... Не менѣе ясно, что *союзъ церкви съ государствомъ* не допускаетъ своего подрыва безъ серьезнѣйшихъ опасностей для прочности всего комплекса твердыхъ устоевъ нашей государственности. А между тѣмъ, въ этомъ отношеніи послѣдняя сессія Государственной Думы оставила осеннему законодательству тягчайшее наслѣдство въ видѣ своихъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, подрывающихъ въ корнѣ союзъ государства съ церковью... Такой же вопросъ, поставленный, но неразрѣшенный, представляетъ самое *народное представительство*. Оно прочно признано необходимой составною частью государственныхъ учрежденій, но, какъ видно изъ опыта Думъ, особенно наилучшей изъ нихъ — третьей, остается съ далеко не ясно опредѣленной областью компетенціи, вслѣдствіе чего, вмѣсто работы, нерѣдко приводитъ къ вредной борьбѣ за власть. Равно несомнѣнно, что область работъ представительства несогласована съ областью его дѣйствительной, полезной трудоспособности. Задачи, Высочайше указанныя народному представительству — быть выразителемъ русскаго духа,—можно сказать, не осуществляются нынѣшними способами составленія выборной части законодательныхъ учрежденій. Роль Государственной Думы въ отношеніи собственно православной церкви была такова, что показала прямую противоположность между задачами союза церкви и государства и пользованія выборнымъ элементомъ законодательства. Одинаково необходимыя для государства церковь и представительство оказываются, при настоящихъ условіяхъ, совершенно несогласованными въ своихъ отношеніяхъ къ государству. Вѣроисповѣдные законы Думы обнаружили это съ поразительною ясностью".

Итакъ уничтожить малѣйшіе слѣды „борьбы за власть", разсѣять малѣйшія сомнѣнія въ „гегемоніи русскаго народа", укрѣпить „союзъ церкви съ государствомъ", согласовать область работъ народнаго представительства съ областью его „полезной трудоспособности", измѣнить „способы составленія выборной части законодательныхъ учрежденій"—таковы задачи, разрѣшеніемъ которыхъ правительство должно заняться „въ ближайшій дѣловой сезонъ". Необходимой его предпосылкой является пересмотръ основныхъ законовъ, положенія о выборахъ въ Государственную Думу, учрежденій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта: основныхъ законовъ — потому что ими опредѣляются взаимныя отношенія церкви и государства; положенія о выборахъ въ Государственную Думу и учрежденія Государственнаго Совѣта—потому что ими установлены неудовлетворительные, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", „способы составленія выборной части законодательныхъ учрежденій"; учрежденія Государственной Думы—потому что имъ опредѣлена сфера дѣйствій

народнаго представительства. Не ясно ли, однако, что на всѣхъ этихъ путяхъ неизбѣжно столкновеніе между правительствомъ—еслибы оно послѣдовало совѣту г. Тихомирова — и Государственной Думой, даже самой „послушной?“ Можно ли допустить, что большинство, обязанное своимъ существованіемъ правиламъ 3-го іюня, добровольно наложитъ на нихъ руку и одобритъ новый „скачекъ въ темноту“, хотя бы и въ прежнемъ направленіи? Можно ли допустить, что, испытавъ на практикѣ всю недостаточность своихъ правъ, всю съуженность своей компетенціи, оно согласится на новое ихъ ограниченіе? Можно ли предположить, что, съ честью выйдя изъ борьбы за свободу совѣсти, оно рѣшится не только взять назадъ сдѣланное, но и отказаться, на будущее время, отъ самостоятельнаго голоса въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ? Безъ всякаго сомнѣнія—нѣтъ. Какой же тогда останется правительству выходъ изъ созданныхъ имъ самимъ затрудненій? Роспускъ Думы? Но гдѣ же ручательство въ томъ, что слѣдующая Дума, выбранная безъ явнаго нарушенія свободы избирателей и порядка выборовъ, не окажется еще менѣе расположенной къ уступкамъ, чѣмъ ея предшественница? Новое отступленіе отъ статьи 87-ой основныхъ законовъ, по примѣру акта 3-го іюня 1907-го года? Но такіе акты не принадлежатъ къ числу тѣхъ, повтореніе которыхъ можетъ быть предпринято съ легкимъ сердцемъ. Второй шагъ по той же дорогѣ былъ бы равносиленъ возвращенію къ прежнему режиму. Весьма вѣроятно, что именно этого желаютъ единомышленники „Московскихъ Вѣдомостей“; но знаменательно то, что они не рѣшаются открыто выразить свое желаніе. Слишкомъ свѣжо воспоминаніе о причинахъ, вызвавшихъ отказъ отъ „неограниченной“ власти. Если невозможнымъ оказалось сохраненіе стараго порядка, то еще менѣе мыслимо его возстановленіе. Пора понять, что нельзя строить зданіе изъ обломковъ, нельзя создать цѣлое изъ обрывковъ прошлаго. Пора понять, что тягость настоящаго положенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ его неопредѣленности. Идти назадъ—нельзя, долго стоять на мѣстѣ—нельзя; остается только двинуться впередъ.

Присмотримся поближе къ самому существу задачъ, намѣчаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“. Въ конституціонномъ государствѣ — конституціонномъ не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ, — неизбѣжна борьба, потому что неизбѣжно различное пониманіе государственныхъ и общественныхъ интересовъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы объектомъ борьбы непремѣнно должна была быть власть, чтобы лозунгъ нападающей стороны всегда могъ быть выраженъ словами: ôte-toi de là que je m'y mette. Гораздо бо́льшую роль этотъ лозунгъ играетъ—или игралъ—въ не-конституціонныхъ государствахъ, не вы-

ступая открыто, но зато принимая наименѣе симпатичныя формы. Развѣ нашему недавнему прошлому не были знакомы интриги, направленныя противъ носителей власти, подкопы подъ министровъ, съ цѣлью ихъ замѣны его избранниками какой-либо вліятельной группы? Развѣ незамѣтны у насъ и теперь остатки старыхъ привычекъ? Кто велъ въ самое послѣднее время „борьбу за власть“ въ прежнемъ смыслѣ слова, прежними средствами? Не тотъ ли кружокъ, къ которому близки по духу „Московскія Вѣдомости“? И наоборотъ, была ли, въ этомъ смыслѣ, борьбой за власть дѣятельность нашей „оппозиціи Его Величества“? Можно ли, напримѣръ, назвать такою борьбою дѣятельность оппозиціи въ германскомъ рейхстагѣ? Въ той борьбѣ, малѣйшіе слѣды которой желала бы уничтожить московская газета, бьется пульсъ политической жизни, заключается залогъ мирнаго движенія. Прекратить ее, значило бы возобновить накопленіе матеріаловъ для революціоннаго взрыва.

Никому и никогда не удастся уничтожить „сомнѣнія въ гегемоніи русскаго народа“ — не удастся не только потому, что до крайности неопредѣленно самое понятіе и спорны извлекаемые изъ него выводы, но и потому, что въ составѣ русскаго государства русскій народъ (т.-е. обычно отождествляемое съ нимъ великорусское племя) не образуетъ даже абсолютнаго большинства. Національный вопросъ не можетъ быть упраздненъ простымъ его отрицаніемъ или игнорированіемъ. Этимъ способомъ пытались разрѣшить его въ теченіе многихъ десятилѣтій, пытались тогда, когда молчаніе налагалось и поддерживалось съ гораздо бо̀льшею легкостью, чѣмъ теперь—и все-таки „непріятный“ вопросъ не сошелъ со сцены: достигнуто было только его обостреніе и углубленіе. Что̀ же можетъ быть предпринято противъ него теперь? Какъ устранить оспариванье „гегемоніи“ въ печати, разъ что она пользуется хоть какою-нибудь свободой, въ Государственной Думѣ—разъ что въ ней засѣдаютъ представители окраинъ? Сомнѣніямъ, которыми возмущается реакціонная пресса, не можетъ быть вполнѣ закрытъ даже выходъ наружу; тѣмъ болѣе немыслимо совершенное ихъ исчезновеніе.

Что̀ имѣютъ въ виду „Московскія Вѣдомости“, говоря объ области „полезной трудоспособности“ Государственной Думы—это ихъ тайна. Трудиться надъ ея разгадкой было бы излишне. Работоспособность законодательнаго собранія обусловливается его составомъ и условіями, при которыхъ оно дѣйствуетъ. Работоспособная въ одной изъ тѣхъ сферъ, которыя обычно подлежатъ вѣдѣнію народнаго представительства, Дума не можетъ не быть работоспособной и во всѣхъ другихъ. Понятіе о *дѣйствительной, полезной* работоспособности слишкомъ неопредѣленно—и слишкомъ субъективно,—чтобы имъ можно было ру-

ководиться при установленіи предѣловъ думской дѣятельности. У насъ границы и безъ того уже слишкомъ тѣсны: измѣнить ихъ въ направленіи, намѣчаемомъ московской газетой, значило бы сдѣлать новый шагъ этой дѣятельности по пути „мнимаго конституціонализма“ (Scheinconstitutionalismus). Что касается до перемѣны въ „способахъ составленія выборной части законодательныхъ учрежденій“, то образецъ для нея отчасти уже готовъ: это — извѣстный законопроектъ Пихно, не нашедшій поддержки даже въ коммиссіи Государственнаго Совѣта, но сочувственно встрѣченный предсѣдателемъ совѣта министровъ. Дальнѣйшимъ развитіемъ того же начала было бы новое уменьшеніе числа представителей отъ окраинъ въ Государственной Думѣ—числа, безъ того уже, въ силу правилъ 3-го іюня 1907-го года, стоящаго внѣ всякаго соотношенія съ населеніемъ. Затѣмъ оставалось бы только составить Думу исключительно изъ лицъ русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія—т.-е. свести на нѣтъ самую идею народнаго представительства.

Въ какой области меньше всего „работоспособна“, съ реакціонной точки зрѣнія, Государственная Дума, избранная на основаніи нынѣ дѣйствующихъ правилъ — на это указываетъ особая настойчивость, съ которою „Московскія Вѣдомости“ возвращаются къ вѣроисповѣднымъ законопроектамъ, подрывающимъ „союзъ между церковью и государствомъ“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что виновною передъ судомъ реакціонной печати — и ея вдохновителей — оказывается не одна Государственная Дума: виновно и правительство, слишкомъ далеко ушедшее впередъ по пути вѣротерпимости. Нельзя же предположить, въ самомъ дѣлѣ, что все дѣло въ поправкахъ, принятыхъ Думой. Для защитниковъ неприступной, изнутри непереходимой ограды, еще недавно окружавшей православную церковь, важно, конечно, не то, что нѣсколькимъ десяткамъ или сотнямъ лицъ, *числящихся* православными, откроется возможность перехода въ одну изъ нехристіанскихъ религій: для нихъ невыносима свобода перехода въ католицизмъ, въ протестантизмъ, въ старообрядчество, въ сектантство, данная десяткамъ и сотнямъ тысячъ. Забывая уроки прошлаго, забывая полное крушеніе вѣками господствовавшей системы запрещеній, стѣсненій и гоненій, они желали бы повернуть назадъ колесо исторіи и отстоять неприкосновенность... списковъ, которые ведутся православнымъ. Да, только списковъ, потому что число дѣйствительно православныхъ не зависитъ отъ закона. Союзъ между церковью и государствомъ, какимъ онъ былъ у насъ еще недавно и какимъ его вновь хотѣли бы видѣть наши свѣтскіе и духовные клерикалы, одинаково вреденъ и для церкви, и для государства: для церкви— пріучая ее разсчитывать на поддержку „свѣтскаго меча“, для госу-

дарства—возлагая на него несвойственную ему задачу и увеличивая въ его средѣ число недовольныхъ элементовъ.

Россія стоитъ на распутьѣ. Одни зовутъ ее назадъ, т.-е. туда, гдѣ источникъ всѣхъ ея бѣдъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Другіе убѣждаютъ ее стоять на мѣстѣ, т.-е. терять драгоцѣнное, невознаградимое время и растрачивать силы въ попыткахъ сохранить позицію, открытую для обхода и спереди, и сзади. Пора, давно пора двинуться впередъ. Дорогъ въ этомъ направленіи много, и весьма различна можетъ быть степень быстроты движенія: но избѣжать ошибокъ можно сравнительно легко, если путь будетъ освѣщенъ свѣтомъ истинной свободы.

Въ виду боевого положенія, занятаго, съ нѣкоторыхъ поръ, значительною частью нашего высшаго духовенства, можно было думать, что на боевую позицію станетъ и монашескій съѣздъ, засѣдавшій недавно въ Троице-Сергіевой лаврѣ. Это предположеніе подтверждалось, между прочимъ, и программой съѣзда, въ составъ которой были включены слѣдующіе два пункта [1]): *миссіонерское служеніе* церкви со стороны монастырей, старчество для мірянъ, внѣ-богослужебныя бесѣды, *борьба съ расколомъ* [2]) *и ересями*, распространеніе апостольскихъ и вообще духовно-нравственныхъ изданій, *руководство паломниками*, гдѣ это потребно" (пун. 19-й); „какъ должны служить отечеству иноки и инокини *во время смутъ внутреннихъ* и войны" (пун. 21-й). Судя, однако, по отчетамъ о съѣздѣ—пока, впрочемъ, еще весьма неполнымъ,—не на этихъ вопросахъ остановилось, главнымъ образомъ, вниманіе его членовъ. Правда, съѣздомъ было признано, что нельзя разрѣшить инокамъ свободно выписывать книги и журналы, такъ какъ этимъ путемъ въ монастыряхъ могли бы распространиться модныя идеи и водвориться крамола; правда, принятъ былъ докладъ извѣстнаго г. Скворцова, проводившій извѣстные взгляды на задачи миссіонерской дѣятельности—но пренія по этому докладу прошли, кажется, не совсѣмъ гладко, и отъ дальнѣйшихъ шаговъ по пути, намѣченному прошлогоднимъ кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ, собраніе иноковъ, повидимому, воздержалось. Горячо, даже страстно обсуждались только вопросы внутренняго монастырскаго строя и быта. Нѣкоторыя изъ рѣчей, произнесенныхъ по этимъ вопросамъ, появились цѣликомъ въ газетахъ, пользовавшихся довѣріемъ руково-

---

[1]) Заимствуемъ текстъ этихъ пунктовъ изъ № 188 „Рѣчи".

[2]) Замѣчательно, что въ оффиціальномъ церковномъ языкѣ терминъ: *расколъ* и послѣ указа 17-го апрѣля 1905 года не уступилъ мѣсто замѣнившему его въ государственныхъ актахъ термину: *старообрядство*.

дителей съѣзда (напр. въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“); но такая случайная, отрывочная гласность не даетъ цѣльной картины настроеній, выразившихся на съѣздѣ — настроеній, во многомъ рѣзко противоположныхъ между собою. Слѣдуетъ пожелать, чтобы напечатаны были всѣ протоколы съѣзда, въ подлинномъ ихъ видѣ, безъ пропусковъ и послѣдующихъ измѣненій.

Сквозь частую сѣть любезныхъ оговорокъ, которыми полна передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“ по поводу монашескаго съѣзда, нетрудно замѣтить, что способомъ его созыва и самыми его рѣшеніями не вполнѣ довольны даже органы печати, наиболѣе близкіе къ оффиціально господствующимъ церковнымъ теченіямъ. И это понятно: слишкомъ трудно было бы признать, что малочисленный съѣздъ, составъ котораго меньше всего зависѣлъ отъ свободнаго усмотрѣнія монашествующихъ, съѣздъ, руководимый не избраннымъ изъ его среды, а назначеннымъ предсѣдателемъ, могъ служить авторитетнымъ органомъ монашества. Еще яснѣе отрицательное отношеніе къ составу съѣзда выразилось въ статьѣ г. Кузнецова, напечатанной въ томъ же (162-мъ) № „Московскихъ Вѣдомостей“. „Способность обсудить потребности монастырей“—читаемъ мы въ этой статьѣ—„отнюдь не соединяется непремѣнно съ какимъ-либо особымъ положеніемъ монаха на ступеняхъ церковной или монастырской іерархіи, съ саномъ епископа, архимандрита, игумена, съ должностью настоятеля, эконома, благочиннаго и т. д. Напротивъ, при современномъ назначеніи и положеніи настоятелей и отношеніи къ монастырямъ епископовъ, отъ этихъ-то лицъ, да еще взятыхъ отдѣльно, трудно ожидать широкаго и полнаго сознанія существующихъ недостатковъ и нужныхъ реформъ... Чѣмъ больше соединилось бы людей различныхъ сановъ и положеній, свободно, по расположенію души и личному опыту обсуждающихъ вопросы о монастыряхъ, тѣмъ болѣе реализировалъ бы монашескій съѣздъ идею соборности и тѣмъ бо̀льшаго вліянія и результатовъ можно было бы отъ него ожидать. Но—увы!—исторія не одинъ разъ засвидѣтельствовала, какъ трудно достигать реализаціи принципа среди старыхъ порядковъ и людей, воспитавшихся въ условіяхъ и понятіяхъ ему противоположныхъ. Съ каждымъ годомъ все яснѣе становится необходимость для блага православной церкви въ Россіи опираться въ ея управленіи не на прежній бюрократическій строй, а на начало соборное... Мы увѣрены, что при новыхъ началахъ жизни эта необходимость будетъ сказываться все болѣе и болѣе... И вотъ, вынужденные самымъ ходомъ вещей идти на встрѣчу соборности, мы, однако, стараемся понять ее по-своему, нерѣдко извращая эту идею до неузнаваемости. Въ прошломъ году это случилось, напримѣръ, при организаціи миссіонерскаго съѣзда въ Кіевѣ.

Теперь нѣчто подобное проявилось на съѣздѣ монашескомъ"... Важно, однако, уже и то — читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же статьи,— что съѣздъ собрали; „вѣдь еще не такъ давно, при господствѣ бюрократическаго строя, самая мысль о монашескомъ съѣздѣ могла бы показаться вредной и посягающей на авторитетъ высшаго начальства, которое само все знаетъ и само обо всемъ призвано пещись".

Мы привели обширныя цитаты изъ статьи г. Кузнецова именно потому, что она появилась на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей" и принадлежитъ лицу, близко, повидимому, стоящему къ вѣдомству православнаго исповѣданія [1]). Чрезвычайно характернымъ, при этихъ условіяхъ, является признаніе, что бюрократическій строй, еще недавно господствовавшій въ средѣ православнаго духовенства, препятствуетъ, до сихъ поръ, вступленію его на новый путь и торжеству новаго начала. Въ словахъ „уважаемаго сотрудника" московской газеты заключается не только осужденіе ея прошлаго — того прошлаго, въ которомъ она, идя рука объ руку съ К. П. Побѣдоносцевымъ, систематически поддерживала и охраняла омертвѣвшій „порядокъ" въ церкви и въ государствѣ: они свидѣтельствуютъ о томъ, что новыя теченія проникли въ среду, всего менѣе доступную для ихъ вліянія, и заставили ее оцѣнить хоть отчасти значеніе перемѣны, происшедшей помимо ея воли и встрѣченной сначала пассивнымъ, потомъ активнымъ ея сопротивленіемъ. Да, г. Кузнецовъ правъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ немыслимъ былъ даже монашескій съѣздъ— или, по меньшей мѣрѣ немыслима была та сравнительная свобода, которою пользовались члены съѣзда.

Другимъ показателемъ новыхъ настроеній можетъ служить исторія адреса, поданнаго московскимъ духовенствомъ митрополиту Владиміру, въ день его именинъ (15-го іюля). По словамъ „Голоса Москвы", иниціатива адреса шла отъ духовной консисторіи; тѣмъ не менѣе онъ подписанъ только двумя тысячами лицъ, между тѣмъ какъ всѣхъ представителей духовенства въ московской епархіи числится 5.336. Очевидно, многіе изъ среды духовенства уклонились отъ подписанія адреса. Это неудивительно, если въ адресѣ — какъ сообщается въ печати [2]), — сказано, между прочимъ, слѣдующее: „съ большимъ недоумѣніемъ мы встрѣтили вѣсть, что въ разновѣрной, а частью безвѣрной Государственной Думѣ будетъ обсуждаться и предрѣшаться вопросъ, касающійся самыхъ жгучихъ интересовъ православной церкви; а когда стало извѣстно содержаніе выработанныхъ въ думскихъ коммиссіяхъ

[1]) Изъ статьи г. Кузнецова видно, что онъ въ 1906 г. представилъ предсоборному присутствію докладъ объ общественномъ значеніи монастырей.

[2]) См. № 194 „Рѣчи".

законопроектовъ и былъ внесенъ на обсужденіе Думы законопроектъ, явно враждебный православной церкви, наши сердца преисполнились глубокой скорбью и святымъ негодованіемъ на враговъ и хулителей святой православной церкви". Понятно, что не всѣ члены духовнаго сословія согласились принять участіе въ демонстративномъ порицаніи законодательнаго собранія, составъ и дѣятельность котораго меньше всего подлежатъ коллективному сословному суду; понятно, что не всѣ рѣшились говорить о „безвѣріи", относительно котораго могутъ существовать только догадки, и опредѣлять, мимоходомъ, границы компетенціи Государственной Думы; понятно, наконецъ, что не всѣ прониклись негодованіемъ противъ законопроектовъ, не только освобождающихъ совѣсть отдѣльныхъ лицъ, но и снимающихъ съ самой церкви мертвое бремя, которымъ для нея служатъ принадлежащіе къ ней лишь номинально и по принужденію. Близкимъ къ кощунству могло показаться многимъ употребленное въ адресѣ выраженіе: „*святое* негодованіе", близкимъ къ клеветѣ — причисленіе всѣхъ защитниковъ истинной вѣротерпимости къ разряду *враговъ и хулителей* православной церкви. Да и всѣ ли высшіе представители православной церкви относятся къ вѣроисповѣднымъ законопроектамъ такъ, какъ отнесся къ нимъ, въ извѣстной бесѣдѣ съ депутатами крайней правой, митрополитъ Владиміръ? Благодарность, выраженная ему, не равносильна ли осужденію нѣкоторыхъ другихъ іерарховъ?... Для утвердительнаго отвѣта на эти вопросы можно найти матеріалъ въ исторіи указа 17-го апрѣля 1905 года.

По странному стеченію обстоятельствъ, происходившій недавно въ Петербургѣ первый всероссійскій съѣздъ издателей и книгопродавцевъ былъ открытъ рѣчью начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, т.-е. представителя того вѣдомства, отъ котораго, главнымъ образомъ, исходили до сихъ поръ стѣсненія издательства и книжной торговли. Правда, въ послѣднее время эту дѣятельность раздѣляютъ съ нимъ, въ силу положенія объ охранѣ, губернаторы, градоначальники и генералъ-губернаторы; но вѣдь они подчинены тому самому министерству, въ составъ котораго входитъ главное управленіе по дѣламъ печати. На немъ, прежде всего, лежитъ обязанность измѣненія правовыхъ условій, „крайнее несовершенство" которыхъ призналъ въ своей рѣчи г. Бельгардъ. „Болѣе серьезнымъ" и „болѣе важнымъ" начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати назвалъ стремленіе, въ области издательства и книжной торговли, „къ свѣту, къ культурному развитію Россіи, къ ея величію и славѣ"; но осуществимо ли это стремленіе, пока въ данной области существуютъ

„крайне несовершенныя“ правовыя условія? На съѣздѣ эти условія были обрисованы всего ярче въ докладахъ Я. М. Гессена и С. И. Варшавскаго. „Если въ прежнее, до-конституціонное время“ — сказалъ Я. М. Гессенъ,—„юридическія нормы, опредѣлявшія права и обязанности, а также уголовную отвѣтственность книгопродавцевъ, были недостаточно полны и ясны, то теперь, съ отмѣной предварительной цензуры и съ небывалымъ усиленіемъ уголовныхъ репрессій, направленныхъ противъ книгопродавцевъ, положеніе послѣднихъ стало во много разъ тягостнѣе и невыносимѣе“. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ, достаточно припомнить многократные случаи преслѣдованія и осужденія за продажу книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ соблюденіемъ всѣхъ легальныхъ формъ и даже съ разрѣшенія предварительной цензуры...

Наша ежедневная прогрессивная печать, ряды которой такъ сильно порѣдѣли въ послѣднее время, понесла еще одну тяжелую потерю: пріостановлено изданіе газеты „Слово“. Она давала массу интереснаго матеріала, выдвигала важные вопросы, талантливо освѣщала ихъ съ разныхъ сторонъ, вносила оживленіе въ полемику, всегда оставаясь сдержанною и корректною. Мы надѣемся и вѣримъ, что она сошла со сцены лишь ненадолго. Слишкомъ велика именно теперь, въ виду постоянно усложняющихся задачъ государственной и общественной жизни, въ виду засилія, взятаго приверженцами регресса или застоя—слишкомъ велика потребность въ томъ, чтобы въ печати были представлены всѣ оттѣнки прогрессивныхъ мнѣній.

ИТАЛІЯ ПОКАЗНАЯ И ИТАЛІЯ ПОДЛИННАЯ

(Письмо изъ Рима).

Кажется, нѣтъ другой страны, гдѣ на маломъ протяженіи территоріи умѣщалось бы такое разнообразіе географическихъ и климатическихъ данныхъ, бытовыхъ условій, характеровъ, обычаевъ, нравовъ, діалектовъ населенія,—какъ въ небольшой и интересной Италіи. Двигаясь съ сѣвера на югъ, отъ промышленнаго Пьемонта къ полудикой Калабріи и разбойничьей Сициліи, можно наглядно прослѣдить раз-

витіе и упадокъ современной культуры, поскольку подъ этимъ именемъ разумѣется сумма завоеваній человѣческаго духа, сумѣвшаго проложить туннели сквозь горные кряжи, использовать водную энергію для электрическихъ станцій, просвѣтить умъ народа школой и привить ему политическое сознаніе. Если мнѣ позволятъ картинное сравненіе—европейская культура окрасила материковую часть Италіи лишь пятнами, залилась на верхнюю и среднюю часть полуострова и почти не тронула юга. Что же касается острова Сициліи, то существующій и понынѣ сицилійскій сепаратизмъ—далеко не безпочвенное явленіе: въ культурно-политическомъ смыслѣ Сицилія почти такъ же оторвана отъ остальной Италіи, какъ и въ географическомъ.

Даже и теперь, спустя сорокъ лѣтъ по объединеніи итальянскихъ государствъ въ единое королевство, нельзя говорить объ итальянской націи, какъ о цѣломъ. Въ каждой провинціи есть свой патріотизмъ и своя гордость, каждый горожанинъ считаетъ свой городъ особо отмѣченнымъ исторіей и особо славнымъ въ лѣтописяхъ отечества. И, конечно, невозможно убѣдить миланца въ томъ, что европеизація его столицы отняла у нея все характерно-итальянское, или римлянина—въ томъ, что вѣчный городъ славенъ только прошлымъ и слишкомъ мало даетъ настоящему. Прежняя фактическая раздѣльность выродилась теперь въ своеобразный провинціальный патріотизмъ, большею частью только смѣшной и наивный, но въ извѣстныхъ отношеніяхъ крайне вредный для общегосударственной жизни. И лучшимъ показателемъ этой неполноты сліянія итальянцевъ въ одну націю служитъ разница въ нарѣчіяхъ, доходящая до того, что природный тосканецъ абсолютно не понимаетъ природнаго генуэзца или неаполитанца, несмотря на небольшое разстояніе, ихъ раздѣляющее. Поэтому, изучать бытъ Италіи—значитъ изучать жизнь и нравы каждой отдѣльной провинціи, порою даже отдѣльной коммуны.

И все-таки у всѣхъ этихъ, если можно такъ выразиться, итальянскихъ племенъ есть что-то общее, если и не сплотившее еще, то способное сплотить ихъ въ единую націю. Общая судьба, отдававшая ихъ на многіе годы подъ власть то тѣхъ, то другихъ иноземцевъ, то варваровъ, то „просвѣтителей“, общая судьба, державшая ихъ въ экономическомъ рабствѣ и политическомъ безволіи, привила этому свободолюбивому по природѣ и темпераменту народу черты привычныхъ рабовъ, равнодушно подчиняющихся любой власти. Многіе склонны отрицать эту характерную черту итальянскаго народа—и прежде всего, конечно, сами итальянцы. Какъ! Называть привычнымъ рабомъ народъ, выгнавшій иноземцевъ изъ своего края, давшій міру Гарибальди, создавшій державу изъ ряда ничтожныхъ государствъ? Называть этимъ именемъ націю, отнявшую у властителя міра—папы—

его свѣтскую власть, осуществившую у себя политическую свободу, какой не знаетъ даже современная Франція? А между тѣмъ это такъ, хоть и смѣнилъ бурбоновъ и австрійцевъ савойскій домъ, снявшій жатву съ полей, гдѣ бились гарибальдійцы, хоть и обратился въ „ватиканскаго узника“ прежній жестокій римскій судія, нынѣ властвующій во главѣ иной арміи и подчиняющій инымъ оружіемъ. И ни одинъ историкъ и экономистъ не рѣшится отрицать, что никогда при владычествѣ Бурбоновъ южное населеніе Италіи не несло такихъ налоговыхъ тяготъ, какъ при нынѣшнемъ свободномъ конституціонномъ строѣ. Popolo utile paziente e bastonato,—этотъ двусмысленный подзаголовокъ антиклерикальнаго „Asino“ звучитъ горькимъ признаніемъ.

Но съ другой стороны глубоко неправы тѣ, кто считаетъ Италію страной мертвой, и итальянцевъ—народомъ прошлаго. Правда, давно уже Италія не дѣлаетъ цѣнныхъ вкладовъ въ міровыя сокровищницы науки и искусства. Ея былая слава кажется исчерпанной. Страна вѣчнаго искусства—она даетъ современности лишь сравнительно ничтожные образчики упадочнаго и подражательнаго художества и лишь по старой памяти продолжаетъ именоваться передовой страной въ этой области. Но Италія—не мертвая страна, а лишь затормозившаяся въ своемъ развитіи. Ея прошлое говоритъ за то, что ее ждетъ будущее, а временный застой ея самобытнаго развитія вполнѣ логично объясняется ея позднѣйшей исторіей. Слишкомъ велики задатки у этого „народа, привычно терпѣливаго и бичуемаго“, чтобы онъ не воскресъ вновь, когда придетъ его время; слишкомъ прекрасна и ярка эта страна, чтобы ея дальнѣйшая исторія могла быть сѣрой и безцвѣтной. И тотъ, кто умѣетъ различать народъ затертый и силы дремлющія отъ кучки дѣйствующаго меньшинства, создающаго исторію этихъ дней, тотъ пойметъ, что силы итальянскаго народа не исчерпаны и будущее отъ него не закрыто. Лишь углубившись ниже поверхности внѣшнихъ бытовыхъ различій и провинціально-патріотическихъ теченій, можно открыть то общее, что послужитъ ферментомъ для образованія будущей націи, сильной, оригинальной и интересной. Чудится, что къ „привычному рабу“ вернется гордое сознаніе его предковъ-римлянъ, смягченное свѣтомъ истинной культуры, къ которой онъ уже идетъ медленнымъ, но увѣреннымъ шагомъ.

Не задаваясь цѣлью детальнаго изученія Италіи, я бы раздѣлилъ ее не по границамъ провинцій и не по полосамъ развитія промышленности, какъ это дѣлается изслѣдователями. Для того, чтобы составить себѣ общій обликъ страны лазурнаго неба, лучше всего раздѣлить ее на двѣ неравныя части: Италію показную и Италію подлинную. Поскольку первая несложна и легка для пониманія, а

потому исчерпана, постольку вторая сложна, разнообразна и малоизвѣстна. Италія показная—это та живописная историческая страна, которую создалъ спросъ богатаго форестьера, обвелъ границами Бедекеръ и изобразилъ во всѣхъ видахъ фотографическій аппаратъ. Это—Италія на открытыхъ письмахъ. Отъ крупныхъ пограничныхъ пунктовъ страны идетъ сѣть протоптанныхъ дорогъ, по которымъ круглый годъ безконечными лентами тянутся иностранцы со всѣхъ пунктовъ земного шара, гдѣ только есть агентство путешествій Кука и продается знаменитая книжка въ красномъ переплетѣ. Однихъ влечетъ сюда страсть къ путешествіямъ, другихъ—любопытство, третьихъ—скука, четвертыхъ—любовь къ искусству и старинѣ, пятыхъ—просто инерція. Вся эта разношерстная масса форестьеровъ разливается по артеріямъ заранѣе опредѣленнымъ, скопляясь въ пунктахъ, особо отмѣченныхъ въ несравненной книжкѣ. Для нѣкоторыхъ пунктовъ существуютъ спеціальные сезоны, и къ этому времени сюда стекается изъ глубинъ самой Италіи все продажное и все жаждущее наживы. Въ глазахъ итальянца форестьеръ — человѣкъ, карманы котораго полны ненужныхъ ему денегъ, который неопытенъ въ житейскихъ дѣлахъ и довѣрчивъ въ денежныхъ разсчетахъ, который сыплетъ золото за право посмотрѣть на закатъ солнца именно съ того, а не съ этого камешка, вѣритъ болтовнѣ хитраго гида какъ священному преданію, покупаетъ въ качествѣ antichità черепокъ горшка прошлогодней выдѣлки и т. п. Однимъ словомъ, форестьеръ глупъ, но весьма полезенъ—и умному человѣку не грѣшно отъ него нажиться. И вотъ, такой психологіей проникается все населеніе тѣхъ пунктовъ, черезъ которые пролегаетъ форестьерская тяга. Той же психологіей проникаются городскія управленія посѣщаемыхъ центровъ, въ томъ же направленіи работаетъ правительство. Чтобы тяга форестьеровъ не ослабѣла, необходимо предоставить имъ всѣ тѣ удобства, которыми они пользуются въ своей странѣ: возможно исправнѣе содержать дороги, открывать отдѣленія банковъ, застраивать отелями живописныя мѣста, поддерживать руины, ставить скамейки на подъемахъ для страдающихъ одышкой, разбивать скверы и публичные сады, содержать оркестры музыки; покровительствовать агентствамъ и „международнымъ обществамъ благоустройства“ и т. п. Надо устроить все такъ, чтобы форестьеръ за свои деньги чувствовалъ себя какъ дома—полнымъ хозяиномъ положенія. И вотъ, мало-по-малу, живописный уголокъ Ривьеры, или островокъ близъ южнаго побережья, или средневѣковой городокъ обращаются въ какую-то международную гостинницу, а все мѣстное населеніе—въ добровольныхъ и нечистыхъ на руку лакеевъ богатаго иностраннаго барина. Неизмѣнной остается только красота природы: синева неба, величіе моря, дикость обры-

вистаго берега, непорочность античнаго мрамора—однимъ словомъ, то вѣчное, чего не въ силахъ передѣлать холопская услужливость итальянца. Не въ силахъ? Къ сожалѣнію, сила этой своеобразной цивилизаціи слишкомъ велика: уже обезобразила рука человѣка морской берегъ, проложивъ по нему дорожки со скамейками—традиціонную курортную „марину". На вершинѣ Monte Porto-Fino, выдвинутой въ Генуэзскій заливъ, она поставила ресторанъ и провела къ нему автомобильный путь; къ Arco Naturale на о. Капри она сдѣлала безобразный спускъ, съ площадками для удобства фотографовъ-любителей; она „починила" античныя статуи римскихъ музеевъ, чтобы изящный вкусъ форестьера не оскорблялся отбитымъ носомъ и стыдливость его не страдала отъ неприкрытыхъ частей тѣла. Духъ „великаго Бернини"—скульптора среднихъ вѣковъ, придѣлавшаго двѣ колокольни къ чудному римскому пантеону (удаленныя впослѣдствіи, такъ называемыя „ослиныя уши")—живетъ въ современномъ итальянцѣ, готовомъ въ жертву серебряной лирѣ принести златострунную лиру Аполлона...

Форестьеръ несетъ деньги,—форестьеръ же вноситъ и развратъ. Путешествующій иностранецъ оставляетъ дома всѣ хорошія черты своей націи и заграницей сливается съ прочей интернаціональной толпой въ одну вѣчно движущуюся массу, жаждущую тѣхъ или иныхъ, невинныхъ или пикантныхъ наслажденій, за которыя она щедро платитъ. Сообразно съ этимъ и итальянецъ, забывая свои лучшія традиціи, примѣняется ко вкусу потребителя и идетъ на все, что сулитъ ему барышъ: фиглярничаетъ, унижается, обмѣриваетъ, обвѣшиваетъ, вступаетъ въ сдѣлки съ совѣстью и, „для большей понятности", ломаетъ свой языкъ на англійскій манеръ. Въ результатѣ форестьеръ получаетъ, конечно, искомое наслажденіе, но онъ не видитъ настоящаго итальянца и подлинной Италіи: онъ видитъ лишь Италію показную, спеціально форестьерскую. И глубоко ошибочно было бы судить объ Италіи по тѣмъ этапамъ форестьерскаго движенія, къ которымъ принадлежатъ теперь, кромѣ чисто курортныхъ мѣстъ, и такіе важные пункты, какъ Римъ, Флоренція, Венеція, Неаполь. А между тѣмъ это постоянно дѣлается. Въ широкой публикѣ распространено, напримѣръ, понятіе объ итальянцѣ, какъ о жуликѣ отъ природы, всегда готовомъ подсунуть вамъ фальшивую монету и надуть васъ въ товарѣ. Венеціанскаго гондольера и угодливаго сторожа музея принимаютъ за типъ итальянца, забывая, что именно иноземное вліяніе путешествующихъ господъ и передѣлываетъ честныхъ малыхъ въ эту отвратительную и наглую лакейскую породу.

Но есть другая Италія, недоступная взору форестьера, да и не интересующая его. Это—Италія землевладѣльцевъ, рабочихъ, масте-

ровыхъ, торговцевъ, общественныхъ дѣятелей, политическихъ борцовъ, служителей искусства. Внѣ предѣла форестьерской тяги и независимо отъ ея тлетворнаго вліянія итальянецъ живетъ своей собственной, трудовой, сложной и еще слишкомъ темной жизнью. Тутъ же, близъ Рима, на прекрасномъ и печальномъ Agro Romano люди борятся съ природой, борятся съ бѣдностью, силятся выйти изъ темноты и добиться хотя бы пониманія того, отчего такъ странно сложилась ихъ трудовая жизнь, что обширныя поля, разстилающіяся передъ ихъ глазами, вспаханныя ихъ руками, кормятъ не ихъ. Волнистая поверхность великаго „pian selvaggio“, окружающаго Римъ, гдѣ на высокихъ мѣстахъ чернѣютъ остатки мавзолеевъ, памятниковъ и акведуковъ, въ своихъ впадинахъ скрываетъ отъ глазъ форестьера, пересѣкающаго эту равнину на поѣздѣ или автомобилѣ, жалкія лачужки, крытыя соломой и хворостомъ, выстроенныя изъ того же хвороста и соломы. Это даже не избушки, а шалаши, а между тѣмъ подъ ихъ негостепріимнымъ кровомъ тысячи людей проводятъ бо̀льшую часть года, поднимаясь въ горы лишь послѣ уборки полей—до новыхъ посѣвовъ. Центръ міра, вѣчный городъ, Мекка поклонниковъ искусства древности окруженъ кольцомъ полей, гдѣ люди еще не вышли изъ рабства, гдѣ свирѣпствуетъ малярія и почти нѣтъ грамотныхъ. Нѣсколько десятковъ самоотверженныхъ лицъ, народныхъ учителей, дѣлятъ участь обитателей лачужекъ, пытаясь обучать ихъ дѣтей тутъ же, подъ открытымъ небомъ или подъ кое-какъ сколоченными навѣсами. На нѣсколько десятковъ деревушекъ одинъ учитель, и о постоянныхъ школьныхъ сооруженіяхъ думать нельзя; учитель переходитъ отъ одной группы хуторовъ къ другой — истинный сѣятель „Римскаго Поля“.

Вотъ Восточная Ривьера, совсѣмъ уже обратившаяся въ какое-то „иностранное побережье“. Безконечная морская даль, крутые обрывы берега, сѣрыя кудри оливъ, раскидистыя вѣтви фиговыхъ деревьевъ, сады пальмъ, богатыя виллы, десятокъ большихъ курортовъ. Вдоль берега тянется широкое прекрасное шоссе; населеніе живетъ съ достаткомъ, питаясь форестьерской щедростью. Но отойдите отъ моря въ глубь горъ—и картина мѣняется. Я бродилъ въ горахъ Ривьеры и видѣлъ, какъ люди исполняли тамъ обязанность ословъ на слишкомъ крутыхъ тропинкахъ. Обливаясь по̀томъ, по 30-ти градусной жарѣ они таскали на самый верхъ горъ, на головѣ, трехведерныя бочки... съ простой водой, такъ какъ природа не балуетъ итальянцевъ этой влагой. И это въ благодатной Лигуріи, вблизи богатѣйшаго порта. Кажется, нигдѣ въ Европѣ не найдется столько лысыхъ женщинъ, какъ въ Италіи, гдѣ человѣческая голова служитъ прежде всего для поднятія тяжестей и лишь потомъ для размышленій о тягости жизни.

А вѣдь Лигурія—край обильный и обезпеченный, окруженный заботами природы и правительства. Истинное итальянское горе живетъ на югѣ полуострова, въ Апуліи, Калабріи, Базиликатѣ. Природа позаботилась снабдить Римъ источниками для его прекрасныхъ фонтановъ, но она забыла о цѣлыхъ областяхъ, гдѣ народъ въ буквальномъ смыслѣ умираетъ отъ безводья. Въ прошломъ году Апулія, послѣ трехмѣсячной засухи, осталась безъ глотка питьевой воды, которую пришлось доставлять пароходами изъ Венеціи и Генуи—и это явленіе происходитъ здѣсь такъ же хронически, какъ у насъ неурожаи. Но и неурожай здѣсь хроническое явленіе, такъ какъ безъ дождей сохнутъ побѣги оливъ и виноградъ дозрѣваетъ въ зачаточномъ состояніи. Не радость и слишкомъ обильный урожай винограда: онъ рождаетъ винный кризисъ, опять-таки хроническое бѣдствіе въ Италіи. А между тѣмъ, природа здѣсь роскошна, и человѣку нужно лишь добавить то, что забыла ея творческая рука: провести акведуки, какъ это давно уже рѣшено въ принципѣ—но только въ принципѣ.

Да, въ древности люди были предпріимчивѣе. Я выше сказалъ, что природа щедра къ Риму; это не совсѣмъ вѣрно. Если мы наслаждаемся теперь обиліемъ воды римскихъ фонтановъ, каскадами фонтана Треви, радугой въ струяхъ двухъ гигантскихъ фонтановъ на площади св. Петра,—то все это сдѣлано людьми. Со всѣхъ горъ, окружающихъ римскую Кампанію, лучами тянутся къ Риму водопроводы. Эти гигантскія сооруженія древности лишь использованы нашими современниками. Остатки акведуковъ, разбросанные по Agro Romano, свидѣтельствуютъ объ энергіи древнихъ, дѣлавшихъ для украшенія одного города и пригородныхъ виллъ то, чего не могутъ сдѣлать современные итальянцы для спасенія отъ засухи и для утоленія жажды цѣлой провинціи. Но думаетъ ли форестьеръ, слушая шумъ четырехъ каскадовъ воды, вливающихся въ бассейнъ фонтана св. Павла на Джаниколо, — думаетъ ли онъ въ это время о городкѣ Бари, гдѣ знойнымъ лѣтомъ взрослые люди убиваютъ мальчика, чтобы завладѣть кувшиномъ воды, который онъ несетъ больной матери? А между тѣмъ такой фактъ зарегистрированъ тамъ въ минувшемъ году.

Я нарочно взялъ это частное бѣдствіе, чтобы подчеркнуть, что природа Италіи, которая восхищаетъ форестьера, является часто врагомъ итальянскаго труженика. Вообще нужно замѣтить, что географическія и климатическія данныя страны далеко не столь благопріятны, какъ это многіе думаютъ, и, во всякомъ случаѣ, въ борьбѣ за существованіе итальянцу приходится проходить суровую, а подчасъ и жестокую школу. Достаточно припомнить, что почти десятую часть территоріи этой земледѣльческой по преимуществу страны занимаютъ живописныя, но безплодныя скалы, и почти треть ея составляютъ горы,

почва которыхъ, частью по своимъ природнымъ качествамъ, частью въ силу систематическаго обезлѣсенія, слабо производительна. Къ этому нужно прибавить еще малярію въ самыхъ плодородныхъ мѣстностяхъ, градобитія, порою уничтожающія посѣвы въ цѣлой провинціи.

Исполняя предписанія красной книжки, форестьеръ заглянетъ, конечно, въ одинъ изъ переулковъ неаполитанской набережной—заглянетъ и отвернется съ негодованіемъ. Узкіе переулочки, лишенные свѣта изъ-за высокихъ стѣнъ, затѣнены еще бѣльемъ, развѣшаннымъ на протянутыхъ изъ окна въ противоположное окно веревкахъ,—цѣлая крыша изъ бѣлья. Среди невѣроятной грязи, тутъ же на улицѣ кипитъ рабочая сутолока: кузнецы, сапожники, плетельщицы цыновокъ, паяльщики—всѣ работаютъ на мостовой, на которой люди, лошади и ослы слились въ живую, шумную, кипящую массу. Въ иныхъ домахъ прямо въ стѣнѣ продѣлано отверстіе, черезъ которое выливается грязь и отбросы на узкую улицу, почти недоступную для проѣзда одного извозчичьяго экипажа. Двѣ сестры—грязь и бѣдность—здѣсь царятъ безраздѣльно. И аккуратный нѣмецъ въ спортсменскихъ чулкахъ, бросивъ взглядъ на этотъ очагъ заразы, произноситъ свой судъ: итальянецъ отъ природы грязенъ, нечистоплотенъ, некультуренъ и пр. Къ тому же заключенію придетъ онъ и въ Римѣ, заглянувъ на дворикъ затибрской стороны или пройдя по переулку гдѣ-нибудь близъ Ватикана или синагоги. И, конечно, онъ будетъ относительно правъ, но только относительно. Во-первыхъ, слишкомъ смѣло было бы обобщать итальянскую нечистоплотность. Встрѣчаются въ Италіи коммуны удивительныя по чистотѣ и опрятности, даже по-нѣмецки аккуратныя: маленькая чистенькая площадь, обсаженная подстриженными деревьями, съ неизбѣжнымъ памятникомъ Гарибальди въ центрѣ, бѣлый, стильный муниципальный домъ, тщательно подметенныя улицы, протертыя талькомъ окна ресторановъ, въ которыхъ не видно пьяныхъ, симметрично расклеенныя казенныя объявленія... Правда, такихъ коммунъ немного. Во-вторыхъ, въ искусствѣ перетряхать постели, ковры и коврики итальянскія хозяйки могутъ поспорить съ нѣмецкими, и даже присутствіе во всѣхъ окнахъ развѣшеннаго бѣлья—характерная особенность итальянскихъ домовъ—также свидѣтельствуетъ не о неряшливости, а скорѣе о чистоплотности. Но, главное—виноватъ ли итальянецъ въ томъ, что онъ грязенъ? При той нищетѣ, какая свила гнѣздо въ томъ же Неаполѣ, при той небрежности, съ которой правительство Италіи относится къ нуждамъ южнаго населенія, невозможно требовать отъ итальянца аккуратности финляндской хозяйки, привязывающей къ висячей лампѣ особую шерстинку, на которую, по ея наблюденіямъ, должны охотно садиться мухи и которая брез-

гливо мѣняется разъ въ недѣлю. Правда, южный итальянецъ сушитъ свои макароны прямо на пыльномъ заборѣ и ѣстъ ихъ пальцами,—но зато онъ и не убиваетъ всю свою жизнь на щепетильную закраску царапинъ на мебели и изобрѣтеніе маленькихъ клозетовъ для мухъ; и право же, какъ ни элегантенъ Гельсингфорсъ,—а Неаполь богаче содержаніемъ...

„Страна вѣчнаго искусства, страна великихъ мыслителей старыхъ временъ, центръ, откуда возсіялъ міру свѣтъ вѣчныхъ истинъ“... Такъ думаетъ наивный путешественникъ, переѣзжая границу въ Моданѣ или Понтеббѣ. А между тѣмъ, эта родина геніальныхъ и просвѣщеннѣйшихъ умовъ, имена которыхъ вписаны въ исторію, насчитываетъ теперь 48% безграмотныхъ, при чемъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ процентъ этотъ возрастаетъ до 78,7 (Калабрія). Даже въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ было, напримѣръ, въ погибшей Мессинѣ, процентъ безграмотныхъ достигаетъ 60. И это при наличности политической свободы, въ странѣ, гдѣ не требуется полицейскаго свидѣтельства о благонадежности, чтобы имѣть право разсказать ближнему своему о таинственныхъ знакахъ А. В. С. И это въ странѣ, гдѣ номинально еще съ 1860 года введено всеобщее обученіе! Нельзя сказать, чтобы итальянское министерство народнаго просвѣщенія было бездѣятельно. Напротивъ, 35 министровъ, смѣнившихъ другъ друга съ 1860 г., выпустили въ свѣтъ невѣроятное количество циркуляровъ, уничтожающихъ одинъ другой, и создали цѣлое войско попечителей и инспекторовъ, долженствующихъ примѣнять къ жизни эти циркуляры. Русскихъ не удивитъ, конечно,—какъ удивляетъ остальную Европу,—что самое косное, на формализмѣ построенное министерство въ Италіи,—это именно министерство Минервы, какъ оно здѣсь называется. Печальнѣе всего то, что и коммуны съ меньшей разсчетливостью ассигнуютъ средства на замощеніе улицъ и устройство фонтановъ, чѣмъ на городскія школы. Даже правительственные инспектора свидѣтельствуютъ, что городскіе администраторы являются злѣйшими врагами народнаго просвѣщенія, въ особенности на югѣ. Знаменитый Деляновскій циркуляръ о кухаркиныхъ сыновьяхъ нашелъ бы немало сторонниковъ среди сицилійской буржуазіи; здѣсь высказываются противъ обязательности всеобщаго обученія именно въ виду того, что это приводитъ къ общественной нивеллировкѣ и ставитъ сына крестьянина на одну доску—или, по крайней мѣрѣ, садитъ на одну скамейку — съ сыномъ барина. Народное образованіе продолжаетъ оставаться главнымъ образомъ въ рукахъ духовенства, которое преподаетъ прежде всего показную мораль, а затѣмъ немножко и грамоту. Въ послѣднее время нѣкоторыя большія коммуны ведутъ борьбу за лаицизацію школы. Но могутъ ли онѣ успѣшно бороться

съ „черными воронами“, которые принимаютъ ребенка чуть не голымъ, одѣваютъ его, учатъ безплатно и выпускаютъ лицемѣрно набожнымъ и дѣйствительно приспособленнымъ къ жизни? Нужно много силъ и много средствъ, чтобы сузить сферу вліянія престола св. Петра. О частной же иниціативѣ говорить не приходится, такъ какъ она развита мало, при отсутствіи всякой поддержки со стороны казны. Въ концѣ концовъ немного значатъ школы въ странѣ, гдѣ крестьянинъ долженъ выгадывать лишній кусокъ хлѣба на трудѣ ребенка, ворошащаго сѣно, а рабочій можетъ посылать девятилѣтняго сына на шолковую или бумагопрядильную фабрику. Если есть въ Италіи много мѣстностей безъ школы, то есть также немало школъ безъ учениковъ. Въ нѣкоторыхъ коммунахъ число учащихся доходитъ лишь до 25% полнаго комплекта.

Безграмотность вездѣ дружитъ съ суевѣріемъ, но Италія въ этомъ отношеніи побиваетъ рекордъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Вятскому мужику еще простительно вѣрить въ нечистую силу, съ которой, впрочемъ, онъ ухитряется уживаться полюбовно,—но неаполитанскому горожанину гораздо менѣе простительно вѣрить въ кипѣніе крови св. Януарія и въ возможность увидать во снѣ выигрышные номера правительственной лотереи. На суевѣріи итальянца играютъ (въ буквальномъ смыслѣ) не только остроумные проходимцы, но и само государство. Въ одной изъ прошлыхъ статей я упоминалъ о bancolotto—лотереѣ, содержимой казной и служащей для обиранія кармановъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Эта игра процвѣтаетъ во всей Италіи, но главнымъ плательщикомъ „налога на дураковъ“ (imposta sugli imbecilli) является югъ. Для соблазна игроковъ государственныя лавочки вывѣшиваютъ внутри помѣщенія и на наружныхъ дверяхъ „счастливые номера“, спеціально вычисленные на ближайшую субботу по гороскопамъ, по „закону вѣроятности“, по числамъ даннаго мѣсяца. Внутри имѣются рулетки, повернувъ которыя игрокъ получаетъ судьбой указываемый ему номеръ, имѣются книги съ весьма обстоятельнымъ толкованіемъ сновъ, а кромѣ того каждый чиновникъ можетъ указать вамъ цифру, соотвѣтствующую вашему видѣнію. Масса шарлатановъ, изъ которыхъ иные достигли заслуженной извѣстности, какъ знатоки черной магіи, разсылаютъ по всей Италіи печатное предложеніе услугъ за умѣренное вознагражденіе: двѣ лиры гонорара („на почтовые расходы“)—и обыватель безплатно получитъ отъ нихъ указаніе какого-нибудь terno-secco, съ вѣрнымъ выигрышемъ въ нѣсколько тысячъ. И обыватель посылаетъ, ошибается въ разсчетахъ, вновь посылаетъ, мѣняетъ мага, обманываетъ самого себя и систематически отдаетъ государству свой заработокъ. Въ Неаполѣ, съ помощью „черной магіи“, государство обираетъ съ населенія больше 12 лиръ въ

годъ на одно лицо, т.-е. около 60 лиръ въ годъ на одну семью. Дорого платитъ югъ за свое просвѣщеніе! Но суевѣренъ не одинъ югъ. Недавно я наблюдалъ во Флоренціи, въ этомъ сравнительно очень культурномъ городѣ, любопытнѣйшія сцены публичнаго гаданья. На маленькомъ возвышеніи среди площади стоитъ женщина; вокругъ нея толпа народа. Съ утра до вечера эта современная Пифія отчитываетъ вслухъ свои предсказанія каждому желающему за пару сольдо. И, зная итальянцевъ, я не думаю, чтобы они руководились простымъ любопытствомъ; для нихъ — это просто удобный случай узнать свою судьбу по дешевой цѣнѣ. Гадалка можетъ сказать невѣрно, значитъ—плохая гадалка; другая, получше, предскажетъ вѣрнѣе. Впрочемъ, что говорить объ уличной толпѣ, когда во время прошлогодняго апулійскаго безводья въ городѣ Бари коммунальныя власти и офицеры инженернаго корпуса оффиціально присутствовали при опытахъ „жезлогадателя“, указавшаго артезіанскій колодецъ подъ монументомъ Гумберта I на десятисаженной глубинѣ, и весьма сожалѣли, что указаніе это, по невозможности сверлить въ этомъ мѣстѣ, осталось непровѣреннымъ и безрезультатнымъ.

У безграмотности есть еще сестра—преступность, борьба съ которой въ Италіи такъ же мало успѣшна, какъ и съ первой. Тяжеловѣсный механизмъ юстиціи, какъ бы ни была тяжела его карающая рука, не можетъ, конечно, считаться надежнымъ средствомъ къ исправленію нравовъ, тѣмъ болѣе, что итальянцамъ вообще свойственъ исторически сложившійся взглядъ на власть, какъ на необходимое зло. Меня въ данномъ случаѣ интересуютъ лишь два характерныхъ, близкихъ по духу явленія итальянской жизни, такъ щекочущія любопытство англійскихъ путешественниковъ: неаполитанская Каморра и сицилійская Мафія. Каморра, издавна свившая себѣ гнѣздо въ столицѣ южной Италіи, многимъ представляется явленіемъ чрезвычайно таинственнымъ, почти мистическимъ. Неуловимый, но тѣсный союзъ между людьми разныхъ соціальныхъ положеній, особые ритуалы, необыкновенная сила сопротивленія, державшая въ повиновеніи всю администрацію вплоть до высшихъ ея представителей—все это съ виду очень занимательно и даже, пожалуй, красиво. Но только съ виду. Въ дѣйствительности сила Каморры очень преувеличена; ея ритуалы—простая комедія, ея составъ—подонки общества, набранные какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ его слоевъ, и тѣсно сплоченные общностью низменныхъ интересовъ. Низшая Каморра, вербуемая изъ мелкихъ и крупныхъ воровъ, проститутокъ, убійцъ и прочихъ „бывшихъ людей“, не могла бы существовать безъ дружеской поддержки такъ называемой Высокой Каморры, продающей административныя должности и покупающей депутатскія кресла. Каморра давно бы раз-

сѣялась, еслибы ее не оберегала полиція, ею ставленная и ею закупленная. Связываетъ каморристовъ не ритуалъ, а просто общая выгода большихъ и малыхъ разбойниковъ, которые, покрывая и помогая другъ другу, держатъ въ страхѣ обывателя. Сицилійская Мафія, какъ явленіе, гораздо интереснѣе. Это—не столько организація, сколько результатъ столкновенія культуры съ вѣками выработанными обычаями. Но и здѣсь ореолъ, окружающій Мафію въ глазахъ форестьера, необходимо сбросить. Подъ этимъ именемъ часто разумѣютъ разбойничьи шайки, составленныя изъ крестьянъ, борющихся чуть ли не за идеалъ соціальной справедливости. Возьмите учебникъ или дешевый энциклопедическій словарь, и вы прочтете тамъ, что Мафія—„сицилійское тайное общество, ставящее своей задачей охрану низшихъ слоевъ населенія отъ несправедливости и притѣсненій, не стѣсняющееся средствами и при случаѣ пускающее въ ходъ убійства и грабежи“ (словарь Павленкова). Здѣсь вѣрно только послѣднее. Отъ прежнихъ благородныхъ разбойниковъ, подвиги которыхъ облекались въ героическую дымку, не осталось и признака. Банды современной Мафіи вербуются главнымъ образомъ изъ среднихъ классовъ земледѣльческаго населенія и служатъ не защитой крестьянства отъ помѣщиковъ, а наоборотъ—помощью латифундисту, выжимающему изъ крестьянина послѣдній потъ. Мафія естественно враждебна объединенію Италіи, такъ какъ оно лишило мѣстныя коммунальныя власти ихъ прежняго неограниченнаго вліянія на населеніе. Въ 1849-мъ году Мафія подавила начавшееся въ Сициліи освободительное движеніе и возвратила островъ деспотизму Бурбоновъ. Въ 1860-мъ году, въ періодъ экспедиціи гарибальдійской тысячи, она терроризировала сицилійское крестьянство. Въ 1894-мъ году она возстала противъ проекта Криспи объ экспропріаціи латифундій. Центръ Мафіи и основа ея власти—муниципалитеты, которые вербуются изъ ея ставленниковъ. Это ведется со времени Бурбоновъ, система управленія которыхъ именно и заключалась въ предоставленіи мѣстной администраціи полной свободы выжимать соки изъ населенія. Въ распоряженіи этихъ муниципальныхъ мафіозовъ имѣется доходнѣйшая статья—dazio consumo (октруа), которая и составляетъ основной фондъ для ея операцій. Конечно, налогъ на пищевые продукты падаетъ на бѣднѣйшіе классы населенія, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ сицилійскихъ коммунахъ муниципальные чиновники пользуются привилегіей свободнаго провоза съѣстныхъ припасовъ, т.-е. попросту привилегіей контрабанды. Такимъ образомъ, весь прежній ореолъ сицилійскихъ разбойниковъ давно уже отошелъ въ область преданія, и современные мафіозы представляютъ изъ себя лишь родъ аристократіи преступниковъ, узаконенную обычаемъ шайку казнокрадовъ и угнетателей насе-

ленія. Отъ прежняго моральнаго кодекса Мафіи осталась, быть можетъ, лишь упорная ненависть мафіозовъ къ писаннымъ законамъ и правительственной юрисдикціи. Того, кто обратился къ суду съ жалобой на обидчика, даже на убійцу, общественное мнѣніе подвергаетъ остракизму. Доносъ или выдача преступника считается величайшимъ безчестіемъ, хотя бы выдавшій на судѣ сдѣлалъ свое показаніе, чтобы избавиться отъ незаслуженной пожизненной каторги. И эта мораль мафіозовъ имѣетъ глубокіе корни въ обычаяхъ сициліанцевъ, чѣмъ, конечно, и объясняется ея живучесть. Одновременно съ отрицаніемъ судовъ и писанныхъ законовъ обычай одобряетъ самосудъ и вендетту во всѣхъ видахъ, не исключая и мести родовой. Не совсѣмъ обычно звучатъ для нашего уха такія газетныя сообщенія: „Въ коммунѣ такой-то мѣстный обыватель А убилъ В, съ которымъ былъ въ давней враждѣ. Братъ убитаго посаженъ въ тюрьму“ — обычный пріемъ судебной власти, чтобы воспрепятствовать кровавой мести. Впрочемъ, нужно замѣтить, что не вездѣ судебныя власти рѣшаются идти на такія мѣры, такъ какъ судейскія мѣста въ Сициліи обычно также занимаются мафіозами.

Такова печальная дѣйствительность, вопреки ореолу таинственности и романтичности, которыми окружены южные бандиты въ глазахъ путешествующаго буржуа-форестьера. Быть можетъ, спросятъ, какъ могутъ существовать Каморра и Мафія въ наше время, въ странѣ парламентскаго режима? Вотъ это-то именно и любопытнѣе всего. Дѣло въ томъ, что и неаполитанская Каморра, и сицилійская Мафія, сбросивъ свои романтическіе плащи, давно уже занялись главнымъ образомъ и больше всего избирательной борьбой, какъ административной, такъ и политической. Возможность ихъ дальнѣйшаго существованія стоитъ въ непосредственной зависимости отъ состава законодательныхъ органовъ и министерскаго кабинета — и этотъ составъ пока имъ благопріятенъ. Югъ, гдѣ безъ содѣйствія или противъ воли этихъ современныхъ бандитовъ почти ни одинъ депутатъ не можетъ получить кресла въ Палатѣ, является главнымъ поставщикомъ министерскаго большинства, а во времена еще не столь отдаленныя весь кабинетъ министровъ состоялъ изъ мафіозовъ и камморристовъ. Такимъ образомъ, главное зло заключается не столько въ непосредственныхъ подвигахъ мафіозовъ, сколько въ тѣснѣйшихъ узахъ, связывающихъ Мафію съ министерской „Высокой Камморой“.

Въ этомъ маленькомъ очеркѣ я могъ, конечно, остановиться только на немногихъ, случайно подобранныхъ и почти не связанныхъ между собою явленіяхъ итальянской жизни, преимущественно на тѣхъ, въ которыхъ ярко различны двѣ стороны: показная и подлинная. Показная—это та, которая существуетъ въ представленіи путешественника

по Италіи, знакомящагося со страной по Бедекеру и по старымъ преданіямъ, давно уже не имѣющимъ подъ собой почвы. Подлинная же сторона явленій какъ разъ менѣе всего интересуетъ случайнаго наблюдателя и въ то же время болѣе всего интересна и многообразна. Народъ, пережившій такую сложную и многострадальную исторію, заслуживаетъ того, чтобы картины его современнаго быта не оставлялись безъ вниманія. Было бы слишкомъ жаль, еслибы памятники старины и античные мраморы музеевъ заслоняли собой лицо итальянца нашихъ дней, съ его радостями и горемъ, съ его сложными переживаніями и его порывами пробиться изъ темноты на дорогу свѣта и культуры.

Много, слишкомъ много тѣней въ итальянской жизни—а между тѣмъ, и можетъ быть именно поэтому, нельзя не относиться съ глубокой симпатіей къ этому интересному народу. Бытъ его не узнается по книгамъ, какъ нельзя изучить по учебнику его языкъ. Нужно войти въ его собственную жизнь, чтобы полюбить его даже за его недостатки. Итальянецъ по природѣ добродушенъ, откровененъ, даже немного излишне болтливъ и всегда готовъ открыть свою душу первому встрѣчному, кто ему понравится. Въ немъ нѣтъ американской предпріимчивости — но нѣтъ и англійскаго чванства; онъ не обладаетъ находчивостью француза—но и не придетъ въ восторгъ отъ нѣмецкаго остроумія. Если въ республиканской Франціи традиціонныя слова liberté, egalité, fraternité остались теперь только на монетахъ, да надъ дверьми полицейскихъ участковъ, то въ монархической Италіи духъ свободы гораздо шире конституціи и господствуетъ надъ ней. Зачастую рабъ въ обыденной жизни, итальянецъ никогда не забываетъ о томъ, что его раса — господская, и что въ былые дни каждый иностранецъ былъ для римлянина только варваромъ. Въ то же время въ его природѣ есть много анархическаго въ широкомъ смыслѣ слова. Онъ совершенно неспособенъ къ суровой дисциплинѣ, чему лучшимъ показателемъ служитъ итальянское войско. Итальянцевъ считаютъ большими милитаристами. Врядъ ли это правильно. Видалъ я, какъ римскій буржуа приподымаетъ шапку передъ знаменемъ карабинеровъ, этой привилегированной и развращенной части итальянскаго войска, занятой исключительно уличной службой и борьбой съ „внутреннимъ врагомъ“. Видалъ я также самыя благодушныя улыбки итальянской толпы по адресу ея любимцевъ — берсальеровъ, этихъ низкорослыхъ альпійскихъ стрѣлковъ, съ цѣлымъ каскадомъ темнозеленыхъ перьевъ на шляпѣ. И кажется мнѣ, что если въ первомъ случаѣ въ буржуа говоритъ его почтеніе къ защитникамъ „общественнаго порядка“, то во второмъ проявляется просто страстная любовь итальянца ко всякому зрѣлищу, ко всякой

мишурѣ, зеленымъ кантамъ, перьямъ, — вообще, дѣтская любовь къ игрѣ въ солдатики. Да и нельзя не залюбоваться на этихъ простоватыхъ безусыхъ парней изъ горныхъ коммунъ, одѣтыхъ въ немножко смѣшной, но очень оригинальный костюмъ, марширующихъ всегда по обычаю форсированнымъ маршемъ и не знающихъ усталости. Что же касается до того милитаризма, который проявляется въ непомѣрныхъ ассигновкахъ парламента на военныя нужды, при скупости его въ вопросахъ народнаго просвѣщенія, то парламентъ — не народъ и столь же мало можетъ его представлять, сколь малый процентъ населенія Италіи (около 8%) можетъ участвовать въ его избраніи. Нѣкоторый духъ воинственности въ итальянцѣ всегда есть, какъ есть и извѣстная, довольно значительная доля націонализма — но нужно вспомнить исторію этого народа, оружіемъ добившагося признанія своей націи, оружіемъ создавшаго ее изъ ряда мелкихъ государствъ. Нужно еще много времени, чтобы итальянецъ пересталъ при словѣ „Австрія“ вздрагивать, какъ боевой конь, заслышавшій трубу.

Какъ бы то ни было—итальянскій народъ имѣетъ право на особое вниманіе. Политическая жизнь Италіи не представляетъ особаго интереса, но тѣмъ большій интересъ имѣетъ жизнь общественная, въ широкомъ смыслѣ. Главную роль въ дѣлѣ завѣдыванія нуждами населенія играютъ муниципальныя учрежденія; чрезвычайно важную роль играетъ общественная самопомощь всѣхъ видовъ, въ особенности кооперативныя предпріятія и профессіональные союзы. Что же касается правительства, то оно „не имѣетъ времени заниматься управленіемъ страной, такъ какъ всегда занято управленіемъ парламентомъ“. И это, быть можетъ, къ счастью для Италіи: тамъ, гдѣ конституція оставляетъ желать многаго, лучше имѣть правительство показное, чѣмъ правительство подлинное...

Мих. Осоргинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ШВЕЙЦАРІИ

Нѣсколько времени тому назадъ въ Большомъ Совѣтѣ (Grand Conseil) Женевскаго кантона министръ полиціи и юстиціи, Альберъ Монуаръ, пожелалъ разсѣять слухи, будто женевской полиціею составляются о гражданахъ секретныя „замѣтки“ (dossiers). Въ полиціи — сказалъ онъ—„имѣются доссье о томъ, что уже отошло въ вѣчность. Хранить такія свѣдѣнія—обязанность всякой хорошо организованной полиціи.

Но и эти доссье не каждому могутъ быть показаны, а лишь тѣмъ, кому они нужны для исполненія служебныхъ обязанностей. Доссье о частной жизни гражданъ, о ихъ политическихъ убѣжденіяхъ — въ архивѣ женевской полиціи нѣтъ. Есть, правда, доссье и о лицахъ, не привлекавшихся къ судебной отвѣтственности—объ анархистахъ". Тутъ температура въ залѣ засѣданія начала повышаться. На крайней лѣвой раздается возгласъ: „и о соціалистахъ!". Нѣтъ,—отвѣчалъ министръ—„объ анархистахъ, а не о соціалистахъ,—поскольку эти послѣдніе не являются анархистами... Бываютъ моменты, когда граница между соціалистами и анархистами стирается..." Это замѣчаніе подливаетъ масла въ огонь. Но Монуара будто кто толкаетъ на дальнѣйшіе рискованные шаги. Онъ съ нѣкоторою игривостью замѣчаетъ, что частной жизнью интересуется не полиція, а лѣвыя газеты, онъ же, Монуаръ, никогда не станетъ составлять подобнаго рода доссье, кромѣ случаевъ, когда это обязательно по закону (натурализація и т. п.). Женевская полиція — вызывающе продолжаетъ министръ — честно исполняетъ свой долгъ передъ гражданами, она нисколько не расположена шпіонить и выслѣживать. А впрочемъ—ему нѣтъ дѣла до того, что̀ о немъ говорятъ и думаютъ. Для него достаточно, что правительственный совѣтъ (Conseil d'Etat) имѣлъ возможность убѣдиться въ корректномъ отношеніи полиціи къ ея обязанностямъ. Монуаромъ было предложено предсѣдателю совѣта (онъ же—президентъ республики) и одному изъ его коллегъ по министерству посѣтить бюро департамента полиціи и осмотрѣть, съ данной точки зрѣнія, всѣ доссье, хранящіяся, въ количествѣ 70.000, въ архивѣ департамента. Они посѣтили, осмотрѣли и—одобрили „внутреннюю политику" министерства полиціи. Встаетъ предсѣдатель правительственнаго совѣта и подтверждаетъ, что при осмотрѣ, на выборъ, доссье бюро полиціи имъ и министромъ Перреаромъ не найдено было такихъ, которыя компрометировали бы полицію.

Спокойствіе, однако, не возстановляется. Радикалы набрасываются на несимпатичнаго имъ представителя власти, демократы (крайняя правая, къ которой принадлежитъ и Монуаръ) встаютъ на его защиту. Дебаты долго идутъ въ предѣлахъ парламентскихъ словопреній. Но вотъ, врачъ и приватъ-доцентъ университета, Виссъ, соціалистъ, проситъ Монуара сообщить парламенту, правда ли, что послѣ смерти бывшаго директора полиціи, Жорно, на квартирѣ послѣдняго было обнаружено много полицейскихъ доссье. На этотъ вопросъ Монуаръ вынужденъ отвѣтить положительно. Еще раньше видный представитель партіи „молодыхъ радикаловъ", адвокатъ Вильмэнъ, замѣтилъ, что „нѣкоторыя" доссье *никому* недоступны. Послѣ признанія Монуара выступилъ его товарищъ по министерству, старый, испы-

танный боецъ-радикалъ Анри Фази. Онъ спросилъ, какое же значеніе имѣетъ посѣщеніе бюро полиціи министрами, если нѣкоторыя доссье могутъ находиться не тамъ, а въ другомъ мѣстѣ? Это послужило сигналомъ къ взрыву. Монуаръ обратился къ г. Фази со словами: „Вы ведете себя по отношенію ко мнѣ такъ же оскорбительно, какъ и г. Вильмэнъ!“

Страсти закипѣли. Всѣ заговорили, закричали разомъ; никто никого не слушалъ. Шумъ покрывается громкимъ возгласомъ Вильмэна: „Достаточно, г. Монуаръ, достаточно; слишкомъ долго мы васъ здѣсь терпимъ...“ Правые кричатъ: „Въ воду лѣвыхъ!“ Соціалисты и радикалы называютъ Монуара лжецомъ. Президентъ собранія не въ силахъ возстановить порядокъ, и ему остается только объявить перерывъ. Послѣ возобновленія засѣданія Фази торжественно заявляетъ, что не подвергаетъ ни малѣйшему сомнѣнію искренность Монуара: онъ хотѣлъ только сказать, что никто не можетъ свидѣтельствовать больше того, что онъ самъ видѣлъ. Монуаръ сообщаетъ то, что ему извѣстно,—и съ этой стороны онъ, Монуаръ, не заслуживаетъ упрека. Но—продолжаетъ Фази — „въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ женевская полиція дѣлаетъ больше того, на что ей даетъ право конституція. Она обязана вести себя осторожно и — открыто. Всякое вторженіе кого бы то ни было въ частную жизнь гражданъ противно нашимъ нравамъ и должно вызывать соотвѣтствующую реакцію со стороны правительственнаго совѣта. Вопросъ объ анархистахъ заставилъ насъ вступить на путь практики политической полиціи. Объ этомъ нужно сожалѣть; но во всякомъ случаѣ это обязываетъ насъ къ еще большей осторожности и обдуманности. Въ интересахъ страны нужно строго блюсти за тѣмъ, чтобы правосудіе у насъ не хромало, чтобы юстиція не вырождалась“.

Тотчасъ послѣ закрытія засѣданія было созвано экстренное собраніе членовъ демократической партіи. Монуаръ заявилъ, что желаетъ оставить свой постъ. Собраніе согласилось съ нимъ, и Монуаромъ была вручена президенту республики отставка.

Я здѣсь прерву на время изложеніе хода событій, чтобы освѣтить уже сказанное. Читатели, конечно, обратили вниманіе на то обстоятельство, что въ министерствѣ женевской республики рядомъ сидятъ радикалъ Фази и демократъ Монуаръ. Это—довольно обычное явленіе въ политической жизни Швейцаріи. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія идетъ въ этой странѣ борьба между двумя направленіями. Успѣхъ все больше склоняется на сторону радикаловъ. Но это не значитъ, что выборныя общественныя должности чаще принадлежатъ цѣликомъ

представителямъ радикальной партіи. Дѣло сводится только къ тому, что чѣмъ дальше, тѣмъ большее число мѣстъ въ управленіи принадлежитъ радикаламъ, вытѣсняющимъ постепенно демократовъ. Такъ, въ Женевѣ въ предыдущемъ министерствѣ 4 мѣста принадлежало радикаламъ, 3 — демократамъ, а въ нынѣшнемъ—5 мѣстъ принадлежитъ первымъ и только 2—вторымъ. Въ послѣднее время значеніе соціалистической партіи въ политической жизни Швейцаріи возрастаетъ. Вотъ, для иллюстраціи, результаты недавнихъ выборовъ въ Базелѣ: президентомъ избранъ 87 голосами противъ 17 соціалистъ Вуллилегеръ, вице-президентомъ — радикалъ Штокклинъ, 69 голосами противъ 35. Парламентарная система управленія въ Швейцаріи не примѣняется. Какъ общее правило, министры всегда дослуживаютъ срокъ, на который они избраны; между тѣмъ, сроки выборовъ въ парламентъ и въ министерство не совпадаютъ. Другими словами, министерство извѣстнаго состава продолжаетъ оставаться у власти и при новомъ распредѣленіи мѣстъ въ парламентѣ. Нынѣшнее министерство Женевы служило первый годъ при одномъ составѣ парламента, а остальные два года дослуживаетъ при совершенно иномъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, перемѣна кабинета или отдѣльнаго лица, стоящаго во главѣ того или другого департамента (министерства) не влечетъ за собою перемѣнъ въ составѣ служащихъ. Въ Швейцаріи чиновники, занимающіе даже высшіе отвѣтственные посты по управленію страною, служатъ по 20—30 лѣтъ и переживаютъ по десятку министровъ, безъ всякаго вреда для дѣла управленія. Слѣдствіемъ такого положенія вещей является значительная самостоятельность членовъ кабинета. Правда, ст. 82 и 84 конституціи Женевы устанавливаетъ солидарную отвѣтственность министровъ передъ народомъ; но въ сферѣ дѣятельности, порученной тому или другому лицу, какъ министру, отвѣтственность несетъ также и индивидуально этотъ послѣдній. По толкованію юристовъ, во всемъ, что касается, напримѣръ, полицейскихъ досье, отвѣтственность падаетъ лично на министра полиціи и юстиціи.

Всѣ эти особенности политической жизни Швейцаріи объясняютъ тотъ фактъ, что одинъ изъ министровъ, Фази, могъ выступить передъ парламентомъ съ критикою дѣйствій другого министра, Монуара. На этотъ разъ, однако, столкновеніе между министрами приняло такую рѣзкую форму, что и разрѣшеніе конфликта, по необходимости, должно было быть необычнымъ. Монуаръ подалъ въ отставку, т.-е. отдалъ свою судьбу въ руки избирателей.

Было бы ошибочно предполагать, что даже въ истинно-конституціонныхъ странахъ полиція свободна отъ упрековъ. Правда, полицейскій несетъ тамъ незнакомую русскому быту отвѣтственность передъ судомъ присяжныхъ за каждое противозаконное дѣйствіе по службѣ,

благодаря чему полиція пользуется симпатіями и уваженіемъ населенія. Хорошимъ полицейскимъ и тамъ, однако, считается такой, который умѣетъ ловко выслѣживать преступниковъ, который въ состояніи преодолѣть сопротивленіе арестуемаго, который не упуститъ арестованнаго,—и т. п. Не менѣе важною функціею полицейскихъ на Западѣ является умѣнье „очистить“ улицу отъ толпы. Я скажу болѣе: все это западно-европейскіе полицейскіе продѣлываютъ гораздо болѣе умѣло, а потому — и болѣе „энергично“, чѣмъ наши. Не для украшенія только улицъ существуютъ полицейскіе на Западѣ: какъ и у насъ, на ихъ долю выпадаетъ много „черной“ работы. На дняхъ швейцарской полиціи нѣсколькихъ сосѣднихъ кантоновъ приходилось, по образцу средневѣковыхъ пріемовъ борьбы съ разбойниками, устраивать облаву на нѣкоего Маковскаго (по всей вѣроятности—выходецъ изъ прусской Польши), бѣжавшаго изъ мѣста заключенія и наводившаго своими подвигами ужасъ на окрестное населеніе. Жандармы переодѣвались, устраивали засады на перекресткахъ дорогъ, въ лѣсахъ, на мостахъ, готовились къ форменному сраженію съ бандитомъ. Я помню случай, когда въ центрѣ Женевы, на Place Molard, жандармы принуждены были пустить въ ходъ револьверы: буяны, разгоряченные виномъ и дракою, не давали себя арестовать, вступили съ агентами власти въ рукопашную — и жандармы, руководствуясь инструкціей, дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ. Всѣ швейцарскіе граждане — великолѣпные стрѣлки, оружіе у жандармовъ — безукоризненное, патроны—свѣжіе: въ Швейцаріи нѣтъ нашихъ интендантовъ. Вступать въ бой съ швейцарскими жандармами—дѣло рискованное.

Объ умѣньѣ швейцарскихъ жандармовъ владѣть „холоднымъ“ полицейскимъ оружіемъ, т.-е. кулаками, нечего и говорить. Всѣ швейцарцы съ 4—5-тилѣтняго возраста обучаются гимнастикѣ и спортивнымъ играмъ. Не послѣдняя роль въ ряду этихъ „игръ“ принадлежитъ борьбѣ и англійскому боксу. Въ жандармы идутъ отборные люди, и кромѣ того—они проходятъ спеціальную школу. Бѣда буяну, котораго жандармъ захочетъ побороть, чтобы связать,—бѣда ему, если, намѣреваясь сопротивляться аресту, онъ получитъ отъ жандармскаго бригадира боксъ. А подобные случаи бываютъ—нельзя сказать, чтобы слишкомъ часто, но все же бываютъ.

Умѣло и энергично швейцарскіе жандармы „очищаютъ“ улицу отъ толпы. Во главѣ каждаго кортежа обыкновенно шествуетъ небольшой отрядъ жандармовъ, и если толпа не разступится во-время, жандармы начинаютъ „работать“. Во мгновеніе ока проходъ для кортежа готовъ. Съ такимъ же умѣньемъ и столь же энергично „работаютъ“ жандармы и въ менѣе невинныхъ случаяхъ. Какъ только отдается приказаніе разсѣять толпу, жандармы врѣзываются въ нее, схваты-

ваютъ въ желѣзные тиски своихъ могучихъ рукъ, кого могутъ, нацѣпляютъ, кому удастся, на руки „menottes“ (родъ наручней), и во всякомъ случаѣ сыплятъ направо и налѣво боксы въ сторону тѣхъ, кто „мѣшаетъ“ имъ исполнять ихъ „служебныя обязанности“. Но вотъ что надо замѣтить: какъ только сопротивленіе сломлено, толпа разсѣяна или дала дорогу кортежу,—полицейскій не позволитъ себѣ ни малѣйшаго насилія надъ личностью. Ни о побояхъ послѣ того какъ преслѣдуемый арестованъ, ни о преслѣдованіи разсѣявшихся, однимъ словомъ, ни о какомъ ненужномъ насиліи, ни о какой мести со стороны полицейскихъ въ Швейцаріи не можетъ быть и рѣчи. Да и въ самый моментъ насильственныхъ дѣйствій полицейскій можетъ себѣ позволить лишь то и лишь въ такой формѣ, что и въ какой формѣ необходимо для достиженія закономъ поставленной цѣли. Очищая улицу отъ толпы, швейцарскій полицейскій не наноситъ ударовъ: онъ прикладываетъ свой кулакъ къ вашей груди и, нажимая на нее съ силою, соотвѣтствующею вашему сопротивленію, отстраняетъ васъ. Арестовать отдѣльное лицо или разсѣять толпу полицейскіе могутъ, притомъ, лишь въ случаяхъ, точно указанныхъ закономъ. Полиція можетъ разсѣять толпу манифестантовъ — но лишь въ томъ случаѣ, если объ организаціи шествія не было своевременно заявлено. Стачечники могутъ быть подвергнуты преслѣдованію, но не потому, что они забастовали, а лишь за то, напримѣръ, что они мѣшаютъ работать товарищамъ, не примкнувшимъ къ стачкѣ, или вообще совершаютъ дѣяніе, за которое несли бы отвѣтственность, если бы совершили его и не какъ стачечники.

Дѣйствія полицейскихъ, какъ и всякія другія человѣческія дѣйствія, не могутъ быть вполнѣ свободны отъ ошибокъ. Въ послѣднее время много заставляетъ о себѣ говорить полиція Цюриха. Года два тому назадъ она арестовала двухъ американцевъ (изъ Южной Америки), которые почему-то были приняты ею за фальшивомонетчиковъ. Не такъ давно были ею же арестованы два лица, разыскивавшія совершенно легальными способами наслѣдниковъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ умершаго милліонера. Дѣло разъяснилось лишь послѣ того, какъ французское и бельгійское правительства сдѣлали дипломатическія представленія (одинъ изъ арестованныхъ оказался бельгійцемъ, другой—французомъ). Недавно въ Цюрихѣ произошло крупное столкновеніе между полицейскимъ патрулемъ и разгулявшимися студентами-англичанами, сыновьями какого-то богатаго и знатнаго лорда. Много разговоровъ идетъ по поводу того, были ли дѣйствія юношей такими, чтобы вызвать репрессію со стороны полицейскихъ. Хотя швейцарскіе жандармы — отличные боксеры, но все имъ не устоять противъ „истинно-англійскаго“ бокса настоящихъ англичанъ: начальникъ па-

труля выбылъ изъ строя еще до конца боя, а физіономіи его подчиненныхъ оказались настолько разукрашенными, что пришлось ихъ въ теченіе недѣли не выпускать на улицу.

Лѣтомъ минувшаго года въ Женеву прибыла парочка — „онъ“ и „она“,—совершившая кражу въ предѣлахъ Франціи. Парочка мечтала укрыться въ Швейцаріи. Агенты французской полиціи успѣли ее настигнуть какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она переселялась съ вокзала въ гостинницу (Женева—у самой границы Франціи). Нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что дѣло происходитъ въ предѣлахъ другого государства, агенты арестовали молодыхъ людей и даже пытались отобрать ихъ багажъ у служащаго гостинницы; но служащій отказался исполнить требованіе агентовъ иностраннаго государства. Агенты французской полиціи обыскали молодого человѣка, отобрали у него револьверъ и даже надѣли ему на руки menottes. Дальше дѣйствовать агенты не могли. Они отправились къ полицейскому коммиссару Женевы, который послѣ допроса приказалъ отвести парочку въ тюрьму. „Законенъ ли этотъ арестъ?“ — спрашивала газета „Tribune“. „По какому праву французскіе полицейскіе позволяютъ себѣ задерживать людей, находящихся на швейцарской территоріи, хотя бы эти люди и были французскими подданными?“ Это—несомнѣнно голосъ народа. Газета „Tribune“ — чисто информаціонная, стоящая рѣшительно внѣ всякихъ партій. Случай—самый обыкновенный: арестъ воровъ. И тѣмъ не менѣе выражается возмущеніе по поводу незаконныхъ дѣйствій агентовъ сосѣдней страны, да и женевской полиціи, которая неправильно отнеслась къ ихъ дѣйствіямъ.

Постановленіе федеральнаго правительства, въ силу котораго должны быть собираемы свѣдѣнія объ анархистахъ, неизбѣжно повело за собою организацію политической полиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и злоупотребленія. Политической полиціи поручено было слѣдить за эмигрантами. Понятно, и здѣсь оффиціально рѣчь могла идти лишь объ эмигрантахъ-анархистахъ. Но вѣдь чтобы убѣдиться, нужно ли о томъ или другомъ лицѣ составлять секретное досье, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ собрать предварительно секретныя свѣдѣнія о самомъ фактѣ принадлежности этого лица къ числу анархистовъ. Такимъ образомъ, полиціи развязывались руки. Сторонникамъ своеобразно понимаемыхъ интересовъ порядка это было на руку. Отсюда—легкость, съ которою швейцарская полиція можетъ доставлять агентамъ иностранныхъ державъ свѣдѣнія о поведеніи, мѣстопребываніи и подлинномъ имени эмигрантовъ. Вообще, въ послѣднее время все чаще и чаще приходится слышать предположенія, что швейцарская полиція находится въ тѣснѣйшемъ общеніи съ агентами политической полиціи иностранныхъ государствъ. Она оправдывается

тѣмъ, что ей безразлично, по какимъ побужденіямъ собираются свѣдѣнія иностранными агентами, самой же ей эти свѣдѣнія нужны лишь для охраненія порядка и безопасности въ *предѣлахъ Швейцаріи*,—и будутъ ей нужны до тѣхъ поръ, пока тотъ или другой иностранецъ-эмигрантъ проживаетъ на швейцарской территоріи.

О бывшемъ товарищѣ слѣдственнаго судьи Женевы, нынѣ адвокатѣ, Анри Фридерихѣ, Монуаръ прочелъ въ парламентѣ сообщеніе одного изъ своихъ агентовъ, не называя послѣдняго по имени. Въ этомъ сообщеніи говорилось, что Фридерихъ пытался склонить агента на соучастіе, за деньги, въ убійствѣ генеральнаго прокурора республики и одного изъ полицейскихъ коммиссаровъ. Когда возмущенный этимъ Фридерихъ обратился къ Монуару съ просьбой показать ему подлинный рапортъ агента и назвать послѣдняго, то получилъ отказъ. Бывшій депутатъ Шатлэнъ, какъ членъ парламентской коммиссіи, которой поручено было произвести ревизію бюро департамента полиціи, собственными глазами видѣлъ доссье о лицахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть заподозрѣны въ принадлежности къ партіи анархистовъ или даже въ исповѣдываніи анархическихъ взглядовъ. Такъ напр., въ доссье объ артистѣ-любителѣ Шиндлерѣ и его женѣ имѣлись общія біографическія свѣдѣнія и были приведены программы концертовъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, перечислены романсы, которые онъ публично исполнялъ. Доссье предсѣдателя женевской соціалистической партіи, Сига, вѣсило около 15 килограммовъ. Свѣдѣнія этого доссье въ такомъ родѣ: „Сигъ насмѣшливымъ взглядомъ провожалъ проходившія мимо войска“ (намекъ на антимилитаристскія тенденціи соціалистовъ). „Прійдя на набережную вокзала, я встрѣтилъ тамъ Сига въ сопровожденіи... (перечисляются нѣсколько лицъ). Сигъ посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и сдѣлалъ рукою жестъ, какъ бы изображая изгнаніе“ (свѣдѣніе относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за изгнаніемъ изъ предѣловъ Швейцаріи итальянца-профессора). Между тѣмъ, Сигъ, при его оффиціальномъ положеніи въ соціалистической партіи, очевидно, не могъ быть заподозрѣнъ въ исповѣдываніи анархическихъ убѣжденій. Да и свѣдѣнія носятъ на себѣ печать истинно-шпіонскихъ замѣтокъ. Объ обществахъ—въ родѣ пѣвческаго „La Marianne“,—не имѣющихъ ничего общаго съ анархизмомъ, также существуютъ въ полиціи особыя доссье.

Въ одной изъ брошюръ, вызванныхъ инцидентомъ съ Монуаромъ, авторъ (бывшій депутатъ Шатлэнъ) пишетъ слѣдующее: „Въ демократической республикѣ, какъ наша, все должно происходить на виду у всѣхъ. Граждане имѣютъ право знать все. Они оплачиваютъ расходы по содержанію полиціи ради того, чтобы она ихъ защищала, въ раз-

счетѣ, что она будетъ дѣйствовать честно и употреблять чистыя средства. Только этимъ путемъ она можетъ сохранить за собою наше уваженіе". „Послѣ случая съ г. Монуаромъ,—говоритъ Сигъ въ партійномъ органѣ женевскихъ соціалистовъ, — „при полиціи будутъ храниться только тѣ доссье, веденія которыхъ требуетъ федеральное правительство. Конечно, и это уже что-нибудь да значитъ. Но секретныя доссье будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать политическая полиція". Самъ Монуаръ, въ рѣчи, произнесенной за два дня до выборовъ, признаетъ, что департаментъ полиціи—не изъ тѣхъ учрежденій, которыя пользуются популярностью: ему приходится все запрещать, со всѣми обращаться строго,—онъ не призванъ мирволить кому бы то ни было. Затѣмъ Монуаръ заявляетъ, что ему не въ чемъ раскаяваться: если онъ станетъ въ прежнія условія, онъ будетъ дѣйствовать по прежнему. „Никогда",—увѣряетъ онъ на другомъ предвыборномъ собраніи,—„никогда ни я, ни мои предшественники по министерству не разрѣшали собираніе свѣдѣній о частной жизни гражданъ". „Въ моментъ моего вступленія въ управленіе департаментомъ полиціи, — пишетъ Монуаръ въ сообщеніи правительственному совѣту,—я, въ виду нападокъ, которымъ подвергался мой предшественникъ, обратился къ директору центральной полиціи, покойному Жорно, съ указаніемъ, чтобы *ни въ какомъ случаѣ* не собирались свѣдѣнія о частной и политической жизни гражданъ, за исключеніемъ, само собою разумѣется, *политической* жизни анархистовъ, которые въ сущности не занимаются политикой, а являются нарушителями общественнаго порядка, и за которыми мы должны имѣть наблюденіе по требованію федеральнаго правительства. Жорно меня категорически увѣрилъ, что я могу быть совершенно спокоенъ на этотъ счетъ и что онъ еще разъ подтвердилъ агентамъ полиціи соотвѣтствующія распоряженія, данныя имъ еще при моемъ предшественникѣ".

Итакъ, всѣ въ Швейцаріи, не исключая самого министра полиціи, являются убѣжденными противниками полицейскаго надзора, разъ что онъ не оправдывается необходимостью отправленія правосудія, въ строгомъ согласіи съ требованіями конституціи. Такое пониманіе гражданами своихъ политическихъ правъ создаетъ въ Швейцаріи атмосферу, въ которой быстро возникаетъ и растетъ недовольство малѣйшимъ произволомъ агентовъ полицейской власти.

При новыхъ выборахъ въ министры кандидатомъ демократической партіи былъ выставленъ Монуаръ. Съ одной стороны—оспаривая достовѣрность инкриминируемыхъ ему фактовъ, съ другой—ссылаясь на необходимость поддерживать „порядокъ", „твердую власть" по отношенію къ соціалистамъ,—которыхъ, по теоріи Монуара, не всегда возможно отличить отъ анархистовъ,—Монуаръ могъ разсчитывать на

успѣхъ своей кандидатуры. Въ газетахъ было опубликовано слѣдующее, какъ сказали бы у насъ, „правительственное сообщеніе“: „Президентъ правительственнаго совѣта, желая снять съ себя и съ совѣта отвѣтственность въ дѣлѣ о такъ называемыхъ секретныхъ доссье, заявляетъ, что, какъ онъ узналъ, наканунѣ дня, когда делегаты совѣта должны были посѣтить бюро департамента полиціи, чтобы осмотрѣть доссье этого бюро, директоръ центральной полиціи, начальникъ полиціи безопасности и одинъ изъ служащихъ этого учрежденія отправились вечеромъ въ бюро и сами подвергли предварительной ревизіи упомянутыя доссье. Въ виду этого президентъ считаетъ себя обязаннымъ точнѣе опредѣлить смыслъ сказаннаго имъ въ засѣданіи большого совѣта. Онъ заявляетъ, что можетъ принять на себя отвѣтственность передъ гражданами лишь за тѣ доссье, которыя были показаны делегатамъ совѣта“.

„Сообщеніе“ произвело въ лагерѣ демократовъ такое впечатлѣніе, какъ если бы въ бюро департамента полиціи разорвалась бомба. Самъ Монуаръ, припертый къ стѣнѣ, въ своемъ отвѣтномъ „сообщеніи“ не отрицалъ, что имѣлъ свиданіе со своими чиновниками и что они ходили въ бюро въ промежутокъ времени между моментомъ, когда было рѣшено произвести ревизію, и моментомъ самой ревизіи; но онъ представлялъ, конечно, все дѣло въ самомъ невинномъ освѣщеніи. Мало того: Монуаръ призналъ, что имъ было отдано приказаніе уничтожить *одно* доссье, но и этому факту онъ старался придать самое ничтожное значеніе. Въ газетахъ радикаловъ и соціалистовъ Монуара называли обманщикомъ, лгуномъ, предателемъ, но демократы продолжали стоять за него. Враждебныя ему партіи, будучи захвачены врасплохъ, не могли въ короткое время сговориться на счетъ своего кандидата. Единственнымъ для нихъ исходомъ было—воздержаться отъ подачи голосовъ.

Нашелся, однако, способъ парализовать до извѣстной степени результаты выборовъ. Министры въ Женевѣ избираются непосредственно народомъ, путемъ всеобщей подачи голосовъ; затѣмъ собраніе министровъ само избираетъ изъ своей среды президента правительственнаго совѣта и распредѣляетъ портфели между своими членами. И вотъ, когда успѣхъ Монуара на предстоящихъ выборахъ для радикаловъ выяснился съ несомнѣнностью, радикальное большинство правительственнаго совѣта провело постановленіе—измѣнить прежнее распредѣленіе портфелей и передать управленіе министерствомъ полиціи президенту совѣта. Это значило, что по вступленіи Монуара обратно въ правительственный совѣтъ онъ уже не получитъ портфеля министра полиціи, и принужденъ будетъ удовольствоваться министерствомъ публичныхъ работъ.

Когда враждебныя Монуару партіи рѣшили уклониться отъ участія въ выборахъ, демократы поняли этотъ маневръ какъ желаніе создать условія, при которыхъ выборы оказались бы недѣйствительными. Согласно конституціи, для дѣйствительности выборовъ необходимо, чтобы за кандидата было подано не менѣе 3.000 голосовъ. Демократы утверждали, что разсчетъ лѣвыхъ партій ошибоченъ, что за Монуара будетъ подано болѣе 3.000 голосовъ. И дѣйствительно, онъ получилъ 5.679 голосовъ. Что въ его пользу голосовали не одни демократы и правые радикалы—въ этомъ сомнѣваться нельзя. Ясно, что за ихъ ставленника подавали голоса и нѣкоторые представители другихъ партій. Въ Швейцаріи это возможно, такъ какъ тамъ партійная дисциплина не поглощаетъ личности избирателя. По предположенію сотрудника мѣстной информаціонной газеты, искусившагося въ статистическомъ изслѣдованіи результатовъ голосованій, не менѣе 700—800 голосовъ Монуару было дано представителями лѣвыхъ партій. По тѣмъ же вычисленіямъ оказывается, что „независимые“, которые обѣщали отдать всѣ свои голоса Монуару, на самомъ дѣлѣ дали ему не болѣе половины ихъ. Надо принять во вниманіе, что партіи готовятся къ генеральному сраженію, которое должно произойти осенью, при очередныхъ выборахъ членовъ правительственнаго совѣта. Вслѣдствіе этого многіе, не видя другого кандидата, голосовали за Монуара, т.-е. предпочли голосовать за кого-нибудь, чѣмъ не голосовать вовсе (бѣлыхъ бюллетеней было подано всего 670). Настоящее положеніе дѣла могутъ освѣтить только общіе осенніе выборы.

Н. В—е—ій.

НОВЫЙ ФАЗИСЪ ЖЕНСКАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ.

I.

Представьте себѣ картину пожара, постепенно захватывающаго цѣлую страну. Долгое время тлѣлся огонь. Временами то здѣсь, то тамъ пробѣгаютъ змѣйки: вспыхнутъ и погаснутъ. И вдругъ пламя, разгорѣвшись, охватываетъ громадныя пространства, и несется бурно, стремительно, сметая на пути всѣ преграды...

Такова картина женскаго движенія, охватившаго Англію за послѣдніе три года и раздѣлившаго страну на два лагеря.

На первый взглядъ движеніе это поражаетъ неожиданностью: какъ будто въ ясный, солнечный день небольшое облачко, внезапно превратившись въ грозную тучу, заволокло все небо. Но такое впечатлѣніе обманчиво.

Женское движеніе въ Англіи, въ сущности, подготовлялось давно. Уже въ восемнадцатомъ вѣкѣ раздается громкій протестъ, пока единичный, противъ безправія женщинъ; появляется памфлетъ знаменитой Мэри Уольстонкрафтъ: „Въ защиту женщинъ". Требованія ея вызвали взрывъ негодованія. Въ то время лишь весьма немногіе мирились съ мыслью, что женщина имѣетъ какія-либо права внѣ семейнаго очага, что она не только жена и мать, но также, и прежде всего—человѣкъ. Первая піонерка женскихъ правъ была осыпана градомъ насмѣшекъ, порицаній, клеветы. Горасъ Вальполь, называвшій ее „гіеной въ юбкѣ" и „философствующей змѣей", вѣроятно, являлся выразителемъ общественнаго мнѣнія. Воззваніе первой англійской суфражистки не осталось, однако, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: оно нашло отголосокъ не только въ Англіи, но и въ другихъ странахъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ единичный протестъ принимаетъ болѣе широкіе размѣры. Образуются цѣлыя группы, „Національныя общества избирательныхъ правъ", добивающіяся уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами. Иниціаторомъ этой новой стадіи женскаго движенія является Дж. Стюартъ Милль: онъ прямо и опредѣленно ставитъ такъ называемый женскій вопросъ, и онъ же первый обличаетъ всю несостоятельность, косность и нелогичность приверженцевъ стараго строя.

Со времени Дж. Стюарта Милля женскій вопросъ входитъ въ анналы исторіи. Минутами движеніе его замираетъ, чтобы возгорѣться затѣмъ съ новой силой. Но въ моменты ослабленія, какъ и въ моменты энтузіазма, женскій вопросъ въ теченіе тридцати-восьми лѣтъ никогда не сходилъ съ той строго конституціонной, легальной почвы, на которую поставилъ его Милль въ своей знаменитой парламентской рѣчи 20 мая 1867 года. Лишь въ октябрѣ 1905 г. онъ выбивается изъ этого традиціоннаго русла и демонстративно бросаетъ вызовъ закону и обычаю. Роль революціоннаго рычага играютъ при этомъ условія экономическія, тѣсно связанныя съ политическимъ безправіемъ женщинъ. Условія эти за послѣдніе годы измѣнились въ ущербъ работницамъ: заработная плата мужчинъ въ Англіи поднимается, заработная плата женщинъ падаетъ. За послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ областяхъ фабричнаго и домашняго производства она уменьшилась почти вдвое. Главная причина такого паденія—возрастающая конкурренція на рабочемъ рынкѣ. Рабочіе, для охраненія своихъ интересовъ, обращаются

къ своимъ представителямъ въ парламентѣ; они соединяются въ рабочіе союзы, ассоціаціи и т. д. Среди женщинъ такія организаціи развиты сравнительно мало, и слабыя ихъ попытки встрѣчаютъ сопротивленіе со стороны мужчинъ. Въ результатѣ болѣе четырехъ милліоновъ женщинъ въ Англіи съ трудомъ добываютъ себѣ кусокъ хлѣба. При такихъ обстоятельствахъ горькой ироніей является одна повинность, по отношенію къ которой женщины сравнены съ мужчинами: а именно—работницы, члены трэдъ-юньоновъ, должны уплачивать извѣстный % изъ своего жалованья на содержаніе членовъ парламента отъ рабочихъ. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ трэдъ-юньонахъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ мужчинъ. На сѣверѣ Англіи на 306.000 работницъ въ текстильномъ производствѣ приходится всего 208.000 работниковъ; въ бумагопрядильныхъ трэдъ-юньонахъ на 90.000 женщинъ приходится 69.000 мужчинъ. И эти женщины, члены трэдъ-юньоновъ, должны удѣлять часть своего скуднаго жалованья на содержаніе членовъ парламента, не пользуясь никакими избирательными правами.

Противъ господствующаго экономическаго порядка выступила въ 1905-мъ году организація, извѣстная подъ названіемъ „Женскаго соціально-политическаго союза“. Основанный въ 1901-мъ году союзъ задался цѣлью будить самосознаніе въ работницѣ, выяснить ей, что безъ политическихъ правъ безполезно стремиться къ равенству передъ закономъ: это все равно, что толкать поѣздъ руками вмѣсто того, чтобы двигать его паромъ.

Впервые союзъ открыто выступилъ на политической сценѣ въ октябрѣ 1905-го года, въ періодъ избирательной кампаніи. Въ Англіи существуетъ обычай предлагать на избирательныхъ собраніяхъ вопросы кандидату въ парламентъ—и кандидаты отвѣчаютъ обыкновенно на всѣ вопросы, но далеко не всегда на вопросъ объ отношеніи ихъ къ избирательнымъ правамъ женщинъ. Когда осенью 1905-го года на митингѣ въ Манчестерѣ выступилъ кандидатомъ сэръ Эдуардъ Грэй, двѣ представительницы „Женскаго соціально-политическаго союза“, г-жи Панкхёрстъ и Анни Кеннэй, обратились къ нему съ письменнымъ вопросомъ: намѣрено ли либеральное правительство дать женщинамъ избирательныя права? Отвѣта не воспослѣдовало. Къ концу собранія, г-жи Панкхёрстъ и Кеннэй подняли флагъ, на которомъ было написано „избирательныя права женщинамъ“, и громко повторили свой вопросъ. Произошло замѣшательство. Публика потребовала, чтобы онѣ сѣли и не прерывали другихъ рѣчей; но г-жи Кеннэй и Панкхёрстъ продолжали настойчиво требовать отвѣта. Въ концѣ концовъ, онѣ были схвачены и выброшены на улицу. А когда онѣ тутъ же, на улицѣ, устроили митингъ, то ихъ посадили въ тюрьму. Такъ началась кампанія женщинъ за избирательныя

права. Подобные эпизоды выступленія членовъ „Женскаго соціально-политическаго союза“ повторились на избирательныхъ митингахъ въ другихъ городахъ, и, приблизительно, съ такимъ же результатомъ.

Какъ же отнеслись къ такимъ инцидентамъ общество и пресса? На этотъ вопросъ нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Одни высказались противъ самой идеи политическаго равноправія женщинъ. Другіе, сочувствуя ей въ принципѣ, осудили тактику поборницъ равноправія и рекомендовали конституціонный способъ борьбы. Наконецъ, третьи объявили себя горячими сторонниками тактики суфражистокъ. Одинъ изъ нихъ, м-ръ Бенсонъ, провелъ любопытную параллель между борьбой за политическія права мужчинъ и женщинъ. „Конечно“,—иронично писалъ Бенсонъ—„когда мужчины добивались избирательныхъ правъ, они не прибѣгали къ насильственнымъ пріемамъ суфражистокъ. Въ своей агитаціи они были вполнѣ конституціонны. Въ Бристолѣ они только сожгли Думу, таможню, дворецъ епископа, три тюрьмы, 42 частныхъ дома и амбара... Многіе конституціонные пожары произошли близъ Бедфорда, Кентэрбюри, Кембриджа и т. д. Такимъ образомъ мужчины дали женщинамъ великолѣпный примѣръ конституціонныхъ методовъ въ агитаціи за конституціонныя права. И мы можемъ лишь посовѣтовать поборницамъ равноправія подражать нашему примѣру... и тогда наша симпатія и поддержка будутъ на ихъ сторонѣ“.

Какъ ни различно было отношеніе общества и прессы къ тактикѣ суфражистокъ, одинъ положительный результатъ несомнѣнно былъ достигнутъ: манифестаціи женщинъ вызвали интересъ къ женскому вопросу и выбили враговъ его изъ прежней позиціи пренебрежительнаго равнодушія. Общественное мнѣніе встрепенулось; вся пресса заговорила о женскихъ правахъ. „Женскій соціально-политическій союзъ“ бросилъ вызовъ устарѣвшей рутинѣ. Вызовъ этотъ, заставивъ призадуматься искреннихъ друзей свободы, озлобилъ многихъ неисправимыхъ консерваторовъ. Среди послѣднихъ явились мнимые приверженцы демократизма: они доказывали, что ограниченныя цензомъ избирательныя права женщинъ, будто бы, послужатъ опорой для богатыхъ классовъ. Аргументъ этотъ разбивается цифрами: статистическія данныя ясно показываютъ, что изъ числа женщинъ, могущихъ при данныхъ условіяхъ воспользоваться избирательными правами, 82% принадлежатъ къ рабочему классу. Проведеніе билля о женскихъ правахъ увеличитъ армію борцовъ за народныя права. Въ своей profession de foi г-жа Лоренсъ, одна изъ главныхъ представительницъ „Женскаго соціально-политическаго союза“, говоритъ: „Мы готовы къ борьбѣ и ко всѣмъ ея послѣдствіямъ. ...Въ теченіе шестидесяти лѣтъ женщины обращались къ конституціонной агитаціи: воззванія къ правительству и партіямъ, массовые митинги, грандіозныя депутаціи,—все было

испробовано и ни къ чему не привело. Мы тщетно взывали къ чувству и разсудку. Худо ли, хорошо ли—Женскій соціально-политическій союзъ обратился къ инымъ методамъ. Отступленія для насъ нѣтъ... Мы не боимся. Мы знаемъ, что самый лучшій даръ жизни—борьба во имя великаго долга... Чѣмъ упорнѣе борьба, тѣмъ лучше".

Такъ начался новый фазисъ въ исторіи женскаго вопроса въ Англіи. Появленіе на сценѣ суфражистокъ придало всему движенію небывалую энергію и силу. Рядомъ съ „Женскимъ соціально-политическимъ союзомъ" дѣйствуетъ „Національный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ", проработавшій сорокъ лѣтъ и подготовившій почву для суфражистокъ. Есть, кромѣ того, цѣлый рядъ организацій, которыя, добиваясь политической равноправности женщинъ, имѣютъ свои спеціальныя задачи и цѣли. „Женская либеральная федерація" насчитываетъ 600 ассоціацій и 80.000 членовъ. „Женская кооперативная гильдія" имѣетъ 425 вѣтвей и болѣе 22.000 членовъ... Еще значительнѣе женскія рабочія организаціи. Изъ нихъ „Союзъ ланкаширскихъ работницъ текстильнаго производства" заключаетъ въ себѣ около 20.000 членовъ. При массовыхъ демонстраціяхъ женщинъ всѣ эти организаціи соединяются съ конституціоннымъ „Національнымъ союзомъ" или съ революціонными „Женскимъ соціально-политическимъ союзомъ" и „Лигой свободы женщинъ". Всѣ онѣ проникнуты сознаніемъ необходимости для женщинъ тѣсно сплотиться и отложить всякіе партійные и классовые счеты, во имя великой очередной цѣли—достиженія равенства передъ закономъ.

II.

Организаціи, стремящіяся къ равноправію женщинъ, различаются между собою главнымъ образомъ по способамъ достиженія цѣли. Можно было ожидать, что старѣйшее женское общество: „Національный союзъ избирательныхъ правъ" недружелюбно отнесется къ младшимъ собратіямъ—къ воинственнымъ союзамъ суфражистокъ. Можно было думать, что между двумя организаціями, столь различными по тактическимъ пріемамъ, произойдетъ расколъ, который пагубно отразится на всемъ ходѣ женскаго движенія. Опасенія эти не оправдались. Національный союзъ съумѣлъ обойти на своемъ пути всѣ подводные камни и рифы. Не усваивая воинственной тактики „Соціально-полит. союза", онъ воздалъ должное энергіи и мужеству суфражистокъ. Въ концѣ концовъ, между обѣими организаціями, конституціонной и революціонной, состоялось соглашеніе: каждая дѣйствуетъ отдѣльно, временно соединяясь съ остальными для совмѣстныхъ выступленій.

Внѣшнимъ знакомъ этого союза явился общій журналъ, „Women's Franchise", въ которомъ принимаетъ участіе и „Лига мужчинъ за избирательныя права женщинъ". Единеніе на почвѣ общаго дѣла благотворно отразилось на обоихъ флангахъ, правый флангъ полѣвѣлъ, лѣвый—поправѣлъ. „Національный Союзъ" уже не отрицаетъ пользы новыхъ, болѣе аггресивныхъ способовъ борьбы, а суфражистки не относятся съ презрѣніемъ къ тактикѣ конституціонной. „Мы не станемъ прибѣгать къ анти-конституціоннымъ дѣйствіямъ изъ желанія обострить интересъ къ намъ прессы"—говоритъ органъ суфражистокъ. Если конституціонная организація мирно ужилась съ революціонной, то въ средѣ послѣдней дѣло не обошлось такъ благополучно. Въ 1907 г. „Женскій соціально-политическій союзъ" раскололся на-двое: часть сохранила прежнее имя, остальные — наиболѣе идейные члены союза—приняли названіе „Лиги свободы женщинъ". Расколъ произошелъ вслѣдствіе разногласія по вопросамъ внутренней организаціи. Лидеры „Женск. соц.-политич. союза" пожелали править автократически, не справляясь съ желаніями и стремленіями большинства. Значительная и лучшая часть союза не согласилась съ такой постановкой дѣла, откололась и организовалась на началахъ конституціонныхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ союзъ, такъ и лига исповѣдуютъ одну и ту же „profession de foi". Въ тактикѣ главное различіе между ними сводится къ тому, что лига, въ общемъ, дѣйствуетъ сдержаннѣе и рѣже, осторожнѣе прибѣгаетъ къ аггресивному способу борьбы, чѣмъ союзъ. Лѣтомъ 1908 г. всѣ главныя женскія организаціи — какъ спеціально ратующія за равноправіе, такъ и другія, — соединились для публичныхъ демонстрацій въ пользу общаго дѣла. 20-го мая къ премьеръ-министру явилась депутація членовъ парламента съ требованіемъ предоставить женщинамъ избирательныя права. Отвѣтъ Асквита весьма характеренъ. „Когда",—сказалъ онъ—„будетъ внесенъ билль о всеобщемъ избирательномъ правѣ, то къ нему можетъ быть присоединена поправка, включающая женщинъ въ этотъ билль, если въ пользу билля выскажется населеніе страны, какъ мужчины, такъ и женщины. „Нац. союзъ избирательныхъ правъ" организовалъ 13 іюня грандіозную процессію: 2.000 женщинъ-представительницъ всѣхъ отраслей женскаго труда, съ флагами и знаменами, при самой торжественной обстановкѣ, продефилировали по главнымъ улицамъ Лондона и передъ зданіемъ парламента. Демонстрація, организованная въ строго конституціонномъ духѣ, привлекла вниманіе всей страны: было единогласно признано, что такой величественной процессіи въ Англіи еще не бывало. Съ своей стороны, „Женскій соц.-полит. союзъ" 30 іюня организовалъ въ Гайдъ-Паркѣ грандіозный митингъ; ораторы союза одновременно говорили съ 12-ти платформъ. И здѣсь публика, собравшаяся въ числѣ

около 300.000, въ общемъ отнеслась къ женщинамъ благопріятно. Тѣмъ не менѣе, когда депутація женщинъ явилась къ премьеръ-министру, онъ ее не принялъ и объявилъ, что ничего не имѣетъ прибавить къ тому, что̀ сказалъ 20-го мая. Иными словами, онъ отказался исполнить требованіе значительной части населенія, состоявшее въ томъ, чтобы правительство само внесло въ парламентъ билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ и тѣмъ обезпечило правильное его обсужденіе. Дѣйствительно, въ теченіе сорока лѣтъ билль о политическихъ правахъ женщинъ около двадцати разъ вносился отдѣльными членами парламента — и каждый разъ подвергался осмѣянію или замалчиванію. Такова въ Англіи судьба большей части биллей, идущихъ наперекоръ традиціямъ. Отказъ правительства взять на себя иниціативу внесенія билля о политическомъ равноправіи женщинъ вновь откладывалъ реформу на неопредѣленный срокъ.

Неудачи не охладили пылъ арміи женскаго движенія: наоборотъ. Отказъ Асквита былъ принятъ какъ вызовъ по адресу всѣхъ сознательныхъ женщинъ Англіи. 30-го іюня „Соціально-политическій Союзъ“ организовалъ публичный протестъ подъ стѣнами парламента. 50.000 человѣкъ, привлеченныхъ демонстраціей, собрались вокругъ парламента и внимали рѣчамъ суфражистокъ. Одна изъ нихъ съ высоты импровизированной, движущейся платформы, отправилась на лодкѣ къ парламенту и въ рупоръ держала громовую рѣчь вышедшимъ на террасу членамъ парламента. За демонстраціей 30-го іюня послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ боевыхъ выступленій со стороны какъ „Соціально-политическаго союза“, такъ и „Лиги свободы женщинъ“. И до сихъ поръ армія суфражистокъ ведетъ кампанію съ энергіей и отвагой, которымъ могла бы позавидовать любая европейская армія. И—что̀ весьма важно — одержанныя нравственныя побѣды не стоили ни единой капли крови. За все время борьбы не было совершено никакого насилія, если не считать нѣсколькихъ разбитыхъ стеколъ въ окнахъ Асквита. Главнымъ орудіемъ борьбы является воздѣйствіе на общественное мнѣніе, на общественную совѣсть. Еще болѣе важное значеніе, чѣмъ публичныя демонстраціи, имѣетъ участіе „Соціально-политическаго союза“ и „Лиги свободы женщинъ“ въ избирательныхъ кампаніяхъ. Въ Англіи, помимо общихъ парламентскихъ выборовъ, часто бываютъ выборы дополнительные: членъ парламента заболѣваетъ, умираетъ или оставляетъ свой постъ, и на его мѣсто являются новые кандидаты. Организуются предвыборные митинги, въ которыхъ самое горячее участіе принимаютъ суфражистки, устраивающія и свои собственные митинги. Такъ, напр., на выборахъ въ Хагерстонѣ „Лига свободы женщинъ“ въ теченіе пяти дней организовала 77 митинговъ. Всѣ кандидаты правительства, отка-

зывающаго женщинамъ въ избирательныхъ правахъ, встрѣчаютъ въ лицѣ женщинъ весьма опасныхъ политическихъ противниковъ. Убѣжденность суфражистокъ, пламенное ихъ краснорѣчіе нерѣдко увлекаютъ толпу, и въ результатѣ сотни, а иногда и тысячи сторонниковъ правительственнаго кандидата (т.-е. кандидата либеральной партіи) отказываютъ имъ въ поддержкѣ. Осенью въ Ньюкастлѣ правительственный кандидатъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе агитаціи „Лиги свободы женщинъ“: вмѣсто 6.000 голосовъ за онъ получилъ 2.000 противъ. Присутствовавшій на митингахъ членъ парламента, Ренвикъ, такъ отозвался о женщинахъ-ораторахъ: „Я въ восхищеніи отъ суфражистокъ“; „онѣ дали мужчинамъ урокъ, какъ говорить и какъ вести кампанію“. И этотъ отзывъ — далеко не единичный. Бывали случаи, когда въ аудиторіи на предвыборномъ митингѣ раздавался совѣтъ по адресу кандидата — молчать или же поучиться говорить у суфражистокъ... Другимъ новымъ и оригинальнымъ способомъ пропаганды являются такъ называемые караваны. Лѣтомъ 1908 г. всѣ три организаціи, борющіяся за права женщинъ, снарядили каждая по каравану. Агитаторы брали крытую повозку и отправлялись странствовать по странѣ, останавливаясь во всѣхъ мѣстечкахъ, входя въ общеніе съ мѣстными жителями, собирая митинги. Населеніе обыкновенно относилось къ ораторамъ съ интересомъ, иногда обращалось въ ихъ вѣру. Но бывали и случаи враждебнаго отношенія, при чемъ со стороны проповѣдницъ равноправія требовалось немало мужества и самозабвенія. Осенью въ одномъ городкѣ толпа едва не разбила повозку „Лиги свободы“, а лидера лиги, г-жу Деспардъ, забросала каменьями. Такъ же различно отношеніе аудиторіи и на уличныхъ митингахъ, которые суфражистки ежедневно организуютъ въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи. Опишу два митинга, устроенныхъ „Лигою свободы женщинъ“, при которыхъ мнѣ пришлось присутствовать въ августѣ и сентябрѣ 1908 г. Мѣсто дѣйствія перваго—небольшой скверъ въ городкѣ Чельтенхамъ. Дождливый осенній день. Группу собравшихся на митингъ членовъ „Лиги свободы женщинъ“ встрѣчаетъ толпа подростковъ-хулигановъ: визгъ, хохотъ, грубыя шутки. Секретарь лиги, м-ссъ Мартинъ, становится на скамейку и пытается говорить: ее прерываютъ, устраиваютъ кошачій концертъ, бросаютъ въ членовъ лиги бумажки, рисъ и проч. Но г-жа Мартинъ неуязвима: „я не тороплюсь“, — спокойно говоритъ она, — „я подожду, когда вы кончите“. И скрестивъ руки, невозмутимо ждетъ, пока юные дикари не успокоятся. Это длится около получаса. Но вотъ одинъ джентльменъ—увы! единственный въ толпѣ—пробуетъ угомонить хулигановъ, увѣщаетъ ихъ, но все напрасно. Потерявъ терпѣніе, онъ бросается на нихъ съ кулаками, и мгновенно митингъ превращается въ кулачный бой. Но

это длится всего одну минуту. Нашъ рыцарь одерживаетъ верхъ надъ своими противниками, и послѣдніе стушевываются. Тишина и миръ возстановлены. Суфражистки безпрепятственно обращаются къ толпѣ съ рѣчами: митингъ заканчивается вполнѣ благополучно.

Сцена другого митинга—гораздо болѣе грандіозная и внушительная. Трафальгарскій скверъ въ Лондонѣ. На возвышеніи у статуи Нельсона собрались члены „Лиги свободы женщинъ", чтобы апеллировать къ общественному мнѣнію по поводу судебнаго рѣшенія: судъ приговорилъ Дэзи Лордъ, молодую дѣвушку безъ средствъ, брошенную любовникомъ и съ отчаянія убившую своего ребенка,—къ смертной казни. Въ теченіе трехъ недѣль Дэзи Лордъ ожидала роковой развязки; затѣмъ казнь была замѣнена безсрочной каторгой. Адвокатами за несчастную выступили суфражистки и подняли агитацію по всей странѣ, собирая подписи подъ петиціей объ отмѣнѣ приговора. Митингъ и былъ созванъ „Лигой свободы женщинъ" въ защиту Дэзи Лордъ, жертвы современнаго соціальнаго строя. Собралось около двухъ тысячъ публики. Ораторами явились и мужчины и женщины, съ знаменитой г-жей Деспардъ во главѣ. На этотъ разъ публика была настроена въ высшей степени сочувственно: предметомъ рѣчей являлась не отвлеченная теорія, а живая, безпомощная и страждущая человѣческая душа. Всѣхъ ораторовъ встрѣчали и провожали сочувственно, а м-ссъ Деспардъ устроили цѣлую овацію. Митингъ закончился единогласно принятой резолюціей, требовавшей освобожденія Дэзи Лордъ.

Представленная мною картина показываетъ, какъ великъ путь, пройденный за послѣдніе годы сознательными элементами женскаго населенія Англіи. Правда, есть и теперь много враждебныхъ силъ. Такъ, подъ руководствомъ извѣстной писательницы, м-ссъ Humphrey Ward, создалась цѣлая лига анти-суфражистокъ; но, малочисленная и слабая, она не имѣетъ нравственныхъ устоевъ. Не вполнѣ благопріятно и отношеніе прессы: лишь нѣсколько органовъ печати открыто стали на сторону женщинъ, остальные относится къ боевому крылу ихъ арміи или индифферентно, или критически. Тѣмъ не менѣе, вся печать радикально измѣнила свой взглядъ на женское движеніе: она уже не замалчиваетъ его, какъ раньше, а наоборотъ, отводитъ ему значительное мѣсто какъ въ журналахъ, такъ и въ газетахъ. Ненадежно отношеніе къ женскому вопросу политическихъ партій: ни одна изъ нихъ не вставила въ свою программу политическаго равноправія женщинъ. Въ Англіи самыя радикальныя партіи вѣрны, до извѣстной степени, принципу консерватизма, который красной нитью проходитъ во всей исторіи Англіи. И тѣмъ не менѣе, несмотря на радикализмъ русскихъ прогрессивныхъ партій и консерватизмъ соотвѣтствующихъ партій въ Англіи, весьма вѣроятно, что въ Россіи принципъ

свободы и равноправія осуществится лишь въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, тогда какъ въ Англіи женщины, безъ сомнѣнія, весьма скоро добьются уравненія съ мужчинами. Этого слѣдуетъ ожидать какъ въ виду историческихъ условій, столь благопріятныхъ въ Англіи и неблагопріятныхъ въ Россіи, такъ и въ виду различнаго характера націй. Неутомимая энергія, упорство въ преслѣдованіи цѣли и самоотверженная преданность идеѣ—таковы отличительныя черты англійской націи въ ея лучшихъ представителяхъ. Неудачи и превратности судьбы ихъ не пугаютъ, заставляя лишь удваивать энергію и закаляться въ борьбѣ...

„Когда зарождается любовь къ человѣчеству, собственное *я* умираетъ“,—говоритъ одна изъ представительницъ женскаго движенія въ Англіи. „А когда умираетъ собственное *я*, то съ нимъ вмѣстѣ пропадаетъ и всякій страхъ личныхъ страданій и потерь“. Слова знаменательныя! Побѣда суфражистокъ покажетъ всему міру силу нравственнаго воздѣйствія, устраняющаго на своемъ пути всѣ преграды, покоряющаго, въ концѣ концовъ, насиліе и произволъ.

Н. Мировичъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

За послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ среди нашихъ беллетристовъ и поэтовъ совершился съ великою стремительностью и радикальностью весьма прискорбный процессъ: исчезъ серьезный, строгій взглядъ на печатное слово, исчезли требовательность и критическое отношеніе къ своимъ произведеніямъ и смѣнились какимъ-то наивнымъ легкомысліемъ и самомнительнымъ неряшествомъ, чуть не возведеннымъ въ принципъ.

Наши старые мастера, писатели часто геніальной одаренности, никогда не позволяли себѣ выпускать въ печать вещи недоработанныя. Изъ матеріала, печатаемаго теперь, напримѣръ, въ полныхъ собраніяхъ сочиненій Лермонтова, не болѣе одной трети было опубликовано имъ самимъ. Все остальное разыскано, много лѣтъ спустя послѣ его смерти, трудолюбивыми библіографами въ портфеляхъ и тетрадяхъ поэта. И среди произведеній, забракованныхъ Лермонтовымъ, немало вещей съ весьма замѣчательными художественными достоинствами:

но требовательный къ себѣ самому авторъ считалъ недостойнымъ своего дарованія выступать передъ публикой съ тѣмъ, что̀ не запечатлѣно всей доступной для него мощью творчества. Вспомнимъ, что муза Лермонтова едва ли не впервые дебютировала въ печати поэмой „Хаджи-Абрекъ", попавшей на типографскій станокъ безъ вѣдома автора—и несмотря на успѣхъ этой поэмы, Лермонтовъ былъ въ ярости отъ того, что показали публикѣ произведеніе, которое онъ самъ считалъ только одною изъ пробъ пера.

У современныхъ нашихъ художниковъ слова, наоборотъ, вошло въ обычай печатать и перепечатывать чуть не всякую страничку, которая выльется изъ-подъ ихъ пера. Пусть это — отрывокъ, безъ конца и безъ начала, пусть это — блѣдный, неудавшійся этюдъ не дающейся автору идеи, неяснаго настроенія, непокорнаго ритма, пусть—рыночная подѣлка, во дни юности проданная въ какой-нибудь листокъ ради куска насущнаго хлѣба: все теперь идетъ въ дѣло, все превращается въ книжный товаръ, рекламируется, навязывается читателю, и временно находитъ сбытъ среди толпы, мало понимающей искусство по существу, но падкой на мѣдь звенящую эфемерной, часто незаслуженно раздутой славы...

Еще полъ-горя, когда охота предавать тисненію каждую свою строчку подсказана юнымъ задоромъ и полу-дѣтскимъ самомнѣніемъ. Многіе навѣрно еще помнятъ буйные дебюты одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ поэтовъ, Валерія Брюсова. Много шума и смѣха вызвало первое изданіе его „Chefs d'oeuvre" (1895 г.), которое авторъ кичливо завѣщалъ „не современникамъ и даже не человѣчеству, а вѣчности и искусству". Критика встрѣтила весьма сурово эту книжку, и если далеко не всѣ судьи съумѣли уловить проблески настоящаго дарованія среди дремучаго лѣса грубѣйшихъ промаховъ молодого поэта, то во всякомъ случаѣ для начинающаго автора многое должно было быть поучительнымъ въ единодушныхъ указаніяхъ на пустозвонную вычурность, а иногда и на прямую безграмотность его первыхъ опытовъ. Но юное необузданное самолюбіе почувствовало себя уязвленнымъ: выпуская въ слѣдующемъ году новое изданіе своей книжки, Брюсовъ не только не очистилъ ее отъ явно неудачныхъ строкъ и строфъ, а, наоборотъ, съ досады и наперекоръ общему мнѣнію, включилъ въ нее и тѣ „произведенія, въ которыхъ самъ видѣлъ недостатки" и которыя поэтому считалъ невозможнымъ печатать въ первомъ изданіи „Chefs d'oeuvre". Теперь онъ уже „не находилъ нужнымъ изъ-за второстепенныхъ недостатковъ скрывать произведенія, въ которыхъ есть замѣчательныя частности". Правда, кое-какіе кляксы перваго изданія оказались во второмъ подчищенными. Такъ напримѣръ, явно безграмотный стихъ:

И мать, *склонившуюся* любя...

Брюсовъ замѣнилъ болѣе удовлетворительнымъ:

И мать *склоняется*, любя...

Но зато рядомъ появился цѣлый рядъ новыхъ перловъ, въ родѣ „короткой *ритмической* встрѣчи“ двухъ влюбленныхъ, или такихъ стиховъ, какъ:

Полнѣй на куртинахъ *дышало левкое*...

Немного позже Брюсовъ самъ понялъ антихудожественность такихъ нелѣпостей, безъ труда замѣнилъ „ритмическую“ встрѣчу „задумчивой“, выбросилъ совсѣмъ „дышащее левкое“, вмѣстѣ съ цѣлымъ ворохомъ такихъ же неудачныхъ стиховъ—и только тогда небольшая поэма „Идеалъ“, изъ которой взята эта цитата, превратилась изъ неуклюжаго, безвкуснаго набора словъ и риѳмъ въ одно изъ самыхъ граціозныхъ и гармоничныхъ произведеній Брюсова...

Да и вообще I-й томъ „Путей и Перепутій“ Брюсова, вышедшій въ прошломъ году и содержащій юношескія произведенія поэта, ярко свидѣтельствуетъ о ростѣ поэтическаго самосознанія автора. Оглядываясь на первые шаги своей музы, онъ призналъ многое въ нихъ „наивнымъ и невѣрнымъ, многіе пріемы творчества — безсильными и неудачными“. Онъ понялъ, что отборъ истинно художественныхъ произведеній за первыя десять лѣтъ его творчества составилъ бы лишь „небольшую книжку въ 10—20 страницъ“, и если далъ значительно больше, то изъ вполнѣ естественнаго и законнаго желанія собрать не только „удачное и сильное“, но и „характерное для его ранней поэзіи“. Однако многое изъ напечатаннаго имъ ранѣе Брюсовъ не ввелъ въ свои „Пути и Перепутья“, явно признавая это совершенно излишнимъ для выясненія его художественной индивидуальности и не желая засорять балластомъ полноцѣнную, въ ея теперешнемъ видѣ, книгу.

Нѣчто обратное творится нынѣ съ другимъ талантливымъ и популярнымъ современнымъ писателемъ—Леонидомъ Андреевымъ. Насколько свободенъ былъ отъ всякихъ негодныхъ шлаковъ первый сборникъ его разсказовъ, вышедшій въ свѣтъ лѣтъ семь тому назадъ и сразу выдвинувшій автора въ первые ряды нашей литературы, настолько же богаты всевозможными сорными примѣсями послѣдніе томы. Строгій къ себѣ въ началѣ своей карьеры, онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше распускается. Какое-то презрѣніе и къ публикѣ, и къ искусству, и къ собственному таланту, какая-то опустошенность души и безпринципность чувствуются въ писателѣ, способномъ выбрасывать на рынокъ такія книги, какъ выпущенный недавно „Шиповникомъ“

VI-й томъ „Собранія сочиненій“ Леонида Андреева, или изданный редакціей „Сатирикона“ сборникъ юмористическихъ его разсказовъ.

Въ VI-й томъ вошли четыре произведенія: „Царь-Голодъ“, „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“, „Проклятіе звѣря“ и „Изъ разсказа, который никогда не будетъ оконченъ“. Изъ нихъ лишь одинъ „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“ представляетъ несомнѣнную литературную цѣнность и является яркимъ художественнымъ воплощеніемъ существеннаго момента въ эволюціи глубочайшихъ душевныхъ переживаній автора. Все остальное содержаніе тома—либо явно неудавшіяся попытки, черновики, матеріалъ для дальнѣйшихъ работъ и исканій автора, либо прямо ремесленный хламъ.

Занимающій почти половину тома „Царь-Голодъ“ вышелъ всего въ прошломъ году отдѣльной книжкой и теперь, очевидно, перепечатанъ съ того же самаго стереотипа, на той же самой бумагѣ, съ тѣми же самыми картинками и виньетками Лансере. Сохраненъ даже выходной листъ отдѣльнаго изданія, явно нелѣпый, разъ драма—или „представленіе“, какъ ее называетъ авторъ,—вошла какъ часть, наравнѣ съ другими разсказами, въ одинъ общій томъ, съ общей обложкой и общимъ выходнымъ листомъ. Но пришлось сохранить этотъ отдѣльный выходной листъ, ибо онъ вошелъ въ общій счетъ страницъ отдѣльнаго изданія; выбрасывая его, надо было бы перемѣнить нумерацію всѣхъ дальнѣйшихъ страницъ драмы, чего на стереотипѣ сдѣлать нельзя по техническимъ условіямъ. Очевидно, изъ экономіи допустили нелѣпость... Получается непріятное впечатлѣніе какого-то фабричнаго, оптоваго производства, для продажи и гуртомъ, и поштучно...

Говоря по существу, „Царь-Голодъ“ слѣдовало не только не включать въ „Собраніе сочиненій“, но и вовсе не выпускать въ свѣтъ въ томъ видѣ, какой имѣетъ это „представленіе“ нынѣ. У автора зародилась очень интересная, глубокая и содержательная идея, но онъ не далъ ей сроку созрѣть въ своей душѣ и одѣться плотью и костью ясно говорящаго, художественно законченнаго образа или символа. Наспѣхъ, пользуясь пріобрѣтеннымъ уже литературнымъ навыкомъ, то не договаривая, то повторяя мотивы и пріемы прежнихъ своихъ произведеній, то нагромождая произвольно надуманные детали, затемняющіе, а не разъясняющіе смыслъ недозрѣвшей мысли, фальшивя на каждомъ шагу, набросалъ Леонидъ Андреевъ какую-то безформенную груду обрывковъ и погребъ подъ ней нерожденное дитя своего духа. Не торопись онъ такъ пустить въ оборотъ новую вещь, онъ не подвергъ бы такому насилію свое творческое дарованіе. Онъ спряталъ бы черновой набросокъ въ своемъ портфелѣ, возвращался бы къ нему отъ времени до времени, по мѣрѣ того, какъ въ

его душѣ все болѣе и болѣе прояснялась бы сущность замысла; живой тканью органически слагающихся образовъ заполнялись бы постепенно зіяющія пустоты первоначальнаго абриса, и въ результатѣ, черезъ нѣсколько времени, мы имѣли бы истинно художественную драму. Теперь же навѣрное можно сказать, что Леонидъ Андреевъ никогда болѣе не вернется къ испорченному имъ сюжету и никогда уже не станетъ ясно ни передъ самимъ авторомъ, ни передъ его читателями большая правда, мелькнувшая однажды передъ его творческимъ воображеніемъ, но проданная имъ за чечевичную похлебку...

Еще болѣе насильно выжатымъ, еще менѣе имѣющимъ правъ на литературное бытіе является разсказъ „Проклятіе звѣря“. Два-три интересныхъ деталя, вкрапленныхъ въ сѣрую и скучную ткань надуманной вычурности, дѣланныхъ и потому нимало не страшныхъ ужасовъ, ничуть, конечно, не искупаютъ общаго впечатлѣнія, производимаго разсказомъ: это—типичнѣйшее нагроможденіе тѣхъ антихудожественныхъ пріемовъ, къ которымъ всегда прибѣгаетъ Леонидъ Андреевъ, когда ему, въ сущности, нечего сказать. Очевидно, и въ данномъ случаѣ въ душѣ художника зарождалось нѣчто, но онъ поторопился эксплоатировать этотъ зародышъ еще болѣе поспѣшно, чѣмъ идею, закопанную въ „Царѣ-Голодѣ“—и въ результатѣ искалѣчилъ его до такой степени, что самый внимательный и доброжелательный взглядъ не можетъ уже выслѣдить настоящія очертанія зарождавшагося психическаго организма въ его первоначальной, правдивой жизненности.

Особенно ярко подчеркиваются совсѣмъ не литературныя соображенія, выбросившія на рынокъ VI-й томъ „Сочиненій Леонида Андреева“, послѣдними семью страничками книги—отрывкомъ „Изъ разсказа, который никогда не будетъ оконченъ“. Неудачнѣйшій, ходульно-надуманный набросокъ, подсказанный моднымъ одно время сюжетомъ освободительной борьбы, октябрьскими и декабрьскими днями 1905-го года, справедливо былъ заброшенъ авторомъ: продолжать разсказъ въ такомъ тонѣ значило дать нѣчто, стоящее неизмѣримо ниже даже пресловутаго „Краснаго смѣха“. Но когда одной изъ эфемерныхъ московскихъ газетъ понадобилось, въ качествѣ рекламы, имя популярнаго писателя, Леонидъ Андреевъ не усумнился пустить въ ходъ и эту заваль. Теперь ее перепечатываютъ въ „Собраніи сочиненій“, чтобы къ слишкомъ ужъ извѣстнымъ тремъ крупнымъ произведеніямъ прибавить хоть что-нибудь, имѣющее интересъ новизны. Разсчетъ правильный: кто же, въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ отрывокъ, появившійся мимоходомъ въ мало извѣстной газеткѣ...

— Что я ему, этому, напишу? Буду придумывать сюжетъ. Что бы такое выдумать?.. О, Господи! Ну, что я ему напишу? Нужно съ идеей, обязательно съ идеей. Молодежь меня любитъ, говоритъ, что

я идейный писатель... А послѣдняя моя вещь совсѣмъ плоха. *Мысль хорошая, а сдѣлано плохо; напрасно поторопился я ее печатать*... Я талантливъ—это всѣ говорятъ. Мнѣ всего тридцать пять лѣтъ. Тридцать пять! Значитъ, сколько мнѣ еще жить, и все выдумывать, и все писать, и чтобы все хорошо было.

Такъ разсуждаетъ у Леонида Андреева „беллетристъ“ въ разсказѣ подъ этимъ же заглавіемъ, перепечатанномъ въ сборникѣ редакціи „Сатирикона“. И читая эти строки, никакъ не можешь отрѣшиться отъ воспоминанія о цѣломъ рядѣ послѣднихъ произведеній самого Андреева. „Мысль хорошая, а сдѣлано плохо; напрасно поторопился печатать“,—вѣдь эти самыя слова приходится теперь повторять почти послѣ каждаго новаго разсказа популярнаго писателя. Но приведенная цитата вложена Андреевымъ въ уста беллетриста, котораго загнала нищета, измотала необходимость думать о хлѣбѣ насущномъ. А что же заставляетъ Андреева „торопиться“ съ печатаніемъ „плохо сдѣланныхъ“ страницъ, профанирующихъ и губящихъ „хорошія мысли“?..

Но Леонидъ Андреевъ не ограничивается тѣмъ, что выжимаетъ изъ себя все новыя и новыя „плохо сдѣланные“ разсказы, повѣсти, отрывки и „представленія“. Онъ, пользуясь не погасшей еще пока популярностью и интересомъ публики ко всему, что подписано его именемъ, предоставляетъ издателямъ выкапывать старые, справедливо забытые разсказы и снова пускать ихъ въ оборотъ. Полуголодное студенческое существованіе заставило Андреева во дни юности работать, въ качествѣ хроникера и фельетониста, въ бульварной московской газеткѣ „Курьеръ“. Проблески таланта, конечно, сверкаютъ изрѣдка и въ этихъ подневольныхъ писаніяхъ ради куска хлѣба, и если современемъ будетъ писаться подробное изслѣдованіе о творчествѣ Леонида Андреева, то нельзя будетъ пройти и мимо этихъ первоначальныхъ попытокъ. Но современный сколько-нибудь требовательный читатель только пожметъ съ недоумѣніемъ плечами надъ большинствомъ разсказовъ, перепечатанныхъ въ изданіи „Сатирикона“, и посмѣется надъ рекламными восклицаніями издателя, увѣряющаго, что еслибы Андреевъ не свернулъ съ дороги юмора, то „мы имѣли бы теперь оригинальнаго блестящаго сатирика-юмориста, русскаго Твена, которыми такъ бѣдна серьезная унылая Россія“. Стоитъ только сравнить юмористическія потуги Андреева хотя бы съ „пестрыми разсказами“ Чехонте, чтобы понять, что, вопреки утвержденіямъ редакціи „Сатирикона“, отнюдь не „безоблачный, веселый, солнечный юморъ“—настоящая область Андреева. Его веселость безжизненна и натянута; лучшія мѣста въ его „юмористическихъ“ разсказахъ — это тѣ, гдѣ сказывается саркастическое, почти трагическое презрѣніе къ общему

строю жизни и человѣческой души, гдѣ прорываются, въ еще немощной, неувѣренной интонаціи, нотки глубокаго пессимизма и скептицизма. И выхваляя юморъ Андреева, редакція „Сатирикона“ уподобляется тому юбилейному оратору, о которомъ разсказывается въ этомъ же сборникѣ: „Дѣйствительныя заслуги Помпонія, коли таковыя имѣлись, безслѣдно утопаютъ въ потокѣ вранья и пріобрѣтаютъ, благодаря усердію хвалителей, комическій характеръ: совравъ о насажденіи Помпоніемъ дремучаго лѣса, ораторъ уничтожаетъ и единственную, дѣйствительно посаженную березку“...

Повторяю: такъ какъ Леонидъ Андреевъ безспорно недюжинный умъ и талантливый художникъ, то, какъ бы ни неряшничалъ онъ, а интересные, порою даже блестящіе детали постоянно у него мелькаютъ. Встрѣчаются они и въ плохихъ разсказахъ, переизданныхъ „Сатириконом“. Но не можетъ же Андреевъ не понимать, что бо́льшая половина „товара“, предоставленнаго имъ „Сатирикону“, есть настоящая макулатура. И если, тѣмъ не менѣе, онъ допускаетъ переизданіе этой макулатуры, да еще съ такимъ рекламнымъ предисловіемъ, то чѣмъ, какъ не презрѣніемъ къ „рынку“, объяснить такое попустительство и соучастіе? Дескать, „все скушаютъ!“... Вѣдь не можетъ же Андреевъ, далеко уже не юноша, страдать до сихъ поръ тѣмъ полудѣтскимъ самомнѣніемъ, которымъ во дни младости своея переболѣлъ и отъ котораго въ зрѣломъ возрастѣ освободился Валерій Брюсовъ...

Какую будущность готовитъ себѣ Андреевъ, столь безразсудно пуская свой талантъ въ разновѣсъ? Не давая зрѣть своимъ замысламъ, обрывая нераспустившіяся почки и закутывая ихъ въ вороха бумажныхъ цвѣтовъ, онъ все болѣе и болѣе изнуряетъ себя и рискуетъ въ скоромъ времени окончательно потерять способность давать живые побѣги художественнаго творчества. Онъ стоитъ сейчасъ на роковомъ распутьѣ: еще нѣсколько шаговъ въ усвоенномъ имъ направленіи,— и придется поставить крестъ на всѣхъ надеждахъ, которыя не безъ основанія связывались за послѣдніе годы въ общественномъ сознаніи съ талантомъ Леонида Андреева. Неужели же въ самомъ дѣлѣ допуститъ себя художникъ до такого паденія? Неужели не найдется силы, которая удержала бы его въ страшную минуту и заставила бы отшатнуться отъ засасывающаго болота жеманфишизма, стяжательства и самомнѣнія?..

Рядомъ съ тяжкой картиной медленнаго самоубійства этого крупнаго таланта приходится наблюдать, какъ вообще плодится въ нашей литературѣ безшабашное отношеніе къ обязанностямъ писателя передъ искусствомъ. У насъ, да и во всей Европѣ, процвѣтаетъ сейчасъ культъ этюда, мазка, чернового наброска. Справедливо замѣ-

чаютъ, что сплошь и кряду въ этихъ первоначальныхъ, непосредственныхъ попыткахъ закрѣпить мелькнувшее передъ сознаніемъ художника настроеніе или наблюденіе сохраняется бо́льшая жизненность, чѣмъ въ крупныхъ полотнахъ. Важенъ этюдъ и съ другой стороны: онъ служитъ лучшимъ комментаріемъ къ послѣдующей сложной композиціи, отчетливо и обнаженно ставя передъ зрителемъ или читателемъ основную линію, основной штрихъ замысла, который не всегда бываетъ легко сразу уловить въ осложненной и обогащенной деталями окончательной переработкѣ. Но изъ признанія огромнаго вспомогательнаго, а иногда даже и самостоятельнаго значенія этюда отнюдь не вытекаетъ отрицаніе большихъ, законченныхъ композицій. Наоборотъ, истиннымъ мастеромъ, внутренне крѣпкимъ и устойчивымъ талантомъ можно назвать лишь того, кто умѣетъ раздробленные, мимолетные штрихи сводить въ единое и стройное цѣлое, не теряя въ архитектоническомъ процессѣ ни іоты изъ жизненной яркости первоначальнаго впечатлѣнія и извлекая новыя цѣнности изъ сочетанія этихъ впечатлѣній.

Эту высшую значительность архитектоники за послѣднее время какъ-то разучились цѣнить,—быть можетъ потому, что перевелись таланты, умѣющіе свободно оперировать надъ такими большими и сложными массами, какими владѣли Л. Толстой или Достоевскій. Поэмъ, большихъ романовъ нѣтъ: наступило царство маленькихъ разсказовъ, небольшихъ повѣстей, лирическихъ набросковъ и т. п. Но и въ этихъ формахъ ищутъ не столько строгой и стройной выдержанности цѣлаго, сколько отдѣльныхъ удачныхъ деталей, и охотно прощаютъ за пару интересныхъ мазковъ неудовлетворительность всей вещи. Такая снисходительность не только портитъ вкусъ читающей публики, но усыпляетъ рвеніе самихъ художниковъ, даря имъ дешевые лавры и ослабляя напряженность ихъ исканій. Всякій начинающій писатель, съумѣвшій дать пару оригинальныхъ нотъ, превозносится сразу до такой степени, что начинаетъ считать себя чуть не геніемъ и, по примѣру признанныхъ корифеевъ, спѣшитъ наводнить нашу словесность обильнымъ потокомъ всякаго сырья — неряшливыхъ черновиковъ и неуклюжихъ опытовъ. И, предаваясь этому легкому занятію, художникъ отвыкаетъ отъ тѣхъ высшихъ, часто мучительныхъ напряженій духа, которыя одни только исчерпываютъ всю мѣру его силъ и позволяютъ проявить творческую индивидуальность во всей присущей ей глубинѣ и содержательности. Такъ похищаетъ художникъ и у себя самого, и у современниковъ, возможность высшихъ достиженій. Только въ такой разслабляющей атмосферѣ и могла создаться и процвѣсти писательская манера Леонида Андреева—а эта манера, въ

свою очередь, способствуетъ дальнѣйшему укрѣпленію и процвѣтанію соблазна, и онъ овладѣваетъ все новыми и новыми жертвами.

Несомнѣнно, напримѣръ, не лишенъ талантливости и оригинальности молодой поэтъ Сергѣй Городецкій. Первый сборникъ его стихотвореній, „Ярь“, вызвалъ горячія похвалы—правда, сильно преувеличенныя, но все-таки далеко не лишенныя основанія. Теперь онъ захотѣлъ попробовать свои силы на беллетристическомъ поприщѣ, и весною нынѣшняго года выпустилъ сборникъ разсказовъ, подъ заглавіемъ „Кладбище страстей“. Эта книга привела прямо въ уныніе всѣхъ, кто съ сочувствіемъ слѣдилъ за развитіемъ свѣжаго дарованія Городецкаго.

Изъ четырнадцати разсказовъ, вошедшихъ въ сборникъ, лишь одинъ можно признать дѣйствительно удачнымъ художественнымъ этюдомъ—маленькій разсказецъ „Островитяне“: простыми, сжатыми, яркими штрихами зарисовалъ авторъ первобытную психологію обитателей заброшенной среди болотъ, отрѣзанной отъ всего міра деревни. Какой-то наивной стихійностью дышатъ эти фигуры, сливаясь въ гармоническое цѣлое съ окружающей ихъ природой; есть въ нихъ что-то роднящее ихъ съ тѣми миѳологическими, тоже наивными и тоже стихійными существами, которыми народная фантазія населяетъ лѣса и болота и которыя вдохновили автора „Яри“ въ самомъ началѣ его литературнаго поприща. Такъ же кратко и ярко переданъ вихрь наивно-нелѣпыхъ чувствъ, вызванныхъ въ душахъ „островитянъ“ появленіемъ среди нихъ художника, и переходъ отъ подозрительности и безтолковой ярости къ дѣтскому восторгу передъ способностью человѣка переносить на бумагу изображенія окружающихъ предметовъ.

Недурно еще, пожалуй, закрѣплены въ разсказѣ „Ярмарка“ нѣкоторыя впечатлѣнія деревенской жизни. Но затѣмъ идетъ цѣлая вереница разсказовъ, либо въ корень испорченныхъ аляповатыми деталями, либо совсѣмъ никуда негодныхъ. Прекрасно, напримѣръ, начинается разсказъ „Кроты“. Психическія переживанія беременной крестьянской дѣвушки какъ-то удивительно сливаются съ жизнью окружающей ее природы, тоже вѣчно зачинающей и рождающей. Густые, красочные тона, цѣлостная стихійность настроенія заставляютъ читателя глубоко и напряженно воспринимать замыселъ автора. Съ той же силой и простотой Городецкій, мудро скупясь на подробности, набрасываетъ картину тайныхъ неудачныхъ родовъ, смерти и ночного погребенія ребенка въ погребѣ. Впечатлѣніе достигаетъ полной законченности, но самый конецъ портитъ все дѣло явной умышленностью и безвкусицей. Зачѣмъ-то понадобилось автору, чтобы въ могилку, тутъ же, на глазахъ матери, полѣзли кроты пожирать тру-

никъ—и этотъ ненужный, преувеличенный мазокъ убиваетъ все впечатлѣніе, вызываетъ чувство остраго отвращенія.

Точно такъ же весьма недурно начатъ разсказъ „Два берега“. Антитеза барской усадьбы и ея обитательницъ съ одной стороны и деревни—съ другой, дана на первыхъ же страницахъ ярко и сочно. Но затѣмъ начинается нагроможденіе какихъ-то невразумительныхъ, отрывочныхъ эпизодовъ, разсказъ разбивается на рядъ недописанныхъ этюдовъ и кончается совсѣмъ неожиданно сценкой, которую я не умѣю назвать иначе, какъ глупымъ анекдотомъ: крестьянки набросились на старую барыню и во время драки вырвали у нея изъ-за корсажа каучуковую грудь; авторъ подобралъ этотъ предметъ, а дочь хозяйки взяла оный у разсказчика, радуясь, что сія туалетная принадлежность не потерялась... Вопіющая безвкусица и нелѣпость этого эпизода до такой степени очевидна, что остается только недоумѣвать, какимъ образомъ авторъ самъ не почуялъ полной невозможности выжать хоть что-нибудь изъ столь нарочитой нескладицы...

Но эти четыре разсказа, составившіе первый отдѣлъ „Кладбища страстей“—еще самое лучшее изъ беллетристическихъ опытовъ Городецкаго. Слѣдующіе три отдѣла заполнены вещами, которыхъ авторъ самъ устыдится черезъ какой-нибудь годъ, если только не устыдился теперь, понявъ, что нельзя же преподносить публикѣ все что взбредетъ на мысль человѣку съ разнузданнымъ и грязнымъ воображеніемъ. Почти всѣ разсказы этихъ отдѣловъ—сплошная порнографія самаго мерзкаго и грубаго, прямо лубочнаго сорта. Въ основу положены то примитивнѣйшіе „холостые“ анекдоты, то различныя болѣзненныя извращенія, а разработка этихъ милыхъ сюжетовъ поражаетъ какой-то холодной беззастѣнчивостью, тупымъ цинизмомъ. Правда, авторъ пытается и за этими фактами вскрыть что-то не то трагическое, не то стихійное — но ни трагизма, ни стихійности не получается, и скверные анекдоты такъ и остаются въ концѣ концовъ скверными анекдотами.

Трудно удержаться, говоря о „Кладбищѣ страстей“, отъ самыхъ рѣзкихъ словъ порицанія. Будь эта книга издѣліемъ какого-нибудь бездарнаго ремесленника, спеціализировавшагося на подобныхъ темахъ, о ней не стоило бы и упоминать. Но Сергѣй Городецкій—писатель талантливый, писатель начинающій, и если онъ метнулся въ эту сторону, то, конечно, захваченный извѣстными теченіями въ нашихъ литературныхъ кружкахъ и ободренный тѣмъ попустительствомъ, съ которымъ у насъ теперь многіе относятся къ самымъ нелѣпымъ исканіямъ. Прямая обязанность критики — самымъ настойчивымъ и непримиримымъ образомъ возвысить голосъ противъ такого злоупотребленія неотъемлемой свободой художественнаго творчества.

Вѣдь въ томъ-то и дѣло, что переходя за извѣстныя границы, нарушая извѣстныя требованія, эта свобода разрушаетъ самую сущность искусства, и та дорожка, на которую направилъ теперь свои шаги Городецкій, неизбѣжно загубитъ его именно какъ художника. „Кладбище страстей“ станетъ кладбищемъ его таланта, если онъ будетъ дышать этой убійственной атмосферой и дальше. Первый беллетристическій блинъ вышелъ у Городецкаго комомъ. Если онъ нашелъ возможнымъ выступить передъ публикой съ этими неудачными опытами, то значительная доля отвѣтственности падаетъ на тѣхъ болѣе зрѣлыхъ, чѣмъ Городецкій, писателей, которые, исходя изъ разныхъ соображеній, считаютъ возможнымъ наводнять нашъ книжный рынокъ всевозможными неряшливыми отбросами, и тѣмъ соблазняютъ малыхъ сихъ.

Въ такомъ систематическомъ зараженіи и загрязненіи нашей литературной атмосферы заключается, несомнѣнно, серьезная опасность для будущности нашего искусства. Необходима упорная борьба противъ надвигающейся бѣды. Современное поколѣніе приняло изъ рукъ предшествовавшихъ ему великое національное сокровище—и оно обязано передать его потомству чистымъ и невредимымъ.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1909 г.

Перемѣна канцлера въ Германіи.—Дѣятельность князя Бюлова и личный режимъ.—Министерскій кризисъ во Франціи. — Клемансо и Делькассе. — Кабинетъ Бріана.—Франко-русскій союзъ и тосты въ Шербургѣ.—Англо-русское сближеніе и свиданіе монарховъ въ Коусѣ.—Событія въ Персіи.

Германскій парламентъ, въ засѣданіи 10 іюля (нов. ст.), закончилъ разсмотрѣніе финансовыхъ законопроектовъ, переработанныхъ „чернымъ блокомъ“ — коаліціею консерваторовъ и католическаго центра. Князь Бюловъ уже не присутствовалъ въ палатѣ; замѣстителемъ его явился статсъ-секретарь внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Бетманъ-Гольвегъ, который отъ имени союзныхъ правительствъ санкціонировалъ достигнутые результаты, хотя отчасти и противорѣчащіе оффиціально вы-

раженнымъ взглядамъ и намѣреніямъ имперскихъ министровъ. Вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ-деръ-Лаза, „некоронованный король“ прусско-германскихъ юнкеровъ, произнесъ длинную рѣчь для объясненія и оправданія парламентскихъ дѣйствій, приведшихъ къ паденію канцлера. Новое большинство торжествовало побѣду, и оно ясно давало понять свое значеніе и свою силу. Подъ этимъ впечатлѣніемъ сессія имперскаго сейма была закрыта 13 іюля императорскимъ посланіемъ, прочитаннымъ отъ имени Вильгельма II фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ. На слѣдующій день, 14 іюля, появились въ оффиціальной газетѣ указы объ увольненіи князя Бюлова отъ занимаемыхъ имъ должностей и о назначеніи статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ, вице-президента прусскаго министерства фонъ-Бетманъ-Гольвега имперскимъ канцлеромъ, президентомъ прусскаго министерства и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ то же время прусскій министръ торговли и промысловъ, Дельбрюкъ, переведенъ на имперскую службу, въ должности статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ и замѣстителя канцлера, а на его мѣсто назначенъ бывшій статсъ-секретарь имперскаго казначейства Сидовъ, составитель неудавшихся финансовыхъ законопроектовъ. На постъ прусскаго министра духовныхъ дѣлъ призванъ оберъ-президентъ провинціи Бранденбургъ, камергеръ фонъ-Троттъ-цу-Зольцъ, взамѣнъ уволеннаго д-ра Голле. Эти и другія перемѣщенія въ высшемъ персоналѣ прусско-германской бюрократіи не имѣли бы, конечно, большого значенія, если бы они не связаны были съ канцлерскимъ кризисомъ.

Перемѣна канцлера на этотъ разъ не означала и не предвѣщала никакой перемѣны въ общей политикѣ имперіи; князя Бюлова смѣнилъ, по его же рекомендаціи, ближайшій сотрудникъ и замѣститель его съ 1907-го года—такой же консерваторъ по сословно-общественному положенію, на половину аграрій, въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, наполовину бюрократъ по карьерѣ, человѣкъ вообще просвѣщенный, умѣющій такъ же удачно цитировать классическихъ писателей и философовъ, обладающій такимъ же искусствомъ говорить не только въ охранительномъ, но и въ либерально-прогрессивномъ духѣ, какъ и Бюловъ. Послѣдній удаляется со сцены при общемъ сочувственномъ или снисходительномъ отношеніи къ нему друзей и враговъ; всѣ какъ будто сожалѣютъ объ его уходѣ; ни въ комъ не возбуждалъ онъ злобы или раздраженія, со всѣми разстается онъ ласково, всѣ провожаютъ его хорошими словами, начиная съ императора и кончая либеральными газетами. Онъ удаляется какъ актеръ, добросовѣстно исполнившій свою роль до конца.

Въ продолженіе девяти лѣтъ, съ 1900-го года, Бюловъ управлялъ дѣлами имперіи съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ сознатель-

нымъ и убѣжденнымъ государственнымъ человѣкомъ, а не просто исполнительнымъ и ловкимъ дипломатомъ, вѣрнымъ представителемъ и уполномоченнымъ своего короля и императора. Его главной задачей было — облекать въ приличныя и пріятныя формы то, что звучало слишкомъ рѣзко и сурово въ заявленіяхъ и предпріятіяхъ Вильгельма II. Онъ былъ умнымъ и краснорѣчивымъ министромъ бюрократическаго типа, и его собственныя политическія идеи вполнѣ соотвѣтствовали оффиціально установленному кругозору прусско-германскаго патріотизма. Онъ признавалъ и уважалъ парламентъ, но не какъ органъ народной воли или національнаго общественнаго мнѣнія, а какъ высшее законодательное учрежденіе, занимающее опредѣленное мѣсто въ государственномъ строѣ имперіи, въ силу существующей конституціи. Онъ выступалъ довольно часто въ имперскомъ сеймѣ, какъ и въ прусской палатѣ депутатовъ, и рѣчи его имѣли успѣхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противникомъ его былъ Бебель. Онъ говорилъ много и красиво, иногда остроумно, но какъ-то черезчуръ гладко, скользя по поверхности вещей и не задѣвая ихъ сущности.

Политическая программа князя Бюлова не заключала въ себѣ ничего оригинальнаго, ничего такого, что выходило бы за предѣлы текущаго дня; вмѣстѣ съ тѣмъ она обнаруживала неустойчивость даже въ самыхъ важныхъ принципіальныхъ вопросахъ, отражая въ себѣ всѣ колебанія и противорѣчія, зависѣвшія отъ личнаго темперамента Вильгельма II. Мягкій по натурѣ и обходительный въ обращеніи, дипломатъ по профессіи, князь Бюловъ имѣлъ основаніе быть искреннимъ сторонникомъ мира; между тѣмъ онъ дѣйствовалъ нерѣдко съ вызывающею грубостью противъ отдѣльныхъ великихъ державъ, въ разсчетѣ на ихъ вынужденное миролюбіе, и притомъ безъ всякой пользы для Германіи. Своею настойчивою и придирчивою политикою въ мароккскихъ дѣлахъ онъ искусственно возбуждалъ и поддерживалъ затихавшую уже вражду между Франціею и Германіею, и усиливалъ антагонизмъ съ Англіею; онъ дважды доводилъ французовъ до порога войны — передъ конференціею въ Алжесирасѣ и по поводу инцидента въ Казабланкѣ; онъ создалъ настроеніе тревожнаго недовѣрія между нѣмцами и англичанами, поощряя лихорадочное соперничество обѣихъ націй въ боевомъ судостроительствѣ. Наконецъ, во время переговоровъ о боснійскомъ вопросѣ онъ такъ круто обошелся съ русскою дипломатіею, что послѣдняя долго не могла оправиться отъ нанесеннаго ей удара, и старинныя дружескія отношенія между Россіею и Германіею подверглись тяжкому испытанію. Эта безцѣльно раздражающая политика объяснялась обыкновенно личными наклонностями и взглядами императора; но какова же была роль Бюлова, если онъ бралъ на себя отвѣтственность за опасныя внушенія, кото-

рыхъ нельзя было оправдать? Онъ не всегда даже смягчалъ внушаемыя ему мѣры, такъ какъ ему было лестно по временамъ напоминать собою „желѣзнаго канцлера“. Онъ преклонялся предъ величіемъ Бисмарка и старался, быть можетъ, подражать ему, не проникаясь, однако, его общею государственною точкою зрѣнія. Бюловъ неспособенъ былъ возвыситься до того пониманія задачъ государства, которое вдохновляло Бисмарка на борьбу противъ придворной аристократіи, противъ консерваторовъ и аграріевъ, во имя высшихъ національныхъ интересовъ. Бюлову чужды были мотивы, побудившіе Бисмарка ввести всеобщее избирательное право въ имперіи и осуществить сложную программу соціальныхъ реформъ. Оттого и во внутреннихъ дѣлахъ, какъ и во внѣшнихъ, плоды дѣятельности Бюлова были совершенно ничтожны. Онъ самъ признавалъ себя солидарнымъ съ аграріями и консерваторами и этимъ ставилъ себя въ положеніе не государственнаго, а сословно-аграрнаго канцлера. Будучи представителемъ и заступникомъ одной изъ политическихъ партій—консервативной, онъ не могъ относиться безпристрастно и справедливо къ другимъ партіямъ, имѣющимъ одинаково законное право на существованіе. Онъ обѣщалъ нѣкоторыя уступки либераламъ и прогрессистамъ, чтобы привлечь ихъ къ союзу съ умѣренными консерваторами противъ реакціоннаго католическаго центра; но онъ не задумался нарушить свои обѣщанія и отречься отъ нихъ, когда этого потребовали интересы консерваторовъ. Торжественное обѣщаніе, вошедшее и въ тронную рѣчь—преобразовать устарѣлую избирательную систему въ Пруссіи,—было забыто, и Бюловъ удерживалъ прогрессистовъ въ своемъ „блокѣ“ только перспективою принятія новаго имущественнаго налога, наиболѣе обременительнаго для крупнаго землевладѣнія. Либералы дали себя обмануть и въ этомъ пунктѣ: Бюловъ увѣрилъ ихъ, что правительство не допуститъ устраненія предположеннаго налога съ наслѣдствъ и что безъ участія либераловъ финансовые законопроекты вообще не пройдутъ. Консерваторы не пошли за канцлеромъ, а вступили въ соглашеніе съ партіей центра, что̀ и заставило Бюлова заявить о своемъ выходѣ въ отставку. Онъ не удалился бы, еслибы ему измѣнила какая-нибудь другая партія, а не консервативная: онъ не могъ примириться съ оппозиціей консерваторовъ и юнкеровъ-аграріевъ, потому что по существу былъ аграрно-консервативнымъ канцлеромъ и не годился для роли государственнаго человѣка съ болѣе широкимъ внѣпартійнымъ кругозоромъ. Публика прощала Бюлову его грѣхи, зная ихъ придворно-династическій источникъ, и никто, разумѣется, не ожидаетъ, что личный режимъ измѣнится съ назначеніемъ новаго канцлера.

Пятый канцлеръ Германской имперіи, Теобальдъ фонъ-Бетманъ-

Гольвегъ, выросъ въ средѣ крупной прусской бюрократіи. Дѣдъ его, Морицъ Августъ Бетманъ, профессоръ правъ въ университетахъ берлинскомъ и боннскомъ, былъ министромъ духовныхъ дѣлъ въ либеральномъ кабинетѣ Шверина-Ауэрсвальда до 1862-го года. Говорятъ, что предки его бѣжали отъ еврейскихъ погромовъ въ Голландіи и нашли пріютъ въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ достигли выдающагося положенія въ качествѣ банкировъ; впослѣдствіи они породнились съ прусскою аристократіею. Нынѣшнему канцлеру исполнится въ ноябрѣ пятьдесятъ три года; онъ былъ товарищемъ императора по корпораціи „Borussia“ въ боннскомъ университетѣ, и эта студенческая дружба не прошла безслѣдно для карьеры Бетманъ-Гольвега. Новый канцлеръ отличается дѣловитостью, сдержаннымъ, отчасти замкнутымъ характеромъ и весьма серьезнымъ взглядомъ на вещи. Какъ парламентскій ораторъ, онъ содержательнѣе и проще Бюлова; онъ не увлекается изящнымъ дипломатическимъ фразерствомъ и не обходитъ щекотливыхъ вопросовъ при помощи легкомысленныхъ и болѣе или менѣе остроумныхъ изворотовъ. Онъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы быть вполнѣ приличнымъ канцлеромъ, — не хуже Каприви, князя Гогенлоэ и Бюлова. Первый и единственный въ своемъ родѣ канцлеръ — не въ счетъ: Бисмаркъ былъ творцомъ имперіи, а его преемники—только слуги, и даже не имперіи, а императора.

Почти одновременно съ отставкою князя Бюлова въ Германіи произошла неожиданная перемѣна министерства во Франціи. Кабинетъ Клемансо успѣшно выдерживалъ цѣлый рядъ парламентскихъ атакъ со стороны крайнихъ лѣвыхъ, поддерживаемыхъ правыми и частью центра; неутомимый Жорѣсъ громилъ правительство по разнымъ поводамъ и чаще чѣмъ когда-либо произносилъ чрезвычайно длинныя и по обыкновенію красивыя оппозиціонныя рѣчи, но никакъ не могъ поколебать положеніе министерства.

Еще въ засѣданіи 15 іюля (нов. ст.), послѣ продолжительныхъ преній по запросу объ общей политикѣ, палата депутатовъ большинствомъ 345 противъ 90 голосовъ одобрила заявленія правительства и выразила довѣріе къ его „твердой рѣшимости осуществить программу демократическихъ и соціальныхъ реформъ при содѣйствіи исключительно республиканскаго большинства“. Въ этомъ же засѣданіи Жорѣсъ коснулся непріятной исторіи „чиновника русской тайной полиціи въ Парижѣ, статскаго совѣтника и кавалера Почетнаго легіона, Гартинга“, уличеннаго г. Бурцевымъ въ тождествѣ съ террористомъ и провокаторомъ Ландезеномъ, судившимся во Франціи въ 1890-мъ году. Ссылаясь на многіе общеизвѣстные факты и на появившееся въ газетахъ письмо

предмѣстника Гартинга, г. Ратаева, который откровенно признаетъ себя многолѣтнимъ сослуживцевъ и начальникомъ пресловутаго агента-провокатора Азефа и имѣетъ смѣлость подписываться „статскимъ совѣтникомъ Россійской имперіи, офицеромъ Почетнаго легіона“,— Жорѣсъ потребовалъ, чтобы положенъ былъ конецъ дѣятельности иностранныхъ сыщиковъ на французской территоріи. Клемансò тотчасъ же откликнулся съ своего мѣста: „Это будетъ сдѣлано“. По предложенію Жорѣса, въ формулу о выраженіи довѣрія были включены слова: „и принимая къ свѣдѣнію заявленіе правительства объ упраздненіи иностранныхъ полицейскихъ организацій, дѣйствующихъ во Франціи“,—такъ что на этотъ разъ крайніе лѣвые достигли весьма существеннаго положительнаго результата и должны были чувствовать себя вполнѣ удовлетворенными. Дальнѣйшихъ серьезныхъ конфликтовъ не предвидѣлось, и всѣ были увѣрены, что парламентская сессія окончится благополучно для министерства.

Въ палатѣ тянулось обсужденіе доклада коммиссіи по изслѣдованію недостатковъ дѣятельности и организаціи морского вѣдомства— недостатковъ, подъ вліяніемъ которыхъ французскій военный флотъ сильно отсталъ отъ флотовъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ и далъ себя перегнать даже германскому флоту, несмотря на огромныя ежегодныя затраты по этому вѣдомству во Франціи. Изслѣдованіе этого грустнаго для французовъ явленія принимало отчасти характеръ обвинительнаго акта противъ бывшихъ морскихъ министровъ—Пельтана, Томсона и другихъ, которые съ своей стороны по неволѣ входили въ чисто-техническія подробности для оправданія критикуемыхъ распоряженій и мѣропріятій. Споры вращались около вопросовъ, имѣющихъ весьма отдаленную связь съ политикою даннаго правительства или съ погрѣшностями его отдѣльныхъ членовъ; всего менѣе задѣвалась при этомъ личность Клемансò. Пятидневныя пренія о флотѣ приближались къ концу въ засѣданіи 20 іюля. Послѣ рѣчи морского министра Альфреда Пикара выступилъ опять предсѣдатель анкетной коммиссіи, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассé. Послѣдній горячо напалъ на безпорядки въ учрежденіяхъ морского вѣдомства и объявилъ отвѣтственнымъ за нихъ, между прочимъ, и министерство Клемансò, которое ничего не сдѣлало для ихъ устраненія; ничего не сдѣлалъ въ этой области и самъ президентъ совѣта министровъ. Заключительная вылазка Делькассé противъ ненавистнаго ему главы кабинета не произвела большого впечатлѣнія на палату; ему рукоплескали не больше, чѣмъ морскому министру Пикару. Депутаты готовились покончить съ вопросомъ и приступить къ голосованію; предложены были двѣ формулы перехода къ очередному порядку—Журда, съ выраженіемъ довѣрія, и Делькассé,

съ выраженіемъ порицанія. При установившейся спокойной атмосферѣ палаты сама оппозиція не сомнѣвалась въ отрицательномъ результатѣ своихъ усилій; но Клемансо всталъ, и вмѣсто того, чтобы ограничиться нѣсколькими словами о принятіи правительствомъ формулы Журда, заговорилъ на тему, сразу поднявшую сильнѣйшее волненіе въ палатѣ,—на тему о политическихъ неудачахъ Делькассе, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ пожелалъ отомстить своему противнику и нечаянно затронулъ вопросы, которыхъ нельзя безнаказанно возбуждать передъ французской аудиторіею. Клемансо напомнилъ, что Делькассе „привелъ Францію въ Алжесирасъ и потому не имѣетъ права обвинять министровъ въ недостаточной заботливости объ интересахъ національной обороны". Напоминаніе о вынужденномъ отступленіи Франціи передъ угрозами Германіи по поводу Марокко поразило и взволновало палату не только потому, что оно показалось совершенно неумѣстнымъ и безтактнымъ въ устахъ главы французскаго правительства, но и особенно потому, что вызывающій агрессивный характеръ тогдашней германской политики не можетъ быть поставленъ въ вину французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Каковы бы ни были ошибки Делькассе, нельзя считать его отвѣтственнымъ за воинственную придирчивость посторонней державы, и если онъ долженъ былъ выйти въ отставку для удовлетворенія Германіи, то это было унизительно для Франціи, а не для Делькассе. Идти въ Алжесирасъ—было пораженіемъ для французской дипломатіи, предполагавшей раздѣлить съ Испаніею протекторатъ надъ Марокко на основаніи договора съ Англіею; но оффиціально алжесирасская конференція состоялась въ силу добровольнаго соглашенія заинтересованныхъ державъ и привела къ международному акту, на которомъ основывается теперь Франція въ своихъ дѣйствіяхъ и требованіяхъ относительно Марокко. Какимъ же образомъ можетъ французскій министръ публично признавать унизительнымъ для Франціи допущеніе этого международнаго акта?

Дѣло въ томъ, что, видя предъ собою самодовольную фигуру Делькассе, Клемансо заговорилъ какъ свободный, ничѣмъ не связанный депутатъ и журналистъ, а не какъ министръ и глава кабинета; онъ забылъ свое званіе и пустился въ личную полемику, которая при другой обстановкѣ могла бы уязвить противника и возбудить противъ него раздраженіе слушателей. При данныхъ условіяхъ это была роковая ошибка, которая озадачила даже обычныхъ приверженцевъ и союзниковъ Клемансо и внезапно разстроила всѣ парламентскія комбинаціи. Делькассе воспользовался случаемъ и сказалъ цѣлую обвинительную рѣчь лично противъ Клемансо; онъ съ паѳосомъ перечислилъ свои заслуги по иностранной политикѣ Франціи

и выставилъ въ крайне непріятномъ свѣтѣ всю прошлую дѣятельность непримиримаго оппозиціоннаго остроумца, ставшаго президентомъ совѣта министровъ. Страстная филиппика Делькассе достигла цѣли; Клемансо отвѣчалъ въ своемъ прежнемъ свободномъ тонѣ и еще сильнѣе подчеркнулъ свою оплошность. Онъ опять повторилъ свое обвиненіе въ болѣе рѣзкой формѣ: „когда вы были министромъ, вы подготовляли политику, которая должна была привести насъ къ наибольшему униженію, какое мы когда-либо испытали. Вы привели насъ къ преддверію войны, и вы не сдѣлали никакихъ военныхъ приготовленій. Вы хорошо знаете, вся Европа знаетъ, что спрошенные тогда министры военный и морской отвѣтили, что мы не готовы... Что касается меня, то я никогда не унижалъ Франціи, а г. Делькассе ее унизилъ". Слова Клемансо прерывались шумными возгласами и протестами съ разныхъ сторонъ палаты; онъ отозвался, что не измѣнитъ ни одного слова въ стенограммѣ своей рѣчи, ибо онъ „не сказалъ ничего такого, что оправдывало бы это подобіе негодованія". Для всѣхъ было ясно, что Клемансо какъ будто нарочно дѣлалъ свое положеніе невозможнымъ. При голосованіи первенство формулы Журда, принятой правительствомъ, было отвергнуто большинствомъ 212 противъ 176 голосовъ. Когда результатъ баллотировки былъ объявленъ президентомъ Бриссономъ, Клемансо тотчасъ же заявилъ о своемъ уходѣ и покинулъ залъ засѣданій вмѣстѣ съ другими членами министерства.

Министерскій кризисъ продолжался недолго: уже на третій день списокъ новыхъ министровъ былъ окончательно составленъ, и соотвѣтственные декреты были подписаны 24 іюля президентомъ республики. Главою кабинета и министромъ внутреннихъ дѣлъ сдѣлался бывшій министръ юстиціи, Аристидъ Бріанъ, наиболѣе даровитый и самостоятельный изъ новыхъ государственныхъ дѣятелей Франціи. Министромъ иностранныхъ дѣлъ остается Пишонъ; остаются также Барту, какъ министръ юстиціи, Думергъ—народнаго просвѣщенія, и Вивіани—министръ труда. Вновь привлечены: министръ финансовъ—Жоржъ Кошери, публичныхъ работъ — Мильеранъ, торговли — Жанъ Дюпюи, земледѣлія—Рюо, военный—генералъ Бренъ, морской—адмиралъ Буэ де-Лапейреръ, колоній—Трульо. Президентъ совѣта министровъ, Аристидъ Бріанъ, принадлежитъ къ партіи соціалистовъ, точно такъ же какъ двое его коллегъ—Вивіани и Мильеранъ. Прежній министръ финансовъ, Кальо, успѣвшій провести черезъ палату депутатовъ радикальный законопроектъ о подоходномъ налогѣ, не вошелъ въ новую комбинацію, что доставитъ нѣкоторое удовлетвореніе многочисленнымъ врагамъ этой крупной финансовой реформы. Преемникъ Кальо, Жоржъ Кошери, считается болѣе умѣреннымъ, но столь же

убѣжденнымъ сторонникомъ демократическихъ принциповъ въ области податной системы; при немъ предстоитъ обсужденіе подоходнаго налога въ сенатѣ, гдѣ оппозиція противъ реформы имѣетъ свою главную точку опоры. Важнымъ и несомнѣнно популярнымъ нововведеніемъ въ министерствѣ Бріана является назначеніе военныхъ спеціалистовъ на должности министровъ военнаго и морского. Въ кабинетѣ Клемансо главою военнаго вѣдомства былъ также человѣкъ военный, но получившій генеральскій чинъ скорѣе за политическія заслуги, чѣмъ за военныя, — извѣстный участникъ въ процессѣ Дрейфуса, Пикаръ, — тогда какъ теперь назначается на постъ военнаго министра одинъ изъ лучшихъ генераловъ французской арміи, начальникъ ея генеральнаго штаба.

По общему своему характеру и направленію новое министерство почти не отличается отъ прежняго—и въ то же время оно имѣетъ очень мало общаго съ кабинетомъ, душою и центромъ котораго былъ Клемансо. Центральная фигура, необыкновенно талантливая и энергическая, поражающая блескомъ и разнообразіемъ своего остроумія, воплощала собою для публики все министерство Клемансо. Личность главы кабинета невольно отодвигала на задній планъ всѣхъ другихъ министровъ, даже такихъ выдающихся, какъ Бріанъ. Съ удаленіемъ блестящаго и неистощимаго парламентскаго полемиста правительство теряетъ, быть можетъ, свои привлекательныя черты, но зато пріобрѣтаетъ бо́льшую дѣловитость, становится болѣе послѣдовательнымъ и устойчивымъ. Благодаря исключительнымъ качествамъ Клемансо, его министерство держалось значительно дольше, чѣмъ многіе другіе французскіе кабинеты: оно существовало два года и девять мѣсяцевъ (съ 25 октября 1906 года), и изъ всѣхъ сорока семи министерствъ третьей республики только одно было болѣе долговѣчно — министерство Вальдека-Руссо (два года и одиннадцать мѣсяцевъ).

При демократическомъ строѣ современной Франціи министерскія перемѣны не имѣютъ въ ней прежняго значенія и не оказываютъ замѣтнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Въ тотъ день, когда оффиціально объявленъ былъ составъ новаго кабинета, французская публика гораздо больше интересовалась другимъ событіемъ, несравненно болѣе замѣчательнымъ и интереснымъ, чѣмъ эфемерные министерскіе кризисы: 25 іюля совершился первый успѣшный полетъ человѣка на летательной машинѣ черезъ Ламаншъ, изъ Франціи въ Англію. Предъ умами людей открываются новые горизонты, не лишенные и политическаго значенія. Надо надѣяться, что подвиги смѣлыхъ изобрѣтателей послужатъ интересамъ культурнаго развитія и процвѣтанія на-

родовъ, а не притязаніямъ военнаго честолюбія и хищнической предпріимчивости. Еслибы вопросы мира и войны въ Европѣ зависѣли отъ такихъ правителей, какъ Бріанъ и Клемансо, то народы могли бы жить спокойно и были бы избавлены отъ непосильныхъ, прогрессивно возрастающихъ военныхъ бюджетовъ.

Министерство Бріана, какъ и кабинетъ Клемансо, не имѣетъ и не можетъ имѣть другой внѣшней политики, кромѣ оборонительной, опирающейся на союзъ съ Россіею и соглашеніе съ Англіею. Оффиціальная Россія была до послѣдняго времени крайне непопулярна на западѣ, такъ какъ внутренніе ея порядки никому не внушали уваженія и сочувствія. Это обстоятельство заставляло на каждомъ шагу проводить точную границу между политическою дружбою правительствъ и взаимными отношеніями націй. Французская республика уже довольно давно находится въ союзѣ съ Россіею, но прогрессивная часть французскаго общества не скрывала своей вражды и недовѣрія къ традиціоннымъ особенностямъ русской государственности, при чемъ и сближеніе обѣихъ странъ не могло быть вполнѣ искреннимъ и прочнымъ. Совершившееся у насъ преобразованіе государственнаго строя несомнѣнно расширяетъ и укрѣпляетъ основы нашихъ международныхъ отношеній: союзъ правительствъ превращается въ союзъ народовъ, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ преграды къ взаимному свободному общенію и уваженію. Пока еще перспектива этого международнаго равноправія находится впереди, но отдѣльные факты и симптомы, какъ напримѣръ недавнее оффиціальное чествованіе нѣкоторыхъ членовъ нашей Государственной Думы во время ихъ пребыванія во Франціи, указываютъ на близкій и желанный поворотъ въ отношеніяхъ французовъ къ Россіи и ко всему русскому.

Прочность франко-русскаго союза была вновь засвидѣтельствована поѣздкою Государя Императора въ Шербургъ и знаменательными словами, сказанными по этому случаю на банкетѣ, состоявшемся 31 (18) іюля на французскомъ броненосцѣ „Verité“. Президентъ республики Фальеръ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Ваше Величество! Я испытываю искреннюю радость, привѣтствуя Ваше Величество и Ея Величество Императрицу по случаю третьяго путешествія, совершаемаго Вами, со времени вашего коронованія, въ нашу страну. Франція и ея правительство глубоко признательны за знаки неизмѣнной симпатіи и непоколебимой дружбы, являемые Вашимъ Величествомъ. Ваше присутствіе сегодня въ Шербургскомъ портѣ является новымъ засвидѣтельствованіемъ этихъ чувствъ. Оно освящаетъ союзъ, соединяющій оба наши правительства и обѣ наши націи и справедливо разсматриваемый какъ гарантія международнаго мира,—что позволяетъ ожидать отъ него въ будущемъ не менѣе

счастливыхъ результатовъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ онъ привелъ въ прошломъ. Выражая тѣ чувства привязанности, которыя Франція питаетъ къ Россіи, я поднимаю свой бокалъ въ честь Вашихъ Величествъ, Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны и всей Императорской семьи. Я пью за величіе и преуспѣяніе Россійской Имперіи, союзницы и друга французской республики".

Въ отвѣтъ на слова президента Фальера Государь Императоръ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Господинъ президентъ! Слова привѣта, вами только-что сказанныя, глубоко тронули Насъ, Императрицу и Меня. Съ чувствомъ искренняго удовольствія пристаю Я каждый разъ къ берегамъ Франціи. Воспоминаніе о Моихъ предыдущихъ пребываніяхъ въ вашей прекрасной странѣ глубоко запечатлѣлось въ Моей памяти. Помимо горячихъ симпатій, которыя Я лично питаю къ Франціи, Я также, какъ и вы, господинъ президентъ, остаюсь твердо убѣжденнымъ въ томъ, что союзъ между Нашими двумя странами представляетъ драгоцѣнную гарантію всеобщаго мира и что тѣсныя узы дружбы, связывающія Россію съ Франціей, въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, будутъ оказывать свое благодѣтельное вліяніе. Если мнѣ на поляхъ Бетени былъ данъ случай восторгаться французской арміей, то Я сегодня испытываю истинную радость, получивъ возможность отдать блестящему флоту дань уваженія, которымъ я проникся во время смотра, на которомъ Я только-что присутствовалъ. Одушевляемый этими чувствами сердечнаго расположенія и неизмѣннаго постоянства, раздѣляемыми всею Россіею, Я поднимаю Свой бокалъ за ваше здоровье, господинъ президентъ, за величіе союзной и дружественной Франціи, и Я пью за преуспѣяніе доблестнаго французскаго флота".

Наше сближеніе съ Англіею встрѣчаетъ еще больше трудностей, чѣмъ франко-русскій союзъ, вслѣдствіе упорной принципіальной антипатіи англичанъ къ нашей старой правительственной системѣ. Англичане не вѣрятъ въ конституцію, которая уживается съ административнымъ произволомъ, всеобщимъ безправіемъ и практикою военной судебной расправы. Въ засѣданіи палаты общинъ, 22 іюля, британскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сэръ Эдуардъ Грей, вынужденъ былъ защищать русское правительство отъ взводимыхъ на него обвиненій. „Намъ нѣтъ дѣла до того,—говорилъ онъ, между прочимъ,—что происходитъ внутри иностраннаго государства, гдѣ мы не признаемъ за собою никакого права контроля или вмѣшательства". Отвѣчая на враждебную русскому правительству рѣчь депутата Гендерсона, министръ сослался на заявленія находившихся недавно въ Англіи чле-

новъ Государственной Думы; изъ этихъ заявленій видно, что въ Россіи дѣйствительно введена конституція, и если въ послѣднюю вѣрятъ сами русскіе, то спорить съ ними по этому пункту было бы странно и безполезно со стороны англичанъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что поѣздка нашихъ депутатовъ въ Англію очистила путь къ болѣе тѣсному политическому сближенію обѣихъ странъ. Благотворное значеніе этой поѣздки для интересовъ англо-русской дружбы торжественно признано королемъ Эдуардомъ при недавнемъ свиданіи монарховъ въ Коусѣ. Послѣ морского смотра, произведеннаго 2-го августа (20 іюля) соединеннымъ эскадрамъ британскаго флота, въ количествѣ болѣе 150 военныхъ судовъ, состоялся парадный обѣдъ на яхтѣ „Victoria and Albert“, при чемъ король Эдуардъ произнесъ слѣдующую рѣчь, провозглашая тостъ за здоровье Государя Императора:

„Ваше Величество! Сердечный и дружественный пріемъ, оказанный королевѣ и мнѣ въ минувшемъ году въ Ревелѣ, не забытъ нами, и я горжусь тѣмъ, что могу привѣтствовать Ваши Величества въ англійскихъ водахъ. Ваше Величество, такъ же, какъ и моя дорогая племянница, не являетесь чужими въ Англіи, въ частности на островѣ Уайтѣ. Я увѣренъ, что Вы припомните тѣ годы, когда Васъ Обоихъ принимала здѣсь моя возлюбленная мать. Я радъ, что Ваше Величество имѣли случай увидѣть быть можетъ самый могущественный и сильный флотъ изъ всѣхъ когда-либо собиравшихся. Но я увѣренъ, что Ваше Величество будете смотрѣть на эти суда не какъ на символы войны, а напротивъ, какъ на защиту нашего побережья, нашей торговли и, что̀ выше всего, какъ на средство для поддержанія интересовъ мира. Я въ этомъ году имѣлъ случай принимать нѣкоторыхъ представителей Государственной Думы, и не нужно говорить, какое удовольствіе доставило мнѣ и королевѣ принять ихъ. Я надѣюсь, что ихъ пребываніе въ Англіи было для нихъ пріятно. Они имѣли полную возможность увидѣть многихъ лицъ и многія учрежденія этой страны, и я надѣюсь, что видѣнное ими усилитъ добрыя чувства, существующія между обѣими странами. Затѣмъ я долженъ поблагодарить Ваши Величества за Вашъ пріѣздъ къ намъ и выразить Вамъ то великое удовольствіе, которое королева и я испытываемъ, принимая Васъ“.

Въ отвѣтъ Государь Императоръ сказалъ:

„Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе выразить Мою сердечную признательность за любезныя слова, которыми Вашему Величеству угодно было привѣтствовать Императрицу и Меня въ британскихъ водахъ. Великолѣпный смотръ, на которомъ Я сегодня присутствовалъ, является полнымъ свидѣтельствомъ величія Англіи. Величественное зрѣлище флотовъ — внутреннихъ водъ и Атлантическаго—

произвело глубокое впечатлѣніе на Меня. 15 лѣтъ прошло съ того времени, когда Я въ послѣдній разъ былъ въ Коусѣ. Я всегда сохраню въ памяти счастливые дни, проведенные съ Вашей возлюбленной и чтимой матерью, королевой Викторіей, и любовь, которую она проявила по отношенію ко Мнѣ, какъ ея Внуку.

„Дружественный пріемъ, оказанный Вашими Величествами и Вашимъ народомъ членамъ Государственной Думы, а также—зимою—Моей эскадрѣ, да будетъ залогомъ роста сердечныхъ отношеній между Нашими странами, основанныхъ на общихъ интересахъ и взаимномъ уваженіи. Твердо увѣренный въ томъ, что эти желанія осуществятся, Я пью за здоровье Вашего Величества, ея Величества королевы и королевской семьи и за процвѣтаніе британской имперіи“ [1]).

Несчастная Персія избавилась наконецъ отъ жестокаго и безсмысленнаго деспота, воевавшаго съ своимъ народомъ въ теченіе значительной части своего эфемернаго царствованія. Шахъ Магометъ-Али унаслѣдовалъ отъ отца Музаферъ-Эдина довольно либеральную конституцію, данную странѣ лѣтомъ 1906-го года и приведенную уже отчасти въ дѣйствіе. Созванный изъ представителей населенія „домъ справедливости“ или меджилисъ добросовѣстно старался установить извѣстный порядокъ въ управленіи. Новый шахъ, вступивъ на престолъ въ началѣ 1907-го года, принесъ присягу на вѣрность конституціи и обѣщалъ уважать права меджилиса. Хищные сатрапы и придворные евнухи, предвидя потерю своихъ доходовъ и привилегій, уговорили, однако, слабоумнаго шаха возстановить исконную его власть и съ этою цѣлью организовали шайки вооруженнаго сброда изъ мнимыхъ персидскихъ патріотовъ, привлекаемыхъ соблазномъ дозволеннаго грабежа въ предѣлахъ „конституціонныхъ“ городовъ и селеній. Магометъ-Али забылъ свои клятвы и обѣщанія и откровенно приступилъ къ „завоеванію страны мечомъ“, по примѣру своихъ предковъ. Вскорѣ дѣло дошло до прямой кровавой борьбы между клевретами шаха и сторонниками народнымъ правъ. Лѣтомъ прошлаго года зданіе меджилиса было подвергнуто бомбардировкѣ; полная анархія водворилась въ различныхъ областяхъ Персіи. Многіе города превратились въ безпорядочные военные лагери; отряды наемныхъ „патріотовъ“ опустошали страну и нападали на безоружное населеніе; революціонеры и націоналисты завладѣвали отдѣльными центрами, подготовляя упорную оборону. Кровопролитное междоусобіе сдѣлалось хроническимъ и пріобрѣло какой-то безнадежный характеръ;

[1]) Тексты рѣчей приведены здѣсь со словъ „Спб. телеграфнаго агентства“, по телеграммамъ нашихъ газетъ отъ 22-го іюля.

ни одна изъ воюющихъ сторонъ не имѣла шансовъ скорой и окончательной побѣды. Для охраны интересовъ иностранныхъ подданныхъ приняты были извѣстныя мѣры правительствами Россіи и Англіи, при чемъ въ сѣверную часть Персіи вступили русскія войска. Магометъ-Али оставался внѣ Тегерана, въ особомъ укрѣпленномъ лагерѣ, и все еще надѣялся достигнуть торжества.

Печальная роль выпала на долю русскихъ офицеровъ, находившихся на службѣ шаха въ качествѣ военныхъ инструкторовъ; имъ пришлось исполнять принятыя ими на себя обязанности при совершенно ненормальныхъ и непредусмотрѣнныхъ ими условіяхъ, и они невольно превратились въ защитниковъ такого порядка вещей, который былъ безусловно враждебенъ и ненавистенъ персидскому народу. Одинъ изъ этихъ офицеровъ, полковникъ Ляховъ, состоявшій начальникомъ туземной казачьей бригады, принималъ дѣятельное участіе въ разгромѣ меджилиса и въ послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ „операціяхъ“ противъ сторонниковъ конституціи, что̀ неизбѣжно отражалось на чувствахъ мѣстнаго населенія относительно Россіи. Тѣмъ не менѣе оффиціально Россія и Англія дѣйствовали въ Персіи заодно, давали шаху настойчивые дружескіе совѣты въ смыслѣ возстановленія конституціоннаго строя и не вмѣшивались активно во внутреннія дѣла государства.

Полная неспособность шаха держаться какого-нибудь опредѣленнаго способа дѣйствій, бездарность и грубое корыстолюбіе его приближенныхъ, энергія революціонеровъ и націоналистовъ, поддерживаемыхъ сочувствіемъ народа — все это ускорило развязку тяжелаго кризиса. Конституціонныя войска смѣло направились къ Тегерану и заняли его; оставшіеся защитники стараго режима были частью разсѣяны, частью подчинились судьбѣ или перешли на сторону побѣдителей. Шахъ Магометъ-Али долженъ былъ подумать о собственномъ спасеніи; онъ отправился 15-го іюля съ семьею и свитою въ лѣтнее помѣщеніе русскаго посольства и отдалъ себя подъ охрану Россіи (по персидскому выраженію — „сѣлъ въ бестъ“). Образовалось временное правительство, съ которымъ вступилъ въ соглашеніе и полковникъ Ляховъ, для обезпеченія внѣшняго порядка. Младшій сынъ неудачнаго шаха, одиннадцатилѣтній Ахмедъ-Мирза, провозглашенъ его преемникомъ, подъ опекою регента Азедъ-эль-Мулька, старшаго представителя „царственнаго“ рода Каджаровъ. Свергнутый шахъ будетъ доживать свой вѣкъ на чужбинѣ, а его наслѣдникъ сдѣлается со временемъ сознательнымъ конституціоннымъ правителемъ Персіи. Такъ окончилась персидская революція, причинявшая столько хлопотъ и волненій не только самимъ персамъ, но и заинтересованнымъ европейцамъ и дипломатамъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ РЕЛИГІЙ, КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Сравнительная исторія религій—это наука, совершенно не представленная въ нашемъ высшемъ преподаваніи и едва затрогиваемая, по понятнымъ причинамъ, и въ нашихъ вольныхъ школахъ; наука, по которой на русскомъ языкѣ не имѣется ни одного самостоятельнаго сочиненія и два-три переводныхъ; наука, безъ которой невозможно, однако, знакомство съ исторіей развитія нравственности и права. Въ Голландіи она давно уже введена въ число предметовъ университетскаго преподаванія. Это позволило профессору Тиле не только посвятить изученію религіи древняго Востока обширное изслѣдованіе, но и ввести широкій кругъ читателей въ сферу вопросовъ, занимающихъ историковъ религіи — обнародованіемъ курса своихъ лекцій или, точнѣе, популярно написаннаго руководства, которое въ французской передачѣ успѣло обойти весь міръ („Manuel de l'histoire des religions"). По образцу голландскихъ университетовъ бельгійскіе также устроили у себя каѳедру исторіи религій. Графъ Альвіеля уже болѣе десяти лѣтъ читаетъ этотъ предметъ въ Брюсселѣ.

Третья республика во Франціи создала каѳедру для извѣстнаго знатока исторіи религій Альберта Ревиля. Кончина его заставила въ нынѣшнемъ году Collège de France заняться пріисканіемъ ему преемника. Болѣе десяти лицъ поставили свою кандидатуру. Между ними оказались послѣдователи разныхъ теченій, спеціалисты по исторіи отдѣльныхъ религіозныхъ системъ, этнологи, фолькъ-лористы. Вернъ, знатокъ библейской экзегетики, одно время бывшій издателемъ доселѣ выходящаго въ Парижѣ „Журнала по исторіи религіи", и Маусъ, ближайшій сотрудникъ Дюркгейма по изданію соціологическаго ежегодника и авторъ мемуаровъ о природѣ магіи и о первоначальномъ происхожденіи жертвоприношенія, оспаривали у извѣстнаго аббата Луази, еще недавно отлученнаго отъ церкви папою, и спеціалиста-египтолога Фукара честь ежегоднаго ознакомленія широкихъ круговъ парижскаго общества, посѣщающихъ лекціи Collège de France, съ новѣйшими успѣхами сравнительной исторіи миѳовъ и религіозныхъ ученій. Послѣ нѣсколькихъ баллотировокъ намѣтились двѣ кандидатуры, поддержанныя равнымъ числомъ голосовъ: одна—болѣе поли-

тическая, чѣмъ научная, другая—наоборотъ. Политика и на этотъ разъ взяла верхъ: уходъ изъ собранія одного изъ голосовавшихъ обезпечилъ большинство либеральному и еретическому аббату.

Изъ числа участниковъ этого мирнаго ристалища ранѣе другихъ остался за флагомъ представитель того направленія, которое пользуется данными сравнительной этнологіи для опредѣленія характера древнѣйшихъ вѣрованій и формъ культа. Это направленіе представлено всего сильнѣе въ Англіи, гдѣ извѣстнымъ Эдуардомъ Тейлоромъ, авторомъ „Исторіи первобытной культуры", вбиты были первыя вѣхи на никѣмъ еще не пройденномъ пути, въ самой чащѣ народныхъ суевѣрій, легендъ, сказаній и обрядовъ дикихъ и отсталыхъ народностей.

Школа Тейлора, творца теоріи анимизма, какъ первоначальнаго порядка представленій о сверхчувственныхъ силахъ, нанесла серьезный ударъ весьма распространенной до нея доктринѣ солярнаго культа, какъ основы всѣхъ древнѣйшихъ религій. Насколько съ Тейлоромъ связано представленіе самаго ранняго и смѣлаго провозвѣстника теоріи культа предковъ, настолько къ Максу Мюллеру можно пріурочить самое рѣзкое и опредѣленное выраженіе солярной доктрины. И Тейлоръ, и Максъ Мюллеръ были одновременно профессорами Оксфордскаго университета. Первый принесъ съ собою въ Англію плоды многолѣтняго изученія на мѣстѣ уцѣлѣвшихъ слѣдовъ древнеамериканскихъ гражданственностей, въ особенности Мексики и Перу; второй перенесъ въ свою новую родину зародившуюся въ средѣ германскихъ санскритологовъ и ведистовъ весьма популярную одно время и у насъ интерпретацію религіозныхъ миѳовъ-легендъ и сказаній якобы присущимъ изначала всѣмъ народамъ почитаніемъ небесныхъ свѣтилъ, и прежде всего — солнца. Число послѣдователей Тейлора въ Англіи скоро сдѣлалось громаднымъ, и когда Гербертъ Спенсеръ положилъ въ основу своихъ гипотезъ о религіозномъ развитіи человѣчества ту же первоначальную вѣру въ духовъ, автору „Первобытной культуры" не трудно было использовать этотъ фактъ для широкаго распространенія собственныхъ взглядовъ, доказать пріоритетъ которыхъ ему было не трудно.

Между послѣдователями Тейлора едва-ли не наиболѣе популярнымъ является Ленгъ, авторъ переведеннаго на многіе европейскіе языки сочиненія: „Миѳъ, обрядъ и религія". Но Ленгъ внесъ въ свое пониманіе методовъ изученія исторіи религій нѣчто новое. Тѣ явленія, которыя обнимаются въ просторѣчіи понятіемъ внушенія и которыя несомнѣнно обращали и обращаютъ на себя вниманіе народовъ отсталыхъ и дикихъ, показались ему проливающими нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе у нихъ вѣрованій и суевѣрій, болѣе отвѣчающихъ понятію магіи, нежели религіи. Ленгомъ проложенъ былъ, такимъ обра-

зомъ, путь, по которому съ большой смѣлостью и избыткомъ воображенія пошелъ Кембриджскій профессоръ Фрэзеръ, въ сочиненіи „Золотая вѣтвь“ (Golden bow). Больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, за исключеніемъ одного нѣмецкаго ученаго Мангардта, Фрэзеръ воспользовался обширнымъ матеріаломъ народныхъ обрядовъ и удержавшихся въ нихъ пережитковъ древнихъ культовъ для восполненія тѣхъ данныхъ, какія доставляетъ изслѣдователю, съ одной стороны, религіозный бытъ дикарей, а съ другой — древнѣйшіе религіозные своды, въ родѣ индусскихъ „Ведъ“ или иранской „Авесты“. Искусно воспользовавшись работами другого англійскаго профессора, Смисъ-Робертсона, по исторіи семитическихъ религій, Фрэзеръ на ряду съ ученіемъ о магіи, какъ представляющей собою древнѣйшее знаніе и предшествующей во времени возникновенію всякаго рода религіозныхъ вѣрованій, выставилъ еще гипотезу болѣе или менѣе повсемѣстнаго распространенія такъ называемаго „тотэмизма“—своего рода союза отдѣльныхъ человѣческихъ группъ съ тѣмъ или другимъ видомъ животнаго или растительнаго царства, связь съ которымъ укрѣпляется періодическимъ совершеніемъ жертвоприношенія, позволяющаго членамъ группы войти въ непосредственное общеніе съ предметомъ своего культа, путемъ вкушенія отъ его мяса. Это ученіе о жертвоприношеніи, призванномъ укрѣплять связь людской группы съ избранной ею въ патроны породою животныхъ или растеній, нашло во Франціи горячаго сторонника въ эллинистѣ Соломонѣ Рейнахѣ. Къ ней примкнула и та соціологическая школа, главою которой является Дюркгеймъ. Противъ этого направленія съ большой рѣшительностью выступили сторонники того взгляда, что исторія вѣрованій не нуждается въ помощи ни сравнительной этнографіи, ни фольклора, и не можетъ черпать своихъ данныхъ изъ другихъ источниковъ, помимо памятниковъ религіи и культа народовъ древности и новаго времени. Представителемъ этого направленія выступилъ въ средѣ лицъ, поставившихъ свою кандидатуру на послѣднихъ выборахъ въ Collège de France, профессоръ университета въ Эксѣ (Aix en Provence), Марсель Жоржъ Фукаръ. Свою точку зрѣнія онъ изложилъ въ особой книжкѣ, появившейся ранѣе конкурса и озаглавленной: „Сравнительный методъ въ исторіи религій“. Направленіе, какого придерживается во Франціи Рейнахъ и его послѣдователи, сводится, по мнѣнію Фукара, къ признанію, что дикіе народы находятся въ наши дни на той стадіи развитія, которая составляла удѣлъ первобытнаго человѣчества. Дикари удержали обрядности и вѣрованія этой эпохи въ большей чистотѣ, чѣмъ религіи народовъ, продолжавшихъ развиваться. Поэтому стоитъ только собрать во-едино эти вѣрованія и обряды—и явится возможность дать вѣрное изображеніе того, чѣмъ была первобытная ре-

лигія. Представители указаннаго направленія рѣшаются даже утверждать, что главнѣйшіе элементы, изъ которыхъ слагаются примитивныя вѣрованія — какъ-то система тотэмовъ, табу или религіозно-символическихъ запретовъ, жертвоприношенія, построенныя на принципѣ „твоя отъ твоихъ“ и т. д., — встрѣчаются повсюду и могутъ быть обнаружены какъ въ прошломъ всѣхъ народовъ, такъ и въ держащихся по настоящій день простонародныхъ суевѣріяхъ. Такія притязанія—говоритъ Фукаръ — естественно должны были вызвать и въ дѣйствительности вызвали серьезныя возраженія. Не разъ было указываемо на то, что видѣть въ дикарѣ представителя первобытнаго человѣчества—значитъ выставять смѣлую и маловѣроятную гипотезу. Въ этомъ смыслѣ еще въ недавнее время высказался Лагранжъ, въ своихъ „Этюдахъ по исторіи семитическихъ вѣрованій“; тѣ же замѣчанія дѣлаетъ Ренувье въ своей „Аналитической философіи исторіи“. Жоржъ Фукаръ, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ предшественниковъ, повторяетъ не менѣе смѣлую гипотезу, что дикари болѣе отвѣчаютъ дряхлому, чѣмъ юношескому возрасту человѣчества. Великіе народы, игравшіе роль въ исторіи, по мнѣнію Фукара, ни въ какой моментъ своего существованія не представляли сходства съ дикарями. Еще въ своей колыбели они обладали тѣми качествами, которыя обезпечили имъ возможность развитія. Дикія племена стоятъ въ концѣ своего процесса развитія—процесса, имъ неудавшагося. Немыслимо допустить, чтобы какой бы то ни было народъ въ теченіе тысячелѣтій оставался на ступени первобытности, подобно тому, какъ остаются на ней нѣкоторые виды животнаго царства. На дикарей слѣдуетъ смотрѣть какъ на племена, атрофировавшіяся въ своемъ развитіи или выродившіяся.

Гипотезѣ Фукара можно было бы противопоставить тотъ фактъ, что на разстояніи тысячелѣтій писатели, совершенно независимо отъ всякаго заимствованія другъ у друга, сообщаютъ объ однихъ и тѣхъ же племенахъ однохарактерныя данныя. Такъ о сванетахъ мы имѣемъ свидѣтельства, восходящія ко временамъ Помпея и нимало не противорѣчащія одно другому. Византійскіе, арабскіе и древне-русскіе источники, въ частности — начальная лѣтопись, сходятся въ своемъ описаніи быта древнихъ славянъ. Нѣтъ, съ другой стороны, никакого основанія утверждать, что дикари не испытывали въ разное время культурнаго вліянія народовъ, историческія судьбы которыхъ связаны были съ ихъ собственными. Поэтому весьма возможно, что въ нравахъ дикарей и варваровъ и въ настоящее время могутъ быть открыты слѣды воздѣйствія, оказаннаго на нихъ религіозными системами сосѣднихъ или владычествовавшихъ надъ ними націй. Въ моемъ сочиненіи, озаглавленномъ: „Законъ и обычай на Кавказѣ“, сдѣланъ бѣг-

лый обзоръ тѣхъ различныхъ культурныхъ теченій, какимъ подвергались горцы Кавказа, а въ особомъ мемуарѣ, прочитанномъ мною на конгрессѣ оріенталистовъ въ Лондонѣ, болѣе подробно изучены иранскія вліянія на Кавказѣ и указано сходство народныхъ вѣрованій горцевъ съ тѣми, о которыхъ идетъ рѣчь въ „Авестѣ“. Фукаръ приводитъ сходныя соображенія, говоря о вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ племенъ Африки и Америки. „Многое изъ того, что̀ мы встрѣчаемъ въ религіи племенъ Конго—пишетъ онъ—заключаетъ въ себѣ искаженіе христіанскихъ истинъ, распространяемыхъ въ средѣ негровъ Конго въ эпоху португальскаго владычества. Нѣкоторые обряды, какихъ придерживается при коронаціи и похоронахъ племя Пёль (Peuls), представляютъ поразительное сходство съ древнеегипетскими. Не знай мы ничего о послѣднихъ, мы бы и эти церемоніи стали считать первобытными“. Фукаръ настаиваетъ также на томъ, что дикія племена, живущія въ настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ Судана, въ Индо-Китаѣ, въ Мексикѣ и въ Центральной Америкѣ, поселены у подножія памятниковъ, которые сами по себѣ свидѣтельствуютъ о несравненно высшей культурѣ. Не всѣ эти племена могутъ считаться новѣйшими насельниками: многія изъ нихъ—потомки тѣхъ самыхъ народностей, которыя воздвигли эти грандіозныя зданія.

Справедливо указанное Фукаромъ воздѣйствіе культурныхъ націй на некультурныя ставитъ изслѣдователю въ обязанность, прежде, чѣмъ приводить сходные обычаи, вѣрованія и обряды тѣхъ или другихъ дикихъ или варварскихъ племенъ, задаться вопросомъ, въ какой мѣрѣ тѣ или другія черты не вызваны фактомъ заимствованія. И только послѣ полученія отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ является возможность орудованія этими данными для дальнѣйшихъ умозаключеній объ архаичности отмѣченныхъ порядковъ. Едва-ли, однако, всѣ высказанныя доселѣ сомнѣнія насчетъ первобытности дикарей позволяютъ намъ отказаться отъ пользованія этнографическимъ матеріаломъ, какъ надежнѣйшимъ средствомъ истолкованія тѣхъ пережитковъ, какіе уцѣлѣли въ древнѣйшихъ памятникахъ религіи и культа историческихъ народовъ и служатъ къ возстановленію природы если не начальныхъ, то возможно близкихъ къ первобытности отношеній людей къ міру сверхчувственному. Въ сочиненіи Соломона Рейнаха: „Cultes, mythes et religions“ мы находимъ такія попытки сближенія, позволяющія установить факты существованія, напримѣръ, тотэмизма у древнихъ кельтовъ, а слѣдовъ его—и у древнихъ грековъ, или отмѣтить сходство нѣкоторыхъ запретовъ, встрѣчающихся въ Библіи и у галловъ временъ Юлія Цезаря, съ тѣми, какіе составляютъ природу австралійскаго „табу“ [1]).

[1]) См. въ частности т. I, стр. 30 и сл., стр. 9 и сл., и т. III, стр. 119.

Болѣе серьезное значеніе въ методологическомъ отношеніи имѣетъ попытка Фукара показать необоснованность многихъ положеній, касающихся древнѣйшей исторіи религій и высказываемыхъ той этнографо-соціологической школой, главою которой надо признать кембриджскаго профессора Фрэзера. Одно изъ такихъ утвержденій, на произвольность котораго указано было еще Тейлоромъ, гласитъ, что тотэмизмъ есть общее явленіе, присущее всѣмъ народамъ, слѣды котораго можно открыть въ религіозныхъ вѣрованіяхъ какъ семитическихъ, такъ и арійскихъ племенъ. Между тѣмъ, въ строгомъ смыслѣ слова тотэмизмъ—система, распространенная только въ средѣ краснокожихъ. Нѣкоторыя черты его обнаружены были, правда, и у австралійцевъ—нѣкоторыя, но далеко не всѣ. Работы Спенсера и Гиллена о негритосахъ внутренней части материка Новой Голландіи имѣютъ для этого вопроса рѣшающее значеніе. Тотэмовъ нельзя найти ни въ Меланезіи, ни въ Полинезіи. Что касается до центральной Африки, то въ недавней работѣ католическаго епископа Леруа: „Религія первобытныхъ народовъ“ можно найти доказательство тому, что только нѣкоторыя стороны тотэмизма или близкихъ къ нему порядковъ извѣстны хамитамъ. Негрильосы въ экваторіальныхъ лѣсахъ Габона считаютъ, напримѣръ, своимъ покровителемъ шимпанзе, но только въ томъ смыслѣ, что въ интересахъ обнаруженія къ нему бо̀льшаго уваженія не рѣшаются назвать это животное по имени, не позволяютъ того и другимъ и обращаются къ перифразѣ для передачи понятія о немъ. Въ Южной Африкѣ бушмены поклоняются насѣкомому, извѣстному имъ подъ названіемъ „ngo“. Отправляясь на охоту, они обращаются къ нему съ молитвой, чтобы оно помогло имъ скрываться отъ травимыхъ ими звѣрей и птицъ, какъ дѣлаетъ это само насѣкомое. У племенъ Банту и, въ частности, у Фановъ, крокодилъ считается предкомъ. Въ одной легендѣ, разсказываемой Фанами, говорится о томъ, что тѣло его принесено было въ жертву и отъ него вкусили родоначальники отдѣльныхъ семей, благодаря чему качества крокодила перешли къ ихъ потомству. Если прибавить къ сказанному, что на восточномъ берегу Африки почитаніе вызываетъ у племени Ваніика гіена, а у юго-западныхъ племенъ Африки, у зулусовъ, доместицированныя змѣи откармливаются на правахъ родителей, то мы исчерпаемъ весь матеріалъ, имѣющійся въ распоряженіи изслѣдователя по вопросу не столько о тотэмизмѣ, столько о культѣ животныхъ у отдѣльныхъ народовъ Африки [1]). Повторяемъ, рѣчь можетъ идти здѣсь только о культѣ животныхъ, а не о какомъ-то общеніи отдѣльныхъ родовъ съ той или

[1]) См. Le Roy, „La religion des primitifs“, Парижъ, 1909, стр. 111, 112 и 113.

другой породою растительнаго или животнаго царства, отъ котораго она ведетъ свое происхожденіе, поддерживая свою связь съ нею ежегоднымъ жертвоприношеніемъ, на которомъ тѣло звѣря-патрона вкушается всѣми членами рода.

Ни у кого изъ древнихъ народовъ почитаніе животныхъ не пользовалось болѣе широкимъ распространеніемъ, чѣмъ у египтянъ; поэтому рѣшающее значеніе для вопроса о всеобщности тотэмизма имѣетъ тотъ фактъ, что о немъ въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія въ египетскихъ источникахъ. „Въ верхней части Египта,—говоритъ Фукаръ,—найдено было нѣсколько таблицъ, украшенныхъ съ обѣихъ сторонъ скульптурными изображеніями. Нѣкоторыя изъ этихъ таблицъ восходятъ къ періоду первыхъ двухъ династій. На нихъ можно видѣть, рядомъ съ изображеніями царя, фигуры бога-шакала и боговъ-ястребовъ. На основаніи разбора этихъ памятниковъ, слывущихъ подъ неправильнымъ названіемъ палитръ, египтологи пришли къ заключенію о выдающемся значеніи, какое имѣлъ у древнихъ египтянъ культъ ястреба, считавшагося предкомъ и покровителемъ первыхъ двухъ династій. И другіе боги-звѣри изображены на этихъ палитрахъ: быкъ, скорпіонъ, левъ, коршунъ. Отъ боговъ-звѣрей египтяне отличали священныхъ животныхъ. Такими считались птица ибисъ, кошки, обезьяны, крокодилы и т. д. Во всемъ этомъ нѣтъ еще никакого указанія на тотэмизмъ древнихъ египтянъ, какъ нѣтъ его и въ тѣхъ данныхъ, какія по отношенію къ древнегреческому культу даютъ намъ открытыя въ 1899 г. въ Пелопоннесѣ, въ частности—въ Аркадіи, статуэтки женщинъ-богинь съ головою овцы или коровы. Къ этимъ статуэткамъ прибавился открытый въ 1903 г. въ Лаконіи идолъ Гермеса съ бараньей головою. Тѣмъ самымъ подтверждены были болѣе раннія свидѣтельства о существованіи статуи Деметры съ лошадиной головою, о лебедѣ Леды, о центаврѣ и т. д. Все это, самое большее, можетъ свидѣтельствовать о существованіи нѣкогда боговъ-животныхъ и въ древней Греціи, но нимало не доказываетъ распространенія въ ней тотэмизма“. Съ тотэмизмомъ связываетъ Фрэзеръ и природу древнѣйшаго жертвоприношенія—періодическаго вкушенія родомъ отъ тѣла убитаго звѣря-покровителя, мясо котораго запрещено было употреблять въ пищу въ остальную часть года. Неудивительно, поэтому, если въ древнемъ Египтѣ, какъ и въ Халдеѣ, Греціи и Индіи мы не находимъ жертвоприношенія съ только-что указаннымъ характеромъ. Оно построено на мысли, присущей всякому анимизму—на мысли о питаніи обоготворяемаго покойника или, взамѣнъ его, бога, въ надеждѣ заслужить его покровительство. Описавъ порядокъ совершенія жертвоприношенія у египтянъ, Фукаръ говоритъ, что во всѣхъ связанныхъ съ нимъ дѣйствіяхъ

нельзя открыть ничего мистическаго или символическаго: имѣется налицо просто убійство звѣря, тѣло котораго предлагается затѣмъ въ пищу божеству, какъ оно было бы предложено и живущему [1]). И у вавилонянъ временъ Гамураби жертвоприношенія носятъ еще характеръ питанія бога. Одинъ барельефъ, приведенный Масперо, изображаетъ Шамаша, овладѣвающаго дымомъ жертвоприношенія. Вавилонское сказаніе о потопѣ упоминаетъ о гнѣвѣ боговъ на тѣхъ изъ ихъ среды, кто искоренилъ родъ людской, такъ какъ тѣмъ самымъ они лишены были жертвоприношеній. Когда единственный человѣкъ, оставшійся въ живыхъ послѣ потопа, принесъ богамъ жертву, они вдохнули въ себя запахъ отъ сжигаемаго на кострѣ приношенія.

На указанныхъ вопросахъ довольно рѣзко выступаетъ различіе двухъ важнѣйшихъ направленій въ сравнительной исторіи религій. То же разномысліе возникаетъ и по вопросу о магіи. Для Фрэзера она предшествуетъ религіи и является своего рода древнѣйшимъ знаніемъ. Обращающійся къ ней увѣренъ, что, въ силу неизмѣнныхъ законовъ и помимо всякаго вмѣшательства сверхчувственной силы, его дѣйствіе будетъ имѣть ожидаемый результатъ. Ходячая точка зрѣнія ставитъ, наоборотъ, магію въ служебное отношеніе къ религіи и не можетъ себѣ представить происхожденіе магіи иначе, какъ въ тѣсной связи съ религіозными вѣрованіями.

Еще большее разномысліе можно отмѣтить въ вопросѣ объ отношеніи нравственности къ религіи. Наряду съ писателями, которые не прочь допустить аморальный характеръ древнѣйшихъ вѣрованій, можно указать на большинство, недопускающее развитія нравственности иначе, какъ въ связи съ религіей. Фукаръ, повидимому—сторонникъ первой точки зрѣнія. „Во всѣ времена—говоритъ онъ,—боги египетскіе признавались готовыми наказывать всѣхъ, кто рѣшится посягнуть на ихъ почести и блага, но они нисколько не интересовались тѣми, кто причинялъ вредъ другимъ. Мораль была на первыхъ порахъ независима отъ религіи. Только въ позднѣйшую эпоху новаго египетскаго царства, подъ вліяніемъ жрецовъ изъ Ѳивъ, сложилось представленіе о дѣяніяхъ, за которыя покойники должны отвѣчать въ будущемъ свѣтѣ, т.-е. положены были основы устанавливаемой религіей нравственности“. Господствующая точка зрѣнія, нашедшая выраженіе и въ „Принципахъ соціологіи“ Герберта Спенсера, гласитъ, наоборотъ, что нравственные запреты принадлежали издавна къ суммѣ тѣхъ табу, которыми проводилось различіе дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій. Почитаніе родителей дѣтьми, напр., имѣло своимъ источникомъ такія же религіей, въ частности культомъ предковъ, предписываемыя правила, какъ и запретъ вкушать

[1]) См. стр. 101 и 109.

отъ мяса того или другого животнаго или вступать въ общеніе съ членами родственной группы.

За всѣми этими причинами разномыслія историковъ религіи не слѣдуетъ забывать одной важнѣйшей и исконной: желанія миссіонеровъ найти и у самыхъ дикихъ народовъ зародыши если не культа, то вѣры въ единое верховное существо—очевидно, въ связи съ библейскимъ сказаніемъ о сынахъ Каина, только съ теченіемъ времени потерявшимъ вѣру въ истиннаго Бога. Еще Тейлору пришлось считаться съ этой предвзятостью и доказывать, что „Маниту" краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки и Мура-Мура" австралійцевъ, вопреки утвержденію миссіонеровъ—не болѣе, какъ духи предковъ. Въ сочиненіи епископа Леруа, которому въ католическомъ университетѣ Парижа поручено чтеніе лекцій о первобытныхъ религіяхъ, снова выступаетъ та же тенденція. Дѣлается попытка доказать мысль, нашедшую приверженца и въ лицѣ англичанина Ленга, что миѳы, или сказанія о богахъ, надо отличать отъ религіозныхъ вѣрованій, что въ послѣднихъ даже у такихъ отсталыхъ племенъ, какъ негры Африки, можно найти черты признанія единаго верховнаго существа. Авторъ, при этомъ, не задается мыслью, въ какой мѣрѣ эти представленія вызваны были христіанской проповѣдью самихъ миссіонеровъ во времена древнѣйшихъ европейскихъ поселеній въ Африкѣ, напр. португальцевъ въ Конго.

Какъ бы сомнительны ни были тѣ толкованія, какія даются католическими историками религій первобытнымъ вѣрованіямъ, но одинъ уже тотъ фактъ, что преподаваніе исторіи религій признано желательнымъ въ католическомъ университетѣ Парижа, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. На мой взглядъ онъ какъ нельзя лучше доказываетъ, что одной чрезмѣрной косностью и неподатливостью на требованія времени можно объяснить недовѣріе, съ какимъ лица, завѣдующія нашимъ высшимъ образованіемъ, относятся къ созданію каѳедры, необходимость которой въ русскихъ университетахъ начинаетъ все болѣе и болѣе чувствоваться по мѣрѣ того, какъ сама исторія изъ художественнаго повѣствованія о воинской доблести и внѣшнихъ успѣхахъ нашихъ предковъ переходить къ объясненію источниковъ и хода развитія культуры. При такомъ пониманіи невозможно обойтись безъ обстоятельнаго изученія сравнительной исторіи религій, какъ и сравнительной исторіи нравственности или права. Министерство народнаго просвѣщенія признаетъ, по слухамъ, необходимость увеличенія числа каѳедръ. Мы позволимъ себѣ поставить ему на видъ, что на историко-филологическомъ факультетѣ такъ же необходима сравнительная исторія религій, какъ на юридическомъ—сравнительная исторія права и учрежденій.

Максимъ Ковалевскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1909.

I.

— Г. Г. Швиттау. Профессіи и занятія населенія. Спб. 1909 г.

Статистическое изслѣдованіе г. Швиттау посвящено вопросу, помимо его научной важности имѣющему и практическое значеніе, въ особенности для нашего отечества. Статистика профессій основывается исключительно на переписяхъ населенія; Россіи же въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ еще лишь организовать этотъ пріемъ изслѣдованія въ примѣненіи ко всей странѣ, потому что первый опытъ всероссійской переписи, въ 1897 г., поучителенъ лишь съ отрицательной стороны. Переписи населенія въ Европѣ практикуются цѣлое столѣтіе. Помимо чисто демографическихъ данныхъ, онѣ собирали свѣдѣнія и о занятіяхъ населенія. Несмотря на это, „вопросъ о профессіяхъ и занятіяхъ населенія не получилъ до сихъ поръ одного общаго, опредѣленнаго формулированія и считается однимъ изъ самыхъ неудовлетворительныхъ вопросныхъ пунктовъ, въ смыслѣ крайне недостаточнаго собираемаго по нему матеріала“. „Путь, по которому слѣдуетъ эта отрасль статистики, еще едва лишь опредѣляется“—говоритъ авторъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что производство сплошной переписи населенія доступно лишь государству; послѣднее же рѣшается на связанный съ этимъ значительный денежный расходъ лишь въ виду практическихъ своихъ нуждъ, расширяя задачи переписи по мѣрѣ выясненія новыхъ потребностей. Впереди другихъ странъ въ дѣлѣ изученія профессіональнаго состава населенія идетъ Германія, въ которой вниманіе къ этому предмету поддерживается проектами соціальныхъ реформъ (государственное страхованіе рабочихъ и др.). Извѣстный параллелизмъ между политикой соціальныхъ реформъ и совершенствомъ переписи профессій наблюдается и относительно другихъ европейскихъ государствъ. Г. Швиттау разсматриваетъ, однако, данный вопросъ не съ практической, а съ научной точки зрѣнія. Съ этой послѣдней статистика профессій и занятій

имѣетъ первостепенное значеніе для экономической статистики вообще и для вопроса о соціальныхъ классахъ общества.

Хотя статистика профессій и занятій тѣсно примыкаетъ къ демографіи и находится, поэтому, въ непосредственной связи съ общепринятыми въ цивилизованныхъ государствахъ общими переписями населенія, но для обстоятельнаго изученія предмета слѣдуетъ дополнять общія переписи спеціальными изслѣдованіями профессій. Такъ именно и поставлено дѣло въ Германіи, гдѣ періодически производятся перепись населенію вообще, перепись профессій и занятій и перепись промышленныхъ предпріятій. Послѣднія двѣ переписи находятся въ особенно тѣсной связи. Перепись профессій, при которой каждый опрашиваемый самъ называетъ свою профессію и этимъ опредѣляетъ не только главное свое занятіе, но и индивидуальное призваніе и спеціализацію, „обнаруживаетъ соціальное состояніе всякаго отдѣльнаго человѣка какъ бы въ зеркальномъ отраженіи его субъективнаго сознанія“. Промысловая перепись, путемъ разсылки опросныхъ формуляровъ промышленнымъ и сельскохозяйственнымъ предпринимателямъ (какъ бы мелки они ни были), „изслѣдуетъ людей въ той соціальной и технической ихъ группировкахъ, въ какихъ они включены въ общій процессъ соціальнаго производства“. Промысловая перепись доставляетъ, конечно, свѣдѣнія и о техническомъ оборудованіи предпріятій.

Сравнительная молодость вопроса о статистикѣ профессій отражается и на научномъ его трактованіи, и на литературномъ о немъ матеріалѣ. Этотъ вопросъ, по словамъ автора, „еще ждетъ піонеровъ-научныхъ изслѣдователей“. Опытомъ такого изслѣдованія является и трудъ г. Швиттау, состоящій изъ двухъ частей: конструктивно-методологической и аналитической. Въ первой части устанавливаются основныя понятія и задачи данной дисциплины, оцѣниваются имѣющіяся классификаціи и вносятся въ нихъ поправки, отвѣчающія сущности предмета. Конечно, цѣль такого разсмотрѣнія—„болѣе твердо установить и опредѣлить самую проблему о профессіяхъ и занятіяхъ населенія, какъ объектѣ современныхъ народныхъ переписей“. Во второй части изучается самый составъ населенія по профессіямъ въ различныхъ государствахъ, при чемъ данныя переписи группируются соотвѣтственно классификаціи автора и приводятся такимъ образомъ къ болѣе или менѣе однороднымъ и удобосравнимымъ группамъ. Одна глава книги посвящена всероссійской переписи 1897 г. Въ этой главѣ, довольно бѣдной въ критической части, Россія въ отношеніи профессіональнаго состава сравнивается съ другими государствами. Заканчиваетъ свой трудъ г. Швиттау пожеланіемъ, „чтобы при составленіи плана нашей второй переписи отнеслись къ вопросу о профессіи и занятіи съ той степенью вниманія, какую заслуживаетъ эта

одна изъ самыхъ сложныхъ, но зато и самыхъ интересныхъ и важныхъ проблемъ эксномической статистики". Охотно присоединяемся къ этому пожеланію.

II.

— Приватъ-доцентъ Ал. Билимовичъ. „Германское землеустроительное законодательство". Томъ I. Раздѣлъ общинныхъ земель. Кіевъ. 1908 г.

Этотъ трудъ кіевскаго ученаго находится въ идейной связи съ другимъ его произведеніемъ (о которомъ въ свое время говорилось въ нашемъ журналѣ): „Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи". Новый трудъ г. Билимовича выгодно отличается отъ предшествующаго. Авторъ трактуетъ въ немъ о чужой странѣ, о чужихъ отношеніяхъ, отошедшихъ уже во многомъ въ прошлое, и относится къ нимъ лишь какъ къ объекту познанія. Изучаетъ онъ эти отношенія по литературнымъ трудамъ, всесторонне ихъ выясняющимъ и диктующимъ, такъ сказать, опредѣленное о нихъ заключеніе. Въ книгѣ о землеустроительномъ дѣлѣ въ Германіи г. Билимовичъ фигурируетъ, поэтому, въ роли объективнаго повѣствователя. Землеустроительное дѣло въ Россіи есть задача текущей практической политики, для правильнаго рѣшенія которой не имѣется достаточнаго числа всестороннихъ объективныхъ изслѣдованій и которая разсматривается обыкновенно съ точки зрѣнія классоваго интереса или предвзятой доктрины. На такой точкѣ зрѣнія стоитъ и ученый авторъ книги о землеустроительномъ дѣлѣ въ Россіи. Откровенно объявляя себя „безусловнымъ противникомъ великорусской общины", онъ трактуетъ въ качествѣ такового и относящіеся сюда вопросы, считая излишнимъ подвергать „противный" ему предметъ обстоятельному изученію и закрывая глаза на цѣлую полосу общинной жизни, опровергающую его принципы. Сочиненіе г. Билимовича: „Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи" въ главнѣйшихъ отношеніяхъ представляется, поэтому, не безпристрастнымъ изслѣдованіемъ, а одностороннимъ памфлетомъ.

Разсматриваемое въ этой нашей замѣткѣ сочиненіе г. Билимовича представляетъ первый томъ труда о землеустроительствѣ въ Германіи, посвященный раздѣлу общинныхъ земель. Второй томъ обниметъ уничтоженіе сервитутовъ, разверстаніе черезполосныхъ участковъ и землеустроительное процессуальное право. Раздѣлъ общинныхъ земель въ Германіи начался въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и въ главной его части завершился въ теченіе первой половины истекшаго столѣтія.

Посвященный этому вопросу трудъ г. Билимовича въ значительной его части долженъ былъ сдѣлаться, поэтому, историческимъ трактатомъ. Такой характеръ разсматриваемое нами произведеніе получило еще и потому, что прямому предмету своего труда авторъ предпослалъ двѣ главы, трактующія о происхожденіи общинныхъ земель и о развитіи и послѣдующемъ упраздненіи крѣпостныхъ отношеній въ различныхъ областяхъ Германіи. Первая глава объясняетъ происхожденіе той категоріи земель, которая служила предметомъ важныхъ землеустроительныхъ мѣропріятій; что же касается крѣпостного права, различно отразившагося на положеніи и типѣ крестьянскаго хозяйства и на отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи, — то оно естественно „является факторомъ, который сильнѣйшимъ образомъ опредѣлялъ характеръ и ходъ развитія землеустроительнаго законодательства Германіи“. Глава объ исторіи общиннаго землевладѣнія въ Германіи, въ которой излагаются старыя и новыя ученія о происхожденіи этой формы владѣнія землей, представляетъ живой научный интересъ и для нашего отечества, не только потому, что исторія одной страны проливаетъ свѣтъ и на другую, но и по причинѣ того обстоятельства, что ученіе Маурера о древней нѣмецкой маркѣ не прошло безслѣдно для развитія взглядовъ нашихъ ученыхъ на происхожденіе общины въ Россіи. Практически вопросъ общиннаго землевладѣнія въ Германіи далеко не имѣетъ того значенія, что въ Россіи, такъ какъ общинная собственность распространяется тамъ главнѣйшимъ образомъ на невоздѣланныя земли (преимущественно пастбища и лѣса) и въ половинѣ восемнадцатаго вѣка занимала всего отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ территоріи страны (К. Бюхеръ).

Третья глава разсматриваемаго нами труда посвящена вопросу о раздѣлѣ общинныхъ земель, альмендной политикѣ въ нѣмецкой литературѣ со второй половины восемнадцатаго вѣка до новѣйшаго времени. Авторъ показываетъ какъ „безусловное требованіе раздѣловъ, шедшее въ концѣ восемнадцатаго вѣка изъ среды камералистовъ и агрономовъ сѣвера, постепенно, подъ вліяніемъ сокращенія запаса общинныхъ земель, смѣняется болѣе сдержанными голосами; какъ на югѣ Германіи (гдѣ община сохранилась всего лучше) съ половины девятнадцатаго вѣка вырастаетъ обратное литературное движеніе, требующее сохраненія общинной собственности и главную задачу государства видящее въ урегулированіи пользованія этой собственностью; какъ развитіе литературы заканчивается къ концу девятнадцатаго вѣка общимъ признаніемъ важности сохраненія оставшихся общинныхъ земель; какъ, наконецъ, въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ раздѣлы уничтожили почти всѣ общинныя земли, начинаютъ раздаваться голоса за созданіе ихъ вновь“. Положительное отношеніе

къ общинному землевладѣнію мотивируется главнымъ образомъ его значеніемъ съ финансовой и соціально-политической стороны, въ частности—задерживающимъ вліяніемъ его на бѣгство населенія изъ деревень. Но всѣ почти писатели указываютъ на вредныя и съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія послѣдствія безразборчиваго раздѣла общинныхъ земель. Даже горячій противникъ общинныхъ пастбищъ, но опытный агрономъ, Тэеръ, признавалъ вредъ раздѣла пастбищныхъ угодій, если при этомъ не вводится плодоперемѣнная система со стойловымъ содержаніемъ скота. „Каждый распахивалъ свой участокъ—пишетъ онъ — и хлѣбными посѣвами извлекалъ изъ него все естественное плодородіе до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не истощался. Распространеніе пашни требовало прибавки удобреній, но количество ихъ уменьшалось, потому что уничтоженное пастбище ничѣмъ не замѣщалось". (Это наблюденіе, какъ увидимъ ниже, имѣетъ особенно важное значеніе для Россіи).

Слѣдующія двѣ главы труда г. Билимовича посвящены исторіи раздѣла общинныхъ земель, а въ шестой, послѣдней главѣ сгруппированы статистическія данныя относительно общинныхъ земель въ Германіи. Согласно этимъ даннымъ, общинныя земли занимаютъ здѣсь 3.270 тыс. гектаровъ; въ томъ числѣ на долю лѣсовъ приходится 2.565 тыс. гектаровъ (18% всей лѣсной площади), а на прочія угодья—705 тыс. гектаровъ, что̀ составляетъ 2,6% площади крестьянскихъ земель. Изъ $5^1/_2$ милліоновъ нѣмецкихъ хозяйствъ около 7% пользуются альмендами, раздѣленными (на время) между хозяевами, около 8% участвуютъ въ пользованіи не раздѣленными пастбищами и 9% — въ пользованіи общиннымъ лѣсомъ. Альменды, раздѣляемыя въ частное пользованіе, попадаютъ по преимуществу въ руки хозяйствъ площадью отъ 1 до 10 гектаровъ; нераздѣленными общинными пастбищами и лѣсами пользуются по преимуществу хозяйства размѣромъ отъ 2 до 50 гектаровъ.

Нашего краткаго обзора труда г. Билимовича достаточно, кажется, для того, чтобы судить о степени его интереса для русскаго читателя. Мы должны, однако, оговориться, что, дѣлая иногда экскурсіи въ область русскихъ поземельныхъ отношеній, авторъ односторонне преслѣдуетъ цѣль борьбы съ той же ненавистной для него великороссійской общиной, хотя изложеніе предмета подводило его прямо къ вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли ожидать вредныхъ для сельскаго хозяйства послѣдствій отъ раздѣла общинныхъ земель и въ Россіи. Вопросъ этотъ естественно возникаетъ по ознакомленіи съ отзывами нѣмецкихъ писателей о послѣдствіяхъ раздѣла общинныхъ пастбищъ безъ одновременнаго перехода къ плодосмѣну и къ стойловому содержанію скота. Земская статистика показала, что констатируемый этими писателями

фактъ усиленной распашки земли наблюдается и въ русскихъ деревняхъ, на землѣ, изъятой изъ общественнаго регулированія. Не произойдетъ ли то же самое въ огромныхъ размѣрахъ, если послѣ уничтоженія общины изъ-подъ общественнаго контроля уйдетъ вся крестьянская земля? Германія избѣжала вредныхъ послѣдствій полной свободы индивидуальной сельскохозяйственной дѣятельности, потому что быстрое промышленное ея развитіе создало благопріятныя условія для интенсификаціи земледѣлія и направило крестьянское хозяйство на путь плодосмѣна. Можно ли ожидать этого въ ближайшемъ будущемъ для нашего отечества, и не слѣдуетъ ли, напротивъ того, опасаться, что условія нашего экономическаго развитія, понуждая крестьянина распространять болѣе и болѣе посѣвы зерна, приведутъ къ усиленной распашкѣ тѣхъ угодій, которыя будутъ переданы въ полное его распоряженіе, и раздѣлъ общинныхъ земель нанесетъ, поэтому, ущербъ сельскому хозяйству и производительности всей страны?—В. В.

III.

— Выборы по г. Москвѣ въ Государственную Думу третьяго призыва. Приложеніе къ „Извѣстіямъ Московск. Гор. Думы“.

До сихъ поръ эта работа статистическаго отдѣла московской городской управы почти не была отмѣчена въ періодической печати. Между тѣмъ, она заслуживаетъ вниманія какъ первая *полная* статистическая сводка данныхъ, почерпнутыхъ ихъ избирательныхъ списковъ по выборамъ въ Государственную Думу. Сводка эта тѣмъ болѣе любопытна и характерна, что она не ограничивается только третьими выборами, а заключаетъ въ себѣ данныя и первыхъ, и вторыхъ выборовъ, вслѣдствіе чего является возможность поучительныхъ сравненій.

Матеріаломъ для выборной статистики послужили главнымъ образомъ цензовыя карты и заявленія избирателей, затѣмъ нецензовыя карты—въ качествѣ дополнительныхъ свѣдѣній, а именно карты о служащихъ въ московской полиціи, объ умершихъ въ Москвѣ въ теченіе перваго полугодія 1907 г., о несостоятельныхъ должникахъ, о фабрично-заводскихъ рабочихъ. Эти послѣднія свѣдѣнія были необходимы для исключенія изъ избирательныхъ списковъ лицъ, не имѣющихъ избирательныхъ правъ. Не касаясь статистическихъ методовъ разработки обширнаго избирательнаго матеріала, а также описанія самой техники выборовъ, остановимся только на нѣкоторыхъ результатахъ самой сводки.

Жалобъ и заявленій относительно неполноты или неправильности списковъ при третьихъ выборахъ было подано 868, при вторыхъ 1.635, т.-е. почти вдвое больше. Въ виду этихъ заявленій, а также ошибокъ, замѣченныхъ самимъ отдѣломъ, было включено въ списки 824 лица, исключено—70, исправлены ошибки относительно 35 лицъ. Благодаря заявленіямъ и жалобамъ составъ избирателей при третьихъ выборахъ увеличился на 754 лица. Заявленія и жалобы имѣютъ, какъ видно, большой смыслъ.

Абсолютное число избирателей при первыхъ, вторыхъ и третьихъ выборахъ по г. Москвѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: 56.428; 54.866; 46.429 (по 1-му и 2-му разрядамъ вмѣстѣ). Пониженіе — весьма значительное (при третьихъ выборахъ на 15,4% сравнительно со вторыми, на 17,7% сравнительно съ первыми), что̀, конечно, объясняется вліяніемъ закона 3 іюня. Избиратели въ третью Думу дѣлятся этимъ закономъ на 2 разряда: по 1-му разряду ихъ 6.674, по 2-му — 39.755. Общее число жителей г. Москвы въ февралѣ 1907 года было 1.192.976. Такимъ образомъ избирательнымъ правомъ обладали при третьихъ выборахъ 3,9%, при вторыхъ — 4,7% населенія. По отношенію къ правоспособному населенію (мужское населеніе не моложе 25 лѣтъ, кромѣ учащихся и состоящихъ на военной и полицейской службѣ) тѣ же данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ: по переписи 1902 г. политически правоспособнаго населенія было 281.106 чел.; процентъ избирателей при третьихъ выборахъ— 16,5%, при вторыхъ—19,5%; при первыхъ—20,1%.

Повозрастныя данныя объ избирателяхъ показываютъ, что наибольшее количество избирателей при третьихъ выборахъ (33,7%) было въ возрастѣ отъ 30 до 39 лѣтъ. Процентъ избирателей болѣе зрѣлаго возраста больше при вторыхъ и первыхъ выборахъ, чѣмъ при третьихъ. Такъ, избиратели въ возрастѣ отъ 25 до 29 лѣтъ при первыхъ выборахъ составляли 13,3%, при вторыхъ — 13,9%, при третьихъ—только 11,5%. Напротивъ, въ возрастѣ отъ 50 до 59 лѣтъ при первыхъ выборахъ было 15,8%, при вторыхъ — 15,9%, при третьихъ—17,0%.

Чрезвычайно любопытна группировка избирателей по занятіямъ. $^3/_5$ избирателей (59,8%) г. Москвы составляютъ представители торгово-промышленнаго міра. Слѣдующія группы — чиновничество и офицерство (6,4%), духовенство (2,7%). Всѣ вообще избиратели, состоящіе на государственной и общественной службѣ, составляли 22,8% общаго количества избирателей на третьихъ выборахъ. Лица свободныхъ профессій—12,4%, домовладѣльцы 3%,—землевладѣльцы—0,3%.

Процентъ *фактически* участвовавшихъ на первыхъ выборахъ — 74,0, на вторыхъ — 72,6, на третьихъ — 68,5. При третьихъ выбо-

рахъ по 1-му разряду чѣмъ старше возрастная группа избирателей, тѣмъ выше ея фактическое участіе, по 2-му разряду — наоборотъ. Повозрастныя цифры участвовавшихъ въ первыхъ, во вторыхъ и въ третьихъ выборахъ тѣ же, что̀ и повозрастныя цифры избирателей. Распредѣленіе участвовавшихъ въ выборахъ по роду занятій показываетъ, что наибольшій индифферентизмъ къ выборамъ обнаружили лица, живущія на ренту съ земли, а именно $^3/_4$ всего ихъ числа; наибольшій же интересъ къ выборамъ (третьимъ) наблюдался среди духовенства, явившагося на выборы въ составѣ 82,2%. Затѣмъ идутъ педагоги—82,0%, далѣе — медики. Интенсивное участіе духовенства объясняется въ сборникѣ „соотвѣтственнымъ распоряженіемъ епархіальнаго начальства“. При первыхъ и третьихъ выборахъ наибольшую степень интереса къ выборамъ проявили служащіе торгово-промышленныхъ предпріятій („приказчики“), при вторыхъ—служащіе и пенсіонеры государственныхъ и общественныхъ учрежденій („третій элементъ“).

Нельзя не отмѣтить чрезвычайной важности этой статистической работы и нельзя не пожелать, чтобы она не оставалась единичнымъ явленіемъ. Если не въ такой полнотѣ, то хотя бы относительно главнѣйшихъ данныхъ, такую работу могли бы выполнить безъ особо большихъ затратъ многія городскія управленія, а также, что̀ было бы особенно интересно, и земства.—Вас. Голубевъ.

IV.

— В. Чарнолускій. Основные вопросы организаціи внѣшкольнаго образованія въ Россіи. Изд. товарищества „Знаніе“. Спб. 1909 г. Цѣна 60 к.

Какъ и въ сочиненіи своемъ объ устройствѣ школы въ Россіи, о которомъ шла рѣчь въ мартовской книгѣ „Вѣстника Европы“, г. Чарнолускій намѣчаетъ здѣсь тѣ начала, на которыхъ должно быть организовано внѣшкольное образованіе. Все, что̀ сдѣлано въ этой области до сихъ поръ, носило характеръ случайный, исходило отъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій и не только не поощрялось государственной властью, но встрѣчало всевозможныя препятствія со стороны ея представителей. Несмотря на это, дѣло внѣшкольнаго образованія получило широкое развитіе, такъ какъ слишкомъ велика потребность въ немъ. Но теоретическая сторона всѣхъ вытекающихъ изъ практики его вопросовъ еще крайне слабо разработана въ нашей литературѣ. „Практическое ихъ разрѣшеніе—говоритъ г. Чарнолускій,—нерѣдко идетъ ощупью и направляется по путямъ, намѣчаемымъ безъ

тщательнаго выясненія ихъ принципіальныхъ основъ". Освѣщеніе этихъ принципіальныхъ основъ съ теоретической и чисто практической точекъ зрѣнія и составляетъ задачу разсматриваемой книги.

Изъ двухъ основныхъ типовъ участія органовъ самоуправленія въ дѣлѣ внѣшкольнаго образованія авторъ предпочитаетъ тотъ, который выражается не въ созданіи, на общественныя средства, собственныхъ учрежденій, предназначенныхъ для просвѣщенія взрослаго населенія, а въ матеріальной поддержкѣ просвѣтительныхъ учрежденій, устраиваемыхъ добровольными союзами гражданъ. По существу, это — та же точка зрѣнія, на которой стоитъ авторъ и въ вопросѣ объ организаціи школы и которую онъ считаетъ „наилучше гарантирующей полную свободу гражданъ и нормальное развитіе дѣла". Онъ настаиваетъ, дальше, на постройкѣ всего зданія общественной организаціи внѣшкольнаго образованія, отъ низа до верха, на національной почвѣ. Библіотеки, спектакли, лекціи и т. п. — все это должно предоставляться населенію на его родномъ языкѣ. Непремѣннымъ условіемъ нормальнаго функціонированія каждаго просвѣтительнаго учрежденія авторъ признаетъ участіе въ завѣдываніи имъ выборныхъ представителей отъ всѣхъ тѣхъ гражданъ, которые болѣе или менѣе постоянно пользуются услугами такого учрежденія. Въ этомъ отношеніи г. Чарнолускій раздѣляетъ взглядъ, проводившійся представителями рабочихъ организацій на прошлогоднемъ съѣздѣ народныхъ университетовъ—взглядъ, встрѣтившій тогда сильную оппозицію со стороны большинства съѣзда.—По мнѣнію автора, государству должно быть предоставлено право во всякое время производить принудительный выкупъ правъ собственности на произведенія умершихъ писателей и художниковъ. Выкупленныя государствомъ произведенія становятся общественнымъ достояніемъ и могутъ свободно издаваться каждымъ какъ въ Россіи, такъ и за границею.

Къ числу обойденныхъ нашею литературою принадлежатъ вопросы объ удовлетвореніи духовныхъ потребностей солдатъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ. Обоимъ этимъ вопросамъ г. Чарнолускій посвящаетъ особые отдѣлы въ своей книгѣ. Отмѣчая господствующую въ войскахъ малограмотность (въ 1905 г. изъ 400 тысячъ новобранцевъ было только 15% окончившихъ курсъ какой-либо школы, а 43% умѣли только читать и писать или только читать; остальные 42% были совершенно неграмотные) и преслѣдованіе военнымъ начальствомъ узкихъ военно-политическихъ цѣлей при обученіи новобранцевъ грамотѣ, авторъ настаиваетъ на полномъ изъятіи изъ вѣдѣнія военной администраціи общаго образованія солдатъ и сосредоточеніи этого дѣла въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія. Ротныя школы могутъ быть съ большимъ успѣхомъ замѣнены воскресно-вечерними классами и школами. Въ

ненормальномъ положеніи находится просвѣтительное дѣло и въ тюрьмахъ, съ ихъ 85.000 невольныхъ обитателей. „Казалось бы,—говоритъ авторъ,—что, провозглашая главною цѣлью тюремнаго заключенія раскаяніе и внутреннее исправленіе преступниковъ, государство должно было бы обратить особенно серьезное вниманіе на самое могущественное для этого средство—на широкое ихъ образованіе". Въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ: не только школьное, но и внѣшкольное образованіе находится въ тюрьмахъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Хотя, по правиламъ, въ тюремныя библіотеки должны допускаться всѣ разрѣшенныя цензурой книги и даже періодическія изданія (послѣднія—спустя 6 мѣсяцевъ послѣ выхода въ свѣтъ), но на самомъ дѣлѣ эти правила часто произвольно отмѣняются смотрителями тюремъ, и многіе заключенные испытываютъ постоянный духовный голодъ. Для устраненія этого ненормальнаго положенія г. Чарнолускій рекомендуетъ передать все просвѣтительное дѣло въ тюрьмахъ въ руки органовъ мѣстнаго самоуправленія, отмѣнить запретъ чтенія заключенными періодическихъ изданій и уничтожить господствующія теперь ограниченія литературнаго и научнаго труда заключенныхъ, сравнявъ его со всѣми другими видами добровольнаго труда въ тюрьмѣ.

Помимо цѣнныхъ теоретическихъ соображеній, книга г. Чарнолускаго даетъ много указаній относительно желательной системы развитія внѣшкольнаго образованія. Его книга полезна и интересна не только для теоретиковъ и законодателей, но и для практическихъ работниковъ въ этой области. — Ю. Лавриновичъ.

V.

— Студенчество въ цифрахъ. По даннымъ переписи 1907 г. въ г. Юрьевѣ. Составилъ студ. М. Бенасикъ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. В. В. Святловскаго: „Студенческія переписи въ Россіи". Спб., 1909. Ц. 60 к.

Русское студенчество неоднократно служило объектомъ переписей. Начало имъ было положено въ 1872 г. профессоромъ Н. Х. Бунге. Съ тѣхъ поръ было произведено 14 переписей съ цѣлью изученія студенческой среды, преимущественно въ отношеніяхъ экономическомъ и санитарномъ; были и спеціальныя половыя переписи, напр. московская, организованная д-ромъ Умновымъ. Благодаря этимъ переписямъ общество узнавало о господствующей среди большинства нашихъ студентовъ нуждѣ, о тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится нашей молодежи пробивать дорогу къ знанію. Но духовный

міръ студенчества, этого, по выраженію Пирогова, „барометра общественнаго настроенія“, переписи не затрогивали: общество знало о воззрѣніяхъ молодежи только по той борьбѣ, которую она вела съ академическимъ начальствомъ, по политическимъ выступленіямъ отдѣльныхъ студенческихъ группъ и по политическимъ процессамъ, не обходившимся безъ участія студентовъ. Все это давало лишь отрывочныя, случайныя свѣдѣнія, создававшія весьма слабое представленіе о внутреннемъ мірѣ этого элемента русскаго общества. Юрьевская перепись, очерку которой посвящена бо́льшая часть разсматриваемой книги, восполняетъ этотъ пробѣлъ, такъ какъ цѣлью ея было не только изслѣдованіе экономическаго положенія студенчества, но и выясненіе его философскихъ, религіозныхъ, политическихъ и академическихъ взглядовъ. Перепись, произведенная въ 1907 г., когда дифференціація студенчества, происшедшая въ революціонные годы, еще не утратила своей опредѣленности, охватила около 900 наиболѣе отзывчивыхъ въ общественномъ отношеніи студентовъ. Эта группа составляетъ едва 30% всего юрьевскаго студенчества и, конечно, не можетъ считаться типичной выразительницей его взглядовъ; но ея значительная численность все-таки даетъ возможность судить о настроеніи наиболѣе активной части студенчества. Данныя переписи рисуютъ эту группу какъ очень ярко радикальную (болѣе 66% ея принадлежатъ къ партіямъ с.-д. и с.-р.), какъ склонную къ опредѣленнымъ философскимъ воззрѣніямъ (40% примыкаютъ къ той или другой философской школѣ, при чемъ преобладаютъ матеріалисты, монисты, послѣдователи философіи естествознанія и т. п.), какъ отрицательно настроенную въ области религіи (въ среднемъ, лишь около 10% оффиціальныхъ послѣдователей каждой религіи признаютъ ее фактически). Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ сводки переписного матеріала, г. Бенасикъ, таковъ: чѣмъ ниже соціальное положеніе данной студенческой среды, чѣмъ больше отражаются на ней существующія общественно-политическія условія, тѣмъ болѣе чутко и воспріимчиво относится она къ разнымъ научнымъ литературнымъ и философскимъ вліяніямъ. Такъ, среди студентовъ, родители которыхъ имѣютъ плохіе заработки и „низшія занятія“, лѣвые составляютъ болѣе 71%, правые—болѣе 10%; среди дѣтей зажиточныхъ родителей лѣвые—болѣе 58%, правые—болѣе 15%. Въ общемъ, перепись дала такія данныя, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ представленію о студенчествѣ революціонной эпохи; но едва ли эти данныя совпадутъ съ современнымъ настроеніемъ даже наиболѣе активной части студенчества. И если можно признать вѣрнымъ заключеніе г. Бенасика, что „партійная группировка среди студенчества—не случайное явленіе, а результатъ сложныхъ общественныхъ условій, пар-

тійность, въ общемъ и цѣломъ—не мимолетное настроеніе, а извѣстный типъ, плодъ комбинаціи цѣлаго ряда условій, типъ, особенности котораго находятъ свое проявленіе и въ явленіяхъ будничной академической жизни студенчества" (стр. 106),—то нельзя отрицать и того, что царящая нынѣ реакція наложила свой отпечатокъ и на студентовъ, и будь произведена перепись теперь—она дала бы иные результаты. Поэтому цѣнность юрьевской переписи и самой работы г. Бенасика слѣдуетъ усматривать не только въ томъ, что она впервые изслѣдовала духовное и политическое міровоззрѣніе студенчества, но также и въ томъ, что она фиксировала это міровоззрѣніе въ моментъ особенно важный и интересный.—Ю. Л.

VI.

— Елена Ланге. Женскій вопросъ въ его современной обстановкѣ. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ Ю. И. Айхенвальда.

Женскій вопросъ въ его ежедневной аргументаціи начинаетъ пріобрѣтать характеръ общаго мѣста. Онъ уже прошелъ ту стадію, когда идея нуждается въ агитаціи и пропагандѣ. Взывать къ альтруизму мужчинъ, вздыхать о „женской долѣ" стало не только безцѣльно, но скучно для всѣхъ, не исключая самихъ женщинъ. Когда четвертая часть всѣхъ рабочихъ Германіи — женщины, когда Финляндія въ свой парламентъ избираетъ рядъ дѣеспособныхъ депутатокъ, когда народное образованіе цѣлыхъ городовъ обслуживается женщинами и женщины врачи пріобрѣли права гражданства даже въ Россіи, тогда падаютъ сами собою стереотипные аргументы противниковъ женскаго равноправія. Сама жизнь разрѣшаетъ конфликты, выдвигая для женщины новыя затрудненія и путы въ ея односторонемъ освобожденіи.

Елена Ланге въ своей книгѣ: „Женскій вопросъ въ его современной постановкѣ", переведенной И. и В. Слонимъ довольно тяжелымъ языкомъ, трактуетъ „Женскій вопросъ" со стороны его теоретическихъ основъ, и въ этой постановкѣ вопроса заключается весь интересъ книги, не отличающейся ни особой талантливостью, ни богатствомъ эрудиціи. „Изъ всѣхъ соціальныхъ реформаторскихъ движеній, которыя разрушаютъ старыя формы, чтобы создать новыя,— говорится въ предисловіи, — женское движеніе имѣетъ едва ли не больше всего причинъ заложить свой фундаментъ особенно прочно. Его проблемы затрогиваютъ основныя соціальныя цѣнности семейной

и государственной жизни,—цѣнности, за которыя должны бороться только въ высшей степени добросовѣстныя руки".

Г-нъ Айхенвальдъ въ предисловіи, которое онъ предпослалъ переводу книги Е. Ланге, исчерпалъ суть ея небольшого труда, отмѣтивъ тотъ дуализмъ, который неизбѣжно останется даже тогда, когда государство широко распахнетъ для женщинъ всѣ двери въ общественную жизнь, даже тогда, когда политическая эмансипація, избирательное право и свобода профессій сдѣлаются достояніемъ женщины, но не въ силахъ будутъ механически разрѣшить женскій вопросъ. „Равноправіе половъ—говоритъ онъ—представляетъ собою не самоцѣль, а только формальное средство къ нѣкоторой высшей цѣли. Въ борьбѣ за женскую эмансипацію нельзя забывать о самой женщинѣ и ея ребенкѣ. И работница, и политическая избирательница, и членъ парламента, это все—лишь живыя ступени къ той вѣчной высотѣ, на которой стоитъ женщина-жена и женщина-мать".

Елена Ланге разбираетъ послѣдовательно экономическія причины и духовные факторы женскаго движенія, проблемы женскаго образованія, отношенія женскаго движенія къ браку, семьѣ, профессіи и материнству. Центръ тяжести всего вопроса она переноситъ изъ внѣшнихъ условій во внутрь каждой личности, чутко и вдумчиво характеризуетъ тѣ компромиссы, на которые обрекаетъ женщину переходное положеніе соціальныхъ условій настоящаго времени. Указавъ на неприспособленность образованія женщины къ „своей цѣли", такъ какъ для подготовки юношества требуется личность самостоятельная и самодовлѣющая; отмѣтивъ особенно „низкую оцѣнку" духовныхъ задачъ современной семьи; оттѣнивъ необходимость устраненія половой „подчиненности" изъ юридическихъ институтовъ, санкціонирующихъ двойную мораль, — Елена Ланге доходитъ до заключенія, что первымъ практическимъ шагомъ для болѣе нормальнаго существованія должно быть завоеваніе избирательнаго права для женщинъ. Тогда создадутся условія, при которыхъ общество и государство „сдѣлаютъ все для нихъ возможное, чтобы облегчить женщинѣ дуализмъ ея двойного бытія, какъ матери и какъ профессіональной работницы", и станетъ возможною „общая работа обоихъ половъ во имя всѣхъ культурныхъ задачъ". — С. К. Д.

VII.

— Frauenbewegung und Sexualethik. Beiträge zur modernen Ehekritik. Гейльброннъ. 1909.

— *Grete Meisel-Hess.* Die sexuelle Krise. Eine sozialpsychologische Untersuchung. Іена, 1909.

Кто интересуется культурной жизнью европейской интеллигенціи, тотъ не можетъ пройти мимо двухъ отмѣченныхъ выше книгъ. Это два документа значительной культурной цѣнности, ярко отражающіе современныя намъ исканія.

Какъ видно изъ заглавія, оба сочиненія посвящены вопросамъ сексуальной этики. Интересъ къ этой проблемѣ въ Германіи до необычайности интенсивенъ. Въ этомъ отношеніи между интересами нѣмецкой и русской интеллигенціи много сходнаго; но, соотвѣтственно различію культурной среды, характеръ этого интереса въ Германіи значительно отличается отъ того, съ которымъ мы знакомы по нашимъ отечественнымъ образцамъ. Различны и элементы, изъ которыхъ вербуются носители и „руководители“ сексуально-этическаго движенія. Въ Россіи сексуальной проблемой заняты по преимуществу „беллетристы“, люди способные *обнаружить*, намѣтить ту или иную задачу, но далекіе отъ того, чтобы умѣть поставить ее надлежащимъ образомъ, и тѣмъ болѣе—систематически разработать. Въ Германіи беллетристика послѣдняго времени, правда, также въ значительной степени занята эротикой (достаточно отмѣтить нашумѣвшіе романы Габріэль Рейтеръ—Das Tränenhaus, Гейнце Товоте—Fräulein Griesenbach, Эльзы Іерузалемъ — Der heilige Scarabäus); но не она задаетъ тонъ при обсужденіи относящихся сюда вопросовъ. Главную роль играютъ крупныя научныя силы — спеціалисты по философіи, соціологіи, экономикѣ и медицинѣ, располагающіе всѣми данными для постановки и развитія проблемы во всей ея полнотѣ и всесторонности. Стоитъ только заглянуть хотя бы въ спеціально посвященный эротикѣ журналъ: Die neue Generation (Берлинъ; редакторъ—г-жа Helene Stöcker, докторъ философіи бернскаго университета), чтобы увидѣть, какъ широко и солидно разрабатываютъ нѣмцы эту деликатную тему. Дальнѣйшимъ отличіемъ является и то, что въ Германіи движеніе имѣетъ организованный видъ и не ограничивается одними теоретическими разсужденіями. Сторонники реформы сексуальной этики обладаютъ, въ лицѣ „Союза для защиты материнства“ (Bund für Mutterschutz), солидной организаціей, располагающей собственнымъ печатнымъ органомъ, рядомъ мѣстныхъ отдѣленій (свыше 40) и нѣ-

сколькими учрежденіями благотворительнаго характера (пріюты для роженицъ, для дѣтей и т. д.). Этотъ „Союзъ“ пользуется большимъ вниманіемъ и уваженіемъ, что̀ не удивительно, если принять во вниманіе, что во главѣ его стоитъ рядъ профессоровъ, парламентаріевъ, литераторовъ и даже пасторовъ.

Реформаторскіе взгляды этого союза очень выпукло отразила талантливо написанная книга г-жи Майзель-Гессъ. Это сочиненіе составляетъ первую часть задуманнаго авторомъ трехтомнаго труда, посвященнаго „половому вопросу“. Предметомъ перваго тома является, какъ мы видимъ, описаніе „сексуальнаго кризиса“. Второй томъ будетъ посвященъ изложенію и критикѣ главнѣйшихъ плановъ реформы сексуальныхъ отношеній. Третій дастъ попытку построенія новой системы отношеній между полами, основанной на данныхъ, намѣчающихся уже въ практикѣ настоящаго времени. Все сочиненіе составитъ, такимъ образомъ, исчерпывающую картину того, что̀ было, что̀ есть и того, что̀ можетъ развиться изъ настоящаго положенія вещей. Въ отличіе отъ другихъ крупныхъ работъ по половому вопросу (напр. Фореля, Блоха), книга Майзель-Гессъ останавливается не столько на медицинской или антропологически-исторической сторонѣ дѣла, сколько на анализѣ соціально-психологическаго и культурнаго содержанія задачи. Красной нитью проходитъ черезъ всю книгу стремленіе къ освобожденію естественнаго чувства любви и привязанности отъ путъ, наложенныхъ на него церковными традиціями и буржуазнымъ филистерствомъ. Съ большимъ подъемомъ и не меньшей моральной серьезностью вскрываетъ она лицемѣріе и ложь, проникающія почти всѣ стороны современной эротики, и сильными, мѣткими штрихами обрисовываетъ массу горя и слезъ, порождаемыхъ нынѣшними ненормальными отношеніями половъ. Очень любопытны главы, посвященныя анализу психологической сущности любви и выясненію роли женскаго движенія въ дѣлѣ сексуальной реформы. Во всѣхъ этихъ главахъ сильно звучитъ нотка модернизированнаго гетеризма, крайне характерная для главныхъ дѣятельницъ Союза и сочувствующей ему молодежи.

Требуя свободы половому чувству, Майзель-Гессъ отнюдь не думаетъ полемизировать противъ современнаго института брака. Напротивъ, яркими красками рисуетъ она прелести и достоинства этого учрежденія и отъ души желаетъ ему процвѣтанія. Но признаніе брака ничуть не мѣшаетъ тому, чтобы требовать отъ общества признанія, легализаціи всѣхъ другихъ отношеній, могущихъ возникнуть и возникающихъ между полами. Такая легализація избавила бы десятки и сотни тысячъ внѣбрачныхъ дѣтей отъ тѣхъ мукъ, которыя имъ приходится переносить, и дала бы милліонамъ женщинъ воз-

можность болѣе нормальной и радостной жизни. Вообще признаніе внѣбрачнаго полового общенія оздоровило бы моральную атмосферу и въ значительной степени содѣйствовало бы разумному половому подбору, т.-е. повышенію физическихъ и духовныхъ качествъ человѣчества. Однако, Майзель-Гессъ понимаетъ, что одного санкціонированія внѣбрачнаго общенія недостаточно для болѣе или менѣе прочнаго развитія разумнаго порядка. Необходимъ еще рядъ соціально-экономическихъ, педагогическихъ, общественно-гигіеническихъ мѣръ, обезпечивающихъ нормальный ростъ и воспитаніе ребенка и облегчающихъ положеніе женщины въ то время, когда она готовится стать матерью. Страхованіе материнства и общественное воспитаніе дѣтей—вотъ главныя требованія въ этой области. Кое-какіе зачатки реализаціи этихъ требованій имѣются на лицо; остается только расширить и углубить то, что̀ уже существуетъ въ настоящее время. Эту задачу и взялъ на себя „Союзъ“, ведущій неустанную пропаганду и заваливающій рейхстагъ, ландтаги и магистраты соотвѣтствующими петиціями и заявленіями.

Если книга Майзель-Гессъ отражаетъ собою взгляды „реформаторовъ“ или „новоэтиковъ“, какъ ихъ называютъ въ Германіи, то возрѣнія сторонниковъ стараго порядка нашли себѣ всестороннее освѣщеніе во второй изъ книгъ, заглавіе которыхъ приведено выше. Эта книга представляетъ собою сборникъ статей, написанныхъ выдающимися дѣятельницами женскаго движенія—Еленой Ланге, Гертрудой Беймеръ, Маріанной Веберъ, Алисой Саломонъ, Анной Паприцъ и др. Все это—лица съ большими заслугами; къ ихъ голосу прислушиваются рѣшительно всѣ, кто въ большей или меньшей мѣрѣ интересуется женскимъ дѣломъ. И нѣтъ сомнѣнія, что ихъ новый трудъ встрѣтитъ такую же многочисленную аудиторію, какъ и другія ихъ произведенія.

Непосредственной задачей сборника является протестъ противъ „новоэтиковъ“. Всѣ авторы рѣшительно отклоняютъ принципы „новоэтизма“ и не допускаютъ легализаціи внѣбрачнаго общенія половъ. Правда, бракъ и по ихъ мнѣнію не является гарантіей высокой сексуальной нравственности. Маріанна Веберъ говоритъ, напр., прямо, что „не малый процентъ нашихъ легальныхъ браковъ, по своимъ мотивамъ, не выше проституціи“. Но, несмотря на это, составительницы сборника не видятъ другой формы, которая лучше брака упорядочивала бы отношенія половъ. Признать внѣбрачные союзы, значило бы развязать половые инстинкты, лишить ихъ всякой сдержки, ввергнуть еще большее количество молодыхъ людей въ омутъ разврата. Только бракъ въ состояніи поставить отношенія между полами на здоровыя основы.

Этимъ, конечно, не сказано, что поклонницы старины вполнѣ довольны дѣйствующимъ семейнымъ правомъ. Не менѣе „новоэтиковъ“ онѣ видятъ въ немъ продуктъ мужской тиранніи, мужского господства, и выставляютъ рядъ требованій, долженствующихъ его радикально реформировать. Облегченіе развода, болѣе мягкое отношеніе къ внѣбрачнымъ дѣтямъ, бо̀льшая самостоятельность женщины—вотъ главные моменты этой реформы. Но реформа брака не должна устранять его, не должна вести за собою легализаціи другихъ формъ половой жизни. Всякое общеніе внѣ рамокъ узаконенной семьи должно быть затруднено. „Это хорошо,—пишетъ Елена Ланге—что путь внѣ обычной колеи покрытъ терніями“. Въ переводѣ на обычный языкъ это значитъ, что всякое нарушеніе брака должно сопровождаться общественнымъ осужденіемъ. Что это осужденіе не можетъ остановиться и передъ послѣдствіями „ложнаго шага“, передъ внѣбрачными дѣтьми, это разумѣется само собою.

Во взглядахъ и идеяхъ, выраженныхъ составительницами сборника, не мало справедливаго, съ чѣмъ должны согласиться и представители новоэтизма. Наоборотъ, сторонники легитимизма не могутъ отказать въ признаніи справедливости нѣкоторыхъ изъ основныхъ требованій новой этики. Вообще, разница между *практической* программой старо- и новоэтиковъ не столь уже велика; обѣимъ сторонамъ легко можно было бы столковаться, еслибы ихъ не раздѣляли соображенія *тактическаго* характера. Не подлежитъ сомнѣнію, что непріязнь старыхъ руководительницъ женскаго движенія къ новоэтизму въ значительной долѣ вызвана опасеніями, что требованіе половой свободы, выставленное на знамени „союзниковъ“, дискредитируетъ борьбу женщины за равноправіе, за расширеніе поприща приложенія ея труда. Борьба за „права“ вообще должна быть, по ихъ мнѣнію, отдѣлена отъ „права на любовь“. Съ этимъ раздѣленіемъ новоэтики не могутъ примириться и энергично отстаиваютъ необходимость вести атаку сразу „на два фронта“.—S.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Алавердянцъ, М. Я.—Пребываніе Императора Николая I въ Эчміадзинѣ и въ Тифлисѣ по даннымъ армянскаго археолога. Спб., 1909 г.

Бѣловажскій, В. И.—Результаты эксплоатаціи россійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 1901 по 1906 г. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Веберъ, Германъ.—Пути къ продолженію жизни. Переводъ С. Р. Спб., 1909 г. Цѣна 50 к.

Воротынскій.—Разсказы. Томъ I. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Глаголь.—Отблески. Политическіе фельетоны и шаржи. Книга I. Екатеринославъ, 1909 г. Цѣна 75 к.

Голицынъ, Ф. С., кн.—Необходимый для Россіи строй труда. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Даутендей, Елизавета.—О новой женщинѣ и ея любви. Переводъ съ нѣмецкаго М. Кадишъ. Москва, 1909 г. Цѣна 60 к.

Земцевъ, В.—Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига, 1909. Ц. 1 руб.

Коганъ, П.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ I-й. Выпускъ 2. Москва, 1909 г. Цѣна 80 к.

Котельниковъ, А.—Что такое однодневныя переписи и зачѣмъ онѣ производятся. Спб., 1909 г. Цѣна 30 к.

Озеровъ, И. Х. — Атласъ діаграммъ по экономическимъ вопросамъ. Выпускъ VII. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Выпускъ VIII. Россія въ міровой семьѣ. Москва, 1909 г. Цѣна каждаго выпуска 35 к.

Пильцъ, Эразмъ.—Русская политика въ Польшѣ. Варшава, 1909 г.

Рейснеръ, М. А.—Теорія Л. І. Петражицкаго, марксизмъ и соціальная идеологія. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Роберти-де, Е. В.—Новая постановка основныхъ вопросовъ соціологіи. Переводъ съ французскаго А. Н. Ч—ой. Съ статьями проф. Де-Графа и Блонделя и рѣчью Е. В. Де-Роберти: „О задачахъ соціологіи". Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Рудаковъ, В. Е.—Хронологическій списокъ учено-литературныхъ трудовъ Н. П. Барсукова. Съ указаніемъ матеріаловъ для біографіи Н. П. Барсукова и некрологовъ его. Спб., 1909 г.

Соколовскій, Н. В.—Народныя письма о важнѣйшихъ вопросахъ жизни. (Пособіе при самовоспитаніи). Выпускъ I. Екатеринбургъ, 1909 г. Цѣна 12 к.

Троицкій, П. С.—Церковь и государство въ Россіи. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Фроловъ, В. И.—Забастовки бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ въ 1908 г. Баку, 1909 г. Цѣна 50 к.

Ѳедоровъ, А. М.—Подвигъ. Романъ. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Ѳедоровъ, А. М.—Разсказы. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

— „Артель". Сборникъ. Москва, 1909 г. Цѣна 50 к.

— Библіотека „Свободнаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей". Выпускъ 27. 1) Памяти Гоголя. 2) Н. В. Гоголь о дѣтствѣ, юности, школѣ и воспитаніи. 3) Что дала Н. В. Гоголю школа. Москва, 1909 г. Цѣна 25 к.

— Виленскій временникъ. Изданіе Виленскаго генералъ-губернаторскаго управленія. Книга II. Вильна, 1907 г.

— Врачебная хроника Харьковской губерніи. Годъ тринадцатый. Харьковъ, 1909 г.

— 1909 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ I и II. Изданіе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія. Спб., 1909 г.

— Движение на населението прѣзъ 1903 година. Часть II. Резултати по околии и окрузи. София, 1908.

— Доклады Олонецкой губернской земской управы губернскому земскому

собранію чрезвычайной сессіи 3—4 марта 1908 г. и 42-й очередной сессіи 9—31 января 1909 г. Петрозаводскъ, 1909 г.

— Журналы Олонецкаго Губернскаго земскаго собранія сессій чрезвычайной 3—4 марта 1908 года и 42-й очередной 9—31 января 1909 г. Петрозаводскъ, 1909 г.

— Земледѣльческа статистика за 1904 година. (Посѣвы и реколта). София, 1908 година.

— Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1908 годъ. Тифлисъ, 1909 г.

— Отчетъ по лѣсному управленію за 1907 годъ. Составленъ V отдѣленіемъ Лѣсного департамента. Спб., 1909 г.

— Памяти полтавскаго побѣдителя. Воронежъ, 1909 г. Цѣна 10 к.

— Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземской организаціи. Съ тремя картами. Москва, 1909 г. Цѣна 2 р.

— Статистика на изборитѣ за народни прѣдставители за XIII-о обикновенно народно събрание. София, 1909 година.

— Третья Государственная Дума. Вторая сессія. Отчетъ фракціи Народной Свободы и рѣчи депутатовъ. Спб., 1909 г. Цѣна 85 к.

— Экскурсіи учащихся Кавказскаго учебнаго округа въ 1908 году. Тифлисъ, 1909 г.

Йоцовъ, Димитъръ. — Дипломатически студни по Нашето Освобождение. Томъ I. София, 1909 год. Цѣна 3 л. 50 ст.

Йоцовъ, Димитъръ.—1878—1908. Санъ-Стефанска България. Исторически бѣлѣжки. Трето издание. София, 1909 год. Цѣна 50 ст.

— Les bandeaux d'or. Antologie. III-e Année. Fascicules IX et X. Paris, 1909. Prix 2 fr. 50.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 августа 1909.

Одесскій студенческій процессъ.—Программное требованіе учредительнаго собранія, какъ признакъ преступности сообщества. — Эпизоды земскихъ выборовъ: забаллотированіе Д. Н. Шипова, избраніе В. І. Гурко и высылка И. Я. Быкова.—Трагедія въ селѣ Медвѣдь.—Почему закрылась газета „Слово“ и могла ли она пріобрѣсти успѣхъ?

15 іюля въ Одессѣ оправдательнымъ приговоромъ военнаго суда законченъ процессъ исключительно крупнаго общественнаго значенія. Судили студентовъ, принадлежавшихъ къ тѣмъ студенческимъ организаціямъ, неизбѣжность и необходимость которыхъ краснорѣчиво до-

казали десятилѣтія сплошныхъ университетскихъ „безпорядковъ“, лишь эпизодически, порою, не дававшихъ себя болѣзненно чувствовать въ теченіе всего времени дѣйствія устава 1884 г. Такія организаціи рѣшено было создать въ эпоху „сердечнаго попеченія“, при П. С. Ванновскомъ. Но прежде чѣмъ рѣшеніе было приведено въ исполненіе, наступили „предсвободные дни“, вскорѣ затѣмъ „дни свободы“, и организаціи создались во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „явочнымъ“ порядкомъ,—т.-е. тѣмъ порядкомъ, подъ которымъ тогда разумѣлось игнорированіе всякихъ извнѣ данныхъ нормъ. Эти организаціи, различавшіяся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ разныхъ городахъ только названіями, безпрепятственно и открыто просуществовали два учебныхъ года. Первымъ актомъ власти, отвергнувшимъ ихъ, были правила 11 іюня 1907 года. Правила эти, однако, отнюдь не сразу вошли въ жизнь. Фактически закрытіе студенческихъ организацій состоялось повсемѣстно лишь годъ спустя, осенью 1908 г.

Какъ и въ другихъ областяхъ, торжество реакціи на этомъ первомъ шагѣ не остановилось. За закрытіемъ студенческихъ организацій началась полоса судебной ликвидаціи. Впервые она была примѣнена къ представителямъ студентовъ кіевскаго университета. Вторымъ по времени процессомъ былъ процессъ въ Одессѣ. Кіевскій процессъ былъ построенъ формально. Въ основу обвиненія было положено то, что студенческіе представители и послѣ изданія правилъ 11 іюня продолжали свою дѣятельность. Поэтому они были преданы суду по ст. 124 уголовнаго уложенія; ихъ судили въ общесудебномъ порядкѣ и назначенная имъ кара не превысила краткосрочнаго лишенія свободы. Совершенно другую конструкцію примѣнила обвинительная власть къ студентамъ новороссійскаго университета. Здѣсь студенческая организація, носившая названіе: „Центральный органъ новороссійскаго университета“, прекратила свое существованіе раньше изданія правилъ 11 іюня. А потому обвинительная власть выдѣлила изъ состава центральнаго органа лишь тѣхъ его членовъ, которые были избраны подъ флагомъ соціалистическихъ партій—соціалистовъ-революціонеровъ, соціалъ-демократовъ и народныхъ соціалистовъ — и предъявила имъ обвиненіе въ томъ, что они, состоя студентами, вступили въ сообщества, которыя „завѣдомо для обвиняемыхъ цѣлью своей дѣятельности поставили измѣнить основными законами установленный въ Россійской имперіи образъ правленія и замѣнить его демократической республикой, путемъ созыва учредительнаго собранія“. Такимъ образомъ, получилось уже обвиненіе не по 124-ой, а по суровой 102-ой статьѣ уголовнаго уложенія, и подсудимымъ грозила каторга. Но на приведенныхъ въ кавычкахъ словахъ выводъ обвинительнаго акта не ставилъ точки.

Продолжая формулировку, онъ инкриминировалъ подсудимымъ дѣятельность ихъ именно какъ студентовъ, которые были „выбраны общестуденческой сходкой въ члены нелегализованнаго сообщества—Центральный органъ новороссійскаго университета". „Подсудимые",—гласилъ выводъ,—„дѣйствуя въ цѣляхъ вышепоименованныхъ преступныхъ сообществъ, именемъ Центральнаго органа организовывали въ зданіяхъ медицинскихъ лабораторій университета собранія и рефераты съ участіемъ лицъ постороннихъ, для распространенія своихъ программныхъ требованій собирали и расходовали денежныя суммы на революціонныя нужды", а нѣкоторые изъ нихъ, сверхъ того, распространяли „воззванія, возбуждающія противъ правительства", и хранили, съ цѣлью распространенія, „брошюры и газеты, призывающія къ борьбѣ съ правительствомъ".

Дать полное понятіе о процессѣ, о всемъ, что̀ прошло передъ судомъ и что̀ раскрыло судебное слѣдствіе, къ сожалѣнію, невозможно. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ, и въ печати сообщались лишь отрывочныя свѣдѣнія. Но съ точки зрѣнія общественнаго значенія процесса можно говорить о немъ и не касаясь данныхъ его во всей полнотѣ. Въ новороссійскомъ университетѣ въ 1905 г. сложилась среди студентовъ конспиративная организація—„коалиціонный совѣтъ". Затѣмъ, какъ извѣстно, до осени 1906 г. университеты были вездѣ закрыты. Ко времени открытія ихъ студенты явились съ партійными ярлыками и кличками, въ громадномъ большинствѣ—съ ярлыками соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. И когда на смѣну конспиративной организаціи стала формироваться организація открытая, студенты провели выборы по типу образованія государственнаго представительства. Они приняли систему пропорціональныхъ выборовъ, предполагающую законченную политическую дифференціацію; они вели предвыборную борьбу, вступали въ выборные партійные блоки, вывѣшивали плакаты, называли свои партійныя единенія фракціями, на подобіе парламентскихъ фракцій, и т. д., и т. д. На все это одни смотрѣли серьезно и съ сочувствіемъ, другіе—съ грустной улыбкой, какъ на печальное увлеченіе молодости, третьи—съ негодованіемъ. Но развѣ это имѣло мѣсто только въ Одессѣ? Развѣ не вездѣ студенты вошли въ организаціи не въ качествѣ слушателей такого-то факультета или такого-то курса, а въ качествѣ партійныхъ с.-дековъ и с.-эровъ? Развѣ не вездѣ побѣда на студенческихъ выборахъ оставалась за крайними лѣвыми? Такъ почему же каторга висѣла только надъ восемью студентами новороссійскаго университета?

На послѣдній вопросъ можно услышать отвѣтъ: отвѣтственность за преступную дѣятельность должна опредѣляться вполнѣ самостоятельно для каждаго нарушителя закона. Если прилагать къ право-

судію строго отвлеченную правовую точку зрѣнія, то, конечно, такой отвѣтъ разбиваетъ вопросъ. Но развѣ уголовное правосудіе не знаетъ, вообще говоря, уступокъ живой правдѣ? Развѣ положительныя законодательства и наука права не признаютъ цѣлаго ряда такихъ институтовъ—институтъ давности, напримѣръ,—смыслъ которыхъ именно въ подчиненіи отвлеченной правды живой правдѣ реальной дѣйствительности? Судившіеся въ Одессѣ студенты оправданы, какъ видно изъ приговора, по недоказанности обвиненія въ его фактической части. Допустимъ на минуту, что обвиненіе было бы доказано. Неужели общественное сознаніе могло бы спокойно отнестись къ ссылкѣ ихъ на каторгу? Неужели передъ нимъ не стояла бы вѣчнымъ укоромъ по адресу власти мысль о томъ, что студенческіе представители въ Одессѣ расплатились каторгой за то самое, что въ отношеніи представителей высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Казани, въ Томскѣ, въ Харьковѣ или намѣренно покрыто забвеніемъ, или случайно не могло быть установлено, за отсутствіемъ свидѣтельскихъ показаній со стороны студентовъ и швейцаровъ, именующихъ себя членами союза русскаго народа, т.-е. сыщиковъ-добровольцевъ?

Пойдемъ дальше. Историческая часть обвинительнаго акта, судя по газетнымъ отчетамъ, была полна картинныхъ описаній того, что происходило въ стѣнахъ новороссійскаго университета въ 1905 и 1906 гг. Предавая суду восемь студентовъ, обвинительная власть вспомнила дни митинговъ, привела выдержки произносившихся тогда рѣчей, отмѣтила, что на митингахъ бывали подростки, солдаты и гимназисты, что раздавались изъ устъ не установленныхъ поименно ораторовъ призывы къ вооруженному возстанію, что собирались деньги на оружіе и т. д. Въ примѣненіи къ выводу все это представляло собою иллюстрацію. Но почему этими воспоминаніями иллюстрировалось обвиненіе восьми студентовъ, а не тысячъ? Даже болѣе: почему ими иллюстрировалось обвиненіе не милліоновъ возмнившихъ себя гражданами русскихъ обывателей, которые въ 1905 и 1906 гг. объявляли себя соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами, говорили и писали объ учредительномъ собраніи и о демократической республикѣ, вслухъ мечтали о послѣднемъ ударѣ „отжившему“ строю, собирали деньги, устраивали собранія? Изъ сознанія общества никогда не выкинуть, что задача правосудія—та высшая справедливость, которая не мирится въ подобнаго рода дѣлахъ съ случайностью и искусственностью.

Одесскій процессъ заслуживаетъ вниманія и по мѣстному его колориту. Въ сущности, это было продолженіе процесса ректора университета Занчѣвскаго. И насколько послѣдній процессъ былъ отра-

женіемъ политически-партійной борьбы внутри профессорской коллегіи,—борьбы, закончившейся, при содѣйствіи градоначальника, побѣдой профессоровъ-союзниковъ,—настолько процессъ студентовъ ярко отразилъ тоже чисто политическую борьбу внутри студенчества. По-видимому, нигдѣ борьба студентовъ между собой не велась съ той страстностью, какъ въ Одессѣ, и нигдѣ она не проникала такъ глубоко въ низины университетской жизни — вплоть до прислуги. „Лѣвые“ швейцары и сторожа уволены. Отъ „лѣвыхъ“ профессоровъ отняты каѳедры. „Лѣвымъ“ студентамъ, лѣвизна которыхъ завѣрена избирательными списками, готовилась каторга...

Въ юридическомъ отношеніи одесскій процессъ былъ построенъ по вошедшему уже въ практику шаблону. Сразу установить этотъ шаблонъ было нелегко по той простой причинѣ, что политическія партіи, съ ихъ массовымъ составомъ, съ ихъ открыто распубликованными программами, съ ихъ организаціями и партійной дѣятельностью, составляютъ такое явленіе русской жизни, какого не имѣли и не могли имѣть въ виду составители уголовнаго уложенія. Для партій нашлось въ уголовномъ уложеніи понятіе, близкое лишь по внѣшней конструкціи — именно понятіе сообщества. Но „разъяснительное правотворчество“ передъ этимъ затрудненіемъ не остановилось вовсе. Оно остановилось въ недоумѣніи передъ другимъ затрудненіемъ: къ какой категоріи преступныхъ сообществъ относить соціалистическія партіи — къ тѣмъ ли, которыя ставятъ цѣлью своей дѣятельности переворотъ соціальный, или къ тѣмъ, которыя стремятся къ государственно-политическому перевороту? Строго говоря, партіи с.-д. и с.-р. нельзя относить ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Ибо, во-первыхъ, политическія задачи, какъ цѣль ближайшая, слишкомъ ясно господствуютъ въ программахъ обѣихъ партій надъ задачами соціальными, чтобы, игнорируя политическую сторону, говорить о нихъ, какъ о сообществахъ, поставившихъ цѣлью своей дѣятельности „ниспроверженіе существующаго въ государствѣ общественнаго (въ противоположность государственному) строя“. Ибо, во-вторыхъ, сообщества, преслѣдующія государственный переворотъ, охарактеризованы въ законѣ не столько по цѣли, сколько по способу дѣятельности, и для состава 102-ой статьи требуется признакъ насилія, въ смыслѣ намѣренія участниковъ сообщества измѣнить образъ правленія *насильственно*.

Это послѣднее затрудненіе сначала справедливо, — въ виду тяжести наказанія, положеннаго въ ст. 102, — почиталось неустранимымъ, и соціалистическія партіи трактовались какъ сообщества, преду-

смотрѣнныя 126-ой статьей. Затѣмъ, 28 января 1908 г. состоялись одновременно два рѣшенія общаго собранія сената по такъ называемому дѣлу о соціалъ-демократахъ второй Думы и по дѣлу о Рогалевичѣ (въ порядкѣ разрѣшенія пререканія о подсудности). Въ этихъ рѣшеніяхъ сенатъ ограничилъ рамки 126-ой статьи сообществами, преслѣдующими ниспроверженіе „религіи, семейнаго союза, собственности и иныхъ основъ общественнаго строя". Въ отношеніи „сообщества" соціалъ-демократовъ второй Думы сенатъ, исходя изъ того, что подсудимые, „подчинивъ свою дѣятельность руководству и контролю центральнаго комитета россійской соціалъ-демократической рабочей партіи, поставили цѣлью своей дѣятельности насильственное, посредствомъ вооруженнаго народнаго возстанія, ниспроверженіе установленнаго основными законами Имперіи образа правленія и учрежденіе въ Россіи демократической республики", призналъ правильнымъ примѣненіе къ нимъ 102-й статьи. Рѣшенія сената немедленно были разосланы къ руководству въ общія и военныя судебныя учрежденія. Но тутъ встрѣтились новыя затрудненія. С.-д. и с.-р. за послѣдніе годы разбились на множество организацій, и сообщавшіяся жандармскими управленіями программы далеко не всегда содержали въ себѣ требованіе или хотя бы пожеланіе дѣйствовать насильственно. Тогда практикою выдвинуто было, какъ признакъ 102-й ст., требованіе демократической республики, въ предположеніи, что переходъ къ республикѣ немыслимъ безъ насильственнаго низверженія существующаго государственнаго строя. А когда оказалось, что и о демократической республикѣ говорятъ не всѣ программы, то стало инкриминироваться по 102-й статьѣ требованіе учредительнаго собранія.

Такъ создался упрощенный шаблонъ: разъ та или другая партійная организація ставитъ лозунгомъ созывъ учредительнаго собранія, она считается, по обвинительному акту, сообществомъ, влекущимъ для участниковъ каторгу. Уже не говоря о томъ, что на судѣ не могутъ имѣть мѣста никакія предположенія, невольно становишься втупикъ передъ шаблоннымъ сочетаніемъ учредительнаго собранія съ предположеніемъ о демократической республикѣ, какъ съ логическимъ слѣдствіемъ собранія, и съ насильственнымъ ниспроверженіемъ существующаго образа правленія, какъ съ необходимой для учредительнаго собранія предпосылкой. Можно быть разнаго мнѣнія о цѣлесообразности учредительнаго собранія, можно относиться отрицательно къ требованію его созыва—но что по своему существу такое требованіе ничего не предрѣшаетъ, объ этомъ едва ли могутъ существовать два мнѣнія. Главное возраженіе противъ требованія учредительнаго собранія въ томъ и состоитъ, что оно бросаетъ политическую судьбу страны въ неизвѣстность. Въ результатѣ созыва учредитель

наго собранія, если разсуждать о немъ научно-юридически, можетъ явиться провозглашеніе республики, но одинаково—и провозглашеніе абсолютизма въ самой полной и широкой формѣ.

Можетъ ли созывъ учредительнаго собранія исходить отъ верховной власти? Конечно, да. И что это такъ, достаточно вспомнить разсужденія о земскомъ соборѣ, которыя велись въ правой печати весной 1905 г. Тогда шелъ споръ: быть въ Россіи народному представительству или нѣтъ, и именно справа была выдвинута мысль о земскомъ соборѣ—о ста дворянахъ, ста крестьянахъ и ста купцахъ—дабы соборъ разрѣшилъ споръ, т.-е. явился учредительнымъ собраніемъ. При этомъ никому изъ сторонниковъ собора и въ голову, само собою разумѣется, не приходило предположеніе о неизбѣжности предварительной насильственной революціонной побѣды. Объ учредительномъ собраніи говорилъ непосредственно монарху и князь С. Н. Трубецкой 6 іюня 1905 г. Пусть — таковъ былъ смыслъ его рѣчи — свободно избранные представители народа скажутъ прямо и открыто: быть или не быть войнѣ, быть или не быть приказному строю. И эти слова не повлекли за собою никакого судебнаго преслѣдованія. Напротивъ: на нихъ былъ данъ Монархомъ отвѣтъ. Какъ же можно послѣ всего этого въ голомъ требованіи учредительнаго собранія усматривать признакъ преступнаго дѣянія, о которомъ законъ говоритъ: „виновный въ *насильственномъ* посягательствѣ“ и т. д.?

Особенностью одесскаго процесса была попытка распространить примѣненіе 102 ст. и на принадлежность къ партіи народныхъ соціалистовъ. Фактическія для того основанія прокуратура почерпнула изъ словъ партійной программы, что, „стремясь къ осуществленію народовластія въ наиболѣе полной и совершенной его формѣ“, партія „въ первую очередь будетъ добиваться введенія представительнаго правленія на началахъ представительнаго собранія, организованнаго въ видѣ одной палаты, при чемъ этому собранію должна принадлежать вся полнота законодательной власти“; и далѣе: „исходя изъ основного положенія, что судьба народа должна быть устраиваема самимъ народомъ, партія будетъ добиваться учредительнаго собранія“. Эта попытка ярко показываетъ, въ какія можно попасть дебри толкованія, если, примѣняя уголовный законъ, встать на путь предположеній и шаблоновъ. Да, въ программѣ народно-соціалистической партіи есть требованіе учредительнаго собранія. Но въ ней же есть принципіальное отрицаніе всякаго рода насильственныхъ дѣйствій. И студенту, принадлежащему по обвинительному акту къ партіи, отрицающей насиліе, предлагалось назначить каторгу по ст. 102 за участіе въ сообществѣ, „составившемся для учиненія тяжкаго преступленія, статьею 100-ою предусмотрѣннаго“, т.-е. насильственнаго посягательства на измѣненіе образа

правленія! Эта попытка любопытна еще въ другомъ отношеніи. Судебное преслѣдованіе, начатое въ 1906 г. противъ учредителей народно-соціалистической партіи, подписавшихъ свои фамиліи подъ программой, закончилось прекращеніемъ дѣла. А юношу-студента въ Одессѣ за принадлежность къ партіи обвинительная власть требовала отправить въ каторгу.

Результаты происходящихъ земскихъ выборовъ отъ дворянъ-землевладѣльцевъ еще окончательно не опредѣлились, и пока можно говорить только объ отдѣльныхъ эпизодахъ. Самый крупный изъ такихъ эпизодовъ—забаллотированіе въ волоколамскомъ уѣздѣ, московской губ., Д. Н. Шипова. Онъ не прошелъ на выборахъ при какихъ-то совершенно непонятныхъ обстоятельствахъ. За его избраніе было подано всего *три* голоса; одновременно избраны въ гласные не сплошь черносотенцы, а вмѣстѣ съ ними и нѣсколько лицъ прогрессивнаго направленія.

Очевидно въ уѣздѣ велась и дала такой „блестящій“ результатъ не политически-партійная кампанія, а кампанія, лично направленная противъ Д. Н. Шипова. И это еще болѣе поднимаетъ общественное значеніе факта. Волоколамскіе дворяне-избиратели рѣшили, что земская дѣятельность Д. Н. Шипова, его знанія, его опытность, вѣра въ него всей земской Россіи, — что все это не нужно ни ихъ уѣзду, ни московской губерніи. Они рѣшили, что онъ имъ будетъ мѣшать, что безъ него они лучше поведутъ земское дѣло. До какого нужно дойти самомнѣнія, до какой потери стыда, чтобы на земскихъ выборахъ класть черные шары въ урну, на которой написано имя Д. Н. Шипова! Вѣрно пишетъ „Рѣчь“ (№ 198): „Въ волоколамскомъ уѣздѣ землевладѣльцы шли съ паролемъ: кого угодно, только не Шипова. Онъ опасенъ потому, что его слова завтра же могутъ стать дѣйствительностью... Общественная усталость и неразбериха повели къ тому, что люди съ такимъ паролемъ могли побѣдить. Но выходка волоколамскихъ помѣщиковъ не можетъ уничтожить того, что создавалось годами“. „Д. Н. Шиповъ—заканчиваетъ газета, — какъ былъ, такъ и остается однимъ изъ немногихъ настоящихъ общественныхъ дѣятелей Россіи. Къ его знаніямъ, къ его уму и имени страна еще обратится и не разъ назоветъ его своимъ излюбленнымъ человѣкомъ“. Мы обѣими руками подписываемся подъ этими словами.

Другой заслуживающій вниманія эпизодъ—избраніе въ гласные въ тверскомъ уѣздѣ бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, присужденнаго сенатомъ къ отрѣшенію отъ должности, В. І. Гурко. При недавнихъ въ тверскомъ дворянскомъ собраніи выборахъ выборщиковъ для избранія членовъ Государственнаго Совѣта, г. Гурко, о

чемъ сообщалось въ газетахъ, тоже трактовался какъ полноправный дворянинъ. Онъ былъ намѣченъ кандидатомъ въ выборщики, но не получилъ большинства голосовъ. Теперь онъ большинство голосовъ получилъ, и въ качествѣ полноправнаго, неопороченнаго по суду дворянина избранъ земскимъ гласнымъ. Между тѣмъ, трехъ лѣтъ со времени его осужденія не прошло. Законъ же гласитъ: „отрѣшенный отъ должности лишается права въ теченіе трехъ лѣтъ со дня отрѣшенія поступать снова на службу государственную и общественную". И это даже не „разъясненіе", а устраняющій всякія сомнѣнія законъ — ст. 67 улож. о наказ. Какъ же могъ быть избранъ г. Гурко? Почему губернаторъ не потребовалъ исключенія его изъ избирательныхъ списковъ? По какому праву предводитель дворянства разрѣшилъ поставить для него баллотировочный ящикъ? Ясно, что г. Гурко оказался надъ закономъ.

Что касается земскихъ выборовъ отъ крестьянъ, то общій ихъ характеръ, пожалуй, уже можно считать опредѣлившимся. Крестьяне большею частью выбирали прогрессивныхъ уполномоченныхъ. Но каковъ будетъ составъ крестьянскихъ гласныхъ—это еще представляется весьма гадательнымъ. Губернаторскіе циркуляры, отмѣченные нами нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, задолго до выборовъ объявляли, что администрація отнюдь не будетъ относиться къ выборамъ безразлично, а, напротивъ, приложитъ энергичныя усилія, чтобы выборы дали „достойныхъ" представителей. Характерный примѣръ этихъ „усилій" имѣлъ мѣсто въ той же тверской губерніи.

„Съ 5-го на 6-ое іюня—пишетъ корреспондентъ „Новой Руси" — арестованъ и высланъ въ вологодскую губернію на два года бывшій членъ второй Государственной Думы, Иванъ Яковлевичъ Быковъ — мѣстный крестьянинъ". Весьма популярный на родинѣ, въ весьегонскомъ уѣздѣ, И. Я. Быковъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ былъ „изъятъ изъ обращенія", въ 1908 г., во время выборовъ волостного старшины. Онъ—разсказываетъ корреспонденція—„былъ вызванъ уѣзднымъ исправникомъ „по касающемуся дѣлу" наканунѣ дня, назначеннаго для выборовъ, и надъ нимъ было приведено въ исполненіе незаконное постановленіе земскаго начальника объ арестѣ на недѣлю"... Такимъ образомъ, онъ на выборы въ волостные старшины не попалъ. Аналогичнымъ способомъ была устранена его кандидатура въ третью Думу. Теперь, чтобы не допустить его въ земскіе гласные, противъ него было начато судебное преслѣдованіе, но оно результатовъ не дало, и 30-го мая волостной сходъ избралъ его уполномоченнымъ. Черезъ недѣлю онъ оказался въ вологодской губ., „безъ предъявленія ему какихъ бы то ни было обвиненій"... Въ былое время чиновники стараго Государственнаго Совѣта, составители журналовъ

острили: „у насъ полная свобода слова: „говори, что хочешь, а запишутъ—что нужно“. Про выборы земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ тоже можно сказать: „свобода полная: выбирай, кого хочешь, а выберутъ—кого нужно. Про одни ли, впрочемъ, выборы земскихъ гласныхъ и только ли отъ крестьянъ?..

Всѣ три приведенные эпизоды земскихъ выборовъ любопытны каждый въ отдѣльности, но особенно—взятые въ совокупности. Готовящемуся къ „обновленію“ русскому земству не нужны стали Шиповы, а сталъ нуженъ Гурко. Высылка Быкова—отвѣтъ на слова о привлеченіи къ земской дѣятельности представителей „всѣхъ“ классовъ населенія,—тѣхъ „новыхъ“ людей, которые раньше стояли въ сторонѣ отъ нея.

Среди извѣстій о присужденіи къ смертной казни члена второй Государственной Думы, крестьянина Пьяныхъ, имя котораго, сказать кстати, закрѣпила въ памяти гораздо болѣе оригинальность фамиліи, чѣмъ его думская дѣятельность, о казняхъ въ Баку, въ Варшавѣ и т. д. и т. д., о пріостановкѣ исполненія смертнаго приговора, пришедшей на мѣсто послѣ повѣшенія трехъ осужденныхъ,—почти незамѣтно прошло телеграфное сообщеніе о присужденіи къ разстрѣлянію рядового лейбъ-гвардіи уланскаго полка Чемисова. Его преступленіе—нанесеніе ножемъ смертельной раны ротному командиру дисциплинарнаго баталіона, въ селѣ Медвѣдь, и легкой раны одному изъ нижнихъ чиновъ „при наказаніи обвиняемаго розгами“. Такъ гласитъ агентская телеграмма отъ 16-го іюля.

Убійство воинскимъ чиномъ начальника, конечно, составляетъ высшую, самую тяжкую, форму военно-дисциплинарныхъ правонарушеній. И когда вѣшаютъ гражданъ за нанесеніе царапины городовому или присуждаютъ къ смертной казни крестьянъ за поджогъ стога сѣна въ имѣніи мѣстнаго помѣщика,—въ такое время и при такихъ условіяхъ не приходится, какъ будто, отмѣчать дѣла солдата Чемисова. Но таково лишь первое впечатлѣніе—если, отдаваясь „привычкѣ къ крови“, забывать живыхъ людей и видѣть передъ собою отвлеченныя цифры тысячъ приговоренныхъ къ смерти, повѣшенныхъ и разстрѣлянныхъ. Если же освободиться отъ этой ужасной, давящей наше сознаніе „привычки“, то дѣло Чемисова представится въ иномъ видѣ. И для Чемисова тоже создано изъятіе, ибо и онъ, въ нормальномъ порядкѣ отвѣтственности, смертной казни не подлежалъ. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, онъ совершилъ преступленіе „при наказаніи его (обвиняемаго) розгами“. Эти четыре слова напоминаютъ недавнее еще прошлое, безвозвратно, какъ многимъ кажется, вычеркнутое изъ современной военной жизни, въ дѣйствительности же

продолжающее порождать крайне тягостныя явленія—только не такъ часто.

Нашъ военный законъ не знаетъ смертной казни за воинскія преступныя дѣянія въ мирное время. За убійство начальника въ мирное время положена каторга, безъ срока или срочная отъ двѣнадцати лѣтъ, и лишь въ военное время—разстрѣляніе. Изъятіе, въ смыслѣ примѣненія въ мирное время наказаній, положенныхъ для времени военнаго, допускается „въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено хотя и въ мирное время, но, по особенной важности обстоятельствъ, коими оно сопровождалось, представляется необходимымъ, для охраненія воинской дисциплины, судить виновныхъ по всей строгости военно-уголовныхъ законовъ“ (ст. 91 воинск. уст. о нак.). Основаніемъ примѣненія этого изъятія, слѣдовательно, можетъ служить не тяжесть посягательства, самого по себѣ взятаго, а важность сопровождавшихъ его обстоятельствъ, и именно—„для охраненія воинской дисциплины“. Отсюда, и изъ факта распространенія изъятія на преступленіе Чемисова, вытекаетъ, что онъ приговоренъ къ разстрѣлянію не за то, что убилъ начальника, а за то, что убилъ его въ моментъ исполненія надъ нимъ тѣлеснаго наказанія.

Опять необходимы оговорки. Конечно, недопустимо, чтобы наказываемый реагировалъ преступленіемъ на наказаніе, каковъ бы ни былъ характеръ приводимаго въ исполненіе наказанія, какъ бы имъ ни возмущалось его нравственное чувство. Конечно, разъ та или другая карательная мѣра стоитъ въ законѣ, то и назначающій ее безспорно правъ, и приводящій въ исполненіе долженъ быть огражденъ отъ противодѣйствія со стороны наказываемаго. Конечно, все это до азбучности ясно и вѣрно. Но если наказаніе, сохраняемое закономъ въ ряду наименѣе суровыхъ каръ, вызываетъ человѣка на убійство, а солдата—на убійство начальника, т.-е. въ одинъ мигъ разрушаетъ въ его мозгу все прививавшееся долгимъ и систематическимъ военнымъ воспитаніемъ, если, наконецъ, приходится ограждать жизнь исполнителей наказанія чрезвычайной уголовной репрессіей, — то можно ли найти болѣе яркое доказательство того, что данная карательная мѣра пережила себя и свое время? И законъ, въ общемъ правилѣ, это призналъ: хотя и въ результатѣ долгаго процесса, затянувшагося съ 1863 г. до 1904-го, тѣлесныя наказанія, все-таки, исчезли изъ нашей уголовно-правовой карательной системы. Но въ системѣ мѣръ тюремно-дисциплинарныхъ розги остались. Онѣ примѣняются къ отбывающимъ каторгу и исправительныя арестантскія отдѣленія, а въ отношеніи нижнихъ воинскихъ чиновъ—къ отбывающимъ заключеніе въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Сохраненіе розогъ въ послѣднемъ случаѣ тѣмъ болѣе непослѣдовательно, что отдача въ дисциплинарные

батальоны не связана ни съ какими правоограниченіями. Неужели трагедія въ селѣ Медвѣдь, унесшая жизнь одного человѣка и разрѣшившаяся приговоромъ къ смерти другого, не заставитъ сдѣлать послѣдній шагъ по пути признанія истины, которая въ наукѣ права признана давно: тѣло человѣка не можетъ и не должно служить объектомъ карательнаго воздѣйствія на его психику?

Еслибы нужно было искать показателей безвременья, еслибы безвременье не бросалось въ глаза рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ общественности, — то судьба газетъ, закрывающихся одна за другой, могла бы несомнѣнно служить признакомъ выдающагося значенія. Не только перестали читать газеты народныя массы, которыя съ жадностью набрасывались на печатное слово въ пережитый періодъ подъема и, конечно, въ этотъ короткій періодъ не могли создать въ себѣ привычки къ ежедневному чтенію, — но меньше стало читать газеты и такъ называемое интеллигентное общество. Съ каждымъ днемъ, повидимому, все болѣе и болѣе слабѣетъ интересъ къ политическимъ вопросамъ. Хорошо это или худо, и гдѣ лежитъ причина явленія,— мы сейчасъ разсматривать не будемъ. Мы беремъ голый фактъ. Фактъ же говоритъ, что народныя массы вернулись въ то состояніе, когда газета берется въ руки только для крученія цыгарокъ, а привычные читатели газетъ вернулись отъ политической прессы къ прессѣ уличной и вмѣсто статей политическаго содержанія питаютъ свой мозгъ извѣстіями пикантнаго свойства, всегда болѣе или менѣе близкими къ порнографіи, безграмотно написанными фельетонными романами и всякаго рода сплетнями,—словомъ, „пинкертоновщиной“ самаго низкаго разбора. И передъ политическими газетами встала дилемма: или перерождаться, или прекращать существованіе. Къ чести газетъ надо сказать, что немногія лишь изъ нихъ перемѣнили физіономію. Зато сохраняютъ прочное положеніе или газеты старыя, задолго до „дней свободы“ создавшія себѣ особую постоянную аудиторію, или газеты обезпеченныя казенными объявленіями, или такія, изданіе которыхъ, хотя бы убыточное, поддерживается исключительно солидными капиталами.

Печальная судьба постигла въ прошломъ мѣсяцѣ газету „Слово“, прожившую въ изданіи М. М. Ѳедорова два года и восемь мѣсяцевъ. „Слово“ было близко нашему журналу, какъ по составу сотрудниковъ, такъ отчасти и по направленію. А потому нами особенно чувствуется закрытіе этого органа. Въ прощальной редакціонной статьѣ находимъ мѣткую характеристику момента, въ который газета, основанная Н. Н. Перцовымъ и незадолго передъ тѣмъ имъ пріостановленная, стала

выходить подъ руководствомъ М. М. Ѳедорова. „Уже въ тотъ моментъ—пишетъ авторъ—было ясно, что великій подъемъ, вызванный возмущенной народной совѣстью, никто использовать не съумѣлъ: ни растерявшееся въ первый моментъ, а затѣмъ ободрившееся, но лишь для борьбы съ общественностью, правительство, ни общество, воспитанное въ условіяхъ произвола, отсутствія иниціативы и политической жизни и подпольной только борьбы. Начиналась реакція и общественная апатія. Правительство не брезгало даже союзомъ съ жалкой и невѣжественной революціонной бандой справа, а въ освободительномъ движеніи видѣло только мятежъ, для борьбы съ которымъ считало все возможнымъ и дозволеннымъ. Напуганное революціонными эксцессами общество, главнымъ образомъ—имущіе его классы, готово было мириться со всѣмъ, даже съ возвратомъ назадъ, лишь бы предохранить себя отъ осуществленія миражей, выдвинутыхъ, оказавшимися временно чуть не пророками, идеологами крайняго лѣваго фланга.“

Да, правда, никто не съумѣлъ использовать великаго подъема! И, конечно, задача тѣхъ, кто это видѣлъ, сознавалъ и ставилъ своимъ долгомъ раскрывать ошибки правительства и общественныхъ силъ, была нелегка: люди не любятъ, когда имъ говорятъ о ихъ ошибкахъ. „Слово“ съ первыхъ шаговъ не могло разсчитывать на широкое сочувствіе. Но если бы газета имѣла возможность пережить полосу охватившей всѣхъ и вся апатіи, то думаемъ, что она завоевала бы сочувствіе. Она успѣла завоевать сочувствіе въ пишущихъ—и это, по нашему мнѣнію, служило залогомъ того, что она должна была его завоевать среди читающихъ.

Остряки говорили, что „Слово“ — газета „бывшихъ“ людей. Дѣйствительно, издавалъ и редактировалъ газету „бывшій“ министръ; среди ея постоянныхъ сотрудниковъ были „бывшіе“ члены Думы, „бывшіе“ кадеты, поколебавшіеся въ вѣрности партійной дисциплинѣ, „бывшіе“ октябристы, склонившіеся влѣво, „бывшіе“ трудовики, „бывшіе“ соціалъ-демократы. Но газета, при всей пестротѣ политическихъ ярлыковъ ея сотрудниковъ, не была, однако, „парламентомъ мнѣній“, какъ любитъ себя именовать „Новое Время“. Всѣ эти „бывшіе“ люди находили въ „Словѣ“ общую ноту. И именно потребность въ общей нотѣ влекла ихъ туда. Эта нота — отрицаніе партійности, какъ таковой, отрицаніе законченной непоколебимости партійныхъ идеаловъ. Наша партійность, создавшаяся съ изумительной быстротой, усвоила гораздо скорѣе и полнѣе отрицательныя стороны западной политически-партійной жизни, нежели положительныя. Партійная разобщенность естественно не можетъ не давить людей живой мысли. И эти люди шли въ „Слово“. Насколько важно для пережи-

ваемаго безвременья единеніе людей одного настроенія, искусственно выстроившихъ раздѣляющія ихъ перегородки, насколько необходимо раскрывать ошибки и вправо, и влѣво, не справляясь съ партійной тактикой и съ тактической ловкостью,—настолько широкъ и глубокъ пробѣлъ, оставшійся въ петербургской ежедневной прессѣ съ прекращеніемъ „Слова“.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Уже около четырехъ лѣтъ я работаю надъ обширной біографіей В. М. Гаршина. Несмотря на собранный мною значительный неизданный матеріалъ, я все же считаю его еще далеко неполнымъ, и поэтому обращаюсь съ убѣдительной просьбой ко всѣмъ лицамъ, знавшимъ В. М. Гаршина, имѣющимъ у себя какія-либо свѣдѣнія о немъ, письма, автографы и т. д., не отказать мнѣ въ сообщеніи этихъ крайне драгоцѣнныхъ для меня свѣдѣній по указанному ниже адресу.

Только при поддержкѣ всѣхъ цѣнящихъ память покойнаго писателя я буду въ состояніи закончить мой трудъ къ марту 1913 года ко дню 25-ти-лѣтія со дня кончины В. М. Гаршина.

За всѣ сообщенныя свѣдѣнія заранѣе приношу глубокую благодарность; всѣ рукописи, письма и т. д., по снятіи съ нихъ копіи, будутъ немедленно же возвращены; въ крайнемъ случаѣ, желательна присылка однѣхъ лишь копій съ имѣющихся у кого-либо оригиналовъ писемъ, воспоминаній и т. д.

Адресъ мой: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., д. Осипова, редакція журнала „Маякъ“, С. Н. Дурылину.

С. Н. Дурылинъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Общество для устройства дома-музея имени Л. Н. Толстого.

Въ настоящее время общество конституировалось. Предсѣдателемъ совѣта общества избранъ М. М. Ковалевскій, вице-предсѣдателями—В. Г. Короленко и М. А. Стаховичъ, секретаремъ—В. Я. Богучарскій, казначеемъ—С. А. Венгеровъ, членами совѣта—В. Д. Бончъ-Бруевичъ, А. И. Браудо, И. Я. Гинцбургъ, Л. П. Купріянова, В. Я. Муриновъ, В. И. Срезневскій и А. М. Хирьяковъ, кандидатами—К. И. Арабажинъ, Ф. Д. Батюшковъ, Е. Д. Кускова, В. Д. Набоковъ и кн. А. И. Сумбатовъ-Южинъ.

Пожизненными членами (внесшими въ общество 100 и болѣе рублей) состоятъ Ол. С. Гейнсъ, Н. В. Мѣшковъ, И. И. Янжулъ, Соф. Ал. Стаховичъ и Максимъ Горькій.

Дѣйствительные члены общества: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Ашешовъ, Л. Б. Бертенсонъ, В. А. Бичъ, П. И. Бирюковъ (Кострома), В. В. Водовозовъ, А. Н. Веселовскій (Москва), А. В. Васильевъ, Г. К. Градовскій, П. С. Гукасовъ, кн. Л. С. Голицынъ, И. Н. Ефремовъ, М. А. Коломенкина, Н. А. Котляревскій, В. П. Литвиновъ-Фалинскій, М. М. Могилянскій, В. А. Маклаковъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко (Москва), Э. Л. Нобель, Л. Ф. Пантелѣевъ, С. Н. Прокоповичъ, В. А. де-Плансонъ, М. А. Потоцкая, гр. Г. Р. Потоцкій, Н. Б. Полыновъ, М. А. Рыдзевская, И. Е. Рѣпинъ, П. Е. Рейнботъ, Н. А. Рѣзцовъ, Е. П. Семеновъ, Л. З. Слонимскій, А. А. Стаховичъ, К. С. Станиславскій (Москва), гр. А. П. Толстой, кн. П. Н. Трубецкой, М. М. Федоровъ, Л. М. Чистякова, А. А. Шахматовъ, Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ и Ек. Н. Янжулъ.

Непосредственною задачею общества является изысканіе средствъ и способовъ созданія въ Петербургѣ дома-музея имени Л. Н. Толстого. Въ домѣ этомъ, кромѣ музея изъ предметовъ, могущихъ служить дѣлу изученія Толстого и его эпохи, имѣется въ виду устроить и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія имени великаго писателя, какъ-то: библіотеку, народную аудиторію, залъ для собраній дѣятелей литературы и искусства и проч. Но наряду съ этою главною задачею

уставъ нынѣ же разрѣшаетъ обществу предпринимать изслѣдованія значенія Толстого въ отношеніи историческомъ, художественномъ, нравственномъ и пр., а также поощрять подобныя изслѣдованія присужденіемъ за лучшія изъ нихъ премій, устраивать публичныя чтенія о Толстомъ и т. д.

Общество будетъ издавать бюллетени и „толстовскіе“ сборники.

Отъ существовавшаго до утвержденія общества временнаго комитета по устройству дома-музея Толстого въ Петербургѣ въ общество поступили собранные комитетомъ изъ пожертвованій многими лицами и дохода отъ устроенной комитетомъ толстовской выставки 4.000 руб. деньгами и нѣсколько сотъ предметовъ для музея (портреты Толстого, его культурныя изобрѣтенія, медали, альбомы, стереоскопы, корректуры, рукописи, письма, книги, сборники, журналы, газеты, листки, разныя вещи и т. д.). Между прочимъ, біографъ Толстого П. И. Бирюковъ пожертвовалъ обществу весь свой богатый „толстовскій“ архивъ.

Согласно § 3 устава, общество имѣетъ право открывать, по постановленію общаго собранія, повсемѣстно филіальныя отдѣленія.

Общество увѣрено въ горячей отзывчивости его начинанію со стороны всѣхъ слоевъ населенія нашего отечества, ибо дѣло идетъ о созданіи живого памятника славѣ и гордости русской литературы.

Лица, желающія вступить въ общество, благоволятъ присылать объ этомъ заявленія совѣту.

Членскій взносъ въ первый годъ 10 руб., въ послѣдующіе—5 руб.

Всякаго рода корреспонденцію просятъ направлять по адресу: Петербургъ. Императорское вольное экономическое общество (уголъ Забалканскаго проспекта и 4-й роты), для общества музея Толстого.

Пожертвованія на домъ-музей Толстого принимаются у всѣхъ членовъ общества, а также въ редакціяхъ петербургскихъ журналовъ „Русское Богатство“ (Баскова ул., 9), „Современный Міръ“ (Надеждинская, 41), „Вѣстникъ Европы“ (Моховая, 32) и газетъ „Рѣчь“ (улица Жуковскаго, 21) и „Современное Слово“ (улица Жуковскаго, 21). Въ Москвѣ — въ редакціи журнала „Русская Мысль“ (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., 2).

Предсѣдатель *Максимъ Ковалевскій.*

Секретарь *В. Богучарскій.*

II.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи такового на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль—Августъ, 1909.

Книга седьмая.—Іюль. стр.

Англійская гелиогравюра: А. П. Чеховъ.

Двѣ жизни.—VIII.—Окончаніе.—МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО 5

Цѣна крови.—Продолженіе „Расплаты“ и „Боя при Цусимѣ“.—X-XII. Окончаніе.—ВЛ. СЕМЕНОВА 24

Письма изъ Шлиссельбургской крѣпости.—XVI-XVIII.—НИКОЛАЯ МОРОЗОВА. 52

Царица-прислужница.—Новонайденная трагедія Еврипида.—I-VI.—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО 78

Страхованіе рабочихъ по правительственнымъ законопроектамъ.—Л. С. ЗАКА . 102

Раздѣлъ общинныхъ земель въ Германіи XVIII-го вѣка.—И. ЛУЧИЦКАГО. . 131

Старый монастырь.—Стих. П. С. СОЛОВЬЕВОЙ. 166

Въ поселкѣ.—Разсказъ.—Г. Т. СѢВЕРЦЕВА-ПОЛИЛОВА 167

Пляска смерти.—Стих. ВЛАД. КНЯЖНИНА 190

Первая смѣна.—I-IV.—С. А. ХОЛЩЕВНИКОВА 192

Крестъ на равнинѣ.—Романъ Клары Фибихъ.—„Das Kreuz im Venn“, Roman v. Clara Viebig.—Окончаніе.—Съ нѣм. О. Ч. 229

„Сказка о сказкѣ“ Сельмы Лагерлефъ.—Selma Lagerlöf, „En saga om en saga“.—Предисловіе и переводъ со шведскаго Л. Б. ХАВКИНОЙ 269

Канунъ земской реформы.—В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА 281

Конецъ „либеральной имперіи“.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 298

Хроника.—О сближеніи славянскихъ народовъ на почвѣ науки.—В. БЕХТЕРЕВА 314

Эволюція художественнаго творчества Н. В. Гоголя.—Рѣчь, сказанная при открытіи памятника Гоголю въ Москвѣ.—Д. БАГАЛѢЙ 321

Шевченко и новѣйшая украинская литература.—С. РУСОВОЙ 328

Памяти А. П. Чехова.—С. АДРІАНОВА 338

Новая и старая Турція.—Письмо изъ Константинополя.—БѢЛОРУССОВА. . 349

Дальній востокъ.—Японія, Китай, Корея.—В. КОРСАКОВА 363

Внутреннее Обозрѣніе. — Окончаніе второй сессіи третьей Государственной Думы. — Законопроектъ о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.—Попытки исказить или затемнить историческую истину.—Переходъ отъ чрезвычайной охраны къ усиленной. — Юбилей церковно-приходскихъ школъ. — Поразительная откровенность. — Коммиссія по финляндскимъ дѣламъ 370

Провинціальное Обозрѣніе.—И. В. ЖИЛКИНА 386

Изъ Художественной Хроники.—Ив. ЛАЗАРЕВСКАГО 395

Иностранное Обозрѣніе.—Свиданія монарховъ и тревожныя заботы о мирѣ.—Особое миролюбіе Вильгельма II.—Финансовые законопроекты и канцлерскій кризисъ въ Германіи.—Нѣмецкія либеральныя партіи и соціалъ-демократія.—Русскіе депутаты въ Англіи.—Англійскія дѣла. . . 403

Литературное Обозрѣніе. 417

Изъ Общественной Хроники.—Открытіе памятника импер. Александру III.—Отзывъ гр. Витте о системѣ парламентскихъ пожеланій.—Саратовскій университетъ, А. Н. Шварцъ, П. Н. Дурново и кн. Мещерскій.—Обученіе гимнастикѣ и строю въ народныхъ школахъ.—Новый взрывъ холеры въ Петербургѣ. — Н. Н. Миклашевскій, Ф. Ф. Мартенсъ и А. И. Сомовъ †. 437

Библіографическій Листокъ.

Книга восьмая. — Августъ.

	стр.
Англійская гелiогравюра: Л. Н. Толстой.	
Царица-прислужница.—Новонайденная трагедія Еврипида.—VII-XI.—Окончаніе.—Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО	449
Объективно-психологическій методъ въ примѣненіи къ изученію преступности.—В. БЕХТЕРЕВА	474
Поэзія Свинберна.—I-II.—Н. ВАСИЛЬЕВА	507
Первая смѣна.—V-X.—С. А. ХОЛЩЕВНИКОВА	524
Изъ Л. Марсолло.—Стих. ВЛ. ЛИХАЧОВА	574
Вліяніе состава земскихъ собраній на результаты земской дѣятельности.—I-VIII.—П. ЧИЖЕВСКАГО	575
Ненайденное.—I-XII.—С. КАРАСКЕВИЧА	594
Изъ Стэфена Филлипса.—Стих. Л. АНДРУСОНА	625
Письма И. С. Тургенева къ доктору И. Ѳ. Миницкому.—Сообщ. И. А. ЛИННИЧЕНКО	626
Девяносто дней въ одиночномъ заключеніи.—Изъ тюремныхъ замѣтокъ.—ВИКТОРА ОБНИНСКАГО	639
Новое теченіе въ американской беллетристикѣ.—П. А. ТВЕРСКОГО	671
Я убилъ!—Разсказъ Владислава Ст. Реймонта.—Съ польскаго Л. П.	679
Севальдусъ Рюмпель.—Разсказъ Георга Гиршфельда.—Съ нѣмец. Р. Л.	714
Споры о сущности марксизма.—Л. СЛОНИМСКАГО	731
Хроника.—Итоги ссылки.—Политическіе ссыльные въ Тобольской губерніи.—АН. ОРЛОВСКАГО	746
Два вопроса народнаго хозяйства.—I-II.—Н. А. КРЮКОВА	754
Провинціальное Обозрѣніе.—И. В. ЖИЛКИНА	760
Внутреннее Обозрѣніе.—Несбывшееся ожиданіе.—„Оппозиція Его Величества“ и оффиціозная печать.—Умѣренно-реакціонная программа.—Монашескій съѣздъ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ.—Съѣздъ издателей и книгопродавцевъ.—Пріостановка газеты „Слово“	770
Италія показная и Италія подлинная.—Письмо изъ Рима.—МИХ. ОСОРГИНА.	786
Письмо изъ Швейцаріи.—Н. В—Е—ЙЙ	800
Новый фазисъ женскаго движенія въ современной Англіи.—I-II.—Н. МИРОВИЧЪ	810
Критическіе наброски.—С. АДРІАНОВА	819
Иностранное Обозрѣніе.—Перемѣна канцлера въ Германіи.—Дѣятельность князя Бюлова и личный режимъ.—Министерскій кризисъ во Франціи.—Клемансо и Делькассе.—Кабинетъ Бріана.—Франко-русскій союзъ и тосты въ Шербургѣ.—Англо-русское сближеніе и свиданіе монарховъ въ Коусѣ.—Событія въ Персіи	829
Сравнительная исторія религій, какъ предметъ преподаванія.—МАКСИМА КОВАЛЕВСКАГО	843
Литературное Обозрѣніе	852
Изъ Общественной Хроники.—Одесскій студенческій процессъ.—Программное требованіе учредительнаго собранія, какъ признакъ преступности сообщества.—Эпизоды земскихъ выборовъ: забаллотированіе Д. Н. Шипова, избраніе В. І. Гурко и высылка И. Я. Быкова.—Трагедія въ селѣ Медвѣдь.—Почему закрылась газета „Слово“ и могла ли она пріобрѣсти успѣхъ?	870
Письмо въ редакцію.—С. ДУРЫЛИНА	883
Извѣщенія.—I-II	884
Объявленія	889
Библіографическій Листокъ.	

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ

М. М. Стасюлевича

(*Существуетъ съ 1872 г.*)

Спб. Вас. остр., 5 л. д. 28, собств.

Телефонъ № 208-30.

1-го іюля 1909 года выпущенъ **новый полный каталогъ** Склада (180 страницъ), въ которомъ впервые обозначены офиціальныя одобренія, рекомендаціи и допущенія со стороны всевозможныхъ вѣдомствъ, всѣ рекомендаціи самыхъ разнообразныхъ указателей лучшихъ книгъ для самообразованія, дѣтскаго чтенія и пр., а также рецензіи въ журналахъ и газетахъ. Такимъ образомъ каждому дѣлается ясно, съ какими изданіями онъ имѣетъ дѣло.

Изъ подсчета всѣхъ этихъ данныхъ видно, что изъ **892** вошедшихъ въ каталогъ основныхъ номеровъ

четверть (24%) названій одобрена, рекомендована и допущена различными вѣдомствами,

больше половины (53%) названій рекомендовано наиболѣе солидными и извѣстными программами для самообразованія и указателями лучшихъ книгъ и

больше трети (37%) названій лестно отмѣчено различными критиками, спеціалистами и библіографами.

Складъ обращаетъ вниманіе на **дѣтскій отдѣлъ** своего каталога. Въ развитіи этого отдѣла за послѣдніе годы Складомъ все время руководитъ одна основная мысль: дать, по содержанію, хорошую, умную и сердечную книгу для дѣтей всѣхъ возрастовъ, а по внѣшности—книгу вполнѣ здоровую для глазъ, съ крупными шрифтами, красивую и вмѣстѣ недорогую. По массѣ лестныхъ рекомендацій и отзывовъ видно, каково содержаніе этого пока еще не особенно значительнаго отдѣла.

Дополнительные каталоги будутъ выпущены Складомъ 1 сентября и 1 ноября 1909 года и 1 января, 1 марта и 1 мая 1910 года. Въ нихъ будутъ указаны всѣ книги, вновь выходящія въ свѣтъ, а также и всѣ печатающіяся въ типографіи М. М. Стасюлевича и поступающія въ ея Книжный Складъ.

Каталогъ высылается при полученіи 7 коп. марки.

ECOLE LIBRE
DES SCIENCES POLITIQUES

I.—Directeur: M. **Anatole Leroy-Beaulieu**, membre de l'Institut.

II.—COMITÉ DE PERFECTIONNEMENT.

MM. **Boulanger**, sénateur, ancien premier président de la Cour des Comptes; **Cambon**, ambassadeur; **Flourens**, ancien ministre; **Hanotaux**, de l'Académie française, ancien ministre; **Du Boüs**, ancien directeur des Affaires commerciales au ministère des Affaires étrangères; **Henry**, ambassadeur de France; **Georges Louis**, directeur des Affaires politiques et commerciales au ministère des Affaires étrangères; **Magnin**, vice-président du Sénat; **Nisard**, ambassadeur; **Pallain**, gouverneur de la Banque de France; **Ch. Laurent**, premier président de la Cour des Comptes; **A Ribot**, de l'Académie française, député, ancien président du Conseil des ministres.

III. — CORPS ENSEIGNANT.

MM. **Levasseur**, de l'Institut; **Lyon-Caen**, de l'Institut, doyen de la Faculté de Droit; **A. Esmein**, de l'Institut, prof. à la Faculté de Droit; **Renault**, de l'Institut, prof. à la Faculté de Droit; **Anatole Leroy-Beaulieu**, de l'Institut; **Albert Vandal**, de l'Académie française; **E. Bourgeois**, maitre de conférences à l'Ecole normale supérieure; **Charles Benoist**, député; **J. Flach**, prof. au Collège de France; **Romieu, Tardieu**, maitres des requêtes au Conseil d'Etat; **Levavasseur de Précourt**, maitre des requêtes honoraire au Conseil d'Etat; **Cheysson**, de l'Institut, inspecteur général honor. des Ponts et Chaussées; **De Foville**, de l'Institut, conseiller maitre à la Cour des Comptes; **René Stourm**, de l'Institut, anc. inspecteur des Finances; **Aug. Arnauné**, directeur de l'Administr. des Monnaies; **Boulanger**, conseiller référendaire à la Cour des Comptes; **Courtin, Plaffain**, inspecteurs des Finances, etc.

TABLEAU SOMMAIRE DES COURS:

Histoire parlementaire et législative de la France, de 1789 à 1875. — Histoire constitutionnelle de l'Europe et des Etats-Unis.—Histoire diplomatique de l'Europe, de 1713 à nos jours. — Histoire politique de l'Europe pendant les vingt dernières années.—Politique coloniale des Etats européens depuis 1783.—L'Amérique contemporaine: Etats-Unis d'Amérique, Canada, Amérique latine. — Questions politiques et économiques dans l'Asie Orientale. — Organisation et administration coloniales comparées.— Géographie et organisation militaires.— Géographie des possessions françaises.—Géographie et Ethnographie.—Géographie commerciale et statistique. — Droit des gens. — Droit international conventionnel.— Organisation et matières administratives en France et à l'étranger.—Législation algérienne et coloniale.—Droit musulman.—Législation des chemins de fer.—Economie politique, Economie sociale; Législation ouvrière. — Hygiène publique et grands travaux publics.—Finances françaises et étrangères.—La monnaie, le credit et le change. — Affaires de banque. — Politique commerciale des grandes puissances.

RENSEIGNEMENTS GÉNÉRAUX.

L'Enseignement de l'Ecole des Sciences politiques est le couronnement naturel de toute éducation libérale. Chacune de ses grandes divisions constitue en outre une préparation complète aux carrières d'Etat et aux examens ou concours qui en ouvrent l'entrée (Diplomatie, Conseil d'Etat, Cour des Comptes, Inspection des Finances, Inspection des Colonies), et à des postes d'initiative ou de controle dans les grandes entreprises privées.

Les élèves sont admis sans examens, avec l'agrément du Directeur et du Conseil de l'Ecole; ils n'ont à justifier d'aucun grade universitaire.

L'enseignement comprend un ensemble de cours répartis en deux années, mais la durée des études peut être étendue à trois ans. Un diplôme est délivré, en fin d'études, aux élèves qui ont subi avec succès les examens.

Inscription d'ensemble donnant entrée à tous les cours et conférences réguliers et complémentaires et à la Bibliothèque (environ 25.000 volumes et 160 revues et journaux français et étrangers). . . . . Par année: 350 fr.

S'adresser à l'école, 27, **Rue Saint-Guillaume, Paris.**

Журнальный зал
Московской обл. библиотеки

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Приамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземской организаціи. Приложеніе къ отчету общеземской организаціи за 1908 г. Москва, 1909. Ц. 2 рубля.

Немного найдется у насъ, да и на Западѣ, такихъ дѣятельныхъ и трудоспособныхъ учрежденій, какъ общеземская организація. Беретъ ли она на себя помощь голодающему, въ неурожайные годы, населенію, или устройство госпиталей въ Манчжуріи, во время русско-японской войны, или содѣйствіе переселенцамъ на Дальнемъ Востокѣ — вездѣ и всегда она работаетъ энергично и успѣшно. Ея отчеты всегда одинаково интересны и поучительны. Имена главныхъ дѣятелей ея, въ особенности предсѣдателя ея, кн. Г. Е. Львова, по праву займутъ почетное мѣсто въ исторіи русской общественной иниціативы. Чрезвычайно цѣннымъ представляется произведенное ею, подъ руководствомъ Т. И. Полнера, изслѣдованіе Приамурья — тѣмъ болѣе цѣннымъ, чѣмъ меньше сдѣлано до сихъ поръ для изученія этого края. Огромный томъ, въ девятьсотъ слишкомъ страницъ, даетъ подробный обзоръ прошедшей судьбы и настоящаго положенія Приамурья. Чтобы оцѣнить практическое значеніе этого труда, достаточно указать на массу свѣта, проливаемаго имъ на такіе важные вопросы, какъ настоящее и будущее желѣзныхъ дорогъ Китайской-Восточной и Амурской, какъ судьба переселенческаго движенія на Дальній Востокъ. Предполагалось первоначально, что области забайкальская, амурская и приморская могутъ принимать *ежегодно* до 240 тысячъ переселенцевъ — а по словамъ кн. Г. Е. Львова *вся* цифра переселенцевъ, могущихъ найти мѣсто на этой территоріи, не превышаетъ 400 тысячъ. Понятно, какъ тяжело ложится одинъ этотъ фактъ на вѣсы аргументовъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе аграрнаго вопроса. Новое изданіе общеземской организаціи должно сдѣлаться настольной книгой не только для изслѣдователей Сибири, но и для всѣхъ тѣхъ, кого интересуютъ судьбы русскаго крестьянства.

П. С. Троицкій. Церковь и государство въ Россіи. Москва, 1909. Ц. 1 руб. 25 коп.

Сочиненіе П. С. Троицкаго появилось въ свѣтъ весьма кстати: взаимныя отношенія церкви и государства играютъ существенно важную роль во всѣхъ вѣроисповѣдныхъ законопроектахъ, уже разсмотрѣнныхъ Государственною Думой и подлежащихъ еще ея разсмотрѣнію. Книга состоитъ изъ трехъ частей: *исторической*, дающей обзоръ византійской системы церковно-государственныхъ отношеній и примѣненія ея на русской почвѣ; *теоретической*, излагающей взгляды славянофиловъ, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, Ѳ. М. Достоевскаго, Н. М. Коркунова, К. П. Побѣдоносцева, Б. Н. Чичерина и наиболѣе извѣстныхъ русскихъ церковныхъ канонистовъ; *практической*, содержащей въ себѣ изложеніе и критику проектовъ, составленныхъ правительствомъ, предсоборной коммиссіей и партіей народной свободы. Авторъ становится на сторону послѣдняго изъ этихъ проектовъ, признающаго самостоятельность какъ церкви, такъ и государства. Церковь — таковъ заключительный выводъ г. Троицкаго — можетъ и должна разсчитывать на правовую охрану со стороны государства, но не на полицейскую его опеку.

В. Земцевъ. Къ вопросу о земскомъ самоуправленіи въ Прибалтійскомъ краѣ. Рига, 1909. Ц. 1 руб.

Книга г. Земцева заключаетъ въ себѣ весьма интересный разборъ различныхъ проектовъ, относящихся къ введенію въ Прибалтійскомъ краѣ земскихъ учрежденій и мелкой земской единицы. Многочисленныя предположенія по этому предмету, выработанныя разными комитетами и коммиссіями, были разсмотрѣны Особымъ Совѣщаніемъ при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ. Половина голосовъ въ Совѣщаніи принадлежала дворянамъ, къ которымъ, большею частью, присоединялись представители крупной буржуазіи. Это не могло не отразиться на рѣшеніяхъ Совѣщанія: крестьяне почти всегда оставались въ меньшинствѣ. Если въ основу земской и волостной реформы, которой такъ давно ожидаетъ остзейскій край, будутъ положены основанія, принятыя Совѣщаніемъ, это едва ли будетъ способствовать успокоенію и умиротворенію массы населенія. Мало того, что земство строится на куріальной системѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже худшей, чѣмъ дѣйствующая теперь въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ; мало того, что совершенно безъ представительства оставляются всѣ безземельные крестьяне, составляющіе въ Лифляндіи $^{9}/_{10}$ сельскаго крестьянскаго населенія: проектируется незнакомый нашему земскому положенію губернскій земскій комитетъ, какъ промежуточная инстанція между губернскимъ земскимъ собраніемъ и губ. земскою управою, а губ. земское собраніе предполагается созывать только разъ въ три года! Еще болѣе существенными недостатками страдаетъ проектъ волостной реформы: волость остается сословнымъ крестьянскимъ союзомъ и не ставится въ непосредственную связь съ земскими учрежденіями. Къ книгѣ г. Земцева приложены составленныя имъ основныя положенія организаціи мелкой земской единицы въ Прибалтійскомъ краѣ.

Третья Государственная Дума. Сессія вторая. Отчетъ фракціи народной свободы и рѣчи депутатовъ. Спб., 1909. Ц. 85 коп.

Это изданіе представляетъ значительный интересъ не для одной только партіи народной свободы, представителями которой служатъ въ Думѣ члены соотвѣтствующей фракціи. Роль, которую играютъ послѣдніе, настолько велика, что она бросаетъ свѣтъ на дѣятельность всей Думы. Несмотря на понесенныя ею потери, несмотря на законъ 3-го іюня, несмотря на формальныя ограниченія свободы избирателей, въ составѣ фракціи до сихъ поръ немало выдающихся ораторовъ, немало и дѣловыхъ людей, знатоковъ той или другой отрасли законодательства, той или другой стороны государственной и общественной жизни. Было бы жаль, еслибы лучшія изъ произнесенныхъ ими рѣчей затерялись въ газетныхъ листкахъ или потонули въ мало кѣмъ читаемыхъ стенографическихъ отчетахъ. Весьма полезны и краткіе обзоры преній по важнѣйшимъ вопросамъ, составляющіе первую часть изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ прежнихъ отдѣловъ, журналъ будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, періодическіе обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Мемуары и воспоминанія, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ время отъ времени сопровождаться снимками съ портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненными преимущественно англійской геліогравюрой Rembrandt Intaglio (всего предполагается до 20 снимковъ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣлъ	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28; въ Городской Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Заявленія о подпискѣ принимаются также по телефону:
въ Спб. № 74 — 51, въ Москвѣ № 57 — 86.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Пет. Стор., Кронверкская ул., 21.

ГОРОДСКАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Загородный просп., 14.